

Сфера Евразии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С.Л. Кузьмин

**Баргинский и харачинский
вопросы в истории Восточной Азии
(первая половина XX века)**

В двух томах

Ответственный редактор В.В. Грайворонский

**Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2021**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С.Л. Кузьмин

**Баргинский и харачинский
вопросы в истории Восточной Азии
(первая половина XX века)**

Ответственный редактор *В.В. Грайворонский*

Том 1

Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2021

УДК 94(5-11)"19/194"
ББК 63.3(55)6-454
К89

Серия «Сфера Евразии»

Редакторы: С.Л. Кузьмин, К.Г. Михайлов

- К89 **Кузьмин С.Л.**
Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века).
Т. 1. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. — 407 с.

Рассматриваются два слабоизученных аспекта истории Восточной Азии, связанные с национальным движением монголов в первой половине XX в.: изменения статуса Барги (Хулунбуира) после того, как она объявила о своей независимости в 1912 г. (известные как баргинский вопрос) и деятельность повстанцев из Внутренней Монголии в Барге и прилегающих районах (известная как харачинский вопрос). На основе большого объема архивных и опубликованных данных анализируются события, связанные с провозглашением независимости Барги, затем — ее вхождением в состав провозгласившей независимость Монголии, затем — коллизии, связанные с провозглашением и реализацией фактической автономии Барги, ее интеграцией в Китайскую республику, государство Маньчжурия (кит. Маньчжоу-го), КНР, а также деятельность отрядов монгольских повстанцев («харачинов») в Барге, государстве Монголия, Внутренней Монголии и Маньчжурии. Не имея возможности интегрироваться в государство Монголию, создать собственные независимые или автономные структуры, эти повстанцы примыкали к тем силам, которые выдвигали проекты, альтернативные республиканскому Китаю: к японцам, декларировавшим восстановление Цинской династии, к панмонголистам, декларировавшим создание объединенного монгольского государства, к барону Р.Ф. Унгерну, воевавшему с китайцами во Внешней Монголии. Показано, что панмонгольское движение было одним из проявлений панмонголизма как более широкого явления, имеющего многовековую историю. Участие внутренних монголов и баргинцев в панмонгольском движении, в боевых действиях в Забайкалье и Внешней Монголии на стороне белогвардейцев, в государственных структурах и армии государства Маньчжурия, превращение Барги в один из центров развития Народно-революционной партии Внутренней Монголии, восстание в Барге в 1928 г. и последующие попытки реализации автономии или реинтеграции Барги с МНР рассматриваются как проявления нерешенности обоих вопросов. В целом, баргинский и харачинский вопросы являются проявлением более широкой исторической проблемы — общего стремления монголов к государственному самоопределению на территориях, ранее подвластных империи Цин.

*Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Института востоковедения РАН*

Ответственный редактор В.В. Грайворонский

Рецензенты: К.В. Орлова, З. Лонжид

ISBN 978-5-907372-77-1
978-5-907372-78-8 (том 1)

© С.Л. Кузьмин, текст, подбор иллюстраций, 2021
© ООО «Товарищество научных изданий КМК», издание, 2021

Введение

Новая история монгольского мира давно исследуется. Вместе с тем, в ней остаются слабо изученные вопросы. В частности, это касается провозглашения и становления независимости Монголии в начале XX в. К этому времени правители почти всех монгольских земель находились в вассальной зависимости от империи Цин, одной из частей которой был захваченный маньчжурами Китай. Разные части раздробленной исторической Монголии подчинялись не Китаю, а цинским (маньчжурским) императорам, причем переход монголов в подданство последних начался еще до создания Цинской империи. Титул великого, или священного хана (Богдо-хана, императора), восходящий ко времени монгольской империи Юань, повелителю маньчжуров поднесли монголы¹.

Руководство империи Цин было обеспокоено экспансией иностранных держав, возрастающим влиянием России и Японии в Маньчжурии и Монголии. В начале XX в. для противодействия этому оно стало проводить «новую политику». В Монголии эта политика преследовала следующие цели: ослабить влияние России и Японии; ассимилировать монголов китайцами; заменить монгольский кочевой уклад на китайский крестьянский; сделать Монголию военным плацдармом; подавить сопротивление монголов². Это означало односторонний концептуальный пересмотр цинской политики и нарушение тех принципов, на основании которых монголы подчинялись маньчжурским императорам: сохранение монгольского традиционализма, недопущение китаизации монголов и заселения их земель китайцами. Следствием «новой политики» стали восстания, партизанские движения, рост разбоев во Внутренней Монголии, которую «новая политика» затронула раньше других монгольских земель.

В 1911 г. при поддержке Российской империи Монголия провозгласила независимость. 29 декабря 1911 г. глава буддийской церкви Внешней Монголии — Богдо-гэгэн Джебцундамба-хутухта VIII был интронизирован как Богдо-хан (великий хан) монголов. Он стремился объединить все монгольские земли в единое государство. В 1912 г. было заключено Русско-монгольское соглашение, признававшее Монголию независимой (в монгольском варианте) или автономией Китая (в русском). Крах империи Цин и провозглашение нового государства, теперь национального государства китайцев (ханьцев) — Китайской республики³ — дали новое основание для легитимации национального государства монголов. В Русско-монгольском соглашении был использован термин «Монголия», позволявший распространять этот термин как международно-правовой на всю историческую

¹ Подробнее см.: Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17; Кузьмин, 2016, с. 17–34.

² Батсайхан, 2007, с. 4.

³ Концепт «республики пяти рас» был разработан ханьскими националистами для присоединения к их национальному государству земель монголов, тибетцев и тюрков, которые никогда не входили в Китай.

Монголию. Дипломатия Японии, учитывая сферу ее влияния, предложила термин «Южная Маньчжурия», который включал бы восточную часть Внутренней Монголии. С тех пор в японской дипломатической практике стал использоваться термин Ман-Мо — Маньчжурия-Монголия. Позже, в 1913 г. японский дипломат М. Абэ писал в своем меморандуме, что для решения маньчжуро-монгольских проблем Японии надо усиливать свое влияние во внутренних районах Восточной Монголии¹. Впоследствии этот подход привел к созданию государства Маньчжурия (кит. Маньчжоу-го).

В начале 1912 г. Барга (Хулунбуир) — регион, прилегающий к Внешней Монголии с северо-востока и населенный монгольскими и тунгусо-маньчжурскими народностями — провозгласила независимость, а затем присоединилась к Монгольскому государству. Связанная секретными соглашениями о разделе сфер влияния с Японией, Россия не могла признать воссоединения Внешней Монголии с Внутренней Монголией и Баргой. Вместе с тем, в Русско-монгольском соглашении 1912 г. не обозначались границы Монгольского государства. В результате Барга, присоединившаяся к Монголии, могла трактоваться как ее часть под защитой России².

Россия имела серьезные интересы в Барге. Там проходила часть Китайско-восточной железной дороги (КВЖД). В этом богатом ресурсами и занимающем стратегическое положение регионе вели свою хозяйственную деятельность многие российские подданные. В связи с этим, Россия не осталась безучастной к судьбе Барги, стремилась к сохранению там стабильности. В 1915 г., после заключения тройственного Китайско-русско-монгольского Кяхтинского соглашения, зафиксировавшего автономию Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая, Россия заключила с Китаем отдельное соглашение по Барге, зафиксировавшее и ее особый (фактически, автономный) статус.

Такое решение позволило на несколько лет стабилизировать положение. Но затем Барга в силу своего геополитического положения стала ареной столкновений интересов различных политических и военных сил. Начало этим столкновениям положило так называемое харачинское движение — деятельность вооруженного отряда под командой Бавужава — одного из руководителей повстанцев из Внутренней Монголии. Он не признал Кяхтинское соглашение, отказался распустить свой отряд, и более года продолжал вести боевые действия против китайских войск во Внутренней Монголии и Барге.

После гибели Бавужава в 1916 г. его отряд продолжил борьбу и даже на короткое время захватил контроль над Баргой, включая ее столицу — Хайлар. После изгнания из Барги этот отряд раскололся на несколько групп. Часть их некоторое время продолжала боевые действия во Внутренней Монголии и Маньчжурии, другие перешли к мирной жизни или вступили в провинциальные маньчжурские войска. Позже многие из них служили в войсках панмонголистов, атамана Г.М. Семёнова, барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга, государства Маньчжурия.

¹ Incl. Nihon Gaiko Bunshyuo, 1913 (publ. 1964, doc. 830) — in: Nakami, 2012, p. 287–290.

² Штейнфельд, 1913, с. 24–25.

Здесь следует остановиться на вопросе унификации терминов, которые в документах, мемуарах и исследованиях по данной проблеме используются неоднозначно.

Состав отряда Бавужава вскоре после его гибели в российском дипломатическом документе кратко описан так: «Шайка разбойников, захвативших Хайлар и известных в общежитии под названием харачин, является ничем иным как сбродом праздношатающихся монгол, уроженцев всех хошунов Внешней и Внутренней Монголии, и китайцев-хунхузов. Собственно харачин в ней ничтожное количество»¹. Эпитет «шайка разбойников» для них широко распространен в документах того времени и стал обычным в публикациях. Но сами повстанцы считали себя не разбойниками, а борцами за освобождение монгольского народа. Ниже будет показано на документальной основе, что в целом это соответствует истине. Кроме того, эти повстанцы были более-менее организованы, декларировали политические цели, действовали в соответствии с ними, были переговороспособны. То, что предметы снабжения они брали у местного населения, было старой цинской практикой снабжения войск. Эта практика использовалась и в войсках Внешней Монголии, а также Китайской республики. В связи с этим, ниже я обозначаю повстанцев не как шайки или банды, а как отряды.

После гибели Бавужава его отряд пополнялся «бесприютным бродячим людом, включительно до хунхузов, ищущих легкой наживы. Поэтому движение повстанцев за последнее время превратилось в разбойничьи набеги с целью грабежа, хотя вдохновители его — японцы и стараются придать ему политическую окраску. Так, ими распускался слух, что в случае победы монархистов и восстановления династии Дайцинов к Монголии отойдут все три провинции Маньчжурии, что объединенные Монголия с Маньчжурией будут самостоятельными и будут процветать под покровительством Японии». Большинство отряда составляли монголы из хошунов Внутренней Монголии и Внешней Монголии, было много чахаров и уроженцев хошунов Бинту-вана и Дзасакту-вана (Джасакту-вана), в особенности народности харачинов, но временами почти весь командный состав отряда составляли японцы². К концу «харачинского движения», в сентябре 1917 г., большинство отряда составляли, по-видимому, монголы-харачины, но были также другие монголы (хорчины, чахары, тумэды), китайцы и др. — в основном, «подданные Китая»³. В российской дипломатической переписке все эти повстанцы именуются харачинами.

Такое обозначение неточно. Судя по российским документам, сами себя они называли не так, а «монголами», «монгольскими солдатами», «восставшими монголами». Подобные термины встречаются и в монгольских архивных документах. Термин «харачины», «харчины» для них использовали иностранцы, и лишь

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 237–237об. Аббревиатуры названий архивов см. в томе 2 данной книги, в разделе «Архивы».

² РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 29, л. 29–31.

³ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 39, л. 267–271.

с недавнего времени он используется в монгольской литературе¹. В связи с этим, ниже я обозначаю их как «монгольских повстанцев», а термин «харачины» использую лишь для обозначения монгольской народности, которая носит это название, а также при цитировании документов.

После того как атаман Г.М. Семёнов и барон Р.Ф. Унгерн стали формировать монгольский отряд в Забайкалье, в него вступили многие бывшие монгольские повстанцы. Они составили основу этого отряда. Но поступали и другие люди из Внутренней Монголии. Очевидно, особенно много было чахаров. Монгольских солдат Семёнова и Унгерна в эмигрантской прессе и мемуарах разные авторы называли харачинами, харчинами, харченами, хорчинами, чахарами. Здесь, как и в прежних «харачинских» отрядах, были представители разных народностей Внутренней Монголии. Согласно японским мемуарам, «состав монгольских войск в Даурии — это воины Бавужава»; там были люди родом из сеймов Джерим, Джоуда и Дзосоту Внутренней Монголии². Это говорит в пользу наличия харачинов, но в этих сеймах живут и другие монгольские народности. В связи с этим, ниже я обозначаю людей из этих отрядов как «внутренних монголов».

В дипломатической корреспонденции из Барги разные авторы называли ее коренных жителей в целом баргинцами, баргутами или монголами. Однако коренное население Барги — представители не только монгольской группы (барга-монголы, бурят-монголы и др.), но и тунгусо-маньчжурской (орочены, дауры и др.). Последних в ряде документов и публикаций тоже называют баргутами или монголами. Это не представляется точным. В связи с этим (за исключением цитат), для всего коренного населения Барги я использую термин «баргинцы», а для монгольских народностей Барги — «баргуты», или «барга-монголы». Это соответствует разделению баргутов и дауров в некоторых документах того времени³.

Понятия «баргинский вопрос» (реже — «баргутский вопрос») и «харачинский вопрос» впервые появляются в переписке российских дипломатов в Китае в 1912–1917 гг. Оттуда они перекочевали в научную литературу, но точно не определены. По контексту, баргинский вопрос — это вопрос о статусе Барги после того, как она объявила о своей независимости и присоединении к Монгольскому государству в 1912 г. Харачинский вопрос — это вопрос о деятельности повстанцев из Внутренней Монголии в Барге и прилежащих районах Маньчжурии. Я использую этот термин (при всей его неточности), поскольку он был введен российской дипломатией специально для обозначения данного явления и используется в отечественной историографии. Важно отметить, что фиксацией автономного статуса Барги и изгнанием из нее повстанческих отрядов оба этих вопроса решены не были. До середины XX в. Барга оставалась областью политической, военной и экономической конфронтации, а еще в 1920-х гг. «харачины» принимали активное участие в военных действиях.

¹ Напр., Мягмарсамбуу, 2003.

² Наками, 2000, с. 126.

³ Напр., РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 770, л. 101.

Историография по Барге (Хулунбуиру) достаточно обширна. Китайские публикации с обзором этого региона известны, по крайней мере, с XIX в.¹ В литературе преимущественно рассматриваются история² и экономика³ региона, его этнография⁴, религия⁵, культура⁶, современное положение⁷, жизнь там российских поселенцев и их потомков⁸, колонизация⁹, биография и деятельность героя борьбы за независимость Монголии — Манлай-Батора Ж. Дамдинсүрэн¹⁰, некоторых других известных баргинцев. В некоторых работах (Г. Мягмарсамбуу, К. Этвуда, Ж. Улзия и др.) содержатся детальные документальные сведения и библиография по истории Барги на основе монгольских, китайских и маньчжурских источников. Ряд документов по Барге и Бавужаву опубликован в Монголии¹¹. В КНР также вышел ряд обобщающих работ по истории Хулунбуира¹². Из публикаций более раннего периода надо отметить работы баргинского революционера Мэрсэ (Го Даофу, 1894 – после 1934), оставившего заметный след в истории Барги в 1920-х гг.¹³ В современной Монголии интерес к Барге достаточно высок. Там публикуются труды по ее истории, этнографии, современной жизни, проходят конференции, существуют интернет-ресурсы и т.д.

¹ Дэ Бао. Хулунбуирское фудутунство. Хайлар, 1898 (перев. с маньж.), АВПРФ, ф. РЯ, оп. 22, д. 1165, папка 201, л. 6–108; см. также: Мягмарсамбуу, 2009.

² Баранов, 1905, 1912, 1925, 1926; Штейнфельд, 1909; Боржимский, 1915; Меньшиков, 1917, 1918; Мещерский, 1920; Кормазов, 1925; Дылыков, 1953; Өлзий, 1996, 1999, 2009; Atwood, 2002; Гомбосүрэн, 2006; Тубшиннима, 2008; Миягашева, 2012а, б; Цыбенков, 2012, 2017б, 2018; Янагисава, 2012; Самсужун, 2013, 2014; Тарасов, 2013; Цолмон, 2016; Баргуты..., 2016; Мягмарсамбуу, 2003, 2006, 2009, 2017а, б, 2018а, в; Zhou, 2010; Hu Qiaohua, 2017; Цыбенков, Очилов, 2019.

³ Кормазов, 1926а, б, 1928а; Маншеев, Одбаяр, 2015, 2017; Маншеев, 2016. Материалы Кормазова (в т.ч. не опубликованные) использовал в своем обзоре Яшнов, 1928.

⁴ Janhunep, 1988; Рассадин, 1989; Нимаев, 1993, 2010; Гомбоев, 2011; Буяндэлгэр, 2012; Зориктуев, 2012, 2013, 2016, 2018, 2019а, б; Коновалов, Миягашева, 2012; Миягашева, 2012в; Намсараева, 2012; Парунин, 2012; Бадмаева, Нимаев, 2013; Цыбенков, 2015, 2017а, в; Бухоголова, 2015; Николаева, Энхбадрах, 2015, 2016; Ванчикова, Миягашева, 2017; Zikmundowa et al., 2019; Ли, 2020; Цыбенков, 2020.

⁵ Цыбенков, 2011; Гомбоев, 2012; Миягашева, 2012а, б, 2016, 2017а-в; Мягмарсамбуу, 2014; Menghedalai, 2014; Болхосоев, Чулуун, 2015, 2016, 2017а-в; Dumont, 2017; Хабдаева, 2018; Гомбоев, 2020.

⁶ Кормазов, 1928б; Hulunbeier minge, 1979; Миягашева, 2008; Баргын түүх, соёлын судалгаа, 2011; Маншеев, 2018; Сундуева, 2017; Мягмарсамбуу, 2018б.

⁷ Маньдула, Инь, 2013; Маньдула, 2015.

⁸ Кормазов, 1926б, 1929, 1930; Игауэ, Дмитриева, [1943] 2014; Тарасов, 2003, 2014а, б; Балмасов, 1913; Лян, 2014; Балдано, 2015; Аргудяева, 2006, 2016; Михалев, 2017; Глатоленкова, 2018; Пустовалов, 2018; Сергеев, 2018; Наземцева, 2018; Янков, 2018.

⁹ Яшнов, 1928; Ордынская, Козыренко, 2017 и др.

¹⁰ Жамсран, 1991, 1996; Манлай Баатар Дамдинсүрэн, 2011; Баргын түүх, соёлын судалгаа, 2011, с. 161-225; Мягмарсамбуу, 2006, 2018в.

¹¹ Напр., Монгол улсын дээд..., 2003; Монголчуудын нэгдсэн..., 2014а, б, в.

¹² См. обзор: Очилов, 2019.

¹³ Guo Daofu, 1923, 1929, 1930, 2012.

Даже из приведенного неполного списка публикаций видно, что история, культура и этнография Барги изучены в целом неплохо. В то же время, политическая история региона в первой половине XX в. изучена недостаточно. Ее события обсуждаются в ряде публикаций¹, в нескольких содержатся детальные сведения². В ряде исследований упоминаются события, связанные с харачинским вопросом³, но лишь несколько специально посвящены ему⁴. Они основаны на архивных источниках и литературе. Есть работы, полностью или частично посвященные основателю «харачинского движения» — Шударга-Батору Бавужаву⁵. Опубликованы отдельные документы по Барге, Бавужаву и харачинскому вопросу⁶. В целом, в монгольских работах Бавужав характеризуется как борец за независимость Монголии, в китайских — как прояпонский предатель⁷. В европейских работах он обозначается как бандит (в кавычках или без). Этот эпитет в некоторых западных работах адресуется и другим борцам за независимость Монголии — Тогтохо-тайджи, Баяр-гуну, Удай-вану; финансирование Бавужава в них иногда ложно приписывается российской дипломатии⁸. Такие трактовки можно объяснить недостаточным знанием фактов авторами или идеологической догматизацией.

Особую ценность представляют публикации документов и мемуаров о Бавужаве, в частности, воспоминания его сына Данжуржава (записаны в 1963 г.), интервью его дочери Мэн Хойжун (записано в 1978 г. в Хайларе), материалы архива Джоудаского сейма Внутренней Монголии и доклады государственного совета обороны Китая относительно Бавужава⁹. Изданные в КНР материалы весьма информативны, но идеологизированы. Важны также японские архивные материалы, особенно — содержащие информацию от японцев, контактировавших с войсками Бавужава и Р.Ф. Унгерна. Ряд японских, российских и монгольских архивных материалов о войске Бавужава детально проанализирован в работах Т. Наками¹⁰.

Документы о внутренних монголах («харачинах») в войсках Г.М. Семёнова и Р.Ф. Унгерна опубликованы ранее¹¹. Их деятельность в основном реконструирована

¹ Напр., Lattimore, 1930, 1932, 1935, 1936, 1951; Белов, 1993; Марсаржав, [1927] 1994; Bulag, 2002; Рубин, 2008; Танака, 2010; Сандаг, 2018; Batsaikhan et al., 2018; Кузьмин, 2020б, в.

² Климов, 1945; Atwood, 2002; Рубин, 2008 Urbansky, 2014; Цыбенков, 2017а, б; Дроботушенко, 2019б; Санжиева, 2019.

³ Напр., Jagchid, 1979, 1999.

⁴ Лу, 1979; Ариунсайхан, 1990; Ностаева, 2010; Кузьмин, 2018б, 2019а, б, в, 2020б, в; Nakami, 1999, 2018; Ulaantana, 2008.

⁵ Белов, 1995а; Nakami, 1999, 2012, 2018; Лонжид, Өлзий, 2002; Лу, 1979; Fan, 2001; Boyd, 2008, 2010; Ulaantana, 2008, 2011; Сергеев, 2011; Bao, 2011; Tachibana, 2011; Боржигин, 2012; Мягмарсамбуу, 2014; Кузьмин, 2020а, г.

⁶ Несколько томов сборника «Международные отношения в эпоху империализма» (1930-е гг.), «Российско-монгольское военное сотрудничество» (2008–2011 гг.) и некоторые другие.

⁷ См. Kim, 2014, p. 131.

⁸ Напр., Underdown, 1980, p. 111–114.

⁹ Лу, 1979.

¹⁰ Nakami, 1999, 2012, 2018.

¹¹ Барон Унгерн..., 2004; Легендарный барон..., 2005.

на¹. Однако среди довольно большого объема данных по Семёнову и Унгерну сравнительно мало касается служивших у них внутренних монголов. Прежде всего это мемуары современников, в основном, очевидцев². Важное значение имеют последующие публикации, основанные на документах и мемуарах³. Неплохо изучено панмонгольское движение, в котором активное участие принимали «харачины» и баргинцы⁴. Одним из важнейших аспектов его изучения является проблема идеологии панмонголистов и их связей с японцами.

Следует отметить, что термины «панмонгольское движение, панмонгольское правительство, панмонголисты» и т.п. производные от «панмонголизма» являются искусственным нововведением. Эти термины не использовали ни участники этого движения, ни российские белые дипломаты — очевидцы событий. Вместо этих терминов они писали «Монгольское государство, вновь образованное Монгольское государство, Общемонгольское государство, временное правительство, даурское правительство, монголы» и т.п. Тем не менее, производные от «панмонголизма» прочно вошли в научный оборот. Лишь поэтому я использую их — так же, как термин «харачинский вопрос».

По всем рассматриваемым проблемам публиковались статьи в некоторых газетах и обзорах печати того времени, прежде всего, выходивших в Забайкалье и Маньчжурии (их перечень приводится в конце тома 2 данной книги). Некоторые из этих газет имели своих корреспондентов в Барге. Полезные материалы содержатся в газетных публикациях, в том числе — в китайских и в российских в Маньчжурии. До 1917 г. материалы по Барге из российских и китайских газет в Маньчжурии тщательно собирались российскими дипломатами. В значительной мере они представлены в фондах АВПРИ.

Приведенный краткий обзор публикаций показывает, что баргинский и харачинский вопросы изучены гораздо хуже, чем многие другие аспекты истории и культуры Барги. Архивные материалы по обоим вопросам введены в научный оборот в очень небольшом объеме.

Тем не менее, довольно обширные, но в основном не введенные в научный оборот документы по данной проблеме имеются в архивах России (прежде всего, АВПРИ, АВПРФ, РГВИА, РГВА; также РГАСПИ, РГИА, ГАРФ, ЦАФСБ). Детальные данные есть в РГВИА (прежде всего, это «Разведки штаба Заамурского

¹ Кузьмин, 2011, 2013, 2019г; Кузьмин и др., 2011–2012.

² Голубев, 1926; Магсаржав, [1927] 1994; Семенов, [1938] 2002; Макеев, [1934] 2004; Князев, [1942] 2004; Торновский, [1942] 2004; Каллиников, 1929; Чойбалсан, 1952; С интернациональной..., 1970.

³ Цибилов, 1947; Белов, 1999, 2003; Наками, 2000; Коростовец, 2004; Касаточкин, 2014а, б, 2016.

⁴ Шулунов, 1934; Гирченко, 1940; Базаров, Шагдуров, 1993; Белов, 1995б; Юзефович, 1996; Bulag, Humphrey, 1996; Курас, Бабаков, 1997; Ринчино, 1998; Чимитдоржиев, 2000; Жамаганова, 2000; Жабоева, 2000; Кузьмин, Свинин, 2001; Базаров, 2002, 2016; Дьяченко, 2002; Батбаяр, 2002; Энхбат, 2002; Халудоров, 2005; Отрошенко, 2006, 2008, 2011; Курас, 2010, 2011, 2017; Ариунболд, 2012; Футаки, 2012; Касаточкин, 2014а; Рубанов, 2014; Саблин, 2014; Кузьмин, 2015; Балдано, Варнавский, 2017; Дроботушенко, 2019а; Кургузов, 2020.

округа Отдельного корпуса Пограничной стражи», печатавшиеся в Харбине) и АВПРИ (прежде всего, фонд [Вице-]консульство в Хайларе, откуда вице-консул П.К. Усатый¹ регулярно посылал донесения о текущей обстановке, в том числе по личным наблюдениям).

После обеих революций 1917 г. в России российские дипломатические учреждения в Китае несколько лет продолжали работать, ориентируясь на белые правительства. В их документах сохранились детальные донесения о положении в Барге и о монгольских повстанцах. В частности, в АВПРИ сохранилась копия отчета 1-го секретаря российской миссии в Пекине В.В. Граве о его командировке в Хайлар «в связи с нашествием на Баргу шайки харачин» в июне–августе 1917 г.² Важные сведения об отношениях монгольских повстанцев с властями Хэйлунцзянской провинции есть в разведывательных сводках российского консульства в Цицикаре, которые подписывал консул С.В. Афанасьев.

В 1920 г. Китай перестал признавать дореволюционные российские дипломатические учреждения на своей территории. Период от закрытия российских белых представительств в Китае в 1920 г. до открытия советских консульств — это перерыв в дипломатических донесениях из Барги. Затем туда прибыли уже советские представители, задачей которых стало установление контроля за КВЖД и россиянами, выдача им советских документов. Внешнеполитическая деятельность их сводилась в основном к контактам с китайскими властями. Столь тесные контакты с баргинцами и внутренними монголами, как были у прежних российских дипломатов, так и не были установлены. В марте 1922 г. в г. Маньчжурия появился уполномоченный ДВР, затем — консул СССР Б.А. Похвалинский. В 1926 г. он стал уже врид. зав. Отделом Дальнего Востока. 11 февраля 1925 г. консульство в г. Маньчжурия принял бывший референт НКВД по делам Дальнего Востока И.М. Гейцман³. Он проработал консулом до 1928 г. В своих донесениях он отмечал, что, впервые столкнувшись с вопросом о Барге в 1925 г., стал его изучать. В нескольких материалах Гейцмана содержатся довольно большие и важные материалы о положении в Барге на основании его собственных поездок в Хайлар.

С 1924 г. шла подготовка к открытию советского консульства в Хайларе. В 1926 г. оно было открыто, 1 мая над ним торжественно подняли советский флаг. Консулом стал М.И. Юлин⁴, проработавший там до 1928 г. В то время это было

¹ П.К. Усатый был назначен студентом русской миссии в Пекине в 1904 г. с дальнейшим продвижением по службе. Не позднее января 1912 г. — чиновник МИД в Хайларе. После решения Совета министров от 11 сентября 1912 г. об учреждении вице-консульства в Хайларе — вице-консул там до закрытия российских дипломатических учреждений в Китае 1 января 1921 г. (последние депешы Усатого из Хайлара датированы 1920 г.). Надворный советник (1917 г.). Кавалер ордена Св. Станислава 2-й степени. После закрытия вице-консульства — в эмиграции в Китае. Умер в Харбине 6 или 7 августа 1927 г. Ему мы обязаны самыми обширными материалами о положении в Барге в начале XX в.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, Архив В.В. Граве по командировке в Хулунбуир в связи с «харачинским движением».

³ АВПРФ, ф. РК, оп. 9, д. 46, п. 120, л. 24.

⁴ АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 2.

единственное иностранное консульство в Хайларе. Юлин был недоволен, что Гейцман, по его мнению, нарушает консульскую дисциплину и приглашает к себе в г. Маньчжурия местные власти, находящиеся в Хайларе¹.

В ведение советских дипломатов перешел архив бывшего российского вице-консульства в Хайларе: «Препровождаем материалы, касающиеся передачи царского архива н/консульству в Хайларе. По ознакомлении просьба вернуть»². «Относительно архивных материалов б. вице-консульства в Хайларе сообщая, что без описи этих материалов невозможно судить ни о пересылке их, ни о хранении. Но ввиду того, что в судебных делах могут быть нотариальные акты, следует дела эти сохранить»³. Архив находился под наблюдением секретаря консульства. Из консула и секретаря первоначально и состоял весь штат консульства⁴. После М.И. Юлина консулом в Хайлар был назначен Н.И. Аникин и проработал там около года.

В отличие от донесений Усатого и Гейцмана, в донесениях советских консулов в Хайларе в 1920-х гг. основное внимание уделяется не положению Барги и действиям баргинцев и китайцев, а деталям банкетов и приемов в честь советских консульских представителей, динамике выдачи советских документов, статистике посетителей консульства и реэвакуации белых, красной пропаганде, закреплению флага 7 ноября и т.п. Вместе с тем, в связи с вовлеченностью Коминтерна в вопрос о восстании в Барге в 1928 г., на эту тему сохранились важные архивные материалы⁵. Ряд документов по положению в МНР и Барге в 1920–1930-х гг. имеется в архивах ФСБ⁶.

В монгольских архивах содержатся важные материалы о Бавужаве, «харачинском движении» и положении в Барге в тот период⁷. В частности, это министерские копии писем и других документов, касающихся Бавужава, переписанные на линованной красным бумаге и заверенные печатями монгольских министерств. Имеются также материалы о внутренних монголах, белогвардейцах, взаимодействии Монгольской народно-революционной партии (МНРП) с Народно-революционной партией Внутренней Монголии (НРПВМ) и баргинскими революционерами в 1920–1930-х гг.

В японских архивах (МИД и Министерства обороны) есть ценные материалы о Бавужаве и контактах японцев с монгольскими повстанцами⁸. В США в Гув-

¹ АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 198–217.

² Служебная записка зав. Отд. Д. Востока Мельникова и референта Вольфовича Гайлюнскому в ЭПО, консульский II отдел наркомата по иностранным делам от 3 июля 1926 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 26.

³ Служебная записка зав. Общим отделом архива НКВД Е. Адамова в наркомат по иностранным делам от 5 августа 1926 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 28.

⁴ АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 78–92.

⁵ АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1.

⁶ Частично опубликованы: Монголия в документах..., 2019.

⁷ МУУТА, ф. А2–А7, где А — автономит, т.е. автономная Монголия. Ряд материалов есть в ТХА и БХТА.

⁸ JASAR, A04018113300, p. 1258–1262; B03050693500, B03050693600, B03050693700, Reel 1-0927.

ровском институте есть отдельные сведения о внутренних монголах в отрядах Унгерна и Семенова¹. В архиве ЦРУ есть несколько донесений о положении в Барге во второй половине 1940-х гг. В архивах КНР имеются важные документы по баргинскому и харачинскому вопросам. Использование их связано с известными трудностями. Кроме цитированных выше, в свое время там вышел важный сборник документов из этих архивов², а некоторые другие документы использовались в ряде публикаций на китайском языке.

В целом, большая часть архивных материалов по баргинскому и харачинскому вопросам не введена в научный оборот, имеющиеся публикации носят фрагментарный характер. По архивным документам и публикациям я постарался проанализировать максимально возможный объем материалов и сделать реконструкцию деятельности Шударга-Батора Бавужава, а также как бы «хронологический срез» событий, связанных с баргинским и харачинским вопросами с начала по середину XX в. Это позволило проследить эволюцию обоих вопросов от их возникновения до закрытия. Именно эти два вопроса, а не история Барги и харачинов как таковая составляют предмет данного исследования.

Монгольские, китайские и японские слова ниже транскрибируются согласно тому, как принято в современной русскоязычной литературе. Двойные гласные в монгольских словах заменены одной. Соответственно, имя зачинателя «харачинского движения» (Бавуужав) передается как Бавужав. В такой транскрипции приведены, по возможности, монгольские имена в указателе (другие транскрипции, в том числе ошибочные из документов, приведены в скобках). Как и в других моих публикациях, даты из российских документов до 1918 г. даны так, как они приводятся в оригинале — без пересчета с юлианского календаря на григорианский, то есть со старого стиля в новый (в некоторых документах неясно, каким календарем они датированы). В случаях, если в документах даны две даты — через косую черту или в скобках — это означает, что первая дата дана по юлианскому календарю (ст.ст.), а вторая — по григорианскому (н.ст.). В этих случаях приводятся обе даты. В XX в. для пересчета со старого стиля на новый надо прибавить 13 дней. Все вычисленные даты, в том числе с восточных календарей, даны по григорианскому календарю. Имена и названия географических пунктов вне цитат даны в кавычках в тех случаях, когда они приведены в оригинале в ошибочных написаниях.

В случае использования переизданий мемуаров в скобках дается год первого издания, затем — год цитируемого переиздания и номера страниц из этого переиздания. В квадратных скобках внутри цитат даны мои комментарии.

¹ Публикации: Барон Унгерн в документах..., 2004; Легендарный барон..., 2004.

² Lu, 1979.

Благодарности

Переводы с монгольского языка делали Ж. Оюунчимэг и О. Батсайхан; с китайского — Н.В. Руденко, М.Л. Лепнева и С.В. Дмитриев; с японского — Е.С. Лепехова, О. Цогту и С.А. Полхов; важную помощь в работе в МУУТА оказали С. Энхбаатар, Т. Сайнжаргал и Н. Цэцэгмаа; архивные материалы из Института истории и этнологии АН Монголии предоставили С. Чулуун и Н. Хишигт; материалы из Монгольского исторического музея — Д. Бумаа; материалы из японских архивов — О. Цогту; материалы из Буддийского центра исследований монастыря Гандантегченлин — Н. Амгалан-лама; информацию по Э.П. Нудатову — К.Ю. Бурмистров; ряд консультаций я получил от ламы Осера Ринпоче XV и С.В. Дмитриева. Всем им я приношу свою искреннюю благодарность.

Глава 1

Исторические изменения статуса Барги

Краткий очерк истории Барги. Предпосылки и возникновение баргинского вопроса

Барга, или Хулунбуир (по названиям больших озер Хулун-нур, или Далай-нор, и Буир-нур) — территория на северо-востоке исторической Монголии, с 2010 г. — муниципальный округ автономного района Внутренняя Монголия, находящегося в составе КНР. Эта территория граничит с Монголией (на западе и юге) и Россией (на севере и западе). С востока проходит хр. Большой Хинган, отроги которого в западном направлении становятся все более сглаженными и переходят в плоскогорье. В Хингане берет начало большинство рек Барги. Основные реки — Халх-гол (Халхин-гол), Аршан, Хайлар (веровья Аргуни), Ган, Дербул, Келари, Керулен. Барга в основном представляет плоскогорье, покрытое степями. Для горной восточной части характерны также леса. Основные озера — Далай-нор и Буир-нор (Буир-нур).

Различные племена проживали в данном регионе с глубокой древности. Этноним «барга, баргу» связывают с этносом байырку на севере Монголии и юге Забайкалья, в V–IX вв. н.э. входившим в состав Тюркского и Уйгурского каганатов. Так, байырку указаны на обелиске, воздвигнутом в долине р. Орхон в 731 г. Кюльтегином — ханом Тюркского каганата. В VI–VIII вв. байырку жили по рекам Тола, Онон, западнее Хингана, озер Буир-нур и Далай-нор¹. Вместе с тем, существует лингвистическая аргументация, показывающая безосновательность отождествления этнонима байырку с баргу как разновременных фонетических форм одного слова². Есть предположение, что баргу — синоним племенной общности курыкан, производимой от тюркского слово «баргу» — добыча; он означает добытую (завоеванную) курыкан территорию. В современном монгольском языке «барга» означает «грубый, неотесанный»³. В эпоху кидань-монгольской империи Ляо (X–XI вв.) племя перекочевало в Забайкалье⁴. К этому времени относится формирование баргутов как этноса. В документах китайской империи Тан эту группу называли ба-е-гу, в документах монгольской империи Юань — баэргу чжэнь («люди Барги»)⁵.

¹ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 18–19.

² Нанзатов, Тишин, 2020, с. 168–189.

³ Нанзатов, 2011, с. 142–144.

⁴ Гомбоев, 2011, с. 41.

⁵ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 18–19.

Эта территория вошла в Монгольскую империю во времена Чингис-хана. В период междоусобиц после распада Монгольской империи (XIV–XVII вв.) происходили частые миграции монгольских племен. Сун Сяолян, составивший в 1908 г. описание Барги, сообщал, что к XVII в. регион представлял собой не подчинявшийся никакому центру конгломерат уделов, по которым кочевали разные племена¹. При этом некоторые из них — дауры и дербет-монголы — в своих преданиях называют степи Хулунбуира своей родиной. В XVII в., в связи с конфликтами с русскими казаками в Приамурье, многие кочевые народности из Барги откочевали вглубь континента в сторону от границы².

Часть баргутов переместилась на восток — в область между р. Аргунь и хр. Большой Хинган, где они стали подданными конфедерации солонов (маньчжуроязычных дауров и эвенков), а позже значительная их часть вернулась в район рек Уда и Нерча, где от них стали требовать дани эвенки и халха-монголы. В XVII в. некоторые из них стали данниками России, другие — халхаских Цэцэн-ханов (Сэцэн-ханов). В это же время в Барге стали селиться русские. Особенно много их поселилось там в XIX в. В результате войн маньчжуров с русскими казаками в XVII в. баргуты, жившие к востоку от р. Шилка, были переселены вместе с солонями в Маньчжурию. Согласно разграничению 1689 г. по Нерчинскому договору между Россией и империей Цин, территория Барги отошла к последней³.

В 1727 г. переселенные в Маньчжурию баргуты вернулись из-под Цицикара в Хулунбуир. В том же году была демаркирована российско-цинская граница. Баргутский дзангин⁴ Шилдэй — родственник бурятского дзайсана Болтиргын Шода (Шодо Болториков) попытался вернуться в Забайкалье, был задержан на границе русским караулом, передан маньчжурам и казнен ими. После этого маньчжуры передали нескольких баргутских предводителей в ведение феодалов Цэцэнханского аймака Халхи. В 1730 г. несколько тысяч баргутов бежали оттуда в Россию⁵.

В 1732 г. Хулунбуир был подробно исследован по поручению цицикарского цзяньцзюня (генерал-губернатора), и началось его целенаправленное заселение. В том же году туда было переселено 1635 солонских и 275 баргутских солдат с семьями, к ним добавили 730 дауров и 350 ороченов по их просьбе (без семей). Отбор солдат был поручен солону Дабаха и баргуту Балбунчэ. Главное командование войсками в Барге было возложено на последнего; он получил от цинского императора печать. Вскоре было заложено селение Хайлар⁶.

¹ Баранов, 1925, с. 17.

² Намсараева, 2012, с. 157.

³ Материалы Экономического бюро КВЖД о Барге на 28 июля 1926 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, папка 117, д. 35, л. 2–107.

⁴ Дзангин (монг. занги) — командир подразделения.

⁵ Материалы Экономического бюро КВЖД о Барге на 28 июля 1926 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, папка 117, д. 35, л. 2–107; Цолмон, 2016, с. 25. О бегстве баргутов в Россию см.: Нацагдорж, 2012, с. 206–225.

⁶ Баранов, 1925, с. 23–25; Atwood, 2004, p. 34–35, 61, 226–227; Единархова, Николаева, 2009, с. 29–52.

«Город Хайлар обязан своим возникновением русско-китайскому Кяхтинскому договору 1727 г., завершившему разграничение пределов двух империй “по Аргуни”. Ведь согласно букве предыдущего Нерчинского 1689 г. договора, левый берег этой реки от истоков до устья признавался владением России, а истоком Аргуни является, как известно, р. Хайлар, берущая свое начало в Большом Хинганском хребте... На этом основании весь северо-запад современной Маньчжурии вплоть до Большого Хингана Россия совершенно правомерно считала собственной территорией и осуществляла на ней географические экспедиции (например, экспедицию Мессершмидта по окрестностям оз. Далай-нор и др.), не встречая здесь никаких признаков присутствия маньчжуро-цинских чиновников и войск. Но по Кяхтинскому договору ради добрых и мирных отношений со своим соседом Россия, проводя границу между двумя государствами в Монголии, уступила территорию Барги Цинской империи. Вот тогда-то для того, чтобы обозначить на этих землях свое присутствие, маньчжуро-цинское правительство и поспешило заложить здесь крепостцу Хайлар»¹.

В 1734–1735 гг. 2400 баргутов Цэцэнханского аймака Халхи пожаловались цинским властям на плохое обращение с ними халхаских феодалов. Их переселили в Хулунбуир. Но 530 баргутов (150 семей) остались жить в Цэцэнханском аймаке. Вернувшиеся были родственные баргутам хори-буряты. Они стали называться новыми баргутами (монг. шинэ барга) и образовали восемь хошунов Новой Барги к востоку от хошунов солонов и старых баргутов. Старыми баргутами (монг. хуучин барга) или чипчинами стали называть тех баргутов, которые в свое время приняли маньчжурское подданство и, вернувшись из района Цицикара (см. выше), были поселены на запад вдоль Большого Хингана в степи Хулунбуир как часть солонских (даурских и эвенкийских) хошунов и не уходили из Барги. Из них сформировали затем два хошуна для несения караульной службы. Их местопребывание стали называть Старая Барга. Кроме того, в Баргу переселились монголы-олёты (выходцы из Западной Монголии) и орочены для охраны границы с Россией. В 1757 г. в Баргу прибыли новые переселенцы-олёты, которых поселили вместе с прежде прибывшими².

Маньчжурские власти использовали административную систему «восьми знамен» для управления войсками и народом. 300 воинов составляли 1 нюру (ниру), 5 нюру — 1 чалэ, 5 чалэ — 1 гусай, 2 гусай — 1 «знамя». Командир нюру как войсковой единицы управлял территорией нюру, на которой жили воины его клана с семьями. В результате завоеваний, присоединений, миграций и т.д. создавались новые нюру, которые включались в одно из «знамен». Вместе с тем, нюру была также административно-территориальной единицей, которую возглавлял командир живших там воинов. В Монголии, включая Баргу, главной административно-территориальной единицей было «знамя» — хошун (монг. хошуу). Однако, в отличие от Внешней Монголии, где хошуны возглавляли удельные феодалы —

¹ Мелихов, 2003, с. 37.

² Баранов, 1925, с. 23–25; Atwood, 2004, p. 34–35, 61, 226–227; Цыбенков, 2011, с. 15; Цолмон, 2016, с. 25; Миягашева, 2017а, с. 65; Зориктуев, 2019а, с. 21–31.

дзасаки, в Барге их возглавляли местные чиновники. В случае войны хошуны должны были выставлять то или иное число солдат. «Восьмизнаменные» войска различались по цвету своих знамен (штанدارтов).

После того как баргуты в 1734 г. прибыли в Хулунбуир, они образовали 2 хошуна. К тому времени в Барге уже было 6 хошунов солонов. Все 8 хошунов были разделены на 2 крыла: западное и восточное¹. Ко времени провозглашения независимости Барги хошунов там было уже 17: 8 хошунов солонов и старо-баргутов, 1 — олётов и 8 — ново-баргутов.

Хошуны назывались по цветам присвоенных им знамен (штандартов). Старая Барга: Хувут-Шар (монг. Хөвөөт шар хошуу — Желтое с каймой знамя), Гул-Цаган (Гүл цагаан хошуу — Сплошное белое знамя), Хувут-Цаган (монг. Хөвөөт цагаан хошуу — Белое с каймой знамя), Гул-Хух (Гүл хөх хошуу — Сплошное синее знамя), Гул-Шар (Гүл шар хошуу — Сплошное желтое знамя), Гул-Улан (Гүл улаан хошуу — Сплошное красное знамя), Хувут-Улан (Хөвөөт улаан хошуу — Красное с каймой знамя), Хувут-Хух (Хөвөөт хөх хошуу — Синее с каймой знамя). Новая Барга: Хувут-Шар, Гул-Цаган, Хувут-Цаган, Гул-Хух, Гул-Шар, Гул-Улан, Хувут-Улан, Хувут-Хух. Хошун олётов (числился отдельно от Старой и Новой Барги): Хувут-Шар². Таким образом, несколько хошунов имели одно и то же название. Некоторые из этих названий были и у хошунов в других частях Монголии, например, в Чахаре. Такие названия означали лишь распределение хошунов в рамках маньчжурской «знаменной» системы.

Надо отметить, что в названиях «знамен» «Сплошное» («Одноцветное») в монгольских материалах передается как словом «Гүл», так и словом «Шулуун». В русских переводах монгольских текстов даются без переводов в названиях хошунов и «Гүл», и «Шулуун», а иногда даются полные переводы (см. выше). Так что для названия одного и того же хошуна можно встретить, например, написания «хошун Гул-Шар, хошун Шулуун-Шар, Одноцветное (Сплошное) желтое знамя».

Новая и Старая Барга были разделены на «правое» и «левое» крылья каждая. «Крылом» управлял ухэрида (угурда) — правитель, имевший права дзасака. Он подчинялся главе Барги — амбаню (цинскому резиденту). Ко времени провозглашения независимости (1912 г.) ухэрид было пять: 1 — для управления хошуном олётов; 1 — для управления двумя хошунами чипчинов и двумя хошунами солонов Старой Барги; 1 — для управления четырьмя хошунами солонов Старой Барги; 2 — для управления восемью монголо-бурятскими хошунами Новой Барги (каждый — по 4 хошуна). Помощником ухэриды по управлению хошуном был ильхида (игильда, гольда). Этой должности не было только в хошуне олётов. Остальные хошуны были распределены между 8 ихильдами, каждый из которых управлял 2 хошунами по 3 сомона. Поэтому в случае войны ильхида становился командиром шестисотенного полка³.

¹ Suveng, 2002, с. 15–16 — в статье: Миягашева, 2012б, с. 210.

² Баранов, 1912, с. 32–33; Боржимский, 1915, с. 16–17.

³ Баранов, 1912, с. 31–32; Боржимский, 1915, с. 15.

В прошлом основными этническими группами в Барге были монголы и народности тунгусо-маньчжурской группы. В современном Хулунбуири власти КНР насчитывают 38 «местных» национальностей. Однако в основном они появились там в результате переселенческой политики цинских властей в течение XVIII в., создавшей искусственный конгломерат народностей¹.

Административное устройство Барги было учреждено императорскими указами от 10-го и 12-го годов правления Юнчжэна (1733 и 1755 гг.), затем — «Лифаньюань цзэли» и аналогичным уложением в 21-м году правления Цзяцина (1818 г.)². В 1734 г. по указу императора Юнчжэна была проведена демаркация границы Барги с Цэцэнханским аймаком Халхи. По ней установили 16 обо из камней, нарисовали карту. На этих обо были установлены дощечки с двух сторон, на которых были монгольская и маньчжурская надписи. Позже раз в 10 лет джанжин (монголизир. от цзяньцзюнь) Хэйлунцзянской (Цицикарской) пров. и сайд (министр, сановник) Их-хурэ — столицы Халхи — назначали чиновников, которые проверяли границу, ремонтировали обо, обновляли дощечки. Караульные при обходах границы добавляли новые камни на обо³.

Обязанности населения Барги сводились к несению военной службы в знаменных войсках (с отбыванием ежегодных учебных сборов в Хайларе), содержанию в надлежащем состоянии почтовых трактов из Хайлара в Цицикар и из Хайлара в Ургу, несении полицейской службы, организации 12 пограничных караулов на границе с Россией, что и было сделано в период с 1727 до 1734 г.⁴ После восстановления ихэтуаней («боксеров») 1898–1901 гг. баргинские караулы были сняты и возобновлены лишь в 1904 г., причем в 1906 г. баргуты на них были заменены китайцами. Примерно тогда же было открыто еще 11 караулов с китайскими войсками севернее р. Келари. В 1908 г. хулунбуирский фудутун Сун Сяолян приказал учредить главный караул Чжургэн (Чжуэрганьхэ), в ведение которого вошли 10 пограничных караулов на севере Барги⁵.

Цинское правительство рассматривало Баргу в административно-территориальном отношении как особую единицу, от которой одинаково были обособлены соседние цинские территории — Хэйлунцзянская пров. и Халха: западная граница Хэйлунцзянской пров. на всех старых цинских картах показана по Хингану, за которым лежит Барга⁶. В детальном историческом очерке о Хулунбуири от 2 марта 1914 г. российский вице-консул в Хайларе П.К. Усатый отмечал, что, согласно Уложению Палаты внешних сношений, Хулунбуир в цинское время «находился в таком же отношении к Китаю, как и княжества Внутренней Монголии, которой ведала та же 1-я экспедиция Палаты, какая ведала и Хулунбуиром»⁷.

¹ Намсараева, 2012, с. 157, 162.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 386, л. 1–4.

³ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 31–34.

⁴ Дудин, 2020б, т. 1, с. 222.

⁵ Меньшиков, 1917, с. 40.

⁶ Баранов, 1925, с. 23–25.

⁷ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 385, л. 65–78; ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 139–144.

По старому порядку, все чиновники Барги назначались из местных жителей цицикарским цзяньцзюнем и утверждались императорской властью. Амбань — главный ухэрида — с 8-го года правления императора Гуансюя назначался непосредственно императором из маньчжуров, солонов, дауров, но не из местных жителей, и никогда — из китайцев, так как Барга имела знаменное устройство. Такой порядок существовал до 1909 г., когда должность главы Барги назначен был исполнять китаец Сун Сяолян. Доходов в 1913 г. собирали ок. 3000 лан, из которых 1200 отправляли в Цицикар для представления в Пекин, остальными распоряжались местные власти. Чиновники Барги получали содержание от цицикарского цзяньцзюня. Всего из Цицикара в год отпускали для Барги 60–80 тыс. лан¹. В конце XIX в. ежегодно от хулунбуирского ямыня (главного офиса) ко двору представлялось 11 кабанов, 30 фазанов, 8 кулей пшеничной муки. Оклад амбана — 150 лан в год. Чиновников, получающих полное содержание — 8, половинное содержание — 114². Как видим, доходы казны от Барги были намного меньше, чем отпускаемые ей дотации.

Светская школа была только одна — в Хайларе у амбана, духовное образование можно было получить при монастырях³.

Во время строительства КВЖД рядом с Хайларом была построена одноименная станция. Рядом с ней возник железнодорожный административный и «частный» поселок Хайлар, располагавшийся к железной дороге ближе, чем бывший центр округа, который в русских документах стал именоваться Старый Хайлар.

Постройка КВЖД вызвала приток российского капитала в Баргу и усиление ее связей с Россией. В 1900 г. китайское восстание ихэтуаней распространилось на Баргу. Восставшие смогли на некоторое время захватить часть линии КВЖД, разрушали пути. С ряда станций (в том числе строящихся) российские войска были выведены. Вывели их и из Хайлара. Первое время цинская администрация поддерживала восставших.

Джанжин Хэйлунцзянской пров. отправил из Цицикара в Хайлар 1000 солдат. В Хайларе собрали 2000 маньчжурских пехотинцев и более 6000 баргинских кавалеристов — баргутов, дауров и солонов из Хулунбуира. По приказу джанжина командовал ими Ашинга — мэрэн-дзангин⁴ Хулунбуира. 12 июля 1900 г. из Забайкалья в Баргу вошли войска генерал-майора Н.А. Орлова (Хайларский отряд): 2 пехотных батальона, 18-й кавалерийский полк и солдаты 6-го, 8-го и 13-го кавалерийских полков. В Барге они соединились с казачьими частями и охраной КВЖД. 16 июля они дошли до Онгона («Онгуня») на левом берегу р. Хайлар и атаковали баргинских солдат. Последние ушли в сторону п. Хайлар. 17 июля

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин от 28 февраля 1914 г., АВПРИ, ф. МИД Канцелярия, оп. 470, д. 99, т. 3, л. 38–38об.

² Дэ Бао. Хулунбуирское фудутунство, Хайлар, 1898 (перев. с маньчж.), АВПРФ, ф. РЯ, оп. 22, д. 1165, папка 201, л. 6–108.

³ Рапорт ротмистра Таданова в штаб Заамурского корпуса со ст. Бухэду, январь 1904 г., РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 76, 18–22об. Список храмов Барги см.: Миягашева, 2017, с. 71–74.

⁴ Мээрэн (монг.) — заведующий княжеской печатью, правым или левым крылом хошуна. Мэрэн занги (монг.) — помощник командира гарнизона.

цинские войска во главе с командующим войсками в Хайларе Чуан-До на урточне (почтовой станции) Онгон дали бой российскому отряду. Российских войск было 2500 чел., противника — более 10 000 чел. Бой длился 10 час., российские войска победили. Их потери составили 8 убитых и 18 раненых, потери противника — 800–900 чел., 2 орудия, 2 знамени, много стрелкового оружия и боеприпасов. Второй цинский отряд, посланный на Цурухайтуй, узнав о поражении своих, вернулся. 21 июля войска Орлова взяли Хайлар. После поражения китайцев в бою при Онгоне баргинцы отложились от них и больше не принимали участия в военных действиях. Монголы попросили у начальника Хайларского отряда разрешение кочевать в районе Хайлара, на что сразу получили разрешение. Отряд продолжил движение на Мукден и Цицикар. К 20 июля российские войска взяли под контроль КВЖД. Затем российская конница обнаружила наступление 7-тысячного отряда генерала Бао от Большого Хингана на Хайлар. 1 августа Хайларский отряд нанес ему поражение, Бао был убит. 11 августа Хайларский отряд разбил китайцев на Большом Хингане и двинулся дальше. Он освободил Западную Маньчжурию от ихэтуаней¹.

Маньчжурские власти в период конфликта не только создавали баргинские отряды, но и пытались вооружать население. Так, из Цицикара в Хайлар было доставлено оружие (вероятно, при восстании ихэтуаней) баргинскому амбаню, «который раздавал его монголам и которое, после оставления Хайлара китайцами, частью было побросано монголами в реку, а частью верстах в 30 от Хайлара сдано китайцам, после чего монголы в военных действиях не участвовали и новое оружие не получали» — баргуты боялись войны². Подобно русским, они пострадали от ихэтуаней. В частности, был разрушен монастырь Хух-сумэ около Хайлара. Вскоре на монгольских землях стала проводиться цинская «новая политика». Баргинцы возненавидели Китай³.

Железнодорожная станция Хайлар была построена в 1901 г., строительство КВЖД завершено в 1903 г. На следующий год (1904) началась Русско-японская война. Это еще больше повысило значимость КВЖД и Барги для России. Японцы понимали это. В Барге действовали их диверсанты. Например, в 18 верстах от Хайлара был взорван путь на протяжении двух рельсов⁴.

В период Русско-японской войны баргуты, как и другие монголы, в основном, сочувственно относились к России. Но значительная их часть (по крайней мере, в 1904 г.) о войне не знала⁵. Правда, некоторые назначаемые цинскими властями чиновники о войне знали и не поддерживали Россию. Так, по донесению воен-

¹ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 45–49; Орлов, 1901а, с. 20–33, 190; Краснов, 1901.

² Рапорт ротмистра Таданова в штаб Заамурского корпуса со ст. Бухэду, январь 1904 г., РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 76, 18–22об.

³ АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, папка 117, д. 35, л. 108–129; ф. КМ, оп. 1, папка 4, д. 51, л. 10–18; см. также: Орлов, 1901б.

⁴ Разведывательные сведения от чинов 1-й бригады Заамурского округа к 1 мая 1904 г., РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 76, л. 472–474.

⁵ Донесение корнета Лебедева в штаб Заамурского округа о поездке в Ганьчжур от 20 сентября 1904 г., РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 95, л. 218–223.

ного комиссара провинции Хэйлунцзян от 9/22 апреля, хайларский амбань был убежден, что Япония победит Россию. Он старался всем показать независимость от нее, запрещал продавать скот и продукты русским, приказал набрать 500 конных знаменных солдат и открыть почтовый тракт в Цицикар, чтобы передавать корреспонденцию по собственной почте. Чиновники и население этой его деятельности не сочувствовали¹.

Цинские военные власти Хэйлунцзянской пров. заявили, что ничего не знают о тайном наборе солдат хайларским амбанем — он делает это самовольно. Цзяньцзюнь осудил действия амбана и послал ему телеграмму: если 400–500 солдат действительно собраны в Хайларе, их надо распустить и сообщить, по какому случаю они были собраны². По-видимому, цзяньцзюнь вел двойную игру. «По достоверному сообщению агента, хайларский амбань на днях получил от цицикарского цзяньцзюня бумагу, где предполагает воспрепятствовать монголам Хулунбуирского округа (Хайларское фудутунство) продавать русским скот». Амбань готовился об этом сделать объявление³.

В связи с прокладкой КВЖД, появилась возможность работы и извлечения других доходов на ее станциях. Это вело к притоку китайцев. 1 марта 1904 г. по распоряжению амбана Хайлара в городе были арестованы 210 китайцев, которые под конвоем нижних чинов российского резервного батальона были отправлены в Читу. Арестованных подозревали в бродяжничестве. Однако были сведения, что амбань их выселил как опасный элемент, так как они хорошо относились к русским⁴.

Имели место трения между буддийским духовенством Барги и русскими рыбопромышленниками. «Монгольское духовенство не любит забайкальцев, так как забайкальцы оскверняют священное озеро Далай-нор, ловя в нем и притоках его рыбу. Забайкальцы, говорят священники, научили ловить рыбу и монгол, а это по их закону большой грех»⁵. Надо отметить, что некоторые русские авторы считали, что русские концессионеры хищнически истребляют рыбные богатства⁶.

Переход империи Цин от даннической к договорной системе международных отношений со второй половины XIX в. сопровождался кризисом. Чтобы противостоять экспансии европейцев, американцев и японцев, была принята «новая политика» — заселения ханьцами территорий за пределами Великой китайской стены и китаизации не-китайских народов на их родных землях⁷.

¹ Донесение военно-окружного управления Маньчжурской армии начальнику штаба Заамурского округа от 13 апреля 1904 г., РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 76, л. 359–359об.

² Разведывательные сведения от чинов 1-й бригады Заамурского округа к 1 мая 1904 г. (сведения от 5 апреля), РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 76, л. 472–474.

³ Донесение командира 20-й сотни ротмистра Шевырева в штаб Забайкальского округа от 27 октября 1904 г., РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 76, л. 896–896об.

⁴ Разведсводка Заамурского округа к 1 апреля 1904 г. РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 76, л. 177–178.

⁵ Рапорт в штаб 1-й бригады Заамурского округа от 11 мая 1904 г. со ст. Хинган штаб-корнета Лебедева, РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 76, л. 650–651.

⁶ Забайкальская новь, 1.06.1914.

⁷ Подробнее см.: Кузьмин, 2016, с. 59–69.

«Новая политика» стала ограничивать широкую внутреннюю автономию, которой ранее пользовалась Барга. Эта политика нарушила установления 1793 г., по которым Барга управлялась как отдельная административно-территориальная единица. Вместо амбана был назначен китайский чиновник, вначале в звании фудутун¹ (наместник с правами губернатора провинции), затем — даотай (чиновник с полномочиями начальника округа или ведавший какой-либо отраслью провинциального управления). В 1906 г. был поднят вопрос о колонизации Барги китайцами. В связи с ними, Баргу разделили на три части: область Лубиньфу с построенным близ ст. Маньчжурия на КВЖД г. Лубиньфу; приставство Хулунтин с центром управления в Хайларе, и независимый отдел Шивэйчжилитин с центром управления в Келари. Старое деление Барги на хошуны временно оставили, но значение баргинских чиновников низвели до низших исполнительных органов. Были введены китайские войска, создавались китайские школы, был открыт доступ для китайской колонизации земель². Это вызывало недовольство коренного населения.

Для колонизации Маньчжурии и прилегающих районов Монголии местная администрация выработала несколько систем в зависимости от местных условий: 1) заселение вольными колонистами — нормальный ход дела, дает доход от продажи земель; 2) колонизация при помощи так называемых рабочих батальонов; 3) колонизация на акционерных началах; 4) система пограничных караулов; 5) военные поселения³.

Обследованиями было выяснено, что в Хулунбуирском округе на юге — земли солонцеватые, непригодные для земледелия. Администрация в лице хулунбуирского фудутуна Сун Сяоляна всё же проектировала колонизировать «хотя бы полосу, прилегающую к нашей железной дороге». В его докладе хэйлунцзянскому сюньфу (чиновнику с правами губернатора) говорилось, что монголы в Хулунбуире не занимаются земледелием, поэтому для поселенцев надо отвести участки на 30–40 ли в обе стороны от линии железной дороги; земли надо раздавать даром, облагая налогом лишь по окончании распахки; принять все меры для изоляции монголов от русских; не выпускать из рук китайцев горное дело, добычу соли и золота⁴.

В 1910 г. был основан городок Лубиньфу. Он представлял собой небольшое поселение, расположенное западнее ст. Маньчжурия рядом с полосой отчуждения КВЖД. Оно состояло из управления областного начальника (поместье из шести небольших каменных домов европейского типа, обнесенных каменной стеной высотой 4 аршина и толщиной $\frac{3}{4}$ аршина), деревянных казарм для одного эскадрона (в полуверсте от крепости) и около десятка деревянных фанз и землянок. Там размещался гарнизон из конных и пеших солдат. Ко времени взятия Лубиньфу мон-

¹ Баранов, 1925, с. 25. Об административной организации Барги см.: Миягашева, 2012, с. 208–214.

² Мещерский, 1920, с. 5; Баранов, 1925, с. 25.

³ РЗО, Харбин, 17 июня 1909 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 26, л. 82–84об.

⁴ РЗО, Харбин, 10 июля 1909 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 26, л. 90–94.

голами в январе 1912 г. численность гарнизона не превышала 300 пехотинцев и 100 конников при 2 пулеметах и 1 пушке. Крепость и казармы были окружены «волчьими ямами», сажен на 20–30 кругом была устроена гладкая ледяная поверхность¹.

Одной из важных целей колонизации, как и во Внутренней Монголии, была изоляция монголов от русских. На границе с Россией цинские власти заменяли баргутские кордоны китайскими. Установили 21 караул. Скотоводы-баргуты видели опасность в занятии участков в долинах рек китайцами, поскольку это местами лишало их главных источников водопоев для скота. Но суровые климатические условия западно-аргуньского района Барги сдерживали прилив китайских крестьян-колонистов. Потому основу колонизации составили военные поселения пограничных постов. С 1908 г. посты расставлялись вдоль границы, караульные вербовались. При этом 1/3 поста находилась на карауле на посту, 2/3 занимались обработкой полей, помещаясь в особых пограничных поселках позади линии кордонов. Весь урожай шел в пользу караула. Каждый караул получал от казны 6 лошадей, 6 быков, 2 плуга и денежное пособие на обзаведение. Во время службы они получали казенное содержание, снаряжение, обмундирование, а по окончании службы — земельный участок даром. Состав каждого поста: 30 солдат при 1 старшем. Группа из 5 постов — отдел пограничной охраны, подчиняющийся особому офицеру на одном из постов. Наиболее пригодной для земледелия была признана северная часть Барги. Будущая колонизация могла быть связана и с разработкой природных богатств: лесов, угольных копей Джалайнора, соли, соды, золота, серебра и др. Войска из китайцев были введены также на золотые прииски Келари, в новопостроенный городок Лубиньфу и в Хайлар. Ожидались распоряжения правительства о введении реформы быта, колонизации, создания регулярного войска, замены монгольских правящих кругов китайской администрацией².

Несмотря на противодействие баргинцев, в Хайларе была открыта китайская школа. В 1911 г. ее решили преобразовать в 5-классное училище и по всей Барге организовать 8 школ с обучением детей баргинцев китайскому языку³. Колонизация, начавшаяся в 1908 г., прекратилась в начале 1912 г., когда из Барги были выдворены китайские власти. За 4 года она выразилась в распаивании вдоль границы с Россией ок. 400 десятин земли несколькими десятками поселенцев. В 1910 и 1911 гг. китайское население Барги достигало 4000–5000 чел. в Хайларе, Лубиньфу, Цзилалине и вдоль границы⁴.

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 197–208; ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 70–81; Забайкальская новь, 19.01.1912.

² Рапорт в штаб Заамурского округа 11 июля 1906 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 21, л. 229–229об.; Полумордвинов, 1909, с. 73–80; Баранов, 1912, с. 53–54.

³ Баранов, 1912, с. 54–55.

⁴ Копия донесения Усатого из Хайлара от 8 октября 1916 г., АВПРИ, ф. МИД Канцелярия, оп. 470, д. 399, л. 41–42.

Недовольство монголов ширилось, началось повстанческое движение. Семья баргутского тайджи Э. Тогтохо (1863–1922) лишилась своих пашенных земель. В 1901 г. он создал партизанский отряд из 100 чел. Главную опасность монголам составляли шесть банд хунхузов более чем в 1500 чел., оставшиеся со времен Японо-китайской войны. Хунхузов Тогтохо рассеял и продолжил нападать на китайцев, в первую очередь, купцов (у них он уничтожал долговые книги), некоторых колонистов, солдат, японских разведчиков, монгольских феодалов, поддерживавших «новую политику». Тогтохо и цинские отряды из монголов старались избегать стычек друг с другом. В 1907 г. к нему на время присоединился другой командир монгольских повстанцев — Баяр (Баир) из Горлоса (Внутренняя Монголия). Давление цинских войск на повстанцев усиливалось. В 1907 г. Тогтохо ушел из хошуна Южный Горлос в горы Барги к солонам и продолжил борьбу. В 1906–1910 гг. он имел 107 стычек с цинскими войсками. Двое из четырех его сыновей погибли. В 1910 г. Тогтохо с 50 людьми ушел в Цэцэнханский аймак Халхи, нападая на цинских чиновников, солдат и ростовщиков. Посланные против него отряды ургинского амбана Саньдо, потеряв 60 чел. убитыми, рассеялись¹. Не сумев поднять восстание в Халхе, Тогтохо получил убежище в России и ушел в Акшинский уезд. Пекин потребовал его выдачи. Сохранилась переписка об этом МИД России с российскими генеральными консульствами в Мукдене, Харбине, Урге и др., командованием Заамурского округа, цинским МИД².

В Барге нарастала нестабильность. К концу 1904 г. много барга-монголов перекочевало «из глубины степи на р. Хайлар». Причиной была бескормица от сухого лета и набеги ороченов, угонявших лошадей. Хайларский амбань подал прошение выставить 17 застав по окраинам Хулунбуирского округа³. «Монголы Хайларского фудутунства постановили на общем собрании призвать и приступить к обучению 500 солдат, которые будут набраны из 17 хошунов. Для содержания означенного войска ими предназначено 80 тыс. лан из средств этих хошунов»⁴.

Однако разбои разрастались. По агентским сведениям, в верховьях р. Чол появились шайки разных национальностей (русские, китайцы, орочены, кавказцы), занимавшиеся грабежами на железной дороге Цицикар – Хайлар, в ближайших монгольских княжествах и хошунах. Например, шайка осетинов делала набеги на мирных монголов, угоняла скот, грабила (было 3 случая от ст. Маньчжурия, 2 раза угнали по 50 голов рогатого скота, 1 раз награбили до 5000 лан серебра). Мон-

¹ Сандаг, 1958, с. 53; Майский, 1959, с. 205; Май, 1998.

² АВПРИ, ф. 188 МП, оп. 761, д. 310, 1159. Позже, после провозглашения независимости Монголии в 1911 г., Тогтохо перешел в ее столицу Нийслэл-хурэ. Он получил от Богдо-гэгэна титул тушэ-гун, звание Дзоригт-Батор и 150 лан серебра. Его отряд стал выполнять функции столичного гарнизона и личной охраны Богдо-хана (АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 29; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 56).

³ Разведсведения от чинов 1-й бригады Заамурского округа к 3 октября 1904 г., РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 95, л. 225.

⁴ Рапорт поручика Соколовича начальнику штаба Заамурского округа Пограничной стражи, ст. Бухэду, от 19 апреля 1906 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 21, л. 72–79об.

голы дали об этом знать своему чиновнику и российским властям на ст. Маньчжурия. У грабителей отобрали награбленное, их отдали под суд. Повторений не было¹. Но грабежи продолжали другие шайки. Например, в конце того же 1906 г., по сведениям от монголов, в 25 верстах от ст. Мациевская к монгольской стороне в степи нашли 12 трупов убитых «черкесов», в том числе домовладельца Тобоева². Грабежи не прекращались. Например, к 1912 г. район ст. Маньчжурия – Далай-нор – Цаган ежегодно посещали «черкесы» (раньше — под руководством китайцев, теперь — одни), которые захватывали скот и шкурки тарбагана у охотников³. 16 июля 1912 г. в пограничном суде Хайлара состоялся суд над одной из таких банд, состоявшей из грузинов и русских, ограбившей монголов⁴. Грабежи продолжались и позже (см. ниже).

В апреле 1906 г. в Хайларе прошел съезд «всех чинов Хайларского фудутунства». Фудутун призвал на службу 500 барга-монгольских солдат. С ними было 300 привезенных из Цицикара и 30 старых винтовок от фудутуна, «подобных системе Бердана». Фудутун говорил, что их призвали для охраны страны от грабежей и насилий⁵. У дер. Лапушка было собрано ок. 400 конных монголов, которых, по слухам, вызвал фудутун для найма в солдаты, так как старые солдаты уходят домой. Один монгол сказал, что 200 солдат встанут кордонами в шесть пунктов по 20 человек, остальные 80 поступят в распоряжение фудутуна. Примерно в 8 верстах от Лапушки были размещены ок. 200–250 юрт и палаток, верстах в 19 от них — еще 100–150 юрт. Монголы прибыли по вызову фудутуна. Общее их число могло достигать 3000 чел. молодого и среднего возрастов⁶. По-видимому, это был последний сбор монгольских солдат перед вводом китайских военных поселенцев.

Провозглашение независимости Барги и ее вхождение в государство Монголия

Мероприятия по китаизации Барги в рамках «новой политики» и восстание Тогтохо послужили толчком к провозглашению независимости края. Важным был и экономический фактор: Сун Сяолян в его бытность правителем Барги самовольно увеличил обложение имуществ с 3 до 6%, затем — до 9%, чем вызвал возмущение баргутов⁷. Они понимали, что Синьхайская революция происходит лишь в интересах китайцев, власть которых для «пограничных народов» распадавшейся империи как раз и будет означать успех той самой «новой полити-

¹ Рапорт разъезда 44-й сотни Заамурского округа 15 июля 1906 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 21, л. 234–237об.

² Рапорт в штаб Заамурского округа 14 декабря 1906 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 21, л. 338.

³ Восток, 15.06.1912.

⁴ Подробнее см.: Забайкальская новь, 21.07.1912.

⁵ Рапорт начальнику штаба Заамурского округа со ст. Бухэду от 26 апреля 1906 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 21, л. 102–102об.

⁶ Рапорт в штаб Заамурского округа из Хайлара от 28 апреля 1906 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 21, л. 94–95.

⁷ Новая жизнь, 6.06.1912.

ки», которую они старались избежать. Если в начале XIX в. в соседней с Баргой Внутренней Монголии было около 1 млн. китайцев (меньше, чем монголов), то к 1912 г. их численность возросла до 1,5 млн., а численность монголов снизилась до 877 946 чел.¹ Баргинцы знали об этой динамике.

В сентябре 1911 г. состоялся съезд баргинских старшин. Он постановил удалить всех китайских чиновников и вернуть управление в руки баргинцев; удалить из Барги китайские войска; прекратить колонизацию Барги китайцами; не считаясь с экстерриториальностью китайцев в Барге, подчинить их баргинским властям, не желающих — выселить; все доходы в виде таможенных пошлин, налогов на разработку природных богатств и прочих обложений передать в казну Барги. Эти требования предъявили цинским властям, те не согласились². Кроме того, российский пограничный комиссар в Кяхте подполковник А.Д. Хитрово и два монгольских представителя — Дзасакту-ван (Джасакту-ван) и Цэвэндорж обратились к российскому представителю в Пекине И.Я. Коростовцу о содействии в том, чтобы решение цинских властей, принятое в 1907 г. о колонизации, не было реализовано, а Барга и Халха получили самоуправление. Коростовец ответил, что некоторую поддержку может получить лишь Халха³.

Примерно в ноябре 1911 г. китайские революционеры стали распространять в Барге прокламации присоединиться к ним в борьбе с маньчжурской династией, «но баргуты отнеслись недоверчиво к революционерам и возлагают надежды на Россию». По распоряжению начальника Хайларского уезда арестовали много невинных монголов. По-видимому, цели были корыстные: начальник уезда охотно отпускал арестованных за деньги. Китайские солдаты по ночам входили в кочевья баргутов, грабили и избивали. Это еще больше усилило недовольство⁴.

В ноябре 1911 г. состоялся второй баргинский съезд. Он решил объявить независимость Барги, о чем поставил в известность П.К. Усатого — чиновника российского МИД в Хайларе. Участники съезда обратились к нему с просьбой снабдить их оружием — 200 винтовками с соответствующим количеством патронов. «Настроение баргутов под влиянием примера Халхи приподнятое и благоприятное для такого рода переворота. Благоприятным обстоятельством для них является также незначительность китайских войск в районе Барги. В настоящее время в самом Хайларе имеется 30 чел. конных солдат, 30 пехоты и 50 полицейских, всего 110 чел.; в Лубиньфу (ст. Маньчжурия) — 120 чел., в Цзилатине — ок. 80 чел. и на всех караулах вдоль Аргуни — ок. 400. Ввиду значительной отдаленности Цзилатина и караулов монголы считаются только с войсками, расквартированными в Хайларе и Лубиньфу, и полагают, что, собрав 300–400 вооруженных баргутов, заставят весь китайский халараский гарнизон без промедления сдать-ся и принудят китайских властей выехать из пределов Барги». Старший ухэрида Барги получил письмо от монгольского Богдо-хана об объявлении независимости

¹ Bulag, 2004, p. 85–88.

² РЗО от 19 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 67–67об.; Баранов, 1925, с. 25.

³ Дэндэв, 2003, с. 6–8 — в кн.: Batsaikhan et al., 2018, p. 18–19.

⁴ РЗО от 29 ноября 1911 г., РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 769, л. 47–47об.

Халхи. Там говорилось, что они с халхасцами составляют одно племя, сходное по языку и религии, должны объединиться. Объявление независимости Барги было намечено на 31 декабря. К этому времени в Хайларе должно было собраться 600 вооруженных баргутов, из них ок. 200 — с новыми ружьями¹.

Интересно, что эта важная информация не попала в МИД России. «Из интересного доклада Браунса узнаем, что еще в ноябре монголы Барги ознакомили со своими планами Усатого и что до сдачи Хайлара даотай ходатайствовал перед ним против раздачи нашими властями оружия монголам. Сожалеем, что не были осведомлены о сем совершенно»².

В начале декабря баргинцы получили из Урги письма за подписью Тушэтухана, Цэцэн-хана и Эрдэнэ-шанцзотбы с приглашением присоединиться к халхасцам и объявить независимость, а также письмо от правительства Халхи с предложением образа действий баргинцев: им советовали удалить китайских чиновников, признать власть Богдо-гэгэна, сформировать войска во всех хошунах «для защиты своего государства с Богдо-гэгэном во главе и всех своих соотечественников и своей территории». Копии этих писем удалось добыть чинам Заамурского округа Пограничной стражи России³.

П.К. Усатый сообщал, что «монгольское население Барги, не ожидая для себя ничего хорошего от перехода власти из рук маньчжур в руки китайцев и под влиянием примера Халхи также решило провозгласить независимость Барги, и обратилось... с запросом, как мы отнесемся к этому и будет ли железная дорога перевозить китайские войска, которые могут быть посланы из Цицикара для усмирения Барги. Провозглашение независимости назначено на 31 декабря»⁴.

Российский посланник в Пекине, верно оценив ситуацию, телеграфировал в МИД: «Ввиду принятого монгольским вопросом оборота, казалось бы возможным разрешить Усатому ответить монголам Барги, что, не обещая им нашей помощи, мы не допустим провоза китайских войск из Цицикара по нашей железной дороге для усмирения этой области. В случае предъявления соответствующего требования, основанного на Уставе дороги, мы могли бы заявить китайцам, что в данном случае нами не может быть допущено нарушение принципа нейтралитета»⁵. Но МИД не был готов поддержать баргинцев: «Полагаем, что должно быть указано на опасность полного отложения от китайского правительства, которое в случае отказа перевозить китайские войска по нашей железной дороге найдет средства, чтобы восстановить в Барге свою власть»⁶.

¹ Донесение Усатого из Хайлара генеральному консулу в Харбине Поппе от 27 ноября 1911 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 1–3, рукопись.

² Личная телеграмма Козакова в консульство в Харбине от 28 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 250. Г.А. Козаков — начальник 4-го политического отделения МИД.

³ РЗО от 11 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 41–43.

⁴ Телеграмма Поппе в миссию в Пекине от 29 декабря 1911 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 1. Имеется в виду провозглашение независимости Монголии под теократической властью Богдо-гэгэна VIII.

⁵ Телеграмма миссии в Пекине в МИД от 29 декабря 1911 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 2.

⁶ Телеграмма МИД в миссию в Пекине от 30 декабря 1911 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 3.

Собираясь объявить независимость, баргинцы не имели достаточно оружия и денег. Им помогло командование Заамурского округа. Решающую роль в этом сыграл командующий округом генерал-лейтенант Е.И. Мартынов (1864–1937) — выдающийся военачальник и историк¹. Зная о санкции российского правительства на выдачу оружия халхасцам, Мартынов в 1912 г. предложил своему подчиненному подполковнику Н.Н. Байдаку (1867–1915) выдать 1000 бердан с патронами баргинцам и организовать восстание. Так Мартынов решил использовать брожение в Барге в связи с ожидавшейся войной между Россией и империей Цин. Винтовки со складов Заамурского округа были выданы, офицеры округа по приказанию Байдака провели краткое обучение баргинцев, которых набрали ухэриды. Ухэрида Шэнфу был назначен правителем Барги, а Чэхэджа (Ан, Ань) — командующим войсками².

Накануне 2 января³ в монгольскую деревню в 10 верстах от Хайлара съехались до 400 баргутов, вооруженных винтовками, в том числе берданами пехотного образца, выданными подполковником Байдаком. Даотай Хуан решительных мер не принял, ограничился уговорами монгольских чиновников. Утром 1 января монголы послали своих представителей в китайские казармы, где было более 60 солдат, и объявили их командиру, что на следующий день предложат даотаю и всем китайским чиновникам оставить Баргу и предлагают сдать оружие. Командир не согласился, донес даотаю, тот вызвал монгольских чиновников, стал уговаривать, согласился назначить всех своих помощников из монголов (баргутов). Монголы согласились. Затем они уговорили всех китайских солдат сдаться, обещая каждому по 10–15 руб. В связи с предстоящим провозглашением независимости, баргинцы прислали Усатому сообщение с печатью ухэриды об этом «и выдворении китайских чиновников и солдат... не трогая мирного населения»⁴.

2 января в 8 час. утра к Усатому явилась депутация и заявила, что они займут Хайлар и предложат китайским властям покинуть Баргу. В случае возникновения кровопролития они просили его стать посредником. Затем принесли обращение

¹ В связи с конфликтом с командиром Отдельного корпуса Пограничной стражи генералом Пыхачевым и министром финансов Коковцовым (которому тогда подчинялась Пограничная стража), в 1913 г. Мартынов ушел в отставку. Очевидно, его действия в поддержку национально-освободительного движения в Барге были одной из причин этого. Однако он пытался сохранить связи с Монголией. В сентябре 1913 г. он приехал в Ургу как корреспондент «Утра России». Носил форму отставного генерал-лейтенанта с орденами (АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 655, л. 192). Нератов рекомендовал Миллеру в мягкой форме сказать Мартынову, что ему лучше вернуться из Урги в Россию (АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 655, л. 201), что он и сделал через несколько дней (АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, д. 655, л. 205). В 1918 г. Мартынов добровольно вступил в Красную армию, занимался преподаванием. В 1931 г. был арестован большевиками, но дело было пересмотрено. В 1937 г. вновь арестован по ложному обвинению в контрреволюционной агитации и расстрелян.

² АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 51–58об.

³ Все датировки в этом разделе здесь и ниже — по документам без пересчета на новый стиль.

⁴ Донесения Усатого из Хайлара Поппе в Харбин от 1 и 4 января 1912 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 8, рукопись, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 210–212об. копия; монгольский оригинал послания баргинцев с печатью, ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 9.

ухэриды. Чтобы напугать китайские власти, баргинцы довели до их сведения, что «не ручаются за своих солон — дикое разбойничье племя, которые могут начать грабежи и убийства при занятии города». Даотай прислал Усатому сообщение о том, что монголы завтра будут занимать город, могут быть бои с китайскими солдатами, просил принять меры к оцеплению российского поселка, чтобы туда не проникли солонны. На другой день ок. 400 конных баргутов окружили казармы и ямынь даотая и обнаружили, что они пусты. И даотай, и его солдаты перешли в российский поселок. Заняв город, монголы объявили населению, что китайские купцы могут быть спокойны, так как переворот касается только чиновников и солдат. К Усатому явился даотай Хуан и со слезами на глазах сообщил о происшедшем, прося совета. Усатый потребовал разоружить солдат и сдать оружие начальнику российского гарнизона. В тот же день к Усатому пришла делегация баргинцев во главе с ухэридой Шэном и письмом сообщила, что они заняли свои старые управления и с этого дня Барга управляется ими¹. Российская печать отмечала «корректность и предупредительность монгольских представителей»².

Новые баргинские власти известили о взятии власти также цинских чиновников. Примечательно, что они объясняли это своей верностью Цинской династии, которую свергают республиканцы. Вместе с тем, в своей объяснительной записке о том, как он организовал вооруженное выступление баргутов, Байдак, несколько преувеличивая свою роль, подробно описал, как по заданию Мартынова поднял и привел к успеху баргинское восстание³.

Оставив свой поселок в Хайларе, китайцы, очевидно, собирались вернуться и восстановить прежнее положение. В ночь на 8 января баргуты произвели обыск в китайских фанзах. В одной из них нашли 22 винтовки, в другой — 13 винтовок и 3000 патронов. Все это, а также вещи, имеющие отношение к военному делу (мундиры, офицерские головные уборы, седла и т.п.) были конфискованы. Предметы мирного быта монголы не трогали. Кроме того, баргинцы арестовали 196 китайцев без определенных занятий. Их посадили в теплушки и отправили в сторону Харбина. Еду им купили русские: китайцы не стали кормить своих соотечественников⁴.

По требованию Усатого у китайских солдат, прибывших 2 января с Хуаном в полосу отчуждения КВЖД, было отобрано 82 винтовки разных систем, остальное китайцы спрятали в Хайларе в разных местах в домах китайских купцов. Об этом узнали баргуты и отобрали спрятанное оружие. Нашли больше, чем писала пресса: 100 винтовок, спрятанных партиями по 15–20 шт. При этом баргуты обнаружили, что в Хайларе скрываются китайские солдаты, переодетые в одежду частных лиц. Кроме того, на ст. Хайлар прибыл высланный из Цицикара груз

¹ Донесение Усатого из Хайлара Поппе в Харбин от 4 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 210–212об.; телеграмма Поппе из Харбина в миссию в Пекине, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 6, 10; Новая жизнь, 4.01.1912.

² Забайкальская новь, 6.01.1912.

³ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 59–70об., ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 11–12.

⁴ Думы Забайкалья, № 250, 12.01.1912; Новая жизнь, 11.01.1912.

в 160 винтовок и 8 ящиков обмундирования. Он предназначался для тайно сформированного китайского отряда. Теперь этот груз подлежал конфискации как нарушающий нейтралитет КВЖД. Китайцы учли это и не явились за ним. Поняв их замысел, баргуты провели в Хайларе повальный обыск всех китайских дворов и обнаружили около 200 молодых китайцев (20–25 лет), прятавшихся в фанзах. Их передали российским властям и в тот же день отправили по КВЖД на ст. Куаньчэнцзы. Баргуты отнеслись к китайцам гуманно и дисциплинированно. Они даже предлагали им на дорогу 2000 лан. Хотя грабежей и насилий над китайцами не наблюдалось, они закрыли в Хайларе все свои лавки¹.

Восстание было успешным, хотя оно с самого начала не было тайной для китайцев. Маньчжурским властям уже в декабре 1911 г. стало известно о планах восстания. По сведениям из Мукдена, командир войск суньфандуй² Чжан Цзолинь лично просил генерал-губернатора разрешить ему поход для подавления монголов, но генерал-губернатор не разрешил, ссылаясь на отсутствие указаний правительства. Однако слух о посылке войск проник из Мукдена в Баргу через Таонаньфу, что ускорило выступление баргинцев³.

В декабре 1911 г. маньчжурские власти узнали и об их намерении взять Хайлар. В предупреждение этого было приказано двум конным инам⁴ немедленно выступить туда из Тацзычэна и Лубиньфу, оружие и патроны должны были прислать из Цицикара. Их отправили 30 декабря, но прибыли они только 2 января — уже после занятия города баргутами. Когда губернатор Хэйлунцзянской (Цицикарской) пров. в Мукдене узнал о занятии Хайлара монголами, он приказал командировать туда сводный батальон войск луцзюнь Хэйлунцзянской смешанной бригады, 1 эскадрон и батарею, а также 1 ин кавалерии войск суньфандуй среднего отряда. С получением 3 января 1912 г. телеграммы от генерал-губернатора Маньчжурии посылка войск была отменена. 6 января начальник среднего отряда суньфандуй приступил к формированию 2 кавалерийских инов. 7 января генерал-губернатор Маньчжурии отстранил от должности начальника дежурной части штаба провинции майора Шоу Цина (командир Хэйлунцзянской смешанной бригады) за непринятие заблаговременных мер против вторжения монголов в Хулунбуирский округ и отсылку из Хайлара за месяц до его занятия монголами 1-го кавалерийского ина переднего отряда войск суньфандуй в г. Тацзычэн. Но

¹ РЗО от 11 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 41–43.

² Цинские вооруженные силы в данный период делились на две главные категории: луцзюнь (сухопутные войска, сформированные и обученные по образцу иностранных армий) и суньфандуй (охранные отряды — провинциальные милиционные войска, несшие полицейскую службу, охрану населения от шаек разбойников. Призывались на службу со своими конями). О структуре цинской армии подробнее см.: Полумордвинов, 1908, с. 1–101.

³ РЗО от 19 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 67–67об.

⁴ Ин — батальон, дивизион; также отряд городской стражи, гарнизон. В войсках суньфандуй «в каждой провинции может быть учреждено несколько отрядов (лу), но не более 5. Отряды именуются: передний (цянь), левый (цзо), средний (чжун), правый (ю) и задний (хоу) — в зависимости от местоположения отряда от главного города провинции». В отряде не должно быть более 10 инов (Полумордвинов, 1908, с. 10, 70).

Шоу Цин заявил, что сам отказался от должности, так как является по происхождению монголом¹.

Генерал-губернатор Маньчжурии 3 января 1912 г. телеграфировал губернатору Хэйлунцзянской пров., что высылка на Хайлар небольшого отряда в случае его поражения нанесет большой вред престижу Китая, надо готовить сильный отряд. Лишь 9 января на совещании у губернатора решили назначить начальником экспедиционного отряда полковника Сюя (командир среднего отряда войск сунь-фандуй); в отряде должно было быть не менее 2 инов пехоты, 4 инов кавалерии и 1 батареи горной артиллерии; надлежало начать формирование 2 инов кавалерии суньфандуй, вытребовать из Мукденской мастерской обмундирования 1200 комплектов ватной одежды и 1444 — меховой, формируемые войска вооружить трехлинейными винтовками, формирование отряда поручить мин-чжэн-сэ провинции — Сюй Сяоляню и полковнику Сюю². Китайцы послали также к Хайлару отряд из своего гарнизона в Лубиньфу. Однако отряду пришлось вернуться по причине отказа КВЖД везти солдат в Хайлар в связи с нейтралитетом дороги³. Таким образом, медлительность и противоречия среди цинских чиновников, а также непродуманность действий гарнизона Лубиньфу не позволили китайцам взять реванш.

Между тем, до 10 января 1912 г. к восстанию примкнули уже все 17 хошунов Барги. Главным правителем со званием амбаня баргинцы избрали Чин-угурду, 62 лет, правившего хошуном олётов. Он пытался править путем уговоров. Его помощниками были назначены от Новой Барги Ан-угурда Правого крыла Новой Барги (родом из хошуна Хувут-Хух), Дамдинсурэн — дзангин хошуна Гул-Цаган⁴ и Чипчинге (Чибсэнгэ) — дзангин хошуна Гул-Шар; от Старой Барги были назначены чипчин Дэгджимбу — дзангин хошуна Гул-Хух, а также даурский дзангин Гуйфу. Командующим войсками был выбран даурский дзангин Чжунган (Нан), его помощником — Чипчинге. У Хайлара собрали около 400 конных и 100 пеших вооруженных баргинцев. Восставшие разослали письма разным племенам, чтобы они присоединялись, просили Русско-азиатский банк выделить им заем в 30 тыс. руб. под гарантии скота и земель. Банк поставил условием гарантии местного богача — даура Ломбана. 5 января баргинцы послали Богдо-гэгэну телеграмму, в

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 31–33.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 34–35.

³ Забайкальская новь, 10.01.1912.

⁴ Дамдинсурэн был сыном дзангина сомона Илч хошуна Гул-Цаган. Выучил монгольскую и маньчжурскую письменность, в 1885 г. стал помощником писаря, в 1889 г. мобилизован в солдаты, в 1891–1903 г. работал писарем. За заслуги в борьбе за создание независимой Монголии в 1911–1912 гг. получил от Богдо-гэгэна VIII степень туслагч-гун, был вице-министром МИД независимой Монголии, дзангином сомона; в 1912 г. получил титул тушэ-гун, звания джанжин и Манлай-Батор; в 1915 г. получил титул чин-ван. В 1916 г. ему был выделен хошун в Цэ-цэнханском аймаке (Гомбосүрэн, 2006, с. 143–158). Когда создалась угроза отмены автономии Внешней Монголии китайцами, Дамдинсурэн написал Богдо-гэгэну VIII письмо о необходимости организации сопротивления, но это письмо скрыли приближенные монарха. В 1920 г. Манлай-Батор Дамдинсурэн погиб от пыток китайскими оккупантами в тюрьме Нийслэл-хурэ.

которой извещали о перевороте, просили принять их в подданство и присоединить к Халхе¹.

Из Цицикара для переговоров о признании власти Пекина были командированы Ду Итянь и Юй Чжамин. В Хайлар они прибыли 4 января и пригласили баргинского амбана. Он категорически отказался и попросил делегатов к себе, от чего те отказались. 6 января они послали амбаню письмо, на которое просили дать немедленный ответ, согласны ли баргинцы изъявить покорность, в случае отказа угрожали бросить переговоры и ввести войска. Баргинцы ответили, что никаких переговоров с делегатами вести не желают, делегаты могут возвращаться. Однако на следующий день они пригласили делегатов в управление амбана. Он сказал, что готов кончить дело миром, если китайцы уберут из Хайлара своих чиновников и войска, а всё управление передадут баргутам. Делегаты приняли эти условия и потребовали только отказа от заявления о подданстве Халхе. Но когда об этом узнали баргуты, началось волнение, в управление явился солонский джангин Билэ и потребовал прекратить сношения с делегатами. Баргуты хотели хотели расправиться с делегатами и убить даура Ломбана — главного сторонника соглашения с китайцами. Делегаты ушли. 9 января баргуты захватили у Хайлара табун, принадлежавший разоружившимся китайским солдатам (это были не казенные лошади, а собственные лошади солдат войск сюньфандуй). Трофеи вызвали споры между представителями разных племен — кому сколько достанется. Билэ заявил, что уйдет со своими людьми, если не получит всё, что требует. Солоны считались лучшими стрелками, поэтому ему всё отдали².

Даотай Хуан продолжал жить в российском поселке при ст. Хайлар. Первое время он жил в китайском дипломатическом бюро, 10 января перебрался в частную гостиницу. 5 января он обратился к Усатому не входить в переговоры с баргутами³. «Бывший хайларский даотай Хуан с его управлением, пользующиеся убежищем на полосе отчуждения, подстрекают китайцев против баргут, что может привести к вооруженному столкновению». Кроме того, даотай широко пользовался телеграфом. Баргуты жаловались на такое нарушение нейтралитета, требовали высылки китайских чиновников⁴. Помимо агитации, Хуан планировал захватывать монгольскую корреспонденцию из хошунов⁵.

16 января в Хайлар для переговоров о мире прибыл вновь назначенный даотай Цин. Он остановился в Старом Хайларе. 17 января он принял печать от прежнего даотая Хуана и посетил Усатого. Цин сообщил, что прислан из Цицикара для проверки сведений о том, что русские помогают монголам, как донес Хуан. Он потребовал прекратить сношения с баргутами⁶. «Солоны и дауры склонились было

¹ РЗО от 11 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 41–43.

² РЗО от 11 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 41–43.

³ РЗО от 11 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 41–43.

⁴ Телеграмма начальника Заамурского округа командиру Пограничного корпуса от 15 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 84.

⁵ Новая жизнь, 12.01.1912.

⁶ РЗО от 19 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 67–67об.; телеграмма Поппе из Харбина от 19 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 27.

принять предложенные даотам условия мирного соглашения, но прочие племена Барги не пошли на уступки. <...> Более убежденными и приверженными соединению с Халхой являются чипчины и монголы-буряты»¹. Баргуты потребовали выезда Цина из Старого Хайлара. 18 января он выехал по железной дороге на ст. Маньчжурия, рядом с которой находился гарнизон Лубиньфу. Хуан, сдав печать, в тот же день уехал в Цицикар².

По взятии Хайлара баргинцы выслали отряд для снятия караулов вдоль р. Аргунь у границы с Россией. 6 января отряды конных баргутов из Хайлара двинулись на занятие Мэргэна. 8 января баргуты сняли караул в урочище Чуанькоу, китайские солдаты разбежались, побросав оружие. 9 января баргуты сняли следующий караул — в урочище Маркоту в 180 верстах южнее Хайлара. Они выслали разъезды по направлению к Хингану, ожидая наступление китайцев от Цицикара. На границе с Россией баргуты сняли караулы Мункэшили и Эрдэнэ-Толгой. Солдаты прочих караулов собрались в караул Хух-Дава напротив Цурухайтуя и решили сопротивляться³. По данным на 17 января, «по всей Аргуни монголы разогнали китайские посты. Пользуясь этим, казаки опустошили против нескольких поселков китайские бакалейки»⁴.

Китайцы мстили за свои неудачи. 19 января солдаты из пикетов, расположенных по дороге к Старому Хайлару, спрятавшись за фанзы, заборы и проч., устроили обстрел проходивших мимо баргутов, убив 6 чел. Не остались в долгу и цицикарские власти: они производили многочисленные аресты баргутов и дауров в окрестностях города, высылая разъезды⁵.

Тем временем близ оз. Буир-нур формировался отряд баргутов, который стягивался к ст. Цаган. Он был предназначен действовать против военного городка Лубиньфу⁶. Чжифу Чжан, начальник области («префект») Лубиньфу, говорил русским, что не предполагает ввязываться в бой с баргутами, а при их появлении у города намерен перейти в полосу отчуждения и там разоружиться: он считал, что с вводом в Баргу отряда официальных войск все войдет в прежнюю колею. Гарнизон Лубиньфу состоял из 125 конных и ок. 60 пеших солдат. К ним прибавились 40–50 (или 50–60) солдат из трех караулов с Аргуни. Кроме того, туда был наплыв молодых китайцев 20–25 лет. Гарнизон усилился солдатами с пограничных караулов благодаря советам Секендорфа. Отставной майор германской

¹ РЗО, РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 19, л. 6–6об.

² РЗО от 19 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 67–67об. Были сведения (впрочем, не подтвержденные другими источниками), что «бывший Хулунбуирский даотай Хан-шифу» (Хуан) был командирован в Ургу делегатом Юань Шикая «для переговоров с Хутухтой о независимости Халхи» (Харбинский вестник, 29.05.1912).

³ Телеграмма из Харбина в Пекин от 5 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 12; РЗО от 19 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 67–67об.; телеграмма вице-консула в Айгуне в Пекин от 6 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 36.

⁴ Забайкальская новь, 18.01.1912.

⁵ Новая жизнь, 20.01.1912, 21.01.1912.

⁶ Телеграмма начальника Заамурского округа командиру Пограничного корпуса от 15 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 84.

службы барон О.Р. фон Секендорф был управляющим китайской таможней на ст. Маньчжурия¹.

Очевидно, он не разделял идей усиления позиций России в Барге и независимости последней. Генерал-губернатор Маньчжурии считал, что надо немедленно послать войска в Хайлар и ни в коем случае не сдавать Лубиньфу. Однако губернатор Хэйлунцзянской пров. указывал, что положение Цицикара становится опасным из-за больших шаек хунхузов, в городе скапливаются беженцы, поэтому посылать войска на Хайлар, не набрав новых, было бы опасно для Цицикара. Он получил телеграмму из Пекина, где говорилось: «Прекратите всякие военные действия с монголами Хулунбуира, отмените посылку войск в Хайлар; властям Лубиньфу, Хайлара немедленно выехать в Цицикар»². Российские власти отказались перебрасывать маньчжурские войска в Баргу по КВЖД³.

10 или 12 января на ст. Маньчжурия из Хайлара приехали двое уполномоченных от баргинцев. Одним из них был ухэрида Чэ (Ан, Ань) — Чэхэджа. Они передали чжифу Чжану заявление с предложением сдать оружие и передать монголам местное управление. По словам монголов, Чжан колебался, но потом согласился на уступки. Прошел день, и Чжан — очевидно, по совету Секендорфа, неоднократно встречавшегося с ним — на вторичное требование баргинцев ответил категорическим отказом. Секендорф советовал китайцам не сдаваться, а защищать Лубиньфу. Чжан стал готовиться к обороне: закупил в поселке мешки, стал спешно перевозить не боевое имущество китайцев из Лубиньфу в поселок. По совету Секендорфа на стенах сделали бойницы из кирпича, создали запасы провианта, усилили дозоры, закупили проволоку для заграждения. Чтобы затянуть время, китайцы повели переговоры с монголами⁴. Внутри крепости вдоль стен китайцы построили мостики, которые использовали при выборе целей для стрельбы⁵.

Баргинский отряд подходил к Лубиньфу медленно, поскольку гнал перед собой баранов для продовольствия. 19 января этот отряд, наконец, подошел и остановился лагерем в нескольких верстах от ст. Маньчжурия. В тот же день из Хайлара по железной дороге прибыли еще 50 баргутов без оружия, как обычные пассажиры⁶. Они расположились в юртах и палатках вне полосы отчуждения. Ве-

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 197–208; ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 41–43, 67–67об., 70–81, 108.

² Перевод переписки китайских властей по поводу волнений в Хулунбуире, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 88–92.

³ Телеграмма консула в Цицикаре в Пекин от 24 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 51.

⁴ Донесение Усатого из Хайлара Поппе в Харбин от 24 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 197–208; Рапорт Гулыги Мартынову от 1 февраля 1912 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 142–143.

⁵ Забайкальская новь, 22.01.1912.

⁶ По другим данным, почтовым поездом прибыли 60 монгольских офицеров и направились к китайскому начальнику с предложением выселиться из п. Маньчжурия. Он отказал. Китайцы заперлись в своем военном городке, насыпали к стенам казарм снега и полили его водой в расчете, что монгольские не подкованные лошади не смогут по нему двигаться, а также для защиты от пуль (Думы Забайкалья, № 258, 21.01.1912).

чером 19 января ухэрида Ан собрал дзангинов. Они решили сделать последнюю попытку мирного решения. Ан послал письмо Чжану, предложив немедленно сдать оружие, угрожал взять городок силой. Чжан прислал ответ, что просит подождать еще два дня. Баргинцы решили прекратить переговоры, о чем Ан написал Чжану на том же конверте, что ему принесли. Баргинцы решили на рассвете обстрелять Лубиньфу, чтобы напугать китайцев, попробовать взять городок.

Узнав об этом, начальник гарнизона ст. Маньчжурия командир 15-го Сибирского полка полковник И.Е. Гулыга распорядился выслать с утра команду разведчиков и сотню казаков для наблюдения и охраны полосы отчуждения. Около двух часов ночи баргуты вышли из лагеря, переехали полосу отчуждения и российский поселок и приблизились к Лубиньфу с северной стороны. Еще около 50 баргутов объехали полосу отчуждения и подошли к Лубиньфу с юго-востока. Оставив лошадей, в полосе отчуждения они в тишине стали вытягиваться в цепь. Говорили, что среди них были русские казаки, переодетые в монгольские халаты. Около 6 час. утра баргуты открыли ружейный огонь. Китайцы ответили сильным огнем, который ослабевал, поскольку они берегли патроны.

«Разведчиками командовал штабс-капитан Каплинский, который давал монголам руководящие указания, где и как построиться». Он решил и сам принять участие в бою — для этого переоделся в монгольскую одежду, которую ему дал переводчик-бурят. «С винтовкой Маузера в руках он сделал перебежку ближе к Лубиньфу и из-за сложенного кирпича стрелял в китайцев. К нему присоединились рядовой Полтавцев и несколько монголов. Китайцы, заметивши их, усилили огонь в сторону кирпича, результатом чего и явилась смерть штабс-капитана Каплинского и поранение рядового Полтавцева. Офицер был убит вне полосы отчуждения, в 30 шагах от нее».

В 7 час. утра 20 января, когда уже шла перестрелка, Секендорф появился с белым флагом на линии боя, «но не со стороны поселка, а видимо из Лубиньфу, где он, видимо, был ночь и давал советы». Около 8 час. он появился вблизи монгольской цепи «с фотографическим аппаратом; он сейчас же обратил внимание, что монголы расположены в полосе отчуждения и немедленно же сам отправился к начальнику гарнизона и просил его принять меры к обезоружению монголов, собравшихся в полосе отчуждения. Начальник гарнизона вместе с бароном Секендорфом отправился на место и приказал, собравши монгол, обезоружить их. Те неохотно повиновались».

Секендорф приехал на квартиру начальника гарнизона И.Е. Гулыги уже ок. 8 час. и сказал, что будет говорить как управляющий таможней и представитель германского консульства. Гулыга ответил, что если он состоит представителем консульства, то может говорить, что угодно. Секендорф ответил, что сражающиеся монголы нарушили нейтралитет дороги, так как сражаются на полосе отчуждения. Гулыга ответил, что дал приказ полицмейстеру разоружить монголов в полосе отчуждения. Секендорф сказал, что открыл общество Красного креста, которое монголы не признают. Гулыга ответил, что до общества ему нет никакого дела. После этого Секендорф опять появился на линии боя, все чиновники китайской

таможни явились туда же с повязками общества Красного креста, а впереди был помощник управляющего китайской таможней Калачев с белым флагом, на котором был изображен красный крест. «В это время дворник Секендорфа Осипов, имея в руках его фотоаппарат, стал кричать, что русские помогают монголам, среди монголов много переодетых русских солдат и они стреляют по китайцам. Так как это была ложь, полковой адъютант немедленно арестовал Осипова и передал его полицмейстеру. Ему же передали отобранные у Осипова фотоаппарат и револьвер Секендорфа»¹.

Согласно интервью Гулыги, начальник Заамурского округа предписал российским войскам не вмешиваться в конфликт, а занять положение для прикрытия российского поселка и в случае появления китайцев в полосе отчуждения их разоружить. Гулыга приказал 3-й и 9-й ротам и 3 взводам конных разведчиков 15-го Сибирского стрелкового полка под начальством капитана Кржеминского направиться севернее полотна дороги; 2-й роте 1-го Аргунского полка, 1-й роте 1-го Заамурского железнодорожного батальона и одному взводу конных разведчиков полка под начальством Каплинского направиться южнее полотна. При этом были даны указания: в связи с нейтралитетом КВЖД в полосе отчуждения в случае появления там китайских войск их сразу обезоруживать, не вмешиваясь в действия монголов и китайцев, если нет угрозы российским войскам. Но Каплинский по своей инициативе переоделся в монгольскую одежду, и с двумя переодетыми разведчиками выдвинулся примерно на 300 шагов от полосы отчуждения, где и был убит². Российский генконсул в Харбине телеграфировал в Пекин со слов Усатого, что при нападении монголов на Лубиньфу при перестрелке убит штабс-капитан 15-го полка Каплинский и легко ранен рядовой Полтавцев. Оба были переодеты в монгольскую одежду. Китайцами руководил начальник китайской таможни Секендорф — лейтенант германской службы, называющий себя представителем германского консульства в Харбине³.

Итак, российский офицер по своему почину помогал баргутам, переодевшись в монгольский халат. Но и немецкий отставной офицер по своему почину организовал оборону китайцев, собравшихся уходить согласно приказу своего командования, причем он называл себя представителем генконсульства. Так что с обеих сторон проявлялась самостоятельность.

Секендорф успел сфотографировать труп Каплинского, всячески старался достать доказательства, что в бою участвовали русские: он расспрашивал солдат и те, принимая его за русского, простодушно рассказывали ему все обстоятельства, а он это записывал в записную книжку. Когда Секендорф был уже в

¹ Рапорт Гулыги Мартынову от 1 февраля 1912 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 142–143.

² Думы Забайкалья, прибавление к № 268, 5.02.1912.

³ Телеграмма Поппе из Харбина посланнику в Пекине от 21 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 37. На похороны В.И. Каплинского 22 января 1912 г. в Хайлар прибыли два российских генерала. Ухэрида Барги распорядился внести его имя в книги лам для вечного поминовения (Забайкальская новь, 25.01 и 2.02.1912). Секендорф, знавший Каплинского, ни на панихиде, ни на похоронах не присутствовал (Новая жизнь, 29.01.1912).

полосе отчуждения, фотоаппарат у его слуги отобрал начальник 1-го отделения полицейского надзора и представил в Гражданское управление. Секендорф стал опасаться, что его обвинят в шпионаже. Он заявил протест как представитель германского генконсульства в Харбине, но эти его права были неизвестны российским диппредставителям в Маньчжурии¹.

В бою у китайцев было убито 3 и ранено 4–5 человек, у баргутов ранены двое². На следующий день — 21 января, когда Усатый посетил Лубиньфу, Чжан сообщил ему, что получил предписание от цидикарского губернатора оставить Лубиньфу монголам и вместе с гарнизоном отправиться в Цицикар³. В тот же день в русском поселке появились копии его объявления об этом предписании. Около них собрались толпы китайцев, слышались угрозы в адрес монголов и русских. В тот же день 21 января у чжифу состоялось совещание в присутствии Секендорфа. Решили выехать вместе с гарнизоном.

Секендорф обратился к Гулыге с просьбой устроить так, чтобы разрешено было провезти до Цицикара солдат с оружием. Гулыга попросил, чтобы чжифу обратился к нему с официальным письмом. После этого Секендорф при своей записке прислал частное письмо Чжана с просьбой к начальнику гарнизона провезти в Цицикар по железной дороге солдат, оружие в ящиках, патроны и лошадей. Гулыга отложил ответ до приезда генерал-квартирмейстера штаба Иркутского ВО генерал-майора М.А. Сулькевича. Последний прибыл поездом в 7 час. вечера. Поговорив по телефону с генералом Мартыновым, «Сулькевич приказал начальнику гарнизона немедленно возвратить отобранное у монголов оружие, составить для них диспозицию и для устрашения китайцев привести весь гарнизон в боевой порядок и выставить вдоль полосы отчуждения. Предположено было, что монголы с 5 часов окружают цепью Лубиньфу, затем в 10 часов утра пошлют китайцам ультиматум с предложением сдаться к 12 часам дня и, в случае отказа, откроют огонь».

22 января баргуты с некоторым запозданием начали оцепление, закончив его ок. 10 час. Они послали в Лубиньфу письмо с предложением сдаться, грозя в случае отказа не оставить камня на камне; просили дать ответ до 12 час. «Китайцы через несколько времени ответили, что они согласны сдаться и просили монгольского представителя к себе в управление для переговоров об условиях сдачи. Монголы заявили, что китайцы сначала должны сдать оружие и только тогда они согласны будут пойти для переговоров, так как опасаются, что китайцы их перебьют. Китайцы со своей стороны заявили, что они боятся, что, если они сдадут оружие, то

¹ Донесение Усатого из Хайлара Поппе в Харбин от 24 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 197–208.

² По словам монголов, у них было убитых 2, раненых 6, у китайцев раненых 6 (Думы Забайкалья, № 259, 22.01.1912). Позже выяснилось, что китайцы потеряли убитыми 2, ранеными — 7 (Думы Забайкалья, № 260, 24.01.1912).

³ Телеграммой из Пекина было приказано прекратить всякие военные действия с монголами, отменить посылку войск в Хайлар, властям Лубиньфу и Хайлара немедленно выехать в Цицикар. Губернатор был вызван в Пекин (Телеграмма консула в Цицикаре в Пекин от 24 января 1912 г., АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 384, л. 53).

монголы их обезоруженных могут убить. После препирательств решено было пригласить в качестве посредников кого-либо из русских. С монголами вместе пошли двое или трое русских офицеров. По соглашению чжифу Чжана и Ан-ухэриды в качестве посредника был приглашен начальник 1-го отделения полицейского надзора капитан Усачевский. После переговоров, продолжавшихся 2½ часов, монголы согласились, что китайцы оставят все здания как они есть, оружие и патроны, забравши с собой лошадей. Капитан Усачевский со своей стороны обеспечил китайцам, что китайские солдаты будут отправлены по железной дороге до Цицикара. В 3 часа дня китайцы вышли из Лубиньфу и после вступления их на полосу отчуждения были под нашей охраной отправлены в русский поселок. При проходе их на полосу отчуждения их смотрел командир 2-го Сибирского корпуса генерал Алиев. Впереди своего гарнизона ехал в экипаже чжифу Чжан. Генерал Алиев и я разговаривали в это время с чжифу, который, на вопрос генерала, не имеет ли он каких-либо неудовольствий против поведения русских, ответил, что сегодня он ничего не имеет, оттенив слово “сегодня”. В этот день барон Секендорф не показывался, так как монголы накануне сообщили ему, что если он будет там, то будет застрелен. С 20 по 23 января я всё время был на ст. Маньчжурия и за это время никаких официальных заявлений от местных китайских властей о нарушении нами нейтралитета не поступало. 22 января после 3 часов монголы заняли Лубиньфу, получивши как военную добычу ок. 200 винтовок Маузера и ок. 40 тыс. патронов¹. 23 января под охраной казаков на ст. Маньчжурия прибыл отряд в 150 китайских солдат, снятых баргутами с кордонов на р. Аргунь напротив Цурухайтуя. Узнав о капитуляции гарнизона Лубиньфу, они сразу сдали оружие².

Кроме того, баргутам достались «8 куб. дров, 400 пуд. крупчатки и до 3–4 тыс. пуд. сена. Вся канцелярия и архив из Лубиньфу перевезены к кит. делегату, проживающему в русском поселке». Разоруженные китайские солдаты, их лошади и оружие были отправлены по железной дороге в Цицикар 23 и 24 января. Вместе с солдатами уехали чиновники канцелярии начальника округа и полицейские (до 80 чел.). Угольные копи у ст. Маньчжурия были оставлены китайцами вместе с оборудованием, но 5000 пудов сена на этих копиях китайцы сожгли, чтобы оно не досталось монголам. Среди китайских солдат было 40–50 бывших хунхузов — «отличных стрелков и отчаянных головорезов». Они предложили уйти ночью в Монголию, чтобы заняться грабежом и резней монголов в отместку за взятие Лубиньфу. Чжан это не разрешил, они разоружились и выехали со всеми³.

Секендорф 23 января уехал в Цицикар с неизвестной целью⁴. Лишь в марте 1912 г. стало известно, что его перевели в г. Фучжоу, а на его место в Маньчжурии был назначен Маленченко — секретарь русского отдела при комиссариате китайских таможен в Харбине.

¹ Донесение Усатого из Хайлара Поппе в Харбин от 24 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 197–208.

² Новая жизнь, 27.01.1912.

³ Забайкальская новь, 25.01.1912.

⁴ Рапорт Гулыги Мартынову от 1 февраля 1912 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 142–143.

Узнав о поражении китайского отряда в Лубиньфу, цичикарские власти занялись вербовкой новых солдат. Однако «желающих поступить на службу китайцев очень мало». И.о. губернатора Сун Сяоян «разрешил местному полуправительственному банку новый выпуск банкнот на 10 млн. с целью получения из этой суммы 3½ млн. лан в виде займа на расходы по содержанию войск и администрации»¹.

Между тем, баргинцы продолжали разоружать китайские караулы в Хулунбуире. Еще в начале января китайцы «при осложнении с монголами» у п. Старый Цурухайтуй собрали 180 винтовок с тем, чтобы дать им отпор, если они попробуют снять пост. В тот же день к посту подошли 60 баргутов и потребовали сдачи. Китайцы отказались. Тогда полковник Крымов из станицы Доно выдвинул из состава 6-й сотни разезд на Старый Цурухайтуй с инструкцией в дело не вмешиваться и доносить о происходящем, а в случае перехода границы обезоруживать перешедших. Баргуты заняли все пути к посту, не пропуская продовольствие. Затем солдаты на китайском посту, недовольные своим начальством за то, что оно не действует энергично, взбунтовались, убили двух офицеров и образовали шайку хунхузов в 110 человек, а начальники поста перешли границу, сдались разезду Крымова и передали хорунжему Рюмкину 76 винтовок и значительный запас патронов. Крымов прибыл в Старый Цурухайтуй, принял сдавшихся, направил их на ст. Маньчжурия, а оружие — в штаб полка². Это стало основанием для донесения, что китайский пост Старый Цурухайтуй в 105 чел. сдался монголам³.

Затем к подполковнику Байдаку, поддерживавшему контакты с баргутами, явились представители дауров и попросили 5000 винтовок: «Весь округ между Хинганом и Нонни готов восстать»⁴. Командовавший китайской охраной золотых приисков Келари полковник «Сюн-зун-ли» прекратил выдачу солдатам жалованья и продовольствия, а затем, прихватив своих жен и ок. 3 пудов золота, сбежал в станицу Олочинская, где укрылся на таможне. 24 января солдаты явились туда и потребовали своего начальника для переговоров. Полковник не вышел. 25 казаков пошли на таможню просить полковника выйти к своим. Началась неразбериха, в которой один казак был застрелен, другой ранен пулей⁵.

Вскоре после бунта — 2 февраля в Келари приехали два баргутских чиновника. Китайские солдаты пообещали покинуть прииски 12 февраля. Чиновники уехали. Но уже 7 февраля прибыл баргутский отряд в 120 чел. с новыми винтовками Маузера. Против него вышли рабочие-китайцы и начальник Олочинского кордона с отрядом в 200 кавалеристов, из которых лишь 38 были вооружены новыми маузерами, а остальные — старыми ружьями разных систем. Произошел

¹ Харбинский вестник, 29.01.1912.

² Копия телеграммы командира 1-го Аргунского казачьего полка полковника Крымова из станицы Доно Его Императорскому Величеству от 22 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 248–248об.

³ Телеграмма Мартынова со ст. Маньчжурия командиру Пограничного корпуса от 23 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 215.

⁴ Телеграмма начальника Заамурского пограничного округа Мартынова командиру Пограничного корпуса от 27 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 246.

⁵ Забайкальская новь, 1.02.1912.

бой, в котором участвовало 150 китайских солдат. Бой закончился бегством китайцев и занятием монголами Олочинского кордона¹.

Китайские солдаты отступили вниз по р. Аргунь и остановились напротив русских селений Ишагинского (30 чел.), Аргунского (40) и Среднего (70). Начальник кордона Чжао с 10 солдатами проследовал дальше. 11 февраля отряд в 25 баргутов напал на группу солдат у Ишагинского; было убито 4 китайца и 2 баргута. Китайцы бежали к Аргунскому, но туда явилось лишь 18 чел. Затем обе группы пришли к Среднему и оттуда все ушли вниз по Аргунь. Баргуты вернулись к Олочинскому кордону и сожгли по дороге все китайские сооружения².

Начальник главного пограничного караула Чжуэргань — Чжао Чуньфан сформировал из дезертиров 2 ина солдат (пеший в 500 чел. и конный в 250 чел.) и с ними занял Келари. Весной 1912 г. от губернатора Хэйлунцзянской пров. был получен приказ вывести войска оттуда, так как на Келари были заявлены претензии властей Барги. Китайские войска оставили этот пункт³.

Баргуты под начальством ухэриды Шэнфу заняли Келари 8 апреля. Они «вели себя скромно и никаких препятствий русскому населению не чинили и старались поддерживать дружеские отношения, почему и мы со своей стороны оказывали им сочувствие. Сам же Шэ-ухэрида (Шэнфу) — человек, видимо, доброжелательный; в беседах со мной неоднократно высказывал мне, что пускай русские теперь пользуются правым берегом беспрепятственно, и будем жить в дружбе». Но после его отъезда отношение баргутов изменилось: они стали препятствовать переходу русских на правый берег. Возможно, баргинские начальники у своих подчиненных авторитетом не пользовались. Китайские лавки баргутами на правом берегу были уничтожены, торговля прекратилась⁴.

Однако территория на севере Барги, на которую ее власти не предъявили претензий — главный караул Чжуэргань и район 10 подчиненных ему новых караулов — приказом губернатора Хэйлунцзяна была включена в состав Хэйхэского даотайства. За сохранение этого района под китайской властью Чжао Чуньфан в 1913 г. был назначен начальником главного караула Мохэ. В 1914 г. районы главных караулов Мохэ и Чжуэрганьхэ были преобразованы в подготовительный уезд Мохэшэчицзюй. Начальником же Чжуэрганя по рекомендации Чжао был назначен Ли Юйшэн⁵. Так Барга утратила часть своей территории.

Кроме того, китайская власть сохранялась в полосе отчуждения КВЖД. «Как известно, после объявления баргутами своей самостоятельности китайская власть в Барге сохранилась только в полосе отчуждения в виде начальников отделений железнодорожного дипломатического бюро Хэйлунцзянской провинции на ст. ст. Маньчжурия, Хайлар и Бухэду, между коими разделена вся полоса от-

¹ Забайкальская новь, 17.02.1912.

² Забайкальская новь, 22.02.1912.

³ Меньшиков, 1917, с. 42–43.

⁴ Телеграмма атамана 4-го отдела Забайкальского казачьего войска из Нерчинска Усатому в Хайлар от 28 апреля 1912 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 236–237об.

⁵ Меньшиков, 1917, с. 42–43.

чуждения в пределах Хулуңбуира на протяжении 350 верст. Отделения эти существуют на основании особого соглашения КВЖД с хэйлунцзянским цзяньцзюнем от 1901 года, поэтому желание баргутских властей изгнать китайцев и из полосы отчуждения до сих пор встречало с нашей стороны решительный отпор»¹.

Эвакуация цинских властей и гарнизонов из Барги не сняла угрозы ответной интервенции. Российская сторона продолжала действия для ее предотвращения. «Ввиду планов китайцев подавить восстание в Барге, надо выступить посредниками между баргутами и китайцами. Министр финансов дал соответствующие указания Хорвату и Мартынову». Посланник в Пекине должен был поручить генконсулу в Харбине Н.М. Поппе и чиновнику МИД в Хайларе П.К. Усатому, на которых предполагалось возложить это посредничество, выяснить у китайцев и баргутов его приемлемость².

Одновременно шло разбирательство выдачи российскими офицерами оружия баргинцам и их участия в конфликте. В ответ на письмо министра иностранных дел С.Д. Сазонова от 18 января военный министр В.А. Сухомлинов сообщал, что по телеграфу передал командующему войсками Иркутского ВО указание о прекращении раздачи оружия баргутам. Командующий войсками Иркутского ВО уведомил его телеграммами от 24 и 31 января, что эта выдача прекращена. Выяснилось, что Мартынов раздал баргутам и восточным монголам лишь 1265 берданок. Командующий Иркутским ВО В.Н. Никитин объяснял выдачу оружия баргутам неосведомленностью относительно того, что выдать оружие было решено лишь монголам Халхи. Управляющий КВЖД 7 февраля 1912 г. телеграфировал министру финансов и председателю совета министров В.Н. Коковцову, что о событиях в Хайларе и взятии Лубиньфу он не знал. Коковцов переправил эту телеграмму Сазонову³.

11 февраля 1912 г. Коковцов писал Сухомлинову: «Последние события в Барге обнаружили, что наши местные власти проявляют склонность принимать в монгольском вопросе самостоятельные решения, иногда совершенно не считаясь с общим направлением политики, которую императорское правительство решило преследовать в означенном вопросе. Такого образа действий, между прочим, по-видимому, склонно придерживаться и местное военное начальство во главе с командующим Иркутского военного округа. Отложение Халхи, как буфера, в общем соответствует российским интересам, но есть опасность, что китайское правительство будет решать вопрос с Халхой силой. Барга в другом положении. Близость к Цицикару может привести к быстрому подавлению китайцами, что уронит авторитет российского правительства в глазах монголов. Надо стремиться к примирению баргинцев с китайцами. Внутренняя Монголия удалена от российских границ, отчасти это сфера влияния Японии. “МИД полагает, что Захин-

¹ Копия донесения Усатого посланнику в Пекине от 11 октября 1913 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 9–9об.

² Телеграмма Сазонова посланнику в Пекине от 27 января 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 63.

³ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 360–360об., 372–374об.

ганская Монголия должна быть рассматриваема как часть Маньчжурии и что ей предстоит разделить участь последней”. Поэтому надо воздерживаться от каких-либо обещаний или выражения сочувствия князю Удаю и другим обращающимся к России князьям Захинганской Монголии»¹.

15 февраля 1912 г. Сухомлинов телеграфировал Никитину: «Наше правительство стремится к скорейшему примирению баргутов с китайским правительством». Движение князя Удаю происходит в Захинганской Монголии, которая входит в состав Маньчжурии и должна разделить ее участь. Эта позиция российской дипломатии была принята правительством, и военным пришлось ей следовать. Баргинцы не знали об этом. По сообщению Усатого, они недоумевали, почему российские военные власти выдали им оружие, оказали содействие при взятии Лубиньфу, а теперь предлагают примириться с китайцами².

Этой же позиции российское правительство продолжало придерживаться и дальше, но оно было против военной интервенции Китая: «По мнению императорского правительства, Барга, т.е. Хулуьбуирский округ, должна разделить участь Северной Маньчжурии. Вследствие сего, мы не включили Баргу в автономную Монголию и в принципе согласны на восстановлении там китайского суверенитета. Последнее должно, однако, произойти путем мирных переговоров, в которых императорское правительство возьмет на себя роль посредника. Подчинение же Барги вооруженной силой слишком затронуло бы русские интересы, чтобы мы могли отнестись к нему безучастно»³.

Так или иначе, Пекин не имел власти над Баргой. В январе 1912 г. князя Халхи отправили в Баргу письма следующего содержания. Наше правительство и народ избрали ханом Монгольского государства Богдо-гэгэна; все монголы одного происхождения, представители сеймов Шилингол (Силингол), Ихэджу, вана Алашани, Новой и Старой Барги присоединились к нам; Монгольское государство граничит с великим Российским государством; с ним надо всегда оставаться в дружественных отношениях; мы просим у него помощи и покровительства. В январе делегация из Хайлара с изъятием подданства проследовала в столицу Халхи — Нийслэл-хурэ через Кяхту⁴.

22 января (н.ст.) 1912 г. Богдо-хан Монголии — Богдо-гэгэн Джебцундамба-хутухта VIII, следуя своей интеграционистской политике, издал указ о награждении титулами и почетными званиями многих монголов за участие в создании нового Монгольского государства. В основном это были люди из Халхи и Дариганги, но также харачинский 2-й дзалан Амаржаргал, жившие в Халхе ламы-баргинцы Лувсанцэрэн и Чоймбол⁵.

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 406–408об.

² РГВИА, ф. 2000, д. 7889, л. 30 — в кн.: Белов, 1993, с. 172; АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 410–410об.

³ Копия отношения посланника в Китае на имя вице-консула в Хайларе от 7 января 1914 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 90–90об.

⁴ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 645, л. 332–335; Харбинский вестник, 19.01.1912; Баранов, 1925, с. 25; Климов, 1945, с. 48–51; Пунцагноров, 1955, с. 56.

⁵ МУУТА, х. Аб, д. 1, х.н. 513, бичиг 4 — в кн.: Монголчуудын нэгдсэн..., 2014а, с. 36–49.

1 февраля 1912 г. консульство в Харбине получило донесение Усатого, что «объявленную месяц тому назад» независимость Барги от Китая можно считать установленной¹. На следующий день Усатый телеграфировал в Харбин, что А. Доржиев телеграфировал временным правителям Барги просьбу прислать уполномоченного для обсуждения дел в ней. Баргинцы командировали Чи-дзангина (Чипчингэ). Доржиев сказал Чи, что Халха страдает от тяжести налогов, и Барга тоже будет обременена, если присоединится к Халхе. Он рекомендовал баргинцам прежде признания своей зависимости от Богдо-хана выработать условия, на которых это будет сделано. «На днях» Чи возвратился из Урги; предложение Доржиева подлежало обсуждению². Доржиев действовал в русле российской политики в отношении Барги.

В середине февраля к Богдо-гэгэну прибыли представители Барги — дзангин Дамдинсурэн и письмоводитель Хулунбуирского управления Гайхасу с письмом от старшин баргутов, солонов и олётгов. Дамдинсурэн получил от Богдо титул гуна и должность вице-министра иностранных дел, Гайхасу — звание чиновника 2-го класса. Их слуги тоже получили разные чины. Им было вручено послание с призывом к баргутам присоединиться к независимой Монголии³. В послании монгольского МВД министерству финансов, всем управлениям, председателям сеймов и другим властям Хулунбуира, в частности, говорилось, что из Барги командированы сомонный дзангин Дамдинсурэн и писец Гайхасу, которые доставили на имя Богдо-гэгэна доклад, где сказано: «Согласно полученной инструкции, 27 числа среднего зимнего месяца сразу выдворили со своих земель китайских чиновников и солдат, вернули страну под свою власть и успокоили ведущий кочевую жизнь народ во всех знаменах ласковыми мерами. <...> Смотри по тому, как установится великое дело, мы, общественные дарги, поедем представиться милости Богдо, чтобы получить указующие постановления». В ответ Богдо утвердил награды: «1. Хулунбуирской земли нового баргинского Чисто-Белого знамени, 3-го сомона, кандидат дзанги с павлиньим пером Дамдинсурэн — награждается званием гуна, сотрудника; 2. Того же знамени, 1-го сомона, писец, имеющий 6-й чин и шарик, Буринбатор — 4-й чин и шарик; 3. Того же сомона магистр, монах Лобсан Жамба — награждается шелковым ковриком; 4. Хулунбуирской земли, баргинского Чисто-Белого знамени, 2-го сомона, помощник и чиновный ученик Пунцук — 4-й чин и шарик; 5. Старо-баргинского Белого с Каймой знамени, 1-го сомона писец Гайхасу — 2-й чин и шарик; 6. Старо-баргинского Чисто-Голубого знамени, 3-го сомона писец Дамдинсурэн — 4-й чин и шарик; 7. С Каймой Желтого знамени вольному Джинхору — 5-й чин и шарик»⁴. Хайларские власти, среди которых не было никого выше 2-го класса, теперь не знали, как общаться с такими делегатами⁵.

¹ АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 386, л. 1–4.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 100–101.

³ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 141–147, 149.

⁴ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3083, л. 48–49об.

⁵ Телеграмма Поппе из Харбина в Пекин по данным Усатого от 2 марта 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 646, л. 15–15об.

Другие видные баргинцы тоже изъявляли желание перейти в подданство Богдо-хана Монголии. Так, в 1912 г. главный монастырь Новой Барги — Улзий-Энх-жулэгч-сумэ (с 4000 лам) отправил в Нийслэл-хурэ да-ламу Лодоя. В ответ, по указу Богдо-хана, в Баргу прибыл хамбо-лама рабдхамба Наванжамьян, который пробыл там около двух лет и, вернувшись, получил в награду звание Мэргэн-пандита. В 1912 г. сомонный дзангин из хошуна Хувут-Улан — Тувшинжаргал также попросил принять его в монгольское подданство. Так же поступили баргинские феодалы Пунцагравдан, Цэнд и др.¹

Вместе с тем, российский генеральный консул в Урге В.Ф. Люба телеграфировал: «Из объяснений с Да-ламой, делегатами и официального доклада правителей Хутухте выяснилось, что баргутские старшины с просьбой о подданстве не обращались, высказывали лишь намерение после “великого дела” приехать в Ургу для получения от Богдо “указующих наставлений”. Резолюция Хутухты, сообщенная старшинам, состоялась в смысле отсрочки разрешения баргутского вопроса до их приезда. Таким образом, установление отношений Халхи к Барге будет зависеть от приезда сюда старшин, и нам следовало бы удержать их от этой поездки и склонить к отзыванию отсюда делегатов»².

Приведенные данные говорят о том, что Люба или получил «смягченную» информацию от монголов, или предпочел истолковать ее в желательном ключе. В монгольском государственном архиве есть ряд посланий от высшего руководства Барги, феодалов и чиновников различных ее хошунов с просьбами принять их в подданство Богдо-хана Монголии. Эти письма датированы 11 февраля — 23 июля³. Там же хранятся «разрешительные послания» от имени Богдо-хана на вхождение в его подданство чиновников, феодалов, лам и шабинаров Хулунбуира, а также назначения, награждения и администрирование их⁴. Следовательно, незадолго до и после официального присоединения Барги к государству Монголия баргинцы заявляли о своем подданстве Богдо-гэгэну, который становился высшим правителем края.

Между тем, очередная попытка маньчжурских властей «вернуть» Баргу едва не нарушила планы российской дипломатии. Из Цицикара в Хайлар для переговоров прибыли чиновники Аньшунь (даур), Сиин (даур) и Чанлян (баргут). Они предложили баргинцам подчиниться Китаю и признать республиканское правительство. Те заявили, что до съезда, планируемого 29 февраля, они ответить не могут. У баргинцев росла надежда на помощь Богдо-гэгэна, они были готовы присоединиться к Халхе⁵.

¹ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 59–61.

² Телеграмма Любы из Урги в Пекин от 18 февраля 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 127.

³ МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 3, х. 105–108, х.н. 350, бичиг 14; х.н. 347, бичиг 47 — в кн.: Монголчуудын нэгдсэн..., 2014, с. 97–105.

⁴ МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 26, х. 76а–78, 81–83, х.н. 53, х. 51–53а, х.н. 53, х. 298–299а, 434–436 — в кн.: Монголчуудын нэгдсэн..., 2014, с. 107–114.

⁵ Копия отношения Усатого из Хайлара Поппе в Харбин от 25 февраля 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 162–163.

Баргинский съезд состоялся 6 марта 1912 г. Когда правитель Шэн (даур) предложил обсудить вопрос о согласии с китайцами, выяснилось, что большинство чиновников склонно к соглашению на условиях предоставления Барге самостоятельности в управлении, как и раньше. Узнав об этом, около 200 баргутских солдат явились в Управление и заявили, что о соглашении с китайцами не желают и слышать, требуют от старшин немедленно ехать в Нийслэл-хурэ для присоединения к Халхе. Шэн заявил об отказе от должности правителя, и остался лишь после настоятельных просьб населения. Было решено воздержаться от посылки старшин в Ургу, и уведомить китайцев через прибывших от них чиновников о предоставлении двухмесячного срока для обсуждения вопроса о соглашении¹.

Разногласия в вопросе о присоединении к государству Монголия в большой мере носили этнический характер. По сообщению баргинца Ямбэлту, посланного в Нийслэл-хурэ, «вся Барга единодушна в своем решении отстоять независимость от Китая, хотя бы ценой народной крови». Вместе с тем, население Старой Барги (в основном солоны, дауры и олёты) не так тяготело к Халхе, как «бурят-баргуты (Новая Барга), являющиеся потомками халхасцев»².

Баргинцы отслеживали перемещения китайцев в Хулунбуир. После того как в Хайларе скопилась масса китайских рабочих, пытавшихся найти работу, баргинцы приняли их за солдат и арестовали более 600 чел. Тех, личность которых удалось установить, отдали под попечительство русских, но на 26 марта 330 чел. оставались под стражей: баргинцы хотели их депортировать³.

Маньчжурские власти продолжали военные приготовления. В марте были командированы офицеры из Баяньжжоу и Суйхуафу для формирования 3 конных инов для 10-го отряда Хулунбуирского округа — предполагалось сформировать 10-й отряд войск сюньфандуй в составе 2 пехотных и 3 кавалерийских инов. По сведениям «из негласных источников», в случае несогласия монголов на условия и.о. губернатора Хэйлунцзяна, которые им будут предъявлены в первых числах мая, для занятия Хулунбуирского округа вооруженной силой кроме этих инов планировалось командировать 1-й пехотный батальон Хэйлунцзянской смешанной бригады и 1 кавдивизион⁴. Судя по телеграмме генерал-губернатора Маньчжурии, предполагалось вести наступление для занятия Хулунбуира одновременно тремя отрядами с севера (по Аргуни на Лубиньфу), востока (из Цицикара на Хайлар) и юга (из Мукдена или Таонаньфу на Хайлар)⁵.

В этой обстановке появились сведения, что Шэнфу собирается вновь подчинить Баргу протекторату Китая, «о чем ведутся теперь переговоры с Пекином».

¹ Телеграмма Поппе из Харбина в миссию в Пекине по данным Усатого от 6 марта 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 164.

² Телеграмма Любы из Урги Козакову от 24 марта 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 646, л. 120–123.

³ Думы Забайкалья, № 312, 3.04.1912.

⁴ Разведка консульства в Цицикаре от 3 апреля 1912 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 203–204.

⁵ Разведка консульства в Цицикаре от 10 апреля 1912 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 215–216.

Командиры баргутских солдат неоднократно требовали от Шэнфу объяснить ситуацию. Наконец, 24 марта Шэнфу, приняв посланцев, вернувшихся из Урги, собрал командиров и объявил им, что Джебцзундамба-хутухта поставил очень тяжелые условия, на которых он мог бы согласиться на присоединение Барги к независимой Монголии. Поэтому Шэнфу и его советники решили возобновить переговоры с китайским генералом в Цицикаре и предложить условия, на которых Барга опять могла бы признать протекторат Китая. Командиры разошлись. 25 марта около Хайлара они собрались со своими солдатами и единогласно решили не подчиняться решению Шэнфу и его советников, не отдавать китайцам Хайлар, даже если те подпишут соглашение с китайским генералом. 26 марта депутация от войска объявила об этом Шэнфу. Поскольку Шэнфу и его советники заявили о неизменности своего решения, солдаты объявили главным ухэриду «Ю», привели в ямынь и заставили поклясться на верность Барге. Шэнфу и его советники бежали в российский поселок. В это время другие солдаты стали вламываться в китайские дома в Хайларе, выгонять оттуда китайцев и связывать их косами (всего набралось 550 чел.). Они собирались выгнать китайцев из Хайлара. К утру почти все дома и магазины китайцев были разгромлены. Наутро, по распоряжению из Харбина, представители российских властей посетили руководителей бунтовщиков, которые после переговоров разрешили Шэнфу вернуться к исполнению обязанностей. Схваченных китайцев отпустили по домам. Беспорядки прекратились. Считали, что, если Шэнфу заключит соглашение с Цицикаром, беспорядки возобновятся¹. По просьбе баргинских властей для поддержания спокойствия в монгольском городе были расставлены российские конные посты. Ночью прибыл подполковник Байдак и отменил распоряжение командира конного полка². «Чиновники боятся идти против вооруженных солдат. Прибывший недавно наиболее влиятельный угурда Ан заявил мне, что он приложит усилия убедить в необходимости соглашения и если это ему не удастся в течение недели, то рассчитывать на добровольное согласие монголов с китайцами трудно»³. Сохранился перевод объяснения Шэнфу его действий⁴.

По-видимому, Шэнфу и его советники-дауры надеялись выторговать себе больше выгод в соглашении с цицикарскими властями, чем они могли получить от Богдо-гэгэна. Однако барга-монголы стояли за независимость от Китая и предпочитали воссоединиться с независимой Монголией. Даурская верхушка вынуждена была уступить.

Поппе телеграфировал в МИД: «Неоднократное вмешательство подполковника Байдака в дела Барги может, в конце концов, привести к самым нежелательным последствиям. Казалось бы необходимым принять меры к устранению на буду-

¹ Новая жизнь, 30.03.1912.

² Телеграмма Поппе из Харбина в миссию в Пекине по данным Усатого от 29 марта 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 184.

³ Телеграмма Поппе из Харбина в миссию в Пекине по данным Усатого от 29 марта 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 186.

⁴ Новая жизнь, 6.04.1912.

щее время возможности подобных вмешательств»¹. Вскоре было достигнуто соглашение с управляющим КВЖД о том, что без удостоверения Усатого китайцы, задержанные баргутами, не принимаются к перевозке в Цицикар, а принимаются только безработные по соглашению российской полиции с делегатом цицикарского губернатора при управлении КВЖД².

Другими факторами напряженности в Барге были неурегулированность ее отношений с центральными властями Китая и с провинциальными маньчжурскими властями. «Со стороны китайцев не замечается ни малейшего желания сговориться с баргутами на основании предоставления им каких-либо льгот. Китайцы, по-видимому, напротив того, намерены по возможности тянуть дело, выжидая благоприятного момента для полного восстановления власти в Барге, к обратному подчинению каковой ими, несомненно, упорно делаются приготовления»³. Вайцзяобу (МИД Китая) уверяло, что нет планов ввода войск в Баргу, но всё время поступали сведения о военных приготовлениях в Цицикаре⁴.

Сохранилась переписка о планах российских властей и военных на случай посылки китайских войск в Баргу. Общее направление было прежним: путем переговоров отклонить китайцев от военной интервенции, но в случае таковой силой остановить их. В связи с этим, МИД России сносился с министром финансов «для поручения Заамурскому пограничному округу воспрепятствовать посылке китайских войск в Хайлар»⁵.

Не удивительно, что в такой ситуации в Барге усиливались настроения в пользу реинтеграции с Монголией. Для торжественного открытия и приема печати от Богдо-хана был назначен особый день. Но затем этот день был признан ламами несчастливым, поэтому печать открыли 5 мая⁶. Утром того дня в Хайларе состоялось торжественное мероприятие по случаю присоединения Барги к Халхе. О согласии Богдо-хана принять Баргу в свое подданство ургинское правительство уведомило Шэнфу особой бумагой и выдало серебряную печать. Указывалось, что во второй половине XVII в. Барга входила в Цэцэнханский аймак, эти земли были завоеваны русскими, затем по Нерчинскому договору отданы Цинской империи как бывшее вассальное владение Халхи, потому сейчас являются спорными и на них претендует Халха⁷. Помимо официального уведомления о присоединении

¹ Телеграмма Поппе из Харбина Сазонову в Петербург от 29 марта 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 185.

² Телеграмма Поппе из Харбина в миссию в Пекине от 31 марта 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 188.

³ Телеграмма посланника в Пекине в МИД от 8 мая 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 221.

⁴ Телеграммы посланника в Пекине за май 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 222–223об.

⁵ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 176, 189–199.

⁶ Телеграмма Усатого из Хайлара в генконсульство в Харбине от 5 мая 1912 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 6, л. 226, рукопись.

⁷ РЗО от 15 мая 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 227–228об.; РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 769, л. 110. Датой торжества ошибочно указано 4 мая.

Барги к независимой Монголии, баргуты получили указ о том, что они должны собрать как можно больше скота и лошадей, обменять их на серебро и послать его в Ургу, чтобы на эти деньги было приобретено оружие для баргинцев. В третьем указе баргинцам запрещались все сделки, займы и договоры с иностранцами — «они должны быть учиняемы с ведома Хутухты»¹.

В июне Шэнфу с князем Джеримского сейма Внутренней Монголии Бинтуваном прибыли Ургу². Пресса отмечала, что Шэнфу — «даур по происхождению, окитаившийся и ярый сторонник присоединения Барги к Китайской республике... не пользовался уважением и любовью населения. Почему баргуты высказывают надежду, что Шэн не вернется к ним больше, а Хутухта дарует населению управителя из баргут, тем более, что дауры вообще являются чуждым элементом страны, нелюбимы коренным населением и не считаются даже им за единоплеменников. Кандидатом народная молва намечает сторонника России, решательного и горячего патриота Сайн-гуна Ана (помощника амбана)»³. Эти надежды не сбылись: Богдо-гэгэн VIII, проводя сбалансированную политику, предпочел принять подданство Барги под руководством Шэнфу.

Всем начальникам хошунов Богдо-хан оставил прежние титулы и права. В Хулунбуире были назначены начальники для 8 хошунов солонов и баргутов, 8 хошунов Новой Барги, 1 — олётов, восточного и западного крыльев солонов⁴. Правительство Богдо установило уртонные станции на восток в сторону Барги, развивало с ней торговлю⁵.

Присоединение Барги к Монголии имело и военное значение. В.Ф. Люба сообщал: «Хутухта подарил Барге из отпущенных нами берданок 2 тыс. Отправка задерживается отсутствием у баргутов средств на наем подвод». Согласно телеграмме Усатого, Богдо-гэгэн обещал баргинцам 3000 ружей. «1000 уже доставлена в Акшу, куда из Хайлара отправляется транспорт для принятия оружия»⁶. С другой стороны, по приказу Богдо-гэгэна летом 1912 г. в Барге проводилась мобилизация солдат в помощь монгольскому отряду, осаждавшему китайскую крепость г. Кобдо в Западной Монголии⁷.

По распоряжению Богдо-хана из Хайлара было отправлено 34 молодых солдата для обучения их в Урге военному делу. Солдаты эти должны были стать кадровыми для баргинских войск. Весной численность этих войск предполагалось довести до 2000 чел., снабдить их хорошим оружием. Для наблюдения за внутренним управлением Барги Богдо-хан хотел назначить особого своего чиновника с тем, чтобы тот заседал в управлении фудутуна (Шэнфу), но последний не согласился с этим предложением. Ввиду этого, Богдо командировал в Хайлар ламу,

¹ Забайкальская новь, 23.05.1912.

² Телеграмма Любы из Урги в миссию в Пекине от 7 июля 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 276.

³ Новая жизнь, 29.06.1912.

⁴ Дэндэв, 2006, с. 109–113.

⁵ Сандаг, 2018, с. 256–257.

⁶ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 218, 219.

⁷ Новая жизнь, 12.08.1912.

который стал тайно следить за деятельностью Шэнфу¹. В апреле 1913 г. Шэнфу распорядился в дополнение к указанным выше 2000 чел. мобилизовать еще 500 для размещения в 11 пунктах на восточной границе Барги².

Военные приготовления баргинцев были связаны с сохранявшейся китайской угрозой. В первой половине июля 1912 г. Штаб Заамурского округа получил «сведения о посылке китайскими властями из Цицикара двух чиновников в Хайлар для переговоров с отложившимися баргутами с целью обратного присоединения к Китаю; в случае если эта посылка китайских чиновников окончится неудачей, то, по тем же сведениям, китайское правительство намерено в ближайшем будущем выслать из Мукдена карательный отряд в Баргу для подавления отложившихся от Китая баргут, причем означенный отряд, составленный из войск суньфандуй Мукденской провинции³, под начальством Чжан Цзолиня, предположительно двинут из Мукдена на Хайлар через монгольские княжества к югу от КВЖД. 17 июля в Цицикар прибыли водой два пулемета Максима, 10 кавалерийских, 120 ящиков патронов, 24 ящика снарядов. Ожидалось прибытие 26 июля 1000 ружей и 3 млн. патронов. Губернатор телеграфировал в Мукден о скорейшем командировании 10 инов в Хэйлунцзян ввиду вооружения монголов в Хайларе и участия в их обучении русских. Вместе с тем, ни в Хайларе, ни в Лубиньфу у монголов не было инструкторов, монгольские солдаты обучались монголами, которые ранее были в отряде суньфандуй в Хайларе»⁴.

Летом 1912 г. произошел курьезный случай, показывающий межэтнические разногласия в Барге. Дауры Барги, которых там было всего несколько сот, тем не менее составляли несколько сомонов, причем большинство их числилось «начальством». Возник вопрос об упразднении этой системы. Тогда дауры попытались записать своими подчиненными чипчинов (баргутов), «зачислив их в дауры». Однако баргуты не захотели этого, поскольку дауры среди большинства баргинцев «пользуются дурной славой, отличаются в религиозном и нравственном отношении, и более или менее окитаились»⁵. Собрав богатые дары, дауры отправили в Ургу Шэнфу. Баргуты не считали дауров своими соплеменниками, и опасались, что успех этого предприятия вызовет общее недовольство. В Барге шли слухи, что, может быть, Богдо-хан оставит даура Шэнфу в Урге, а им даст правителя-баргута⁶. Через несколько лет антидаурские настроения стали одной из причин захвата Барги монгольскими повстанцами («харачинами»).

Российской политике противоречило стремление Барги объединиться с государством Монголия. Позиция российского правительства определялась так: «Признанное императорским правительством желательным решение вопроса

¹ РЗО от 22 октября 1912 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 19, л. 87–87об.

² Новая жизнь, 4.05.1913.

³ С 1 марта 1929 г. переименована в Ляонинскую (АВПРФ, ф. РК, оп. 13, папка 20, д. 29, л. 138).

⁴ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 282–282об., 287, 288.

⁵ Восток, 31.07–12.08.1912.

⁶ Думы Забайкалья, № 382, 29.07.1912.

о судьбе Внешней Монголии сводится к созданию из нее области Китая, особое положение которой в составе этого государства было бы гарантировано Россией. <...> Относительно Внутренней Монголии надо высказаться категорически против ее стремления присоединиться к Халхе: это может очень неблагоприятно отразиться на российско-японских отношениях. Барга тесно связана с Северной Маньчжурией и ей надо бы разделить судьбу последней. Кроме того, в Барге находится станция Маньчжурия — открытый для торговли пункт, где функционирует таможня, и иностранцы имеют основанные на соглашениях права и интересы»¹. Этой политики Россия продолжала придерживаться до Октябрьской революции 1917 г.

Летом 1912 г. во Внутренней Монголии произошло восстание князя Удай, правителя хошуна Джасаку. Китайские войска жестоко подавили восстание, истребили значительную часть монгольского населения. В Баргу хлынул поток беженцев. Видя разгром хошуна Джасаку, баргуты стали просить Россию избавить их от переговоров с китайцами и защитить от возможного вторжения². Китайские власти пытались использовать подавление восстания для запугивания баргутов.

Однако свыше 700 баргинских солдат направились в Хинган, куда бежал Удай и много других монголов хошунов Джасаку и Тушэ-гуна, для их охраны³. Усатый телеграфировал в Харбин: «1) получено известие, что цицикарский губернатор, рассчитывая на впечатление, произведенное карательной экспедицией в Восточной Монголии, посылает в Хайлар делегата для переговоров с баргутами о присоединении вновь к Китаю, почему правитель Хулунбуира спрашивает, допустим ли мы расправу с баргутами китайцев ввиду того, что население по-прежнему противится соглашению с китайцами. 2) Около 20000 монголов, бежавших из княжества Джасаку, собрались у верховьев Тора, не имея крова и хлеба. Для отвращения гибели от голода и холода необходима немедленная помощь. Удай, прибывший в Хайлар с семьей и Ширэту-ламой, просит помощи русского правительства в виде ссуды в 30 тыс. руб.»⁴ Разгром хошуна Удай-вана китайцами произвел удручающее впечатление на баргутов. Баргинские власти ждали китайских делегатов, которые «их будут уговаривать переходить на сторону Китая и безусловно пообещают различные привилегии в том случае, если монголы согласятся с их требованиями»⁵.

С.Д. Сазонов по этому поводу дал такие указания посланнику в Пекине В.Н. Крупенскому: «Полагаем, что настоящий момент является подходящим еще раз установить примирение между китайским правительством и Баргой. Мы не считаем нужным поддерживать притязания Барги на независимость от Китая и на

¹ Записка по монгольскому вопросу, переданная в МИД лично председателем совета министров России в начале июля 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 658, л. 44–51об.

² Например, АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 336 (рус. перев.), л. 337 (монг. рукописн. ориг., заверенный печатью, данной Богдо-ханом Монголии).

³ Забайкальская новь, 26.09.1912.

⁴ Телеграмма Поппе из Харбина в миссию в Пекине от 27 сентября 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 291.

⁵ Харбинский вестник, 10.10.1912.

объединение с Халхой. Но если бы китайцы, не считаясь с желаниями населения этой области, задумали силой подчинить ее своей власти, мы не могли бы допустить там расправы, подобной той, которой подвергся хошун Джасакту. В этом смысле Вы могли бы объясниться с китайским министром иностранных дел, указав ему на необходимость скорее прийти к соглашению с монголами Внутренней Монголии и Барги и на вред и опасность для китайской власти в монгольских кочевьях жестокостей, которыми сопровождалось подавления восстания в Таонаньфу. Вы могли бы также отметить, что сдерживающее влияние, которые мы оказываем стремлениям Внутренней Монголии соединиться с Халхой, основано на убеждении, что благоразумие подскажет китайскому правительству пользу соглашения с нами по монгольскому вопросу. Если мы убедимся в противном, то у нас не будет причин долее противодействовать объединению всех монгольских племен против китайцев, которые своей политикой успели внушить монголам мысль, что Китай является их общим естественным врагом»¹. Нельзя отказать Сазонову в точности выводов об отношении монголов к Китаю.

Российское правительство и дальше продолжало держаться своей политики. «Министр финансов сообщает, что на запрос баргинских правителей генералу Мартынову, как поступят русские войска в случае посылки китайцами карательного отряда в Хайлар, генерал ответил, что в крайнем случае мы будем защищать баргутов оружием. Одобрив такой ответ, как согласный со взглядами императорского правительства, министр финансов вместе с тем поручает генералу Мартынову не вступать в подобные объяснения с монголами и направлять их к нашим консулам, а равно не командировать за полосу отчуждения КВЖД войсковых частей без разрешения министра финансов»².

Российская политика остужала воинственность некоторых деятелей Китая, но вопрос о военном решении оставался открытым. В конце 1912 г. маньчжурские провинциальные власти продолжали планировать военные меры для подчинения Барги. В ответ руководство Барги в ноябре 1912 г. отправило письмо цицикарскому губернатору, в котором отвергало претензии Китая.

В начале 1913 г. цицикарский губернатор Сун получил телеграмму от кабинета министров Китая, где было сказано, что там обсудили положение Барги, постоянно служащей «убежищем всех порочных элементов провинции [Хэйлунцзян. — С.К.], которые, постоянно делая набеги на монгол, в особенности Джалайт, безнаказанно скрываются с добычей в Хулунбуир, кроме того, шайки хунхузов, разбитые в восточной части провинции, направляются туда же»³. Так что разбой хунхузов обсуждались как предлог для интервенции в Баргу. Каби-

¹ Телеграмма Сазонова посланнику в Пекине от 30 сентября 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 292.

² Телеграмма Коковцова Сазонову от 11 октября 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 16–160б.; Телеграмма Сазонова посланнику в Пекине от 15 октября 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 294; ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 17.

³ В апреле 1913 г. отмечались грабежи стойбищ монголов хунхузами, против которых власти Барги послали солдат на Хинган (Новая жизнь, 21.04.1913).

нет министров Китая, обсудив это и международную обстановку, на заседании 13 марта постановил, что «вопрос о занятии Хулунбуира, прежде окончания дела с Ургой, послать на рассмотрение военного совета по делам Монголии в городе Чанчуне, куда кабинетом отослана вся переписка по этому делу». Этот совет должен был заседать в марте. Сторонниками быстрого занятия Хулунбуира до окончательного решения вопроса с Ургой были губернатор Сун, генерал-квартирмейстер Хэйлунцзянской пров. Сюй Найлин и командир 1-го отряда полковник Цин Энь, сын бывшего губернатора провинции во время боксерского восстания¹.

В апреле 1913 г. провинциальные власти решили издавать газеты на маньчжурском и монгольском, чтобы пропагандировать новый строй и бороться с российским влиянием в Барге². Но центральное правительство опасалось ссориться с Россией из-за Барги. Юань Шикай через своего доверенного «самым категорическим образом» заверил российского посланника в Пекине, «что об экспедиции против Барги не может быть и речи»³.

Баргинцы продолжали считать себя подданными Богдо-хана Монголии. Они принимали меры вооруженной защиты этого статуса. 24 сентября 1913 г. в Старом Хайларе открылся съезд, который продолжался 8 дней. На нем было 89 чиновников от хошунов округа. Съезд постановил: поставить во главе каждого хошуна князя, в помощь им назначить по 2 старших помощника (1 по гражданской и 1 по военной части) и 4 младших помощника; назначить комиссию по выборам чиновников на вакантные должности; с каждой семьи взять по 1 человеку и 1 лошади для обучения военному делу, если лошади нет — то взять у богатого, если в семье есть оружие — выходить со своим оружием, если нет — получать от казны, в первом случае причитаются 10 лан в месяц, во втором — 9; обучением заняться немедленно; установить по 500 солдат в каждом хошуне (но по предложению «полковника Гуя» собрание решило послать только по 10 солдат для обучения, остальных оставить в хошунах); чиновники предложили обратиться к русским за инструкторами. Постановление отправили на утверждение Джебцундамба-хутухты⁴.

В начале ноября 1913 г. Шэнфу командировал в Нийслэл-хурэ чиновников Фушана (Фусян, Линшэн) и Бао Хофана со списком всех чиновников 17 хошунов округа с ходатайством о выдаче им печатей и назначении жалованья, с отчетом о поступлении пошлин, податей и расходов денег на местные нужды. В ноябре из Урги было получено извещение, что чиновник Энхбаяр доложил о предстоящем прибытии из хошунов Внутренней Монголии 50 монголов для поступления на военную службу — хулунбуирским чиновникам было приказано по прибытии этих

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 174–175; ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 23–24.

² Новая жизнь, 2.05.1913.

³ Копия письма посланника в Пекине управляющему КВЖД Хорвату от 12 ноября 1913 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 81.

⁴ РЗО от 28 октября 1913 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 73–73об. Сведения о высылке Богдо-гэгэном баргинцам 2000 берданок с 1,5 млн. патронов (Харбинский вестник, 17.09.1912) не подтверждаются документами. Полковник Гуй — возможно, Гуйфу.

людей в Хайлар осмотреть их, снарядить в дорогу и отправить на службу в Егузэр-сумэ (хошун Сан-бэйсэ на востоке Халхи). От имени Шэнфу в Ургу послали сообщение, что он и чиновники 17 хошунов Хулунбуирского округа до этого действовали по маньчжурским законам, потом сделались самостоятельными, а когда Хутухта стал государем Монголии, все они решили перейти под его покровительство, что и сделали; теперь просят, чтобы им разрешили снова вести дела по старым маньчжурским законам. Вместе с тем, в условиях давления России правительству Богдо становилось все труднее проводить свою политику интеграции Внешней Монголии с Внутренней Монголией и Баргой. По разведанным, Фушан, вернувшийся в Баргу, доложил фудутуну слова Богдо, что ему принадлежит Халха, а Барга должна принадлежать Китайской республике. Шэнфу получил от Богдо письмо, где тот приглашал его в Нийслэл-хурэ для обсуждения вопроса о Хулунбуире. Баргуты не хотели отказываться от самостоятельности¹.

В Ганжур-сумэ был выставлен пост хулунбуирских войск (10 чел.). Там было столкновение с китайцами, хулунбуирцев убито 9, ранено 18, находившихся с ними солдат из хошуна Джасакту-вана убито и ранено ок. 100. В ямыне фудутуна с 1914 г. решили учредить отдел по распашке земель монголами².

Между тем, заинтересованность России в Барге возростала теперь еще и вследствие роста российского предпринимательства там. Отмечалось важное экономическое значение Барги³. Россия содействовала своим предпринимателям⁴. Российские подданные жили там в большой мере самостоятельно в экономическом и культурном отношениях⁵. Например, в северной Барге находились концессии княгини Оболенской. В районе Ганжур-сумэ проводилась ежегодная Ганжурская ярмарка. Она служила показателем положения торговли в округе⁶. С исчезновением китайской власти китайские купцы, опасаясь репрессий монголов, бросили насиженные места в разных концах Барги и частью прекратили торговлю, частью перенесли склады и магазины в российские поселки при станциях Хайлар и Маньчжурия⁷.

«Лишь за два последних года, с переходом власти к баргутам, там начинают возникать и успешно развиваться русские аренды и концессии в виде использования земли под распашку, сенокошения и выпаса скота, получения прав рыбной

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3443, л. 41–41об.

² РЗО от 25 ноября 1913 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 307–308об.; РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 770, л. 100–101об.

³ Коншин, 1914, с. 69–74.

⁴ Напр., об отсрочке от призыва на войну в 1915–1917 гг. рыбопромышленникам в Барге: АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 2902; О концессиях в Барге, 1914–1917 гг., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3391.

⁵ Например, Харбинский вестник, 26.10.1912.

⁶ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3399; д. 760, л. 49–50об.; Харбинский вестник, 18.09.1911, 7.10.1912, 2.11.1914; Новая жизнь, 14.09.1913, 17.09.1913; Новости жизни, 26.01.1915.

⁷ Барга и ее экономическое значение. Торговый отчет императорского российского вице-консульства в Хайларе за 1913 г., от 30 июня 1914 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 182–232 (машинописная копия).

ловли в богатых озерах Буир-нур и Далай-нур, права на добычу каменного угля в районе станции Маньчжурия и разработки золотых приисков по золотоносным рекам северной Барги»¹.

Для изыскания средств на содержание своего правительства баргинцы сдавали русским купцам и офицерам рыбные ловли и другие промыслы, отобранные у китайцев. Это вызвало протест Вайвубу, и российские власти запретили своим военным участвовать в таких сделках. Шэнфу и Усатый установили правила аренды российскими подданными свободных земель Барги для хлебопашества и огородничества². Только в 1912–1914 гг. управление Хулунбуира заключило контракты на аренду рыболовных участков с 32 подданными России, на лесную концессию — с 1, золотопромышленную концессию — с 1, содержание паррома — с 1. Примечательно, что датировки за 1912 г. даны по годам правления цинского императора Сюаньтуна (Пуи), а за 1913–1914 гг. — уже по годам Многими Возведенного (монгольского Богдо-хана). С 1912 по 1915 г. российские подданные заключили в целом 54 контракта с властями Хулунбуира³.

Много контрактов на рыболовство было по р. Аршан. Сроки контрактов — обычно 5–10 лет, датировка — по русскому календарю (указана вначале) и по годам Многими Возведенного (в конце). Например: «Всё оз. Хулун сдается в аренду русским торговцам Фаддееву и Митрофанову в аренду для производства рыбной ловли сроком на 10 лет. За аренду озера устанавливается плата в размере 50 000 руб. ежегодно». Те, кто и раньше арендовал там участки, могли пользоваться ими по-прежнему. Везде, где контракты на ловлю рыбы в реках — не разрешается ловля заграждением в воде. Были контракты на аренду перевоза через р. Хайлар, концессий на добычу золота. При разработке золотоносных жил не должны были разрушаться обо. Все заключенные с баргинскими властями договоры своевременно сообщались в российскую миссию в Пекине. Сохранились замечания по рассмотрению текстов контрактов делегатами из Вайвубу и российской миссии в Пекине. По данным до 19 июля 1915 г., на рыболовные участки был заключен 41 контракт, на рыболовные концессии — 14, лесные концессии — 4, золотопромышленные концессии — 2, содержание паррома — 2, аренду земли и домов — 3. В другом списке (с 1912 по 1917 г.) договоров на рыболовные участки 32, лесные концессии — 1, золотопромышленную концессию — 1, содержание паррома — 1⁴.

23 октября/5 ноября 1913 г. состоялось подписание Русско-китайской декларации по Внешней Монголии, в которой последняя определялась как страна под сюзеренитетом Китая. В связи с этим, баргинские власти командировали в Нийс-

¹ Письмо управляющего КВЖД Д.М. Хорвата из Харбина В.Н. Крупенскому от 23 ноября 1913 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 310–311.

² АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 646, л. 141–141об., д. 760, л. 166–167.

³ Списки и переводы договоров российских подданных, заключенных с управлением Хулунбуира, 1912–1914 гг., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3106, л. 1–50, ф. МП, оп. 761, д. 387, л. 34–36.

⁴ Тексты копий контрактов на русском (машинопись) и монгольском (рукопись) языках, без печатей, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 387, л. 37–219.

лэл-хурэ Линшэна. Он пробыл там более месяца. Возвратившись, он не привез ничего нового¹.

В декабре состоялся съезд баргинских старшин, который постановил «еще раз обратиться к ургинскому правительству с просьбой об оставлении Барги под властью монгольского Богдо-хана». Съезд составил петицию ургинскому правительству, где в довольно резких выражениях указывал на непоследовательность правительства, сначала принявшего Баргу под свое покровительство, а теперь согласившегося отдать ее китайцам. Доставить петицию в Ургу поручили наиболее ярким противникам соглашения с китайцами — ухэриде Чибсэнгэ, сомонным дзангинам Намдаку и Багабанди, заведующему дипломатической частью управления Хулунбуира Линшэну. Съезд поручил добиваться желательного результата всеми средствами, до подкупа министров включительно, для чего решили израсходовать 10 тыс. руб. В случае неуспеха предложили «обратиться к Богдо-хану с просьбой ходатайствовать перед русским правительством о предоставлении Барге самостоятельного внутреннего управления под властью Китая, но с изъятием их из ведения китайских провинциальных властей и непосредственным подчинением президенту республики; затем о посредничестве России при переговорах с китайцами и о гарантиях со стороны России против недопущения китайской расправы и уничтожения китайцами впоследствии выговоренных при переговорах прав».

Усатый беседовал с участниками съезда. Большинство из них не ожидали благоприятного результата миссии и считали, что им придется подчиниться китайцам. Они понимали, что всё зависит от российского правительства, но обратиться к ургинскому правительству необходимо для успокоения населения и избегания нареканий со стороны Урги. Линшэн просил посредничества вице-консульства при переговорах с Китаем и сказал, что они хотели бы сохранить прежний административный строй, который был при Цинской династии до 1909 г., то есть чтобы Хулунбуир управлялся фудутуном, назначаемым из местных чиновников или маньчжуров, а не из китайцев; чтобы остальные чиновники выбирались населением и утверждались высшей властью (президентом); чтобы в Хулунбуир не допускались китайские войска и была запрещена колонизация земель китайцами. Это были те же цели, которых они добивались вначале, изгнав китайских чиновников и солдат².

В феврале 1914 г. Усатый получал сходные ответы на вопросы о пожеланиях по урегулированию отношений с Китаем. Пожелания были такие. Должностных лиц из других мест в Баргу не назначать. Уплата Китаем долгов другим странам Барги не касается. Правитель избирает себе помощника, китайцам сообщается его имя. Хлебопашцы-китайцы, китайские чиновники и солдаты в Баргу не допускаются. Для защиты Барге предоставляется право набирать солдат. Своей тор-

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 12 декабря 1913 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 314–314об.

² Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 29 декабря 1913 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 384, л. 316–317об.

говлей и доходами Барга распоряжается самовластно. Хэйлунцзянской пров. она не подчиняется, образует самостоятельную область со своим правительством. Установленный порядок китайское правительство нарушать не может, это защищает Россия. Правила эти могут действовать после решения вопроса о внешних делах Монголии. «Если Монгольское государство не уничтожится (не замрет), Хулунбуир остается подведомственным ему»¹. Важным был вопрос о юрисдикции суда. Для монголов был предложен совместный суд с монгольскими властями и китайскими представителями².

В начале января 1914 г. Крупенский направил Сазонову копию донесения Усатого с просьбой дать указания по баргинскому вопросу. Донесение Усатого прочитал царь. 7/20 января Крупенский повторил Усатому мнение российского правительства: Барга «должна разделить участь Северной Маньчжурии... Вследствие сего мы не включили Баргу в автономную Монголию и в принципе согласны на восстановление там китайского суверенитета». При этом подчинение Барги должно произойти только путем мирных переговоров. 24 января/6 февраля 1914 г. Крупенский написал Сазонову, что главное в «баргутском вопросе» — закрепление за российскими торговцами и промышленниками выгод, приобретенных в последнее время в Барге. Если его связать с ограничением «китайских вооружений в Северной Маньчжурии», то можно использовать его и как средство давления на тройственных переговорах (с Китаем и Внешней Монголией). Отсрочка переговоров опасна, поскольку облегчит китайцам возможность сговориться с Баргой, минуя Россию³. Заинтересованность российской стороны теперь определялась и началом Первой мировой войны с возможностью немецких диверсий в Маньчжурии (подробнее см. ниже).

16 февраля (ст. ст.) 1914 г. китайское правительство уведомило Крупенского о готовности вести переговоры по Барге, но запросило требования российского правительства об условиях сохранения там китайской власти. В ответ Сазонов прислал через Крупенского такие требования: Барга должна управляться национальными властями; пекинское правительство должно утвердить все заключенные сделки русских подданных с баргинскими властями; за ними остается преимущественное право постройки подъездных путей к КВЖД в Барге; русским золотопромышленникам, лишившимся права на концессии во время войны, китайское правительство должно выплатить вознаграждения. Сазонов просил напомнить китайским властям, что Россия не допустит решения участи Барги «помимо нашего участия» и не признает двусторонний договор баргинцев с китайцами. Он хотел использовать баргинский вопрос в начинавшихся китайско-русско-монгольских переговорах в Кяхте о Внешней Монголии⁴.

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 385, л. 65–65об.

² АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760.

³ Международные отношения..., 1931, т. 1, с. 71–72, 232–233.

⁴ Переписка Сазонова с Крупенским 4–19 февраля 1914 г., Международные отношения..., 1931 — цит. по: Белов, 1993, с. 174–175.

1/14 марта 1914 г. Крупенский прислал Сазонову пожелания баргинцев по урегулированию с Китаем (на основе сообщения Усатого). Крупенский считал их в большинстве не осуществимыми, так как они ставили бы Баргу в одинаковое положение с Халхой. В частности, непосредственное подчинение Барги правительству Китая он считал нежелательным, так как они пришлют в Хайлар своего представителя, а его вмешательство «было бы более неудобно», чем надзор со стороны цидикарских властей. Однако Сазонов 3/16 марта ответил ему, что «создание из Барги автономной области на предложенных баргутами условиях соответствовало бы нашим интересам»¹.

Хорошо знавшие ситуацию чины Заамурского округа Пограничной стражи указывали, что в Барге Россия имеет не только чисто экономические интересы. Хулунбуирский округ будет весьма важен для России стратегически, «так как, только владея им сами, или сохранив его во владении монгол, мы будем иметь на пространстве от слияния Шилки с Аргунью до границ Внутренней Монголии естественную границу, прикрытую малодоступным Хинганским хребтом. Без этого восточная граница Забайкалья является не обеспеченной, недостаточно обеспеченным является и Хинганский тоннель» КВЖД. В этих условиях российскую сторону интересовала дипломатия Шэнфу, посылавшего переговорщиков в Ургу, Мукден и Пекин в связи с подписанием Русско-китайской декларации 1913 г. (см. выше). Баргинцы разделились на две партии: сторонников соглашения с Китаем и сторонников Урги. К первым принадлежали почти исключительно чиновники-дауры, ко вторым — баргуты, в том числе чипчины. Однако о вооруженном сопротивлении речи не было в связи со слабостью баргинских войск².

Фактически, дауры собирались номинально подчиниться центральному правительству Китая, тогда как барга-монголы не желали этого.

Китайская сторона в целом согласилась с условиями баргинцев. Но с оговорками. Например, китайцы предложили, что на должность фудутуна Хулунбуира президент назначает маньчжура или монгола, но не обязательно из местного населения. Обсуждалось и назначение других начальников. Китайское правительство собиралось рассмотреть и все сделки русских с баргинскими властями. Как отмечал Крупенский, фактически китайцы предложили восстановление существовавшей до 1909 г. системы управления Баргой, что «кажется не слишком противоречащим как нашим, так и баргутским интересам»³.

Одновременно Россия вновь и вновь подтверждала, что не допустит вооруженного захвата Барги Китаем и стремится к мирному урегулированию. «Подчинение же Барги Китаю вооруженною силою слишком затронуло бы русские интересы,

¹ Международные отношения..., 1933, т. 2, с. 13–14, 16.

² РЗО от 22 марта 1914 г., РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 770, л. 135–135об.

³ Телеграмма Крупенского Сазонову и перевод ответа китайского правительства на предложение России о примирении Барги с Китаем от 21 марта 1914 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 385, л. 89–89об. (публикация: Международные отношения..., 1935, т. 3, с. 193–195); Единархова, Николаева, 2009, с. 48–50.

чтобы мы могли относиться к нему безучастно»¹. После этого Крупенский телеграфировал: «Президент через генерала Мунте прислал сказать мне, что им уже посланы строгие приказы о прекращении всяких репрессий со стороны китайских войск по отношению к мирному населению Внутренней Монголии». Президент заявил, что относительно Барги нет планов экспедиции².

Коковцов в свое время напомнил Сазонову о «состоявшемся между Вашим Превосходительством и мною в мае 1912 г. соглашении о недопущении китайцев до вооруженной расправы с баргутами» и указаний управляющему КВЖД и начальнику Заамурского округа Пограничной стражи «о необходимости воспротивиться вводу китайских войск в Хайлар и переходу ими названной дороги». Управляющий КВЖД Д.Л. Хорват его спрашивал, остаются ли в силе эти указания. Сазонов отвечал Коковцову: следует разъяснять китайцам, что их отношения с баргутами надо урегулировать мирным путем³.

4 апреля 1914 г. в Хайларе открылся очередной съезд баргинских чиновников от всех хошунов. Главным вопросом был статус Барги. Хотя посторонних на съезд не допускали, появились сведения, что 8 западных хошунов тяготели к ургинскому правительству, 8 восточных — к Китаю⁴. На съезд из Нийслэл-хурэ прибыл «Сурун-бэйсэ» (очевидно, Манлай-Батор Дамдинсурэн). Впечатление от положения Барги он вынес печальное: «Шэн-амбань действует тайно и, вопреки желанию народа, намерен всеми силами способствовать присоединению округа к Китаю. Вся исполнительная власть в руках даур, казна расхищается ими. Русское влияние в пользу возврата под иго Китая». Убедившись, что «судьба Барги будет решаться между китайским правительством и русским посланником в Пекине», он уехал в Нийслэл-хурэ, не дождавшись окончания съезда⁵.

Причиной этого пессимизма было несогласие баргинских властей принять новое назначение Манлай-Батора Дамдинсурэна по указу Богдо-хана. Дамдинсурэн два года назад выехал из Барги во Внешнюю Монголию простым дзангином, а теперь вернулся в званиях джун-вана и батора. Он с большим успехом командовал монгольским отрядом против китайцев у Долоннора. За это Богдо-хан дал ему звание дзасака — потомственного правителя в его родном хошуне Гул-Цаган в Барге, на что выдал указ⁶. Из вежливости Дамдинсурэн представил Шэнфу грамоту с указом Богдо-хана. Шэнфу ответил Дамдинсурэну официальным письмом, где просил повременить. Дамдинсурэн ответил, что это воля Богдо-хана, а Шэнфу с ней не считается, он доложит об этом Богдо. На съезде все старшины единогласно отказались исполнять этот указ, не признали Дамдинсурэна дзасаком, мотивируя это тем, что такого звания в Барге никогда не было, оно является чисто

¹ Телеграмма Сазонова Крупенскому от 5 ноября 1913 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 325, л. 6.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 325, л. 7.

³ Послание Коковцова Сазонову от 26 января 1914 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 99–101.

⁴ Забайкальская новь, 19.04.1914, 27.04.1914.

⁵ Китай и Япония, № 188, 1914, с. 20–22.

⁶ Этот указ был издан в 1913 г. (Гомбосүрэн, 2006, с. 143–158).

халхаским, и для Барги указ необязателен. Огорченный Дамдинсурэн поспешил выехать в свой хошун, а затем быстро возвратился в Ургу. Выяснилось, что в Барге он не пользуется влиянием¹.

Однако съезд не был безуспешным. Более того, он имел важное значение в связи с будущим Русско-китайским соглашением по Барге 1915 г. На нем вновь проявились разногласия дауров, предложивших признать власть Китая, и баргутов, выступивших против этого. Мнение баргутов возобладало. Съезд заявил о нежелательности признания власти Китая. Постановили объявить Китаю, что Хулунбуир без согласия ургинского правительства отказывается вести с ним политические переговоры. Была подтверждена сдача российским подданным в долгосрочную аренду земельных участков. Решили командировать в Ургу ухэриду Чипчинге (Чибсэнгэ)².

Как верно отмечал Усатый, из баргинских старшин «большинство по-прежнему стоит за более тесное единение с Халхой. Но свою зависимость от Халхи они понимают совершенно своеобразно. Они не желают признавать распоряжений халхаского правительства, касающихся их внутреннего управления, доходов, расходов и проч., охотно в то же время принимая титулы и чины, щедро жалуемые Эцэн-ханом. Они не позволяют командируемым из Урги ламам производить какие-либо пошлинные сборы в пределах Хулунбуира»³. История с Манлай-Батором — хорошая иллюстрация этого.

Предложения баргинцев китайцам были в основном одобрены китайским правительством. В июне 1914 г., выступая в Государственной думе, Сазонов сказал, что за время фактической независимости Барги в ней сформировались крупные русские интересы, основанные на контрактах с баргинскими властями, поэтому двойная задача российской дипломатии в переговорах баргинцев и китайцев — охранять эти интересы и удовлетворять «естественному желанию баргутов пользоваться внутренним самоуправлением»⁴. Вместе с тем, в начале лета 1914 г. Сазонов дал указание временному поверенному в делах в Пекине Граве отложить на некоторое время переговоры по баргинскому вопросу. Это было связано с тем, что приоритетом в тот момент было получение железнодорожных концессий в Северной Маньчжурии⁵.

Существует мнение, что описанные события представляли собой вмешательство «царизма» во внутренние дела Китая. С этим нельзя согласиться. Нелегитимны претензии национального государства ханьцев — Китайской республики — на страны, никогда не входившие не в Китай, а находившиеся в разной

¹ Копия донесения Усатого поверенному в делах в Пекине от 17 апреля 1914 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 163–163об.; РЗО от 20 апреля 1914 г., РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 770, л. 155–155об.; АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 159.

² РЗО от 20 апреля 1914 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 159; РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 770, л. 155–155об.

³ Копия донесения Усатого поверенному в делах в Пекине от 17 апреля 1914 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 163–163об. Эцэн-хан — великий хан, Богдо-хан.

⁴ Забайкальская новь, 5.06.1914.

⁵ Белов, 1993, с. 175–176.

степени зависимости от другого государства — маньчжурской империи Цин¹. Монголы, в том числе баргуты, имели такое же право на самоопределение, как ханьцы, стремившиеся избавиться от маньчжурской власти. Не Россия, а Китай вмешивался в чужие внутренние дела — в частности, в дела Монголии, успешно используя в своих целях политику иностранных держав. Прямые переговоры представителей России с представителями Монголии и Барги, в том числе без участия Китая, следует признать легитимными.

Можно согласиться с выводами отлично знавшего ситуацию очевидца А.М. Баранова о том, что освободительное движение в Барге было вполне легитимным: «Самоуправление Барги было основано на акте богдыхана Найралту-туба, которым определялись условия признания баргутами маньчжурского подданства <...> Превращение Барги в китайскую провинцию и введение в ней китайской администрации явилось крупным нарушением этих прав, Барга всегда была совершенно чуждой Китаю и имела отношение лишь к Маньчжурии. Падение маньчжурской династии дает Барге полное право определить свое теперешнее положение. Китайские чиновники, появившиеся в Барге за последние годы, в сущности были простыми пришельцами, узурпировавшими власть в крае. Таким же нарушением прав Барги является и ввод китайских войск, присутствие которых нужно было Китаю лишь для того, чтобы под их охраной произвести захват этого края. Важнейшим пунктом баргутского протеста является воспреещение китайской колонизации в крае и подчинение поселившихся в крае китайцев власти баргутских начальников»².

Е.А. Белов верно отмечал, что план российской дипломатии по баргинскому вопросу включал предотвращение ввода китайских войск в Хайлар, переговоры баргинцев с Пекином, невозможность присоединения Барги к Халхе и поставок оттуда оружия в Баргу. Поскольку баргинцы и китайцы отказывались вести переговоры, а Юань Шикай не рискнул ввести войска в Баргу, последняя оставалась независимой от Пекина, «формально входя в Халху»³. Согласно российским разведанным, «дело отложения от Китая было, фактически, проведено исключительно баргутами, а не даурами, и действовали они не без надежды на русскую поддержку»⁴.

Русско-китайское соглашение о Барге 1915 г. и его последствия

Изложенное выше показывает, что российская, баргинская и китайская стороны старались найти компромисс⁵. Перерыв в российско-китайских переговорах,

¹ Подробнее см.: Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17.

² Баранов, 1912, с. 56. Найралт-Туб (монг.) — цинский император Юнчжэн (1723–1735).

³ Белов, 1993, с. 173.

⁴ РГИА, ф. 323, оп. 1, д. 770, л. 101.

⁵ Документ о деталях выработки российско-китайского соглашения по Барге см.: Международные отношения..., 1931, 1933; Дудин, 2017, с. 1534–1545; АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 385; текст проекта соглашения между Россией и Китаем по Барге: там же, л. 97–98; предложения Вайцзябу по корректировке пунктов соглашения: там же, л. 100–100об.

о котором было сказано, составил около полугода. В январе 1915 г. российский посланник в Пекине В.Н. Крупенский продолжил переговоры по баргинскому вопросу с министром иностранных дел Китая Сунь Баоци. Эти переговоры продолжались примерно 3 мес. За это время российской стороне удалось убедить китайскую признать действительными все договоры и контракты, заключенные российскими подданными с баргинскими властями в 1912–1915 гг.¹

В то же время, продолжались контакты баргинских властей с Нийслэл-хурэ (Ургой). В 1915 г. из Урги в Хайлар командировали уже упоминавшегося гуна Гайхасу — уроженца Хулунбуира. Он имел секретное поручение следить за деятельностью местных правителей и агитировать среди населения против соглашения с китайцами. Гайхасу агитировал также против Шэнфу и вообще против всех чиновников из дауров, распространяя слухи, что они изменяют общему монгольскому делу. Были сведения, что он надеялся совершить переворот, удалив от власти Шэнфу и других чиновников, на что будто бы имелось соответствующее разрешение ургинского правительства².

Вернувшись в Халху, Манлай-Батор Дамдинсурэн продолжил службу у Богдохана в качестве военного вице-министра. Российский генеральный консул в Урге А.Я. Миллер сообщал: «В настоящее время на монгольской службе не осталось ни одного внутреннего монгола, занимающего какой-либо ответственный пост. Лишь два баргута — Дамдинсурэн и Цэндэ-гун — занимают посты помощников главных начальников военного ведомства и иностранных дел. Дамдинсурэн, не ладящий с халхаскими властями, намерен вернуться в Баргу, если ему там будет дано соответствующее назначение»³.

В 1916 г. Манлай-Батору Дамдинсурэну выделили собственный хошун, но не в Барге, а во Внешней Монголии — в северо-восточном углу Цэцэнханского аймака вдоль границы с Россией в районе озер Дзун-Торей и Барун-Торей. Старую печать (дзасака баргинского хошуна) заменили на новую⁴. В марте того же года Дамдинсурэн собрался в Хулунбуир, чтобы доставить в Нийслэл-хурэ семью, имущество и скот. Вслед за ним должны были поехать еще три баргута, состоявших на монгольской службе. Однако Шэнфу просил Усатого передать Дамдинсурэну, что его личный приезд в настоящее время нежелателен. Монгольское правительство, напротив, просило разрешить Дамдинсурэну лично приехать в Баргу для устройства своих дел: у него нет человека, которого он мог бы прислать. Миллер поддержал эту просьбу. Тогда Шэнфу согласился на приезд с тем, чтобы Дамдинсурэн жил в русском поселке Хайлара⁵.

¹ Подробнее см.: Белов, 1993, с. 176; Единархова, Николаева, 2009, с. 50–51; Дудин, 2020б, т. 1, с. 248–253.

² Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 26 января 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 385, л. 127–127об.

³ Донесение Миллера из Урги Сазонову от 1 февраля 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 569, л. 5–8.

⁴ Гомбосүрэн, 2006, с. 143–158.

⁵ Телеграмма Усатого из Хайлара в консульство в Урге от 24 марта 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 390, л. 1, 5–7.

В мае Манлай-Батор Дамдинсурэн при содействии Усатого прибыл в Хайлар и получил разрешение тамошних властей вывести в Халху семью и тех ближайших родственников, которые пожелают (не более 48 чел.) с их скотом¹. В июне в Нийслэл-хурэ прибыли на службу шесть баргутских чиновников. Из них только Дамдинсурэн и Гайхасу решили навсегда остаться в Халхе, остальные по окончании службы собирались вернуться в Баргу. «Ввиду вредной деятельности Гайхасу и содействующего ему Дамдинсурэна» на собрании баргинских старшин было решено воспретить им вывозить в Халху свои семьи и имущество. По объяснению властей Барги, Дамдинсурэн получил от Богдо-хана звание дзасака своего сомона в Барге и не был признан в этом звании баргинским съездом старшин, задумал переселить свой сомон в Халху, чтобы там пользоваться правами наследственного дзасака, поэтому просил о впуске около 100 юрт населения, то есть ок. 1000 чел., 10 тыс. голов рогатого скота, 10 тыс. лошадей и ок. 100 тыс. баранов. Семья Дамдинсурэна состояла из жены и троих детей, Гайхасу — столько же, лично им принадлежавшего скота было немного. По мнению баргинских властей, переселение в таком объеме вызовет рознь и недовольство местного населения, которое и без этого больше стремится к объединению с Халхой, чем с китайцами. Поэтому власти готовы были пропустить только жен и детей, но не других родственников².

Надо отметить, что позже, в связи с необходимостью прямого управления и наследования хошуна Манлай-Батора Дамдинсурэна в Халхе, в 1917 г. его сын Долсон был утвержден в этих правах и получил титул джун-вана. Но правил он недолго, лишь до 1922 г. Хошун был небольшим: в нем было лишь 340 чел. (взрослых) и 17165 голов скота³.

Непризнание баргинскими старшинами положения Дамдинсурэна как дзасака и отказ в вывозе людей и имущества были неисполнением воли Богдо-хана, от подданства которому они не отказывались. Очевидно, в Нийслэл-хурэ проникли и слухи о переговорах в Пекине по баргинскому вопросу. Богдоханское правительство стало недоверчиво относиться к властям Барги. По-видимому, баргамонголы хотели реального подданства Богдо-хану, тогда как чиновники-дауры, и раньше тесно контактировавшие с маньчжурскими властями, вели с ними тайные переговоры за спиной России, чтобы использовать для своей выгоды и Китай, и Внешнюю Монголию, и Россию.

Тем же занялся в Барге и Маньчжурии Удай-ван, стремившийся поправить положение свое и своего хошуна, в 1912 г. разгромленного китайцами. В 1915 г. по совету цикарского цзяньцзюня он выехал в Пекин⁴. Следуя условиям китайцев,

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин и Ургу от 13 мая 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 390, л. 8.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 390, л. 12–12об.

³ Гомбосүрэн, 2006, с. 143–158.

⁴ Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 29 сентября 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 759, л. 35. О восстании Удай см.: Белов, 1996.

Удай стал высказываться против участия России в решении баргинского вопроса¹. Но не преуспел в этом.

Русско-китайское соглашение по Барге было подписано 24 октября/6 ноября 1915 г. Крупенским и Сунь Баоци. Произошло это через полгода после Кяхтинского соглашения, закреплявшего автономию Внешней Монголии под сюзеренитетом Китая. В день подписания Крупенский телеграфировал: «Сегодня состоялось подписание соглашения и обмен нот относительно Барги и претензий русских золотопромышленников»². Барга в Соглашении обозначалась как специальный округ, непосредственно подчиненный центральному правительству Китая, но при этом власти Хулунбуира должны были состоять в ведении высших властей Хэйлунцзяна. В случае необходимости баргинские власти (которых назначал президент Китая) могли сноситься с властями этой провинции. В мирное время военные надобности Барги обеспечивала только местная милиция. Китайцы могли брать землю только во временную аренду и без ущерба местным скотоводам. В целом, соглашение по Барге закрепило ее прежние автономные права, фиксировало ее отношения с Китаем и «конкретные основания *status quo*, долженствующего существовать в отношении Барги, как это признавалось и понималось и самою Баргою, и Китаем, и прочими иностранными державами, заинтересованными в поддержании нормального положения на Дальнем Востоке»³. Текст проекта соглашения был предъявлен для согласования баргинским властям и подвергся некоторому изменению. В частности, в нем была переформулирована ст. 1⁴.

По случаю заключения Соглашения Усатый рекомендовал наградить баргинских чиновников. Это нашло поддержку Крупенского и МИД России. Николай II наградил баргинских чиновников. В июле 1916 г. орденские знаки и грамоты были препровождены Усатому. Шэнфу наградили орденом Св. Станислава 1-й степени, его помощника Чэхэджу — орденом Св. Станислава 2-й ст. со звездой, ухэрид Махачжана, Чибсэнгэ, Баданго, Гуйфу, Бангунжава — орденом Св. Станислава 2-й ст., начальника правого отделения Хулунбуира Чэн Жуя и левого отделения Чэн Шаня — орденом Св. Анны 2-й ст., заведующего делами по сношениям с иностранцами Вэнь Мина и советника правителя Хулунбуира Линшэна — орденом Св. Анны 3-й ст. Знаки отличия и императорские грамоты были получены и переданы по принадлежности⁵.

Несмотря на соглашение с Россией, китайцы не оставляли попыток постепенного взятия Барги под контроль, в том числе экономический. В мае 1916 г. фудун возбудил перед центральным правительством Китая вопрос о передаче Ху-

¹ Выдержка из письма князя Удай правителю Хулунбуира от 6 октября 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 385, л. 163.

² Телеграмма Крупенского из Пекина в МИД от 24 октября 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 385, л. 181.

³ Баранов, 1925, с. 26.

⁴ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3443, л. 69, 71.

⁵ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 2285, л. 3–3об., л. 10–13.

лунбуиру доходов от Джалайнорских копей. МВД ответил, что это касается актов с иностранцами, потому надо обсудить с цицикарскими провинциальными властями, а затем подать на рассмотрение МВД. Цицикарские власти решение этого вопроса отклонили, так как не хотели терять доход. Для России же было выгодно решение, благоприятное для Барги¹.

На севере Хулунбуира маньчжурские власти устроили 4 караула по 20 солдат, при каждом — китайский поселок по 5–8 китайских лавок. Китайцы разрабатывали там золото. Осенью 1916 г. цицикарский губернатор Би Гуйфан командировал в Хайлар начальника монгольского управления своей провинции Го Вэньтяня для переговоров о северной части Хулунбуира, занятой китайцами. Го привез письмо губернатора, в котором тот уговаривал баргинцев отказаться от требования ухода китайцев. Он писал, что часть этих территорий имела в прошлом другую подчиненность, и теперь не должна быть в ведении Хулунбуира. Он предлагал провести там разграничение. Это противоречило соглашению по Барге от 1915 г.²

По-видимому, цицикарские провинциальные власти твердо решили занять северную часть Барги. Согласно одной газетной заметке, бывший начальник полицейского надзора в Хэйхэ (Сахалине) Сунь Фошань получил назначение представителем временного управления и заведующим делами по распашке земель; планировалось учредить соответствующее бюро. Хотя, по сообщению представителя МИД Китая, эти утверждения были основаны на недоразумении³, цицикарский губернатор вначале отрицал права баргинцев на северную часть Хулунбуира и предлагал провести там разграничение, а затем предложил им официально признать, что эти земли относятся к Хулунбуиру, но ввиду затруднения для местных властей держать там караулы, они временно предоставляют китайским провинциальным властям содержать там свои караулы и администрацию. Китайские власти предложили арендовать у баргинских золотые прииски там и платить за аренду 20% стоимости золота⁴.

Как сказано выше, участок севера Барги, где остались китайские караульные солдаты, был включен в близлежащую китайскую провинцию. Российская и баргинская стороны ставили вопрос об отзывании китайских караулов. Споры об этом продолжались и после заключения Русско-китайского соглашения по Барге в 1915 г.

Китайские власти заявляли, что вопрос об уводе китайских войск из караулов может быть решен после того как будет «выяснен район ведения Хулунбуира». На этот счет китайский министр иностранных дел связался с начальником Хэйлунц-

¹ Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 22 августа 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 2–3об.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 394, л. 45-2, д. 385, л. 269–271, д. 394, л. 14–16, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 4–4об.

³ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 394, л. 17–18, 25–25об.

⁴ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 2 декабря 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 394, л. 27–27об.

зянской пров. и хулунбуирским фудутуном¹. В ответ российский посланник в Пекине 21 декабря 1916 г./13 января 1917 г. отвечал, что о горной промышленности в соглашении по Барге 1915 г. не говорится, следовательно, китайцы не могут заниматься там добычей золота. Относительно удаления китайских караулов из Хулунбуира он продолжал отстаивать прежнюю точку зрения: границы Хулунбуира уже были установлены даотаем Сун Сяоляном в 1909 г., так что это решенный вопрос, потому наличие там китайских войск нарушает ст. 4 соглашения по Барге. Кроме того, Усатый заявил Шэнфу, что никакие договоры Барги с китайскими властями, нарушающие соглашение 1915 г., не могут быть действительны, переговоры об уходе китайцев с севера Барги ведутся китайскими властями с российской миссией в Пекине, Барга не должна подключаться к ним².

Таким образом, российская дипломатия в основном добилась своих целей по баргинскому вопросу. Было заключено соглашение, закреплявшее российские интересы в Барге, утверждавшее сюзеренитет над ней Китая и отделявшее ее от Халхи. Вместе с тем, это соглашение давало Барге право внутреннего самоуправления и исключало ее китаизацию, что отвечало интересам баргинцев. В китайской и советской историографии распространено мнение, что это был «неравный договор», навязанный «царизмом» Китаю и означавший даже не автономию, а независимость Барги от Китая³. С этим нельзя согласиться. Если здесь и можно говорить о неравноправии, то не в отношении Китая, а в отношении Барги, историческим выбором которой было воссоединение с Монголией, а не включение в Китай. Соглашение по Барге означало компромиссное решение баргинского вопроса в форме юридической фиксации ее фактического положения как территории с особым статусом. Этот статус представлял собой фактическую автономию под сюзеренитетом Китая, сходную с таковой Внешней Монголии.

¹ Перевод сообщения китайского министра иностранных дел российскому посланнику в Пекине, 30 ноября/13 декабря 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 4–4об.

² АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 6–8, ф. МП, оп. 761, д. 394, л. 39–39об.

³ Например, Белов, 1993, с. 176.

Глава 2

Деятельность Шударга-Батора Бавужава и возникновение харачинского вопроса

Возникновение харачинского вопроса было связано с тем, что национально-освободительное движение монголов в начале XX в. носило интеграционистский характер, но внешнеполитическая обстановка не благоприятствовала проекту воссоединения монголов в единое государство. Они оставались разделенным народом. Не все участники движения смирились с этим. Дольше других за независимость внутренних монголов продолжал бороться один из командиров их повстанческих отрядов — Шударга-Батор Бавужав, солдат которого называли харачинами, хотя у него служили представители разных национальностей. Прежде, чем перейти к истории Бавужава и его отряда, приведу краткие сведения о том, кто такие харачины и кто такой Бавужав.

Харачины и их положение в XIX–XX вв.

Харачины (или харчины)¹ — одна из монгольских народностей. Они известны, по крайней мере, с XIII в. (монгольская империя Юань). Позже, в монгольской империи Северная Юань, харачины составляли три тумэна. В маньчжурской империи Цин земли харачинов являлись частью Дзосотуского сейма (самого юго-восточного во Внутренней Монголии, прилегающего к Великой китайской стене — исторической границе Китая). Позже там было три хошуна харачинов: Правый, Средний и Левый (монг. Баруун, Дунд, Зуун) и располагавшихся по соседству два хошуна тумэдов (Правый и Левый)². К началу XX в. этноним «харачины» использовался также как общий для всех монголов сейма Дзосоту, поскольку в прошлом был один харачинский хошун, позже распавшийся на несколько³.

Начиная с XVIII в. туда происходила интенсивная миграция китайских (ханьских) крестьян, которых голод гнал на «свободные» монгольские земли из китайских провинций Шаньдун и Чжили (в настоящее время Хэбэй). В 1784 г. в трех

¹ Не путать с хорчинами, имеющими другую историю и отделенными от харачинов территориально.

² Не путать с тумэдами Хух-хото, живущими западнее.

³ Донесение А.Ф. Богданова в штаб Заамурского округа, 1904 г., РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 95, л. 986–991.

харачинских и двух тумэдских хошунах под юрисдикцией пров. Жэхэ жило уже 55 тыс. китайских поселенцев, а к 1872 г. их численность достигла 8 838 770 чел. К концу существования империи Цин большинство земель Дзосотуского сейма занимали китайские поселения, управлявшиеся провинциальной администрацией, а харачины из скотоводов превратились в оседлых крестьян¹. Результатом этого, по-видимому, стала их цивилизационная дифференциация между китайским и монгольским мирами.

В конце 1870-х гг. харачины переселялись в хошун Дербет Джеримского сейма. К тому времени они уже «переняли от китайцев всю их земледельческую культуру, в которой они едва не превзошли своих учителей. Движимые малоземельем, харачин-монголы расселились по всем княжествам Чжеримского сейма и в некотором количестве проникли в Дурбет. Теперь их насчитывается здесь до 500 душ обоего пола. Они заняли удобные места для земледелия в разных местах княжества, без особого труда превратили поля в пашни, быстро освоились с новыми местами и очень скоро разбогатели. Их поселения все без исключения отличаются зажиточностью, а постройки фундаментальностью. Сразу видно людей, обосновавшихся оседло. Произведения их сельского хозяйства и способ обработки земли совершенно тождественны с местными китайскими. В то же время, они обратили внимание на привольные пастбища, окружавшие их со всех сторон, как бы указывающие на необходимость животноводства, чем они не преминули воспользоваться, но сделали это в более интенсивной степени, чем их отяжелевшие от векового спянья сородичи-дурбеты». Однако раньше харачинов там появились китайцы. Последние подчинялись своим чиновникам, а харачины через своего чиновника сохраняли связь «со своим отдаленным княжеством»² — то есть одним из харачинских хошунов Дзосотуского сейма.

В Дзосоту была двойная власть: отдельно для китайцев и монголов. По мере того, как китайские поселенцы все более превосходили численностью монголов, они требовали себе все больше прав и власти. Монгольские феодалы и землевладельцы, опасаясь нарушения общественного порядка и стараясь сохранить свою культуру, напротив, устанавливали более жесткие правила и налоги для китайских крестьян-переселенцев. Последние рассматривали это как дискриминацию, что становилось причиной китайских бунтов. К концу XIX в. противостояние монголов и китайцев усилилось, множились взаимные подозрения и слухи³.

В 1881 г. возникла даосская секта Цзиньданьдао («Золотой путь») как одно из ответвлений китайской бунтарской секты «Белый лотос». В 1891 г. эта секта подняла масштабный мятеж, разоривший Дзосотуский и Джоудаский сеймы Внутренней Монголии. В китайской литературе этот мятеж трактуется как крестьянское восстание против империализма и феодализма. В действительности это был китайско-монгольский этнический конфликт, созданный китайскими переселенцами. Хотя вначале грабежу и истреблению подверглись богатые китайцы и

¹ Borjigin, 2004, p. 45, 49–50; Qi Ying, 2015.

² Коншин, 1907, с. 9, 11.

³ Borjigin, 2004, p. 45, 49–50.

христиане, основными пострадавшими оказались монголы. По-видимому, ненависть китайцев к монголам, мешавшим колонизации, смешивалась с ненавистью к маньчжурам.

Хотя в монгольских хошунах Тумэд и Аохан почти все пригодные для распашки земли к тому времени уже принадлежали китайским колонистам, последние решили захватить и менее пригодные земли, еще остававшиеся у монголов. Получив отказ, претенденты объединились с сектой. Мятежники использовали лозунги: «Победим Цин и уничтожим монголов», «Уничтожим монголов в виде мести», «Встретив монгола, убей без разьяснения» и т.п. В результате были разгромлены хошун Аохан, два хошуна тумэдов и два — харачинов. Почти все монгольское население этих хошунов было истреблено или разбежалось. Лишь в хошуне Левого крыла тумэдов за 10 дней мятежники истребили как минимум 10 тыс. монголов, разрушили тысячу деревень, около 100 тыс. монголов потеряли жилье. Мятежники были окончательно разгромлены цинскими войсками к декабрю 1891 г.¹

Итак, китайские колонизаторы уже в XIX в. считали монгольские земли своими, а самих монголов — врагами, мешающими колонизации. Результатом стало масштабное истребление монголов по национальному признаку — геноцид. Более 100 тыс. монголов бежали из родных мест северо-западнее — к югу от Хингана. Например, князь Удай-ван из хошуна Джасакту аймака Южный Горлос Джеримского сейма в 1892 г. согласился на иммиграцию в свой хошун харачинов феодала Хайсана, который провел 13 успешных боев с мятежниками. Люди Удай были кочевниками, харачины — земледельцами. Иммиграция началась в 1893 г. Переселялись монголы из Дзосотуского сейма. Среди харачинов шли слухи о необходимости выборов хана. Харачин-вану Гунсэннорову² (в то время японофилу), не имевшему отношения к роду Чингис-хана, население в этом отказывало, не считало кандидатами трех князей, в том числе молодого Ар-Хорчин-вана Гарди-Басара, сторонника автономии Монголии, ведшего происхождение от брата Чингиса — Хасара³.

В период Русско-японской войны харачины в хошуне Джасакту утверждали, что японцы заставляли наемников сражаться против них. На самом деле наемники-монголы рассорились с наемниками-китайцами, перестреляли их и ушли. В начале октября 1904 г. старшины харачинов собрались и притворно заявили о согласии на примирение. Но тут пришло известие о движении на них 500 китайских хунхузов или солдат под началом трех японцев и мукденского чиновника Чжан Синчэна с приказанием цзяньцзюня расположиться в хошуне Джасакту — вероятно, для умирения харачинов. Тогда все харачины этого хошуна сплотились и заявили о своем намерении не пускать солдат, встретить их с оружием в руках. Это решение было принято исключительно по их собственной инициативе.

¹ Borjigin, 2004, p. 43, 50–53.

² Дзасак хошуна Барун-Харачин, сторонник модернизации Внутренней Монголии, считавший, что в империи Цин следует провести нечто вроде «революции Мэйдзи» в Японии. Во время Русско-японской войны поддерживал Японию.

³ Баранов, 1907, с. 1–32.

Князь Удай, поддерживавший отношения с Россией, получал от нее ссуды для недопущения китайской колонизации. Предполагалась выдача этих денег харачинам для выкупа земли. Удай выдал харачинам-переселенцам меньше, чем предполагалось — только 20 тыс. руб. Возможно, это произошло из-за быстрой распродажи земли мукденскими чиновниками. Когда Удай просил ссуду, он был солидарен с харачинами, но потом перешел на сторону хошунных монголов (то есть тех, кто жил в Джасакту до харачинов). Между хошунными и харачинскими монголами установились плохие отношения. Харачины были неподвластны местным князьям, зависимость выражалась лишь в уплате земельного налога. Видимо, Удай полагал оказать помощь 700 из 2500 семей переселенцев-харачинов. Переселенцы, хотя и числились под властью своих князей, за дальностью расстояния были почти независимы. «Таким образом, образ мыслей Харачин-вана не касается харачинских переселенцев, впрочем, с родственниками, живущими в Чжасту, поддерживаются отношения»¹.

На оставшихся в Дзосотуском сейме харачинов влияли старые связи их феодалов с маньчжурской династией. В начале XX в. там появлялись японцы. Они опирались на Харачин-вана, благодаря родству находившегося под влиянием придворных кругов. Другой влиятельный князь — председатель сейма Монголджин-ван — искал сближения с Россией².

В ранние годы Китайской республики харачины доминировали в ее монгольской бюрократии и ранней монгольской националистической интеллигенции³. После провозглашения Монголией независимости под властью Богдо-гэгэна VIII харачинские хошуны Дзосотуского сейма изъявили желание войти в его подданство. Послания об этом поступали от разных чиновников, в том числе — от Харачин-вана Гунсэnnорова⁴. Вместе с тем, согласно разведке Заамурского округа, в апреле 1912 г. в Харбин прибыл Амарлингуй — мэрэн хошуна Монголджин Дзосотуского сейма (откуда происходил Бавужав) для переговоров о присоединении этого сейма к Халхе. По его словам, князья этого сейма хотели присоединиться, «но противником этого присоединения является Харачин-ван, ярый сторонник Юань Шикая»⁵. Так что позиция Гунсэnnорова менялась в зависимости от обстоятельств, что проявлялось и позже.

После Русско-китайско-монгольского соглашения 1915 г., отделившего Внутреннюю Монголию от Внешней, Гунсэnnоров, ставший начальником китайского управления по делам Монголии и Тибета, путем тайной переписки с приехавшими в Пекин из Халхи Сайн-нойон-ханом и Б. Цэрэндоржем попытался склонить их на сторону Китая. В одном из писем он писал: «Вам известно, что Монголия и

¹ Донесение А.Ф. Богданова в штаб Заамурского округа, 1904 г., РГВИА, ф. 846, оп. 4, д. 95, л. 986–991.

² РЗО от 24 января 1912 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 19, л. 8–9об.

³ Atwood, 2004, p. 304.

⁴ МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 340, бичиг 56, х.н. 350, бичиг 70, х.н. 351, бичиг 2, 40, 41, 51, 54, 55, х.н. 440, бичиг 28, х.н. 772, бичиг 2, х. А7, д. 1, х.н. 111, бичиг 34 — в кн.: Монголчуудын нэгдсэн..., 2014а, с. 298–327.

⁵ РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 19, л. 33.

Китай столетиями сплочены между собой. Китай всегда питал к монголам братскую любовь и во всем горячо покровительствовал монголам. В последние годы монголы стремились к тесному сближению с Россией, но это, увы, совершенно напрасно: Монголия непоправимо ошибется в дружбе с Россией, так как русские задались целью ослабить общее значение Богдо-хана и искоренить основы Желтой веры»¹.

Как видим, этот харачинский «просветитель», в отличие от Бавужава и его соратников, занял коллаборационистскую позицию. Чтобы внести раскол между Монголией и Россией для пользы Китая, он дезинформировал монголов относительно планов России.

Однако в целом влияние колонистов не превратило харачинов в китайцев. Во время геноцида монголов при мятеже Цзиньдандао значительная часть харачинов покинула свою историческую родину. Этот урок харачины не забыли. Позже они участвовали в национально-освободительном движении монголов против Китая, панмонгольском движении, служили в войсках автономной Монголии, барона Р.Ф. Унгерна и атамана Г.М. Семёнова. Этноним «харчин» довольно широко распространен в современном государстве Монголия. Он встречается среди халхасцев, дербетов, баятов, захчинов, алтай-урянхайцев. Есть этот этноним и среди ряда групп бурят². Считается, что это отражает происхождение части данных этносов от харачинов. На их широкое расселение повлиял не только мятеж Цзиньдандао, но также более ранние и более поздние события. Однако нельзя исключать и параллелизм в самоназваниях этносов. Корректное решение данного вопроса требует специального анализа с привлечением современных методов (в частности, молекулярно-генетических).

Бавужав и его деятельность в начальный период борьбы за независимость и объединение Монголии

История харачинов, кратко описанная выше — лишь один из эпизодов того, как Внутренняя Монголия превращалась из стабильного и безопасного региона в зону нестабильности вследствие китайской колонизации. Протесты и восстания монголов подавляли карательные отряды, что усиливало недовольство. Одновременно росло число хунхузов, которые в ряде случаев гибко взаимодействовали с повстанцами или с властями.

В этих условиях на короткое время возшла звезда Бавужава (монг. Бавуужав; в отечественной историографии известен как Бабучжаб) — одного из наиболее ярких деятелей национально-освободительного движения монголов, которого сторонники считали героем, а противники — бандитом. Кем же был Бавужав в действительности? Чтобы понять это, надо подробнее рассмотреть его биографию и деятельность в сравнительно-историческом аспекте.

¹ Донесение Миллера из Урги от 23 марта 1916 г., АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 328, л. 82–85.

² Нанзатов, 2013, с. 138–151, 2016, с. 99–106; Нанзатов, Содномпилова, 2016, с. 38.

По воспоминаниям его третьего сына Данжуржава (китаизир. Чжэньчжуэрчабу), Бавужав родился в хошуне Дзун-Тумэд (Левый, или Восточный Тумэд, Монголджин¹) Дзосотуского сейма Внутренней Монголии в 1875 г. в крестьянской семье². У него был старший и два младших брата, а также младшая сестра. Когда Бавужаву было ок. 10 лет, его семья воспользовалась раздачей пастбищ для скота («пустующих земель») в «хошуне Солукэ»³, и переехала туда в созданный на императорских пастбищах китайский уезд Чжанъу, в местность «Ухэлинь-голэ» (от монг. Ухэрийн-гол — Коровья река), затем — в Длин-инь-цзы⁴. Там семья разбогатела, ее члены стали считаться представителями знати⁵. У Бавужава было три сына и две дочери.

Вторая дочь Бавужава — Мэн Хойжун в интервью в 1978 г. сообщила некоторые данные о своей семье. Сама она родилась в 1916 г., вскоре после гибели Бавужава, в лагере его отряда на р. Халх-гол (Халхин-гол) недалеко от границы с Внешней Монголией, куда этот отряд ушел после смерти своего командира. Его семья жила там некоторое время. Затем Мэн Хойжун жила в Даляне (Дальнем), училась в начальной школе в Шанхае, поступила в женское училище, по окончании которого уехала в Японию и сменила имя на Хань Сяньцзы. В 1937 г. она вышла замуж за Субудинта. Они переехали в Хайлар. По ее воспоминаниям, у Ба-

¹ На карте 1912 г., составленной штабом Заамурского округа по русским, японским и китайским источникам, указан хошун «Барун-Тумет, или Монгольджин» (РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 19, л. 34). В другом российском документе указано «княжество Монголджин, Восточный Тумэт» (АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1821, л. 9–19). В китайских документальных материалах указано, что Бавужав родился в Левом Тумэдском хошуне (Лу, 1979). В известной энциклопедии также указано, что он родился в хошуне Монголджин (Фусинь, Левый Тумэд) (Atwood, 2004, р. 137, 191–192, 308, 503 etc.). Остается заключить, что или на карте в РГВИА — ошибка, или Западный и Восточный хошуны тумэдов вместе обозначались как «Монголджин».

² Этот год и простое происхождение Бавужава подтверждается другими источниками (например, Nakami, 1999, р. 138, 2012, р. 284–286).

³ Обозначение выделенных под распашку монгольских пастбищ (от монг. сүрэг — стадо).

⁴ Оба тумэдских хошуна, Дзун-Тумэд и Барун-Тумэд, граничили на западе и юго-западе с двумя харачинскими хошунами сейма Дзосоту, на юго-востоке — с Мукденской провинцией Маньчжурии. В настоящее время оба эти тумэдских хошуна входят не в автономный район Внутренняя Монголия, а в китайскую пров. Ляонин: Барун-Тумэд — в городской уезд Бэйпiao городского округа Чаоян (<http://xzqh.org/html/show/ln/4288.html>; Atwood, 2004, карта), Дзун-Тумэд — в Фусинь-Монгольский автономный уезд городского округа Фусинь (<http://www.xzqh.org/html/show/ln/4338.html>). С 1692 г. это была хошунная земля, принадлежавшая тумэдским и ороченским дзасакам. В конце XIX в. — начале XX в. цинское правительство направило туда китайских поселенцев (Nakami, 1999, р. 138, 2012, р. 284–286).

⁵ По воспоминаниям «Дамулиньжаба» (Дамбужав?) из хошуна Дзун-Барин, Бавужав был «крестьянско-скотоводческого» происхождения. Его младшего брата звали «Байиньдэлэгэнь» (Баяндэлгэр). Он стал ламой в монастыре ламы «Джсиньжуйн», где был в молодости ламой и «Дамулиньжаб», который хорошо знал семью Бавужава. Были также слухи, что Бавужав — потомок известного Сэнгэ-Ринчена, чин-вана Левого заднего хошуна хорчинов (Лу, 1979, с. 59) Джоудаского сейма, который происходил от потомков Хасара — младшего брата Чингис-хана. Если это так, то Бавужав мог быть сыном одного из двух старших сыновей этого чин-вана, погибшего в 1865 г.

вужава был дядя «Баоинь Дэлэгэ» (монг. Баяндэлгэр). Он с юных лет был ламой в храме Гегенмяо (Гэгэн-сумэ) в хошуне «Передний правый Кэ» (Правый передний хошун харачинов — Барун-Харачин). У нее было три родных старших брата и старшая сестра. Ее братья: Нунайжав (Нуннэйжав) (старше нее на 16 лет, то есть родился в 1900 г.), Ганжуржав (старше на 13 лет — родился в 1903 г.) и Данжуржав (старше на 10 лет, родился в 1906 г.). Ее старшую сестру звали Цзинь Шаомэй (позже поменяла имя на Хань Юэсян), она старше на 18 лет (то есть родилась в 1898 г.)¹.

Бавужав с детства трудился. Кроме того, он общался с членами местных банд, и уже в молодости возглавил группу местных «конных разбойников»². С 1902 г. его отряд вел успешные действия против китайцев³. Монголы-тумэды выступали против китайских поселенцев, колонизовавших их земли. Часть восточных монголов, видя содействие России в переговорах после цинско-японской войны 1894–1895 гг., сочла, что Россия встала на сторону китайцев. Когда в 1904 г. началась Русско-японская война, японские военные попытались использовать этих монголов для тыловых ударов по российской армии. Говорили, что Бавужав присоединился к монгольским партизанам под командой капитана Хасигучи Юма⁴. Согласно рукописи «Чжэнчжуэрчабу» (Данжуржава) «Краткая история Бавужава» (с. 17–24), во главе своих хунхузов Бавужав примкнул к японцам, и его отряд получил название «Юнчжи Тиншэнь». Его задачей были партизанские действия в тылу российских войск, пресечение поставки продовольствия, оружия, похищение предметов снабжения. Он особо отличился при взрыве моста Фаньцзя на КВЖД, прервав в том месте связь войск с тылом. За это после войны японцы, по договоренности, подарили ему много оружия и боеприпасов. После войны, в 1908 г. при поддержке японцев мукденский цзяньцзунь Чжао Эрсюнь назначил Бавужава начальником полиции уезда Чжанью⁵.

Однако документы о прояпонской деятельности Бавужава в тот период отсутствуют. Из этого заключается, что большинство материалов об этом было сфабриковано японцами после 1916 г., когда они пытались использовать отряд Бавужава⁶.

Перед крахом империи Цин, в конце 1911 г. Монголия провозгласила независимость как теократическая монархия во главе с Богдо-ханом — Джебцундамбахутухтой VIII. Примерно в течение года после этого (к концу 1912) о переходе в подданство Джебцундамбы заявило большинство монгольских хошунов бывшей Цинской империи. Процесс продолжился в 1913 г. В частности, даже в сильно китаизированном Дзосотуском сейме подданство Богдо-хана приняли 2 из 5 хошу-

¹ Lu, 1979, с. 73–75.

² Lu, 1979, p. 1–10, 17–30.

³ May, 1998.

⁴ Nakami, 1999, p. 138–139, 2018, p. 353.

⁵ То-а сенкаку..., 1935, p. 625–627; Lu, 1979, p. 1–10, 76–79. Уезд Чжанью образован в 1902 г. к северу от ворот Ивового полисада — то есть на территории сейма Дзосоту. Сейчас это территория китайского городского округа Фусинь в Ляонине.

⁶ Nakami, 1999, p. 138–139, 2018, p. 353–354.

нов¹. Петиции с желанием войти в его подданство поступали и с других монгольских земель, в том числе включенных в Маньчжурию: из Гирина, Жэхэ, Мукдена, Хэйлунцзяна (монг. Хар мөрөн)². Большинство коренного населения Внутренней Монголии стремилось воссоединиться с Внешней, а не входить в Китайскую республику.

Данжуржав вспоминал: «В 1911 г. началась Синьхайская революция, Цинская династия была свергнута, Джебцундамба провозгласил себя императором. Когда эта новость достигла Внутренней Монголии, Бавужав, суеверно преданный императору, не приветствовал революцию». Видя, что монголы вынуждены уходить со своих земель, он стал испытывать ненависть к ханьцам, и решил выступить против Синьхайской революции. В августе 1912 г. он с женой, детьми и 30–40 подчиненными ночью бежал во Внешнюю Монголию³. По монгольским данным, 28 августа 1912 г. Бавужав и его друзья Тугсбаяр, Тэгшбах, Цэндбал, Бумбажав с семьями покинули место жительства⁴. По дороге многие присоединялись к нему, узнав, что он собирается бороться за независимость Монголии. У него стало больше 2000 конников⁵.

Японские и монгольские архивные документы показывают, что Бавужав направился во Внешнюю Монголию не сразу, а вначале прибыл в хошун Бинтувана Внутренней Монголии (юг Джеримского сейма на границе с Джоудаским сеймом) к Пунцагу — военному помощнику главы хошуна. Там он встретился с тайджи Улзий-Оршихом, Харчу, Чорваем и Хасбатором. Они обсуждали ситуацию в Халхе. Влиятельные люди заявили, что хотят войти под покровительство Богдо-гэгэна⁶. В хошуне Бинтувана Бавужав стал набирать рекрутов. Он собрал отряд, который вначале подчинялся как командующим Насан-Арвижиху из Дзосотуского сейма и Арахуа-бэйсэ. Эта деятельность пользовалась большой популярностью во Внутренней Монголии. Хотя Бавужав происходил из простолюдинов, между ним и Насан-Арвижихом не было отношений слуги и господина⁷. По-видимому, после этого они двинулись на северо-запад в сторону Халхи. В октябре 1912 г. они остановились в хошуне Барун-Узэмчин Шилингольского (Силингольского) сейма — видимо, на зимовку. В связи с движением монголов, китайское провинциальное командование выдвинуло в северном направлении конные отряды⁸.

Согласно указу Богдо-гэгэна, Бавужав был приглашен князьями Арахуа и Насан-Арвижихом, которые собирали войска во Внутренней Монголии. Вместе с ними он участвовал в боях с китайцами во Внутренней Монголии. Сам Бавужав писал, что был приглашен князем Арахуа, который набирал войска по приказу

¹ МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 438, 440 — в кн.: Тачибана, 2012, с. 271.

² Батсайхан, 2011, с. 163, 372–381.

³ Лу, 1979, с. 1–10, 17–23.

⁴ Лонжид, Өлзий, 2002, с. 3.

⁵ Лу, 1979, с. 1–10, 17–23.

⁶ Лонжид, Өлзий, 2002, с. 3–5.

⁷ Nakami, 2012, p. 285–286.

⁸ Лу, 1979, с. 1–10, 17–23.

правительства Богдо-гэгэна, был назначен командиром. В тот период Арахуа и Насан-Арвижих служили как бы связующим звеном между Богдо-гэгэном и Бавужавом¹. С этим согласуется письмо министерства всех дел Монголии от 23-го дня среднего зимнего месяца 2-го года Многими Возведенного (весна 1912 г.), где он обозначен как «мэрэн хошуна Дзун-Тумэд сейма Дзосоту»².

19 ноября 1912 г. Бавужав со своими людьми отправился в Нийслэл-хурэ. Они шли ночами, чтобы не быть замеченными китайскими солдатами. 31 декабря 1912 г. они направили Богдо-гэгэну послание о том, что хотят служить Монголии. Министерство всех дел, рассмотрев это послание, дoloжило Богдо-гэгэну, просьбу удовлетворили. Бавужав с более 2000 чел. прибыл в Нийслэл-хурэ³. Когда Бавужав прибыл ко двору Богдо, он был принят очень хорошо, хотя не имел рекомендательного письма от своего князя⁴.

В конце 1912 г. Богдо-ханское правительство решило направить восемь отрядов по 150–500 чел. к границам Халхи, чтобы освобождать другие монгольские земли: Гучен, Булун-Тохой, Шара-сумэ, Кукунор, Хух-хото, Чахар, Баргу и Шилингол⁵. Кроме того, в январе 1913 г. монгольские отряды стали собираться в Жэхэ. 24 января 1913 г. Богдо-хан утвердил указ о наступлении монгольских войск по нескольким направлениям во Внутреннюю Монголию и Баргу⁶. Общая численность монгольских войск составила 9170 чел. (по Чэнь Чунцзу) или 10 тыс. чел. (по Навааннамжилу)⁷. Один из отрядов формировался в Дариганге под командой Навангомбо-гуна, Хайсан-гуна и Бавужава. В направлении монастыря Егузэр-хутухты на юго-востоке Внешней Монголии действовали отряды бэйсэ Чимэдцэрэна и Ш. Найданжава⁸. Последний имел личный титул Хичэнгуй-Баторгун.

Вероятно, между декабрем 1912 и 8 октября 1913 г. Богдо-гэгэн даровал Бавужаву титул Шударга-Батор — Честный (Преданный) Богатырь (Герой). Указ об этом найти не удалось. Но данная датировка подтверждается следующим. Бавужав прибыл в Нийслэл-хурэ в средней декаде декабря 1912 г. (см. выше). Имя Бавужава отсутствует в длинном перечне награжденных указом Богдо-хана Монголии от 22 января 1912 г.⁹ Наиболее ранний известный мне документ, где Бавужав обозначен как Шударга-Батор, датирован 8 октября 1913 г. В этом документе, в частности, говорится о даровании Богдо-ханом почетных званий и степеней нескольким внутренне-монгольским командирам и чиновникам по рекомендации

¹ Ulaantana, 2008, p. 104–109.

² МУУТА, х. А2, д. 1, х.н.80, бичиг 5.

³ МУУТА, х. А2, д. 1, х.н.80, бичиг 5; Лонжид, Өлзий, 2002, с. 3–5.

⁴ Ulaantana, 2011, p. 54–58.

⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7904, л. 29–29об. — в кн.: Российско-монгольское..., 2008, с. 30; Батсүрэн, 2007, с. 137–148.

⁶ Подробнее см.: МУУТА, х. А2, д. 1, х.н. 129 — в кн.: Батсайхан, 2011, с. 387; Богдын лүндэн..., 2002, с. 240–241; Мягмарсамбуу, 2014, с. 75.

⁷ Пунцагноров, 1950, с. 81; 1955, с. 60–61.

⁸ Nakami, 1999, p. 140; Лонжид, Өлзий, 2002, с. 7–8.

⁹ МУУТА, х. А6, д. 1, х.н. 513, бичиг 4 — в кн.: Монголчуудын нэгдсэн..., 2014а, с. 36–49.

Бавужава¹. После заключения Кяхтинского соглашения (см. ниже) в 1915 г. ставился вопрос об утверждении китайским президентом Юань Шикаем того титула, который ранее дал Богдо-хан². Однако далее этот вопрос не рассматривался.

В 1913 г. военным сайдом Юго-восточного края Монголии был Ж. Дамдин-сурэн. Его отозвали и на эту должность назначили Бавужава. Богдо-хан дал ему официальное звание «сановник по умиротворению Юго-восточного края Монголии, а также почетный титул Шударга-Батор»³. К этому времени в его распоряжении было 7000 чел. войска, разделенного на три отряда. С главным отрядом в 3000 чел. Бавужав обосновался в хошунах Дзун-Хучид и Барун-Узэмчин Шилингольского сейма Внутренней Монголии на границе с Халхой — в местности «Байин-Бурук» (монг. Баянбулаг). Он получал определенное содержание от властей Халхи. Два других отряда располагались южнее его стоянки⁴. Были случаи перехода китайских солдат на сторону Бавужава⁵.

В апреле 1913 г. около ставки князя Абага-вана (Авга-вана) произошел бой китайского отряда в 600 солдат с отрядом в 300 монголов. Китайцы бежали. Их потери составили 70 убитых и 4 пленных, 4 пулемета, «много довольствия», ружей, припасов и караван верблюдов. Потери монголов составили 4 убитых и 20 раненых. Отрядом командовал Хайсан-гун («Катсанчун») — из отряда, который формировался в Дариганге под руководством Навангомбо-гуна, Хайсан-гуна и Бавужава (см. выше).

В июне 1913 г. в Джеримском сейме с китайскими войсками воевали отряды монголов под командой Бавужав-гуна, Муржав-гуна, Чимэдцэрэна, Арахуа-бэйсэ и Найданжава (Найдан-гун). Возвращались они в район границы Внешней Монголии с Внутренней Монголией на востоке⁷.

По состоянию на 17 июня 1913 г. (ст. ст.), в Шилингольский сейм прибыли ок. 3000–4000 чел. китайских войск с оружием. Они двинулись в направлении резиденции Егузэр-хутухты, оттеснили отряд Чимэдцэрэна-бэйсэ и зажгли снарядами три храма. У солдат Чимэдцэрэна было очень мало патронов. Кроме того, имела место рознь между начальниками монгольских отрядов — Сумъя-гуном, Чимэдцэрэн-бэйсэ, Бавужавом и Найданжав-гуном («Самая-гун, Чемит-Цирит-бэйсэ, Баучио и Найдан-гун»): друг другу они не помогали, старались действовать отдельно, чтобы всю добычу после боя взять себе, не делясь. Халхаских солдат они старались никуда не пускать. Узэмчин-ван («Цзумчун-ван») потребовал себе для охраны китайских солдат. Скоропостижно умер в монастыре Бандидо-гэгэна только что приехавший из Урги со 100 солдатами старый чахарский князь Тумэн-Улзий-гун («Тумун-Ульдзу-гун»). По словам монголов, Егузэр-хутухта, узнав, что в хошуны

¹ МУУТА, х. А3, д. 1, х.н. 441, бичиг 3 — в кн.: Монголчуудын нэгдсэн..., 2014а, с. 292–293.

² МУУТА, х. А2, д. 1, х.н. 273, бичиг 23.

³ Лонжид, Өлзий, 2002, с. 8.

⁴ Мещерский, 1920, с. 7–8.

⁵ МУУТА, х. А1, д. 1, х.н. 20, бичиг 2 — в кн.: Лонжид, Өлзий, 2002, с. 10.

⁶ Вестник, 28.04.1913.

⁷ Мягмарсамбуу, 2014, с. 80.

Дзун- и Барун-Хучид прошли китайские войска, собрал всех лам, разобрал их за то, что плохо молились и допустили вследствие этого китайцев. В ту же ночь в главном монастыре его был усиленный молебен. Вдруг пришло известие, что в ту же ночь, несмотря на численное превосходство, китайцы неожиданно бежали¹.

По китайским данным, Бавужав со своим войском делал вылазки в северные части Внутренней Монголии с июля 1913 по ноябрь 1914 г.² 9 июля 1913 г. отряд, которым командовали Сумъяа и Бавужав, выступил в поход и через два дня захватил торговое поселение Шуурга в Шилингольском сейме. Продолжая движение, он освободил от китайцев монастырь Мунхийн-Бадрулагч-сумэ в хошуне Дзун-Авга в том же сейме. 15 сентября Бавужав занял г. Бяру (Цзинпэн) в хошуне Хишигтэн Джоудаского сейма. В его отряде было более 1000 солдат, в основном внутренних монголов³.

Бавужав связался с главой тамошних купцов — Лю Цзиньсю из пров. Шань-си. Тот собрал торговцев, возжег благовония и встретил его за несколько ли от города. Бавужав заключил с купцами соглашение из трех статей и запретил своим людям устраивать бесчинства. Как удостоверение для тех, кто находится под его властью, использовался монгольский платок⁴ желтого цвета с письменами. Его вывешивали в знак покорности. В результате такие платки в Цзинпэне кончились.

Отряд снабжали 900 торговцев из Цзинпэна. Свой штаб Бавужав⁵ устроил в храме бога войны Гуаньди за восточными воротами города. Весь отряд располагался неподалеку. Там, за пределами города, Бавужав организовал оборону, на возвышенностях установил орудия. Это вызвало беспокойство: торговцы закрыли лавки, думая, что будет война. Действительно, 1 октября подошел генерал У Цзюньшэн⁶ с отрядом в 2000 чел. Скопление его людей и лошадей Бавужав обстрелял из орудий. Своих людей он разделил на два крыла. Военные действия продолжались три дня, обе стороны несли потери. Китайские войска отступили от Цзинпэна на восток. После этого к ним подошло подкрепление под командой Дань Дяньжу, у которого было три «лагеря» отрядов кавалерии, по два «лагеря» отрядов пехоты и артиллерии. Китайские артиллеристы сделали несколько залпов. Бавужав потерял 70–80 чел. убитыми и ранеными. Он уступал китайцам в живой силе и вооружении. Цзинпэн с четырех сторон окружен горами, там много «мертвых зон», которые не удавалось контролировать⁷.

В тот же день, когда к Цзинпэну (Бяру) подошли китайские солдаты, туда явились два человека из монастыря Уну-Углугт-хийд с более 100 телег для заку-

¹ Донесение Миллера из Урги в 1-й департамент МИД, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 654, л. 86–87об.

² Лу, 1979, с. 1–10.

³ Мягмарсамуу, 2014, с. 76–77.

⁴ Возможно, церемониальный шарф — хадак.

⁵ Вероятно, речь идет об отряде, которым командовали Бавужав и Сумъяа, или же к тому времени отрядом командовал уже один Бавужав.

⁶ У Цзюньшэн (1863–1928) — друг Чжан Цзолина; воевал с отрядами монголов (август 1912 г.) и партии Цзуншэдан (ноябрь 1913 г.).

⁷ Лу, 1979, с. 38–39.

пок муки и чая. Это был главный монастырь наместника Юго-восточного края Монголии — ламы Егузэр-хутухты. После того, как монголы оставили город, эти люди на одной телеге (бросив остальные) вернулись к Егузэр-хутухте и сообщили о случившемся. По их словам, во время боя Бавужав получил ранения в обе ноги¹.

Бавужав решил отступить от Цзинпэна на запад. Он ушел в местность Си-ша-во-цзы. Там он переформировал войска и произвел ночное нападение. В огне пожара погибли 300–400 чел. Китайцы отвезли трупы в Калган и там похоронили. В конце 1913 г. монголы отошли на север².

По данным на конец января 1914 г., «бандиты Ба» (солдаты Бавужава) сконцентрировались в монастыре Бэйцзымяо (монг. Бэйсийн-сумэ), их было ок. 2000. Другие отряды стояли у Гунгоухэ (Гуний-гол?) и монастыря Даважняо (Дава-сумэ?). По китайским сведениям, они получали оружие от Егузэр-хутухты. Китайские отряды с трудом сдерживали их натиск³.

24 февраля 1914 г. появился документ государственного хурала Монголии о разрешении чиновнику Тэгшбаяру стать командиром части солдат Бавужава согласно разрешению Богдо-хана. Причиной было то, что от войска Бавужава отделилась часть солдат, и Тэгшбаяр просил отдать под его начало 20 из них. Государственный хурал удовлетворил эту просьбу лишь после того, как Богдо-хан издал указ с разрешением на это⁴.

В войско Бавужава вступали все новые солдаты. Например, поступили 212 чел., из которых сформировали полк под командой Самбу. Однако, несмотря на просьбы Самбу к монгольскому правительству в 1914 г., не последовал указ о выделении им оружия, знамени и значков, хотя это было выдано другим солдатам Бавужава и Джамц-гуна от администрации Егузэр-хутухты. Самбу приехал хлопотать в Нийслэл-хурэ, полагая, что местная администрация ему в этом откажет. Лишь в марте 1915 г. Самбу получил почетное звание «первый военный тайджи» и отго (павлинье перо на шапку), но его просьба так и не была удовлетворена (это было связано с переговорами в Кяхте — см. следующий раздел). В другом послании (май 1915 г.) содержалась просьба к руководству Монголии о награде отличившихся званиями и 10 тыс. лан⁵.

В марте 1914 г. Егузэр-хутухта передал военному министерству Монголии просьбу доставить 20 палаток для новобранцев Бавужава⁶. 20 мая 1914 г. Богдо-хан издал указ, по которому солдаты Бавужава и Найданжав-гуна должны дис-

¹ Мягмарсамуу, 2014, с. 76–77.

² Лу, 1979, с. 38–39.

³ Доклады госсовета обороны Китая, 31-е число 1-го мес. 3-го года Республики — в кн.: Лу, 1979, с. 94–95.

⁴ МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 53, бичиг 51–53а — в кн.: Монгол улсын дотоод..., 2011, с. 162–163.

⁵ МУУТА, х. А1, д. 1, х.н. 14, бичиг 1, х.н. 20, бичиг 1 — в кн.: Монголчуудын нэгдсэн..., 2014а, с. 83–84, 88; МУУТА, х. А1, д. 1, х.н. 19, бичиг 1.

⁶ МУУТА, х. А5, х.н. 140, бичиг 2.

лоцироваться там, где они находились¹. В июле 1914 г. Шударга-Батору Бавужаву был дарован феодальный титул улсын-тушэ-гун².

В 1914 г. Бавужав появился в «Абагаском и Восточном и Западном Узумчинском и Хучитском хошунах, где и стал заниматься грабежом»³. Имеется в виду стык границ востока Внутренней и Внешней Монголии: хошуны Дзун- и Барун-Авга, Авганар, Хучид, Дзун- и Барун-Узэмчин, занимающие северо-восточную часть Шилингольского сейма. Одними из стоянок были пустыня «Гахайгэлэсу»⁴ в хошуне Дзун-Узэмчин и хошун Ар-Хорчин («Узумчин и знамя Чжаолукэрсинь»). Бавужава избрали командующим войском. Теперь его звание было дацзяньцзюнь («великий командующий»). Одним из его заместителей стал Бай, вторым — Бань Боачжу из Дунбэя⁵. Он усилил обучение и дисциплину, наладил инструкторскую работу. В начале лета 1914 г. Бавужав одержал несколько побед, и его стали называть на маньчжурский манер «начальником авангардного звена Красного знамени». Это «звено» было равно «лагерю» в китайских войсках, но большее значение имел почет⁶.

Во второй половине 1914 г. отряд Бавужава находился на юго-востоке Внешней Монголии, подведомственном Егузэр-хутухте. По заявлению МИД Китая, «главари разбойников» Бавужав, Се-гун, Се-тайджи и др. продолжали держать «шайки» в 2 или 3 тыс. чел. у местности Егузэр и Дариганги, постоянно высылали отряды в хошуны Узэмчин, Хучид и Авга Шилингольского сейма, грабили, убивали и уводили в плен население. В хошуне Мэргэн-вана находились «шайки разбойников» в тысячу человек во главе с Юй-лу, бежавшим из Суйюань-чэна. Китайцы просили, чтобы Внешняя Монголия не давала приюта этим «разбойникам»⁷.

Эти сведения могут отражать пребывание на границе Халхи и Внутренней Монголии как отрядов монгольских повстанцев, так и китайских хунхузов, которые явились туда, воспользовавшись нестабильностью. Помимо хунхузов, фактором нестабильности во Внутренней Монголии и Барге становились немецкие диверсанты, с началом Первой мировой войны действовавшие против России. С ними связан важный эпизод в деятельности Бавужава, на котором следует остановиться.

¹ Мягмарсамбуу, 2014, с. 80.

² Мягмарсамбуу, 2014, с. 82.

³ Перевод памятной записки Вайцзябу от 18/31 августа 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 759, л. 28–28об.

⁴ Вероятно, Гахай-элс — в районе оз. Гахай-нур (46°16′ с.ш., 118°26′ в.д.), хошун Дзун-Узэмчин, ок. 50 км южнее границы с Внешней Монголией.

⁵ Монгольские имена неизвестны. Дунбэй — в китайской мироустроительной системе «Северо-Восточный Китай», т.е. Маньчжурия и восток Внутренней Монголии (которые никогда Китаем не были).

⁶ Лу, 1979, с. 38–39.

⁷ Телеграмма Крупенского из Пекина в МИД от 20 сентября 1914 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 657, л. 221, д. 757, л. 524.

Бавужав против немецких диверсантов

В 1914 г. началась Первая мировая война. Ошибки руководства России и Германии были фактором столкновения обеих континентальных империй — объективных геополитических союзников. Это привело к их краху в пользу их геополитических противников — Великобритании и Франции. Хотя главные боевые действия происходили на европейских фронтах, Китай имел большое значение для воюющих держав. 6 августа 1914 г. его правительство заявило о нейтралитете и попросило воюющие стороны не переносить боевые действия на свою территорию. Однако это было мало реалистично. Маньчжурия и Монголия входили в сферы влияния России и Японии, причем КВЖД и административно отделенная от нее часть ЮМЖД¹ играли важную роль в снабжении российской армии из США и Японии. Германия же контролировала территории в пров. Шаньдун, где имела военную базу Циндао. В августе 1914 г. Япония объявила войну Германии и через 2 мес. захватила Шаньдун.

Германия через своих эмиссаров в Китае стремилась настроить его против стран Антанты, что позволило бы ей открыть второй фронт на Дальнем Востоке и перерезать пути снабжения России из дальневосточных портов. Немцы предприняли ряд шагов от дипломатии до разведки и диверсий. Германия потребовала от Юань Шикая предпринять шаги к захвату КВЖД у России под предлогом занятия Барги. Тот отказался, ссылаясь на внутренние беспорядки и неорганизованность китайских войск. Но некоторые китайские командующие разделяли планы Германии. «Для убеждения командующих войсками в Гирин, Мукден и Цицикар прибыли под видом представителей германских ружейных заводов германские офицеры»². Весной 1915 г. информация о немецких шпионах в Китае содержалась во многих донесениях военных структур на местах и в Петербурге³.

Немецкие дипломаты старались завербовать хунхузов и революционеров для борьбы с Россией. Планировалось проводить диверсии. Германское консульство в Мукдене создало организацию из китайцев для порчи российских и японских железных дорог и нанесения другого вреда. В частности, эта «организация пригласила и командировала для агитации против России китайцев, бывших преподавателей монгольского языка в Мукдене, хорошо владеющих монгольским языком, по фамилии Чжан Саньчжу, Ин Ванью, монгола Аликэбу. Агитаторы должны доказать монголам опасность от сближения с Россией и стараться напротив сблизить монголов с Китаем. Кроме того, командированы ученики той же школы Ли Цзюньян и Ван Яодун в район Барга (вост. и западн. Хайлара), гор. Кяхту для той же агитации. Если найдутся монголы, пожелавшие присоединиться к этой организации, должно образовать соответствующую организацию с целью нане-

¹ Южно-Маньчжурская железная дорога, управлявшаяся Японией — часть КВЖД на юг от Чанчуня.

² Сводка Пограничной стражи за 9 августа 1914 или 1915 г., РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 23. Подробнее о немецкой агентурной деятельности в Маньчжурии см.: Киселев, 2015, с. 121–138.

³ Шулатов, 2014, с. 42.

сения вреда русским интересам. Кроме того, монголы, имеющие возможность нанести материальный вред русским учреждениям или предприятиям, получают хорошее вознаграждение». Список членов этой организации включал 24 чел., говоривших по-китайски и по-русски, из них один был монголом¹.

Планировались и более быстрые акции. Активное участие в их подготовке принял военный атташе германской миссии в Пекине В.Р. фон Паппенгейм (1877–1915). Этот пост капитан германского Генерального штаба занял в 1913 г.² Он в сопровождении 8 немцев, бежавших из Циндао, добыл китайские паспорта для охотничьей экскурсии и появился между станциями Бухэду и Цицикар с 20 верблюдами и большими запасами взрывчатых веществ, чтобы взорвать тоннели железной дороги. Он предложил китайскому чиновнику за содействие 50 тыс. руб.³

В связи с этим, российским дипломатическим органам в Монголии и Китае были разосланы уведомления. Управляющий генконсульством в Урге А.П. Хионин сообщал, что в ставку Бавужава в местечке «Гахай-или» (Гахай-элс, хошун Дзун-Узэмчин) прибыл из Калгана германский караван в несколько вьючных верблюдов с взрывчаткой. Германцы приглашали на службу монголов, обещая большое жалование и богатую добычу, предполагали сформировать отряды по 30–40 чел. для порчи полотна КВЖД и ЮМЖД и ограбления поездов, занятых перевозкой орудий, снарядов и прочего в Россию. Хионин выслал разведчиков⁴.

На следующий день (25 февраля/10 марта) Хионин телеграфировал: «Бавужав срочно доносит Сайн-нойону, что часть германцев двинулась к Хайлару»⁵. В тот же день Усатый телеграфировал из Хайлара в Пекин: «Через Монголию с юга по направлению к линии КВЖД между Бухэду и Цицикаром движется немецкий разъезд, имеющий целью разрушение железной дороги и тоннеля. Разъезд состоит из 8 немцев под началом капитана генерального Штаба, атташе германской миссии в Пекине фон Паппенгейма. Разъезд сопровождают 4 китайца и 1 монгол. Караван состоит из 24 верблюдов и 5 лошадей, имеются разрывные снаряды, один из коих доставлен в Консульство вместе с картой, данной немцами монголам, визитной карточкой Паппенгейма и его военно-саперной книжкой. Немцы склонили начальника монгольских войск Уцзун-Мучин [хошун Дзун-Узэмчин. — С.К.] Силингольского сейма послать с ними 300 солдат для разрушения дороги, предлагая 50 000 рублей. Изложенное сообщено нашим военным властям»⁶.

На следующий день (26 февраля/11 марта) копии этих трех телеграмм товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов препроводил в отделение генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба генералу от инфанте-

¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 28, 111–116, 118.

² Schmidt, 2006, S. 119; Pöhlmann, 2005, p. 58.

³ Особое делопроизводство по Главному управлению Генштаба, транзитная телеграмма из Пекина в Лондон от 26 февраля 1915 г., РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 38.

⁴ Телеграмма Хионина из Урги в Петербург, Пекин и Харбин от 24 февраля 1915 г., РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 40.

⁵ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 42.

⁶ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 5; РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 41.

рии М.А. Беляеву. Через день российский военный агент в Китае Н.М. Морель, ссылаясь на сообщения из Урги и Хайлара, телеграфировал о немецком разезде Д.Л. Хорвату. В разезде Паппенгейма было 8 немецких солдат, бежавших из Циндао, 4 китайца, 1 монгол, 20 верблюдов и 5 лошадей с грузом «подрывных средств». Крупенский потребовал от китайского МИД энергичных мер против нарушения немцами китайского нейтралитета, указывал на невозможность дальнейшего пребывания Паппенгейма в должности германского военного агента. Китайский министр иностранных дел согласился¹.

Детали разговора Крупенского в китайском МИДе просочились в прессу. «Японский официоз» в Дайрене сообщил, что Крупенский в категорических выражениях заявил протест пекинскому правительству за разрешение Паппенгейму и германским солдатам странствовать по Внутренней Монголии под предлогом охотничьей экскурсии в сопровождении «шайки хунхузов», указал, что они совершали стратегические изыскания в течение месяца². Крупенский и позже старался склонить МИД Китая к пресечению деятельности группы Паппенгейма. На это он получил ответ, что «местным властям уже были даны указания, а ныне, на основании сообщенных мною сведений, даются по телеграфу приказания принять все возможные меры к задержанию Паппенгейма и его спутников»³. Однако китайцы их так и не задержали.

Усатый полагал «возможным задержать немецкий разезд или хотя бы установить за ним наблюдение посылкой нашего разезда. Доставивший сведения о немцах запасной гренадер Шадрин, видевший этот разезд и хорошо говорящий по-монгольски, изъявляет согласие быть проводником. Монгольские власти готовы оказать нам всяческое содействие предоставлением разезду сменных лошадей на 15 человек и продовольствия. Изложенное сообщено нашим военным властям». 1 марта готовился к отправке разезд из 15 чел. под командой офицера. Местные монгольские власти оказывали широкое содействие⁴.

В марте Егузэр-хутухта Галсандаш написал письма правителям Барги следующего содержания. Немцы сказали Бавужаву: «Со стороны китайских солдат препятствий не будет — есть ручательство Юань Шикая». Но Бавужав ответил, что не даст солдат, поскольку «взятые ими с собой деньги в нашей земле неизвестны» (китайские кредитки). Для сопровождения немцев Бавужав послал старшину отряда Данминбу и солдата Тумура. Старшины отряда Бавужава говорили ему, что они ни за какое вознаграждение не пошли бы с немцами, а задержали бы их для доставки в Ургу. Однако Бавужав во избежание скандала от задержания воздержался, но попросил у немцев три бомбы, одну из которых передал для исследо-

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 7; РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 43–46, 49, 60.

² Задержанная московский военной цензурой телеграмма в Петроград из Харбина от 5 марта 1915 г., РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 68.

³ Телеграмма Крупенского из Пекина 26 марта/8 апреля 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 25; РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 100.

⁴ Телеграммы Усатого из Хайлара от 26 февраля/11 марта и 28 февраля/13 марта 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 6, 10; РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 59, 62.

вания Шадрину. Последний привез ее Хионину, у которого она хранилась первое время¹. Вскоре Егузэр-хутухта сообщил властям Барги, что немецкий разъезд двинулся обратно на Линсянь к востоку от Долоннора².

С учетом в том числе этих сведений Хионин сообщал из Урги в МИД: «Бабучжаб со слов немцев доносит, что преступные партии организованы германским посланником в Пекине при участии китайцев. Между прочим, немцы склоняли Бабучжаба изменить со своими отрядами Хутухте и перейти на сторону Китая, обещая большие милости Юань Шикая. Партии двинулись по направлению гор. Линшисяня»³. Сообщая об участии китайцев в этом деле Егузэр-хутухте, Бавужав отмечал, что китайцы хотят использовать его для того, чтобы вбить клин между монголами и русскими⁴. Эти сведения соответствуют истине.

Усатый послал телеграмму в Ургу, «прося предписания монгольскому правителю Бабучжабу и начальникам других хошунов о содействии нашему разъезду»⁵. В ответ Сайн-нойон-хан обещал послать предписание Егузэр-хутухте (как наместнику Восточного края Монголии) и Бавужаву «оказывать нашему разъезду, высланному на розыски и для задержания немцев в Силингольский сейм, полное содействие. Со своей стороны частным письмом прошу их сделать то же самое и следить за германцами»⁶.

Эти телеграммы противоречили российской политике выведения феодалов Внутренней Монголии из-под власти монгольского Богдо-хана. Но военная необходимость была важнее потенциальных дипломатических трений с Китаем.

Как уже упоминалось, информацию об обнаружении немецкой группы Усатому сообщил запасной гренадер Шадрин. Это был служащий еврея Берковича, приехавший из Внешней Монголии. Шадрин привез весьма ценную информацию о составе и маршруте группы, ее контактах с монголами, реакции монголов и, наконец — снаряд, который Бавужав дал Шадрину. Эти данные были настолько важными, что через 8 дней военный министр В.А. Сухомлинов доложил о них Николаю II. В тот же день (27 марта 1915 г.) товарищ председателя правления Общества КВЖД А. Власьев сообщил правлению Общества, что цицикарский цзяньцзюнь встречался с ним на ст. Цицикар и заверил, что принял «самые энергичные меры к недопущению к КВЖД организованной германским военным агентом экспедиции для разрушения железной дороги и вообще к охране ее от всяких подобных покушений»⁷. Что это были за меры, так и осталось неизвестным.

Вся эта переписка, включая письмо Егузэр-хутухты Галсандаша, шла с большим опозданием: как будет видно из дальнейшего, группа Паппенгейма к тому

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 23–30.

² Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин от 18 марта 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 21; РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 125.

³ Телеграмма Хионина из Урги в МИД от 12 марта 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 17. «Линшисянь» — Линьсисянь (Линьси).

⁴ МУУТА, х. 5, д. 1, х.н. 174.

⁵ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 12; РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 64.

⁶ Телеграмма Хионина из Урги от 3 марта 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 13.

⁷ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 75, 126–127; АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 19–20, 38.

времени была уже уничтожена. Однако в Нийслэл-хурэ об этом были осведомлены гораздо раньше — в основном по сведениям от Егузэр-хутухты. В министерствах Внешней Монголии рассматривался документ об уничтожении немецкой диверсионной группы Бавужавом. Отмечалось, что последний не нарушил международное право, следует наградить Бавужава, его войско и Егузэр-хутухту¹.

В документе министерства всех дел Монголии от 24-го дня 2-го месяца 5-го года Многими Возведенного (март 1915 г.), подготовленном на основании послания военного министерства, довольно подробно излагается история с группой Паппенгейма. На основе этого был подготовлен доклад Богдо-хану. Рассмотрев его, в 25-й день того же месяца Богдо-хан санкционировал награждения. На свитке он кистью начертил красной краской указ: «Галсандаш и Бавужав, следуя моей и государственной политике, очень хорошо обучают своих солдат и командуют ими. Кроме того, они очень хорошо следуют нашим международным интересам. Эти стремления одобряются нами. Наградить их. Галсандаша — зеленой повозкой с желтой обивкой; Бавужава — степенью бэйсэ; командиров подразделений отряда, у которых есть отго — званием тэргун, шелковыми подушками для сидения, грамотами; нижним чинам, у которых нет отго — дать отго; солдатам — кушаки, табак и фрукты. Всем принять мои милости и волю и дальше веровать, сохраняя дисциплину». Министерству предписывалось донести это до сведения Егузэр-хутухты и Бавужава, а также известить об этом МВД. Подарки предписывалось доставить в место дислокации отряда Бавужава².

Примечательно, что в этом документе Паппенгейм и Германия прямо не названы, а 8 немцев обозначены как 8 русских: в то время монголы всех европейцев обычно называли русскими. Следует отметить, что в более поздних документах Бавужав обозначал себя прежним титулом тушэ-гун, а не более высоким титулом бэйсэ: присвоение степени (монг. зэрэг) не означало присвоение титула (монг. хэргэм).

Секретная агентура российского консульства в Харбине 15 апреля 1915 г. (ст. ст.) сообщала о переписке китайских властей относительно экспедиции Паппенгейма, но, очевидно, еще не знала о ее уничтожении. Китайские власти знали лишь об обнаружении немцев в Монголии российскими подданными Шадриным, Берковичем и Берманом, которые видели немецкий разъезд в хошуне Дзун-Хучид Шилингольского сейма. В секретной телеграмме Вайцзяобу хэйлунцзянскому цзяньцзюню Чжу говорилось, что недавно был «без всякого основания предъявлен протест» в том, что Паппенгейм с вооруженными людьми направился во Внутреннюю Монголию; неизвестно, откуда эти слухи, поэтому МИД дал распоряжение местным властям собрать об этих немцах сведения. В телеграмме гиринаского дипломатического бюро в Вайцзяобу говорилось, что меры охраны КВЖД после объявления войны были усилены. Утверждалось, что слухи о немецких дивер-

¹ МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 669, бичиг 7.

² МУУТА, х. 5, д. 1, х.н. 174. Отго (павлинье перо на шапку), шелковые подушки, грамоты, зеленая повозка с желтой обивкой — знаки отличия; тэргүүн (монг.) — первый, передовой, главный.

сиях разносят агенты-китайцы, нанятые штабом Заамурского округа: они хотят получить за это награду; русские все принимают на веру; видя это, сами немцы стараются распускать такие слухи. Согласно телеграмме хэйлунцзянского цзянь-цзюня в Вайцзяобу, у него не было сведений о германском караване — видимо, это слухи, он уже сделал распоряжения о задержании каравана¹.

Итак, пекинское правительство, лавируя между Россией и Германией, не могло отказать Паппенгейму в паспортах для его «охотничьей экскурсии», а затем китайские местные власти, не имея о ней точной информации, пользовались в основном слухами и умозаключениями.

Наконец, высланный российский разъезд доставил в штаб Округа сведения с выводом, что «немцы все убиты и трупы их сожжены»². По донесению Мореля, «начальник отряда монгольских войск в Восточной Монголии Бабучжаб по собственной инициативе уничтожил немецкий разъезд. Подробности запрошены и сведения проверяются»³. Морель имел в виду телеграмму Усатого от 31 марта/13 апреля в Пекин, где сообщалось: «Разъезд, посланный в Монголию, вернулся. Выяснено, что Бабучжаб по своей собственной инициативе уничтожил весь немецкий разъезд, о чем, опасаясь китайцев, просит не разглашать. Бабучжаб прислал мне об этом официальное сообщение». На это сообщение 16 апреля Николай II в Царском Селе наложил резолюцию: «Молодец. Кто он?» В ответ Сазонов в докладной записке от 18 апреля сообщил, что «князь Бабучжаб — один из тех князей Внутренней Монголии, которые объявили о своем отложении от Китая и признали над собой власть ургинского Хутухту. Князь Бабучжаб стоит во главе тех войск, которые монгольское правительство выдвинуло в сторону Внутренней Монголии»⁴.

Довольно подробно итоги работы российского разъезда описаны в документах МИД. Выхавший в начале февраля, этот разъезд из 15 чел. под командой штаб-ротмистра Костюра с проводником Шадриным вернулся 30 марта. Быстрый переезд удалось сделать лишь благодаря любезности баргинских властей, предоставивших право пользоваться сменными лошадьми на станциях. По дороге разъезд остановился в Егузэр-сумэ. Торговавший там А.М. Беркович сообщил, что 18 февраля (н.ст.) отправил Бавужаву письмо, чтобы тот задержал немцев. От Бавужава приехал гонец, который сообщил, что меры к задержанию приняты, Бавужав просит Берковича приехать. Когда Беркович приехал, Бавужав сообщил ему, что весь немецкий разъезд с китайцами и монголом им перебит 6 февраля при следующих обстоятельствах. 5 февраля (ст.ст.) Паппенгейм послал немецкого солдата в Пекин с донесением военному атташе⁵. Для сопровождения этого солдата Баву-

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 65–74.

² Телеграмма генерального консула в Харбине Траутшольда от 2/15 апреля 1915 г., РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 130.

³ Телеграмма и.д. военного агента в Китае Мореля из Пекина в Главное управление Генерального штаба от 3/16 апреля 1915 г., РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 131, 132, копии.

⁴ Международные отношения..., 1935, т. 7, ч. 2, с. 134.

⁵ Возможно, имелся в виду и.о. военного атташе, так как эту должность занимал сам Паппенгейм.

жав командировал своего солдата, который по дороге убил немца и доставил его труп обратно, при нем была найдена записка на немецком языке от Паппенгейма о том, что этот солдат должен быть допущен к атташе без препятствий для разговора. 5 февраля немецкий разъезд двинулся от Бавужава на восток к Линьсисяню.

«Для сопровождения его Бабучжаб дал своих солдат, которые на следующий день 6 февраля [то есть 19 февраля н.ст. — С.К.] в дороге убили всех немцев, а также сопровождавших их китайцев и монгола. При этом сам Паппенгейм, сначала только раненый, успел убить одного из монгольских солдат и одного ранить. Желая затем скрыть следы, Бабучжаб приказал все трупы сжечь; их облили найденной во въюках горючей жидкостью и сожгли. Берковичу, по словам шт. ротм. Костюра, Бабучжаб показывал только оставшиеся черепа и кости. Значительное количество бывших при них бумаг монголы также сожгли. Бабучжаб передал Берковичу означенную выше записку на немецком языке, три охотничьих билета, выданных в Германии на имя Паппенгейма в 1907 и 1908 гг., охранный лист на китайском языке, выданный германским консулом в Тяньцзине 3 сентября 1913 г. на имя Паппенгейма, на обороте этого листа написано карандашом “20.12.14 Калган”; кредитный билет китайского банка (Банк оф Чайна) в 10 долл., которых будто бы при немцах было 100 000 долл.; несколько разрывных снарядов, капсюлей и бикфордов шнур. Все эти вещи переданы Берковичем начальнику разъезда шт. ротм. Костюре, который представляет их по начальству. Бабучжаб очень опасается мести со стороны китайцев, по его мнению, содействовавших немцам, поэтому убийство немецкого разъезда держится в большом секрете.

К сожалению, разъезд наш, находясь в расстоянии от Бабучжаба всего около 2000 верст, не доехал к нему, чтобы на месте собрать более подробные данные об обстоятельствах дела, личностях немцев, имевшихся у них документах и проч. У Бабучжаба, например, остался фотографический аппарат, взятый у немцев. Беркович видел пять ящиков подрывных снарядов, которые хранятся у Бабучжаба. Бабучжаб через Берковича доставил мне с разъездом официальное отношение, в переводе при сем прилагаемое, в котором он сообщает об убийстве немцев и просит за это награды. Со своей стороны полагал бы, что Бабучжаб награду заслужил. Заслуживают поощрения также русские подданные Григорий Шадрин и Абрам Беркович»¹.

Перечень документов, переданных Бавужавом, примечателен тем, что там нет тех новых китайских паспортов для охотничьей экскурсии для Паппенгейма и еще восьми немцев, о которых писали российские дипломаты. Там были три довоенных охотничьих билета и охранный лист на Паппенгейма от немецкого консула с датой, исправленной на 20 декабря 1914 г. Были ли какие-то более новые документы, осталось неизвестным.

Бавужав писал не только Усатому в Хайлар, но и Хионину в Нийслэл-хурэ. Он кратко изложил историю с немецким разъездом, просил не доводить об этом до сведения иностранцев и отметил, что мог бы сам прибыть с целью уведомить Хи-

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 39–41об.

онина. «Для большего же спокойствия, не будет ли признано лучшим командировать в место расположения моего отряда чиновника с несколькими солдатами, которые в случае обнаружения подозрительного дела, при вооруженной помощи с моей стороны, могли бы прекратить его в самом начале?»¹ И так, Бавужав предлагал дальнейшее содействие России в пресечении диверсий ее противника.

Естественно, российские власти стали выяснять, действительно ли группа Паппенгейма была уничтожена. Как и следовало ожидать, германская миссия в Пекине официально отрицала пребывание Паппенгейма в Монголии, требовала все документы экспедиции, так как версия ее уничтожения казалась «до некоторой степени подозрительной». Российская миссия указывала, что «при этом невольно возникает сомнение, не откупились ли немцы у последнего [Бавужава. — С.К.] и не внушили ли они ему мысль распустить слух о их смерти для того, чтобы, обманув таким образом нашу бдительность, привести с большей легкостью задуманный ими план в исполнение», поэтому жаль, что Костюра не исполнил до конца поручение и не поехал в ставку Бавужава для личного свидания².

Ставка Бавужава находилась не так уж далеко от Барги и Внешней Монголии (ближе 2000 верст), однако двух месяцев разъезду не хватило на то, чтобы посетить ее. Возможно, Костюра счел достаточными материалы, которые ему предоставил Беркович, и не поехал к Бавужаву.

Лишь в мае 1915 г. Крупенскому были доставлены все документы по экспедиции Паппенгейма в Монголию³. Со своей стороны, Морель 24 мая/7 июня 1915 г. направил рапорт в Главное управление Генштаба с изложением всех «за» и «против» ликвидации группы Паппенгейма. Морель сделал вывод, что, хотя пока нет точных данных, жив ли Паппенгейм, весьма вероятно, что он убит⁴.

Крупенский попросил дзасак-ламу Агвана Яримпила, собиравшегося во Внутреннюю Монголию, собрать сведения об экспедиции Паппенгейма. Прибыв туда, Агван-лама в письме из Долоннора от 16/29 июня сообщал, что, по наведенным им тщательным справкам, убийство отряда Паппенгейма Бавужавом бесспорно и произошло 6/19 февраля 1915 г. Это совпадало со сведениями из Хайлара и с числом, проставленным Паппенгеймом в записке, найденной у его убитого гонца⁵.

Встал вопрос о награждениях. Первым этот вопрос поставило вице-консульство в Хайларе. Оно предложило наградить Шадрина серебряной медалью «За усердие» для ношения на шее и 200–300 руб.; Берковича — такой же медалью; Бавужава — орденом Св. Анны 2-й степени с бриллиантами для не-христиан или орденом Св. Станислава 2-й степени для не-христиан и оружием; рекомендо-

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 58–59.

² Донесение Крупенского Сазонову от 15 апреля 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 61–62об.

³ Донесение начальника штаба Пограничной стражи в 4-й отдел МИД от 29 мая 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 79.

⁴ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 147–150, 157.

⁵ Телеграмма Крупенского Нератову от 1 июля 1915 г., д. 3339, л. 106–106об.

лось также отдать 13 револьверов-маузеров, конфискованных в Хайларе и хранившихся в вице-консульстве¹. В июне 1915 г. Усатый посоветовал содействовать награждению Бавужава званием цзяньцзюня монгольским правительством. Это поддержали Крупенский и Нератов². Генконсул в Харбине извещал о предстоящем получении Бавужавом ценного подарка от правительства России, который будет выслан из Петрограда, передаче ему некоторого количества револьверов Маузера, бывших в распоряжении вице-консульства в Хайларе, о представлении к награждению Шадрина и Берковича, а также о том, что российское правительство поставило вопрос перед правительством Внешней Монголии о присвоении Бавужаву титула бэйсэ, на что получено согласие Богдо-хутухты. 14 июля 1915 г. генконсул в Харбине сообщил об этом начальнику Заамурского округа А.А. Дмитриеву. МИД поддержал награждение Шадрина и Берковича³.

21 июля 1915 г. (ст.ст.) Усатый телеграфировал в 4-й отдел МИД, что подарок императорского правительства для Бавужава — золотые часы с цепочкой — получен⁴. Кроме того, ему было «разрешено переслать гуну Бавужаву в виде подарка хранящиеся в вице-консульстве револьверы с патронами»⁵.

Для доставки подарка Бавужаву в Шилингол был командирован канцелярский чиновник Рыков. По его сведениям, в отряде Бавужава тогда было более 2000 чел. Находились они в хошуне Дзун-Хучид в местности Баян-Булак. Отряд помещался в юртах, огороженных плетнем. Кроме Бавужава в его отряде было 4 тунлина (командира подразделений), каждый командовал 3 инами. Отряд разделялся на 12 инов. «Дисциплина в отряде Бавужава суровая. Запрещено курение табаку, употребление водки и доступ в отряд женщин. Наказание за проступки строгое. Мест для заключения под арест не существует. Практикуется только два рода наказаний: наказание палками и смертная казнь». Бавужав сказал, что у него около 7000 чел., которых он бросить не может. Он посылал в Нийслэл-хурэ протест против Кяхтинского соглашения. В результате в монастырь Егузэр-сумэ прибыл Манлай-Батор Дамдинсурэн, который вместе с Бавужавом в свое время воевал против китайцев. По отзыву Рыкова, Бавужав словоохотлив⁶. Он рассказал об уничтожении немецкого разъезда и о случае с двумя ламами, присланными китайскими чиновниками из Пандита-гэгэн-сумэ с подарками и обещанием дать Бавужаву должность. Подарки он не принял, ламам отрезал уши и отослал китайцам⁷.

Как отмечал Усатый в донесении Крупенскому в сентябре 1915 г., сведения из отчета Рыкова устранили все сомнения в действительности уничтожения герман-

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 114–114об.

² АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 145–146, 149.

³ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 165–166, 184–184об.

⁴ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 116.

⁵ Копия донесения Усатого из Хайлара в Пекин от 30 июня 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 96–96об.

⁶ Это видно из обилия и содержания его писем (в МУУТА).

⁷ Отчет канцелярского чиновника Рыкова в Шилингол для вручения подарка императорского правительства Бавужаву от 3 сентября 1915 г. о поездке в Шилингол, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 117–122.

ского разъезда. Рыков вручил Бавужаву подарок правительства и маузеры с патронами. Бавужав согласился показать Рыкову место убийства немцев. Монголы, участвовавшие в нем, отвезли туда Рыкова. По их рассказу, в 10–12 верстах на юго-восток от лагеря Бавужава, на открытом месте среди песчаных холмов, покрытых кустами, монголы по команде выехали вперед и открыли стрельбу. Более опытные стреляли в голову. Так был убит Паппенгейм, ехавший вторым от начала. Гильз среди густой травы найти не удалось. Шагах в 130–150 от дороги Рыков видел следы огромного костра, в котором сожгли трупы немцев. Следы костра засыпает песок. Рядом было много мелких черепных и других костей, обломки бутылок от горячего, остатки обгорелой одежды, европейские пуговицы и т.д. Бавужав показывал снаряды, взятые у немцев. Он сказал, что в июне к нему приезжал японец, который предложил содействие, и с ним в Японию был командирован Таса-Шубу, чтобы получить оружие. Но главную надежду Бавужав возлагал на российское правительство, просил передать эту просьбу и, если можно, снабдить хотя бы берданами с патронами, так как он опасался нападения китайцев. За это он предлагал заплатить. «Ургинское правительство продолжает платить жалованье Бавужаву и его солдатам, несмотря на Тройственный договор. У Бавужава ок. 7000 чел.»¹

19 августа/6 сентября 1915 г. МИД уведомил Генштаб, «что по отзыву Посланника нашего в Пекине, убийство участников шайки Паппенгейма является бесспорным». В докладе генерал-квартирмейстера начальнику Генштаба от 29 ноября/9 декабря 1915 г. говорилось, что МИД возбуждает вопрос о награждении «запасного лейб-гвардии Гренадерского полка крестьянина Томской губернии Шадрин серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью “За усердие” для ношения на шее — за проявленную инициативу по наблюдению за германской экспедицией и за понесенные труды по доставке сведений об этой экспедиции вице-консулу в Хайларе и при отправлении нашего разъезда. Кроме того, так как Шадрин в течение двух месяцев был оторван от своего дела, то МИД высказало пожелание о выдаче ему денежного вознаграждения в размере 200–300 руб. 2) Мещанина г. Читы Абрама Моисеевича Берковича — серебряной медалью на Станиславской ленте с надписью “За усердие” для ношения на груди — за оказанное содействие по тому же делу». В январе 1916 г. из Главного управления Генштаба поступили письма с одобрением награждения Шадрин и Берковича согласно ходатайству Усатого².

С ликвидацией группы Паппенгейма вопрос о германских агентах не исчез. Бавужав сообщал, что на границах Шилингольского сейма появились два немца с шестью китайцами. Он установил за ними наблюдение. Беркович подтвердил это. Видимо, эти немцы были направлены для проверки сведений об уничтожении группы Паппенгейма. Один из солдат Бавужава доставил записную книжку одного из участников экспедиции Паппенгейма³. Усатый со слов Бавужава сообщал о двух немецких офицерах, прибывших в Монголию. «Еще едет голыштинiec

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 115, 117–122.

² Сергеев, 2011; АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 152-152об., 155–155об.

³ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 82.

Ригельсен, выдающий себя за датского подданного, и несколько бывших немецких полицейских из Циндао»¹.

Сообщалось, что 19 сентября/6 октября 1915 г. Бавужав встретил отряд в 70 немцев и 30 китайцев и подвергся их обстрелу; монголы заставили немцев отойти на Калганскую дорогу, потеряв 7 чел. Затем появился большой китайский отряд, в бою с Бавужавом он потерял 300 чел., потери монголов были незначительны. Германский отряд был сформирован для порчи КВЖД².

Российское руководство не забыло услуги Бавужава. В конце 1915 г. китайские войска вторглись во Внешнюю Монголию для преследования находившегося там Бавужава, захватили Егузэр-хутухту и разграбили его монастырь (см. ниже). Хотя сам Бавужав скрылся, была угроза его преследования и убийства китайскими войсками. В связи с этим, 25 ноября/8 декабря 1915 г. Сазонов телеграфировал Крупенскому: «Услуга, которую оказал нам Бабучжаб уничтожением экспедиции Паппенгейма в то время, когда китайские власти ничего не предприняли против столь явного нарушения нейтралитета Китая, побуждает нас взять его под свое покровительство. Едва ли Бабучжаб представляет ныне действительную опасность для китайцев, так как монгольское правительство более не поддерживает его, а его войска уничтожены китайцами. Благоволите приложить усилия, чтобы уладить настоящий пограничный монголо-китайский инцидент без выдачи Бабучжаба китайцам, что при китайских нравах, очевидно, повело бы к его казни»³. В итоге китайские войска прекратили преследование и ушли из Внешней Монголии.

Хотя Бавужав и не получил серьезной военной поддержки от России, он и его соратники сохраняли положительное отношение к ней. По словам одного из сподвижников Бавужава — Фушэнгэ, «последний раз партия германцев с китайцами была перебита монголами в конце 1916 г. возле границы Халхи»⁴. Вероятно, речь идет о том, что уже после гибели Бавужава его временный заместитель — Цаганнойон принимал меры к поимке появившихся в Монголии 70 вооруженных немцев⁵.

Таким образом, в начале Первой мировой войны Бавужав продолжал надеяться на военную поддержку России и оказал ей ценные услуги в борьбе с немецкими диверсантами, пытавшимися прервать сообщение по КВЖД. Он отказался от денег и других выгод, которые предлагал глава диверсионной группы. Конечно, это он сделал не потому, что не знал, как распорядиться китайскими кредитками — монголы хорошо знали, как их использовать. Важнее была верность Богдо-гэгэну и его курсу на независимость Монголии, надежда на поддержку оружием и боеприпасами со стороны России. Однако вместо этого он получил почетные

¹ Телеграмма Крупенского в МИД от 8 июня 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 83–83об.

² Телеграмма министра внутренних дел в Генштаб А.А. Поливанову от 27 ноября 1915 г., РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 7776, л. 264–264об.

³ Международные отношения..., 1937, т. 9, с. 480.

⁴ РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 25, л. 1–2об.; ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 113–114об.

⁵ Донесение полицейского надзирателя Подопригоры помощнику начальника 1-го отделения полицейского надзора от 2 декабря 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 218–219.

подарки, в том числе 13 маузеров, которые, конечно, нельзя рассматривать как серьезную военную помощь. Отсутствие такой помощи и курс на разоружение отряда Бавужава соответствовали положениям Кяхтинского соглашения от 7 июня 1915 г. Поскольку надежды Бавужава на помощь России не оправдались, после ликвидации группы Паппенгейма он стал налаживать контакты с японцами, обещавшими поддержку.

Деятельность Бавужава от российско-китайско-монгольских переговоров в Кяхте (1914–1915 гг.) до попытки реставрации маньчжурской династии (1916 г.)

8 сентября 1914 г. в Кяхте открылась русско-китайско-монгольская конференция. Целью была выработка тройственного соглашения по Монголии. Переговоры были долгими и сложными. Соглашение было подписано 25 мая/7 июня 1915 г. Оно признало автономию Внешней Монголии под сюзеренитетом Китайской республики и на Внутреннюю Монголию не распространялось. Последней предстояло стать обычной частью Китая. От внутренних монголов, которые сражались за независимость и единство Монголии, потребовали разойтись по домам.

«Во время заседаний Кяхтинской конференции 1914–15 гг. эта шайка [отряд Бавужава. — С.К.] требовала, чтобы русские, китайские и монгольские уполномоченные сговорились бы насчет дальнейшей ее судьбы и главари шайки подавали даже соответствующие прошения (между прочим, и русскому уполномоченному А.Я. Миллеру), в которых высказывались пожелания, чтобы харачинам были отведены земли, где они могли бы осесть. Просьба харачин осталась, однако, не улаженной и они, обиженные, покинули Халху и поселились во Внутренней Монголии на границе Мукденской провинции, где предавались грабежам»¹. Попробуем разобраться, на чем основано столь категоричное суждение.

Во Внутренней Монголии о ходе переговоров в Кяхте сведений было немного. Например, 4 ноября 1914 г. — почти через 2 мес. после начала переговоров — запрос о них в Нийслэл-хурэ написали два чиновника из Чахара. Они писали, что Бавужав, некоторые гуны и чиновники говорят о заявлениях Китая по включению в него Внутренней Монголии — правда это или нет?²

В прошении, написанном 20 ноября 1914 г. командирами из отряда Бавужава в государственный хурал Монголии, указывалось, что они мобилизовали 2600 солдат в Дзосотуском, Джоудаском и Джеримском сеймах; русские с китайцами ведут переговоры, чтобы разъединить монголов, тогда как люди Бавужава — за их объединение и войну с китайцами; если монголы объединятся, то победят. Авторы документа просили выделить им оружие и продовольствие, поскольку собирались продолжать борьбу за независимость³.

¹ Отчет Граве о командировке в Хайлар, АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 52–119.

² МУУТА, х. А1, д. 1, х.н. 8, бичиг 4 — в кн.: Монгол улсын дээд..., 2003, с. 84–85.

³ МУУТА, х. А1, д. 1, х.н. 12, бичиг 7 — в кн.: Лонжид, Өлзий, 2002, с. 9, Монголчуудын нэгдсэн..., 2014а, с. 79–80; Монгол улсын дээд..., 2003, с. 86–87.

Бавужав тренировал свои войска. От его лагеря до Нийслэл-хурэ было создано 18 уртонных станций. Его заместитель Бай ездил за вооружением. По уртонам ему было доставлено на верблюдах и арбах 1800 единиц оружия, которые распределили в отряде. Продовольствие и оружие поставлял ему Егузэр-хутухта¹. С октября 1914 г. (когда уже шли переговоры в Кяхте) Егузэр заявил о своем желании организовать снабжение 2814 солдат Бавужава. Потребности были оценены в три барана и кирпич чая на каждого солдата в месяц (по-видимому, с учетом их семей). Для всех командиров в течение 5 мес. требовалось 42 210 баранов, 4000 кирпичей чая, 140 юрт и телега топлива. Все это подлежало поставкам из Хулунбуира и Цэцэнханского аймака Халхи. В конце зимы Егузэр-хутухта написал Богдо-хану, что это надо сделать для того, чтобы не пострадало местное население (очевидно, от фуражировки людей Бавужава). Кроме того, решено было поставить более 200 монгольских халатов, которые шили при монастыре Егузэр-хутухты, а также закупить в Хулунбуире более 1000 сапог и в Цэцэнханском аймаке — 500 меховых халатов. Егузэр-хутухта купил в хошуне Илдэн-вана 70 крупных баранов на 140 лан для снабжения Батор-гуна Джамца и отправил ему в октябре 1915 г. Затем, когда к отряду Хиченгуй-Батор-гуна Найданжава присоединились 145 солдат из хошуна Оннюд Внутренней Монголии, их стали снабжать из трех хошунов Цэцэнханского аймака. Например, из хошуна Илдэн-вана поставили 7 юрт, 173 барана, 165 кирпичей чая; прибыли три человека, чтобы следить за лошадьми².

По данным на 22 ноября 1914 г., Бавужав запрашивал для своих солдат теплую одежду и обувь. Для закупки этого ему было выдано 6635 «бумажных денег», на продукты монгольское министерство финансов выделило 746 «бумажных денег». Но этого, очевидно, не хватало. Поступил запрос на 1500 теплых штанов, 500 зимних шапок и т.д.³ В связи с недостатком снабжения, подчиненные Бавужава просили у монгольского правительства меховую одежду, шапки, обувь, продовольствие⁴.

Пребывание отрядов Бавужава обременяло население, доставляло «головную боль» для местных властей и монгольского правительства. Последнее считало опасным сосредоточение этих войск в одном месте. Оно думало о том, чтобы решить проблему путем сдачи оружия и расселения людей по разным местам⁵.

В связи с переговорами в Кяхте, в конце 1914 – начале 1915 г. снабжение отряда ухудшалось. Среди солдат Бавужава распространялись воинственные настроения. Но им было заявлено, что местность в ведении Егузэр-хутухты священна, в ней нельзя воевать или делать беспорядки. 10-го числа 1-го месяца зимы (27

¹ Лу, 1979, с. 34–39, 94–95.

² МУУТА, х. А 46, д. 1, х.н. 137, бичиг 3 — в кн.: Мягмарсамбуу, 2014, с. 83–84.

³ МУУТА, х. А1, д. 1, х.н. 8, бичиг 10 — в кн.: Монгол улсын дээд..., 2003, с. 88. Что за «бумажные деньги», неясно. Возможно, речь идет о российских банкнотах. Первые монгольские банкноты (банковские обязательства) в Нийслэл-хурэ выпустили в 1921 г. при бароне Унгерне. Затем в МНР печатались бумажные тугрики с 1925 г.

⁴ МУУТА, х. А1, д. 1, х.н. 8, бичиг 10 — в кн.: Монголчуудын нэгдсэн..., 2014а, с. 80.

⁵ Телеграмма Миллера из Урги Крупенскому в Пекин от 3 января 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 3.

ноября 1914 г.) отряд ушел на р. Халхин-гол. По дороге не встречались юрты и скот, не было сменных лошадей, стоял холод, люди сильно утомились. Сообщая об этом правительству Монголии, Бавужав указал: «Я, Бавужав, не ученый человек, но со своими солдатами пишу в ямынь, что мы с усердием служим Монгольскому государству, никаких плохих мыслей не имеем, потому пишем это письмо. Просим помощь ямыня. 5-й год Многими Возведенного, средний зимний месяц, 18-й день» (4 января 1915 г. н.ст.)¹.

Очевидно, под давлением из Нийслэл-хурэ Бавужав двинулся на юг во Внутреннюю Монголию. Направлениями его движения были Чжанцзякоу (Калган), Долоннор (в Чахаре), Паньцзян, запад Джоудаского сейма (Линьси и Динпэн)².

В это время в Кяхту для участия в переговорах прибыли китайские уполномоченные Би Гуйфан и Чэнь Лу. Они запросили ургинских представителей по поводу движения Бавужава во Внутреннюю Монголию. Те отвечали, что отряд Бавужава должен находиться в южной части Цэцэнханского аймака и причины его перехода во Внутреннюю Монголию неизвестны³. В первый месяц 1915 г. из администрации Егузэр-хутухты в Нийслэл-хурэ было направлено послание, что надо сделать так, чтобы люди Бавужава не проникали на эту территорию⁴.

Бавужав двинулся в направлении Долоннора 5(18) января 1915 г. Китайский комиссар Долоннора направил к нему двух лам — Токто-Бату и Баяна, чтобы уговорить его покориться. Начальник охранного отряда в Долонноре Хай-чэн-гун Хуан Моучэн послал с ними письмо Бавужаву с предложением присоединения к Китаю и важного поста по охране государства. Люди Бавужава арестовали обоих лам, ограбили и связали их, потребовали, чтобы они с 40 солдатами захватили «Кай-лин-на-да-ми-дэ». Вследствие отказа каждому из них отрезали по уху. Затем их отправили назад в Долоннор, велев предупредить китайцев, чтобы те готовились к войне. К отрезанным ушам прилагалось ответное письмо, в котором говорилось:

«Я, сановник Бабучжаб, приветствуя заведующего сторожевыми отрядами в Долонноре чиновника 1-й степени Хай-чэн-гуна Хуан-моу-чана, в ответ сообщая следующее. Почтеннейший, Ваше официальное письмо получил, и значение его понял; по обсуждении содержания письма со всеми старшинами отряда, мы очень обрадовались. Приняв с должным уважением присланные Вами подарки, мы не можем возвратить Вам даже одной десятитысячной части оказанной Вами нам милости, а так как в нашей Монголии нет никаких редких вещей, то мы, не имея другого исхода и согласно принятому общему решению чиновников и солдат, представляем Вам следующий подарок: драгоценную пару ушей, каковые, по доставлении, если сообразоволите, и просим принять. Сего ради приветствую»⁵.

¹ МУУТА, ф. А5, д. 1, х.н. 182, б. 1 — в кн.: Бао, 2011, р. 60–61.

² Лу, 1979, с. 1–10, 34–36.

³ Перевод памятной записки Вайцзябу от 18/31 августа 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 759, л. 28–28об.

⁴ МУУТА, х. А2, д. 1, х.н. 273, бичиг 14.

⁵ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 5–15.

Как отмечал управляющий генеральным консульством в Урге А.П. Хионин, «Переписка начата Хуан-моу-чэном и вызвана не фактом передвижения Бабучжаба с завоевательными целями, а желанием китайцев склонить начальника монгольского отряда на измену верности Хутухте со всем своим войском. <...> Верный своему долгу и данной клятве Богдо-гэгэну, Бабучжаб возмущен фактом предположения китайцев о возможности предательства им Халхи и, если бы в составе посольства не было монголов, то он вернул бы его мирно. Но участие в посольстве Токто-Бату и Баяна с преступными, с точки зрения Бабучжаба, намерениями возмутило последнего и монголы по древнему восточному обычаю поплавились за это ушами»¹.

Бавужав перешел на стоянку в Хаянхирва-хийд на границе с хошуном Дзун-Сунуд западнее Долоннора. Непосредственно под его командой было 1600 чел., еще 2000 были распределены по разным пунктам. Бавужав именовался «командированным по Высочайшему повелению, главнозаведующим покорением юго-восточной Монголии и великим цзяньцзюнем, командующим отрядами всех дорог». Он написал долоннорскому комиссару Хуану два дерзких письма и послал по отрезанному уху лам. Поскольку в Долонноре войск было менее 3000, комиссар вызвал подкрепления. Чахарский дутун² Хэ Цзунлянь по телеграфу просил Пекин разрешить ему выступить против монголов³.

Снабжением отряда Бавужава во Внутренней Монголии занимался его зять Цые, сын главы сторонников восстановления Цинской династии цинь-вана Су, находившегося в контакте с японцами (подробнее о нем см. ниже). Цые был женат на дочери Бавужава, которая еще в малолетстве была отдана Су, чтобы создать «союз сына и дочери». Источник поставок был в районе Чжанцзякоу (Калгана): купцы отправляли для него рис, муку, обменивая свой товар на скот (коров и баранов). Однако на 4-м году республики (1915 г.) снабжение прекратилось. Весь скот был съеден, и людям Бавужава пришлось 2 мес. питаться кашей из халахая

¹ Послание Хионина из Урги Крупенскому в Пекин от 5 марта 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 16–16об.

² Кратко останавливаясь на упоминаемых здесь и ниже званиях чиновников. В ранний период Китайской республики эти звания постоянно менялись, причем более старые формы могли продолжать использоваться и после формальной их отмены. Сугубо республиканский термин — дуду, он обозначает именно генерал-губернатора (военного правителя провинции); дутун — примерно то же самое, но звучал менее формально — фактически, это скорее прилагательное «управляющий», нежели указание на конкретный чин; цзунду — главноуправляющий, без специфического военного подтекста (термин использовался для обозначения главы провинции со времен империи Мин; в республиканское время — скорее, по инерции); цзяньцзюнь же в первую очередь переводится как «полководец, генерал» — так для краткости могли называть наиболее высокопоставленного военачальника конкретного региона, который в республиканское время (особенно после нововведений Юань Шикая) почти всегда держал в руках и бразды гражданского управления. Дополнительные сложности для понимания соотношения титулатуры и реальной власти вносит тот факт, что, как всегда бывает в условиях кризиса центральной власти, далеко не всегда наделенный властью юридически обладал оной фактически (С.В. Дмитриев, личное сообщение).

³ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 5–9об.

(крапивы). Начался грабеж хозяйств. Люди Бавужава стали устраивать набеги на богатых китайских торговцев, забирали у них лошадей, коров, баранов¹.

Усатый из Хайлара сообщал в 4-й политический отдел МИД: «Получены сведения, что во Внутренней Монголии в скором времени должны начаться волнения, направленные против китайцев. Вооруженные отряды монгол, находящиеся в Силингольском и Чжоудаском сеймах, выступавшие два года назад в защиту монгольской независимости совместно с халхасцами, решили вновь идти против китайцев с целью добиться или присоединения к Халхе, или некоторой самостоятельности. Гун Бабучжаб, уже известный по делу о немецком разъезде, послал, как сообщают мне, в Ургу донесение, что мае он двинется с отрядом на Долоннор и просит ургинское правительство снабдить его оружием и патронами и предоставить в его распоряжение еще 1000 чел. солдат. При этом Бабучжаб будто бы уведомил ургинское правительство, что независимо от того, окажет ли Урга свое содействие или нет, он всё равно двинется на Долоннор, надеясь так же успешно воевать с китайцами, как два года тому назад»².

Этой просьбой к ургинскому правительству могло быть послание Бавужава и 74 командиров его солдат от 14 марта (н.ст.) 1915 г. в связи с трехсторонними переговорами в Кяхте. В послании содержатся весьма точные оценки ситуации и объяснения действий против Китая. Согласно этому посланию, у монголов один корень, одна вера, они все должны объединиться. Юань Шикай всем морочит голову, будто он хочет создать республику «пяти рас». Используя хитрость под видом дружбы, он стремится склонить на свою сторону Россию, привлечь к себе монголов и, таким образом, разрушить дело их объединения, оккупировать Монголию, организовать в ее хошунах китайское земледелие и создать китайские администрации, чтобы затем целиком проглотить Монголию, усыпив бдительность монголов. «Кости наших предков лежат в земле Южной Монголии, так что мы не можем допустить такую мысль». Авторы послания просили передать это на рассмотрение Богдо-хана, не подписывать соглашение с Китаем, достать для них оружие в России³.

В числе подписавших был командир полка Дорж — вероятно, тот самый, который позже сыграл важную роль в «харачинском движении» (см. ниже). В том же месяце Бавужав заявил военному министерству Монголии, что плохо себя чувствует, просил освободить себя от должности и назначить взамен другого человека⁴. Возможно, так он хотел добиться удовлетворения своих требований. Он и позже писал в государственный хурал Монголии о том, что все монголы должны объединяться, воевать с китайскими угнетателями и т.д., указывал, что Китай и

¹ Лу, 1979, с. 34–39, 59.

² Телеграмма Усатого в 4-е политическое отделение МИД от 28 апреля 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 759, л. 6; ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 17.

³ МУУТА, х. А1, д. 1, х.н. 19, бичиг 4 — в кн.: Монголчуудын нэгдсэн..., 2014а, с. 84–88; Монгол улсын дээд..., 2003, с. 103–108. Южная Монголия — так монголы называют Внутреннюю Монголию. Термин «Внутренняя Монголия» они не используют.

⁴ МУУТА, х. А2, д. 1, х.н. 273, бичиг 4, 5.

Россия разделяют монголов на внешних и внутренних против их желания, доказывал важность присоединения восточных сеймов к Монголии¹.

В период переговоров в Кяхте сторонники воссоединения монголов в единое государство — феодалы Сумъяа, Линшэн и Бавужав требовали от монгольских представителей отстаивать эту точку зрения, которую не принимали Китай и Россия². В 1914 и 1915 гг. Бавужав много раз писал в верхний и нижний хуралы Монголии о необходимости объединения Халхи с Чахаром, Баргой и другими монгольскими землями. Он предлагал ввести в сеймы Внутренней Монголии войска, установить там старые принципы власти, просил направить туда командиров и чиновников, платить жалованье, создать таможи, просить Россию побыстрее прислать оружие и т.д. Правительство Монголии он просил не только присылать оружие и лошадей, но также продовольствие за счет монгольской казны. Эти документы медленно двигались по монгольским инстанциям, обсуждались, запрашивались подтверждения об их получении, готовности ответов и т.п. В 1915 г. был составлен список его посланий в министерство всех дел³. В некоторых случаях при отсутствии ответов поступали министерские указания выяснять, какие именно запросы поступали от Бавужава, почему не было ответов, отвечать. В других случаях предписывалось его послания не рассматривать⁴.

Монгольское военное министерство предписало распределить присланные Бавужавом бумаги по соответствующим министерствам⁵. Был подготовлен длинный перечень писем Бавужава и его подчиненных с указаниями о том, в какие министерства они направлены и (в некоторых случаях) ответы на них. Письма от Бавужава во властные структуры Монголии в тот период шли в основном через наместника Юго-восточного края Егузэр-хутухту Галсандаша — очевидно, потому что отряд Бавужава находился на стыке границы Юго-восточного края Внешней Монголии с Внутренней в стороне от крупных населенных пунктов. Просьбы Бавужава монгольские власти соглашались удовлетворять далеко не всегда. Так, были удовлетворены его просьбы о необходимости собрать и отдать под команду Идэнхишигта 70 солдат из отряда Цогбадраха, которые бежали, узнав о готовящемся подчинении Внутренней Монголии Китаю; о направлении Бавужаву двух военных инструкторов; о выплате жалованья военному врачу Дашсамбу (который, однако, вскоре был уволен по неизвестной причине на основе запроса Бавужава)⁶. Были оставлены без удовлетворения, например, просьбы о выдаче знамени и значков одному из командиров отрядов (в связи с проходящими в

¹ МУУТА, х. А1, д. 1, х.н. 19, бичиг 3 — в кн.: Монголчуудын нэгдсэн..., 2014в, с. 232–233;

МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 5, 27; х. А2, д. 1, х.н. 273, бичиг 6.

² Лонжид, 2011, с. 149.

³ МУУТА, х. А1, д. 1, х.н. 19, бичиг 3, Б4, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 1, 27, х. А2, д. 1, х.н. 273, бичиг 31.

⁴ Например, МУУТА, х. А2, д. 1, х.н. 273, бичиг 8, 16, 18.

⁵ МУУТА, х. А2, д. 1, х.н. 273, бичиг 22.

⁶ Однако в целом Бавужав нуждался во врачах для своего войска и ценил их. Сохранилась копия письма Бавужава, что некий Уртогтох убил врача Насантогтоха. Бавужав арестовал и отправил убийцу в Монголию (МУУТА, х. А5, д. 1, х.н. 182).

Кяхте переговорами); о выплате жалованья его солдатам; о присылке в Даригангу монгольских чиновников для противодействия деструктивной китайской пропаганде среди солдат. По некоторым запросам (например, по неоднократным просьбам о снабжении войска, испытывавшего нужду в лошадях, припасах и оружии) не сообщалось о конкретных решениях, или эти запросы не рассматривались, или не удовлетворялись¹.

В целом, переписка Бавужава в тот период показывает, что он, будучи подданным Богдо-гэгэна и его официальным лицом, действовал согласно своему статусу. Однако желаемого результата по основным вопросам не достигал: монгольское правительство вынуждено было маневрировать под давлением российской и китайской сторон на кяхтинских переговорах. По-видимому, Бавужав понимал, что его запросы в Нийслэл-хурэ становятся невыполнимы. Незадолго до заключения Кяхтинского соглашения он стал требовать от ургинского правительства выплату жалованья своим солдатам, угрожая «грабежами» (без этого он не смог бы содержать отряд). Для переговоров с ним был назначен Бишрэлт-ван. Но он вел их столь неудачно, что его за это лишили хошунного жалованья на три года и заменили на Хатан-Батора Максаржава. Старания последнего, впрочем, тоже не дали результата².

Бавужав заверял Богдо-гэгэна в своей преданности и желании ему служить, предлагал объединить силы, чтобы победить китайцев, просил монгольское МВД о снабжении, поскольку у него не хватало провизии и перевозочных средств. Рассмотрев его просьбу, МВД 15 мая 1915 г. сообщило Егузэр-хутухте как наместнику Юго-восточного края, что, в связи с Кяхтинским соглашением, Бавужав должен удалиться из Внешней Монголии, а на его просьбы ничего не надо отвечать³. Бавужав продолжал запрашивать снабжение у властей Внешней Монголии, но ему продолжали отказывать⁴.

По сведениям Вайцзябу, к лету 1915 г. Бавужав прошел в пределы хошуна Ар-Хорчин⁵.

Кяхтинское соглашение было заключено 25 мая/7 июня 1915 г., а уже 16 июня монгольское МВД направило разъяснения этого соглашения дзасакам и ламам Внешней и Внутренней Монголии, Илийского края и Алашани. Среди адресатов были также чиновники ямыня Барги, Егузэр-хутухта, Джамц-гун и Бавужав. В документе указывалось, что после подписания соглашения Монголия и Китай обменялись нотами о том, что Китай не будет наказывать внутренних монголов, присоединившихся к Богдо-хану, подробно излагались юридические последствия соглашения⁶.

¹ Например, МУУТА, х. А2, д. 1, х.н. 273, бичиг 7, 17, 25, 27, 28, 35, 38.

² Донесение Миллера из Урги от 23 марта 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 572, л. 29.

³ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 13.

⁴ Например, МУУТА, х. А2, д. 1, х.н. 273, бичиг 37, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 15.

⁵ Перевод памятной записки Вайцзябу от 18/31 августа 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 759, л. 28–28об.

⁶ МУУТА, х. А3, д. 1, х.н. 688, бичиг 9 — в кн.: Монгол улсын дотоод..., 2011, с. 353–356; Монголчуудын нэгдсэн..., 2014а, с. 89–92.

Узнав о заключении Кяхтинского соглашения, Бавужав рассердился и решил самостоятельно воевать против Китая, о чем доложили Богдо-хану¹. Рассмотрев это, МВД Внешней Монголии постановило подготовить указ по всем министерствам². МВД указывало, что, согласно Кяхтинскому соглашению, Бавужав с его людьми должны вернуться в места, где жили раньше, они могут свободно уйти в Шилингольский сейм. Так может быть удовлетворено его ходатайство о том, чтобы от Китая ему и его людям не было наказаний в случае возвращения³.

Бавужав написал монгольскому правительству через Егузэр-хутухту: «С каким лицом мы вернемся в Китай? Мы оставили там свои дома, имущество, своих старых и молодых, пошли воевать за независимость Монголии <...> мы никогда не сможем находиться под одним солнцем с китайцами <...> я воспитан как мужчина и буду бороться до конца». Бавужав отмечал, что он со своими людьми пришел издалека, с искренней верой, что врага надо бить совместно, у него одного сил мало. По его словам, китайские власти предлагали властям Внешней Монголии совместно напасть на Бавужава. Были ли такие переговоры китайцев с Богдо-ханом, состоялось ли такое соглашение? Бавужав верно считал, что не состоялось. Он просил власти Внешней Монголии о поддержке «согласно старому повелению», просил быть честными с ним. Если его людей возвратят в Китай, то пусть четко обозначат, сколько человек и в какие хошуны, чтобы можно было подготовиться. Следовало написать в Китай, чтобы повстанцам объявили амнистию, отвели землю и т.д.⁴ В октябре 1915 г. МИД Внешней Монголии направил запрос в Китай о том, могут люди Бавужава вернуться туда или нет⁵.

Находившиеся в Халхе внутренние монголы попросили монгольское правительство создать для них отдельный сейм. Однако вместо этого им отвели земли у границы. Бавужав с 3 тыс. воинов двинулся на север, остановился в местности Эрэнцав на границе Внешней Монголии с российской Даурией (у современного Соловьевска) и стал угрожать Внешней Монголии и Китаю⁶. Монгольское правительство вновь предложило отрядам внутренних монголов и баргутов оставить Халху. Бавужав потребовал полной выплаты жалованья. Этого не последовало, и он занялся грабежом населения, чтобы прокормить свой отряд⁷. Теперь в монгольских официальных бумагах его называли «бандитом» или «вором» (монг. хулгай).

Против людей Бавужава были мобилизованы из Тушэтуханского аймака 800 солдат, из Цэцэнханского — 700, Сайннойонханского — 350, Дзасактуханского — 150. Всего в Цэцэнханский аймак прибыли 3000 мобилизованных. Их опять

¹ Лонжид, 2011, с. 149; МУУТА, х. А2, д. 1, х.н. 273, бичиг 32.

² МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 329, бичиг 1.

³ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 16.

⁴ МУУТА, х. А3, д. 1, х.н. 669, бичиг 1.

⁵ МУУТА, х. А3, д. 1, х.н. 669, бичиг 2.

⁶ Тачибана, 2011, с. 345–373; Наками, 2000, с. 125.

⁷ РЗО от 16 февраля 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 211–213; 223–225 (др. экз. того же); д. 45, л. 128–130.

же должны были содержать местные жители, что вызвало недовольство. Председатель сейма написал в МВД, что у аймака нет на это средств¹.

Следуя Кяхтинскому соглашению, российский МИД советовал Внешней Монголии прекратить поддержку повстанцев во Внутренней Монголии, а китайским властям — вести переговоры с ними о возвращении к мирной жизни. Но это было не таким простым делом: монгольское правительство должно было выплатить им причитающееся жалованье (которое задерживалось), а в случае силового удаления из Внешней Монголии требовалась оплата этой операции.

Кяхтинская конференция закончилась в июне (н.ст.) 1915 г., а предложение монгольского правительства о роспуске отрядов внутренних монголов состоялось лишь в августе. Небольшую часть отрядов удалось рассчитать и распустить, но большая часть во главе с Бавужавом отказалась выполнять распоряжение монгольского правительства, ссылавшегося на Кяхтинское соглашение. Правительству пришлось отправлять к ним сановников, а затем войска. Всего на упразднение этих отрядов, включая отряды Удай-вана и Ара-вана, в 1915 г. было израсходовано 212 570 руб. 48 коп., причем российского кредита в 350 тыс. руб. на халхаскую бригаду оказалось недостаточно. Бавужав, хотя изъявил покорность центральному правительству, настаивал на уплате жалованья по новому курсу лана, был который выше старого. Долги по отрядам получались такие: 10 отрядов Бавужава — в год причитается 251 880 лан, за 5 месяцев 5-го года осталось невыплаченным жалованье в 104 950 лан; отряд Насанбаяра — соответственно, 7062 и за прежние годы долг 4290 лан; отряд тайджи Самбу — 25 152 и 11 825 лан; отряд гуна Найданжава — 108 756 и 49 795,49; три отряда Джамц-гуна — 109 104 и за 5 месяцев 5-го года 45460 (отряды Насанбаяра, Самбу и Найданжава с 5-го года были объединены под командой Джамц-гуна). Общий долг за содержание отрядов — 216 321,02 лан = 302 849 руб. 43 коп., по курсу 1 р. 40 коп. = 1 лан; при существовавшем в то время курсе 1 лан = 2 руб. долг составлял 432 642 руб. 04 коп.²

Итак, значительная часть жалованья солдатам не была выплачена. Командиры повстанцев были вынуждены искать средства, как умели. По наблюдениям Э.-Д. Ринчино, отряды Джамца и Бавужава, оперировавшие по Калганскому тракту, относились к европейцам чрезвычайно корректно и предупредительно. «Они лишь реквизируют у последних золотые деньги и оружие. Так рассказывали два американца, недавно прибывших в Ургу через Калган. У них были отобраны повстанцами золото и оружие, но зато повстанцы снабдили их целым эскортом вооруженных всадников, которые провели янки до районов, лежащих вне полосы восстания»³.

Видя, что на Россию рассчитывать не приходится, Бавужав налаживал контакты с японцами. По сообщению Вайцзябу, «из полуофициального источника из-

¹ Пунцагноров, 1955, с. 129–130.

² Донесение советника монгольского правительства Козина Миллеру от 8 февраля 1916 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 568, л. 62–64.

³ Ринчино, 1998, с. 17.

вестно, что японский офицер Миора под видом аптекаря отправился к Бавужаву с предложением денег и оружия для движения на Долон-нор с целью добиться независимости Барги»¹. По сведениям Т. Наками, первым из японцев к Бавужаву в середине 1915 г. прибыл Миядзато Тосимаро (или Ёсимару), который работал в Хайларе аптекарем — обычное прикрытие для японских агентов в Маньчжурии. Миядзато сообщил Бавужаву, что Япония готова вооружить его отряд, Токио мог бы стать его главным новым союзником².

В середине июля 1915 г. при его посредстве в Японию прибыли два монгола: Бато и Таса (Таса-Шубу — возможно, зять Бавужава). Они прибыли просить помощь — главным образом, боеприпасы, продовольствие и медикаменты. Сначала они делали это официально, а после того, как получили отказ, обратились к Н. Кавасиме, который желал ужесточения политики Японии в отношении Китая³.

Затем появились сообщения, что в июле 1915 г. Бавужав издал приказ «о возможно большей вербовке приверженцев» и заявил, что намерен совместно с японцем «Гун-ли-хао-мо» отправиться в Японию, «покориться японцам от имени всей своей армии», получить от них оружие и, воспользовавшись благоприятным временем, вторгнуться в пределы собственно Китая⁴.

17/30 августа 1915 г. президент Китая наложил следующую резолюцию на доклад, представленный и.о. чахарского дутуна Хэ Цзунлянем: «Ознакомился с содержанием представленного доклада. Продолжающиеся грабежи и насилия разбойничьих шаек Бабучжаба и Чжа... являются серьезным бедствием для всех хошунов Чахарского района, а потому представляется настоятельно необходимым, в соответствии с ранее положенной резолюцией, войти в сношения с жэхэ-ским дутуном Цзянь Гуйти по вопросу о принятии действительных мер против разбойников и скорейшем их истреблении в целях избавления пограничных местностей от переживаемых ими бедствий. Вместе с сим, министерству иностранных дел поручается выяснить вопрос о сношениях между разбойниками хошунов Цэцэнханского аймака Внешней Монголии и шайкой Бабучжаба»⁵.

В это же время цичикарские (хэйлунцзянские) провинциальные власти попытались прийти к соглашению с повстанцами из Внутренней Монголии. Видимо, тогда же Бавужав прислал в Нийслэл-хурэ перечень условий мира с китайцами: 5000 его солдат должны получить обеспечение от Китая; военные приказы монголы смогут издавать самостоятельно; его командиров повысят в званиях; когда они будут жить в Китае, им отведут монгольские земли, где они смогут жить отдельно от китайцев; его солдаты будут получать такое же жалованье, как китайские; они и их семьи будут жить и продовольствоваться в местах поселения по законам

¹ Телеграмма Крупенского от 6 июля 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 1000; Международные отношения..., 1935, т. 8, ч. 1, с. 450.

² Nakami, 1999, p. 144, 2018, p. 360. По другим сведениям, Миядзато торговал едой (Nakami, 2012, p. 296–297).

³ Nakami, 2012, p. 296–297.

⁴ Перевод памятной записки Вайцзябу от 18/31 августа 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 759, л. 28–28об.

⁵ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 759, л. 29. Чжа — Джамц-гун, Цзянь Гуйти — Чжан Готин.

Китая, но следовать своим обычаям; командиры будут находиться под централизованной властью; если его отряд вернет оружие во Внешнюю Монголию, он должен получить оружие из Китая¹.

Договориться на этих условиях не удалось. Когда цидикарский губернатор послал к Бавужаву чиновников Го Вэньтяня и Ян Юйцзюня в сопровождении монгола Сакраджаба (китайское имя Бао Жуй), Бабужав их арестовал и отправил в Нийслэл-хурэ. Китайское правительство стало просить монгольское правительство освободить их².

По донесению Усатого, в Шилингольский сейм отправились китайские чиновники и смогли уговорить часть «харачинов» перейти на службу в китайские войска. Когда другая часть «харачинов» стала им препятствовать, произошел небольшой бой, в котором перешедшие к китайцам и снабженные ими оружием и патронами одержали верх. Затем они явились в Халху, разрушили и разграбили монастырь Баян-хошу в хошуне Эрхэмсэг-бэйлэ в Цэцэнханском аймаке, разрушили дом бэйлэ и ямынь, уничтожили архив и, забрав ок. 1000 голов скота, ушли на юго-восток в направлении Ар-Хорчина в Джоудаский сейм. После их ухода прибывшие для пропаганды китайские чиновники 1/14 августа были арестованы Джамц-гуном и отправлены в Ургу³.

Из Урги на эту тему пришла более точная информация со слов китайского министра иностранных дел: губернатор командировал указанных выше чиновников не к Бавужаву, а к Джамц-гуну, чтобы узнать, кто из его солдат хочет воспользоваться амнистией. 100 человек, пожелавших вернуться в свои хошуны во Внутреннюю Монголию, не сдали ружей и разграбили ставку князя Цэрэннимы во Внутренней Монголии, в хошуне которого стояли. Джамц-гун, обвинив обоих чиновников в подстрекательстве и сославшись на их прибытие на территорию Внешней Монголии без ведома и разрешения ургинских властей, арестовал их и отправил в Ургу. Ко времени написания этого донесения они уже были на свободе, посетили российского дипломатического агента Миллера и подтвердили эту версию. Миллер называл разбойниками этих внутренних монголов: еще по дороге к Цэрэнниме они грабили внешних монголов. Освобожденные в Нийслэл-хурэ китайские чиновники в конце августа отбыли в Цицикар⁴.

Немного раньше военное министерство Внешней Монголии сообщило, что на свою территорию возвращается гун Дзутгэлт со своим отрядом⁵.

Полностью демобилизовать внутренних монголов не удалось. 3 августа 1915 г. от МВД Внешней Монголии Егузэр-хутухте было направлено письмо о том, что, в связи с Кяхтинским соглашением, надо конфисковать оружие у Бавужава и со-

¹ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 60.

² Телеграмма из консульства в Урге от 26 августа 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 20.

³ Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 29 августа 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 759, л. 30.

⁴ Телеграммы Миллера из Урги в миссию в Пекине от 29 и 30 августа, 9 сентября 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 21–23.

⁵ МУУТА, х. А3, д. 1, х.н. 669, бичиг 14.

ставить его список, 12 августа — что нельзя удовлетворять просьбу Бавужава о выдаче ему оружия¹. В августе 1915 г. военное министерство Внешней Монголии сообщило военному вице-министру Манлай-Батору Дамдинсурэну, что войска Бавужава не приняли положения Кяхтинского договора, но надо сделать так, чтобы приняли; Бавужав неоднократно просил обеспечить его снабжением — теперь положение поменялось, и сайд Восточного края Егузэр-хутухта будет все решать на месте, это надо сообщить Бавужаву². С августа 1915 г. Манлай-Батор не раз безуспешно писал Бавужаву, чтобы тот сдался китайцам³.

По словам внешних монголов, в юго-восточной части Дариганги находилось ок. 1500 «чахаров» под командой Джамц-гуна и «Тан-Барбу-гуна». Они производили там грабежи и беспорядки, население было напугано, откочевывало к северу. Оружие и патроны им доставлял из Маньчжурии какой-то иностранец, «имеющий название Дружина». Начальник конвоя русского консульства в Урге Широких командировал в Даригангу казаков и монгольских солдат под командой Баир-гуна (Баир-гуна). Монголы «под командой Баир-гуна во время поездки отличались дисциплинированностью и усердием, и были весьма полезны как люди, в совершенстве знающие Монголию»⁴. На юго-востоке Внешней Монголии стало спокойнее. Позже Джамц-гун и Баир-гун воевали вместе с Унгерном во Внешней Монголии.

Итак, вопрос о войске Бавужава не был снят. Теперь ему поставляли оружие японцы. Сообщалось о поставке ок. 20 тыс. винтовок и 6 млн. патронов. Кроме того, к нему прикомандировали более 10 японцев — советников и инструкторов. Всё это шло через Хайлар с ездившим в Японию чиновником Таса-Шубу, упоминавшимся выше. Люди Бавужава и Джамц-гуна в основном грабили китайцев во Внутренней Монголии. Это привело к уменьшению ввоза китайских и иностранных товаров из Калгана в Ургу⁵.

В октябре правительство Внешней Монголии отправило к Бавужаву Манлай-Батора Дамдинсурэна для переговоров. Вновь без существенных результатов. Манлай-Батор по возвращении подтвердил, что Бавужаву поставляют оружие и патроны японцы, из-за обещаний которых он стал вести себя вызывающе к автономному правительству⁶. По воспоминаниям Чойжинжава — писаря Бавужава, Манлай-Батор пробыл более месяца в месте дислокации его отряда, стоявшего тогда в районе монастыря Егузэр-хутухты. Монгольское правительство прислало

¹ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 21, 22.

² МУУТА, х. А3, д. 1, х.н. 669, бичиг 7.

³ Nakami, 1999, p. 143.

⁴ Копия рапорта начальника конвоя при русском генконсульстве в Монголии подьесаула Широких этому консульству от 12 сентября 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 568, л. 118, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 38.

⁵ Телеграмма Усатого из Хайлара от 29 сентября 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 32; Донесение Миллера из Урги Сазонову от 12 октября 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 34–37, ф. КС, оп. 491, д. 568, л. 116–117об.

⁶ Донесение Миллера из Урги Сазонову от 28 октября 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 568, л. 121–121об.

указ, чтобы Манлай-Батор вернулся, передав свою печать Егузэру, поскольку его поездка не была эффективной¹.

14 октября 1915 г. Егузэр-хутухта написал в военное министерство Внешней Монголии следующее. Солдатам Бавужава в холодное время надо выделить юрты и одежду. Для этого в хошуне Илдэн-вана Цэцэнханского аймака закуплено 4 юрты, поставлено продовольствие, все это стоит 1000 лан. Это было сделано по более раннему указу, а теперь снабжение невозможно — надо сообщить об этом Бавужаву². В октябре 1915 г. МВД Внешней Монголии издало приказ о необходимости ухода Бавужава из Внешней Монголии за границу; МИД потребовал, чтобы его войска как можно быстрее сдали оружие³.

По китайским данным, Манлай-Батор Дамдинсурэн привез Бавужаву 30 тыс. руб. от ургинского правительства. Отряд Бавужава (3000 чел.) покинул Внешнюю Монголию и вторгся в Шилингольский сейм. Он остановился в местности «Гахайэлэсу» (Гахай-элс, где останавливался и раньше — см. выше)⁴. Бавужав решил создать собственное княжество из Шилингольского сейма и предложил это цацикарскому дутуну в обмен на демобилизацию своих войск. Дутун отказал и стал готовиться к контрнаступлению. Китайское руководство решило атаковать силы Бавужава 28 октября, предварительно известив об этом власти России и Внешней Монголии⁵. 6 октября 1915 г. МИД Внешней Монголии оповестил администрации пяти аймаков об этом и запросил их мнения: что делать? Этот запрос был связан с тем, что военное министерство устранилось от решения данной проблемы⁶. Извещая российского посланника в Пекине 15/28 октября о планах нападения на Бавужава, министр иностранных дел Китая заверял, что что карательная экспедиция «не коснется территорий ни Халхи, ни Барги»⁷.

Из Линьси (пров. Жэхэ) против Бавужава прибыл большой китайский отряд под командой Ми Чжэньбяо. Бои с ним продолжались 6–7 дней⁸. Бавужав командовал своим войском, с двумя пистолетами и в красной накидке разъезжая на лошади. В то время он носил пурпурную одежду, подобно ламе, а не обычную синезеленую. В тех боях Бавужав потерял 400–500 чел. убитыми и ранеными, многие бежали. Из-за неравенства сил он был побежден и увел остатки отряда в Халху. С ним были супруга, два сына и дочь⁹.

С остатками отряда в 300 чел. Бавужав укрылся в монастыре Егузэр-хутухты. В ноябре 1915 г. шанцзотба Егузэр-хутухты отправил джанжину Цэцэнханского аймака Доржцэрэну письмо о том, что в его монастырь явилось много солдат Ба-

¹ Лонжид, 2011, с. 149.

² МУУТА, х. А5, д. 1, х.н. 173, бичиг 1.

³ МУУТА, х. А5, д. 1, х.н. 173, бичиг 4; МУУТА, х. А3, д. 1, х.н. 669, бичиг 13.

⁴ Lu, 1979, с. 1–10.

⁵ Nakami, 1999, p. 143, 2018, p. 359.

⁶ МУУТА, х. А3, д. 1, х.н. 669, бичиг 12.

⁷ Международные отношения..., 1937, т. 9, с. 88.

⁸ Есть сведения, что они шли «в районе Абаганара», т.е. в хошуне Авганар (Климов, 1945, с. 101).

⁹ Lu, 1979, с. 34–41.

вужава, они забрали несколько сот голов скота, выгнали лам, в монастыре встали на стоянку, ламы не могут проводить службы. В письме была просьба восстановить прежнее положение монастыря. Кроме того, отмечалось, что у реки собираются китайские солдаты, народ волнуется, возмущен. Доржцэрэн переслал это письмо в Нийслэл-хурэ вице-министру юстиции Цогбадраху и вице-министру финансов. Оттуда письмо спешно отправили военному министру¹.

Командир китайского отряда написал Егузэр-хутухте, что они конфискуют оружие Бавужава и потом вернутся². Егузэр запросил Нийслэл-хурэ о том, что делать³. Китайский командир предъявил Егузэру ультиматум, чтобы тот изгнал Бавужава из своего монастыря, на что дал три дня, затем угрожал нападением, шанцзотбе монастыря Чойнжуну говорил, чтобы тот нашел и привел к нему Бавужава⁴.

Правительство Богдо-хана заявило китайскому сановнику во Внешней Монголии Чэнь Лу, что сложившаяся ситуация — внутреннее дело Монголии. Но тот потребовал рейда китайских солдат в Халху. Не получив разрешения, последние вошли туда и стали обстреливать монастырь. По словам Бавужава, китайские солдаты должны были соблюдать Кяхтинское соглашение, но напали на монастырь, сделав вид, что не знают об этом. В монастыре было много разрушений, много шабинаров и хувараков Егузэра было убито и ранено, остальные разбежались. Бавужав бежал, Егузэр-хутухта вынужден был сдаться. Китайцы арестовали его, расстреляли несколько лам из его окружения, разгромили ставку и разграбили монастырь⁵.

На протест монгольского правительства Чэнь Лу ответил обманом: китайский отряд был послан во Внешнюю Монголию «согласно письму Егозори хутухты, изъявившего желание примкнуть к республике»⁶.

22 ноября 1915 г. МИД Внешней Монголии направил послание в военное министерство о том, что Бавужав должен уйти из Монголии⁷. 18 ноября/1 декабря 1915 г. Крупенский телеграфировал Сазонову, что он объяснился с министром иностранных дел Китая в смысле необходимости вывода китайских войск из Халхи. На это министр ответил, что его правительство выведет войска, если монголы выдадут солдат Бавужава, который считается монгольским чиновником и месяц назад получил из Урги 20 тыс. долл., а Егузэр-хутухта — его сообщник. Крупенский не принял этот ответ, свидетельствующий «о полном пренебрежении со стороны китайцев своими договорными обязательствами» и на следующий

¹ МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 669, бичиг 3.

² МУУТА, ТБА, х. 170, д. 1, х.н. 373, бичиг 6 — в кн.: Ноёд, тайж..., 2019, с. 163–164.

³ МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 669, бичиг 9.

⁴ МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 688, бичиг 9 — в кн.: Монгол улсын дотоод..., 2011, с. 353–356.

⁵ Вестник Азии, кн. 1, 1916, с. 128–129; Сандаг, 1958, с. 223; Международные отношения..., 1937, т. 9, с. 379; МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 688, бичиг 9 — в кн.: Монгол улсын дотоод..., 2011, с. 353–356; Телеграмма Миллера из Урги 15 ноября 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 51.

⁶ Вестник Азии, 1916, кн. 1, № 37, с. 129.

⁷ МУУТА, х. А5, д. 1, х.н. 173, бичиг 3.

день представил протест, потребовав вывода войск, освобождения Егузэра и возмещения убытков¹.

Бавужав с частью своих солдат ушел на север. Он намеревался поселиться с ними в Цэцэнханском аймаке по р. Халхе (Халхин-гол) у границ Барги. Однако, как отмечал Усатый, это едва ли удастся из-за враждебного отношения к нему князей аймака, а баргинские власти не желали впускать его в Баргу². Двигаясь на север Цэцэнханского аймака, Бавужав прошел хошуны Уйдзэн-дзасака бэйсэ Ц. Гомбосурэна, Илдэн-дзасака джун-вана М. Доржпалама, Эрхэмсэг-дзасака бэйлэ Ж. Цэрэнныа на крайнем востоке Халхи. По дороге люди Бавужава забирали предметы снабжения у местного населения, что вызывало недовольство³. Гомбосурэн-бэйсэ жаловался «на чинимые людьми Бабучжаба притеснения» местному населению. Против него было отправлено 500 монгольских всадников и послано предложение уйти в свой хошун во Внутреннюю Монголию. В крайнем случае, его было приказано арестовать и доставить в Ургу, но не выдавать китайцам⁴.

В Нийслэл-хурэ сообщали, что Шударга-Батор Бавужав и его люди ушли в Халху, стали размещаться в Цэцэнханском аймаке; что у него более 3000 солдат; они стоят на южной стороне р. Халх-гол; поскольку от самого Бавужава сообщений сейчас нет, надо назначить от МВД человека для личной встречи с ним⁵. Люди из МВД встретились с Бавужавом. Они узнали, сколько у него солдат, лошадей и т.д. По мнению МВД, тех, кто пожелал присоединиться к Монгольскому государству, надо принять и поощрить. В результате солдатам Бавужава разрешили временно остаться в районе Вангийн-хурэ⁶.

Бавужав расположился в хошуне Илдэн-джун-вана Доржпалама к юго-востоку от оз. Буир-нур. В это озеро одним из рукавов впадает р. Халхин-гол, на которой Бавужав хотел поселиться. Кроме того, этот хошун был очень удобно расположен в аспекте снабжения войск и возможного нападения китайцев: с севера и востока он граничил с Баргой, с юга — с внутренне-монгольскими хошунами Барун- и Дзун-Узэмчин. Для переговоров с Бавужавом из Урги был послан чиновник. Бавужав получил и предложение от «революционной партии в Ганьсу... принять участие в подготовляющемся восстании для восстановления монархии в Китае»⁷.

Хотя он теперь находился вне досягаемости китайских войск (примерно в 300 км северо-восточнее монастыря Егузэр-хутухты), эти войска не торопились

¹ Международные отношения..., 1937, т. 9, с. 409–410.

² Телеграммы Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 19 и 20 ноября 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 53, 56.

³ Лонжид, Өлзий, 2002, с. 19–20.

⁴ Телеграмма Миллера Сазонову от 5 декабря 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 51–53.

⁵ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 8.

⁶ Декабрь 1915 г. (7-й день 12-го мес. 5-го года Многими Возведенного), МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 6.

⁷ Телеграмма вице-консула в Хайларе Усатого в миссию в Пекине от 12 декабря 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 63.

уходить из Халхи: ведь они снабжались там за счет монголов (что применительно к монгольским повстанцам обозначалось как «грабеж населения»).

Правительство Внешней Монголии потребовало вывести китайские войска и освободить Егузэр-хутухту¹. Сохранилась переписка монгольских властей с Чэнь Лу о необходимости освобождения Егузэра перейти на сторону Китая и стать во главе Внутренней Монголии в противовес Джебцзундамба-хутухте. Для создания вражды Внешней и Внутренней Монголии китайцы подстрекали людей Бавужава грабить местное монгольское население, усиливая имевшуюся и раньше рознь халхасцев и внутренних монголов. Грабежи солдат Бавужава в Цэцэнханском аймаке настолько усилились, что для защиты населения из Урги было вызвано до 1000 монгольских вооруженных и частью обученных всадников. Они начали прибывать для сбора в Ургу в декабре 1915 г.³

Китайское предложение арестованному Егузэр-хутухте следует и из его письма в Нийслэл-хурэ. Там сказано, что он попал в руки китайского охранного отряда комиссара Долоннора Сяо Лянчэня. Последний сказал ему, что просил президента возместить все потери и исправить все повреждения в монастыре. Кроме того, он предложил назначить Егузэр-хутухту «заведующим шестью сеймами Внутренней Монголии», дать титулы. Хутухта ответил, что не стремится к почестям и власти. Комиссар сказал, что не будет преследовать хучитского Хамбо-ламу и Бавужава, если они покорятся и вернутся⁴.

Уже после освобождения Егузэр-хутухта рассказывал Миллеру «об учиненном китайскими солдатами во второй половине ноября месяца прошлого года разгроме его ставки: не были пощажены даже священные книги, а три фотографических аппарата были изрублены. Всё движимое имущество и скот были расхищены. Свои убытки Егузэр-хутухта оценил в 20 тыс. лан. Он подтвердил мне существовавшее у китайского правительства намерение поставить его во главе Внутренней Монголии. Предложения в том смысле были ему сделаны как по дороге в Пекин, так и во время пребывания его там. Он наотрез отказался от этого на том основании, что он присягнул на верность Богдо Джебцзундамба-хутухтану Внешней Монголии»⁵.

В конце декабря 1915 г. китайский отряд стал уходить из Внешней Монголии. Егузэр-хутухта был уведен под китайским конвоем на юг. Чэнь Лу сказал Миллеру, что Егузэр-хутухта добровольно поехал в Пекин для представления Юань Шикаю⁶. Как видим, китайский сановник снова лгал.

¹ Телеграмма Миллера из Урги, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 73.

² МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 335, бичиг 1–16.

³ Телеграмма Миллера из Урги Сазонову от 12 декабря 1915 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 59–61.

⁴ Перевод письма Егузэр-хутухты Галсандаши ургинскому правительству 10/23 числа 10-й луны года и-мао, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 67–71.

⁵ Донесение Миллера из Урги Сазонову от 28 апреля 1916 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 569, л. 44–46об.

⁶ Телеграмма Миллера из Урги от 21 декабря 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 72.

По данным на 6 января 1916 г., китайский отряд ушел с монгольской территории¹. Монгольское правительство направило Китаю протест, поддержанный Россией. Егузэр-хутухта позже был освобожден и вернулся в Халху весной 1916 г. вместе с миссией Цэцэн-хана Наваннэрэна в Пекин².

После захвата монастыря Егузэр-хутухты китайцы решили, что Бавужав со своим отрядом укрылся в Барге, ждет оружие от японцев, хочет наберечь новых солдат³. Но Усатый сообщал из Хайлара, что Бавужава в Барге нет, он находится к северу от прежней стоянки. Баргинские власти, опасаясь грабежей, поставили на границе войска, чтобы не пустить Бавужава в Баргу⁴.

Считая, что Бавужав в Барге, китайцы отправили на его преследование второй отряд, который вошел в Баргу в то время, когда их первый отряд еще находился в Халхе. В этот раз китайцы нарушили еще одно соглашение с Россией — по Барге от 24 октября/6 ноября 1915 г.

В первых числа декабря «в Барге появился китайский отряд примерно в 150 чел., который углубился в пределы Барги на 100 с лишком верст, убив по дороге 12 чел. мирных баргутов, в том числе женщин». Высланные из Хайлара баргинские солдаты вступили с китайцами в перестрелку, после которой китайский отряд повернул обратно и преследовался баргинцами. Баргинские власти заявили, что китайское правительство нарушает соглашение о Барге, вводя свои войска без ведома России. По словам взятого баргинцами в плен китайского солдата, отряд состоял из солдат 4-го ина, расквартированного в Тинсинцзине, под командой ингуаня Юя, и был послан в распоряжение цзицарского цзяньцзюня⁵.

Реакция МИД России на оба китайских вторжения была быстрой: «Благоволите обратить серьезное внимание китайского правительства на совершаемое им последовательное нарушение соглашения о Монголии и Барге посылкой на их территорию преследующего Бабуцжаба отряда. Так как и монгольское правительство, и власти Барги не поддерживают Бабуцжаба, то экспедиция для его поимки бесцельна. Дело Бабуцжаба может и должно быть ликвидировано не военными мерами, ответственность за которые мы возлагаем на китайское правительство, а соглашением с монгольским правительством и властями Барги о совместном принятии мер для обезвреживания Бабуцжаба и побуждения его примириться с китайским правительством»⁶.

¹ Телеграмма Миллера от 6 января 1916 г. по заявлению монгольского правительства, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 84.

² Одбаяр, 2012, с. 32–36; Кузьмин, 2018а, с. 89–99.

³ Донесение из миссии Пекине в МИД и в Хайлар от 2 ноября 1915 г. по сообщению Вайцзюбу, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 39.

⁴ Телеграммы Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 4 и 20 ноября 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 41, 58.

⁵ Телеграммы Усатого в миссию в Пекине от 2 и 3 декабря 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 391, л. 1, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 49.

⁶ Телеграмма Сазонова в миссию в Пекине от 7 декабря 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 391, л. 3; Международные отношения..., 1937, т. 9, с. 611.

Местные маньчжурские власти оправдывались так: недавно были разграблены свадебные подарки князя Джалайта монгольскими хунхузами; по просьбе князя командиру 3-го ина 9-го кавалерийского полка 4-й кавалерийской бригады в Цзиньсинчжэне — Юй Чэнчжэню было предписано выступить с войсками для поимки этих хунхузов; командир сообщил, что встретился с ними, отобрал лошадей и одежду, которые были среди подарков князю; отряд стал преследовать хунхузов, но зашел в Хулунбуир. Произошла снова стычка с хунхузами, были раненые и убитые с обеих сторон; затем отряд возвратился на место стоянки. Стычка с монгольскими солдатами произошла по недоразумению¹.

Документы не позволяют подтвердить эти оправдания, хотя в тот период хунхузы в Барге действительно были. Например, в октябре 1915 г. в Хайларе образовалась шайка хунхузов (по слухам, 100 чел.), в которой были 2 кавказца из России. В окрестностях Хайлара она ограбила местных монголов и угнала 600 лошадей. Для поимки был отправлен отряд баргутских войск. При преследовании шайка разделилась на мелкие партии. Вдоль КВЖД действовали и другие шайки².

Заслуживает доверия донесение разведки Пограничной стражи по этому вопросу: «В последних числах ноября прошлого года командир 3-го ина 9-го полка 4-й Цицикарской конной бригады, квартирующей в г. Цзин-си-чжэн, с отрядом в 140 чел. отправился в горы под предлогом поиска хунхузов, которых на самом деле не было. Поднявшись с отрядом по долине р. Чол и перейдя в предгорья Барги, он начал грабить местных жителей, главным образом солон и ороchon, причем несколько человек было убито, лошадей угнано свыше 60». Монголы сообщили в Хайлар, оттуда хулунбуирские власти выслали небольшой отряд монгольских солдат. Грабителей догнали в отрогах Хинганского хр., во время их ночлега заняли ущелье. Утром, когда китайцы вошли в ущелье, монголы открыли огонь и перебили дозорных; главный китайский отряд остановился; в перестрелке были убиты 1 китайский офицер и 4 солдата, монголы потерь не понесли. Китайский отряд отступил и пошел другой дорогой. Чтобы замести следы, китайский отряд по пути распустил слухи, что в верховьях р. Чол оперирует шайка в 7000 хунхузов. По возвращении монгольского отряда в Хайлар, управление Хулунбуира через российского вице-консула в Хайларе потребовало удовлетворения за грабеж. Цицикарский цзяньцзюнь, по-видимому, решил удовлетворить требования монголов. Командир 3-го ина Юй в конце декабря вызывается в Цицикар для допроса»³.

«Цицикарский цзяньцзюнь прислал Шэнфу сообщение, в коем, выражая сожаление о происшедшем недоразумении с появлением в Барге китайского отряда, заявляет согласие возместить убытки»⁴. Однако монголы и посланник из Цици-

¹ Перевод сообщения гражданского губернатора провинции Хэйлунцзян Чжу российскому консулу в Цицикаре от 6/19 декабря 1915 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 391, л. 6–7.

² РЗО от 5 декабря 1915 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 44, л. 83–86.

³ РЗО от 31 января 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 4.

⁴ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 11 декабря 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 391, л. 9.

кара вначале не сошлись в сумме компенсации. По словам монголов, китайский отряд убил 25 чел., тяжело ранил 3, захватил 218 лошадей и рогатого скота, разграбил имущество на 4000 лан. Требования монголов составили 20–23 тыс. лан. К концу февраля 1916 г. инцидент с вторжением китайского отряда в Баргу был урегулирован. Штаб провинции обязался уплатить монголам 20 тыс. руб. убытков. Кроме того, цзяньцзюнь лично пожертвовал 2000 в пользу семей убитых. Виновные офицеры были смещены с должностей¹.

В декабре 1915 г. Усатый посоветовал Бавужаву войти в соглашение с китайцами. Тот ответил через баргинского чиновника, что согласен примириться с китайцами при условии, что ему и его людям с семьями китайское правительство отведет место для поселения. Тогда он согласен сдать китайцам оружие, но, опасаясь их вероломства, хочет заключить соглашение «при нашем посредстве». На тех же условиях он согласен поселиться и в Халхе, но ее правительство не хочет вести переговоры с китайцами о поселении там семей его людей².

Неудачная попытка президента Юань Шикая стать китайским императором (см. ниже) вызвала недовольство, прежде всего среди ханьцев. В Китае началось широкое брожение. Японцы, на поддержку которых рассчитывал Юань Шикай, не поддержали его, понимая его грядущее фиаско. В связи с этим, они стали проявлять повышенный интерес к партии Цзуншэдан³, стремившейся восстановить маньчжурскую династию. Учитывая монархические устремления повстанцев из Внутренней Монголии и отсутствие у них внешней поддержки, они интенсифицировали свои контакты с Бавужавом.

Сообщалось, что Бавужав получит из Японии 50 000 винтовок и по 6000 патронов к каждой⁴. 20 ноября «прибыли в Хайлар три японских офицера; один из них, ездивший раньше к Бабучжабу под видом аптекаря, собирается ехать к Бабучжабу. По сведениям, оружие для него доставлено в Куаньчэнцзы»⁵.

Бавужав говорил одному из русских купцов: «В благодарность за оказанную мной услугу, выразившуюся в уничтожении немецкого каравана, русское правительство отказало мне в небольшой просьбе, чем поставило меня в безвыходное положение, между тем я, быть может, в будущем еще могу ему пригодиться. Хотя оно и оказало мне внимание присылкой в подарок золотых часов и 12 маузеров, но это совсем не то, чего я ожидал от русских. К счастью, вместо русских мне оказали поддержку японцы». Другие монголы его отряда тоже открыто заявляли недовольство, добавляя, что за отсутствием патронов русские винтовки стали для

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 392; телеграммы Афанасьева из Цицикара в миссию в Пекине от 13 и 25 февраля 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 391, л. 19–20, 31.

² Международные отношения..., 1937, т. 9, с. 669–670.

³ Официальное название — Цзюньчжу-лисянь вэйчи-хуэй (Общество защиты конституционной монархии, букв. «Конституции, установленной монархом») (Кузьмин, Дмитриев, 2020а, с. 130).

⁴ Донесение чиновника по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе от 15 ноября 1915 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 69–69об.

⁵ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин от 20 ноября 1915 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3339, л. 130.

монголов просто палками и, если бы не помогли японцы, они должны были бы сдаться китайцам¹.

Министерский чиновник Тувцогт написал в МВД Внешней Монголии, чтобы ему дали войска для уничтожения Бавужава. Обсудив, это предложение одобрили военное министерство и МИД, но при этом указали, что сразу выделить солдат не могут. Министерство юстиции тоже одобрило, но оставило на усмотрение военного министерства². Военная экспедиция монголов против Бавужава вновь не состоялась. Но под давлением монгольского правительства Бавужав ушел из хошуна Илдэн-вана на востоке Халхи к р. Халхин-гол и далее вверх по ее течению. Отряд Бавужава встал на зимовку к югу этой реки. Новое место было удобным в плане сообщения с разными хошунами Барги, Внутренней и Внешней Монголии.

Осенью и зимой у отряда было вдоволь продовольствия благодаря охоте. Когда продовольствия не стало, Бавужав, по совету ламы, связался с сыном цинь-вана Су — Цые. Тот вновь организовал снабжение его отряда — теперь из Хайлара. Более того, он предоставил Бавужаву людей, владевших русским и китайским языками. Японцы поставляли оружие³.

Еще в марте 1915 г. генеральный секретарь МИД Японии Т. Коикэ отправил в Хайлар чиновника К. Сусу, чтобы узнать положение Бавужава. Он посетил Бавужава с его войсками у Халхин-гола. По мнению Сусы, Бавужав был обычным бандитом, но демонстрировал качества настоящего лидера, искренне преданного интересам своего войска. В ноябре 1915 г. по инициативе Н. Кавасимы в Восточную Монголию прибыли два офицера-резервиста: кавалерист капитан Аояги Кацутоси (кит. Цин Люшимин) и пехотный капитан-резервист (видимо китаец) Му Цзэчань⁴. Их отправили на рекогносцировку к Бавужаву, лагерь которого был на Халх-голе⁴. Вернувшись после посещения лагеря, они сообщили, что Бавужав настроен про-японски и 10 лет назад во время Русско-японской войны помогал японцам (идея об этой помощи возникла именно тогда). В конце 1915 г. Кавасима и члены японского Амурского общества на основе отчета Аояги решили помогать Бавужаву. В 1916 г. Кавасима разработал специальный меморандум, где делался акцент, прежде всего, на поддержку цинь-вана Су, важное место отводилось и Бавужаву. Предполагалось, что маньчжуры и Бавужав в длительных боях измотают главные силы правительства Китая, далее займут Хэйлунцзян, Мукден и Гири. Затем предполагалось пересечь Великую китайскую стену, идти на Пекин, а после захвата большей части Маньчжурии и Пекина — объединить страну под эгидой Японии⁵.

Н. Кавасима в цинское время был переводчиком в японском посольстве в Пекине, потом занялся обучением цинской полиции. Благодаря этому он наладил

¹ РЗО от 16 февраля 1917 г. РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 211–213, 223–225, д. 45, л. 128–130.

² МУУТА, х. АЗ, д. 1, х.н. 669, бичиг 8.

³ Лу, 1979, с. 34–36, 42–43.

⁴ Nihon Gaiko Bunshyu, MFA document no 47, p. 161–163, K. Yoshihisa, Too senkaku shishiki den, Tokyo, 1991 — in: Nakami, 2012, p. 296–297.

⁵ Nakami, 1999, p. 146–147, 2018, p. 296–362.

прочные контакты с цинь-ваном Су. После краха монархии Кавасима организовал бегство Су из Пекина. Затем они с Кавасимой стали названными братьями. Они осуществляли руководство Цзуншэданом в Маньчжурии и Внутренней Монголии. Говорили, что содержание политики Кавасимы было такое: поднять войска Бавужава и местных хунхузов в Маньчжурии, организовать содействие им японской армии, центром этого содействия сделать ЮМЖД. Командование японской Квантунской армии надеялась использовать Бавужава для занятия городов, чтобы овладеть Хэйлунцзяном и Гирином, а затем объединить Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, чтобы создать между Россией и Китаем буферное государство¹. Так бывший цинский министр колоний Су, перед крахом династии Цин ратовавший за защиту окраин империи от иностранцев и за ассимиляцию монголов китайцами (см. ниже), теперь действовал в русле японской политики.

Поскольку у Кавасимы не было детей, Су отдал ему в приемные дочери свою 14-летнюю дочь по имени Цзинь Бихуэй, которая получила японское имя Ёсико Кавасима². Позже, в 1927 г. она станет женой Ганжуржава (сына Бавужава), войдет в историю как знаменитая разведчица, впоследствии казненная китайцами. Когда Ганжуржав стал одним из высших офицеров прояпонских монгольских сил, она сопровождала его, но вскоре уехала в Дальний (Далянь). Вскоре Ганжуржав развелся с ней и женился на другой женщине³. Его брат Данжуржав в государстве Маньчжурия женился на японке. Она через два года умерла. Затем он женился на китайке по имени У Инкунь⁴. В отряде Бавужава находился сын цинь-вана Су, в то время как один из сыновей Бавужава находился у самого Су. Это был своего рода обмен заложниками. Когда сын Су получил известие о смерти отца в январе 1917 г., он поспешно выехал в Дайрен на похороны⁵.

Но это было позже. Пока же, зимой 1916 г., к Бавужаву явились семь японцев, которые вели переговоры якобы от имени японского правительства и монархической партии Китая, во главе которой стоит Су-цин-ван, дядя императора Сюаньтуна. Затем явились еще два японца. Их якобы изгнали из лагеря и убили на обратном пути в Хайлар как изобличенных в провокаторстве и действовавших по поручению китайского правительства. Переговоры японцев с Бавужавом закончились соглашением, согласно которому он обязался содействовать монархической партии в борьбе против республики за цинскую династию во главе с Сюаньтуном (Пуи), исполнять поручения японского правительства. Японцы обязались снабжать отряд огнеприпасами, присылать инструкторов, содействовать этой партии, отправлять средства для содержания отряда, при победе его начальникам предоставить высшие государственные посты⁶. В конце марта 1916 г. Генеральный

¹ Лу, 1979, с. 1–10, 73–75, 83–90.

² Лу, 1979, с. 73–75.

³ Подробнее см.: Birnbaum, 2015.

⁴ Лу, 1979, с. 73–75.

⁵ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 240–241.

⁶ РЗО от 16 февраля 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 211–213; 223–225, д. 45, л. 128–130.

штаб армии Японии направил на континент трех офицеров, чтобы проследить за объединением двух групп: Су и Бавужава¹.

Итак, японцы приняли план Н. Кавасимы и начали поставки оружия, продовольствия и медикаментов в Маньчжурию². Но 6 июня 1916 г. Юань Шикай внезапно умер. Новым президентом стал Ли Юаньхун. Правительство Японии взяло новый курс — на сближение с китайским правительством. Из-за этого на меморандум Кавасимы наложили вето, его группа была распущена. Но войско Бавужава продолжало готовить поход на юг, а японцы в его окружении не отказались от прежних планов³.

Бавужав говорил своему отряду: «На юге императора уже нет, нам надо сохранить северного императора на троне. Общими усилиями мы добьемся победы. Мы будем развивать традиционный дух монгольской нации, так как мы — потомки Чингис-хана»⁴. Фактически, не порывая с монгольским Богдо-ханом — Богдо-гэгэном VIII, Бавужав декларировал борьбу за реставрацию «северного императора» — Пуи, поскольку на юге (то есть в Пекине) императора уже не было.

В конце зимы 1916 г. Бавужав написал в военное министерство Внешней Монголии, что, судя по перехваченному письму китайского чиновника, на него собираются напасть китайцы. Он указывал что «служит Богдо-хану, как собака», его заслуги оценили, наградили, он и дальше будет служить Богдо, хотя его государство разделили⁵. Солдатам Бавужава отказывают в снабжении, хотя им было назначено жалованье. Был прислан чиновник, чтобы их изгнать из Внешней Монголии. В связи с этим, Бавужав просил выдать деньги, которые были назначены, чтобы было на что жить солдатам⁶.

Правительство Внешней Монголии командировало в Хайлар для переговоров с Бавужавом «Чжитхулту-гуна» и дзахирагча Гомбо-Идшина⁷. Возможно, темой переговоров должны были стать планы отряда и вопрос о его финансировании. 5/18 марта 1916 г. Нератов телеграфировал Миллеру, что МИД возбуждает ходатайство перед минфином о выделении монголам 400 тыс. руб., но это «не избавляет монгольское правительство от обязанности изыскать средства к хотя бы частичному удовлетворению претензий солдат Бабучжаба, не рассчитывая в этом случае непременно на нашу ссуду», поскольку волнения среди них нежелательны для монгольского правительства⁸.

¹ Boyd, 2010, p. 86.

² Nakami, 1999, p. 146–147, 2018, p. 296–362.

³ Nakami, 1999, p. 146–148, 2018, p. 296–362.

⁴ Lu, 1979, с. 42–43.

⁵ Имеется в виду разделение Внешней и Внутренней Монголии по Кяхтинскому соглашению 1915 г.

⁶ Документ датирован последним зимним месяцем 5-го года Многими Возведенного, МУУТА, х. А5, д. 1, х.н. 173, бичиг 6.

⁷ Телеграмма Миллера из Урги в Пекин и Хайлар от 4 марта 1916 г., № 69, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 90.

⁸ Международные отношения..., 1938, т. 10, с. 424.

Надо отметить, что долги Внешней Монголии перед солдатами Бавужава возникли из-за того, что Россия и Китай вынудили монгольское правительство подписать Кяхтинское соглашение, разделившее Внешнюю и Внутреннюю Монголию и потребовали роспуска набранных до соглашения отрядов внутренних монголов. Так что требования к Внешней Монголии теперь самой изыскивать средства к выплате долгов солдатам Бавужава вряд ли были справедливыми.

Кроме того, перед правительством Внешней Монголии теперь стояла задача не допустить возвращения Бавужава. 9 мая 1916 г. наместник Восточного края Внешней Монголии написал правительству послание о необходимости агитировать Бавужава и его людей не возвращаться обратно¹. Ничего другого внешним монголам не оставалось.

Вопрос о содержании отряда Бавужава не был решен. Он не собирался складывать оружие. В марте 1916 г. Мукденский офис ЮМЖД сообщал о сложностях в «умиротворении главарей монгольских бандитов»². В начале апреля японцы доставили для них на ст. Куаньчэнцзы 1000 винтовок и 5000 патронов. Бавужав просил российские власти разрешить перевезти это по железной дороге в Хайлар³. В мае 1916 г. МВД Внешней Монголии сообщило другим министерствам, что рассматривает послание Егузэр-хутухты о том, что Бавужав просит обеспечить его и его солдат оружием и юртами. МВД решило, что, согласно Кяхтинскому соглашению, это нельзя делать. Отмечалось также, что в отряде Бавужава плохо с довольствием, он просит деньги на снабжение и грабит местное население⁴.

Незадолго до этого от отряда Бавужава отделился дарга (командир) Джамсранжав. Он сформировал отряд до 5000 китайских хунхузов и внутренних монголов и остановился на южной границе Халхи у хошуна Мэргэн-вана. Монгольское правительство предписало местному дзасаку Чултэму следить за действиями этого отряда, обратилось с нотой к китайскому правительству о принятии мер к удалению «этих разбойников»⁵.

Весной 1916 г. степной пожар уничтожил пастбища к югу от Халхин-гола, и Бавужав перекочевал на эту реку. По-видимому, он перешел на другой ее берег — севернее, ближе к Хайлару и местам кочевков баргутов. Посланцы главы Барги — Шэнфу стали просить защиты от Бавужава: он перешел р. Халх и обратился с просьбой о ссуде в 100 тыс. руб. В ссуде было отказано. Но у Бавужава ощущался недостаток припасов. Поэтому предполагались неизбежные грабежи баргутов, и они ходатайствовали о приказе Бавужаву покинуть Баргу⁶. Но куда? В Россию он уйти не мог, Внешняя Монголия не принимала его, а уход во Внутреннюю Монголию был сопряжен с войной с китайцами.

¹ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 40.

² JACAR, A04018113300, Reel 1258–1262.

³ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 4 апреля 1916 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 95.

⁴ МУУТА, х. А5, д. 1, х.н. 173, бичиг 5.

⁵ Донесение Миллера из Урги Сазонову от 5 апреля 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 569, л. 34–38.

⁶ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 385, л. 236, 238.

Таким образом, Внешняя Монголия, заключая Кяхтинское соглашение, под давлением Китая и России вынуждена была отказаться от реинтеграции других монгольских земель и от поддержки отрядов внутренних монголов, которые желали продолжить борьбу за это. Монгольское правительство опасалось, что поддержка Бавужава и его солдат ухудшит отношения с Китаем, правительство которого требовало не давать Бавужаву оружие, не помогать ему, расформировать его войска¹. Тем не менее, некоторую поддержку войскам Бавужава в период подписания Кяхтинского соглашения оно оказывало. Несмотря на декларации о выдворении их из Внешней Монголии, серьезной силовой акции так и не было предпринято.

Испытывая сложности со снабжением, отряд Бавужава хотел продолжать национально-освободительную борьбу во Внутренней Монголии. Видя, что Внешняя Монголия выведена из этой борьбы Кяхтинским соглашением, он примкнул к японцам и сторонникам реставрации власти маньчжурской династии как альтернативе китайской власти над монголами. Его отряд стал одной из главных сил монархистов. Прежде, чем перейти к данному вопросу, надо кратко остановиться на этом монархическом движении.

Монархическое движение в первые годы после Синьхайской революции

Революционный подъем в Китае сопровождался серьезным сопротивлением цинских монархистов². Однако это движение было недостаточным для подавления Синьхайской революции. Эта революция, уничтожившая империю Цин, была националистическим движением ханьцев, справедливо считавших маньчжуров иноземными захватчиками Китая. Теперь заимствованные с Запада республиканские идеи причудливо смешались с традиционным китаецентризмом, на основе которого ханьские националисты предъявляли необоснованные претензии на всю территорию империи Цин. Эта смесь идей охватывала все более широкие круги китайского общества. По их мнению, империя Цин — всё то же Китайское государство, но лишь под властью очередной «иноземной династии». Но в империи Цин были не только республиканцы, но и монархисты, которые смотрели на революцию в рамках традиционного китайского мировоззрения — как на очередную «смену династии в Китае», на сей раз на «свою», китайскую. Были и другие монархисты, которые хотели сохранить (а позже — восстановить) власть маньчжурской династии. Очевидцы отмечали, что такие контрреволюционные настроения настроения были в основном на севере, в противоположность революционному югу³. После провозглашения республики в среде маньчжуров было крайнее недовольство. Они проводили тайные совещания, где обсуждалось в основном свержение республики и восстановление монархии⁴.

¹ Мягмарсамбуу, 2014, с. 84–85.

² Харбинский вестник, 14.04.1912.

³ Забайкальская новь, 8.06.1912.

⁴ Маньчжурская газета, 23.02–03.03.1912.

Монголы в подавляющем большинстве не приняли революцию и не хотели входить в Китайскую республику. Поэтому в их среде идеи реставрации маньчжурской династии встречали поддержку как альтернатива китайской угрозе.

Проживавшие в Пекине монгольские князья, которые продвигали цинскую «новую политику», в декабре 1911 г. (незадолго до отречения династии) создали союз для противодействия введению в Китае республики. На их собрании была принята резолюция к Юань Шикаю: если будет республика — все монгольские князья будут содействовать провозглашению Монголией независимости¹. В конце 1911 г. один из принцев предложил отправить вдовствующую императрицу с сыном-императором в Калган (Монголия), когда революционеры подойдут к Пекину. Регент отклонил это предложение². В январе–феврале 1912 г. ряд южно-монгольских княжеств оставался верен Пекину, но не поддерживал китайских революционеров.

Незадолго до отречения от престола династии часть маньчжурских и монгольских аристократов в Китае образовали Цзуншэдан (Партия верности престолу). 26 января ее руководитель Лян Би был убит в Пекине. В тот же день Юань Шикай организовал отправку от имени командования Бэйянской армии телеграммы к императору с требованием об отречении³. Некоторые маньчжурские сановники (например, Мурца Телян) выступали против отречения. После того, как стало ясно, что Цзуншэдан не смог консолидировать правящий класс в борьбе за сохранение монархии, они направились на север. Телян с двумя принцами привез в Мукден большие суммы денег. По их распоряжению «повсеместно в Маньчжурии формируются отряды хунхузов»⁴. В Тяньцзине Телян вел агитацию, призывая монархистов восстать в защиту династии⁵. Маньчжуры Мин Син-лун и Тун Тан-шен создали в Мукдене общество Бесстрашных для борьбы с республикой. Членами его могли быть только маньчжуры. Обществу поступала помощь из Пекина. Примерно в то же время в Цицикаре была раскрыта подготовка резни китайцев маньчжурами⁶.

Вскоре после отречения династии — в марте 1912 г. императрица Луньцзюй (та самая, которая санкционировала отречение) подписала указ, повелевавший распустить Цзуншэдан⁷. В связи со взлетом ханьского национализма и ненависти к маньчжурам, Юань Шикай в июне 1912 г. призвал «к успокоению и к прекращению всякой агитации против низложенной династии»⁸.

По разведсводке штаба Приамурского ВО за март 1912 г., кроме тех монголов, кто поддерживал великоханскую власть Джебцзундамба-хутухты над Монголией,

¹ Дицзинь синьвэнь, 16.12.1911, АВПРИ, ф. 761 МП, оп. 761, д. 313, л. 58–59.

² Маньчжурская газета, 8–21.11.1911.

³ Дацышен, 2014, с. 41. Подробнее о Лян Би см.: Hu Ying, 2017.

⁴ Забайкальская новь, 27.01.1912, 9.02.1912.

⁵ Новая жизнь, 20.01.1912.

⁶ Забайкальская новь, 14.02.1912, 15.02.1912; Маньчжурская газета, 25.01–07.02.1912, 11–24.02.1912.

⁷ Стабурова, 1992, с. 69.

⁸ Забайкальская новь, 29.06.1912.

провозглашенную 29 декабря 1911 г., выявились еще два лагеря. Восточные монголы заявили, что откажутся подчиняться Китаю, если маньчжурская династия будет лишена престола, западные — что хотели бы иметь своего хана¹. Часть восточно-монгольских и маньчжурских князей хотели создать независимое от Китая государство Маньжурия–Монголия (Ман–Мо) под протекторатом России и Японии. Цинь-ван Су предлагал маньчжурскому императору выехать за Великую китайскую стену на север и, в худшем для него случае, консолидировать маньчжурские доминионы после отделения от Китая².

Такие стремления были исторически обоснованны: после революции китайским националистам-республиканцам было логично претендовать на власть над восстановившим свою независимость Китаем, но не над теми регионами, которые наряду с ним включили в свою империю Цин маньчжуры.

Цинь-ван Су с титулом Шаньци (1866–1922) был членом правящего маньчжурского дома, 10-м потомком линии принца Су из маньчжурской династии. Будучи министром колоний, он еще в 1906 г. он посетил Шилингольский и Джоудаский сеймы, где провел заседания, обсуждая в основном вопросы заселения хошунов китайцами и предоставления им права заниматься хлебопашеством³. В 1911 г. он принимал активное участие в проведении «новой политики», скорейшей колонизации Монголии и т.п.⁴ Летом 1911 г. он писал разного рода проекты «спасения от иностранного захвата китайских окраин» (Монголия, Тибет, Синьцзян, Юньнань), поднимал вопрос о разделении Монголии на провинции с введением общеимперского правления⁵. Он был сторонником «полного уравнивания и слияния монголов с китайцами». Однако уже в декабре 1911 г., видя грядущий крах династии, Су объявил по поручению принца-регента монгольским князьям в Пекине о беспорядках в Китае и о бессилии династии справиться с движением, почему и предложил монголам самим позаботиться о своей судьбе⁶.

У князя Су были жена, 4 наложницы, 21 сын и 17 дочерей. Он стал одним из создателей Цзуншэда, отказался принять отречение императора Сюаньтуна (Пуи). После убийства Лян Би он уехал в Дальний, где тесно контактировал с японцами и руководил деятельностью монархистов. В 1912 г., получив японскую поддержку, он дал усыновить Н. Кавасиме свою 14-ю дочь Цзинь Бихуэй. Она изменила свое имя на Ёсико Кавасима. Его план восстановления цинской монархии провалился, когда японское руководство отказало в поддержке в пользу сотрудничества с Юань Шикаем⁷.

Несмотря на указ Лунъюй, Цзуншэдан не прекратил существование. «Среди народа, несомненно, существует партия, агитирующая за восстановление мань-

¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4125, л. 26, копия: ТХА, х. акад. Ширэндэв, х.н. 10, тал 241.

² Boyd, 2008, p. 114–115.

³ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 564, л. 195–200.

⁴ Например, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 313, л. 4, 5, 11, 17, 21, 33–34, д. 308, л. 28–29.

⁵ Маньчжурская газета, 1–14.09.1911.

⁶ Донесение Любы из Урги в 1-й департамент МИД от 22 января 1912 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 566, л. 36–36об.

⁷ Rhoads, 2000, p. 236.

чжурской династии. Попытка привлечь к движению Чжан Цзо-линя не удалась, обратившийся к нему по этому поводу Дунь-хуа-нань, служивший ранее в Куаньчэнцзы по ведомству народного просвещения, по слухам, был арестован в Мукдене <...> Генерал-губернатор Чжао Эрсюнь встревожен ростом числа сторонников павшей династии, которых успел объединить во время своего краткого пребывания в Мукдене принц Цзай-тао. Арестовать его не удалось, как это предполагалось, и он бежал через Куаньчэнцзы в Южный Горлос. Здешний даотай получил предписание тщательно следить за монархистами¹. За восстановление маньчжурской династии агитировал также генерал-губернатор провинции Шэньси «Чан-су», который старался привлечь к этому княжества Шилингольского сейма Внутренней Монголии². В Маньчжурии идея реставрации цинской династии встречала сочувствие не только маньчжуров, но и консервативной части китайцев³.

Известные монархисты Маньчжурии так или иначе были связаны с Внутренней Монголией. Первым решил использовать это маньчжурский цинь-ван Гун (Пу Вэй). Задумывая монархическое движение, он ничего не обещал в обмен на поддержку монголам и не был намерен гарантировать независимость Монголии⁴. Монголы сомневались в успехе Гун-цин-вана ввиду крайней непопулярности маньчжурской династии в Китае. Монгольское правительство отправило Гуну 17 января 1913 г. такую телеграмму: «Монгольское правительство, выражая удовольствие по поводу Вашей телеграммы, уведомляет, что монголы, в целях сохранения своей религии, национальности, законов и обычаев образовали свое самостоятельное государство и уже единодушно провозгласили хана-эцзэна и таким образом окончательно завершили организацию своего государства. Весьма рады узнать, что Вы, почтенный ван, сознавая, как события времени отторгнули Вас и дорожа своим высоким происхождением, выражаете благородное стремление исполнить свой долг. Хотя наше государство в данное время еще не вполне окрепло, но, сочувствуя Вашим справедливым стремлениям, правительство наше заявляет о своей помощи Вашему делу. Желательно было бы, чтобы почтенный ван, ознакомившись с нашей телеграммой, сообщили нам свой точный план»⁵.

По-видимому, в ответ на это весной 1913 г. в Нийслэл-хурэ приехал Шэн Юнь (1858–1931) — бывший цинский губернатор провинций Шэньси и Ганьсу⁶. Это был монгол из рода Дорот, очень консервативный человек. В 1911–1912 гг. он пытался с помощью войск пров. Ганьсу подавить восстание своих войск в Сиани,

¹ Донесение Лаврова из Куаньчэнцзы Крупенскому в Пекин от 28 марта и 6 апреля 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 798, л. 16–18.

² Донесение Крупенского из Пекина от 10 апреля 1912 г. в консульство в Шара-сумэ, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3083, л. 79. Генерал-губернатором Шэньси тогда был Чжан Фэнхуэй (подробнее см.: Кузьмин, Дмитриев, 2020а, с. 131).

³ Новая жизнь, 16.12.1912.

⁴ Телеграмма Коростовца из Урги Сазонову от 21 января 1913 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 567, л. 21–23.

⁵ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 757, л. 353–354об.

⁶ Подробнее см.: Кузьмин, Дмитриев, 2020б, с. 45–61.

где они выступили на стороне революционеров. Однако после отречения династии ганьсуйские войска отказались продолжать войну, и он бежал из Китая. «Находящийся в Урге бывший сянганский¹ губернатор Шэн Юн, которому правительство разрешило остаться в Урге, по частным слухам, предостерегает князей от слишком тесного сближения с Россией и уговаривает их присоединиться к маньчжурским монархистам, подготовляющим реставрацию империи с князем Гуном во главе»². «Шэн-юн, бывший сянганский генерал-губернатор, прибыв с небольшой свитой в Халху, остановился в 100 верстах от Урги. Приехавший от него посланец заявил, что Шэн-юн хочет перейти на сторону монгольского правительства вместе с несколькими инами алашанских монголов и готов поддержать его в борьбе с Китайской республикой и Юань Шикаем. Названного экс-сановника сопровождает десяток китайских чиновников и несколько алашаньских монголов в качестве делегатов, готовых признать суверенитет Хутухты. Монгольское правительство, по-видимому, готово оказать гостеприимство китайским перебежчикам и допустить в Ургу, дабы подробнее ознакомиться с их намерениями»³.

Шэн Юнь написал Коростовцу письмо следующего содержания. В 1-м году правления Сюаньтуна Шэн Юнь подал доклад о вреде предполагаемых конституционных реформ. Результатом стало его отстранение от должности, после чего он поселился в Сиани. После начала революционно брожения ему было поручено руководить военными действиями. Собрав в пров. Ганьсу 50 инов солдат, он двинулся с ними в пров. Шэньси, где выдержал более 30 стычек с революционерами и отобрал у них 9 округов (перечислены). Затем Сюаньтун отрекся от престола. Шэн Юнь поселился в г. Синин, горя желанием отомстить за обиду, нанесенную императорскому дому. Зимой 1912 г. он услышал, что правительство России заключило соглашение с Ургой «и объединилось против Юань Шикая. Известие это меня крайне обрадовало, так как оно вполне соответствует моим желаниям». Тогда Шэн Юнь прибыл в Ургу, где удостоился милостивого внимания Богдо-хана за то, что остался верным Цинской династии. «Мое предложение снова провозгласить императором Сюаньтуна, а из Маньчжурии и Монголии образовать два союзных самостоятельных государства, также одобрено Богдоханом. Горячо молюсь, чтобы план этот, от которого я никогда не откажусь, исполнился и был бы доведен до конца». Но цель соглашения Монголии с Россией была ему неизвестна. «Могу ли я питать надежду, что оно заключено с намерением способствовать восстановлению наследственных прав Дайцинской династии, или же оно преследует агрессивную цель? <...> Революция в Китае была на руку японцам, чтобы иметь повод вмешиваться во внутренние дела Китая, и если они не воспользова-

¹ Искаженное «шэнь-гань» — Шэньси и Ганьсу.

² Телеграмма Коростовца из Урги Сазонову от 5 апреля 1913 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 567, л. 83.

³ Телеграмма Коростовца из Урги в Пекин от 26 марта/8 апреля 1913 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 652, л. 155. Были сведения, что Шэн Юнь совместно с «алашаньским ханом» предложил Хутухте свои услуги по борьбе с Китайской республикой (Китай и Япония, 1913, № 137, с. 47–48; Новая жизнь, 1.04.1913).

лись этим обстоятельством, то только потому, что этому помешала смерть японского императора». Западные державы могут вмешаться в дела Китая, но России это будет невыгодно. Многие маньчжурские и китайские принцы и сановники разъехались по странам Запада и Востока, может быть, они успешно агитируют за восстановление династии и найдут поддержку. Создается возможность восстановить династию. Шэн Юнь просил российское правительство тщательно взвесить все обстоятельства и сделать доклад своему императору¹.

7 апреля 1913 г. Шэн Юнь встретился с Коростовцом. Последний телеграфировал в Пекин: «Посетивший меня сянганский генерал-губернатор Шэн-Юн заявил, что он приверженец маньчжурской династии и считает происшедший в Китае переворот незаконным, а Юань Шикая узурпатором. Он намерен опереться на партию недовольных нынешним режимом для борьбы с республиканским правительством и надеется, что Россия, которая всегда поддерживала маньчжурскую династию, поможет монархистам восстановить в Китае законный порядок. На мой вопрос, какими средствами располагают монархисты для задуманного переворота, Шэн признался, что у них нет ни денег, ни оружия. Он не мог также назвать вождей будущего движения. Монголам Шэн внушает мысль о необходимости содействия поддержать их домогательства относительно объединения всей Монголии и признает независимость монгольского правительства. В общем, фантастические проекты Шэна, например, образование из Монголии и Маньчжурии отдельного двуединого государства, находят сочувствие со стороны невежественных и легковверных монголов и вносят еще большую путаницу и разногласия в среде здешних правителей»².

Коростовец записал в своем дневнике, что Шэн Юнь был убежденный и искренний человек, надеявшийся на помощь России в восстановлении маньчжурской династии, изгнании самозванца Юань Шикая и упразднении республиканского строя. Он говорил, что «в Китае много тайных приверженцев монархии и маньчжурской династии даже среди нынешних государственных людей; за республику стоит лишь молодежь <...> Для нас пребывание Шэн Юня в Урге нежелательно, ибо он распространяет среди монголов разные фантастические проекты и вносит смуту в их умы»³.

Приведенные материалы подтверждают, что Шэн Юнь хотел восстановить династию Айсинь Гйоро. Но что такое «двуединое» или «союзное» государство Монголии и Маньчжурии, не совсем ясно. Признание независимости монгольского правительства означает и независимость Монголии от Маньчжурии во главе с этой династией. Но наличие в «союзном» государстве двух великих ханов (императоров) — монгольского и маньчжурского — противоречило традиционным представлениям монголов и маньчжуров, согласно которым император может быть только один.

¹ Перевод письма Шэн Юня на имя Коростовца, Урга, 16 апреля 1913 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 567, л. 102–105.

² Копия телеграммы Коростовца от 24 апреля/7 мая 1913 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 653, л. 63.

³ Коростовец, 2009, с. 358.

Попытки Шэн Юня использовать Россию и Монголию для восстановления династии Айсинь Гйоро к успеху не привели. Но в Маньчжурии влияние монархистов росло. В Гирине им помогали японские власти, которые скрывали агентов Цзуншэда. К этой партии примкнули некоторые военные. Летом 1912 г. большие «шайки» монголов, монархистов и хунхузов терроризировали китайское население в уездах Ляоюань, Яньцзинь и Чанбайшань в Гирине. Губернатор получал от начальников всех уездов требования о присылке войск для поддержания спокойствия. Чжао Эрсюнь получил донесение от начальника уезда Дуннинсянь, что известный монархист Цзо Сяньчжан собрал отряд в 1000 монархистов, вооруженных при помощи японцев¹. «По полученным здесь сведениям, мукденские монархисты предполагали воспользоваться уходом войск в Монголию² для устройства переворота». На их деятельность обратил внимание Чжао Эрсюнь, по распоряжению которого был проведен обыск. Были обнаружены отпечатанные кредитные билеты в 5, 10 и 25 долл. на сумму 200 тыс. долл. и арестованы два главаря монархистов — Синкуй, бывший ранее фудутунгом, и Ма Лин. Кроме того, в разных гостиницах было схвачено более 100 чел. Большая часть замешанных в заговоре скрылась в японской концессии. У Синкуя нашли список из более 30 тыс. чел. Об их аресте было сделано распоряжение³.

Итак, монархическое движение в Маньчжурии было достаточно масштабным и серьезно беспокоило местные власти, тем более что монархистам покровительствовали японцы. Но, хотя Япония официально поддерживала республиканцев, японские власти в Маньчжурии (особенно военные) часто действовали на свое усмотрение в надежде получить поддержку Токио в случае успеха. На местах положение усугублялось тем, что в некоторых случаях за монархистов выдавали себя хунхузы. Например, в уездах Сифэнсянь, Сианьсянь и Кайюань 1000 хунхузов, называвших себя монархистами, грабили население и купцов, портили телеграф⁴.

В 1913 г. деятельность Цзуншэда в Маньчжурии расширилась, его ячейки действовали в разных городах и уездах. Местные власти с переменным успехом боролись с ними. Например, в Мукдене был расстрелян один из его руководителей Чжан Юйсю, задержанный ранее в Гунчжулине. По отзывам очевидцев, «во время казни он был так спокоен, что получалось впечатление, будто она не над ним производится»⁵.

Деятельность Цзуншэда сосредоточилась в полосе отчуждения ЮМЖД, контролировавшейся Японией. Скрывавшиеся там монархисты по приглаше-

¹ Донесения Лаврова Крупенскому от 8 июня, 24 и 27 августа 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 798, л. 28–29, 54–54об., 55–55об.

² Имеется в виду карательная экспедиция для подавления движения монголов за независимость.

³ Донесение Лаврова Крупенскому от 21 сентября 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 798, л. 61–61об.

⁴ Донесение Лаврова Крупенскому от 23 июля 1912 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 798, л. 42–43.

⁵ Китай и Япония, 1913, с. 32–33.

нию цинь-вана Су открыли съезд в г. Ичжоу¹. Распространялась прокламация, прославлявшая заслуги маньчжурской династии перед Китаем, указывавшая на неблагодарность китайцев, содействовавших ее падению, приглашавшая к раскаянию и восстановлению ее власти. Население относилось к этой агитации довольно равнодушно (притом, что авторитет любой власти там «совершенно пал»). Были сведения, что некоторые монархисты вошли в сношение с монголами². По сведениям из секретного источника, с 20 августа по 4 сентября 1913 г. из 27-й китайской дивизии скрылись 286 солдат пехоты и 167 — кавалерии. Они, будто бы, бежали в Новый Вичжу, где присоединились к тамошнему отделу Цзуншэда³.

В августе 1915 г. власти Мукдена и Куаньчэнцзы получили из Пекина распоряжение принять меры к поимке агентов движения с центрами в Дальнем, Мукдене и Чанчуне. Эти агенты были снабжены желтыми флагами с драконами и должны были войти в сношения с группами Цзуншэда. В секретной телеграмме президента указывалось, что они субсидируются и снабжаются японцами, которые хотят использовать это движение в свою пользу⁴.

Сыграв предательскую роль в свержении маньчжурской династии и стремясь предотвратить ее реставрацию, Юань Шикай собирался сам стать императором и основать новую династию, хотя открыто об этом не заявлял. Его монархические амбиции нарастали в 1914–1915 гг.: стали восстанавливаться прежние чины и ранги, система экзаменов для получения степеней и подбора чиновников, в государственный аппарат широко привлекались бывшие цинские бюрократы, внедрялись конфуцианская традиция и имперский ритуал чинопочитания⁵.

В июне 1915 г. образовалось две основные группировки, выступавшие за новую монархию: одна выступала под флагом Юань Кэдина — старшего сына Юань Шикая, другая, состоявшая из старых чиновников, собиралась остаться у власти при возведении императором Юань Шикая. Вскоре было создано Чоуаньхуэй (Общество по изысканию средств для водворения спокойствия), занявшееся пропагандой перехода к конституционной монархии, затем — Всекитайский объединенный петиционный комитет в поддержку движения за монархию⁶. Юань Шикай стал утверждать, что для блага государства нужен порядок, который обеспечивает монархия, а республика — это лишь переходный период от одной монархии к другой. В сентябре 1915 г. в Пекине усилилось движение за провозглашение императором Юань Шикая⁷.

¹ Современный г. И в пров. Ляонин.

² Донесения Лаврова Крупенскому за июнь–июль 1913 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 799, л. 59, 64–64об., 76–77.

³ Донесение управляющего генеральным консульством в Мукдене посланнику в Пекине от 4 сентября 1913 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 832, л. 76.

⁴ Донесение Лаврова из Куаньчэнцзы Крупенскому от 8 августа 1915 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 801, л. 78–78об.

⁵ Чудодеев, 2013, с. 328–374.

⁶ Ли Шу, 1956, с. 170–177.

⁷ Депеша Крупенского из Пекина от 18 сентября 1915 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 3.

Для предупреждения претензий на власть представителей маньчжурской династии и ее сторонников Юань Шикай дал цинскому двору письменное обещание, что, став императором, будет строго соблюдать «Льготные условия» отречения династии и включит их в конституцию, хотел выдать свою дочь за Пуи. В результате двоюродный брат Пуи — Пулунь от имени династии и состава восьми маньчжурских знамен выразил поддержку будущей интронизации Юань Шикая¹. 9 октября президент официально объявил 16 статей о созыве конференции представителей граждан разных провинций о решении вопроса о форме государства. Было ясно, что все собравшиеся выскажутся за монархию Юань Шикая. Были сведения, что Юань Шикай намерен удалить в летний дворец бывшего императора Сюаньтуна (Пуй) и его семью до своей интронизации, а затем последует правительственное извещение, что он будет маньчжурским ханом так же, как монгольские ханы или принцы объявлялись императорским указом, и с ним будут обходиться как с находящимся в Китае иностранным сувереном без территории².

Планы Юань Шикая встретили сопротивление республиканцев. Они стали готовить восстание. Японское правительство получило из США сообщение о сочувствии совету Японии и Антанты, данному Китаю, и о решении Америки не признавать китайскую монархию раньше других держав³. По сведениям заместителя министра иностранных дел Японии, германский посланник в Пекине поощрял Юань Шикая провозгласить себя императором обещанием немедленного признания со стороны Германии. Стремясь заручиться возможно большей поддержкой, Юань Шикай решил отложить провозглашение монархии до 1916 г.⁴ Среди китайцев шло сильное брожение против него. Поэтому его сторонники стали созывать в разных городах митинги за восстановление монархии. В провинциях, даже в удаленном Синьцзяне, начались голосования за это⁵. Итогом стало единогласное утверждение всеми членами Национального собрания перехода к конституционной монархии.

Совещательная палата сообщила президенту, что, по рассмотрении результатов провинциального голосования оказалось, что все население единогласно высказалось в пользу монархии. 11 декабря 1915 г. палата препроводила Юань Шикаю адрес об избрании его императором. Тот вначале демонстративно отказывался, но главные выборщики обратились к нему с новым докладом, титулуя его императором, а правительство сочло вопрос решенным, хотя для соблюдения всех формальностей требовалось время. 12 декабря (н.ст.) Юань Шикай принял императорский титул⁶.

¹ Чудодеев, 2013, с. 328–374.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1420, л. 1–17.

³ Хоци, 26.10.1915, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 48.

⁴ Телеграммы посла в Токио Малевского-Малевица от 29 сентября и 27 октября 1915 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 4, 50.

⁵ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 55, 69–69об.

⁶ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 88–89.

Он хотел, чтобы державы согласились с этим. Однако уже 13 декабря дипломатические представители Японии, Англии, России, Франции и Италии заявили, что решили занять позицию наблюдателей. По сообщениям китайской печати, китайское правительство собиралось направить в Токио посланника, чтобы путем уступок и концессий японцам добиться признания Юань Шикая императором¹.

При подготовке к своей интронизации Юань Шикай решил не только заранее наградить верных или нужных сторонников, но и изменить систему титулования знати. На место титулов империи Цин должна была прийти другая — освещенная авторитетом древней эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.) система пяти титулов (в каждом по два ранга), высшим из которых был гун, а низшим — нань².

Реакция феодалов автономной Внешней Монголии на объявление Юань Шикая императором была неоднозначной. «К восстановлению монархии в Китае монголы относятся очень сочувственно, ожидая от этого события для себя выгод материального характера в виде ценных подарков, денежных подачек, жалованья и пенсий. Для них безразлично, кто будет на китайском престоле — Юань Шикай или кто-либо из Дайцинской династии. Для монголов важно лишь установление нового порядка вещей, при котором они рассчитывают, прежде всего, на вышеупомянутые милости. Первоначальное намерение монголов объявить самостоятельность Внешней Монголии, воспользовавшись смутами, кои будут вызваны провозглашением Юань Шикая китайским императором, отошло пока на второй план. Они согласились с моими доводами, что у них для этого нет достаточных ни денег, ни войск»³.

В Китае же реакция на провозглашение императором Юань Шикая была предсказуемой. В конце 1915 г. на юге Китая вспыхнуло восстание. Оно ширилось, охватывая все новые провинции. Губернаторы и генералы требовали остановить восстановление монархии, угрожая в противном случае отложиться. Были все основания подозревать активизацию Цзуншэда в Маньчжурии. Стремясь снискать расположение местных властей, Юань Шикай издал указ, по которому цзяньцзюням, губернаторам, начальникам дивизий в Маньчжурии были пожалованы дворянские титулы гун, цзы, нань⁴.

Юань Шикай стал «давать задний ход» провозглашению его императором. Он отложил это с 9 февраля на более поздний срок, а 23 марта календарь Хунсянь был заменен прежним республиканским⁵. Наконец, 22 марта 1916 г. Юань Шикай издал декрет, в котором заявил, что население добивалось замены республиканского строя на конституционно-монархический, поэтому у Юань Шикая не было возражений. Но теперь надо отложить вступление на престол до прекращения

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 147; Ли Шу, 1956, с. 179.

² Кузьмин, Дмитриев, 2020г, с. 93–106.

³ Донесение Миллера из Урги Сазонову от 1 февраля 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 569, л. 5–8.

⁴ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 107, д. 3124, л. 18, 26; РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 121–122.

⁵ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 151, 167; РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 26. Хунсянь — «Великая конституция», по девизу новой «династии».

беспорядков в пров. Юньнань и Гуйчжоу. «Я объявляю настоящим, что беру обратно данное 28 ноября/11 декабря мин. года согласие на принятие императорского престола». Все подготовительные мероприятия должны были быть прекращены. Юань Шикай принял на себя вину за «содеянные во всем государстве прегрешения»¹. В своем декрете он заявил, что согласился на восстановление монархии лишь из патриотизма и преклонения перед волей народа, но теперь видит, что был введен в заблуждение, поскольку некоторые провинции высказываются против монархии. Поэтому все обращения по этому делу он возвращает во вновь создаваемую как законодательный орган совещательную палату и высказывается за сохранение республики².

Однако всё новые провинции Китая объявляли независимость, требовали отставки Юань Шикая и с поста президента. Так и не сумев разрешить кризис и заручиться поддержкой держав, Юань Шикай скончался от уремии 6 июня 1916 г.³

Разочарование иностранцев, в частности, японцев в перспективах Юань Шикая возникло уже на этапе подготовки к провозглашению его императором: они видели, что президент не имеет надежной поддержки в своей стране. Ему не на кого было положиться: он установил систему, в которой власти служили ему «не из чувства долга и преданности, а лишь либо из-за денежных и иных выгод, либо из страха». В начале 1916 г. японский посланник в Пекине в разговорах с российским коллегой неоднократно ставил вопрос о том, что произошло бы в Китае в случае внезапного ухода со сцены Юань Шикая. По словам японского посланника, наилучшим исходом было бы восстановление монархии в пользу кого-то из маньчжурских князей, из которых он упоминал цинь-вана Су⁴. Это могло найти сочувствие в некоторых провинциях. Например, в Кульдже (Синьцзян) высшее управление сплошь состояло из людей провинции Юньнань, которых ненавидели за поборы и притеснения. Большинство населения сохраняло привязанность к маньчжурской династии⁵.

Монгольский князь хошуна Южный Горлос в беседе с японским корреспондентом сообщил, что съезд 24 монгольских князей Внутренней Монголии выработал и представил Юань Шикаю записку за восстановление маньчжурской династии во главе с императором Сюаньтуном. В случае отказа «все монгольские князья и владельцы отложатся от Китая и возведут на трон объединенной независимой Монголии императора Сюаньтуна. По словам князя, президент сочувственно отнесся к записке съезда и обещал сообщить ее лидерам восставшего юга. Уезжая из Пекина, князь Южного Горлоса вынес впечатление, что президент Юань

¹ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 169–175.

² Телеграмма Крупенского от 9 марта 1916 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 43.

³ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 18, 57–58, 63, 166, 170, 171, д. 3129, л. 180, 183; Ли Шу, 1956, с. 189–194.

⁴ Депеша Крупенского в МИД от 3 февраля 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 27–27об.

⁵ Донесение консула Бродянского из Кульджи от 4 марта 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 40.

Шикай морально покинут всеми своими приближенными, которым он же создал политическую карьеру»¹.

Итак, попытка Юань Шикая создать новую династию потерпела неудачу. Но она стала толчком к активизации сторонников реставрации власти маньчжурской династии. Действительно, если президент хотел создать новую династию, то чем хуже реставрация династии прежней, которую он лишил власти, используя обман? Тем более что Япония уже не поддерживала Юань Шикая и вновь обратила внимание на Цзуншэдан и монархически настроенных монголов.

Попытка реставрации власти маньчжурской династии и гибель Бавужава

Уже в день смерти Юань Шикая из разных городов Маньчжурии стали поступать сведения об активизации Цзуншэдана. Агитация эта была особенно распространена среди монгольского и маньчжурского населения в хошунах Внутренней Монголии и отчасти Барги². По воспоминаниям Пуи, после смерти Юань Шикая при участии японцев был разработан план реставрации власти маньчжурской династии, включавший действия Бавужава³.

2 июня 1916 г. цинь-ван Су выезжал в ставку князя Джеримского сейма в сопровождении двух японцев. Туда же выехал из Урги Шэн Юнь с отрядом вооруженных монголов. Было мнение, что вопрос о провозглашении независимости Восточной Монголии от Китайской республики близится к осуществлению. С этим связывали начало активной борьбы за реставрацию маньчжурской династии под руководством Шэн Юня, который будто бы намерен двинуться со своими отрядами на границы Жэхэского дутунства и Фэнтяньской провинции. Снабжение боевыми припасами джеримского князя происходило через Дальний, где обычно жил цинь-ван Су⁴.

Хотя не соответствовали действительности указания на близость независимости Восточной Монголии, наличие монгольского отряда и планы Шэн Юня, это донесение отражает активизацию контактов японцев с монархистами во Внутренней Монголии, особенно если учесть, что Южный Горлос (где незадолго до того был съезд князей) находился в Джеримском сейме. Известно, что Шэн Юнь писал воззвания о том, что надо восстановить цинскую династию — с детальным описанием, как изменники Сунь Вэнь (Сунь Ятсен) и Юань Шикай уничтожили монархию, как Юань Шикай «коварным образом украл императорский престол»⁵. В связи с этим, можно вспомнить, что в попытке избежать падения маньчжурской династии Шэн

¹ Речь, 29.04.1916, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 122.

² РЗО от 25 сентября 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 82–86; Кузьмин, Дмитриев, 2020б, с. 45–61.

³ Пу И, 1968, с. 131–132.

⁴ Копия донесения генконсула в Мукдене из секретных источников посланнику в Пекине от 6 июня 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 187–188об.

⁵ Перевод воззвания: РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 22, л. 12–12об.

Юнь в начале 1912 г. с войсками двинулся из Сиани в Пекин, Юань Шикай послал ему телеграмму поддержки, но тут же приказал остановиться у заставы Тунгуань и дальше не двигаться¹. Эта остановка внесла свой вклад в падение монархии.

Теперь Цзуншэдан получил сильную поддержку от монголов. Бавужав по предложению цинь-вана Су присоединился к этой партии и заявил о подготовке военных действий в пользу реставрации династии, под эгидой которой хотел объединить Внутреннюю Монголию и Маньчжурию. Он стал готовиться к походу на Таонаньфу. Японцы снабжали его оружием и деньгами².

В Хайлар прибыли командированные японцами тушэ-гун Эрдэнэ-Чохоту и маньчжур Дин Ин с тремя японцами для привлечения баргутов к участию в движении. Они были командированы от имени монархической партии, штаб которой во главе с неким Шао, по их словам, находился в Дайрене. Эрдэнэ-Чохоту рассказывал баргутам, что партия получает поддержку деньгами и оружием из Японии, которая действует с согласия России и Англии, и что три маньчжурские провинции, сеймы Внутренней Монголии и пров. Ганьсу уже присоединились к этой партии и выжидают удобного момента для восстания. По их словам, ярый противник партии — только мукденский цзяньцзюнь Чжан Цзолинь, и этим было вызвано покушение на него, организованное японцами в минувшем месяце. По словам Эрдэнэ-Чохоту, из Дайрена командированы агенты во все провинции Северного Китая и Маньчжурии. Бавужав сообщил Шэнфу о том, что Су прислал к нему своего родственника с предложением выступить за восстановление династии, и он скоро двинется на юг³.

Чтобы выяснить намерения Бавужава, баргинские власти командировали к нему специального чиновника. Вернувшись, он сообщил следующее. В ставке Бавужава находится сын Су-цин-вана по имени Сян Гуй (седьмой сын Су)⁴, который прибыл к Бавужаву в сопровождении 4 или 5 японцев с предложением лидера маньчжурской партии Су участвовать в борьбе с республиканцами для восстановления династии. Сян Гуй сообщил баргинскому чиновнику, что эту партию поддерживает Япония, снабжает оружием и деньгами, при ее поддержке они надеются восстановить династию если не для всего Китая, то хотя бы для северной его части с Маньчжурией и Монголией, где у партии больше всего приверженцев. Бавужав согласился выступить в пользу восстановления династии, и в середине июня по указанию японцев предполагает двинуться в сторону Таонаньфу, чтобы занять этот город. Предполагалось, что одновременно выступят князья Внутренней Монголии, а также маньчжурские провинции и Ганьсу. По словам Су, в эту партию вошли цидикарский и гиринский губернаторы, в Мукдене — большин-

¹ Пу И, 1968, с. 66.

² Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 7 июня 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 117, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 110, д. 3129, л. 195.

³ Телеграмма Усатого из Хайлара от 7 июня 1916 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 196–196об.

⁴ Тогда же Бавужав отправил в семью к цинь-вану Су своего старшего сына Нунайжава и другого сына — Ганжуржава. Этот обмен укрепил между ними доверие (Lu, 1979, с. 17–23).

ство чиновников, кроме Чжан Цзолия. Японцы доставили Бавужаву значительное количество оружия, патронов, одежды, провианта, снабдили деньгами — по слухам, 200 тыс. лан. Они обещали ему, что Таонаньфу будет центром, и под его властью будут объединены хошуны Внутренней Монголии. В случае неудачи японцы обещали поселить Бавужава с семьей в Японии¹.

Товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов сообщил эту информацию российскому послу в Токио. Тот просил японское правительство исполнить обещание и предписать японскому консулу в Цицикаре выслать указанных японцев. Посланнику в Пекине он написал, что Усатому надо поручить разъяснить Шэнфу: японское правительство наравне с российским и английским признало китайского президента, поэтому баргуты должны с осторожностью относиться к попыткам привлечь их к движению за восстановление маньчжурской династии, а японское правительство отрицательно относится к деятельности японских агитаторов и обещало принять против них меры².

Следуя этому совету, Шэнфу уклонился от поездки к Бавужаву, отправив к нему чиновника. Через последнего Бавужав обратился к Шэнфу с просьбой содействовать снаряжению его отряда, просил 300 лошадей и 50 телег, обещая впоследствии заплатить за это. Для решения вопроса Шэнфу созвал старшин, которые постановили поставить 300 лошадей, лишь бы избавиться от Бавужава. Выступая в поход, Бавужав решил оставить женщин и детей своего отряда (всего ок. 500 чел.) на своей стоянке на р. Халх-гол. Для наблюдения за Бавужавом и при случае — переговоров с ним из Урги прибыл товарищ министра иностранных дел Чэндэ (Цэнд-гун). О намерениях Бавужава он должен был слать телеграммы Сайн-нойон-хану³.

Перед выступлением в поход Бавужав написал несколько писем и воззваний с объяснением необходимости восстановить маньчжурскую династию⁴. Он разослал их в Нийслэл-хурэ, цзяньцзуням маньчжурских провинций, князьям Внутренней Монголии. Бавужав призывал всех объединиться для реставрации. Копии одного из воззваний были расклеены в Хайларе. По совету Усатого Шэнфу приказал сорвать их⁵. О предстоящем выступлении с отрядом на юг Бавужав сообщил письмом Усатому. Среди прочего, Бавужав отмечал, что недоволен Кяхтинским соглашением 1915 г. и желанием Юань Шикая стать монархом⁶.

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 8 июня 1916 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 123–123об., ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 197–197об.

² Телеграммы Нератова послу в Токио от 8 июня 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 199; Телеграмма Нератова в миссию в Пекине от 10 июня 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 124.

³ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 200–200об.

⁴ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 272, д. 3129, л. 201–203, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 128–130; РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 77об.

⁵ Донесение Усатого из Хайлара в 4-й политический отдел МИД, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 208; МУУТА, ТБА, х. 170, д. 1, х.н. 390, бичиг 3 — в кн.: Ноёд, тайж..., 2019, с. 171.

⁶ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин от 18 июня 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 133, 140–142, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 205.

В послании князьям Внутренней Монголии Бавужав, Бумбажав и Санжжав писали, что Китай был в составе Маньчжурского государства более 250 лет, как и Монголия; в Китае произошла революция и стал президентом Юань Шикай; в Монголии должна быть власть хана Джебцундамба-хутухты и т.д.¹

В другом послании — в ямынь начальника сейма Цэцэнханского аймака Халхи говорилось о том, как хорошо жили монголы при маньчжурской династии, упоминалось о вхождении Халхи в империю Цин благодаря Богдо-гэгэну I. О Богдо-гэгэне VIII говорилось, что благодаря ему Монголия «освободилась от всех бед», он вступил на престол монгольского хана и принес свободу. Затем Бавужав собрал войско, пришел в Нийслэл-хурэ, встретился с Богдо, получил полномочия, отправился в поход за границы Халхи, неоднократно побеждал китайцев. Однако последние хитростью договорились с русскими, заключили тройственное соглашение, у монголов не было выбора, они подписали соглашение под принуждением. В результате были разделены Внешняя и Внутренняя Монголия, войска Внутренней Монголии отозваны.

И вот высокопоставленные цинские сановники решили восстановить империю, для этого направили Су-цин-вана. «Мы собираемся набрать войска и воевать с Китаем». Юань Шикай хитростью низложил Цинскую династию и создал Китай. Однако цинские чиновники продолжают употреблять старые знаки отличия — их продолжает раздавать Юань Шикай, и это обман. Он образовал республику «пяти рас» без настоящих нойонов и служащих. «Он сам похож на простолюдина [монг. ард. — *С.К.*] — как может он давать титулы вана и гуна?» Войска Бавужава не будут опасны для простых людей, а те, кто нарушает порядок, будут наказаны по закону. В войска монархистов должны поступать все. В особенности маньчжурские чиновники и нойоны будут награждены по законам государства Цин. Бавужав приглашал присоединяться маньчжуров, китайцев и монголов:

«Я необразованный человек, но, невзирая на это, вступайте в наши войска. Кто образован — пусть станут чиновниками, другие могут стать солдатами». Во Внешней Монголии Бавужав просил помощь (войска, чиновников, оружие, связных), просил прислать об этом официальное письмо, которое обещал ждать на походе. Целью объявлялось возрождение Срединного Цинского государства. «Этого лета среднего месяца 27-го числа мы будем в благоприятный день на миролюбивой земле Халх-гола снова поднимать флаг и печать». Послание подготовили «главный военный министр всеобщего войска возвышения из середины мира великого Цинского государства, Шударга-Батор, улсын-тушэ-гун Бавужав, вице-министр со степенью улсын-туслагч-гун с наследуемым почетным павлиньим пером третьей степени Бумбажав» и «вице-министр, начальствующий над всеми войсками, наступающими на Таонаньфу, командующий флангом переднего отряда солдат, имеющий степень улсын-туслагч-гун с почетным павлиньим пером Сэбджингэ»². Письмо заверено новой печатью с монгольским текстом: «Дун-

¹ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 26.

² Монг. Их Чин улсын Дэлхий дахиныг Дундадаас дахин мандуулах аймгийн түшмэл цэргийг Ерөнхийлөн захирах сайд, шударга баатар улсын түшээ гүн Бавуужав; дэд сайд, улсад туслагч

дадыг дахин мандуулах түгээмэл цэргийн ерөнхийлөн захирагч сайдын тамга» («Печать главного министра всеобщего войска вновь вызывающего Срединное [государство]»). Документ датирован по цинскому календарю: 27-й день среднего летнего месяца 8-го года Хэвт Ёст (то есть императора Пуи)¹.

Уникальность этих документов в том, что в них декларирована преемственность восстанавливаемой власти маньчжурской династии и монгольского Богдо-хана — то есть Богдо-гэгэна VIII и, возможно, юаньских императоров. Правда, неясно, как это представлял себе Бавужав: восстановление маньчжурского Богдо-хана с признанием такой преемственности должно было бы означать и восстановление его власти над Монголией — которая уже провозгласила независимость под властью Богдо-хана Джебцундамбы. Кроме того, противопоставляя Китай и Цинскую империю, Бавужав называл эту империю Срединным государством, то есть Китаем.

Согласно китайским «Хроникам монгольских земель», Бавужав вознес молитву о покаянии Юань Шикая².

Незадолго до выступления войска Бавужава в Хайлар прибыл японский консул в Цицикаре для того, чтобы узнать об участии японцев в агитации за восстановление династии и для контактов с Усатым. Приехав, консул Нихэй обнаружил, что все подозреваемые японцы убыли из Хайлара до 18 июня (2 июля н.ст.) и они не ответственны за расклейку на улицах Хайлара воззваний Бавужава с призывом присоединиться к нему. Нихэю сообщили, что Бавужав убыл в направлении Таонаньфу. По заявлению японского МИД, маловероятно, что по своему масштабу движение Бавужава затронет российскую сферу интересов; кроме того, российский вице-консул в Хайларе не выразил желание Нихэю, чтобы японцы предприняли какие-либо действия в отношении движения Бавужава; поэтому японскому правительству остается только наблюдать за дальнейшим развитием событий³. Таким образом, японский МИД предпочел не вмешиваться в участие японцев в действиях повстанцев.

Бавужав разделил свое войско на два отряда: один возглавил он сам, а другой возглавил Бумбажав с тем, чтобы они разными дорогами направились на юг для нанесения удара по г. Фэнтянь (Мукден). По другим данным, было три отряда: один — во главе с Сэбджингэ, второй — во главе с Хада, третий — во главе с Бавужавом. Первые два отряда напали на уезд Туцюань, чтобы отвлечь туда фэнтяньские войска, а третий (основные силы во главе с Бавужавом) дошел до Сыпина и получил там вооружение, японских инструкторов и медиков (более 20 чел.). Войско Бавужава шло под желтым знаменем империи Цин. Поэтому люди назы-

гүнгийн зэрэг, үе улиран залгамжлах гутгаар зэргийн тогосын отог Бүмбэжиб; дэд сайд бүгд Тао Нан фу-г урагшлан байлдах, өмнөд ангийн цэргийг захирах жигүүрийн сайд, улсад туслах гүнгийн зэрэг тогосын отго Сэбжингэ.

¹ ТХА, Сурвалж судлал, баримт мэдээллийн гар бичмэлийн сан, х. 2, д. 1, х.н. 500, хуудас 11.

² Лу, 1979, с. 80–82.

³ Меморандум МИД Японии от 17 июля 1916 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 217–217об.; телеграмма Усатого из Хайлара от 20 июня 1916 г. в миссию в Пекине, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3129, л. 206.

вали его «желтая армия». По дороге присоединялись многие монголы, численность войска росла¹.

«Первый отряд»², выступив с р. Халх-гол 27 июня (н.ст.) 1916 г., направился на Таонаньсянь. В конце июня этот отряд обнаружили солдаты мукденского заднего отряда в 150 верстах севернее Таонаньсяня. В первых числах июля из Ляоюаньсяня выступили части заднего отряда. Одновременно из Дальнего в полосе ЮМЖД появились отряды монархистов и занялись агитацией. Сам же Бавужав со «вторым» отрядом двинулся в том же направлении лишь 19 июля н.ст.³

Китайская разведка сообщала о быстром движении ок. 2000 монголов с р. Халх-гол. Тогда же пришли сообщения о том, что в Таонани Цзуншэдан поднял восстание, связавшись с иностранцами (очевидно, японцами), которые тайно усиливают их войска⁴.

Движение Бавужава было задержано сильным разливом р. Халх-гол. Примерно через две недели после выступления объединенные первый и второй отряды прибыл в Узэмчин, откуда должны были повернуть на Таонаньфу. Третий отряд во главе с Бавужавом находился верстах в 40–50 южнее Халхин-гола, следуя по тому же пути. Его сопровождали 4 или 5 японцев. От баргинцев он получил 300 лошадей, пытался мобилизовать людей. Он издал «Сообщение главнокомандующего войсками округа по восстановлению Великого Цинского государства, Преданного Богатыря, потомственного тушэ-гуна Бабучжаба» сановникам и управляющим хошунами Хулунбуира, начинавшееся ссылкой на историю, на управление Барги императорами, заявлением, что восстановление маньчжурского императора Дайцинской династии положит «начало преданности и существующей благодетельной связи с корнем нашего монгольского Богдо-хана». Надо усмирить оружием «дикий раздор непокорных начальству солдат». Приводился перечень статей о том, что запрещено и какие за это наказания: за потерю знамени, разглашение военной тайны, ограбление имущества честных людей и товаров китайских торговцев, изнасилование женщин, самовольное лишение людей жизни, хищение и потерю оружия, самовольную отлучку, разграбление храмов — расстрел, за случайное убийство, бегство из отряда и т.п. — порка⁵.

Еще примерно через неделю передовой отряд Бавужава прошел Узэмчин и находился в хошуне Тушэ-гуна Джеримского сейма. Китайское правительство пыталось договориться с ним мирным путем. В Хайлар прибыл командированный военным министерством чиновник Чэн Хэнши в сопровождении Чжэн Инци — офицера генштаба цичикарского цзяньцзюня. Чэн сообщил Шэнфу, что имеет по-

¹ Лу, 1979, с. 17–23, 42–43, 80–82. Более 20 японских инструкторов и медиков — по-видимому, неточная цифра (см. ниже). По другим данным, приводимым Лу (там же, с. 44–45), у Бавужава было 6 или 7 советников с японскими именами и 7–8 врачей.

² Объединенные силы Сэбджингэ и Хада, по-видимому, под общим командованием Бумбажава.

³ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 82–86.

⁴ Донесения гиринаго дучжюня Мэн Эньюаня от 8-го и 9-го числа 7-го мес. 5-го года Республики (8 и 9.07.1916) в ведомство сухопутных войск — в кн.: Лу, 1979, с. 108–109.

⁵ Телеграмма Усатога из Хайлара в Пекин от 11 июля 1916 г, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 112–115.

ручение министерства отправиться к Бавужаву, чтобы уговорить прекратить враждебные действия. Китайское правительство было согласно уплатить ему до 200 тыс. лан серебра, отвести ему и его людям место для поселения, разрешить их семьям туда поселиться. Иными словами, правительство принимало выдвинутые ранее условия Бавужава¹. Однако по факту эти переговоры китайцы использовали, чтобы выиграть время для подхода своих основных сил — карательного отряда.

В этот период китайцы, не имея достаточно сил, в столкновения с монголами не вступали и только вели разведку их движения. Карательный отряд возглавил генерал У Цзюньшэн (уже имевший опыт войны с Бавужавом). Первое столкновение карательного отряда с монголами под командой Хада и Сэбджингэ произошло 26 июля (н.ст.) севернее г. Туцюаньсяня, второе — 28 июля близ того же города. Монголы победили и заняли город².

По донесению начальника военного округа Таоляо У Цзюньшэна, его отряд 14/27 июля потерпел поражение от войск Бавужава, значительно превосходивших его, и отступил к г. Туцюаньсянь. Утром 15/28 июля Бавужав настиг его в 80 км севернее этого города и вновь разбил. В обоих боях китайцы потеряли убитыми более 130 чел. и ранеными более 100. В левое предплечье пулей и в ногу пашкой был ранен У Цзюньшэн, когда во время смотра его войск на них налетели монголы, а затем быстро удалились. У Цзюньшэн передал командование своему помощнику Гэн Юйтяню и был доставлен в больницу по железной дороге. Китайцы добрались до г. Туцюань и соединились с его гарнизоном. У Цзюньшэн просил двинуть туда подкрепление. Одновременно усилилась деятельность Цзуншэда. Су прислал своих эмиссаров в район боевых действий подкупать китайских солдат и офицеров. В Дальнем появились известные монархисты Чжоу Цзыпи и Сюэ Дакэ. Были слухи о скоплении в японской полосе отчуждения у железной дороги большого числа монархистов, им в поддержку ожидалась новая группа из уезда Фушунь³. Потери монголов составили 2 командира (японец и монгол Бата). Положение карательного отряда было критическим. Он вынужден был отступать к Таонаньфу, чтобы пополнить силы для наступления⁴.

Об этом чжэнь-шоу ши (комиссар военно-полицейской службы, командир гарнизона) уездов Таонань и Ляо по имени У телеграфировал: «Вторглись 2000 чел. Бавужава, окружили нас с четырех сторон, вторглись в Туцюань, жгли, убивали, брали в плен. На 4-й день бандиты стали отступать по уездной дороге, так как на встречу им вышли войска. Сражались 2 сут., выведены из строя 2 их командующих и 8 бандитов». Согласно телеграммам дучжюня (губернатора, имевшего военную и гражданскую власть) Гирина — Мэн Эньюаня от 30 июля и 5 августа 1916 г. в гос-

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в 4-е политическое отделение МИД от 19 июля 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 224–224об.

² РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 82–86; Лу, 1979, с. 1–10, 80–82.

³ Донесение генерального консула Колоколова из Мукдена в 4-е политическое отделение МИД от 24 июля 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 227–228об.; Лу, 1979, с. 17–23, 42–43; Вестник Азии, 1916, кн. 2–3 (№ 38–39), с. 206. О консуле Колоколове см.: Колоколов, 2007, с. 3–68.

⁴ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 82–86; Лу, 1979, с. 1–10.

совет и ведомство сухопутных войск Китая, главы местных членов Цзуншэда — Шао Жунсюнь и др. вместе с японцами привели несколько тысяч «разбойников», организовали оборону, поставили пулеметы и т.д. Их цель — диверсия (подрыв нескольких японских лавок), чтобы создать повод для вмешательства японцев. По донесению тайного агента, внедренного в Цзуншэдан, 2300 чел. этой партии идут к г. Чанчунь, где есть 72 японских предприятия. Все ценное оттуда будет вывезено, а предприятия — подорваны, чтобы создать прецедент. В город войдут «монгольские разбойники», трудно будет определить, где они, а где — японские войска, трудно будет препятствовать. Необходимо отрезать монголов от отрядов Цзуншэда. Мэн получил ответ из госсовета 6 августа: продолжать держать оборону¹.

Некоторые княжества Внутренней Монголии выразили готовность присоединиться к Бавужаву². Во Внешней Монголии четыре министерства разослали документ местным властям, извещавший о том, что Бавужав снова делает вылазки³. Появились сведения, что в действиях партии Цзуншэдан участвуют 6 японцев, а в разных местах Южной Маньчжурии до Чанчуна находится до 10 тыс. вооруженных членов этой партии, которые собираются соединиться с Бавужавом⁴.

Активным сторонником движения за реставрацию стал Харачин-ван Гунсэньноров, который приходился зятем цинь-вану Су. Он пытался использовать помощь Японии. В свое время через Гунсэньнорова к Су неоднократно обращался Шэн Юнь, пытаясь организовать в Монголии движение за реставрацию императорской власти. С Гунсэньноровом после смерти Юань Шикая пытался связаться следующий президент Ли Юаньхун, зная о его тесной связи с Су. Однако тот отверг все предложения⁵.

К началу августа положение китайских войск в северо-восточной Монголии было критическим. Поражение отряда У Цзюньшэна, взятие в плен полковника Чэня, смерть полковников Чжана, Тао и других офицеров, успехи хорошо вооруженных монголов, жара в степи при отсутствии воды и т.д. вели к массовому дезертирству китайских солдат⁶. В сентябре 1916 г. дутун Чахара — Хэ Цзунлянь телеграфировал да-цзунтуну (главнокомандующему): у «бандитов» меняется обстановка, по данным разведки число их растёт, они устраивают беспорядки на монгольской границе, необходимо потребовать от Урги отозвать их. По донесению монголов Абага-вана Янсэна (князь одного из хошунов Авга), Мэйлинь Дамба (видимо, мэрэн Дамба) из хошуна Дзун-Узэмчин и тайного осведомителя разведки «северной дороги» (то есть Монголии), «бандиты» Бавужава открыто набирают войска, покупают лошадей и в храме Гудзимяо хранят очень много оружия и боеприпасов. По сведениям указанного осведомителя, лишь за два дня

¹ Лу, 1979, с. 110–113.

² Донесение Усато из Хайлара от 22 июля 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 226.

³ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 47.

⁴ Донесение М. Лаврова из Куанчэньцзы от 28 июля 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 230–230об.

⁵ Abe, 2007, p. 53–57.

⁶ РЗО от 15 августа 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 68–70.

в ближайшие хошуны было отправлено несколько юрт и 100 телег, количество «бандитов» увеличилось на 1000 чел. Эти сборы делаются для нападения на Узэмчин или ставку Абага-вана, якобы для захвата там оружия и последующего ухода в Россию, где к ним присоединятся люди других национальностей. Главком наложил на эту телеграмму следующую резолюцию: «Мне доложили обо всем этом, всё передаю на рассмотрение Монголо-тибетской комиссии и ведомства сухопутных войск»¹.

По сведениям маньчжура Чжана — агента монархистов, присланного в Северную Маньчжурию и Баргу для руководства пропагандой — монархическое движение в Маньчжурии и Монголии было организовано японцами для восстановления маньчжурской монархии в составе трех провинций Маньчжурии и Внутренней Монголии под протекторатом Японии, которая снабжала монархистов деньгами и оружием, давала офицеров-инструкторов, гарантировала успех движения, во главе которого стоял князь Су. По словам Чжана, у монархистов на июль 1916 г. было 15 тыс. обученных японцами солдат, всего предполагалось набрать и обучить 30 тыс. с соответствующим числом резервов. Велась пропаганда в маньчжурских войсках. Якобы было обеспечено сочувствие генерала Сюя Ланьчжоу. Цицикар обещал воздерживаться от посылки войск против монархистов. Крупномасштабную военную операцию в Маньчжурии предполагалось начать в августе, когда будут закончены все приготовления². В финансировании монархистов принимали участие японские фирмы. Были сведения, что компания «Мицубиси-кайса» внесла 2 млн. иен в монархическое общество приверженцев Цинской династии для ее восстановления³.

По агентурным данным, войска Хэйлунцзянской (Цицикарской) провинции разделились на две партии. Во главе первой стояли Ин Шунь, Ба Ин-э, командиры полков Шуань Цюань, У Шицзе и представители местной интеллигенции. «Партия эта, войдя в соглашение с Бабучжабом и японцами, думает выступить против второй партии, во главе которой стоят Сюй Ланьчжоу, Жэнь Годун и начальники некоторых войсковых частей». Сюй Ланьчжоу располагал 11 инами пехоты, артиллерией, пулеметной ротой и др., Ин Шунь — лишь 7 инами кавалерии. Предполагалось убить Сюя Ланьчжоу и Би Гуйфана (командующего и губернатора Хэйлунцзянской пров.), затем объявить независимость провинции. Японцы обещали Ин Шуню всестороннюю поддержку. В связи с этим, в Цицикаре была учреждена должность японского военного агента⁴.

¹ Доклады государственного совета обороны Китая — в кн.: Лу, 1979, с. 94–103.

² Телеграмма генерального консула в Харбине от 25 июля 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 234–235. Сюй Ланьчжоу (1872–1951) — военный деятель. С 1895 г. проходил службу в составе «новой армии» Юань Шикая, с 1908 г. командовал войсками Хэйлунцзянской пров. В 1917 г. на некоторое время стал военным губернатором этой провинции. Был одним из влиятельных генералов Фэнтяньской группы.

³ Копия донесения Штаба Приамурского ВО от 10/12 августа 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 257.

⁴ Копия перевода секретного донесения агента штаба командующего войсками Хэйлунцзянской пров. от 12 августа 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 950, л. 36.

К августу 1916 г. силы Бавужава сильно увеличились от присоединения к нему харачинских хошунов и отдельных партий монголов из других хошунов. Но он вынужден был прекратить дальнейшие активные действия из-за недостатка оружия и, главным образом, патронов. Перед выступлением Бавужав имел всего по 150 патронов на винтовку, винтовок было 7000. Дальше запасы должны были пополнять японцы, но из-за блокирования китайскими войсками путей сообщения с Внутренней Монголией эти поставки не удалось¹.

24 августа 1916 г. Бавужав захватил местность Лутэту. 28 августа он прибыл в хошун Барун-Узэмчин и остановился в юрте около ставки вана. Служащий вана рассказал следующее. С прошлого года Бавужав набрал людей из 13 хошунов, включая Ар-Хорчин и Барин. Их распределили в 13 «лагерей» (частей). Начальник — Бавужав, его заместитель — Бумбажав. Под началом командира каждого «лагеря», или «знамени» — более 200 чел. с 3–4 лошадьми на каждого. Взятых в Гудзимяо скорострельных винтовок — более 800, несколько обозов боеприпасов. Согласно тайному донесению приближенного к ставке вана, из Урги к Бавужаву тайно прибыл командир «Сулуньгун». Через него осуществляется связь Урги с Бавужавом. В документах из Урги были приказания прекратить бесчинства, а иногда — «коварные планы по изменению ситуации»².

«Военные Цицикарской пров. считают настоящее движение Бабучжаба в пользу восстановления Дайцинской династии более серьезным, чем восстание монгол Джасакту-ванского и других хошунов в 1912 г. <...> Войну с монголами китайцы считают трудной потому, что монголы — отличные знатоки местности, хорошие стрелки и на хороших лошадях. При этом действия они ведут партизанские; обычно нападают внезапно, исчезают внезапно, и, произведя панику и большие опустошения в китайских войсках, исчезают почти без потерь»³.

Поход Бавужава японцы называли «походом на 10 тыс. ли» (по аналогии с Великой китайской стеной). В это время некоторые японские газеты печатали заметки, прославляющие Бавужава как воплощение Чингис-хана и героя борьбы за независимость Монголии. Бавужав переправился через р. Ляохэ, чтобы нанести удар по провинциям Гири и Фэнтянь⁴.

Положение китайского карательного отряда улучшилось после прибытия подкреплений, в основном артиллерийского ина 27-й дивизии с 4 полевыми орудиями при 200 снарядах и 8 пулеметах. С назначением интенданта 27-й дивизии Тао Лэнчуана главным интендантом экспедиции улучшилось довольствие войск. Были высланы топографические карты, так как оказалось, что уже давно находившийся там задний отряд совершенно незнаком с местностью. Главное командование не было сосредоточено в одних руках, что способствовало хаосу. Поэтому министерство командировало генерала Ян Сичуана, для которого Чжан

¹ Донесение Усато в 4-е политическое отделение от 19 августа 1916 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 246.

² Доклады госсовета обороны Китая — в кн.: Лу, 1979, с. 104–105.

³ РЗО от 7 августа 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 66–67.

⁴ Лу, 1979, с. 1–10, 32.

Цзолиню было поручено сформировать штаб (но о передаче власти не упоминалось). У монголов от японцев было много пулеметов. Численность монголов китайцы оценивали в 10 тыс. Для борьбы с доставкой им оружия Чжан Цзолинь сформировал отдельный отряд из 90 кавалеристов 27-й дивизии и 80 кавалеристов 28-й дивизии, которые были вооружены лишь револьверами. Они в гражданской одежде под видом хунхузов обыскивали арбы и подводы, сопровождаемые японцами, для конфискации военных грузов для монголов. Экспедиция против монголов за 2 нед. обошлась в 150 тыс. долл., и Чжан Цзолинь обратился в Пекин за новыми ассигнованиями в связи с отсутствием средств в Мукденской пров. На японской концессии в Чанчуне было до тысячи монархистов, из которых половина была рассеяна войсками, но 500 остались. 14 августа ночью 100 монархистов напали на 1-й ин соляной монополии у м. Мэнцзатун у Чанчуна, убили 4 солдат, ранили 2, отобрали 40 новых ружей, 20 тыс. патронов, 8 лошадей. Все это они увезли через японскую ст. Сыпингай в комитет монархистов. Из китайских войск продолжалось дезертирство¹.

Бавужав продвинулся на юго-восток через Туцюань (уезд Таонань) и вторгся в уезд Ляоюань, центром которого был одноименный китайский город у железнодорожной ст. Чжэнцзятунь². В то время в Чжэнцзятуне размещался японский отряд, создавший там «инспекционно-предупредительное ведомство». Войско Бавужава потерпело поражение от войск 28-й фэнтяньской дивизии под командой генерала Фэн Лингэ. Видя поражение Бавужава, японцы заявили, что на территории, прилегающей к ЮМЖД, нельзя вести военные действия и поэтому нельзя преследовать монголов. Они всячески препятствовали в этом 28-й дивизии, размещавшейся в п. Юйшэндянь в районе Чжэнцзятуня³.

13 августа 1916 г. там произошел серьезный японо-китайский инцидент. Какой-то ребенок случайно бросил семена дыни на одежду японского торговца К. Ёсимото. Тот стал бить ребенка. Рядом шел китайский солдат 28-й дивизии. Он увидел это и стал выяснять отношения. Начала собираться толпа. Ёсимото ретировался, пошел в японское консульство и рассказал об этом. Тогда японский полицейский с торговцем пошли в лагерь 28-й дивизии. Поставые солдаты не пустили их, говоря, что командующего нет и разрешить войти никто не может. Японский полицейский ушел и вернулся с более чем 20 японскими солдатами. Они избили поставых и вошли в лагерь. Тут появился китайский командующий и вежливо принял японцев, чтобы избежать конфликта. Вдруг из внутренних покоев вышел солдат и выхватил пистолет, японцы — тоже. Началась перестрелка. Погибло 4 китайца, несколько было ранено, японцев погибло 7, еще 5 умерли от ран позже. Затем китайские солдаты окружили японские казармы. Вечером китайский начальник уезда Ляоюань отправился на переговоры с японцами. Последние вызвали подкрепление. 21 августа китайские войска вынуждены были

¹ РЗО от 15 августа 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 68–70.

² Эта колонизированная китайцами территория Джеримского сейма Внутренней Монголии была присоединена к северу Мукденской пров.

³ Лу, 1979, с. 62–72.

согласиться с требованием не приближаться ближе, чем на 30 миль к железной дороге Чжэнцзятунь – Сыпингай. В результате инцидента японцы сумели защитить повстанцев Бавужава от китайской армии и укрепить свои позиции на переговорах с Китаем¹. В связи с этим инцидентом в Токио состоялся митинг ок. 200 чел., включая членов парламента, который потребовал, в частности, вывода китайской полиции и войск из Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии. «Японии будет вверено там установление мира и порядка»².

Бавужав прошел южнее в уезд Лишу. Там его люди стали грабить большую китайскую лавку, в которой было много пороха. По неизвестной причине произошел взрыв, погибли ок. 20 монголов. Услышав громкий взрыв, китайские отряды У Цзюньшэна и Вань Фулиня одновременно нанесли артиллерийские удары и сравняли эту лавку с землей. Начались бои. У Бавужава погибло 200–300 чел., было ранено 300–400. Позже на месте лавки Вань Фулинь поставил табличку, что тут была одержана победа³.

Бавужав стал отступать вдоль ЮМЖД на север — в сторону ст. Гоцзядянь (южнее г. Чанчунь). По дороге умерло более 100 раненых. Чжан Цзолинь отправил подкрепление фэнтяньским войскам, чтобы перехватить монголов на ст. Гоцзядянь и не дать им соединиться с людьми из Цзуншэда. Он также связался с дучзюнем Гирина — Мэн Эньюанем⁴.

Отряд Бавужава имел транспорт боевых и продовольственных припасов на 100 верблюдах, несколько пулеметов и пушки. Раненых везли на бычьих повозках. По просьбе японского консула в Чанчуне Яманучи маньчжурский отдел японского Красного креста отправил из Дальнего группу в составе врача, санитаря и двух медсестер для ухода за ранеными повстанцами. Этот отряд принял 80 раненых монголов в г. Гоцзядянь после его занятия монголами⁵.

Отряд Бавужава занял г. Гоцзядянь у одноименной станции 15 августа. В районе храма Бэньсумяо в хошуне Джаруд (восток Джоудаского сейма) он вступил в бой с фэнтяньским конным отрядом в 200 чел. и пехотным отрядом более 1200 чел. У китайцев погибло 70–80 конников и 1000 пехотинцев (остальные разбежались), у монголов — 100–200 чел. Люди Бавужава сумели рекрутировать в Хайлуне (район Цицикара) 3000 пеших китайцев (в основном, хунхузов). Они были полностью оснащены, передвигались ночью, занимались грабежами⁶.

16 августа до 4000 людей Бавужава напали на полицейский пост в Мэнцзятуне к югу от Чанчуна и сожгли полицейскую казарму. Из 40 китайских полицейских, пытавшихся отстреливаться, 30 было убито или тяжело ранено. Ограбив соляную

¹ Lu, 1979, с. 62–72; Wang, 2018.

² Забайкальская новь, 18.09.1916.

³ Lu, 1979, с. 44–45.

⁴ Lu, 1979, с. 1–10, 32, 44–45.

⁵ Вестник Азии, 1916, кн. 2–3 (№ 38–39), с. 207–208.

⁶ Lu, 1979, с. 44–45.

контору в Мэнцзятуне, повстанцы ушли на Датун. В первую очередь, они забирали ружья и патроны¹.

Действия монголов и монархистов отмечались в районе станций Шуанмяоцзы, Сыпингай, Гунчжулин, в уездах Ляояюаньсянь, Чанлинсянь и др. С 22 по 29 августа происходили столкновения монголов с китайскими войсками в 8 верстах от Чанлинсяня, в районе ст. Сыпингай, у г. Сифынсянь (м. Баньлашаньмынь), у м. Синьцзичан, у г. Лишусянь, у ст. Гоцзядянь. К сентябрю в этих районах против монгольских повстанцев и монархистов было собрано 21 ин пехоты, 21 ин и 8 эскадронов конницы, 4 ина артиллерии, 4 пулеметных команды, по 4 роты саперных и обозных войск Мукденской, Гириной и Цицикарской провинций².

У Бавужава было много раненых, мало провианта и боеприпасов. Его войско по дороге грабило население (монголов и китайцев — в основном купцов и постоялые дворы). В окрестностях ст. Гоцзядянь все деревни были разграблены³.

9/22 августа 1916 г. в Гоцзядянь на усиление отряда Бавужава прибыли 800 чел. из Цзуншэда на командой Лэ Вана⁴. В тот же день около Гунчжулина и Гоцзядяня войска 28-й фэнтяньской дивизии окружили отряд из примерно 600 монголов. Гибель последних была неизбежна, но вмешались японцы и, в связи с близостью к полосе отчуждения, потребовали прекратить стрельбу⁵. Это требование обосновали тем, что монголы и китайцы стоят по разные стороны железной дороги и при их перестрелках под огонь попадают охраняющие дорогу японские войска. Монголы прекратили стрельбу, но китайцы обстреляли японских парламентариев с японскими флагами, ранили под ними лошадей и стали наступать на монгольский лагерь. Тогда два японских офицера вторично отправились на позицию китайцев. Последние прекратили преследование монголов. Монголы покинули лагерь от неожиданности нападения, и потеряли 43 убитыми. Китайцы сожгли лагерь монголов, затем, подчиняясь угрозе японцев удалить их силой, отошли на 5 миль от Гоцзядяня⁶.

После требований японцев Чжан Цзолинь понял, что у ЮМЖД уничтожить монголов не удастся, и решил удалить их от железной дороги. Он послал советника в Гоцзядянь связаться с японскими офицерами. Советник стал их уговаривать, чтобы монголы вернулись обратно. Японцы не разрешили расквартировывать китайские войска ближе 30 ли к ЮМЖД⁷.

Отряд Бавужава более 2 нед. простоял под защитой японских войск на ст. Гоцзядянь. Они не могли прорваться через кольцо китайских войск. Под конец мон-

¹ Китай и Япония, 1916, № 244, с. 29–30. Численность людей Бавужава преувеличена.

² РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 82–86.

³ Лу, 1979, с. 24–30, 76–79.

⁴ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 29, л. 25–27об.; Лу, 1979, с. 24–30, 62–72.

⁵ Донесение Афанасьева из Цицикара в миссию в Пекине от 18 августа 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 950, л. 34–34об. По китайским данным, фэнтяньских войск было ок. 100 тыс. — это преувеличение (Лу, 1979, с. 17–23).

⁶ Вестник Азии, 1916, кн. 2–3 (№ 38–39), с. 208.

⁷ Лу, 1979, с. 90–92, 116–117.

голы там оказались в тяжелом положении. Для пропитания они вынуждены были продавать своих верховых лошадей (было продано будто бы 500–600 лошадей)¹.

10/23 августа к Бавужаву прибыл посредником подполковник Кикучи — военный советник при мукденском генерал-губернаторе. От его имени он предложил Бавужаву распустить войска по домам, обещая от имени китайцев прекратить преследование. В ответ Бавужав жаловался на невнимание китайцев к монголам со времени установления республики, противопоставлял этому великие благодеяния монголам от маньчжурской династии. Он говорил, что поднял восстание потому, «что уверен с появлением со смертью Юань Шикая сотен таких же маленьких Юаней, от которых монголы не могут ожидать ничего хорошего. Монголы соединились со сторонниками династии, чтобы восстановить ее на троне, выделив для этого из Китая Маньчжурию и Монголию». Он не дал определенного ответа Кикучи².

Казалось бы, это объяснение Бавужава отражает концепцию цинь-вана Су и тех японцев, которые стремились создать государство Маньчжурия–Монголия (Ман-Мо). Но приведенные выше воззвания Бавужава показывают, что он надеялся на создание не единого государства, а союза двух государств — Монголии и Маньчжурии.

В результате дальнейших переговоров было заключено соглашение на следующих условиях: монгольские войска должны в течение 10 дней уйти на запад; они имеют право запастись необходимым для отступления провиантом; они обязуются не производить грабежей; китайские войска не будут преследовать монголов³.

Следует отметить, что вопрос о вывозе отряда Бавужава по железной дороге дальше на север не рассматривался: отряд стоял у границы ЮМЖД, севернее была уже КВЖД под управлением России. Вряд ли Бавужав мог получить разрешение на провоз своих войск по этому участку. Поэтому приходилось уходить на запад от линии железной дороги, на которой монголы могли быть в относительной безопасности.

20 августа/2 сентября Бавужав выступил во Внутреннюю Монголию. 2/15 сентября произошел бой китайцев с монголами, затем гиринские и мукденские войска собирались их окружить и заставить сложить оружие или уничтожить. Но на выручку снова пришли японцы, взявшие на себя посредничество в соглашении. Монголы и люди из Цзуншэда согласились выплатить местным китайским властям все их военные расходы в сумме 20 тыс. долл., возратить китайским войскам израсходованные ими патроны — 1 млн. шт., уплатить за каждый шан вытопанных хлебов по 25 долларов; монголы должны были мирно вернуться в те места, откуда прибыли, и больше не восставать. На этих условиях китайские войска согласились не преследовать их⁴.

¹ РЗО от 15 сентября 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 77–79.

² Китай и Япония, 1916, № 245, с. 42.

³ Климов, 1945, с. 115.

⁴ РЗО от 15 сентября 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 77–79.

В период нахождения на ЮМЖД Бавужав поддерживал связь с Баргой. По словам Усатого, 24 августа в Хайлар прибыл посланец Бавужава со ст. Гоцзядянь и привез для Шэнфу официальное письмо от 19 августа. Посланец сообщил, что к Бавужаву присоединилось 2000 китайцев-монархистов, прибывших по железной дороге из Дальнего. Теперь у него было более 7000 солдат в окрестностях Чжэнцзятуня. Содержание войска оплачивалось деньгами, которые доставляли японцы. В частном письме Бавужав просил Шэнфу покровительствовать и содействовать семьям его солдат, оставленным на р. Халх-гол. В Пекин поехал Линшэн, как говорили — для выяснения позиции правительства по Бавужаву¹.

Через месяц Бавужав прислал еще одно послание Шэнфу, одновременно прислав предписания гунам Нэрэмпилу (Нуремпил) и Минбо, а также ухэриде Чибсэнгэ. Нэрэмпил раньше служил в Урге, недавно прибыл в Хайлар, собираясь вернуться во Внутреннюю Монголию, у него было около сотни людей, кочевавших в «хошуне цзюнь-вана» Цэцэнханского аймака. Минбо был начальником телеграфа в Урге. Бавужав предложил Нэрэмпилу, Минбо и Чибсэнгэ явиться к нему: первым двум — с 500 людьми, последнему — с 500 лучшими солдатами, лошадьми, оружием, обмундированием. По словам Бавужава, у него было 1000 маньчжурских солдат, присланных цинь-ваном Су, с которыми Бавужав прибыл в местность Чжанисянь хошуна Тушэту. Усатый рекомендовал Шэнфу не исполнять требование Бавужава². Бавужав так и не смог мобилизовать баргутов.

Во время отступления монгольские повстанцы рассеивались для фуражирования. В начале сентября они ограбили уезды Лишу, Шуаншань, Хуайдэ. Поскольку гиринский дучзюнь не мог атаковать их в силу соглашения, этим занялись местные китайские ополченцы. 4 сентября Бавужав и его люди дошли до района Чаоянпо в уезде Хуайдэ. Местные жители и полицейские вступили с ними в бой. В результате был ранен японский инструктор. Пользуясь этим, японцы прислали войска в Чаоянпо, чтобы организовать контрнаступление Бавужава. Но оно было отбито фэнтяньскими войсками³.

Итак, обратное движение отряда Бавужава сопровождалось столкновениями с китайскими войсками, несмотря на соглашение и защиту со стороны японцев. Из-за этих столкновений близ ЮМЖД мелкие группы монголов неоднократно возвращались в полосу отчуждения железной дороги. С 3 по 19 сентября (н.ст.) произошли столкновения севернее г. Кайюаньсянь у м. Машэнпу, в д. Чаовопу в 15 верстах севернее Гунчжулина, на границе Лишусяня и Хуайдэсяня, в Синхэкоу в 13 верстах от Гунчжулина, у м. Сытайцзы, у м. Чжайцзячэнцзы в 15 верстах восточнее Ляююаньсяня, в м. Ламачжаопу в 10 верстах восточнее Чанлинсяня, в м. Байюньчан в 50 верстах севернее Ляююаньсяня, у Яньцзядачэнцзы. Уходяв-

¹ Письмо Бавужава, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 272; Телеграмма Усатого из Хайлара от 27 августа 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 250–250об.

² Телеграмма Усатого из Хайлара от 27 сентября 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 205–207; ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 5, рукопись. Цзюнь-ван — имеется в виду Илдэн-джун-ван Доржпалам.

³ Лу, 1979, с. 1–10.

шие монголы заняли Чаоянпо, Чэньхэйлинцзы, Хуайдэсянь и Чанлинсянь. Эти столкновения и обстрелы китайцами отступавших вынудили японские власти потребовать от китайских военных властей установления нейтральной полосы по линии Шуаньтайцзы (у Инкоу) – Синминсянь – Лаоюаньсянь – Янцзадачэнцзы – Хуайдэсянь – Чанлинсянь – Нунаньсянь. Однако эта мера не привела к желаемым результатам: 20 сентября в м. Мяоцзадачэнцзы близ Янцзачэнцзы монголы были вновь атакованы китайскими войсками. Теперь японцы оставили за собой свободу действий. Японский отряд вынужден был конвоировать монголов дальше¹.

20 сентября произошло столкновение с отрядом генерала Чжэнь Годуна в 25 верстах западнее г. Тайлайцзы. По подходе к китайцам пехоты, монголы отступили к северо-западу. В китайской кавалерии было убито и ранено 10 офицеров и 100 солдат². 9/22 сентября в Фуцзядяне поднялась тревога: из Чанчуня прибыло 600 монархистов, вооруженных винтовками и револьверами, они каждый вечер мелкими партиями под видом покупателей входили в лавки и грабили. Было ограблено несколько фирм. Кроме того, монархисты вели агитацию за вступление в их партию, раздавали воззвание с призывами к реставрации³.

Китайским войскам было строго запрещено нарушать соглашение об установленной японцами нейтральной полосе, и к концу сентября передовые отряды Бавужава вступили в хошун Тушэту-вана⁴.

Вместе с тем, местные маньчжурские власти уделяли серьезное внимание разработке мер противодействия повстанцам. Об этом свидетельствует интенсивная переписка по телеграфу между госсоветом, дущюнем Гирина Мэн Эньюанем, другими чиновниками⁵. Губернатор Би предложил следующие меры противодействия монголам: предписать командирам бригад Жэнь и Инь объехать местности в окрестностях г. Далайсянь, Тацзычэн и по рекам Чол и Оа для избрания пунктов, важных в военном отношении, чтобы оставить там гарнизоны; предложить князьям Дербета и Горлоса принять меры предосторожности, чтобы не быть застигнутыми врасплох; просить монгольских князей скорее добиться сдачи «шаек монголов», попавших в критическое положение; просить князей немедленно приступить к созданию полицейских войск и милиции для охраны границ их хошунов и подавления восстания; учредить должность главнокомандующего отрядами, отправленными против монголов; обязать командиров бригад Жэнь и Инь не скупиться на награды отличившимся войскам; не разрешать начальникам уездов в Монголии самостоятельно покидать свои посты; просить гиринского и мукденского губернаторов об отправке подкреплений⁶.

¹ В японском отряде, охранявшем отход монголов, было 300 чел. (РЗО от 16 февраля 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 211–213).

² Телеграмма консула в Цицикаре от 24 сентября 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 950, л. 41.

³ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 77об. Обзор боев Бавужава с китайскими войсками в августе – сентябре 1916 г.: РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 82–86, 98–99об., 147–148об.

⁴ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 82–86.

⁵ Лу, 1979, с. 94–157.

⁶ Сообщение Симонолевича из Цицикара в вице-консульство в Хайларе от 6 октября 1916 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 7–7об.

В последней декаде сентября Бавужав, отступая к Халхин-голу, прошел через китайский уезд Шуанляо, «Кэ-цзо-чжун Алукуэерцин» (хошун Ар-Хорчин), «Чжалутэ» (Джаруд), «Балинь» (Барин) — то есть через сеймы Дзосоту и Джоуда. Когда они проходили уезд Чжаньюй (сейчас уезд Туньюй пров. Гирин), все пешие китайцы (1000 чел.) ушли из войска Бавужава: они боялись замерзнуть насмерть, так как отряд шел на север, чтобы перейти Хинган. Вместе с тем, в отряд поступала монгольская молодежь из указанных хошунов — примерно по 500–600 чел. из каждого. Проходя через хошуны Дзун- и Барун-Барин, повстанцы собрали много хороших лошадей. В этих хошунах жили несколько сот семей китайских колонистов. При приближении Бавужава кто мог уехал, а оставшиеся женщины и дети были собраны в ставке князя¹.

В конце сентября монголы уничтожили китайскую сельскохозяйственную станцию в уезде Кайтунсянь, захватили и сожгли уездный город Чжанюйсянь. Тогда же в районе Солуньшань сформировался отряд монголов в 1000 чел. Этот район вскоре стал одним из центров деятельности монгольских повстанцев (см. ниже). Административным центром этого района было местечко на границе монгольского хошуна Джалайт и Барги. По-монгольски оно называлось Цаган-тохой, по-китайски — Солуньшань. Когда-то там оперировал отряд монгольских повстанцев под командой Тогтохо. Это был стратегический пункт на границе Цицикарской провинции. Китайцев там было 10 дворов, а всего — 100 дворов (остальные — харачины, солоны и дауры). Население было в основном земледельческое. Районом управлял чиновник в звании умиротворителя. Планировалась китайская колонизация².

Монгольский отряд из Солуньшаня двинулся на соединение с главными силами Бавужава. Общая численность повстанцев достигла 8000 чел. Это войско называли «10 тыс.» (монг. нэг түмэн)³.

В начале октября войско Бавужава разделилось на три части. Одна из них двинулась к Таонаньсяню. Вторая (3000 чел. во главе с Бавужавом) пошла в Жэхэ к г. Линьсисянь. Третья вторглась в уезд Ляоюаньсянь, где при столкновении с китайскими войсками погибло ок. 300 монголов, после чего оставшиеся разделились на мелкие отряды, которые ушли в Кайтунсянь, Чжанусянь и Исянь. Главные же силы — 2000 чел. стали стягиваться к северному берегу р. Ляохэ и угрожали занятием Тунляочжэня, но разлив Ляохэ задержал их⁴. В октябре 1916 г. люди Бавужава ограбили китайских торговцев в хошуне Дзун-Узэмчин⁵.

Бавужав двинулся на уездный г. Линьси (Линьсисянь), чтобы захватить его. Этот город китайцы считали «воротами на север» пров. Жэхэ, поскольку этот

¹ Лу, 1979, с. 1–10, 34–36, 42–43, 56–57.

² Разведки штаба Заамурского округа от 7 и 25 августа 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 66–67, 98–99об.

³ Лу, 1979, с. 42–43.

⁴ РЗО от 25 октября 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 98–99об. По китайским данным, под личным командованием Бавужава было не 3000, а 5000–6000 чел. (Лу, 1979, с. 32).

⁵ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 25.

важный пункт контролировал участок границы между Китаем и Внутренней Монголией. В свое время в этот город были введены войска по приказу Юань Шикая для того, чтобы контролировать границу с восставшей Монголией. Дутун пров. Жэхэ Цзян Гуйти приказал Ми Чжэньбяо (о котором говорилось выше) оборонять Линьси. Тот исполнял эту службу со 2-го по 5-й год Китайской республики (1913–1916 гг.). Для поощрения ему дали феодальный титул чжэн-бэй-хоу («маркиз, умиротворяющий север»)¹.

Китайцы в г. Линьси получили информацию о приближении монголов и смогли подготовиться. Гарнизон города составляли войска ицзюнь. Это были выходцы из провинций Шаньдун и Хэнань. Командовал гарнизоном чжэнь-шоу ши Ми Чжэньбяо. Он послал дутуну пров. Жэхэ Чжан Готину телеграмму с просьбой принять меры, поскольку Ми отправил ранее Чжану «5 лагерей и 3 знамени» солдат для спасения Кайлу, и оборона Линьси стала слабее. Ми получил ответ, чтобы он твердо оборонял Линьси, а если потеряет город — пойдет под трибунал. 6 октября навстречу Бавужаву из города на разведку по западной и восточной дорогам были направлены 4 «лагеря» пехоты и 4 — конницы. Конницей командовал второй сын Ми Чжэньбяо, пехотой — Ши Чэнсюань. Целью была разведка боем. Но второй сын Ми Чжэньбяо был слишком молод и неопытен, чтобы вести войска, поэтому их вел также Ма Бан. Утром 7 октября они стали строить оборонительные сооружения на берегу р. Дунхэ. Ма Бан во главе одного «лагеря» должен был перейти реку и атаковать противника при поддержке другого «лагеря». Ма Бан остановился на переднем рубеже обороны, а Ши пошел вперед. Полагаясь на донесения разведки о приближении монголов, они их упустили. В то время, когда китайская кавалерия шла на юг по дороге, не встречая противника, монголы Бавужава разделились на два крыла и окружили отряд Ши. Последнему пришлось принять бой, в результате которого его солдаты были рассеяны. Монголы преследовали их и многих убили. Ши Чэнсюань погиб в бою. Ходили слухи, что этот отряд у горы Хуаши-Шань был уничтожен не полностью: уцелело 8 чел., спрятавшихся на гумне².

В это время «лагерь», которым командовал Ма Бан, завтракал. Когда до него дошла весть о разгроме Ши, Ма еще не успел подготовиться. 405 его солдат побежали в Линьси. По дороге 200–300 из них было перебито. Отряд Ма Бана потерпел поражение. Поскольку он не выполнил задачу, оставшиеся в живых дезертировали от страха наказания. Во второй половине дня один из чиновников погибшего Ши на лошади прискакал в Линьси. Он рассказал, что два «лагеря» уничтожены. Узнав об этом, Ми Чжэньбяо выставил на защиту города несколько «лагерей». К южным воротам он направил три «лагеря» пехоты под командой Ху Чэня. К этим трем он приказал присоединиться «лагерю», стоявшему у храма Субутай-мяо (возможно, монг. Субэдэй-сумэ). Всего для обороны было выставлено семь «лагерей». На стенах города создали огневые точки. На горе Си-Шань разместили два «лагеря» артиллерии. За западными воротами разместили артил-

¹ Lu, 1979, с. 1–10, 34–36.

² Lu, 1979, с. 45–47.

лерийский отряд под командой Лю. Провели военные приготовления на юго-восточном крае города, на северо-востоке поставили артиллерию, создали пулеметные точки. Восточные, южные и северные ворота закрыли и сделали земляные укрепления. Ночью того же дня на помощь в Линьси прискакал отряд под командой Фэй Дяочана¹.

8 октября (н.ст.) утром к Линьси подошел Бавужав и начал штурм города. Он подошел со стороны рва и храма Субутай-мяо, поместил артиллерию на горе с востока и сделал 2–3 артиллерийских залпа. От обстрела погибла часть отряда и командир Дун Лу. Оставшиеся потеряли боевой дух, перестали подчиняться приказам, ударный отряд стал отступать. Были убитые и раненые среди торговцев, разрушено несколько десятков построек. Некоторые китайцы перелезали через стены города и бежали. Ми Чжэньбяо направил специальный отряд для успокоения людей и пресечения побегов.

По китайским данным, артиллеристы хотели разбомбить ставку Ми Чжэньбяо в Линьси, но промахнулись по следующей причине. В местности Дунбулэн недалеко от Линьси наступавшие монголы наткнулись на китайского торговца, который вез алкоголь. Войско остановилось и стало его пить, причем больше всех напивались японские инструкторы-артиллеристы. Из-за этого при наведении пушек на Линьси они не смогли сориентироваться по карте и решили, что ставка Ми Чжэньбяо находится на ул. Саньдаоцзе. Потому эта улица и подверглась наибольшим разрушениям. Кроме того, монголы считали, что раз уж так легко была одержана победа у реки, то легко будет и город взять конной атакой².

Однако по наступавшим со стен открыли интенсивный пулеметный огонь. Бавужаву пришлось отвести артиллерию. Импань³ «лагеря» с восточной стороны отстояла от города на 1 ли. Более 20 построек этой импани были сожжены для устрашения. Бавужав приказал «Гулуджабу» (Гуржав) возглавить атаку на южные ворота. Он отправил большой отряд в атаку на артиллерию на горе Си-Шань. Ставка Ми Чжэньбяо располагалась у северных ворот, оттуда он руководил боем. Отряд Лю обстрелял артиллерию Бавужава. Один снаряд попал в ствол его орудия, от взрыва погибло 10 чел., в том числе Бавужав⁴. Версию его гибели от взрыва снаряда излагал и командовавший в Линьси 3-м «лагерем» войск ицзюнь по имени Чжан Цзэпин. Однако другой участник боев — военный чиновник для раздачи табличек с приказами Чжоу Кайчэнь говорил, что Бавужав в красном плаще скакал на большом черном коне во главе отряда в атаку на северо-восточную часть города, был сбит с коня пулеметной стрельбой, монголы увезли его на лошади⁵. Есть такие сведения и в Монголии⁶.

¹ Лу, 1979, с. 47–49, 54–55.

² Лу, 1979, с. 57–58.

³ Группа глинобитных построек, окруженная стеной.

⁴ Лу, 1979, с. 48–54.

⁵ Лу, 1979, с. 59–60.

⁶ Лонжид, Өлзий, 2002, с. 25.

Но есть и другие сведения о гибели Бавужава. По свидетельству одного монгола — очевидца его смерти и погребения, в сражении при Линьси в 3 часа Бавужаву в левый глаз попала пуля, пробила череп насквозь, он свалился с лошади и сразу умер¹. По воспоминаниям его третьего сына «Чжэнчжуэрчжабу» (Данжуржав, рукопись датирована 11 мая 1963 г.), обстоятельства были следующие. В городе была бригада фэнтяньских войск в 500 чел. После ожесточенного боя они стали отходить к западным воротам. Бавужав попытался ворваться в город через восточные ворота. Тут шальная пуля попала ему в район левой брови, и он погиб на месте. Люди говорили, что стрелял кто-то из его сопровождения, но неизвестно, правда ли это. Потеряв командующего, войско Бавужава частью разошлось, частью сдалось маньчжурским властям (Чжан Хайпэну и У Цзюньшэну), некоторые ушли к местным разбойникам. Но часть войска сохранила боеспособность и во главе с Сэбджингэ (200 чел.) ушла в Баргу на р. Халх-гол².

Версию об убийстве Бавужава одним из его приближенных приводят и другие источники. Так, согласно материалам для составления местной хроники из архива Джоудаского сейма, 8 октября Бавужав прибыл в местность Дунхэцзы рядом с Пиндинмяо и уничтожил там 1 ин войск ицзюнь. Затем он выступил на Линьси. Когда он после артобстрела собирался взять город, его застрелили его подчиненные. После гибели Бавужава его отряд под командованием «Фушэна» (Фушэнгэ?) дошел до восточной станции Ули, а позже принял участие в панмонгольском движении. Другая часть отряда сдалась китайским войскам и была отправлена по домам³. Говорили также, что Бавужава застрелил его коновод, который мстил за убийство своего брата; этот коновод получил деньги от какого-то халхаского вана⁴.

Тумэнбухэ и Чжэн Юэ говорили, что Бавужав отдавал команды, находясь на восточной горе (дуншань), где была артиллерия, и был застрелен своим помощником. Он сделал это после взрыва, чтобы избежать возмездия. Затем он приказал части воинов сдаться Ми Чжэньбяо. Последний за это дал ему офицерский чин, но через несколько дней расстрелял. Лу Минхуэй считает эту версию заслуживающей доверия по следующим причинам⁵. Ми Чжэньбяо, телеграфируя об обстановке, сообщил, что Бавужав убит во время боя. Затем Ми Чжэньбяо расстрелял того человека, который убил из пистолета Бавужава, сдался и был за это награжден: следовало пресечь разговоры на эту тему и не допустить мыслей, что Ми Чжэньбяо поощряет предательство.

По сведениям российской разведки, Бавужав пришел в уезде Линьсисянь в хошуне Барин на помощь части своего отряда. После успешной стычки с войсками из Жэхэ «Бабучжаб, предполагая, что поле сражения вполне очищено от китайцев, выехал вперед для осмотра местности, но в это время из ближайше-

¹ Китай и Япония, 1916, № 246, с. 55–56.

² Лу, 1979, с. 1–10, 17–23.

³ Лу, 1979, с. 24–32.

⁴ Лонжид, Өлзий, 2002, с. 25.

⁵ Лу, 1979, с. 59–60.

го оврага выскочило несколько китайских солдат, и выстрелами в упор убили его наповал»¹. Эти данные представляются наиболее достоверными: они изложены не заинтересованной стороной (русской разведкой); в целом, донесения разведки Заамурского округа Пограничной стражи отличаются высокой достоверностью.

Видя, как ослаб огонь противника после успешного артиллерийского удара, Ми Чжэньбяо выдвинул из города два отряда (под командой Цзяна и Яна) для нанесения удара из северных ворот. Однако 200–300 солдат Бавужава продолжали оказывать сопротивление под командой молодого ламы. Китайцы окружили их около д. Дунбулэн (недалеко от Линьси). Когда они утомились и у них закончились патроны, более 100 из них сдались и поступили в войска Чан Дэшэна. Тот самый молодой лама стал начальником этого «знамени». Кроме того, китайцы захватили 3 японских инструкторов².

После гибели Бавужава соратники покрыли его труп желтым шелком и сожгли на костре из дров. Прах собрали в сумку из белого полотна, погрузили на лошадиное седло и насыпали сверху погребальный холм. По сведениям уже упоминавшихся Тумэнбухэ и Чжэнь Юэ, на второй год после боев при Линьси (то есть в 1918 г.) Ми Чжэньбяо приказал основать за восточными воротами города в левой боковой пристройке конфуцианского храма предков Лун-ван-мяо зал жертвоприношений (цы-тан) в честь Бавужава. Это было время, когда монгольские повстанцы — члены бывшего войска Бавужава — после изгнания из Барги (см. ниже) получали амнистию и устраивались во Внутренней Монголии³.

Пока же отряд Бавужава отступил от Линьси на 17–18 ли и встал лагерем. Ночью опустился сильный туман, и противоборствующие стороны не видели друг друга. Боевые действия прекратились, начались переговоры о перемирии. Туман стоял 3 дня. Когда он рассеялся, монголы отступили в горы, разделившись на 3 группы. Взорвавшуюся и двуствольные пушки они бросили, поскольку лошади были голодны и не могли их тащить. Монголы взяли с собой лишь одноствольные пушки. Более 100 верблюдов везли боеприпасы в сопровождении более 100 чел. Весь груз был доставлен на р. Халх-гол. Монголов, отступавших через хошун Дзун-Барин, атаковали части Чан Дэшэна и захватили более 1000 телег, людские потери монголов составили 100–200 чел. По другой дороге ушла другая группа — более 2000 монголов во главе с заместителем командующего. Через Баринские и Узэмчинские хошуны они прошли в «северную область» (Баргу). Преследовавшие монголов китайцы потеряли 700–800 чел. убитыми, сколько-то раненых, но захватили много пленных и боеприпасов. Согласно китайской «Хронике уезда Линьси» (Линьси Сяньчжи), проходя через хошуны Барун-Барин и Дзун-Барин, отступавшие занимались грабежами, уводили людей. У князя хошуна Дзун-Барин они угнали 800–900 лошадей. Всего в обоих Баринских хошунах было захвачено более 30 тыс. голов скота. Согласно другим сообщениям, повстанцы подвергали пленных, в том числе монголов (видимо, коллаборационистов), жестоким пыткам.

¹ РЗО от 16 февраля 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 211–213; 223–225, д. 45, л. 128–130.

² Лу, 1979, с. 50–53.

³ Лу, 1979, с. 48–49, 59–60.

стов) различным пыткам и казням — вешали, расстреливали, приколачивали к стенам, вынимали сердце, убивали ножом и т.д.¹

Сведения о смерти Бавужава достигли российских дипломатов более чем через неделю. «Бабучжаб действительно убит»; «Сообщают, что цикикарским губернатором получена телеграмма из Жэхэ, что между Лин-сва-сянем и Жэхэ в сражении убит Бабучжаб»². Позже Э.-Д. Ринчино голословно заявлял, будто Бавужав был убит японцами «под Таонаньфу за отказ закабалить Японии Внутреннюю Монголию в обмен на помощь в борьбе с китайцами»³. Как видим, это неверно.

Гибель Бавужава дала китайцам надежду на то, что боевые действия между ними и монголами скоро закончатся. Точные потери монголов со дня выступления 27 июня 1916 г. неизвестны. Встречающиеся в документах фрагментарные китайские сведения о тысячных потерях монголов в отдельных боях представляются завышенными, если учесть, что монгольские отряды имели численность в пределах нескольких тысяч человек. Что касается китайских войск, то после ухода монголов от Гоцзядяня начальник мукденского карательного отряда увел свой отряд в Лишусянь, где 4 сентября в награду за труды солдатам улучшили пищу и отдых. 5 сентября была совершена торжественная заупокойная служба о погибших. По полученным сведениям, из 2-го конного ина заднего отряда убитых 150, раненых 60; из 3-го ина 105-го пехотного полка 27-й дивизии убитых 150, раненых 60; из 3-го ина 150-го пехотного полка 27-й дивизии убитых 150, раненых 38; из частей 28-й дивизии убитых 50, раненых 60. Дуцзюнь Гиринской провинции 13 сентября командировал чиновника, чтобы подробно узнать об убитых солдатах и об отличившихся в боях с монголами⁴.

Ми Чжэньбяо в районе Линьси организовал похороны более 700 убитых из своего гарнизона. Он послал солдат забрать с поля раненых, похоронить убитых и т.д. Чтобы стимулировать похоронную команду, он предложил ей забирать из поясов убитых серебро — полученное жалованье. В результате очень многие стремились заняться этим. Обыскивали даже еще живых, а потом убивали их, чтобы не рассказывали⁵.

С учетом потерь после 5 сентября, включая 700–800 убитых при Линьси и при преследовании уходивших монголов, можно предположить, что китайцы потеряли убитыми больше 1200 чел. Что касается японцев, то их потери, по-видимому, были в пределах десятка людей.

После боев при Линьси китайские власти принимали меры для восстановления разоренного края. Чтобы вернуть беженцев, они давали налоговые послабления, организовали охрану хозяйств уездными войсками. Ваны и гуны Внутренней

¹ Лу, 1979, с. 50–53.

² Телеграмма Афанасьева из Цицикара от 3 октября 1916 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 6, рукопись; телеграмма Усатого из Хайлара от 4 октября 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 210.

³ Ринчино, 1998, с. 230.

⁴ РЗО от 5 октября 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 88об.

⁵ Лу, 1979, с. 54–55.

Монголии издавали уведомления об умиротворении. Зима 1916/17 гг. была очень суровой. Среди китайских солдат в Линьси обморозилось 300–400 чел. В местном госпитале было 17 ящиков отрезанных отмороженных конечностей. Эти ящики потом отнесли в местный храм¹.

После гибели Бавужава его семья направились в Хулунбуир с Цые — сыном цинь-вана Су². Семья Бавужава: его вдова, дочь³ и два сына прибыла в Хайлар 21 января 1917 г. Они направлялись к себе на родину в хошун Монголджин и просили российское вице-консульство помочь в отправке по железной дороге до Чанчуня. Усатый счел желательным обеспечить им бесплатный проезд до ст. Куаньчэнцзы с шестью сопровождающими в отдельном вагоне⁴, памятуя ликвидацию Бавужавом диверсионной группы Паппенгейма.

Управляющий КВЖД сделал распоряжение о предоставлении семье Бавужава вагона для бесплатного проезда до Куаньчэнцзы. Семья выехала из Хайлара 10 февраля, направляясь в Дальний. До Чанчуня ее сопровождали два японца, состоявшие при монгольских отрядах: Окамато и Кавасима. Сообщалось, что японцы собирались отправить семью Бавужава в Циндао, где воспитывался его старший сын, взятый японцами как заложник во время монархического движения в Китае. Ему было тогда 18 лет. Предполагалось, что остальных сыновей Бавужава разместить по японским учебным заведениям⁵. Действительно, Н. Кавасима увез троих его сыновей в Японию для обучения в Императорской академии японской армии, которую они впоследствии окончили с отличием⁶.

Это согласуется и с интервью второй дочери Бавужава — Мэн Хойжун в 1978 г.: трое ее братьев учились в Японии. Ганжуржав и Данжуржав окончили японское военное училище, а после образования государства Маньчжурия занимали там командные должности. Нунайжав вместе с Бавужавом в 1913 г. был в Нийслэл-хурэ — столице Внешней Монголии. Примерно в 1921–1922 г. он вернулся в Чжанцзякоу (Калган), затем снова ездил в Нийслэл-хурэ; о его дальнейшей судьбе ей не было известно. До установления власти КНР она слышала, что в Джеримской сейм из Внешней Монголии вернулся «Баониябасыр» (Бунябазар). По его словам, Нунайжав стал преподавателем в Улан-Баторском университете. По словам Мэн, некая старушка слышала от Го Даофу (Мэрсэ), что примерно в 1930 г. он видел в Улан-Баторе Нунайжава. Тот уже был женат и имел детей⁷.

О Нунайжаве сохранились кое-какие сведения и в Улан-Баторе. Согласно документам монгольского министерства госбезопасности (монг. ДХГ), Нунайжав в анкете от 1929 г. указывал, что ему 29 лет (то есть он родился в 1900 г.). В детстве

¹ Лу, 1979, с. 53–55.

² Лу, 1979, с. 57–58.

³ По другим данным, две дочери: РЗО от 16 февраля 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 211–213.

⁴ Телеграмма Усатого в 4-е политическое отделение и миссию в Пекине от 21 января 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 23.

⁵ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 299, л. 143; РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 211–213, 223–225.

⁶ Цогту, 2020, с. 169.

⁷ Лу, 1979, с. 73–75.

жил в местности Далан хошуна Монголджин с братьями Ганжуржавом и Данжуржавом, младшей сестрой Дэлхий. Они были земледельцы. Дэлхий позже вышла замуж за Сэвжина — служащего главы государства Маньчжурия Линшэна (Фушана). В молодости он в течение 11 лет учился в Токио в начальной, средней и высшей школах. В октябре 1925 г. приехал из Японии в МНР. В 1925 г. вступил в Народно-революционную партию Внутренней Монголии (НРПВМ), в 1926 г. — в Монгольскую народно-революционную партию (МНРП). Работал в Улан-Баторе в Министерстве просвещения, педагогическом училище. В 1927 г. он женился на Ц. Цэрэндэжид. У них были дети — дочь Ревмира и сын Найданжав. Цэрэндэжид училась в Москве в училище Центросоюза. В 1930 г. Нунайжав был арестован органами госбезопасности по подозрению в контрреволюционной деятельности. Далее о нем ничего неизвестно, но были слухи, что его видели в 1936 г. в европейской одежде. После ареста Нунайжава, Цэрэндэжид погибла в Москве на трамвайных путях, а их дети почти одновременно умерли от болезни в Улан-Баторе¹.

Вернемся к монархическому движению в Маньчжурии и Внутренней Монголии. В сентябре 1916 г., когда Бавужав сражался с китайцами, в Сучжоу и Тяньцзине состоялось собрание сторонников монархии. В Тяньцзине лидировали Сюй Шичан и Лю Цзянчжан. В октябре Лю Цзянчжан решил пригласить Су и Гунсэннорова. Поначалу Су не принял посланцев Лю. Тогда Гунсэнноров отправил ему тайное письмо, прося связаться с представителями Бэйянской группировки милитаристов. Поэтому Су в октябре прибыл в Тяньцзинь в сопровождении японца С. Кодайра. Представители тяньцзиньской группировки рассчитывали, что в случае реставрации монархии Су станет регентом при Пуи, рассчитывали на его связи с японцами, которые помогут им избавиться от влияния Запада. В октябре Гунсэнноров с Кодайрой прибыли в Пекин, где встретились с бывшими подчиненными Юань Шикая, убеждая их примкнуть к движению за реставрацию. Лю Цзянчжан в этот период скрывал известия о гибели Бавужава, утверждая, что это лишь неподтвержденные слухи. Он, видимо, опасался, что эти известия негативно скажутся на поддержке сторонников монархии. В декабре 1916 г. Гунсэнноров начал переписку с премьер-министром М. Тэраути².

В первом письме было написано о том, что китайский народ под республиканским правительством испытывает немыслимые страдания и рассчитывает на помощь Японии. В следующем письме было сказано: «Монголы исторически и географически находились в иных условиях, нежели обычные люди. Так же, как маньчжуры, они служили цинскому императорскому дому на протяжении 300 лет. У династии Цин и монголов есть давние кровно-родственные связи, и если предоставить им автономию, то этот процесс пройдет легко. Со времени правления Юань Шикая и до сего дня соблюдаются права только китайцев, монголов же, маньчжуров и прочие народности притесняют. Республиканское правительство пытается установить в районах Внутренней Монголии свои порядки и разрушить систему старых обычаев, из-за чего страдают все местные жители. Положение

¹ Лонжид, Өлзий, 2002, с. 29–30.

² Abe, 2007, p. 53–57.

Внутренней Монголии отличается от Внешней. Там нашли средство освободиться от гнета Китая, их система управления простая и удобная. К счастью, в Урге пребывает живой Будда, который правит, благодаря поддержке духовенства и мирян и влиянию России. Во Внутренней Монголии, напротив, 4 главы 40 хошунов не имеют возможности объединить людей, и перед угрозой китайских сил стремятся установить автономию каждого отдельного, что создает определенные трудности. Между Монголией и Маньчжурией существует издавна особая связь, и хотя ныне покойные императоры уже забыты, система Монголии, как и система Маньчжурии, имеет одни и те же общие интересы. Если найдутся средства восстановить власть династии Цин, она обретет активную поддержку как в Пекине, так и в других районах». Тэраути так и не дал ясного ответа, но сторонники реставрации продолжали возлагать на него надежды. Шэн Юнь прибыл в Японию, встречался с Тэраути, и тот обнадежил его, дав понять, что поддерживает реставрацию. Однако затем Тэраути отправил телеграмму начальнику штаба войск в Циндао, где говорилось, что он против реставрации и поэтому рекомендует сдерживать намерения Шэн Юня¹.

Таким образом, Бавужав предпринял масштабные и последовательные действия, направленные на независимость Внутренней Монголии. Обладая талантами полководца, он одержал ряд побед над китайскими войсками. В случае серьезной поддержки со стороны России и Японии он, по-видимому, смог бы добиться для Внутренней Монголии если не независимости, то примерно такого же статуса, какого добились Внешняя Монголия и Барга. Однако Россия и Япония не стали помогать ему в этом.

Давление российской дипломатии на правительство Внешней Монголии за выдворение отряда Бавужава, нехватка средств у этого правительства на выплаты этому отряду, масштабные реквизиции (или грабежи) населения Цэцэнханского аймака в связи с нехваткой продовольствия не позволили Бавужаву обосноваться на востоке Халхи, как он хотел. Вместе с тем, учитывая его верность Богдохану, ургинское правительство занимало гибкую позицию, не отрицая российских и китайских требований по его выдворению из Внешней Монголии, но и не выдворяя его силой. В этих условиях Бавужав со своим отрядом держался приграничных районов Халхи, Барги и Внутренней Монголии, меняя дислокацию в зависимости от обстоятельств.

Последней его надеждой стал поддерживавшийся японскими военными проект реставрации маньчжурской династии, который давал шанс Внутренней Монголии стать независимой в союзе с Маньчжурией или, по крайней мере, сохранить больше самостоятельности, чем под властью Китая. Однако поддержка со стороны японцев была недостаточной для победы Бавужава. Эта поддержка оказывалась ему лишь в рамках планов утверждения Японии в Маньчжурии.

Бавужав погиб, но продолжилось его дело — борьба монголов за независимость от Китая и движение за восстановление власти маньчжурской династии.

¹ Abe, 2007, p. 57–58.

Глава 3

Харачинский вопрос и Барга

Положение монгольских повстанцев после гибели Бавужава

После гибели Бавужава его отряд ушел с места боя, японский охранный отряд вернулся на ЮМЖД. К отряду монгольских повстанцев по пути присоединилась шайка хунхузов в 200 чел. и часть отряда монархической партии ок. 400 чел. Согласно российским разведанным за ноябрь 1916 г., монголы Бавужава планировали новое наступление¹. Они разделились на несколько групп. Одна остановилась в хошуне Джасакту-вана Джеримского сейма, другая — в хошуне Дзун-Узэмчин Шилингольского сейма. Их снабжение было обременительно для местного населения. Были сведения, что пострадали также два хошуна Цэцэнханского аймака Халхи, разоренные жители которых, побросав имущество, бежали западнее. Вожди повстанцев объясняли такое свое поведение местью за казнь своих посланцев к халхаским князьям, просивших разрешить «харачинам» временно находиться в Халхе².

Большая часть (до 1200 чел.) отряда Бавужава явилась в хошун Дзун-Узэмчин и подвергла его разграблению в наказание за приверженность китайскому правительству и неоказание помощи людям. Часть разбрелась по другим местам «для мелких грабежей». В хошуне Дзун-Узэмчин прибывшие расположились в четырех монастырях: Сахин-сумэ, Габджи-сумэ, Бэлин-сумэ и Нуннэн-сумэ. «Во главе отряда теперь стоит Цаган, один из помощников Бабучжаба. Есть сведения, что другие два отряда в хошуне Чжасакту-вана не признали Цагана заместителем Бабучжаба, объявили себя независимыми. Отряд в Дзун-Узэмчине вооружен японскими винтовками, при нем есть 4 орудия, при них около 20 японских артиллеристов. Монголы считают, что, получив патроны, они возобновят движение на Лин-си-сян и Долон-нор. Японцы хотят объединить разъединенные отряды Бабучжаба. Есть слухи, что Бабучжаба заменит гун Сэбджингэ, один из главных его помощников. Сэбджингэ — человек умный, по-своему образованный, в совершенстве знает маньчжурский и монгольский языки; он в течение нескольких месяцев в конце прошлого года и в начале настоящего был в Хайларе представителем отряда Бабучжаба по закупке провианта и при переговорах с вице-консульством по вопросу об оружии и патронах»³.

¹ Разведки Заамурского округа от 20 ноября 1916 г. и 16 февраля 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 107–108, д. 33, л. 211–213; 223–225, д. 45, л. 128–130.

² Мещерский, 1920, с. 9.

³ Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 5 ноября 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3105, л. 118–118об.

Итак, среди монгольских повстанцев оставались японцы. По уточненным данным, это были 4 офицера и 30 нижних чинов (топографы и фотографы), при них было четыре 3-дюмовых пушки. Весь отряд составляли 5–6 тыс. чел., вооруженных винтовками разных систем и ручными бомбами. Они собирались идти в направлении Халх-гола. Егузэр-хутухта прислал 300 своих солдат им в подкрепление. К ним якобы присоединился также китайский отряд в 30 тыс. чел. под началом генерала Лю Чжангуйдэ в хошуне Дербет¹. Последнее не соответствовало действительности.

Отряды монгольских повстанцев действовали в разных местностях. Цицикарский дучзюнь ходатайствовал перед Пекином о сформировании новых войсковых частей. Но он получил ответ, что ходатайство не может быть удовлетворено, поскольку только что обсуждался вопрос о сокращении войск Цицикарской провинции. Предполагалось послать туда излишек войск из других провинций. Но излишек был не везде. Например, в 3-й гиринской смешанной бригаде был некомплект: много солдат уволилось, когда войска начали отправлять для борьбы с монголами. Мукденский дучзюнь 14 ноября предписал немедленно отправить 2-ю конную бригаду в уезд Линьсисянь для действий против находившегося там отряда в 2000 монгольских повстанцев. По предписанию начальника обороны из Хуайдэсяня в Линьсисянь отправился 3-й конный полк 2-й мукденской конной бригады. От командира заднего отряда поступили сведения, что на северо-западе от Туцюаньсяня появилась «шайка» монголов в 700 чел. Туда были посланы 1, 2 и 3-й конные ины и 2-й артиллерийский ин заднего отряда. К тому времени, когда китайцы пришли туда, монголы ушли в Линьсисянь. 4-й и 6-й ины 4-го конного полка 2-й конной бригады при 2 батареях отправились на преследование монголов в Гурван-мод. Этот отряд у м. Тайшэньчуань имел стычку с монголами, 2 монгола попали в плен. Цицикарский дучзюнь обратился к князьям Джеримского сейма об организации монгольской полиции в хошунах Джалайт, Дербет и Северный Горлос за счет местных средств².

Затем монгольские повстанцы соединились «с другими партиями хунхузов», число их якобы достигло 10 тыс. человек. Они не только захватили много скота в Уэмчине, но и хотели принудить его князей объявить себя самостоятельными. В те же дни Чжан Цзолинь получил телеграмму о том, что монгольская «шайка во главе с Аньтубу» заняла территорию «переднего знамени правого крыла Корциньского хошуна» вместе со ставкой князя. Их было якобы до 4000 чел., более 50 японцев. Чжан Цзолинь приказал атаковать их, даже если японцы поднимут свои флаги³.

Хошуны Дзун-Уэмчин и Барун-Уэмчин, где находились монгольские повстанцы, были «значительно опустошены, население перекочевало в соседние

¹ Донесение полицейского надзирателя Подопригры помощнику начальника 1-го отделения полицейского надзора от 2 декабря 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 218–219.

² РЗО от 5 декабря 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 109–110.

³ Телеграммы из консульств в Куаньчэнцзы и в Мукдене в миссию в Пекине от 12 и 14 декабря 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 222–223об.

халхаские хошуны. Скот, награбленный харачинами, скупали по дешевым ценам наши евреи, что вызывало недовольство местного населения». Из-за близкого соседства повстанцев местное население откочевало и от Халх-гола. При их отряде находились уже 40 офицеров и 30 нижних чинов японцев. Предполагалось, что по совету японцев повстанцы скоро перекочуют в Хайлар. 1 декабря 1916 г. состоялось собрание старшин для выбора преемника Бавужава. Гун Сэбджингэ отказался, тогда был избран гун Шадарбал¹.

Шадарбал был знакомым вице-министра иностранных дел правительства Внешней Монголии Цэнд-гуна. Цэнд, ездивший в Хайлар для наблюдения за действиями отряда Бавужава, по возвращении в Нийслэл-хурэ рассказал о его положении после гибели командира. Еще осенью 1913 г., когда баргинцы под командой Манлай-Батора Дамдинсурэна стояли у Долоннора и вели переговоры с китайским правительством об амнистии, Цэнд был помощником Дамдинсурэна, Бавужав командовал полком, Бумбажав и Шадарбал командовали батальонами. Оба последних были помощниками Бавужава. В бою под Гоцзядянем Бумбажав был ранен и отвезен японцами в Дальний. Там он мог встречаться с князем Су, который давал средства монгольским повстанцам и к которому в начале ноября ездил с тремя японцами брат жены Бавужава — Таса-Шубу за указаниями, кого назначить преемником Бавужава. Вылечившись от ран, Бумбажав выехал к войскам через Хайлар. Незадолго до гибели Бавужава Шадарбал отделился от него с частью войска и поселился в хошуне «Мао-мин-ган» (Му-Мянгад) в Уланцабском сейме. Шадарбал и Бумбажав — дальние родственники Бавужава. Они происходили из одного с ним хошуна — Монголджин. По предположению Цэнд-гуна, Шадарбал и Бумбажав не отличались храбростью и едва ли стали бы пользоваться авторитетом у своего отряда. Достойным преемником мог бы стать командир Сэбджингэ. Но он отказался, поэтому, по мнению Цэнда, выберут не Шадарбала, а Бумбажава (здесь Цэнд ошибся). К монгольским повстанцам присоединились 100 китайцев под командой Цзин Динчэна — сына убитого в Мукдене Цзинь Шаошаня. По сведениям Цэнда, на р. Халх переселились 600 семей монгольских повстанцев². Когда «между отдельными начальниками начались споры, японские инструкторы старались их примирить между собой, что отчасти им удалось»³.

Разведка Заамурского округа сообщала, что пребывание монгольских повстанцев в Узэмчине сопровождается почти ежедневными беспорядками и кражами — дисциплина в отряде ухудшилась. В начале декабря из Мукдена туда приезжал агент для переговоров, чтобы уговорить отряд перейти в войска Мукденской пров., обещая им помилование. В первых числах декабря часть отряда (до 1800 чел.) из Солуньшаньского округа двинулась четырьмя колоннами на юг. В это же

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара от 10 декабря 1916 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 220–221об.

² Копии посланий Орлова советнику 4-го политического отделения МИД Козакову от 27 декабря 1916 г. и 12 января 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 1–2, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 13–14об., ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 24–27.

³ АВПРИ, ф. [Вице-] Консульство в Хайларе, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

время на севере уезда Чжанусянь собралось до 2 тыс. монголов, 28-я дивизия получила предписание выслать против них смешанный отряд. Монгольский князь Бинту-ван сообщил китайским властям, что монгольские князья участия в восстании не принимают, а слухи об участии в нем русских неосновательны.

С середины декабря повстанцы, находившиеся в Узэмчине, стали переходить в уезды Линчжисянь и Чифэн, по дороге отнимая у населения имущество в случае отказа присоединиться к ним. Монгольские князья, не имея сил для отпора, просили защиты у маньчжурских властей. Мукденские военные власти решили немедленно выслать для подкрепления войск на границах Монголии 1 пехотный и 1 артиллерийский полк, 2 кавалерийских ина и 1 пулеметную роту. Для задержания наступавших монголов в уезды Туцюаньсянь и Чжанусянь были посланы войска заднего отряда. Начальник заднего отряда приказал спешно укомплектовать все ины своего отряда даже путем вербовки людей из местной милиции, запросил подкрепления у командования.

Распространился слух, что монгольские повстанцы предложили китайским властям добровольно очистить г. Таонаньсянь, угрожая в случае отказа захватить его. Гарнизон Таонаньсяня стал возводить вокруг города земляные укрепления и рыть окопы, на 100 верст на северо-запад были выставлены заставы, рассылались разъезды. Мукденский дучзюнь предписал послать на северо-запад из Таонаньсяня в м. Уламыньцзюнь войска для борьбы с отрядом монголов. 5 декабря управление цицикарского дучзюня получило донесение Солуньшаньского умиротворителя (сюань-фу-юань), что, по сведениям разведчиков, движению монгольских повстанцев из хошуна Дзун-Узэмчин в Солуньшань мешает большой снег. Посланные в Солуньшаньский район два китайских офицера по возвращении доложили цицикарскому дучзюню, что в Узэмчине свыше 3 тыс. монголов, грабящих население, их дальнейшие замыслы неизвестны.

18 декабря цицикарский дучзюнь попросил телеграммой назначенного на пост умиротворителя Внутренней Монголии Бинту-вана сообщить о положении дел там и выяснить, насколько серьезно угрожают монголы-повстанцы Цицикарской провинции. Бинту ответил, что им приняты меры «к умиротворению», внутренние монголы лояльны Китаю, лишь «небольшая партия бунтовщиков производит грабежи», но серьезной опасности нет, их легко подавить в случае вторжения в провинцию. Однако дучзюнь приказал усилить войска на возможных путях вторжения в Цицикарскую пров.¹

На зимовку монгольские повстанцы прибыли к месту своей старой стоянки в верховьях р. Халх-гол (Халха, Халхин-гол). По совету японцев они выбрали для стоянки южный берег этой реки. Там они оставались до весны 1917 г. В это время японцы вели переговоры с китайцами о принятии их на службу с поселением в Маньчжурии. Китайцы опасались вмешательства японцев, и переговоры были безрезультатны. По китайским данным, численность повстанческих отрядов со-

¹ РЗО от 5 января 1917 г. (разослана 18 января), РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 25, л. 1–2об., ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 113–114об.

ставляла 2000 чел. (вооруженных российскими берданами), 5000 (японскими ружьями), 1800 (китайскими маузерами), и 2000 (ружьями разных образцов)¹.

Расположение лагеря на Халх-голе было выбрано удачно: отсюда шли удобные пути на Хайлар, восток Халхи, Солуньшань и северо-восточные хошуны Внутренней Монголии. Здесь повстанцев снова стал курировать Цые — сын цинь-вана Су. Продовольствие стало поступать из Хайлара². Баргинские власти были обеспокоены близостью этого лагеря. В декабре 1916 г. из ямыня Шэнфу было направлено письмо правительству Внешней Монголии. В нем сообщалось о приходе солдат Бавужава на р. Халх-гол и предлагалось выделить солдат «от двух государств» (очевидно, Внешней Монголии и России), чтобы «решить проблему». МВД и другие министерства Внешней Монголии стали обсуждать вопрос о том, как удалить из Барги отряд Бавужава, сколько для этого потребуется солдат и т.д.³

Повстанцы поддерживали связь с китайскими монархистами и Баргой. В конце декабря в Хайлар прибыл их представитель — тунлин Фушэнгэ и потребовал от баргинских властей снабжать их съестными припасами до наступления теплого времени, угрожая двинуться на Хайлар, требовать продовольствие силой и удалить с должностей всех чиновников-дауров. Власти Барги ответили, что уже более двух лет Барга исполняла требования, которые все время увеличивались, но последнее требование Барга выполнить не может, в случае движения повстанцев к Хайлару будет просить помощи у российских войск, русские дадут вагоны для переброски цицикарских войск в Хайлар. Одновременно власти Барги объявили призыв в свои войска. По словам Фушэнгэ, он не верит в помощь русских войск баргинцам, потому что повстанцы считают себя союзниками России и Японии, они хотят обессилить Китай, выгнать дауров из Барги и содействовать охране КВЖД, на которую уже трижды покушались немцы, но повстанцы предотвратили диверсии; если бы повстанцам пришлось взять Хайлар, то собственность и территория русских остались бы неприкосновенными. По словам Фушэнгэ, их отряд состоит из 6 тыс. монголов, 400 китайцев, 4 японских офицеров и 18 японских солдат. Все вооружены японскими винтовками и револьверами. При отряде есть 4 полевых орудия с 800 снарядами, более 300 ручных гранат⁴.

Как видим, численность японцев при отряде снизилась. Но отряд «харачинов» был сильнее вооруженных сил Барги и небольшой российской охраны баргинского участка КВЖД.

Фушэнгэ занимал видное положение среди монгольских повстанцев, а позже в панмонгольском движении. Он родился в 1880 г. в уезде Суйдун провинции Гирин, был ламой, знал монгольскую грамоту. В отряде Шадарбала он возглавлял подразделение ок. 400 чел. Говорили, что он человек корыстолюбивый, дважды

¹ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119, ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 237–237об.

² Лу, 1979, с. 53–54.

³ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 28–30.

⁴ РЗО от 5 января 1917 г., разослана 18 января 1917 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 25, л. 1–2об., ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 113–114об.

был в Японии, в отряде Бавужава был на содержании японцев. В 1918 г. поступил на службу к атаману Г.М. Семёнову¹. Эти сведения представляются наиболее точными. По другим данным, он происходил из хошуна Барин Внутренней Монголии, был начальником штаба у Бавужава²; или же родился в хошуне Харачинвана, в отряде Тогтохо-тайджи был рядовым бойцом, не отличался ничем, кроме личной храбрости³.

Примерно 25 декабря 1916 г. ок. 200 монгольских повстанцев, частью вооруженных, появились в Хайларе. Они стали вести себя вызывающе к местному населению. Прошел слух, что скоро придет другой отряд до 1000 человек. Напуганные местные власти обратились в вице-консульство России. Усатый заявил Шадарбалу, что Хулунбуир находится под российским покровительством и попросил, чтобы он воспретил своим людям переселяться туда и делать распоряжения, а тем, кто приезжает в Хайлар, велеть вести себя скромно. Шадарбал уведомил, что они ничего против Барги не замышляют. 5 января 1917 г. российское вице-консульство посетил Фушэнгэ как представитель Шадарбала. Он обещал выселить из Хайлара всех его людей, оставив лишь тех, кто ведает поставкой продовольствия, запретил солдатам носить оружие в городе, заявил, что оставлена мысль о переселении их отряда в Баргу. Повстанцы стали вести себя очень скромно, покидать Хайлар. Некоторых Фушэнгэ арестовал и в кандалах отправил в отряд для суда. В Хайларе осталось примерно 100 повстанцев. По точным данным на 12 января, на р. Халх-гол их было 3460⁴.

Итак, положение Барги стало улучшаться. Но жалобы баргинцев уже достигли китайских властей, которые решили воспользоваться ситуацией для ввода войск. Этим они могли достичь две цели: ликвидировать и «харачинское движение», и автономию Барги. Это не устраивало не только «харачинов», но также Россию, Японию и большинство баргинцев.

Тем не менее, 24 января/6 февраля 1917 г. командующий войсками Хэйлунцзянской пров. заявил, что он получил отношение от фудутуна Шэнфу, где говорилось, что «остатки шайки мятежника Бабучжаба» сосредоточились на р. Халх, где предают все огню, занимаются убийствами и грабежами, а несколько сот «мятежников» постоянно пробираются в Хайлар, тревожат купцов и мирное население. Шэнфу просил из главного города провинции прислать войска для борьбы с ними. Командующий провинциальными войсками поддержал запрос. Министр иностранных дел Китая переслал его в МИД России. Китайское правительство по телеграфу предложило командующему войсками пров. Хэйлунцзян прислать войска в Хулунбуир против мятежников⁵. Кроме того, центральное правительство Китая сообщило губернатору Би Гуйфану о предполагаемом соединении отряда

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 21–22.

² Atwood, 2004, p. 137.

³ Базаров, 2002, с. 29–42.

⁴ Донесение Усатого в 4-е политическое отделение и миссию в Пекине от 6 января 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 15–15об.; ф. МП, оп. 761, д. 328, л. 236–236об.

⁵ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 4–5.

монархистов с отрядом повстанцев на р. Халх и предложило ему с наступлением теплого времени принять меры для уничтожения последних, для чего сформировать еще одну кавалерийскую бригаду на средства населения провинции путем нового налога на землю¹.

Российский посланник в Пекине князь Н.А. Кудашев направил запрос П.К. Усатому: «Вайцзябу уведомляет меня, что Шэнфу просит о присылке китайских войск в Хулунбуир для удаления шайки Бабучжаба с р. Халхи. На основании ст. 4-й Соглашения китайское правительство дает телеграфное предписание командующему войсками Хэйлунцзянской провинции послать войска для истребления мятежников. Благоволите уведомить, действительно ли Шэнфу просил о присылке войск, и чем такая просьба могла быть вызвана»². Усатый ответил, что Шэнфу отправил в МВД Китая следующую телеграмму: «Прошлый раз было донесено об обстоятельствах прихода на реку Халху на границе Внешней Монголии остатков партии разбойника Бабучжаба. До настоящего времени эта партия не производила беспорядков, поэтому, доводя настоящей телеграммой до сведения, прошу не присылать войск в пределы нашего управления». По словам Усатого, Шэнфу заверил его, что не просил о присылке китайских войск: было неверно истолковано его донесение об опасности для Хулунбуира монгольских повстанцев на р. Халх, обещал «сегодня же» послать телеграмму в Пекин не присылать войска. Кроме того, Усатый телеграфировал: «Прибывший в Хайлар японский консул в Цицикаре виделся с японцами, находящимися в отряде харачинцев, и сообщил мне, что он предложил им покинуть Хайлар и повлиять на харачинцев, чтобы они жили мирно на реке Халхе»³.

На основании этих сведений, министр иностранных дел России Н.Н. Покровский предписал Н.А. Кудашеву: «Благоволите ответить Вайцзябу, что по нашим сведениям в Хулунбуире не происходит серьезных беспорядков, для подавления которых были бы нужны китайские войска. Ссылка же о том, что сам Шэнфу просил китайской вооруженной помощи, основана на недоразумении; поэтому, и зная по бывшим примерам, какие эксцессы производят китайские солдаты среди монголов, мы решительно возражаем против ввода китайского отряда в Хулунбуир». Кудашев ответил: «Вследствие телеграммы Усатого № 36 в прошлую субботу сделал в Вайцзябу соответствующее представление. Товарищ министра обещал сделать распоряжение о непосылке войск в Хулунбуир»⁴.

Таким образом, усилиями японцев, но прежде всего России, в этот раз удалось избежать интервенции и оккупации региона Китаем. Россия была еще достаточно сильна, чтобы власти Китая считались с ее пожеланиями.

¹ Разведка российского консульства в Цицикаре от 24 января 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 5.

² Телеграмма посланника Кудашева из Пекина в вице-консульство в Хайларе от 25 января 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 12.

³ Телеграммы Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 26, 27 и 28 января 1917 г., л. 8, 9, 11, 15.

⁴ Телеграммы Покровского Кудашеву от 28 января 1917 г. и Кудашева Покровскому и в вице-консульство в Хайларе от 29 января 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 18, 19.

Учитывая, что монгольские повстанцы подчиняются цинь-вану Су, Шэнфу послал к нему своих переговорщиков. Один из них — Линшэн на обратном пути из Дальнего поделился впечатлениями с Кудашевым. Он с тревогой отзывался о присутствии повстанцев на р. Халх и массовых посещениях ими Хайлара, не отрицал, что Шэнфу «обращал на это обстоятельство внимание китайцев, взывая к их помощи». Японский консул в Цицикаре ограничился внушением, сделанным повстанцам и японцам среди них. Японская миссия уведомила Кудашева, что это сделано по соглашению с Усатым. Кудашев просил Усатого сообщить, «почему Вы считаете желательным оставление японцев среди монгольских банд и какие меры, по Вашему мнению, могли бы успокоить баргутов». Усатый ответил: «Линшэн вообще склонен преувеличивать, как было в апреле прошлого года, когда он ввел в заблуждение Миссию относительно перехода Бабучжабом границы Барги». По словам Усатого, японский консул говорил с российским консулом в Цицикаре, но в Хайларе никакого соглашения с ним не было, как и разговора о желательности оставления японцев среди «монгольских банд». Он считал весьма желательным удаление японцев. Баргинцев вполне бы успокоило, если бы японцы запретили повстанцам жить в Хайларе и заставили их исполнять это распоряжение¹. Информация о поездке Линшэна к Су с просьбой унять «харачинов» была хорошо известна китайцам².

Тем временем японцы из Маньчжурии поддерживали контакты с повстанческим лагерем на р. Халх-гол. Например, в начале 1917 г. из Дальнего через Хайлар туда приехали четыре японца-артиллериста³.

Зимой повстанческий отряд на р. Халх-гол, по-видимому, увеличился. Сообщали, что его численность достигла 10 тыс. чел. (до 8000 монголов и 2000 китайцев, добровольно присоединившихся в надежде на добычу). В отряде было ок. 20 японских офицеров-инструкторов и нижних чинов. Начальник штаба сылин-гуань (старший офицер) — японский офицер. Вооружение отряда — японские карабины, пистолеты Маузера, 4 орудия, несколько пулеметов. Во главе стояли сайд «Сэнчинга» (Сэбджингэ), Цаган-нойон, Шадарбал (старший среди них). Однако, по оценке разведки Заамурского округа, это было преувеличение: по-видимому, в отряде было до 5000 чел. У людей, прибывавших в Хайлар из отряда, было много серебра и банкнот Июкогама Спеша банка, которые ходили только в их лагере. Монгольские повстанцы часто приезжали в Хайлар за покупками. Командиры не раз пытались склонить на свою сторону баргинские власти. Последние согласились не препятствовать повстанцам в закупках продовольствия, если те не будут производить грабежи. Командиры обещали это, но повели агитацию среди баргутов против их властей — дауров, указывая на ненормальность положения, когда кучка чуждых Барге дауров привержена китайскому правлению всем краем.

¹ Телеграмма Кудашева Усатому от 4 февраля 1917 г. и Усатого Кудашеву от 6 февраля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 20, 22.

² Лу, 1979, с. 154–155.

³ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин от 7 февраля 1917 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 28.

Командиры зимовавшего отряда разослали эмиссаров для вербовки людей. Вербовщики обещали по 20 руб. в месяц, лошадь и оружие. Желающих было много, в том числе китайцев, но среди баргутов вербовка была безуспешной: идея восстановления маньчжурской династии их мало привлекала. По утверждениям монгольских повстанцев, им сочувствовали солоны. Фушэнгэ-тунлин в Хайларе якобы получил известие, что ок. 2000 солоньев выступят к месту зимовки отряда.

«Харачины» не занимались грабежами в Хайларе, но производили беспорядки в публичных домах и гостиницах из-за неуплаты денег, обычно завершавшейся драками. В Хайларе они формы не носили, ходили в халатах, тайно носили пистолеты Маузера, в средствах не были стеснены. Говорили, что ожидается прибытие в Хайлар оружия и патронов из Японии. В лагере на Халх-голе было около 3000 голов рогатого скота и лошадей. Повстанцы по очень низким ценам продавали скот наезжавшим в их лагерь русским в обмен на разные предметы первой необходимости. Там торговали исключительно русские, поскольку китайцы боялись грабежей. Власти отряда к русским торговцам были благожелательны. Вследствие «харачинского нашествия» на р. Халх торговля с монголами в ближайшем к Хингану районе совершенно прекратилась, доступ в Уэзмчины и смежные с ними хошуны Внешней Монголии был невозможен, хошуны опустели, население откочевало вглубь Монголии. Власти Барги командировали хайларского полицмейстера даура Фушана в Дальний и Циндао для переговоров с Су и ознакомлением на месте с монархической организацией. Монгольские повстанцы много ждали от этой поездки, но баргинцы были настроены скептически¹.

Для ознакомления с положением дел в монархической партии ездили в Порт-Артур и к Су-цин-вану также баргинские чиновники Линшэн и Сулфанга. Шэнфу в письме, отправленном с ними имя Су, заявлял о «сочувствии Барги делу восстановления маньчжурской династии и о готовности ее в случае надобности идти в борьбу с коварными китайцами, и просит вместе с тем покровительства». Этим баргинцы хотели в случае успеха монархической партии не упустить момент, а пока обезопасить себя от повстанческих отрядов, подвластных Су². Возвратившийся из поездки Сулфанга сообщил, что состоящий при Су японский генерал, живущий в г. Дальний, предложил Линшэну, «чтобы баргуты приняли участие в монархическом движении и выразил готовность снабжать их оружием. Ли Шен [Линшэн. — С.К.] согласился, чтобы вопрос этот был обсужден баргутскими старшинами в Хайларе. Собрание старшин назначено на 13 февраля, когда ожидается приезд японца — представителя Су-цин-вана»³.

Су разъяснил посланцам, «что монархическая партия имеет целью восстановление Цинской династии и что для осуществления этой цели сделано уже более

¹ Донесение разведки Заамурского округа от 16 февраля 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 211–213; 223–225.

² Телеграмма Усатого из Хайлара в 4-е политическое отделение, копия в миссию в Пекине, от 1 февраля 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 37–37об.

³ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 7 февраля 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 39.

половины работы. Партия эта работает при содействии и покровительстве Японии и имеет в виду образование монархии, в которую должны войти все части Китая, лежащие к северу от Хуанхэ. По словам Су-цин-вана, они имеют успех не только в Маньчжурии, но и в собственно Китае, и что, будто бы, даже нынешний мукденский генерал-губернатор Чжан Цзолинь ныне перешел в эту партию, в подтверждение чего Су-цин-ван указал на то, что Чжан Цзолинь поехал в Японию. Су-цин-ван далее пояснил, что находящиеся на границе Хулунбуира повстанческие отряды являются его приверженцами и служат делу восстановления династии, и поэтому просил баргинцам оказывать им возможное содействие по доставлению провианта. Вместе с этим, он обещал со своей стороны сделать распоряжение харачинам, чтобы они не причиняли вреда Хулунбуиру и чтобы в Хайларе в большом количестве не проживали». Из Порт-Артура от Су посланцы поехали в Дальний, где находится штаб монархической партии во главе с Кавасимой. Тот предложил Линшэну, чтобы Барга присоединилась к этой партии и вступила в борьбу с республикой. Если баргинцы нуждаются в оружии, они могут получить его от партии. Линшэн ответил, что должен обсудить это со старейшинами Барги. Они условились, что 13 февраля в Хайларе состоится собрание баргинских старшин: фудутун, его помощник, два начальника отделений и пять ухэрид в присутствии представителя Су — японца, которого обещал командировать Кавасима. Один из влиятельных баргинских старшин сказал Усатому, что баргинцы, скорее всего, будут держаться выжидательной позиции¹.

Выжидательная позиция была, по-видимому, вызвана тем, что Су выдавал желаемое за действительное: у Цзуншэда не было особых успехов не только в Китае, но даже в Маньчжурии. Кроме того, сами баргинцы не могли влиять на ситуацию. Они не могли ни изгнать повстанцев из Барги, ни открыто примкнуть к монархическому движению, в то время как угроза китайского вторжения сохранялась.

Вайцзябу было сильно встревожено полученными известиями о монархическом движении в Маньчжурии и в особенности в Хулунбуире, «органами которого являются монгольские банды, расположенные на реке Халхе, руководимые японцами». Вайцзябу выражало пожелание, чтобы японцы не вели агитацию в китайской сфере, и заявило, что, по его сведениям, телеграмма Шэнфу об отмене присылки китайских войск была послана под давлением, а его первоначальная просьба не была основана на недоразумении². В связи с этим, Усатый сообщал, что в Хайларе он дважды встречался с японским консулом из Цицикара, говорил с ним о японцах у «харачинов». Во вторую встречу японский консул сказал, что виделся с японцами в повстанческом отряде, предложил им покинуть Хайлар и повлиять на повстанцев, чтобы они мирно жили на р. Халх³. В своей последую-

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в 4-е политическое отделение МИД от 8 февраля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 29–30; АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 314–315.

² Телеграмма Кудашева из Пекина от 9 февраля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 32, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 40.

³ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 9 февраля 1917 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 43–43об.

щей телеграмме Усатому Кудашев повторил эти требования, прибавив, что Усатому поручается убедить японского консула в Цицикаре в необходимости удаления японцев и повстанческого отряда из Барги, а при инциденте монгольских повстанцев с баргинцами Усатый должен держать сторону Барги¹.

В согласии с этим, МИД Японии российскому послу в Токио Крупенскому заявил, что японским миссии и консулу в Цицикаре предписывается предложить японцам выехать из Хулунбуира, грозя иначе отказом от всякого покровительства. Японское правительство советовало Су прекратить «бесплодную агитацию, на которую он напрасно тратит свои личные средства». Однако, по словам министра иностранных дел Японии, представитель Су в Токио от имени последнего указал на затруднительность тотчас же распустить набранные им монгольские войска ввиду зимнего времени и невозможности найти им пропитание, но они будут немедленно распущены по домам, когда сойдет снег. Министр подтвердил, что японцам указано вернуться на родину из монгольского отряда, их отъезд находится в зависимости от получения денег от завербовавшего их князя Су и состоится одновременно с роспуском отряда².

13 февраля в Хайлар прибыл командированный из Дальнего князем Су японец «Цин-лю-мин» и монгол Лубсан Чойдон. 14 февраля они представились Шэнфу и передали визитные карточки Су и Кавасимы. 15 февраля состоялось собрание баргинских старшин, где «Цин-лю-мин» попросил их разрешить монгольским повстанцам оставаться на границе Хулунбуира на р. Халх и оказать содействие в доставке провианта и переотправке оружия и патронов, которые доставят для них. Старшины согласились относительно провианта, но отказались доставлять оружие и патроны «за неимением перевозочных средств» и из страха перед китайцами. На следующий день «Цин-лю-мин» и Лубсан Чойдон выехали назад в Дальний³.

22 февраля 1917 г. в Хайлар прибыли Бумбажав и Сэбджингэ. Они сообщили Усатому, что «ведут через японцев с китайскими властями переговоры об устройстве положения харачинских отрядов, и на днях ожидают разрешительного ответа китайцев»⁴. Видимо, имелся в виду переход на китайскую службу, но он затягивался китайской стороной.

Одной из причин затяжки могло быть желание маньчжурских провинциальных властей решить харачинской вопрос военным путем. Би Гуйфан продолжал настаивать перед центральным правительством на посылке войск в Баргу «под предлогом удаления харачинов и подавления монархического движения, которому будто бы подчиняется Шэнфу». Он предлагал, если Шэнфу не раскается и

¹ Телеграмма Кудашева из Пекина Усатому в Хайлар от 15 февраля 1917 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 44–45.

² Телеграммы российского посла Крупенского из Токио в МИД и миссию в Пекине от 10 и 15 февраля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 39, 46.

³ Телеграмма Усатого из Хайлара от 16 февраля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 393, л. 50–50об., ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 325–325об.

⁴ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 22 февраля 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 69, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 48.

не удалит из Хайлара монархистов, направить туда войска, минуя КВЖД¹. Этим он хотел избежать осложнений с российской администрацией дороги, которая не поддерживала военную операцию в Барге. Российский консул в Цицикаре Афанасьев «переговорил с губернатором, указав ему на несвоевременность и нежелательность посылки войск в Баргу. Он вполне согласился, заявив, что если и пошлет войска, то только по желанию монгольских властей Барги и по согласии посланника»².

Подозревая, что Шэнфу склоняется к вводу китайских войск в Баргу, Кудашев телеграфировал Усатому: «Благоволите указать Шэнфу на опасность введения китайских войск в Баргу. Одновременно убедите его в необходимости воздерживаться от всяких действий, могущих послужить китайцам для вмешательства в дела Барги. Ему необходимо, насколько от него зависит, настаивать на удалении харачинцев с Халхи, агитаторов-монархистов из Хайлара, вообще же прекратить сношения с монархистами Китая»³.

Баргинские власти старались принимать собственные меры защиты. В том же направлении действовала и российская дипломатия. «Представитель Барги Лянь Шен [Линшэн. — С.К.] приехал в Пекин, чтобы просить у китайцев ссуду в 100 тыс. долл. на покрытие издержек, вызванных необходимостью держать усиленную военную охрану на реке Халхе вследствие зимовки там харачинцев. Названной суммы хватит на покрытие расхода в течение 6 мес. <...> Я в осторожной форме указал ему на опасность возможных последствий подобного займа. Не признало бы Временное правительство возможным предложить Хулунбуиру необходимую ему ссуду в 200 тыс. руб., чтобы не установилась финансовая зависимость Барги от Пекина?»⁴ Министр иностранных дел П.Н. Миллюков ответил: маловероятно, что китайское правительство выдаст Барге столь крупную сумму без гарантий; ст. 5 соглашения от 24 октября 1915 г. дает России возможность требовать, чтобы без ее согласия доходы Барги не служили гарантией иностранных займов, в этом смысле надо сделать заявление китайскому правительству. Финансовая помощь Барге со стороны в принципе возможна, но надо выяснить, действительно ли эта ссуда будет истрачена на ее ограждение от отрядов «харачинов» и каков истинный размер расходов. Необходимо добиться прекращения поддержки «харачинов» японцами⁵. Через некоторое время он сообщил, что министр финансов согласен передать властям Барги попудные сборы за разработку Джалайнорских копей⁶.

¹ Телеграмма Кудашева из Пекина Усатому в Хайлар от 23 марта 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 72.

² Телеграмма Афанасьева от 24 марта 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3065, л. 2.

³ Телеграмма Кудашева из Пекина Усатому в Хайлар от 23 марта 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 73.

⁴ Телеграмма Кудашева из Пекина в МИД от 20 марта 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 9.

⁵ Ответ Миллюкова Кудашеву от 24 марта 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 10, 11.

⁶ Телеграмма Миллюкова в миссию в Пекине от 9 апреля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 19.

Этого было явно мало и, кроме того, средства на оборону баргинцам нужны были сразу, поскольку уже наступала весна — и перспектива военных действий.

Милуков оказался прав относительно китайского займа. Шэнфу получил извещение от командированного в Пекин Линшэна о том, что китайское правительство в ссуде в 100 тыс. долл. отказало и предлагает взамен безвозвратную ссуду в 20 тыс. долл., которые надо получить от цзицарского губернатора. Это означало, что власти Барги попадут в зависимость от провинциальных властей, а не центрального правительства, которому по договору 1915 г. должен был подчиняться Хулунбуир. Власти Барги сумели увеличить количество своих войск до 1800 чел., содержание которых обходилось теперь в 18 тыс. руб. в месяц. Они хотели довести их численность до 3000 чел., но говорили, что не хватает оружия. Шэнфу просил у русских 100 тыс. патронов и несколько сот винтовок Мосина¹. У баргинцев было 800 винтовок Мосина со 150 тыс. патронов, 1500 бердан с 600 тыс. патронов, и ок. 200 китайских винтовок².

Монгольские повстанцы были сильнее. Весной численность их отряда составляла 3000–5000 чел., патронов было до 50 тыс. шт., снарядов — 1 ящик. Огнеприпасов не хватало, повстанцы искали, где достать их. Лошадей было более 20 тыс. Повстанческий лагерь был расположен на левом берегу р. Халх-гол. Его окружность была более 25 верст, в нем было более 300 юрт и более 200 палаток. Лагерь с одной стороны защищала большая гора Дархан-ула, с другой — р. Халх-гол, оба берега которой покрыты густым кустарником. Более чем на 100 верст от лагеря не было жилья. В отряде находились люди из разных хошунов, но преобладали монголы из хошунов Дзасакту-вана, Бинту-вана, Аохан, Харачин. Семьи начальства проживали вне лагеря отдельной группой. Заставы от Хайлара были выставлены в Гурван-Шабартай (100 баргинцев) и в Нарасун-Хубо (100 «харачинов»). Японцы обучали начальствующий состав, те — своих подчиненных. В отряде поддерживалась строгая дисциплина: запрещалось потреблять спиртное, драться, грабить местное население. Виновных подвергали наказанию розгами (от 100 до 3000 ударов) или расстрелом (за грабеж и нанесение ран). Строевые занятия проводились через 3–5 дней, учебных стрельб не было за недостатком патронов; обучались лишь ружейным приемам. Но в отряде была 1000 прекрасных стрелков. Продовольствие заготавливалось штабом отряда. Денежное довольствие на руки не выдавалось.

Продолжалась вербовка. Для этого и для связи в Хайларе проживало более 200 чел. из отряда. Вербовщики жили во всех заезжих дворах. Они вербовали любых безработных и не имеющих определенных занятий людей, которым выдавали по 70 руб. задатка. Как только образовывалась группа в 50 чел., ее отправляли в расположение отряда. Часто бывали в Хайларе японцы из отряда. К маю «харачины» усиленно обучались под руководством сына цинь-вана Су и 30 японских инструкторов, преимущественно артиллеристов. Отряд готовился к новому движению на

¹ Телеграммы Усатого в миссию в Пекине от 12 и 14 апреля 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 70, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 22–22об.

² Ностаева, 2010, с. 45.

юг. Вначале планировалось идти к ст. Сыпингай, чтобы там получить оружие от японцев, одновременно другие части должны были двинуться в хошуны Узэмчины, Барин, а также в Линьсисянь. По занятии их «харачины» собирались бороться за восстановление маньчжурской династии.

Вместе с тем, они стали разочаровываться в японцах, думали о мирной жизни при условии поселения в определенном районе Барги и Халхи и образования особого хошуна. Но Барга и Халха не соглашались на это. В Хайлар из Дайрена прибыл японский отставной поручик Хаяси — посредник между японцами из повстанческого отряда и Кавасимой. Хаяси числился на службе у Су. Для свидания с Хаяси из лагеря «харачинов» выехал начальник штаба — японский офицер Сэки. Баргинские власти постоянно сносились с китайским правительством относительно «харачинов». Последние с Ургой не контактировали¹.

Весной положение монгольских повстанцев стало ухудшаться из-за ухудшения снабжения. Видимо, японцы начали сокращать поддержку: перестали выдавать деньги на продовольствие. Выехавший в Харбин за деньгами японец не возвращался обратно. По оценке Усатого, запасов продовольствия «харачинам» должно было хватить не более чем на месяц, награбленный скот и другое имущество они уже продали, деньги за зиму прожили, в перспективе — полуголодное существование. По его прогнозу, «харачины» должны будут скоро возобновить свою деятельность, от нее пострадают ближайшие хошуны Внутренней Монголии и Барга, которую они до сих пор не трогали. Симптоматично и то, что последнее время они начали предъявлять Барге требования о посылке своих солдат для помощи, выдаче займа в 60 тыс. руб., предоставлении лошадей и т.д. Баргинские власти опасались, что повстанцы ищут предлога для нападения на Баргу. Среди «харачинов» начались раздоры. Сэбджингэ был вынужден бежать с Халх-гола и стал жить в Хайларе. «Видимо, нынешнее начальство харачинов не пользуется авторитетом и не может сдерживать своих людей». Среди них по-прежнему жили японцы как инструкторы и советники. Японский консул в Цицикаре никаких мер против них не принимал и на просьбу Би Гуйфана об их удалении из монгольских отрядов ответил, что он мог бы это сделать, если китайские власти сами задержат этих японцев и доставят в Хайлар. Китайцы этого сделать не могли. Усатый считал, что необходимы меры к удалению «харачинов»².

Симптоматичным было и то, что «последнее время харачины держат себя вызывающе по отношению к баргинским властям, требуя помощи людьми, деньгами и скотом. Есть опасность, что они ищут предлога для нападения на Баргу. Необходимо, чтобы японцы приняли меры к их обузданию»³. Эта идея не понравилась МИД России: «Мысль Усатого привлечь японцев к воздействию на монголов в нашей сфере не может быть одобрена. Если харачинцы действительно

¹ РЗО от 4 мая 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 240–241.

² Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 8 апреля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 17–18, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 65–66.

³ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 7 апреля 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 64.

опасны для Барги, то к ним следует командировать кого-либо из наших чинов для их успокоения и разъяснения им, что Россия не сочувствует насилиям над покровительствуемой ею Баргой и что в случае совершения таких насилий мы не будем иметь нравственного права мешать баргутам просить о вооруженной помощи китайцев. Японское правительство может быть привлечено к этому делу только для удаления находящихся среди харачинцев японских агитаторов»¹.

Опасения баргутов были оправданны: весной, после таяния снега и вырастания травы, появлялась возможность не только свернуть лагерь и распустить отряд, но и проводить конные операции. Действительно, по сведениям баргинских властей, в начале мая 1917 г. 300 вооруженных монгольских повстанцев вошли в Баргу. К 9 мая (ст.ст.) они находились в 135 верстах южнее Хайлара в местности Хонгоджин. В самом Хайларе скопилось ок. 200 вооруженных «харачинов». Баргинцы стали спешно собирать войска, просили содействия России².

По мнению Цэнд-гуна, Барга с 2000 вооруженных людей не могла бороться с повстанцами, поэтому ей была необходима помощь войск Внешней Монголии. С наступлением весны предполагались оживление китайских отрядов против повстанцев, переход последних во Внешнюю Монголию, где убытки от грабежей превысят расходы на возможную военную экспедицию. Ведь повстанцы уже вторгались в хошун Хурц-вана Цэцэнханского аймака и дочиста ограбили 19 семей. Вскоре они напали на баргутов, поселенных в хошуне Судзукту-вана Внешней Монголии. Монгольское правительство ходатайствовало о воздействии российского правительства на них для прекращения переходов границы. Но безуспешно. 27 мая 1917 г. премьер-министр Внешней Монголии Сайн-ноён-хан Намнансурэн сообщил российскому представителю в Урге А.А. Орлову о появлении фуражиров повстанцев в хошуне Судзукту-вана. Они разграбили монастырь и потребовали провиант на несколько сот человек. Население этого и соседних хошунов откочевало вглубь страны. Намнансурэн запросил помощь российских военных инструкторов в мобилизации монголов³. 21 апреля 1917 г. военное министерство Внешней Монголии рекомендовало отправить на восток Хатан-Батора Максаржава и Тумурхи-гуна⁴.

Из Хонгоджина повстанцы двинулись в сторону Хайлара, занялись грабежами, захватили в плен ухэриду олётгов. В связи с недостаточностью сил, власти Барги вновь просили Россию помочь⁵.

Таким образом, опасения российских дипломатов и баргинских властей по поводу стоянки монгольских повстанцев на р. Халх-гол были не беспочвенны-

¹ Телеграмма министра иностранных дел России Милюкова посланнику в Пекине от 12 апреля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 67.

² Телеграмма управляющего вице-консульством в Хайларе Поликарпова в миссию в Пекине от 7 мая 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 84.

³ Телеграммы Орлова из Урги Козакову от 9 и 12 января и 28 мая 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 13–14об., д. 3073, л. 3, д. 3081, л. 300.

⁴ МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 333, бичиг 57.

⁵ Телеграмма Поликарпова из Хайлара в миссию в Пекине, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 85; ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 75.

ми: несмотря на все их заверения, весной они двинулись на Хайлар. Его захват не был их главной целью: они стремились не к захвату Барги, а к реставрации власти маньчжурской династии, надеясь таким образом избежать власти Китая над монголами. Они следовали указаниям своих лидеров, которые, в свою очередь, вынуждены были действовать в русле политики местных военных японских властей, которые не всегда придерживались политического курса Токио. Однако серьезное ухудшение снабжения (начавшееся, по-видимому, уже в конце зимы 1917 г.) толкало монгольских повстанцев на фуражировку среди местного населения и создавало угрозу столице Барги — Хайлару. Были и другие факторы, которые я рассмотрю в следующем разделе.

Взятие Хайлара монгольскими повстанцами

Итак, весной 1917 г. замыслы монгольских повстанцев стали проясняться: их ближайшей целью была столица Барги. 8 мая (ст.ст.) 1917 г. вышел приказ по российскому Хайларскому гарнизону: ввиду «угрозы харачинов» поставить два поста, организовать заставы и патрулировать окраины русского поселка, оружие употреблять только в крайнем случае самообороны, усилить охрану рот и команд, вести усиленную разведку и т.д.¹ Однако местные российские силы были недостаточны. По отзыву Д.Л. Хорвата, начальник Заамурского округа не располагал достаточными силами для усмирения «харачинов». Он предполагал присылку отряда из Иркутского ВО. Численность «харачинов» оценивалась до 4000 чел. при 40 японцах, которые ведали артиллерией и пулеметами². В приложении к отчету В.В. Граве сохранился список японских офицеров «принимавших участие в харачинских беспорядках в Барге»: Сэки, Садакэ, Мияко, Ока, Оиси, Хатакэяма³, Вадацци, Кавасима, Сакамото, Хасака, Хисаицзуми, Окамото, Идзо⁴.

В связи с этим, товарищ министра иностранных дел России А.А. Нератов рекомендовал вице-консульству в Хайларе использовать все средства мирного воздействия, чтобы предупредить столкновение баргинцев и «харачинов», считал полезным ввести отряд в русский поселок для охраны колонии и поддержки баргинцев, указывал снести по этому поводу с начальником Заамурского округа⁵.

Между тем, монгольские повстанцы несколькими отрядами продвигались по Барге на север к линии КВЖД. 10 мая (ст.ст.) их отряд⁶ занял соседние с Хайларом деревни Ситунь и Наньтунь, 11 (24) мая — сам Хайлар (который был заранее покинут баргинцами). Правитель Барги обратился за помощью к русским властям. Части российского гарнизона было приказано занять и защищать ямынь.

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 10–10об.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 19; ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 92.

³ Впоследствии командующий японскими наемниками у барона Р.Ф. Унгерна, дезертировавший из его войск перед первым штурмом Урги в 1920 г.

⁴ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 61.

⁵ Телеграмма Нератова в вице-консульство в Хайларе от 10 мая 1917 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 22.

⁶ Отряд Доржа, вышедший из Хонгоджина.

Это приказание не только не было выполнено, но, напротив, российские солдаты приняли участие в разграблении повстанцами Старого Хайлара¹. Управляющий консульством в Хайларе Поликарпов экстренно телеграфировал, что чиновники с семьями укрылись в русском поселке. «Баргинские войска разбежались. Начались грабежи, захвачен мост, есть убитые, в плену оба начальника отделений и сын амбана. Харачины держатся вызывающе, предъявляя свои личные требования. Русский поселок в безопасности, но неприятие решительных мер может вызвать катастрофу. Нам доставлены два орудия и пулеметы, но военные власти не уверены в способности малочисленного здешнего отряда. Баргуты обратились в Цицикар о вызове китайских войск»². Китайское правительство официально уведомило Н.А. Кудашева, что на основании ст. 4 договора о Барге оно посылает войска «для умирения монгольских мятежников»³.

Согласно воззванию российского райсовета солдатских депутатов в Хайларе от 13 мая 1917 г., они с возмущением узнали о грабеже ямыня в Старом Хайларе. «В грабеже, как выяснилось, принимали участие и граждане России». Предлагалось всё награбленное принести в бюро хайларской милиции. 12 мая (ст.ст.) 1917 г. Поликарпов издал следующее объявление: «Российское вице-консульство настоящим доводит до сведения русских граждан, что ввиду грабежей и угона скота у местных монголов харачинами, покупка рогатого скота, баранов, лошадей, а также всякого рода имущества от харачин является покупкой заведомо краденого и, во избежание нежелательных последствий, вице-консульство предлагает не совершать никаких сделок по покупке скота и имущества у харачин»⁴. Баргинские власти присоединились к этому призыву⁵.

Хайлар повстанцы захватили небольшими силами, хотя разбежавшиеся баргинские войска не были малочисленны и были неплохо вооружены. В Хайларе тогда жило свыше 100 монгольских повстанцев, еще ок. 100 прибывших с Халхин-гола заняли деревню в 10 верстах от него и в город не входили. Баргинские власти сами покинули город, после чего, по предложению повстанцев, один из баргутских ухэрид временно взял власть в свои руки, о чем письменно известил российское вице-консульство, прося содействия в восстановлении порядка. Сообщение помечено 9-м годом правления Сюаньгуна. Город был украшен цинскими флагами. 17 мая Усатый переговорил с повстанческим командиром Сэбджингэ. Тот заявил, что они «требуют устранения Шэнфу, Линшэна и Гуйфу и, после выбора нового фудутуна, который обязан будет принять на себя обязательства содействовать монархическому движению, они оставят город»⁶.

¹ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

² Телеграмма Поликарпова в миссию в Пекине от 11 мая 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 16; ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 90.

³ Телеграмма Кудашева из Пекина от 14 мая 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 94.

⁴ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 52–57.

⁵ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 79 (рус. перев.), л. 80 (монг. ориг. с печатью).

⁶ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине и в 4-й отдел МИД от 18 мая 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 27.

Итак, после переворота Барга провозглашалась цинским вассалом, как это было до Синьхайской революции. Баргинского ухэриду, временно принявшего власть, звали Бангунжав. Он известил Усатого о принятии власти в связи с тем, что «фудутун нашей земли Шэнфу, утратив власть и подвергнув тревоге все имеющиеся хошуны, вместе с чиновниками и солдатами, оставив управление, удалился»¹.

Более подробные сведения о перевороте содержатся в разведсводке Пограничной стражи. По дороге на Хайлар «харачины» арестовали ухэриду олёттов в районе р. Халх-гол, производили грабежи и насилия. Одновременно 200 хорошо вооруженных «харачинов» собрались в Старом Хайларе, захватили северные ворота, выставили свои караулы и стали грабить баргинцев в городе и окрестностях. Главный повод их движения на Хайлар — желание отстранить хулунбуирские власти, состоявшие из дауров, которые неприязненно относились к «харачинам». Это касалось, в частности, Шэнфу, от которого требовали извинений за какое-то оскорбление, содержавшееся в одном документе хулунбуирских властей, а также денежные претензии на 60 тыс. руб. Баргинцы обратились к российским властям одновременно в Хайларе и в Харбине, к китайским — в Цицикаре. Японский генеральный консул в Харбине постарался уклониться от принятия мер, требуемых российскими властями. Переговоры русских с «харачинами» закончились обещанием последних, что русские и их имущество в полосе отчуждения КВЖД будут в безопасности, повстанцы уйдут обратно. На переговорах был японский офицер. Тэргун-сайд² Сэбджингэ на этих переговорах объяснял, что руководители Барги льстили монгольским повстанцам и одновременно убеждали Усатого, что последние — грабители Монголии, а не борцы за ее освобождение. Усатый поверил, потребовал, чтобы они оставили Хайлар и даже требовал оставить их лагерь на Халх-голе. Сэбджингэ указывал, что они не хунхузы, а борцы за освобождение Монголии. Он напомнил об уничтожении Бавужавом немецкой диверсионной группы³. Однако обиду на то, что русские не дали оружие Бавужаву, он не упоминал — вероятно, чтобы не обострять отношения.

Даурское меньшинство, действительно, уже давно стояло у власти в Барге. После русско-китайского соглашения по Барге дауры вели переговоры и с русскими, и с китайцами в связи с «харачинским движением». Теперь монгольские повстанцы решили изменить ситуацию. «Сановник по иностранным делам гун» Сэбджингэ и «его товарищ гун Минбо» в своем письме от 2-го числа 5-го месяца 9-го года Сюаньтуна (20 июня 1917 г. по н.ст.) детально описали ситуацию, в которой, по их объяснению, дауры противопоставили себя остальным народностям Барги.

По их словам, от чиновников и солдат солонов поступило донесение, что лишь одни дауры ведают делами. Ухэрида Гуйфу, ротные командиры (перечислено 12 имен), поручики (перечислено 14 имен) «и другие», занимая главные

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 21 (рус. перев.), л. 20 (монг. ориг.).

² Главный сановник (монг.).

³ РЗО, 15 мая 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 242–243.

должности, положили начало вражде с монгольскими властями и войсками (так баргуты называли монгольских повстанцев), инициировали ряд неприятностей, допустили обманы и достигли того, что монгольские солдаты (повстанцы) вошли в город. Несмотря на то, что последние «совершенно не прибегали к оружию», дауры немедленно оставили важные присутственные места и, «жалая только себя и свои семьи, выехали. Из этого ясно видно, что наших чиновников и войско они жалеть не думали. Если бы они, рискуя жизнью, остались на посту, то это было бы естественно. Но они охраняли только себя и семью. То положение, в котором очутились мы, является результатом их дел». Монгольские повстанцы решили просить, чтобы солонские хошуны управлялись по их просьбе. В 1917 г. Линшэн отправился в Пекин, чтобы привести китайские войска для уничтожения войска повстанцев, что вызвало возмущение. Писарь Фулин в присутствии японских чиновников заявил о намерении убить сановника; перед Шэнфу дауры ругали солонцов, баргутов и олётов, что они «состоят в сообществе с монгольскими солдатами и что непременно надо привести китайских солдат для истребления. Питая к нам явную злобу, они скрывали ее. <...> Ныне, ввиду того, что, к счастью, почтенный консул, по согласованию с сановниками монгольских солдат, установили временную самостоятельность и к общему желанию и успокоению поставили на должность правителя, уведомляем об удовлетворении просьбы чиновников и солдат солонского племени о смещении с должностей даурских чиновников, о замещении этих должностей выборными от солонского племени и о принаровлении знамен и рот к прежнему порядку». Шэнфу и чиновники скрылись, ввергли страну в смуту — это немалое преступление. «Они не могут быть оставлены без строгого наказания <...> Поэтому, по нашему мнению, главному и строгому наказанию подлежат восемь человек, а именно: Шэнфу, Гуйфу, Фушан, Фулин, Вэнь Мин, Нангу, Анчуан и Чишин, которых, вследствие нахождения под охраной почтенного консула, просим немедленно арестовать, препроводить к нам для принятия надлежащего наказания в пример одним и для успокоения преданных подчиненных и для того, чтобы легко найти путь к восстановлению мира»¹.

О реакции официальных лиц Барги и России на описываемые события сказано выше. Реакция других заинтересованных сторон была следующей.

Как уже отмечалось, японцы оказывали помощь монгольским повстанцам. По мнению Граве, «японцы, находившиеся между харачинами и получавшие указания от военных властей Квантуна, указания, идущие подчас вразрез с политикой японского МИД, натолкнули харачинов на поход на Баргу, воспользовавшись отказом правителя Хулунбуира Шэнфу провозгласить монархию в Барге и обращением его к китайскому правительству с просьбой о присылке войск, чтобы отогнать харачинов от границ области»². В Хайларе также было немало японцев. В целом же в Хулунбуирском округе японцев было тогда 130 чел. (из которых ок.

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 4–6.

² АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 52–119.

100 — женщины в японских домах терпимости). Японцы в торгово-промышленной жизни Барги никакой роли до того времени не играли¹.

Японский консул в Харбине уехал оттуда уже 16 мая, не дождавшись приезда находившегося в Пекине Усатого. Японский консул в Цицикаре заявил, что не может принять каких-либо мер против японцев, находящихся среди монгольских повстанцев. «Никаких мер по улаживанию происшествия японские консулы не приняли, ограничившись составлением протокола со слов японцев, копию которого Нихэй сообщил мне». Вскоре японские консулы в Цицикаре и Харбине сделали заявление российской стороне. В нем они объясняли причины столкновения так: Шэнфу принял репрессивные меры в отношении тех, кто хотел присоединиться к Бавужаву; баргинские власти просили Пекин о присылке войск; затем Шэнфу усиливал свои войска, напал на повстанцев; командир его отряда убил одного из командированных к нему повстанцев, после чего повстанческий отряд Доржа очистил от баргинского отряда село, где было нападение; затем на переговорах с Доржем баргинские войска стали стрелять в повстанцев, тогда Дорж занял Наньтунь; баргуты скрылись, а их правители бежали в Новый город, после чего повстанцы заняли пустой ямынь. В Наньтуни остановился отряд Доржа, в Старом Хайларе — отряд Сэбджингэ. Повстанцы собираются уйти, когда власть в Барге перейдет от Шэнфу к какому-нибудь баргуту, которому они доверяют и который обеспечит их продовольствием. К России они вражды не питают².

Были сведения, что японцы подговаривают «харачинов» занять российский поселок, но те не хотят. По заявлению начальников российского отряда, они могли выставить в Хайларе 644 штыка (только для защиты). По их мнению, гарнизон ненадежен, еще менее — дружинные части Иркутского ВО, откуда возможно подкрепление. При таких условиях никаких активных действий против повстанцев в помощь баргинцам российские части оказать не могли. Следовало стараться мирно уладить инцидент. «Полагал бы возможным пойти на уступки, согласившись на выборы нового фудутуна на основании соглашения 1915 г.»³

Кудашев стал склоняться к тому, чтобы не препятствовать китайцам, если баргинцы попросят их очистить Баргу «от монгольских шаек, предлагал МИДу открыто признать российско-китайскую кооперацию, ходатайствовать об оказании КВЖД провоза китайских войск в Хайлар <...> так как мы сами не можем восстановить порядок в Барге». Затем он передал в Петроград просьбу оказать содействие КВЖД в перевозке китайских войск в Хайлар⁴.

Однако это не было сделано. По сообщению цицикарского губернатора Би Гуйфана, он просил о скорейшей перевозке китайских войск к Хайлару по же-

¹ Донесение Усатого из Хайлара в 4-е отделение МИД и миссию в Пекине от 9 ноября 1916 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 299, л. 140–140об.

² РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 313.

³ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине и в 4-й отдел МИД от 18 мая 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 27. В то время в Хайларе находились Усатый с Хорватом (АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 95), прибывшим туда для выяснения ситуации.

⁴ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 86, 197, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 33.

лезной дороге, иначе хотел отправить войска сухим путем. Но Хорват отказал в вагонах для войск, обещая дать лишь несколько вагонов для продовольствия. Российский консул в Цицикаре С.Ф. Афанасьев также был против переброски китайских войск. Он телеграфировал в миссию в Пекине, что их посылка по железной дороге была желательна, когда монгольских повстанцев было 100 чел., а сейчас вряд ли безопасна и полезна, так как повстанцы могут разрушить железную дорогу, чтобы воспрепятствовать движению китайских войск¹.

Последовала и реакция Внешней Монголии, куда направилась волна баргинских беженцев по берегам р. Керулен, преимущественно в хошуны Цэцэнханского аймака². Занятие повстанцами Хайлара произвело сильное впечатление на власти Внешней Монголии под влиянием многочисленных баргутов, которые были на их службе. Монгольские власти обвинили Россию в отказе защищать Баргу. Опасаясь движения повстанцев в Халху, Джебцундамба-хутухта приказал военному министерству собрать солдат Цэцэнханского и Тушэтуханского аймаков, министерству иностранных дел поручил ходатайствовать об отпуске обещанного Россией оружия и патронов. Российский дипломатический агент в Урге Орлов предложил собрать людей, обучавшихся в последние годы в монгольской бригаде, считал необходимым дать монголам оружие³.

Внешние монголы решили командировать в Хайлар Цэнд-гуна для наблюдения «за движениями харачин» и попросили Орлова оказать ему содействие. В связи с этим, на совещании у премьер-министра Внешней Монголии Сайн-нойон-хана Намнансурэна было принципиально решено послать к границе Барги отряд в 1500 человек при 2 орудиях и 4 пулеметах. Монголы просили прислать из Иркутска хотя бы 18 000 трехлинейных винтовок⁴.

Спасаясь от повстанцев, орудовавших в Хайларе и баргинских хошунах, в 1917 г. около 1460 ново-баргутов (240 семей) откочевали вслед за своими предводителями Базаргарьд-цорджи-ламой, Очирвани-гуном и Джамбал-гуном. Перезимовав в хошуне Очирбаян-Мунх на востоке Халхи, они двинулись на запад к Нийслэл-хурэ. Там они стали шабинарами (религиозными учениками) Богдо-гэгэна и были поселены в Тушэтуханском аймаке⁵. Надо отметить, что еще до занятия Хайлара «харачины» пересекали границу Внешней Монголии, грабили поселенных там ее правительством баргутов⁶.

В чем же причина похода монгольских повстанцев на Хайлар, приведшего, фактически, к установлению их контроля над Баргой? По мнению командования

¹ Телеграмма Афанасьева из Цицикара от 27 мая 1917 г. в Пекин, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3065, л. 3.

² РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 29, л. 29–31.

³ Телеграмма Орлова из Урги от 17 мая 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 97–98, ф. МИД Канцелярия, оп. 470, д. 47, л. 40–41.

⁴ Телеграммы Орлова из Урги от 24 и 30 мая 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 39, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 223.

⁵ Цолмон, 2016, с. 26.

⁶ Телеграмма министра иностранных дел России послу в Токио от 10 января 1917 г. по сведениям Усато, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 17.

хэйлунцзянских охранных войск, захват Хайлара организовали «иностранцы» (то есть японцы)¹. Граве писал в Петроград, что японцы подтолкнули «харачинов» к походу на Баргу с целью оказания давления на китайцев для подписания договора с ними и для создания определенного впечатления в российских кругах в связи с распространявшимися тогда слухами о сепаратном мире России с Германией. Играя на чувствах и трудном положении «харачинов», японцы содействовали возникновению харачинского вопроса².

С последним выводом можно частично согласиться, но лежащие в его основе приведенные заключения Граве не подтверждаются документальными материалами. Корни харачинского вопроса — не в происках японцев, а в невозможности реализовать право на самоопределение монголов Внутренней Монголии. В результате отряд Бавужава вынужден был пытаться использовать для этого любые возможности. Японцы использовали харачинский вопрос в своих целях, но не были его создателями. В целом, их консулы дали верную оценку причин и целей захвата Хайлара «харачинами».

Но эта оценка неполная. Как сказано выше, ухудшавшееся снабжение повстанцев вело к усилению грабежей. Попытки устроить их в провинциальные войска Маньчжурии, фактически, саботировались местными китайскими властями. На это накладывалось растущее недовольство повстанцев властями Барги. Последние вынуждены были маневрировать между Китаем, Россией и повстанцами. Особенно последних раздражали просьбы баргинского руководства к китайцам силой удалить «харачинов». Это недовольство носило этнический характер: «харачины» считали предателями представителей даурского меньшинства, стоявших у власти в Барге.

Кроме этих причин была и обида на то, что Россия в свое время не оказала помощи Бавужаву. «Бабучжаб получил от русского правительства подарки: золотые часы и оружие. Ныне выясняется, что эти подарки не удовлетворили Бабучжаба: он и его сподвижники решили, что они не равноценны той услуге, которая ими была оказана России уничтожением немецкой экспедиции, и почли себя во второй раз обиженными русским правительством³. Чувство обиды настолько сильно до сих пор еще среди них, что за мое пребывание в Барге не было ни одного случая разговора со мною кого-либо из харачинов, во время которого я не услышал бы упреков [в] несправедливости, проявленной дважды Россией по отношению их. Это чувство, несомненно, сыграло большую роль в деле нападения харачинов на Баргу, произведенного ими, несмотря на то, что они знали, что такой шаг неприятен России»⁴.

В этих условиях военная поддержка со стороны японцев и решающий военный перевес привели повстанцев к силовому решению вопросов об их снабжении и о власти в Барге. Судя по документам, ключевую роль в этом сыграли влияние

¹ Лу, 1979, с. 156–157.

² Ностаева, 2010, с. 45.

³ По-видимому, первой обидой было Кяхтинское соглашение 1915 г.

⁴ Отчет Граве о командировке в Хайлар, АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

ные командиры Дорж и Сэбджингэ, а не Шадарбал, избранный на место погибшего Бавужава.

Барга под контролем монгольских повстанцев

Занятием Хайлара монгольские повстанцы не ограничились. 20 мая 1917 г. в Баргу прибыло еще 500 «харачинов» под предводительством Бумбажава. Они остановились в деревне в 5 верстах от Хайлара. Ожидалось прибытие еще 500 чел. Создалась серьезная угроза российскому поселку¹. В тот же день начальник гарнизона, командующий 1-м полком Заамурской железной дороги Рихтер сообщил Усатому: «Все меры, которые только можно принять — приняты. Гарнизон слишком мал, чтобы предпринять более решительные меры»². На следующий день повстанцы подвезли к Хайлару орудия, которые сопровождали четыре японских артиллериста. По словам ухэрид, «харачины» производили грабежи и насилия³. По китайским сведениям, сосредоточение монгольских повстанцев к Хайлару продолжалось и позже. 26 мая в Хайларе и его окрестностях их насчитывалось до 2000 чел. при 2 полевых орудиях, обслуживаемых 8 или 10 японцами. Постоянную связь с «харачинами» поддерживали помощник японского военного агента в Цицикаре генерал Накаяма и капитан Миядзаки в Таонаньфу⁴.

По требованию «харачинов» власть в Барге сменилась, но сами они не стали входить в новую власть. Собравшиеся в Хайларе высшие сановники Барги 22 мая 1917 г. посетили Усатого и заявили, что съезд для выборов нового правителя состоится на следующий день. «Решили избрать фудутунум бывшего помощника фудутуна Чэхэчжа. Ввиду того, что признание маньчжурской династии по требованию харачинов повлечет репрессии со стороны китайского правительства, а признание Китайской республики вызовет полный разгром Хулунбуира, съезд решил объявить Хулунбуир независимым от Китая, не признавая в то же время маньчжурской династии. Съезд надеется, таким образом, мирно сговориться с харачинами, дав им в случае надобности некоторый выкуп. На 24 мая назначены переговоры высших властей Барги с харачинами. Баргинцы просят меня принять участие в этих переговорах»⁵.

Съезд состоялся 23 мая (5 июня н.ст.) 1917 г. Под давлением повстанцев вместо Шэнфу фудутунум Барги, как и предполагалось, избрали баргута Чэхэджу (Ань), его помощником — олётского ухэриду Бангунжава (того самого, которого

¹ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 20 мая 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 31; ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 103.

² Послание Рихтера Усатому от 20 мая 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 32.

³ Телеграмма Усатого из Хайлара от 21 мая 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 104; ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 93.

⁴ Телеграмма Афанасьева из Цицикара от 27 мая 1917 г. в миссию в Пекине, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3065, л. 3; Разведка штаба Приамурского ВО с 1 по 15 июня 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 39, л. 217.

⁵ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 22 мая 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 94.

«харачины» захватили при движении на Хайлар). Все чиновники из дауров были смещены и заменены баргутами. Новые власти заявили Усатому, что «съезд объявил Хулунбуир независимым и вступает в мирные переговоры с харачинами, которые будто бы изъявляют согласие оставить Баргу. Власти надеются мирно уладить дело с харачинами и просят не допускать китайских войск, так как в таком случае Хулунбуир подвергнется разгрому с двух сторон». Кудашев ответил сообщившему это Усатому: «Так как объявленная независимость Барги есть нарушение соглашений с Китаем, то, по моему мнению, Вам следует воздержаться от участия в переговорах»¹.

Однако Козаков, тоже недовольный развитием событий в Барге, на следующий день телеграфировал Усатому, что «обязанность принятия мер к улаживанию инцидента лежит прежде всего на Вас. Благоволите немедленно вступить в сношения с харачинами и потребовать от них прекратить монархическую агитацию и удаления из пределов Барги. Укажите, что в противном случае мы не будем иметь оснований противиться вводу в Баргу китайских войск и подавления силою поднятого харачинами движения. Повидайте также находящихся между харачинами японцев и объясните им, что мы не будем их защищать от китайцев и требуем их удаления из лагеря харачинов. О последствиях телеграфируйте. Надеюсь, что Вы приложите больше рвения, чем до сих пор к улаживанию этого дела». На результаты баргинского съезда Козаков отреагировал так: «Мысль баргутских властей оградить себя как от китайцев, так и от харачин путем провозглашения независимости Барги — наивна. Благоволите объяснить баргутам, что мы не сочтем себя вправе защищать их от неизбежных попыток китайцев силой восстановить в Барге власть китайского правительства. Благоволите приложить все усилия, чтобы как баргутам, так и харачинцам стала ясна невозможность для них противостоять китайцам. Целью Вашей должно быть возможно скорее восстановить спокойствие в Барге, дабы не допустить столкновения, которое могло бы грозить безопасности Китайской Восточной ж.д. и свести на нет нашу работу по созданию автономии Барги»².

Итак, несмотря на противодействие российских дипломатов, статус Барги вновь изменился. Хотя новая власть была избрана при господстве «харачинов», Барга из автономной стала *de facto* независимой, хотя эту независимость не признало ни одно государство. Более того, российский МИД в лице Козакова (главы 4-го политического отделения) предписал Усатому вести активные переговоры об удалении из Барги «харачинов» и о том, чтобы баргуты вновь признали над собой власть Китая. Это отменяло поступившее ему ранее указание Кудашева (посланника в Пекине) воздержаться от переговоров.

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине, 4-е отделение МИД и Управление КВЖД от 24 мая 1917 г., телеграмма Кудашева Усатому от 24 мая 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 38, ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 19.

² Телеграммы Козакова Усатому от 25 и 29 мая 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 45, 47.

Новый правитель Хулунбуира Чэхэджа и его помощник Бангунжав 7 июня (н.ст.) прислали Усатому разъяснение о смене власти¹, основанное на вине Шэнфу в том, что он вел одновременно переговоры с Цицикаром (республиканской провинциальной администрацией) и цинь-ваном Су. Однако Шэнфу на это возражал, что самостоятельную политику не вел, а всё предварительно обсуждал на совете со своим помощником Анем (Чэхэджой) и ухэридами. Шэнфу согласился передать новому фудутуну хранившиеся у него 70 тыс. руб. и полученную им «ургинскую печать»², но не передал печать, присланную из Пекина (как символ подчинения Китаю). Чэхэджа требовал и ее³.

Так как старые власти Барги ушли в полосу отчуждения КВЖД под охрану России, монгольские повстанцы требовали от вице-консульства их выдачи. Поскольку их не выдавали, «харачины» стали вести себя вызывающе к русским. Существовала опасность ареста их там «харачинами». В связи с этим, по совету Усатого, Шэнфу и Фушан выехали из Хайлара и прибыли в Цицикар 12 июня (ст.ст.)⁴.

Можно было ожидать вмешательства Китая в баргинские дела под предлогом восстановления порядка. Действительно, был приготовлен карательный отряд в 4 ина кавалерии, 2 ина пехоты, одной 6-орудийной батареи и 1 пулеметной роты. Начальником отряда был назначен генерал Чжэнь Годун, руководителем операции — генерал Сюй Ланьчжоу. Переговоры представителя губернатора Хэйлунцзянской (Цицикарской) пров. с «харачинами» не увенчались успехом, уполномоченные 27 мая вернулись в Цицикар. Однако сторонник силового решения харачинского вопроса — губернатор Хэйлунцзянской пров. Би Гуйфан под давлением общественного мнения отказался от должности и направился в Пекин. Должность губернатора временно занял Сюй Ланьчжоу. Он ручался за спокойствие в Цицикаре, в случае беспорядков должен был взять на себя охрану российских подданных. Должность начальника дивизии он удержал за собой⁵.

Часть монгольских повстанцев была готова перейти на службу в провинциальные войска. Появились сведения о решении ВРИО командующего войсками и гражданского губернатора Сюя Ланьчжоу принять на службу 1000–3000 «харачинов» и разместить их среди своих войск. Предполагалось, что согласятся на это около 1000 чел., но какого племени — неизвестно⁶. Однако Сюй сообщил консулу в Цицикаре Афанасьеву, что «соглашение с харачинами не состоялось благодаря тому, что таковые требовали, чтобы при их зачислении в китайские войска провинции были бы зачислены и 10 японцев в качестве советников при них»⁷.

Неуспех соглашения делал более актуальным ввод китайских войск в Баргу. Еще до отставки Би Гуйфана и переговоров повстанцев с китайцами — в мае —

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 42.

² То есть печать, принятую им в 1912 г. из Нийслэл-харэ (Урги) как символ подчинения Барги богдоханской Монголии.

³ РЗО от 17 июня 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 314–314об.

⁴ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 127; ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 23, оп. 491, д. 3107, л. 132.

⁵ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 39, л. 217; АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3065, л. 4.

⁶ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 9–9об.

⁷ Телеграмма Афанасьева от 7 июня 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 126.

в Хайларе и окрестностях находились ок. 1000 «харачинов», о движении войск было неизвестно, хотя Управление КВЖД получило указания перевезти эти войска. МИД России передавал губернатору Цицикарской пров., что после восстановления спокойствия эти войска должны быть выведены согласно ст. 4, а порядок назначения фудутунов Хулунбуира предусмотрен ст. 2 Соглашения 1915 г., которое осталось в силе¹.

Вероятно, в связи со сведениями о готовящемся движении китайских войск, 10 июня около 300 монгольских повстанцев направились из окрестностей Хайлара на юг к оз. Цаган-нор примерно в 180 верстах от города — к месту стоянки своих главных сил². Секретарь российской миссии в Пекине В.В. Граве прибыл в Цицикар и вступил в переговоры с Сюем Ланьчжоу. Была достигнута договоренность, что китайские войска будут посланы в Хайлар, лишь если Граве не удастся мирно уладить дело с повстанцами³.

Таким образом, по просьбе Граве до выяснения возможностей мирного решения была задержана отправка четырех поездов войск против монгольских повстанцев, вопрос о которой ставил Сюй Ланьчжоу.

Эта отсрочка позволила избежать вступления китайских войск в Баргу вследствие конфликта, вспыхнувшего между Сюем Ланьчжоу и отказавшимся признавать его командиром 4-й кавалерийской бригады генералом Ин Шунем. Из-за этого войска в Цицикаре и окрестностях готовились уже для экспедиции на восток против Ин Шуня⁴. Вначале положение Сюя ухудшалось, так как Ин в Хуланьсяне и командир 1-й пехотной бригады Ба Инъэ заявили, что они со своими войсками Сюю не подчиняются, под угрозой военной силы предписали всем начальникам уездов и пошлинным конторам восточной части провинции прекратить отношения с Сюем и направлять деньги в управление начальника 4-й бригады в г. Хуланьсянь⁵. 8-й полк бригады Ин Шуня под командой Ли Цинлу из Сюньхуасяня прибыл в местность Цзюгоуцзя в 70 ли от Цицикара. Кавалерийский полк У Шицзе 10 июля выступил из Цицикара и соединился с войсками И Цинлу, к ним же двигался из Тайлаца полк Юань Цинъэня. Из войск Ба Инъэ верность Сюю сохранили три ина в Баянсяне. Для переговоров с Ин Шунем выехал начальник уезда Ду Интянь и прибывший из Мукдена полковник. При неудаче переговоров Сюй допускал возможность столкновения и надеялся на успех, так как у него войск было больше, чем у Ин Шуня — ок. 4000 чел.⁶

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 396, л. 46, 53, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 117.

² Телеграмма Усатого в 4-е политическое отделение МИД от 11 июня 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 131.

³ Телеграмма Граве из Цицикара в миссию в Пекине от 12 июня 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 132; ф. КС, оп. 491, д. 3065, л. 6.

⁴ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

⁵ Телеграмма Афанасьева из Цицикара в Пекин, Харбин и Хайлар от 10 июня 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3065, л. 5.

⁶ Телеграмма управляющего консульством в Цицикаре Симонолевича в Пекин, Харбин и Хайлар от 12 июня 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3065, л. 7.

Этот конфликт имел старые корни. Еще в 1916 г. У Шицзе, Ин Шунь и Ба Инъэ были среди лидеров поддерживаемой японцами монархической группы, стремившейся убить Сюя Ланьчжоу и Би Гуйфана и объявить независимость Цицикарской пров. Провал выступления монархистов и гибель Бавужава не позволили это сделать. Теперь они вновь решили попытаться счастья в связи с подъемом монархического движения в Маньчжурии. Возможно, определенную роль в этом сыграли взятие Хайлара «харачинами» и отставка Би Гуйфана, после которой Сюю требовалось время, чтобы принять дела губернатора.

Однако вскоре выяснилось, что этот мятеж вряд ли мог быть успешным, так как многие части Ин Шуна выразили покорность Сюю, твердо решившему подавить мятеж. У его противников было не больше 7–8 инов, в них шло брожение. В Цицикар отовсюду стягивались войска. У Шицзе бежал с горстью людей. 18 июня в Цицикаре состоялось совещание граждан и чиновников для изыскания средств к прекращению «двоевластия, губительного для провинции»¹. Однако такое «двоевластие» было выгодно монгольским повстанцам. Японцы отговаривали последних переходить на китайскую службу в Цицикаре, указывая на распри между Сюем Ланьчжоу и Ин Шунем. Граве из беседы с Сюем вынес убеждение, что его примирение с Ин Шунем невозможно, а захватом власти Сюем недоволены многие в провинции. Спор был передан на рассмотрение Пекина².

В ночь на 11 августа войска Сюя Ланьчжоу заняли телеграф и почту. Номинально губернатором являлся Бао Гуйцин, так как «Сюй заявил, что он желает покончить с авантюрой генерала Ин Шуна и заставить его признать Бао губернатором. Власть находилась в руках Сюя или, вернее, полковника Чжана Куйу и бывшего фудутуна Цзи Сяна». Вопрос о «харачинах» в Барге вновь откладывался. Через три дня Сюй согласился принять должность в Мукдене и уйти туда со своими войсками, но бывший фудутун Цзисянь и полковник Чжан Куйу воспротивились этому. Предполагалось, что вся власть в городе официально перейдет к ним — они в настоящее время являются хозяевами города, а Бао Гуйцин и Сюй Ланьчжоу — их пленники³.

Вернемся к положению в Барге. Февральская революция 1917 г., ухудшившая внутреннее и международное положение России, отразилась и на баргинских делах. Как отмечал Усатый, «последнее время среди монгол кем-то стали распространяться сведения о том, что ввиду совершившегося в России переворота русские кредитные деньги утратили свою ценность. Монголы заявляют, что, так как “Цаган-хана”⁴ нет, то и денег его не может быть. В степи уже наблюдались случаи отказа принимать наши кредитки. Так как эти злонамеренные слухи могут тяжело

¹ Телеграмма Симонолевича в Хайлар 18 июня 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 14, 20, ф. КС, оп. 491, д. 3065, л. 8.

² Телеграмма Граве в миссию в Пекине, копии в Цицикар и Хайлар, от 1 июля 1917 г. АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 255.

³ Телеграммы Афанасьева из Цицикара в миссию в Пекине от 12 и 15 августа 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3065, л. 12, 14, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 3. Генерал Бао — Бао Гуйцин, назначенный новым губернатором Цицикарской (Хэйлунцзянской) пров.

⁴ «Белый царь» — так монголы называли российского императора.

отразиться как на нашей торговле в крае, так и на закупке лошадей и скота для армии, то я обратился к местным властям с просьбой объявить местному населению, что Российское Временное правительство приняло на себя все обязательства старого, <...> что русские кредитные бумаги по-прежнему сохраняют свою ценность и что курс рубля после переворота не только не понизился, а, наоборот, повысился. Объявление это на днях будет разослано в хошуны»¹.

Ухудшению отношения монгольских повстанцев и местного населения к России способствовала и японская агитация, которая в начале июня (ст.ст.) приняла значительные размеры. Ее целью было ослабление российских позиций и усиление позиций повстанцев в Барге. «И лично, и через своих агентов — местных монголов-харачинов — они [японцы. — С.К.] убеждают чиновников и население в полном распаде России и в невозможности положиться на защиту и пользоваться ее покровительством. Они уверяют, что место России на востоке займет Япония, могущественное содействие которой баргинцы видели на примере харачинов». Новый правитель Барги по совету японцев на место портрета российского царя поставил портрет японского императора².

Японский консул в Харбине уклонялся от встречи с приехавшим Усатым. Хотя японские дипломаты озвучили версию, что их соотечественники в Барге — заложники у монгольских повстанцев, не только жившие там русские и китайцы, но и японские офицеры, командовавшие «харачинами», в разговорах с Граве отрицали это³.

В сложившейся ситуации министр иностранных дел России, отметив, что японскому правительству неоднократно указывалось на нарушение им ст. 4 Соглашения 1910 г. политической деятельностью японцев в сфере влияния России, потребовал отзыва японских офицеров из повстанческих отрядов: «Ныне находящиеся с бандами харачинов в Барге японские офицеры, хорошо известные в Маньчжурии, руководят и, во всяком случае, участвуют в нападениях на Баргу, в требовании от баргутов присоединиться к монархическому движению и дают, таким образом, [повод] китайцам вооруженной силой подавить движение и лишить баргутов автономии»⁴. На представление российского посла в Токио Крупенского японское правительство ответило, что ничего не может сделать с участием японцев и предоставляет русским и китайцам самим расправиться с ними. Министр иностранных дел и японский посланник в Пекине уверяли российских представителей в том, что японцы среди монгольских повстанцев действуют на свой страх и риск, указаниями их снабжают квантунские военные власти⁵.

¹ Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 1 мая 1917 г. и в Ургу, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 82.

² Донесение Усатого в 4-е политическое отделение МИД и миссию в Пекине от 9 июня 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 129.

³ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 314–314об.; АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 11–12.

⁴ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 140.

⁵ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 27, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

В июне 1917 г. Граве прибыл в Хайлар для улаживания харачинского вопроса. Он уговаривал повстанцев договориться с китайцами о переходе к ним на службу, но повстанцы не были откровенны с ним. «В их словах постоянно звучит нотка обиды на Россию на то, что на Кяхтинской конференции мы не позаботились о них и оставили их на произвол судьбы». Сэбджингэ и Бумбажав, «ярые приверженцы японцев», были против перехода на китайскую службу, остальные — за, в основном потому, что не могли прокормить своих людей. Так, на службу в Мукденскую пров. собирался перейти Шадарбал, в Цицикар — Насанбаяр. Китайские власти также убедили перейти к ним на службу Доржа¹.

Ко времени приезда Граве в Баргу повстанцы там разделились на 4 отряда. Первый (ок. 1500 чел.) стоял в южной части Барги на Цаган-норе, при нем был главный начальник Шадарбал, 7 орудий и ок. 7 японцев. Второй (ок. 1400 чел. под командой Доржа) — в дер. Наньтунь в 8 верстах южнее Хайлара, там не было ни японцев, ни орудий; Дорж считался японофобом. Третий (ок. 300 монголов и 200 хунхузов под командой Бумбажава) — в д. Ситунь в 1,5 верстах от Хайлара, в нем было 2 бронзовых орудия образца «до Русско-японской войны», при них японцы. Четвертый (100 чел. под командой Сэбджингэ) занимал Старый Хайлар, в нем были главные начальники японцев — Сэки и Садаки, у монголов известные как Гуан (Куан) и Лин. Кроме того, по Барге бродили мелкие шайки «харачинов», грабивших местное население, главным образом, дауров².

Для фуражировки «харачины» делали дальние рейды по Барге и восточной Халхе, не довольствуясь снабжением от баргинских властей, которого им явно не хватало. Очевидцы сообщали, что по трактам вдоль р. Керулен почти до самого оз. Буир-нур в Халхе шли караваны беженцев из Барги. Монастыри Шутэн-сумэ, Асар-сумэ, Ороин-сумэ, Намюрин-хийд и другие в баргинском хошуне «Цаганула» (Гул-Цаган в Новой Барге) были сожжены, равно как и многие кочевья, монастыри и храмы на берегах р. Аршан и у Буир-нура. По дорогам встречались трупы монголов. Входя во Внешнюю Монголию, «харачины» занимались грабежами в расположенных юго-западнее, южнее и юго-восточнее Буир-нура хошунах Эрхэмсэг-бэйсэ, Хурц-дзасака, отчасти — Илдэн-вана, а также к западу от Буир-нура. Главная волна беженцев из Барги шла вдоль берега Керулена, главным образом, в хошун Сан-бэйсэ³.

Под контроль повстанцев попали княжества Внутренней Монголии Дзун-Узэмчин и Барун-Узэмчин, «аймак Хучит, халхаские княжества Эетей-бэйсэ, Чин-вана, Тун-дун-дзасака»⁴, южные хошуны Барги. Весь этот район был покинут мест-

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 15, 32, 59, 71, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

² АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

³ РЗО от 3 июня 1917 г. РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 246, 310. Сан-бэйсэ (совр. г. Чойбалсан) — центр хошуна Чин-ачит-вана Тогтоха.

⁴ Хучит — хошуны Дзун-Хучит и Барун-Хучит в Шилингольском сейме Внутренней Монголии; княжество Эетэй-бэйсэ — очевидно, хошун Эрхэмсэг-бэйсэ Мишигдоржа на крайнем востоке Цэцэнханского аймака; хошун Чин-вана — хошун Чин-ачит-вана Тогтоха (ранее — Ачит-бэйсэ) в Цэцэнханском аймаке; хошун Тун-дун-дзасака — хошун Хурц-вана Тудэна в Цэцэнханском аймаке.

ными жителями, ушедшими вглубь Халхи. Монастыри Асырин-сумэ, Араин-сумэ, Тологай-сумэ, Дэдхошу-сумэ, Хозхошу-сумэ, Сумон-сумэ и другие, лежащие по Керулену, Аршану и Буир-нуру, лежали в руинах, ламы были прогнаны. Монастырь Халхин-сумэ уцелел, но ламы его покинули; по слухам, его охраняли русские рыбопромышленники, промышлявшие на оз. Буир-нур и р. Халха (Халхин-гол). С этой реки к урочищу «Хурголчи» (Хонгоджин) перешли 500 «харачинов», численность их отряда в окрестностях Хайлара достигла 500 чел., его штаб находился в деревне Лопушка. Командовал отрядом японец Сэки-нао (по-китайски Гуан), при нем были помощник, 2 обер-офицера, 2 врача и 40 японских солдат, но по неофициальным сведениям их было до 100 (в основном, артиллеристы и пулеметчики — инструкторы повстанцев). Часть их прибыла по железной дороге в Хайлар, часть — через Монголию. При ставке японского командующего было два стальных скорострельных орудия, запас снарядов. Командующий занимал дом Шэнфу. Видя, что русские отвели войска в полосу отчуждения, японцы перебросили к Хайлару свой отряд с орудиями и пулеметами. Русских «харачины» не трогали¹.

Спасаясь от монгольских повстанцев, два западных хошуна Барги перекочевали в халхаский «хошун Сан-бэйсэ» (то есть в хошун Чин-ачиту-вана), просили не выгонять их, пока в Барге не восстановится порядок. Монголы согласились². Кроме того, 500 баргутов просили пропустить их в Забайкалье. Для выяснения была командирована особая комиссия³. Из 8 хошунов новых баргутов (ок. 22 тыс. чел.) ок. 8000 перекочевало в Халху из-за грабежей «харачинами». Все дауры (702 чел.) ушли в Цицикарскую пров.⁴ Правда, по сведениям даура Фуминтая, в начальный период пребывания «харачинов» в Хайларе грабежей дауров еще не было. Более того: Сэбджингэ привлек двух молодых дауров (Фуминтая и Алтан-Бато) к работе в своем штабе, к агитации за маньчжурскую династию⁵.

В Барге осталось ок. 4000 старо-баргутов, 2000 солонов и 400 олётов. Население было запугано «харачинами» и беспрекословно подчинялось им, солонь и олётые даже помогали им в грабежах. Баргутская милиция рассеялась частью среди баргутов, откочевавших в Халху, частью — на север от КВЖД, куда повстанцы опасались заходить. Новое правительство Барги никакой фактической власти не имело, было занято в основном доставкой продовольствия повстанцам и разборкой текущих дел⁶.

Итак, помимо северо-восточной трети Шилингольского сейма, монгольские повстанцы действовали почти на половине Цэцэнханского аймака Внешней Монголии (включая не приведенный в российских донесениях хошун Илдэн-вана

¹ РЗО от 17 июня 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 314–314об.

² Телеграмма Орлова из Урги от 1 июля 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 148.

³ Сообщение читинского областного комиссара от 9 июля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 52, 56; ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 153; ф. КХ, оп. 573, д. 1, л. 59.

⁴ По китайским данным, значительная часть даурского населения оставила Хайлар, селения Умну-айл, Барун-айл, Мэхэрт, была вынуждена в спешном порядке бросить свои дома и уйти в местности Жидан-гол, Жалан-айл, Цицикар и Нэнгнэнси (Цыбенев, 2017а, с. 208).

⁵ Курас, Цыбенев, 2020, с. 74–77.

⁶ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

Доржпалама, где находится оз. Буир-нур), а также в юго-западной части Барги, откуда они проникали во Внешнюю Монголию и Шилингол.

1 июля (н.ст.) 1917 г. в Пекин занял генерал Чжан Сюнь. Он восстановил на троне маньчжурского императора Пуи (девиз правления — Сюаньтун). Восстановленная монархия продержалась меньше 2 нед. (подробнее см. в следующем разделе).

Монгольские повстанцы продолжали занимать Хайлар¹. Их силы в Барге в это время были следующие. До 60–80 чел. — под командой Сэбджингэ; в деревне Ситунь — 500–600 чел. при 2 орудиях под командой Бумбажава, среди них более 200 китайских хунхузов, в основном прислуга при орудиях под охраной японцев; в деревне Наньтунь — до 1000 чел. под командой Доржа. Главные силы повстанцев — до 1600 чел. при 2 орудиях, под командой Шадарбала находились в 150–160 верстах южнее Хайлара. 3 июля в Хайлар выехали с подарками и печатями для некоторых начальников «харачинов» из Цицикара полковник Чжэн (советник управления губернатора), Го Ятин (харачин, начальник Монгольского бюро в Цицикаре) и Фухай (харачин, его помощник)².

Это были шаги к включению части повстанцев в китайские провинциальные войска — то есть то, чего добивалась российская дипломатия. Одновременно эти войска проводили передислокацию и вербовку новобранцев³ — очевидно, на случай новых стычек с «харачинами».

9 июля халхасцы получили из Хайлара известие о намерениях монгольских повстанцев двинуться в Цэцэнханский аймак, чтобы силой вернуть бежавших баргутов. Власти Внешней Монголии решили направить туда солдат, просили оружие и патроны из России. В связи с этим, Граве предложил использовать казаков для охраны границы от «харачинов»⁴.

Последние действовали и восточнее. По сведениям из секретного источника, в Мукдене было получено донесение начальника военного района Таоляо генерала У Цзюньшэна (того самого, который недавно воевал с Бавужавом), что посланный им отряд 4 августа встретился с шайкой «монгольских разбойников» близ Уханшаня и нанес им поражение. Монголы потеряли более 200 чел. убитыми, среди которых якобы оказалось 2 немца. Китайцы захватили 347 скорострельных винтовок. Остатки «шайки» бежали и двинулись на Чаоян с намерением примкнуть к «шайке» известного мятежного генерала Тан Юйлина, в которой было до 2000 «разбойников»⁵.

¹ Телеграмма Солдатенкова из Владивостока от 6/19 июля 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 151; разведсводка от 11 июля 1917 г., ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 61.

² Донесение разведки для российского консульства в Цицикаре, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 36–38.

³ Донесение разведки от 6 июля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 47; разведсводка от 13 июля 1917 г., ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 64.

⁴ Телеграмма Орлова из Урги от 10 июля 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 154; телеграмма Граве наказному атаману Забайкальского казачьего войска от 10 июля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 58–58об.

⁵ Донесение Колоколова из Мукдена в миссию в Пекине от 16 августа 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 834, л. 79.

Вместе с тем, с российскими гражданами «харачины» всеми силами старались избегать конфликтов. На этот счет они получили самые строгие инструкции. Им было запрещено переходить полосу отчуждения КВЖД. Случаи ослушания и даже грабежа скота у русских были, но по первому требованию вице-консульства скот возвращали владельцам, а виновных наказывали. Вместе с тем, повстанцы видели «полное разногласие» между российским населением Барги и российскими властями. Российское население в Хайларе не относилось враждебно к «харачинам», считало их действия внутренним делом их с баргутами, настолько не сочувствовало репрессиям против них, что если бы местному гарнизону приказали выгнать «харачинов» из Барги, он отказался бы это делать. Более того: отдельные русские помогали отдельным группам «харачинов» в розыске и грабеже скота у баргутов¹. Вот такие данные сохранились в донесениях российских дипломатов.

Это было препятствием возможному использованию российских войск для выдворения «харачинов» из Барги, столь желательного для сохранения автономного статуса последней, защищаемого Россией. Кроме того, в связи с уходом «батальона смерти» из Хайлара, российский гарнизон там сильно уменьшился. Поэтому, как отмечал Граве, «всякие агрессивные действия против харачинов, в том числе арест Сэбджингэ, невозможны, ибо угрожают безопасности русских подданных и поселка»².

Таким образом, китайские планы силового решения харачинского вопроса не были реализованы по причине как внутренних разногласий и конфликтов маньчжурских властей, так и деятельности российской дипломатии, стремившейся решить вопрос мирным путем и в соответствии с Русско-китайским соглашением по Барге 1915 г. Важную роль сыграла и смена на посту цицикарского губернатора Би Гуифана на Сюя Ланьчжоу и последующий мятеж монархически настроенных командиров цицикарских войск. Такая ситуация была выгодна не только монгольским повстанцам, но и помогавшим им японцам, так как сковывала китайские силы. Японцы поддерживали волнения в Цицикаре³. Мятежные командиры были связаны с ними, и не исключено, что одной из целей их выступления было блокирование военной операции Цицикара против монгольских повстанцев.

Мирное решение вопроса предполагало прием монгольских повстанцев на китайскую службу и(или) роспуск их отрядов. Однако маньчжурские власти были заняты своими внутренними распрями, а среди монгольских повстанцев имелись разногласия по поводу перехода на китайскую службу. В связи с этим, повстанцы оставались в Барге. Они уже не составляли единого отряда, а разделились на несколько; единоначалие сохранялось скорее номинально. Фуражировка была связана с масштабными грабежами, в том числе монастырей, хотя «харачины» были буддистами. Имеющиеся данные не позволяют установить, проводились эти грабежи с санкции начальников отрядов, или этим занимались вышедшие из их под-

¹ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

² Телеграмма Граве из Хайлара в миссию в Пекине от 5 июля 1917 г. АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 1, л. 58.

³ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 26.

чинения группы монголов и хунхузы. Эти грабежи привели к масштабным перемещениям населения в Барге, на востоке Внешней и Внутренней Монголии.

Новая попытка восстановления власти маньчжурской династии генералом Чжан Сюнем и реакция монголов

Движение за восстановление маньчжурской династии не прекратилось с гибелью Бавужава и поражениями монархистов в 1916 г. Ячейки партии Цзуншэдан продолжали действовать. К ней примыкали некоторые командиры маньчжурских провинциальных войск. Например, в марте 1917 г. «Известный уже по своей оппозиции центральному правительству и фэнтяньскому дуцзюню командир 28-й дивизии Фэн Дэлин, находящийся ныне в г. Бэйчжэнсянь, вступил в тайные сношения с маньчжурской монархической партией, представитель которой, некий Му Юаньци, проживавший ранее в Дальнем и принимавший живое участие в формировании военного отряда под главным руководством бывшего Су-цин-вана, недавно приехал к нему и был встречен с полным радушием. Его приезд связывают с вступлением в ряды монархистов мятежного полковника Тан Юйлина, который, будто бы, уже успел получить звание командира “2-й маньчжурской армии”. Тот же источник передает, что туда же недавно приехал из Тяньцзина немец “Тань”, состоящий на службе в тяньцзинском отделении фирмы Ти-чэн-ян-хань, который также был принят Фэн Дэлином»¹.

Важное место в монархическом движении занимали монгольские повстанцы, к которому они вместе с японцами стремились подключить Баргу. После того, как «харачины» заняли Хайлар, там на всех домах были вывешены флаги с драконом (цинские) вместо прежних республиканских китайских. Затем они отправили депутацию из Хайлара к цинь-вану Су. Депутация встречалась в Дальнем с Су и Кавасимой и вернулась 18 июня 1917 г.² Она привезла печати новым правителю и командующему войсками Барги, а также предписания Су. Последний предложил монгольским повстанцам оставаться в Барге и «ждать его указаний вступить в связь с усиливающимся в Китае монархическим движением». С депутатией вернулись японцы³.

Все это означало, что маньчжурские монархисты и монгольские повстанцы считают Баргу под властью восстанавливаемого цинского императора.

Как отмечал Граве, при таких обстоятельствах трудно было рассчитывать на сговорчивость «харачинов» в переходе на китайскую службу. По его наблюдениям, все они были монархистами и действовали на основании получаемых от цинь-вана Су указаний, но, хотя с японцами в Старом Хайларе они поддержива-

¹ Донесение Колоколова из Мукдена в миссию в Пекине от 6 апреля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 834, л. 34–34об.

² 1 июля н.ст., когда была реставрирована цинская монархия в Пекине.

³ РЗО от 17 июня 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 33, л. 314–314об.; телеграмма Граве из Хайлара от 19 июня 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 141; ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 24.

ли оживленные контакты, в японофильстве их обвинить было нельзя. Все японцы среди «харачинов» были запасными офицерами разных родов войск. Они подчинялись квантунским военным властям, славшим им приказания через Накаямю — японского агента в Цицикаре. В Барге их главным начальником был капитан Сэки, который поддерживал постоянный контакт с Накаямой, в более важных случаях запрашивал инструкции из Порт-Артура через доверенных лиц из «харачинов» в сопровождении японцев. Например, 26 июня 1917 г. туда ездил Сэбджингэ. Инструкции писали от имени Су, при котором в Порт-Артуре состоял Кавасима. В одной из таких инструкций, посланной новым баргинским властям, содержались поздравления по поводу их избрания, просьба двум избранным лицам исполнять обязанности главы Хулунбуира и его помощника, планы награждений. Проживая среди монгольских повстанцев, японцы обучали их военному строю, снабжали деньгами, оружием и провиантом, руководили их действиями¹.

Прибывший в Хайлар Граве говорил «харачинам», что они находятся на службе у японцев. «Последние, ликвидируя монархическое движение, участвовавших в нем китайцев обратили в рабочих в своих предприятиях, харачинцев же заставили пойти на Баргу, чтобы быть здесь разбитыми китайцами. Выход — соглашение с последними при моем посредстве»². Граве имел в виду поражение монархистов в 1916 г. Но теперь вновь готовилась реставрация, и «харачины» знали об этом. Произошла она летом 1917 г. Ключевой ее фигурой стал генерал Чжан Сюнь (1854–1923).

Кратко остановлюсь на его деятельности. Он родился в пров. Цзянси. Служил в армии в разных провинциях, дослужился до полковника (1894 г.). Затем служил в армии Юань Шикая. Во время восстания ихэтуаней в 1900 г. во время бегства императорского двора из Пекина он присоединился к императорской процессии и уделял большое внимание комфорту вдовствующей императрицы Цыси. Этим он проявил верность маньчжурской династии в трудное для нее время, и стал быстро продвигаться по служебной лестнице³. После интронизации императора Пуи он был отправлен командовать гарнизоном в г. Нанкин.

В период Синьхайской революции в конце 1911 г. войска Чжан Сюня во время борьбы с революционерами в Нанкине убили сотни молодых людей лишь на основании того, что у них не было кос — символа подчинения маньчжурам. После этого командующий революционными войсками в пров. Цзянсу, чтобы удовлетворить народное возмущение, издал объявление с предложением 50 тыс. мекс. долл. за голову Чжан Сюня или 10 тыс. тому, кто убьет его бомбой, поскольку тот, будучи командующим правительственными войска в Нанкине, приказал войскам избивать и грабить мирное население города, подозреваемое в сочувствии революции⁴.

¹ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

² Послание Граве от 14 июня 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 13об.

³ North China Herald, 18.11.1911, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 6.

⁴ Цзин цзинь шибао, 09.11.1911, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 7–8, 55–61.

Примерно через месяц Чжан Сюнь телеграфировал членам императорской фамилии, что в настоящее время находится со своими войсками в г. Сюйчжоу. «Недавно мною был представлен доклад, в котором я высказался в пользу установления в Китае конституционно-монархического строя. Сейчас же мною получена телеграмма от председателя совета министров, из которой я узнал, что революционеры во что бы то ни стало требуют введения в Китае республиканского строя, не желая считаться с мнением его населения. Я решительно высказываюсь против удовлетворения подобного незаконного требования революционеров и продолжаю заниматься подготовкой войск для похода на юг. Вверенный мне отряд полон отваги, и революционеры сильно его боятся, ввиду чего они обратились по телеграфу к своим единомышленникам, находящимся на севере, с просьбой оказать им содействие в борьбе с вверенными мне войсками. Несмотря на такое прекрасное состояние моего отряда, я лишен возможности предпринять серьезные действия за отсутствием необходимых на это средств. Так как в настоящий момент в государственном казначействе совершенно нет свободных средств, то я обращаюсь к вам, князья и сановники, с просьбой собрать несколько десятков миллионов лан на содержание войск, что даст возможность находящемуся под моим командованием отряду вывести государство из настоящего критического положения и предотвратить грозящую гибель»¹.

В Конституционную палату он телеграфировал, что со времени восстания в Учане пролиты реки крови, население несет убытки, междоусобная война принимает угрожающие размеры; от имени императора в храме предков царствующей династии принесена клятва на верность конституции; на основе вновь принятых законов власть императора ограничена, за ним сохранилось лишь высокое почетное звание. Чжан Сюнь справедливо отмечал, что в этих условиях установленный в стране порядок, в сущности, ничем не отличается от республиканского, но революционеры не желают компромисса. «В настоящее время войска, находящиеся в моем распоряжении, а также войска в провинциях Мукденской, Гиринской, Хэйлунцзянской, Чжилийской, Шаньдунской и Хэнаньской — несколько сотен тысяч человек — стоят за конституционную монархию, противятся введению республиканского строя, хотят двинуться на юг и уничтожить мятежников. Просим вас обдумать изложенное»².

Появился неопубликованный императорский указ о временном возложении на Чжан Сюня обязанностей нанкинского генерал-губернатора. 20 января 1912 г. вышел императорский указ о том, что принят к сведению доклад Чжан Сюня о его вступлении в эту должность. Правда, реально Чжан Сюнь контролировал лишь Сюйчжоу и небольшую территорию по обе стороны железной дороги³. По его почину была организована «военная партия» с целью отстоять конституционную монархию. Во главе нее стояли высокие военные чины: в пров. Чжили — Цзян Гуйти, Фэн Гочжан, Чжан Хуайчжи, Ван Хуайцин, в Сюйчжоу — Чжан Сюнь, в

¹ Шунтянь шибао, 23.12.1911, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 10–11.

² Бэйцзин шибао, 25.12.1911, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 13–14.

³ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 19, 20.

Ханькоу — Ван Чжанъюань, Ли Чунь, Чэнь Гуанюань, в Шаньдуне — У Динъюань, Ван Юнчэн, в Хэнани — Хун Цзычэн, Чжоу Фулин, в Маньчжурии — Пань Цзюйин, Не Чжунин, У Сянчжэн, Чжан Цзолин, Ма Лунтан¹.

Однако в то время, когда победа Синьхайской революции уже становилась ясной, появились сведения, что Чжан Сюнь больше не противостоит наступлению республиканцев на Пекин². После прихода к власти Юань Шикая войска Чжан Сюня были размещены в Шаньдуне. Но в военных кругах говорили, что Юань Шикай послал вице-президенту Ли Юаньхуну телеграмму о получении сведений о том, что Чжан Сюнь, вступив в соглашение с членами партии Цзуншэдан, думает привлечь на свою сторону разбойничьи шайки и часть войск пров. Хэнань и с их помощью начать восстание против республики. Он призвал Ли Юаньхуна предупредить это выступление. Последний распорядился арестовывать всех подозрительных, приказал военным не вступать в общение с мятежниками³. Демонстрируя лояльность маньчжурской династии, Чжан Сюнь отказался срезать свою косу, хотя и был теперь генералом республиканских войск.

Летом 1913 г. войскам Чжан Сюня было приказано действовать против сил Го-миньдана в Цзянсу; при взятии им г. Цзяннин было вырезано до нескольких тысяч человек⁴. За это он получил большие награды. По декрету Юань Шикая от 17 июля 1913 г. Чжан Сюню был присвоен чин генерала армии, декретом от 18 июля он был награжден орденом за заслуги 3-й степени, другим декретом от 18 июля — назначен комиссаром по умиротворению северной части пров. Цзянсу, декретом от 4 сентября — военным губернатором (дуду) этой провинции. Однако Чжан Сюнь запросил правительство об отклонении его назначения дуду Цзянсу. Он считал необходимым захватить Нанкин. Но президент послал ему телеграмму с просьбой принять назначение. 16 декабря он все-таки разрешил Чжан Сюню уволиться с должности дуду: теперь последний был назначен комиссаром бассейна р. Янцзы⁵.

Чжан Сюнь увеличил свои войска с 10 тыс. до 30 тыс. чел., собирая деньги с налоговых управлений, заменил всех местных налоговых чиновников военными офицерами в некоторых частях провинций Цзянсу и Аньхой. Его армия так усилилась, что на севере пров. Аньхой образовалось фактическая вотчина Чжан Сюня. Он считал, что младший должен быть лоялен старшему. Так что он был лоялен маньчжурской династии, а затем стал лоялен Юань Шикаю потому, что стал его протеже. Но в марте 1916 г., после того как от Юань Шикая отложилось несколько провинций Юга, Чжан Сюнь с некоторыми другими соратниками Юаня по Бэйянской армии стал советовать ему отказаться от провозглашения себя императором⁶.

¹ Шуньтянь жибао, 31.12.1911, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 15–16.

² China press, 4.02.1912, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 18.

³ Шуньтянь жибао, 25.05.1912, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 21–23.

⁴ Кузьмин, Дмитриев, 2020в, с. 180–195.

⁵ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 32–44, 55–61.

⁶ Pekin Gazette, 9.06.1917, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 55–61; Чудодеев, 2013, с. 328–374; Кузьмин, Дмитриев, 2020в, с. 180–195.

Чжан Сюнь вызывал подозрения Юань Шикая в связи с оживлением деятельности Цзуншэда в городах Маньчжурии, о которой говорилось выше. 20 мая президент, озабоченный деятельностью генералов Фэн Гуаньчэна и Чжан Сюня, агитировавших в Мукдене, командировал туда генерала У Гуйшэна для выяснения, насколько развита агитация среди войск и населения за восстановление маньчжурской династии. Тот сообщил в Пекин, что деятельность монархистов развивается и встречает сочувствие части войск и среди монголов Внутренней Монголии, особенно в северо-восточной части, где этим движением руководит Бавужав. По его докладу, во главе движения там стоит князь Южного Горлоса — председатель Джеримского сейма. Он и лидер Цзуншэда Шэн Юнь будто бы снабжают оружием и патронами население внутренне-монгольских хошунов Дзасакту-вана и Бинту-вана, намереваются с помощью хунхузов захватить соседние уезды. Благодаря принятым мерам эти попытки потерпели неудачу. 20 июня мукденский губернатор получил телеграмму от правительства с требованием принять меры против агитации Цзуншэда, усилить разведку его деятельности во Внутренней Монголии, так как она встречает сочувствие монгольского населения, которое намерено восстать¹.

Подозрения Юань Шикая в отношении Чжан Сюня были не беспочвенны. При всей лояльности ему Чжан считал, что императором должен быть Пуи, а не Юань. По воспоминаниям Пуи, после объявления Юань Шикая императором бывший госсекретарь Сюй Шичан послал телеграммы Ни Цычуну и Чжан Сюню о том, что республиканская власть выдохлась и лучше вернуть политическую власть цинскому дому. Они придерживались того же мнения, но, не получив поддержки держав, ничего не стали предпринимать. После смерти Юань Шикая в Сюйчжоу и Нанкине прошли совещания лидеров бэйянских милитаристов, а на церемонии его похорон они, под руководством Сюй Шичана, приняли решение о реставрации. Затем был разработан при участии японцев план, включавший действия Бавужава².

Главное бюро Цзуншэда находилось в Дальнем (Далянь). Оно открыло отделения в Маньчжурии и Внутренней Монголии: в Мукдене, Гунчжулине, Чанчуне, Итунсяне, Южном Горлосе и других местах. В Циндао было организовано отделение Цзуншэда из примерно 500 чел. 30 июня в Гирине состоялось совещание в связи с действиями монархистов. Постановили, в частности, не допускать проникновения антиправительственной агитации в войска и полицию, внушать войскам и полиции любовь и преданность к государству, строго сохранять нейтралитет. 7 июля агент из Дальнего донес гиринскому цзяньцзюню, что бывший цинский министр Мурца Телян отправил будто бы во все княжества Внутренней Монголии своих приверженцев и поручил им воздействовать на князей, чтобы они не признавали нового президента Ли Юаньхуна и начали беспорядки для восстановления маньчжурской династии³.

¹ РЗО от 15 июня 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 52–53.

² Пу И, 1968, с. 131–132.

³ РЗО от 7 августа 1916 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 58–61. Ли Юаньхун, как вице-президент, занял пост после кончины Юнь Шикая.

С чем же был связан новый подъем активности сторонников реставрации? Они сочли, что ситуация в Китае стала благоприятной для их планов. В мае 1917 г. президент Ли Юаньхун сумел сместить с поста премьер-министра Дуань Цижуня¹, в руках которого (а не президента) находилась реальная власть. Дуань уехал из Пекина и стал набирать войска из своих сторонников. Президент обратился за помощью к Чжан Сюню, который в качестве непременного условия потребовал роспуска парламента. Об этом последовал президентский указ. 1 июля 1917 г. войска Чжан Сюня вступили в Пекин. Но, вместо помощи президенту, он восстановил на троне Пуи. Есть сведения, что Чжан Сюнь контактировал с японцами. В Пекине одним из его секретарей стал член Цзуншэда².

18 июня/1 июля 1917 г. был опубликован указ Пуи, который никаких сословных и национальных привилегий не вводил. В нем говорилось, что, будучи несовершеннолетним, Пуи унаследовал «великое дело» (империю), но революция побудила императрицу (Луньюй) передать верховную власть в руки народа. «Республиканский строй, однако, не оправдал надежд императрицы: страна все время раздирается смутой и беспорядками во всех отраслях государственной жизни. Чжан Сюнь, Фэн Гочжан и Лу Жунтин³ обратились ко мне с просьбой принять верховную власть и заняться устройством Китая на монархических началах. Президент Ли Юаньхун также обратился с просьбой принять от него бразды правления. Желая блага своему народу, я не мог не согласиться удовлетворить их просьбу. С сего дня, 13 дня 5 месяца 9 года эры Сюаньтун, я принимаю на себя обязанности верховной власти и вместе с народом приложу старания к спасению страны на следующих началах:

В империи Да-Цин устанавливается конституционно-монархический строй. Средства, в размере 4 000 000 долларов, установленные для содержания императорского двора при учреждении в стране республики, не увеличиваются. Члены царствующего дома не могут участвовать в политических делах. Различия между маньчжурами и хань-жэнь (собственно китайцами) упраздняются. Все договоры и финансовые обязательства, заключенные с иностранными государствами, сохраняют свою силу. Гербовый сбор и другие тяжкие налоги отменяются <...> Политические преступники амнистируются <...> Стричь или не стричь косы предоставляется на усмотрение каждого <...> Чжан Сюнь назначен государственным канцлером с совмещением должностей генерал-губернатора Чжилийской провинции и главноуправляющего портами Северного Китая, Сюй Шичан — председателем государственного совета, Фэн Гочжан — генерал-губернатором провинций

¹ Причиной отставки была информация, что Дуань Цижунь подписал с Японией соглашение о займе в обмен на вступление Китая в Первую мировую войну на стороне Антанты. Ли Юаньхун предпочитал нейтралитет, чтобы избежать военных действий на территории Китая в арендованной Германией части Шаньдуна.

² Непомнин, 2011, с. 217; Чудодеев, 2013, с. 328–374; Саркисов, 2019, с. 51–52.

³ Фэн Гочжан не принимал участия в реставрации, сомнительно, что в ней принимал участие Лу Жунтин (Кузьмин, Дмитриев, 2020в, с. 190, 192).

Цзянсу и Цзянси и главноуправляющим портами южного побережья Китая, Лу Жунтин — генерал-губернатором Гуандунской и Гуансийской провинций»¹.

В тот же день были опубликованы императорские указы, которыми Чжан Сюнь назначался одним из семи советников по укреплению государства, генерал-губернатором (цзунду) пров. Чжили и главным заведующим северными портами с оставлением в столице для ведения дел. Фэн Гочжан был назначен нанкинским генерал-губернатором и главнозаведующим южными портами, Лу Жунтин — кантонским генерал-губернатором. Через несколько дней Чжан Сюнь подал Пуи мемориал. В нем говорилось, что ученые составили заговор против династии; со времени установления республики шли столкновения чиновников из-за разной партийной принадлежности; все думали только о себе, забыли мораль; теперь император должен потребовать назад административную власть, чтобы «умиротворить людей и удовлетворить духи последних императоров»; следует установить сильную монархию². В Пекине было приказано вывесить цинские флаги. Желющие вновь одевали цинскую форму одежды и косы³.

О реставрации монархии узнал находившийся в Хайларе Граве. Он счел это японским проектом и предложил использовать власть Пуи для удаления из Барги монгольских повстанцев: «Сейчас полковник Чжэнь сообщил мне о получении им телеграммы губернатора Сюя с известием о восстановлении маньчжурской династии и об утверждении его императором в должности. Таким образом, утверждение влияния японцев в Барге неминуемо, так как при их помощи монархия здесь провозглашена месяц тому назад харачинами. Единственный выход для нас из этого — отправление императором телеграммы главарям харачинов с приказом покинуть Баргу. При таких условиях считаю свое пребывание здесь излишним и жду указаний. Копии сообщаются в Пекин и Харбин»⁴.

Большинство монгольских повстанцев слепо верили восстановленному на троне маньчжурскому императору⁵. В связи с этим, можно было бы ожидать их активных действий. Но таковых не последовало. Вместо этого, как и предполагал Граве, в Барге постарались усилить свои позиции японцы. Су в послании правителям Барги сообщил о назначении им в помощь японских советников Сэки и Хаяси. Сэки подтвердил Усатому свое назначение советником при баргинских властях. Последние сообщили, что японцы требуют от них соляную концессию на оз. «Чжурбет» и рыбные промыслы на оз. Далай-нор. Усатый ответил, что там есть русские кандидаты и японцам надо отказать⁶.

¹ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 29, л. 20об.–22.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 62–63, 65–65об.

³ Пу И, 1968, с. 125.

⁴ Телеграмма Граве из Хайлара от 22 июня [3 июля н.ст.] 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 1, л. 46.

⁵ Телеграмма Граве из Хайлара в миссию в Пекине от 26 июня 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 32.

⁶ Телеграмма Граве из Хайлара в миссию в Пекине от 23 июня 1917 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 143; ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 30, ф. КХ, оп. 573, д. 1, л. 7; телеграмма Усатого из Хайлара от 26 июня 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 1, л. 11–12.

Вскоре Кудашев телеграфировал Усатому, что «восстановленный монархический режим, по преобладающему здесь мнению, не может удержаться. Уже начались боевые столкновения близ станции Ланфан железной дороги Пекин – Тяньцзин между сторонниками Чжан Сюня и Дуаня, в которых первые пострадали»¹.

Дуань Цижуй распространил прокламацию, где говорилось, что в результате восстановления монархии государство подверглось опасности, необразованный и недисциплинированный Чжан Сюнь высоко мнит о себе; войскам и полиции надо поддерживать порядок в своих округах, Чжан Сюня — задержать; кто возьмет его живым или мертвым, получит 100 тыс. долл.²

В императорском указе от 8 июля (н.ст.) 1917 г. говорилось, что Чжан Сюнь прислал всеподданнейший доклад, что все провинции начали военные действия, всю вину возлагают на него, он просит уволить его с занимаемых должностей. Во исполнение этого ходатайства, ему разрешено быть уволенным с должностей советника по управлению государством, чжилийского генерал-губернатора и главного заведующего северными портами. Но он должен поддерживать дисциплину в своих военных частях в столице, по прибытии в столицу Сюй Шичана — войти с ним в обсуждение организационных мероприятий³. Таким образом, за Чжан Сюнем сохранялось лишь командование его войсками в Пекине.

После этого Чжан Сюнь послал телеграмму Дуань Цижую. В ней говорилось, что он восстановил монархию со своими единомышленниками из чувства лояльности к императорскому дому на благо нации, но вместо помощи пришлось вести бои с прежними соратниками по оружию. «Теперь без всяких переговоров заявляется, что меня следует уничтожить. Но нас судить будут Небо и потомки. Как я могу просить моих соратников сложить оружие и вступить в войска противника» — без гарантий безопасности и без перспектив достойного обращения с императорской фамилией? Далее говорилось, что сейчас Чжан Сюнь защищается, поддерживает мир в столице, не откроет огонь, пока не откроют огонь по нему, не покинет свои позиции и не откажется от своих моральных обязательств перед императорским домом. «До того, как я соглашусь пойти на уступки, должны быть выработаны условия благородного обращения и гарантии их соблюдения»⁴.

Для привлечения монголов к восстановленной монархии 21 июня/4 июля 1917 г. вышел указ императора Сюаньтуна. В нем говорилось, что Монголия почти 300 лет «была оплотом нашего государства». Ныне монгольские князья вместе со своими старыми приверженцами могут прийти оказать ему поддержку, «чтобы на вечные времена стать оплотом правительства». Министерство колоний должно обсудить, какие реформы надо провести в Монголии, и доложить⁵. Все монгольские аристократы в Пекине, кроме Харачин-вана Гунсээннорова, поддержали

¹ Телеграмма Кудашева в вице-консульство в Хайларе от 23 июня 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 142.

² Peking Daily News, 9.07.1917, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 76–76об.

³ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 75.

⁴ Peking Daily News, 11.07.1917, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1173, л. 79об.

⁵ АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 406.

реставрацию¹. По другим данным, в июле 1917 г. Гунсэnnоров и некоторые другие феодалы из Внутренней Монголии созвали съезд, желая создать отдельное государство Маньчжурия–Монголия. Однако после контактов с Чжан Сюнем и Дуань Цижуюм Гунсэnnорову стало ясно, что китайские националисты не намерены допустить этого². Руководство Барги под влиянием «харачинов» формально поддержало реставрацию. В хошуне Харачин Внутренней Монголии в июле 1917 г. образовалась «шайка монгольских разбойников» свыше 4000 чел., среди которых было до 20 китайцев — членов Цзуншэда и 6 немцев «в качестве главных руководителей»³. В целом, быстрой и эффективной реакции монголов на реставрацию не последовало.

Сторонники Чжан Сюня были сравнительно немногочисленны и находились далеко от Пекина. Даже представители Севера Китая в большинстве отказались следовать новому строю. 5 июля выступить против Чжан Сюня решил сам Чжан Цзолинь⁴, который до того соблюдал нейтралитет и выражал почтение Пуи. Ли Юаньхун отказался освобождать свой пост президента, вице-президент Фэн Гочжан тоже заявил протест. Дуань Цижуй уже 4 июля приступил к организации экспедиции на Пекин. На его сторону перешли 8-я дивизия, дучзюнь пров. Чжили — Цао Кунь и дучзюнь пров. Хубэй — Ван Чжаньюнь. Вооруженные столкновения Дуань Цижую с Чжан Сюнем закончились поражением последнего: у него было ок. 8000 чел. при 6 горных орудиях и 10 пулеметах, у республиканцев — до 80 тыс. чел. (6 дивизий и 2 смешанные бригады). Чжан Сюнь укрылся в голландской миссии. Хозяином положения стал Дуань Цижуй⁵.

Когда к Пекину подошла «армия защиты республики», Пуи написал письмо Чжан Цзолиню, на которого возлагал большие надежды. Но гонец был схвачен республиканцами, едва успев выехать за город⁶. Возможно, расчеты Пуи были связаны с предположениями о монархических наклонностях Чжан Цзолиня: в 1915 г. он поддержал Юань Шикая, когда тот провозгласил себя императором, хорошо относился к Пуи, а при попытке реставрации примкнул к Дуань Цижую лишь тогда, когда стало ясно, что тот побеждает.

9 июля в осажденном Пекине цинский двор подготовил указ об отречении, но не решился издать его из страха перед находившимися в городе войсками Чжан Сюня⁷. Штурм республиканцами Пекина походил скорее на фарс и привел к незначительным потерям с обеих сторон. Япония, на помощь которой рассчитывал Чжан Сюнь, предпочла не вмешиваться. У японцев были сведения, что большинство членов императорской семьи обвиняли Чжан Сюня в поспешности и непродуманности действий, и это разрушило надежды на восстановление династии. По

¹ Jagchid, 1999, p. 16.

² Abe, 2007, p. 53–63.

³ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 306, л. 181. Ли Юаньхун не покинул свой пост, несмотря на угрозы делегатов, присланных к нему Чжан Сюнем (Забайкальская новь, 5.07.1917).

⁴ Саркисов, 2019, с. 53.

⁵ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 29, л. 20об.–22.

⁶ Пу И, 1968, с. 127, 134.

⁷ Weale, 1918, p. 271.

сведениям американского посланника в Пекине, японский посланник Т. Хаяси советовал Чжан Сюню до выступления убедиться, поддержат ли его основные военные кланы, а Чжан Сюнь счел это за одобрение своих действий¹.

Итак, 12 июля 1917 г. республиканские войска взяли столицу. После этого вновь свергнутый Пуи издал декларацию, что план восстановления династии был задуман лично Чжан Сюнем без изъявления собственного желания Сюаньтуна (Пуи), поэтому он не считает себя ответственным за кровопролитие².

Попытка реставрации оказалась дорогостоящей. Китайские газеты сообщали, что Чжан Сюнь для этого взял из трех банков 2 млн. 200 тыс. долл. от имени правительства. После провала реставрации банки потребовали от правительства уплаты, но премьер Дуань Цижуй не согласился, говоря, что республиканское правительство «не отвечает за долги кратковременной монархии»³.

Реакции тех, кто был связан с харачинским вопросом, на поражение реставрации были следующими. У китайцев в Барге возникла надежда, что неудача реставрации сделает монгольских повстанцев более сговорчивыми, а при упрямстве Бумбажава китайцы прибегнут к силе. Сэбджингэ и делегаты баргутов, при известии о восстановлении монархии выехавшие для выяснения обстановки в Пекин через Дальний, до Пекина так и не доехали. В Дальнем Сэбджингэ постоянно советовался с Кавасимой и привез в Хайлар приказание Су монгольским повстанцам оставаться в Барге, пока не выяснится положение в Китае, а для выигрыша времени вести с китайцами переговоры о переходе на их службу⁴. В Цицикаре Граве с Сюем Ланьчжоу разработали такой план по «харачинам»: распространять среди них через китайских агентов слухи о неудаче Чжан Сюня и о восстановлении республики в Китае; специальный агент будет выяснять настроения Шадарбала и Доржа; при упрямстве Бумбажава прибегнут к силе. Хорват обещал Граве распорядиться, чтобы переписка «харачинов» и японцев сообщалась Усатому, собирався усилить до сотни кавалерию в Хайларе и арестовать Сэбджингэ. О японцах в Барге японский консул в Харбине Н. Сато письменно сообщил Граве, что они отказались выполнять приказание военного министра⁵. То есть остались при повстанческом войске.

Итак, руководители монархистов и захватившие Баргу монгольские повстанцы сразу стали демонстрировать ее подчинение маньчжурскому императору, власть которого собирались восстановить. Этому не соответствовали итоги съезда баргинских руководителей 23 мая/5 июня 1917 г., который провозгласил Баргу независимой. Новое баргинское руководство не выделяло людей в отряды монархистов. Оно было занято в основном доставкой продовольствия «харачинам» и разборкой текущих дел, а реальной власти не имело.

¹ Саркисов, 2019, с. 53–56.

² РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 29, л. 22об.

³ Забайкальская новь, 28.07.1917.

⁴ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 33, ф. КХ, оп. 573, д. 1, л. 8, 61.

⁵ Рукопись записки Граве Усатому от 29 июня 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 243, рукопись, телеграмма Граве консулу в Куаньчэнцзы от 26 июля 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 290.

Монархическое выступление Чжан Сюня потерпело крах: восстановленная монархия продержалась меньше 2 нед. Главной причиной была плохая подготовка и, в первую очередь, то, что Чжан Сюнь не заручился поддержкой крупных милитаристов. Именно отсутствие этой поддержки стало причиной того, что он не смог получить и серьезную поддержку иностранцев (в первую очередь, японцев), на которую рассчитывал. Монгольские повстанцы и руководители Барги знали о реставрации. Но вместо реальных действий они заняли выжидательную позицию. По-видимому, причиной были соответствующие указания цинь-вана Су и отсутствие японской поддержки Чжан Сюню.

Изгнание монгольских повстанцев из Хайлара

В условиях контроля монгольских повстанцев над Баргой и их рейдов для фуражировки Россия и Внешняя Монголия прилагали усилия к решению обострившихся харачинского и баргинского вопросов. Что касается самих баргинцев, то их руководство в основном подчинялось лидерам повстанцев, а простой народ стремился избежать потери имущества (в основном путем бегства в Халху или Маньчжурию). Общим в подходах России, Внешней Монголии и баргинцев было то, что «харачины» должны оставить Хулунбуир и не заходить в Халху.

В начале июля, в связи с заминкой в переговорах монгольских повстанцев с китайцами, Граве обратился к наказному атаману Забайкальского казачьего войска с запросом, можно ли использовать казачьи части из Забайкалья для изгнания «харачинов» из Барги. После длительной переписки с российскими властями разных уровней и переговоров с вице-министром иностранных дел Внешней Монголии Цэнд-гуном (Чэндэ-гун) удалось добиться, чтобы на границу Барги выдвинулся не казачий, а монгольский отряд под начальством инструктора монгольской бригады — войскового старшины А.Ф. Васильева¹. Задачей отряда было не изгнание «харачинов» из Барги, а их недопущение в Халху. 21 июля Орлов из Урги телеграфировал Усатому в Хайлар, что монгольский отряд в составе 1500 чел. при 2 орудиях и 2 пулеметах под командой 7 младших инструкторов и войскового старшины Васильева прибыл в хошун Далай-вана на востоке Халхи².

Повелением Джебцундамба-хутухты Васильев был назначен помощником командующего этим отрядом. В выданной ему подорожной было велено для него ставить юрту с красной каймой, как для монгольского сановника. Васильев получил в непосредственное командование отряд из 2 орудий, 4 пулеметов и 1 хорона, то есть 2 сотен кавалерии под командой младших инструкторов и унтер-офицеров постоянного состава монгольской бригады. Чтобы не выделяться военной формой в рядах монгольских войск, Васильев пожелал переодеться самому и переодеть инструкторов в монгольскую одежду. Это очень понравилось монголам, и они сра-

¹ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 52–119.

² Телеграмма Усатого из Хайлара управляющему генконсульством в Харбине от 21 июля 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 85.

зу прислали в бригаду нужное число монгольских халатов. Васильев предполагал прибыть в сборный пункт в хошуне Далай-вана 23 июля и приступить к организации непосредственно подчиненного ему отряда. У него в Нийслэл-хурэ установились очень хорошие отношения с начальником отряда Хатан-Батором Максаржавом. Орлов указал Васильеву, чтобы тот удерживал монголов от перехода границы Барги. Монголы просили дополнительное оружие и патроны¹.

Командированный монгольским правительством в Хайлар Цэнд-гун обсуждал там с Граве вопрос о возможности предоставления внешним монголам мандата на восстановление порядка в Барге (то есть на изгнание «харачинов»). Затем с этим предложением Цэнд-гун обратился к Орлову. Тот дал уклончивый ответ, «сославшись на недостаток гарантий того, что /монголы/ по восстановлении порядка удалятся из Барги». Вследствие этого посланный на восток Халхи отряд не стал пересекать границу с Баргой. Ему было приказано сосредоточиться в хошуне Далай-вана и ждать приказаний из Урги в зависимости от хода событий в Барге².

Но Внешняя Монголия не собиралась отказываться от возникшего шанса reintegrировать Баргу в свой состав. 27 июля монгольский министр иностранных дел сделал Орлову официальное заявление следующего содержания. Ввиду огромных убытков от «харачинов» во Внешней Монголии и непринятия Китаем мер по восстановлению порядка, монгольский совет министров требует послать войска в Баргу, а в случае неисполнения этих требований монгольские отряды сами перейдут границу Барги. Орлов объяснил, что такой переход будет означать войну с Китаем; если Монголия хочет получить поручительство России и Китая восстановить порядок в Барге, необходимо знать, на какое вознаграждение она рассчитывает. Министр ответил, что Монголия желала бы объединиться с Баргой. В случае решения допустить халхаские отряды в Баргу генерал Хорват был готов выдать им 1100 бердан и по 100 патронов к каждой. Орлов поддержал это предложение, так как монголы не имели достаточно оружия³.

Российский МИД, памятуя стремление ургинского правительства присоединить Баргу, делал всё, чтобы не допустить туда отряд Васильева. Соответственно, Граве выступал за оставление халхаского отряда на границе Барги, пока оттуда не уйдут «харачины»⁴.

Это вынудило совет министров Монголии отказаться от посылки войск в Баргу. И.о. китайского сановника в Нийслэл-хурэ была вручена нота, выдержанная в умеренном тоне. В ней излагается история переговоров по харачинскому вопросу,

¹ Копия письма Орлова из Урги товарищу министра иностранных дел от 21 июля 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 300–303.

² Телеграммы Орлова из Урги от 24 и 25 июля 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3073, л. 76, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 96.

³ Телеграммы Орлова из Урги от 28 июля и 10 августа 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3073, л. 77, 81; телеграмма Граве от 31 июля 1917 г. в 4-й политический отдел МИД, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 43.

⁴ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 52–119, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 123.

сведения об убытках Монголии, просьба послать в Баргу китайские войска. Но при этом совет министров обсуждал вопрос о вооружении баргутов, бежавших в Халху, и посылке их в Баргу. Орлов отмечал, что «ввиду отсутствия уверенности в воинских качествах баргут и оптимистических сведений, полученных от Граве, намерение это также пока оставлено». «Согласно с мнением Граве, монголы предполагают держать отряд на границе до полного очищения харачинами Барги». Монголы решили перебросить главные силы к р. Халх-гол на границе с Баргой. В дополнение к первому отряду в 1500 чел. они собирались мобилизовать еще 1500. Монгольский банк выделил хошунам на содержание солдат 55 тыс. (видимо, руб.) под гарантии монгольского правительства¹.

В результате прибывший на восток монгольский отряд остановился. Васильев сообщал: «Монгольский отряд, состоявший из части бригады (2 пулемета и 160 цыриков) и набранной здесь милиции, выступивший из Урги в конце сентября, достиг границ Халхи к середине октября, пройдя свыше 1000 верст менее чем в 20 дней. Там к отряду присоединилось еще несколько сот человек из хошунов, вооруженных берданками. До середины декабря отряд простоял в полном бездействии, испытывая лишения как вследствие условий климата и местности, так и вследствие полного отсутствия организации продовольствия. Питьевая вода совершенно отсутствовала и приходилось довольствоваться скверной соленой водой, которая там только и встречается в редких колодцах. Питались одним бараньим мясом. Лошади, вследствие полной бескормицы, дошли до такого состояния, что могли ходить только шагом и падали массажи. Довольно суровая зима с сильными ветрами дополняла невзгоды. Населения там почти нет, изредка только встречаются отдельные юрты с крайне бедными жителями»².

Между тем, повстанцы продолжали рейды. Васильев сообщал, что 19 августа группа «харачинов» пробралась в хошун бэйсэ Доржа Юлджилдока и угнала 1500 лошадей. Другая группа из 200 повстанцев гнала баргутов, живших между озерами Далай-нор и Буир-нор, на западную границу Барги с Халхой. А тем временем 1000 мобилизованных уже месяц жили в лагере, ожидая оружие, но известий о его получении из Москвы и Маньчжурии не было³.

Организация отрядов в Халхе поначалу оставляла желать лучшего. Собранные в княжеском управлении военнообязанные не имели военной подготовки. В ставке Цэцэн-хана солдаты, «прибывшие на сборный пункт вечером, ночью разбежались. Утром за ними была послана погоня, и пойманные дезертиры были доставлены в Чжису на арканах». Монгольские повстанцы были вооружены лучше халхаских солдат⁴.

Если первая мобилизация войск к южной границе Барги была произведена в начале июня, то в начале июля, в связи с бегством ново-баргутов в Халху, выяс-

¹ Телеграммы Орлова из Урги от 10, 17 и 19 августа 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3073, л. 82, 85, 86.

² РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4219, л. 1–2 об. — в кн.: Российско-монгольское..., 2019, с. 107.

³ Телеграмма Орлова из Урги от 19 августа 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3073, л. 90.

⁴ РЗО от 5 сентября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 136–138.

нилась необходимость защищать западную границу Барги. Однако первоначально мобилизованных 1500 чел. не хватало на 500 верст границы против 5000 «хара-чинской» конницы. Тогда мобилизовали еще 1500 и 700 чел. на юге по просьбе китайского правительства. Монгольское правительство израсходовало 200 тыс. руб. из российской ссуды, последние 100 тыс. руб. были отправлены в экспедицию 22 августа. Вместе с двумя экспедициями монголы стали держать под ружьем 4000 чел. Каждый солдат получал 20 руб. в месяц¹.

Переговоры Цэнд-гуна в Хайларе с баргинскими властями раздражали монгольских повстанцев. Это усугублял тот факт, что сам Цэнд-гун по происхождению был баргинский даур. В итоге в Хайларе он был обманом завлечен в «хара-чинский» лагерь и подвергнут пытке, после которой у него перестала действовать правая рука. По настояниям Граве его освободили. За что «харачины» получили 8700 руб. и несколько сот лан серебра. Монгольское правительство собиралось заявить протест китайцам². Вернувшись 19 августа в Нийслэл-хурэ, Цэнд-гун сообщил Джебцундамба-хутухте, что «был обманно завлечен в лагерь харачинов, связан, повешен и приговорен к смертной казни и освобожден, лишь уплатив 8000 рублей и несколько сот лан серебра»³.

Протест правительства Внешней Монголии китайцам против действий «харачинов» вряд ли мог иметь последствия. Очевидно, здесь оно действовало в том же направлении, что и российская дипломатия: раз повстанцы — китайские подданные, то китайским властям и надо принимать меры к их удалению из Барги, где Русско-китайским соглашением 1915 г. установлен особый режим⁴.

Поскольку попытка реставрации цинской династии была безуспешной (см. выше), часть влиятельных повстанческих командиров вступила в переговоры с китайскими властями о приеме в китайские войска и роспуске остальных отрядов. Параллельно российские дипломаты вели переговоры о том же в Маньчжурии с китайскими властями, а с японскими дипломатами — об отъезде из повстанческих отрядов японцев. Последние, действительно, в основном уехали, а с рядом влиятельных командиров маньчжурские власти достигли договоренностей (подробнее см. ниже).

Такие итоги переговоров позволили генеральному консулу в Мукдене Колоколову заявить о том, что «занятие Хулунбуира харачинами летом 1917 г. ликвидировано путем переговоров <...> Переговоры считаются законченными». По их итогам, одна часть «харачинов» будет зачислена в войска Хэйлунцзянской пров., а другая (под начальством Шадарбала и Фушэнгэ) — в войска Фэнтяньской⁵. От имени Чжан Цзолиня с Шадарбалом вел переговоры служивший у него монгол Чан Шунь. Отмечалась заминка в переговорах в Цицикаре. Из-за нее в связи с

¹ Телеграмма Орлова из Урги от 2 октября 1917 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3073, л. 100–101.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 108–108об., 121; ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 167–167об.; ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 67–119.

³ Телеграмма Орлова из Урги от 20 июля 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 160.

⁴ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, 106об.

⁵ То есть Мукденской.

«харачинскими» грабежами становилось трудно сдерживать ургинский отряд от вступления в Баргу¹.

Дальнейшее развитие событий показало, что выводы Колоколова были преждевременны: «харачины» продолжали занимать часть Барги с ее столицей, а с теми из них, кто прибыл в Солуньшаньский округ Цицикарской пров. для принятия в китайские войска, решение вопроса затягивалось. Кроме того, вопрос о поступлении на китайскую службу внес раздоры между командирами отрядов монгольских повстанцев. «Вследствие раздоров харачинов между собой усилилась разбойничья деятельность отдельных партий, с которыми харачины-главари не могут справиться. Был случай грабежа русских. Более всего грабит отряд Доржи, к переходу которого, несмотря на согласие цицикарских властей, мер не принимается»².

Было несколько случаев грабежа имущества русских. Они документированы по заявлениям, которые подавались в вице-консульство в Хайларе. 6 августа 1917 г. в верховьях р. Чол явились шесть вооруженных лиц в одежде монгольских повстанцев и ороченов и ограбили трех рабочих торгового дома братьев Шевченко, раздели донага и забрали все, что у них было. 23 августа 1917 г. 12 повстанцев пытались захватить у Г.А. Нафтановича около 150 голов скота, 1000 баранов около ст. Хакэ. Пастухи открыли по ним стрельбу, захват не удался. 29 августа «харачинский» отряд около 500 чел. захватил 11 лошадей и 767 руб. у рыбаков. Во второй половине августа по дороге из п. 1-й Булдуруевский в Хайлар 50 «харачинов» напали на обоз, сопровождаемый 3 русскими и 7 китайцами, всех ограбили. Вскоре приехал их начальник и приказал «харачинам» вернуть лошадей и телеги. Забрав их, пострадавшие вернулись в Хайлар. У жителя Хайлара Маншина 10 сентября в 30 верстах от города «харачины» захватили 2 китайцев-работников и 6 лошадей с 5 телегами с сеном на сумму 1100 руб. На Н.М. Богушевского и его рабочего 16 сентября в 4 верстах от ст. Хакэ напали 13 «харачинов», угрожая оружием, отобрали лошадей, съестные припасы, вещи на сумму 839 р. 26 к.³

Граждане России иногда сами занимались скупкой краденого. Например, торговый дом Топаз купил у «харачинов» ок. 600 голов скота, в том числе с клеймами «Х.Т.», переклейменными затем в «ТДК». Скот был куплен 8-го, а 9 сентября угнан в степь близ ст. Хакэ. Бывший хозяин предполагал, что это был краденый скот, и просил Усатого наложить на него арест⁴. Как и раньше, «харачины» грабили китайцев. Например, у китайца-служащего у Ф.И. Ермакова в ночь с 11 на 12 сентября они отняли лошадь стоимостью 200 руб. У китайского гражданина Е.Л. Кислицина (Хау Чунхина) 10 сентября в 30 верстах от Хайлара они отобрали

¹ Донесение Колоколова Усатому от 30 августа 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 91–95.

² Телеграммы Усатого в миссию в Пекине от 1 и 4 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 181; ф. [Вице-] Консульство в Хайларе, оп. 573, д. 3, л. 16.

³ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 85, 86, 88–90, 173, 200–200об.; Харбинский вестник, 29.08.1917.

⁴ Письмо Сапелкина Усатому от 12 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 129.

32 лошади с телегами и сеном на 7500 руб.¹ Сохранилось воззвание китайских купцов по поводу бесчинств «харачинов»².

Появились сведения, что 50 «харачинов» выехали на прииски Келари для грабежей. Это требовало охраны там русского населения и задержания грабителей. Тогда же выяснилось, что на р. Аршан (Уршун) «харачинами» было награблено у русских рыбопромышленников скота и имущества примерно на 70 тыс. руб. Для охраны рыбных промыслов там требовалось расположить полсотни конных солдат³.

Выяснились подробности этого грабежа. 28 августа 1917 г. отряд «харачинов» в 150 или ок. 300 чел. напал на ново-баргутов на р. Уругу и награбил у них около 10 тыс. баранов, до 2 тыс. лошадей и 600–700 голов крупного рогатого скота. При этом пострадали и русские рыбопромышленники. У одного было награблено 476 баранов, 14 коров и 73 быка на 30 980 руб., у другого — 411 баранов, 58 быков, 12 коров на 26370 руб., у третьего — 11 лошадей, 767 руб. и разное имущество, у четвертого — 4 лошади, 17 быков, 4 коровы, 56 баранов, имущество на 7080 руб., у пятого — товаров на 680 руб. Всего награблено на 71 262 руб. Большую помощь для защиты от «харачинов» при их нападении на Уругунгу, по заявлениям рыбопромышленников, оказали баргутские солдаты, которые в числе 50 чел. жили недалеко от рыбных промыслов. Они преследовали грабителей на расстоянии 100 верст и отбили немного скота. Получив известие об этом грабеже, Усатый обратился к Сэбджингэ, который выслал отряд на преследование грабителей. Группа была рассеяна, часть скота отобрана. Сэбджингэ сообщил Усатому, что Дорж, который не уверен, что его отряд возьмут на службу китайцы, специально создает такую обстановку, чтобы дальнейшее пребывание его отряда здесь стало невозможным. На совещании командиров монгольских повстанцев 1 сентября они потребовали от Доржа, чтобы все виновные были задержаны и сурово наказаны, а награбленный скот был доставлен в Хайлар для возвращения собственникам, а в случае невыполнения этого требования до 5 сентября они применят силу. В тот же вечер Дорж скрылся из окрестностей Хайлара с 10 людьми по направлению к Цицикару, видимо, для совещания с Шадарбалом⁴. Недовольные действиями Доржа, Сэбджингэ и Бумбажав издали объявление с обвинениями против него и требованием наказания⁵.

Усиление грабежей вызвало новую волну беженцев из Барги во Внешнюю Монголию. По сообщению начальника российской заготовительной экспедиции в Монголии, шайка в 200 разбойников напала на баргутов, кочующих между озерами Далай-нор и Буир-нор, гнала их в Цэцэнханский аймак. Беженцы принадле-

¹ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 175, 205.

² Кит. ориг., заверенный печатью Российского вице-консульства в Хайларе, 25 августа 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 87.

³ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 14, 15, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 226.

⁴ Донесение Усатого в миссию в Пекине от 4 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 98–99об.

⁵ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 101 (кит. ориг.), л. 102 (рус. перев.).

жали к хошунам Новой Барги, переселенным из Цэцэнханского аймака при деле нынешнего хана. По словам монгольского вице-министра иностранных дел Б. Цэрэндоржа, баргутов, спасавшихся от преследований монгольскими повстанцами, не изгонят из Халхи, пока в Барге не установится порядок¹.

Российский очевидец сообщал: «Караваны баргут, спасавшихся бегством от разбойничьих нападений, напоминали по своему характеру отступление армии. С северо-востока на юг тянулись тысячи двухколесных арб. Телеги сопровождались всадниками-монголами». На телегах среди скарба сидели маленькие дети. 3 сентября в Урге стало известно о стычке монгольского отряда в 60 чел. с 40 «харачинами» в окрестностях сомона Ганжур. Монголы отправили туда отряд в 2000 солдат, но он двигался медленно. В Барге 100 «харачинов» напали на ставку областного начальника. В перестрелке было убито 5 монголов, в том числе областной начальник, его сын и родственник, другой родственник попал в плен. «Харачины» захватили много серебра, табун лошадей в 1000 голов, гурт крупного рогатого скота и баранов. Затем они направились к Далай-нору и по Аршану разграбили русскую рыбачью заимку. Нападения парализовали торговлю скотом и сырьем в тех местах. Китайцы и монголы считали причиной этого не прекращавшиеся с 1916 г. японские интриги: говорили, что японцы раздали «харачинам» оружие, обучали военному делу, кормили, а затем отошли в сторону².

За караванами беженцев следовали китайцы — скупщики сырья. Они пользовались ситуацией, чтобы продавать беженцам далембу, крупчатку, «ханьшу» (видимо, ханшин — китайскую водку), табак и др. Вся степь была покрыта обозами беженцев. Караваны шли в основном из хошуна Гул-Хух. В результате стычки в районе Ганжур-сумэ беженцев с «харачинами» у последних выбыло из строя несколько лошадей, а беженцы обнаружили исчезновение своего всадника³.

В целом, из-за грабежей еще остававшиеся в Барге ново-баргуты откочевали во Внешнюю Монголию, и в Новой Барге, насчитывавшей ок. 2/3 населения Хулунбуира, не осталось никого. В Старой Барге солонь и олётые были ограблены и откочевали на склоны Хингана или к границе с Россией. Одни старо-баргуты, кочевавшие к северу от КВЖД, оставались пока на месте и только отчасти подверглись грабежу мелкими партиями «харачинов», прорывавшихся через линию дороги⁴.

Проблема беженцев сохранялась еще долго. Например, 22 июля 1919 г. Шэнфу обратился с официальной просьбой к Усатому оказать содействие Цэнд-гуну,

¹ Копия письма Орлова из Урги в Пекин от 5 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 250.

² Н. Б-и. Тревожные вести из Монголии — Харбинский вестник, № 4201, 20.09.1917, АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 253.

³ Рапорт за подписью пом. секретаря Н. Бавли и заверением секретаря Монгольской экспедиции /подпись неразборчиво/ от 14 сентября 1917 г. (выезжал в Монголию с зам. уполномоченного М.С. Толченовым для приемки скота), АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 138–139об.

⁴ Донесение Усатого от 30 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 23–28 (плохо читаемый рукописный текст).

командированному в Ургу для привода назад перекочевавших в Халху баргутов¹. Беженцы возвращались. Но часть их так и осталась в Халхе.

Стала нарастать напряженность в отношениях монгольских повстанцев с русскими. Вечером 9 сентября 1917 г. «харачины» пытались арестовать в русском поселке Хайлара даура, заподозренного в агитации против них. Им было оказано сопротивление, «харачины» убили русского милиционера. Рассерженная этим толпа русских схватила одного «харачина» и убила. Военные власти приняли меры охраны поселка². События развивались так.

По мере истощения запасов провианта у повстанцев усиливались разбои, одновременно росло недовольство местного населения, терпению которого пришел конец. Баргуты решили обороняться. По данным очевидца Ц.-Е. Цыдыпова, основную организационную роль сыграл даур Линшэн, который вербовал дауров, солонов и баргутов Старой Барги. К нему примкнули и многие баргуты Новой Барги³.

В результате были организованы 2 отряда в 600 чел. около ст. Маньчжурия и ст. Мяньюхэ и к северу от Хайлара в старо-баргутских кочевьях. Фудутун Барги Чэхэджа не был посвящен в эти планы, «так как опасались, что честлюбивый старик раскроет заговор харачинским главарям, при содействии которых он получил управление Хулунбуиrom». Эти подозрения подтвердились. Случайно увидев в российском вице-консульстве даура Укуя и одного из старших солонских начальников, Чэхэджа заподозрил неладное и обратился к Сэбджингэ с просьбой убить Укуя в гостинице в русском поселке. По-видимому, было установлено наблюдение: когда Укуй возвращался 9 сентября из вице-консульства в гостиницу, «харачины» выследили его и пошли за ним, но он успел спрятаться в гостиницу. Так как китайцы-слуги не пустили в гостиницу «харачинов», последние схватили одного из них и попытались увести с собой. Толпа русских и милиционер вступились за китайца. Тогда «харачинский» тунлин Джимба выстрелил из револьвера и убил милиционера Юсупова. Толпа русских напала на «харачинов» и избила одного из них до потери сознания. Его решили предать суду за участие в убийстве (после выздоровления). Дерзость «харачинов» вызвала панику среди населения. Местные военные власти приняли меры охраны: были выставлены войска, высланы конные разъезды. Этот случай и ограбления русских наводили на мысль, что «харачины» перестали считаться с ними и могли напасть на поселок. Усатый решил не вступать ни в какие переговоры с Сэбджингэ, пока тот не принесет извинения за убийство Юсупова и не накажет виновных. Вскоре в поселке появились «харачины», видимо, с целью разведки. Тогда был задержан помощник Сэбджингэ — гун Минбо, «бывший работник телеграфной конторы в Урге, перешедший к харачинам. Все они будут переда-

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 95–102, включая монгольский оригинал с красной печатью.

² Телеграмма Усатого Хорвату от 9 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 228.

³ Цыбенков, 2017а, с. 209.

ны местным властям¹. Харачины установили наблюдательные пункты у русского поселка»².

Разногласия между Доржем и Сэбджингэ, не соглашавшимся переходить на китайскую службу, привели к вооруженным столкновениям. 12 сентября Дорж покинул окрестности Хайлара и двинулся со своими людьми на юг. Усатый немедленно телеграфировал: «Вчера выдал часть патронов баргинцам, которые выступают сегодня со ст. Мяньдухэ. Половина отряда Дорчжи уже ушла на юг в направлении Солуньшань. Обстановка для активного выступления самая благоприятная. Начальник Заамурского округа сообщает о высылке в Хайлар подкреплений и своего сюда поезда». Обескураженный уходом Доржа, Сэбджингэ стал договариваться с ним, чтобы он временно задержался для решения вопроса о переходе их обоих на китайскую службу. 15 сентября Дорж вернулся в Южную деревню у Хайлара примерно с 500 монгольскими повстанцами. У Хайлара силы повстанцев достигли 800–900 чел. В отрядах Бумбажава и Сэбджингэ, по донесениям агентов, находилось 8 японцев, которые прибыли в Хайлар после происшествия 9 сентября³.

В связи с обострением ситуации, российский гарнизон Хайлара стал принимать меры. Но время было революционное. Солдаты захотели обсуждать меры обороны на своем совете. Начальник гарнизона подполковник Рихтер издал приказ, где говорилось: «Некоторые солдаты гарнизона и особенно команда высказали некоторого рода удивление, что меры, принятые для охраны поселка от нападения харачин, не были обсуждаемы предварительно в солдатских организациях. Меры охраны были обсуждены в Районном Совете, и раз обстоятельства вызывают принятие мер, то они и сделаны. Кроме того, постановлением Совета солдатских и рабочих депутатов на меня возложены все меры, необходимые для охраны

¹ Избитый толпой вечером 9 сентября в связи с убийством милиционера в Хайларе «харачин» Гунчин, 25 лет, находился на излечении в Хайларской железнодорожной больнице, был оттуда выписан и временно заключен в Хайларский арестный дом (Телеграмма помощника начальника 1-го отделения вице-консулу в Хайларе от 14 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 174). Арестованные «харачины» находились в заключении еще какое-то время после изгнания их отряда из Хайлара. Начальник Хайларского гарнизона подполковник Рихтер писал Усатому 27 сентября: «Начальник Округа генерал Переверзев при отъезде сообщил мне, что содержащиеся в арестном доме харчины числятся за Вами. Потому прошу поставить в известность, когда они будут переведены и куда, так как в арестном доме в настоящее время благодаря нахождению там харчин караул увеличен. Но постоянное увеличение караула затруднительно для гарнизона» (Депеша Рихтера Усатому от 27 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 152).

² Донесение Усатого от 30 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 23–28 (плохо читаемый рукописный текст). В связи с этим инцидентом Бумбажав и Сэбджингэ написали Усатому недоуменное письмо (АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 125–125об., перевод, л. 126, оригинал). Оно заверено печатью с надписью на китайском, которая переводится как «Письмо верного (прямого) сановника». Вероятно, это аллюзия на титул Шударга-Батор — Верный (прямой) герой.

³ Телеграммы Усатого в Пекин, копии в Цицикар, Харбин и Ургу от 12, 13 и 30 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 118, 128, д. 2, л. 112, д. 3, л. 23–28; ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 184.

от харачин. Напоминаю, что в компетенцию комитетов меры, принимаемые и вызываемые боевой необходимостью, не входят на основании приказов по военному ведомству сего года»¹.

С прибытием в Хайлар начальника Заамурского округа генерал-майора Н.М. Переверзева выяснилось, что русские могут противостоять повстанцам, «хотя раньше некоторые военные чины убеждали генерала Переверзева в превосходстве харачинов. После обсуждения было решено, что действия начнутся 17 сентября [30 сентября н.ст. — С.К.], к каковому времени должны собраться баргинские силы со ст. Мяндухэ и Маньчжурия». План действий был сообщен баргинцам, но они сказали, что надо ждать прибытия еще одной конной сотни, и действия отложили до 18 сентября. Однако баргинцы не успели предупредить своих. Рано утром 17 сентября часть баргинских солонов и ороченов напала на Южную деревню в 17 верстах от Хайлара, где стоял отряд Доржа. Он с отрядом бежал на юг. «Против остальных выступили наши войска. Харачины обстреляли город ружейным и орудийным огнем, есть убитые и раненые. Под давлением нашей артиллерии и конницы харачины оставили город Хайлар, занятый нами»². По одному сообщению, из пушек стреляли переодетые японцы. Японские власти называли их авантюристами³.

Операцию российским и баргинским войскам облегчило недоразумение между повстанческими отрядами. Услышав выстрелы и решив, что на него напал Дорж, Бумбажав из Западной деревни открыл стрелковый, а затем и орудийный огонь по «харачинам», отступавшим из Южной деревни к западу. Благодаря этому замешательству, русские успели подготовиться и, когда «харачины» открыли по их поселку стрельбу, по ним был открыт ружейный и орудийный огонь. «Харачины» очистили рощу, а затем и город. Около 12 час. дня они выпустили около десятка шрапнельных снарядов по поселку. Снаряды, которыми их снабдили японцы, были очень низкого качества, и вреда не нанесли. Бой продолжался до 6 час. вечера. Российские войска, собранные на линии КВЖД Переверзевым, заняли г. Хайлар. Отступавших «харачинов» короткое время преследовала российская конница. Переверзев сообщал, что «неоценимую услугу оказали четыре позиционных орудия, запряженные лошадьми дружин и лично управляемые в бою полковником Тверицыным. Харачины хорошо вооружены, имеют 4 орудия, инструкторы у них были японские офицеры. По сведениям, во время боя у них было около 8 японцев». При недостатке конницы и отсутствии конной артиллерии, он не мог преследовать «харачинов» с целью уничтожить или изгнать их из Барги.

Отступавшие «харачины» подожгли обе деревни — Западную и Южную. Отступление было настолько поспешным, что они оставили большие запасы патронов. С их стороны было убито около 40 чел., у русских — 2 солдата и 1 женщина, у баргинцев — 4 раненых. После этого Хайлар был некоторое время в тревоге,

¹ Копия приказа № 71 от 15 сентября 1917 г. Рихтера, АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 131.

² Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 17 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 187; АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 30.

³ Харбинский вестник, 22.09.1917.

опасаясь возвращения «харачинов» с подкреплениями, но опасения оказались напрасными. Разведка показала, что повстанцы отступали в беспорядке, имея много раненых людей и лошадей. Они направились к Цаган-нору, где находился лагерь Шадарбала. Предполагалось, что часть их может направиться в хошуны Илдэн-вана и «Эрдэнэ-Сан-бэйсэ» (Чин-Ачиту-вана) Халхи. Общую численность «харачинов» в Барге Усатый оценивал до 2000 чел. Российские военные власти, ввиду недостаточности своих сил в Хайларе, решили не преследовать их на Цаган-нор и считать вопрос решенным. В дальнейшем для наблюдений за «харачинами» и борьбы с их мелкими партиями баргинцы отправили отряды милиции по 300 чел. Кроме того, формировались отряды из откочевавших во Внешнюю Монголию ново-баргутов, которые должны были прибыть в Хайлар. Поскольку было опасение, что «харачины» уйдут в хошуны Дзун-Узэмчин и Барун-Узэмчин Внутренней Монголии, где заготавливался скот для российской армии, Усатый послал извещение Васильеву на р. Халх-гол, чтобы тот принял меры к предупреждению этого — в частности, предлагал гнать оттуда скот к ст. Маньчжурия, но не прямо на Хайлар¹.

Сообщая об этих событиях, Переверзев просил командующего войсками оказать помощь: прислать 6 сотен при пулеметах и — крайне желательно — не менее 2 конных или горных орудий, отмечая, что «присутствие их [повстанцев. — С.К.] является серьезной угрозой Барге»². Запрос пошел по инстанциям. Из Иркутска ответили, что «просимых подкреплений выслать не могут»³.

В сентябре 1917 г. чиновник от баргинских солонов приехал в Нийслэл-хурэ и рассказал там Хатан-Батору Максаржаву, что 500 солонских солдат, изгнав «харачинов» из Хайлара, преследовали их и имели два боя: в местностях Хуин-Хундлун и Хуйтэн, остальные повстанцы бежали на юг. В Хуин-Хундлуне солонны поставили заставу⁴.

Отступая от Хайлара, «харачины» разделились на два отряда: один, в основном из людей Шадарбала, пошел на юго-запад и был разбит халхаскими войсками, второй, из людей Доржа, Бумбажава и Сэбджингэ, пошел на юго-восток, перешел границу Хулунбуира и остановился в Солуньшане провинции Хэйлунцзян⁵. В Солуньшань ушли также стоявшие на Цаган-норе «харачины», бросив там около 100 юрт. Они ушли туда по дороге вдоль Хустун-гола — притока

¹ Телеграмма Переверзева из Хайлара от 19 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 193–193об. (копия), 338–339об.; Послание Усатого из Хайлара войсковому старшине Васильеву от 19 сентября 1917 г., ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 145–145об. (рукопись); Донесение Усатого от 30 сентября 1917 г., ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 23–28 (плохо читаемый рукописный текст); ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 143, 144.

² Телеграмма Усатого чиновнику при Иркутском краевом комиссаре от 18 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 191; телеграмма Переверзева из Хайлара от 19 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 193–193об. (копия), 338–339об. (ориг.).

³ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин, Ургу, Цицикар, Харбин от 27 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 133; ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 208.

⁴ Мягмарсамбуу, 2003, с. 70–71.

⁵ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 96.

р. Хуин-гол. Часть «харачинов» осталась на северо-востоке Барги. Прибывший в Хайлар японский консул из Харбина подтвердил, что в их отряде есть японцы: Уэма, Хатакэяма, Ито и др.¹

Группы «харачинов» продолжали рейды по Внешней Монголии. Монгольское правительство, по официальному заявлению чиновника Нямжава, действовавшего по уполномочению военного вице-министра и главнокомандующего войсками Внешней Монголии Пунцагравдана, не могло само справиться с ними. 19 сентября 1917 г. по уполномочению Пунцагравдана в войсковое управление Забайкальского казачьего войска явился захирагч² Нямжав в сопровождении российского подданного Цыбикова и заявил, что в мае ок. 30 монгольских повстанцев в местности Аршан нагнали у баргутов ок. 100 лошадей, часть их, двигаясь в сторону станицы Могойтуевской, напала на баргутских эмигрантов для грабежа, но была отбита. Месяц назад «шайка» в 30 чел. напала на баргутского чиновника Довдан-Балжира, зарезала его самого, все его семейство и 5 чел., бывших в ямыне; одному удалось бежать. Отдельные группы «харачинов», ядро которых базировалось в Хайларе, разъезжали по Монголии вдоль границы с Россией, грабили и убивали монголов, русских, бурят и всех, кто попадался на пути. Монгольские власти не могли бороться с ними, так как имели худшее вооружение, «харачины» были разбросаны по Монголии, проходили через города под видом мирных жителей, имея документы от китайского правительства. Вследствие этого Нямжав просил принять меры к предотвращению набегов. Пунцагравдан, как баргут по происхождению, обещал полное содействие в отражении «харачинов» от российских караулов, защите жизни и имущества российских граждан в Монголии. Все это он подтвердил в своем заявлении.

Для обсуждения этого 19 сентября состоялось совещание Общего присутствия при участии забайкальского областного комиссара, советника областного управления В.М. Юринского. Совещание пришло к заключению, что желательно оказать содействие баргинцам в отражении «харачинских шаек» вооруженной силой, но в данное время такой способ без сношения с российскими дипломатическими представителями во Внешней Монголии и Китае был признан невыполнимым. Потому вопрос было решено передать на рассмотрение забайкальского областного комиссара. На совещании выяснилось, что российские приграничные станицы и поселки почти не имеют огнестрельного оружия, так как хранившиеся со времени Русско-японской войны винтовки Бердана для вооружения, в случае необходимости, казачьего населения взяты на вооружение дружин ополченцев. Следовательно, если повстанцы нападут на баргинцев, а затем, возможно, и на русских, то у последних не окажется оружия. Поэтому совещание сочло необходимым снабжение района хотя бы 100 винтовками с достаточным запасом патронов для казачьего населения.

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин, Ургу, Цицикар и Харбин от 19 сентября и 2 октября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 32, 139, д. 8, л. 156.

² Помощник помощника главы управления хошуна.

По словам Усатого, «харачины» совместными действиями российских войск и баргинской милиции из Барги изгнаны. Однако командированный в Хайлар Граве обратился к наказному атаману Забайкальского казачьего войска по поводу того, можно ли рассчитывать на это войско в действиях против «харачинов», но ответа не получил. Зато просьба монгольского военного вице-министра вызвала срочное обсуждение с указанным выше результатом¹.

«Харачины» продолжали делать рейды во Внешнюю Монголию. 28-го дня 8-го месяца (28 сентября н.ст.) разведчик донес халхасцам, что враги проникают со стороны горы Дархан-ула (на р. Халх-гол, где был старый лагерь повстанцев). Хатан-Батор-ван Максаржав, его помощник Баяр-гун (Баир-гун)² и инструктор Васильев с монгольскими и российскими солдатами отправились им навстречу и, наконец, вторглись в Баргу. Произошли бои. Солдаты захватили много оружия, скот, лошадей. Их потери составили 4 убитыми и 12 ранеными³.

Даты этих боев неясны. По донесению Васильева, столкновения халхаских войск с «харачинами» произошли 20 и 22 сентября (очевидно, по ст.ст., или 3–5 октября по н.ст.) на правом берегу Халх-гола в районе Дархан-улы. В результате была уничтожена большая часть их партии, состоявшей приблизительно в 500 чел., остальные бежали на юг. Первую партию скота в 2000 голов, задержанную на Халх-голе, Васильев направил для возвращения по маршруту, указанному Усатым. Он планировал отправить еще две партии⁴. В перестрелке с «харачинами» на правом берегу Халх-гола 8 сентября был убит унтер-офицер 19-го Сибирского стрелкового полка Иван Валов и с ним 6 монгольских солдат. «Харачинов» рассеяли⁵. Разбив противника, «войска Внешней Монголии, по полученным сведениям, находятся на р. Халхе на месте прошлогодней стоянки харачинов... Они преграждают харачинам путь отступления через восточную часть Цэцэнханского аймака»⁶.

В рапорте на награждение младшего урядника Ц. Абидина (или медалью «За храбрость», или производством в старшие урядники) от 2/15 февраля 1917 г.

¹ Копия отношения Забайкальского областного комиссара временного правительства Усатому от 28 сентября 1917 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 299, л. 145–152.

² Тайджи (дворянин без титула) Баир в 1912–1913 гг. внес большой вклад в освобождение Внешней Монголии от китайцев, за что был награжден Богдо-гэгэном VIII титулом гун. В 1914 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени за помощь русским в Монголии (АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 2277, л. 2, 7, 8). Писали, что он был чахар (но так зачастую называли всех внутренних монголов во Внешней Монголии). Баир-гун происходил не из Чахара, а из сейма Дзосоту, где преобладали харачины и тумэды. Возможно, он был харачином.

³ Мягмарсамбуу, 2003, с. 70–71.

⁴ Донесение войскового старшины Васильева Усатому в Хайлар от 25 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 36; д. 3, л. 22, рукопись; ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 211.

⁵ Копия донесения начальника российских инструкторов во Внешней Монголии Васильева от 24 сентября 1917 г. РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 39, л. 267–271. По телеграмме Орлова из Урги от 24 сентября 1917 г., фамилия убитого была не Валов, а Иванов (АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 205).

⁶ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин, Ургу, Цицикар, Харбин от 27 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. [Вице-] Консульство в Хайларе, оп. 573, д. 2, л. 133.

А.В. Васильев писал: «Когда перешли границу, то почти все время шли пешком: лошади не везли. Патроны везли на верблюдах. Пройдя верст около 200, получили сведения от местных жителей о присутствии разбойников, на которых и решили напасть. Население стало чаще встречаться, появились фанзы, окруженные глинобитными стенами. Встретилась речка, первая за Гоби. Вскоре мы обнаружили и разбойников, на которых и напали на рассвете, неожиданно. Они успели открыть огонь, но было уже поздно. Монголы ворвались в фанзы и всех разбойников (около 100 человек) перекололи. Вскоре появилось еще несколько сот разбойников, с которыми монголы вступили в бой... После довольно долгой перестрелки разбойники отступили. Мы их не могли преследовать на своих лошадях. В результате у нас убито 10 и ранено 2, которые умерли потом, т.к. совершенно не было перевязочных средств. Трофеи: 40 винтовок (с патронами), 100 хороших лошадей, 70 голов скота и 10 верблюдов. За все время экспедиции монголы, и особенно наши цырики, держали себя прекрасно, особенно в бою, где они проявили полное бесстрашие. Дисциплина ни разу не нарушалась и все, усвоенное в бригаде, выполнялось аккуратно»¹. Подводя итоги экспедиции, Васильев сообщал, что «харачинов» в Барге больше нет².

После разгрома «харачинов» у Дархан-улы Максаржав, опасаясь их возвращения, отправил на разведку Баяр-гуна с 300 солдатами. Зимой Максаржав с Баяром вернулись в Нийслэл-хурэ, оставив на границах Барги для охраны 2 отряда в 500 солдат под командой чиновника Билига из хошуна джун-вана Доржпалама и захирагча Лундрэва из хошуна бэйсэ Мишигдоржа, а оставшихся солдат расформировали³.

Примечательно, что в МНР важную роль в этих событиях приписывали Д. Сухэ-Батору, считающемуся ключевой фигурой в монгольской революции 1921 г., когда Баяр-гун воевал на стороне барона Унгерна и погиб. В книге «Жизнь Сухэ-Батора» Ш. Нацагдорж приводит сообщение о событиях «1918» (в действительности 1917) г., что Сухэ-Батор участвовал в них как командир пулеметного отряда в составе войск, посланных против «чахаров реакционного главаря бандитов Бавужава, которые, после полного опустошения многих хошунов Халха-Монголии и Барги, захватили и заняли г. Хайлар». Следуя от границы, Сухэ-Батор командовал отрядами в ряде боев против «бандитов». В частности, преследуя в Барге более тысячи «чахаров» под командой Доржа от монастыря Джанжин-Обо на юг до Хандгайта, Сухэ-Батор захватил «главаря бандитов» князя Самбу и всех его людей, их оружие и имущество. Когда он следовал назад, Баяр заявил о своей власти и отнял у Сухэ-Батора всё, что тот захватил. Сухэ-Батор, подчинившись командиру, не стал возражать⁴. Достоверность этой информации крайне сомнительна, так как она не согласуется с приведенными выше архивными данными.

¹ РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4219, л. 1–2 об. — в кн.: Российско-Монгольское..., 2019, с. 107.

² АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 167.

³ Мягмарсамбуу, 2003, с. 70–71.

⁴ Lattimore, Onon, 1955, p. 114–115.

Таким образом, контроль монгольских повстанцев над значительной частью Барги, включая ее столицу, не помог реставрации цинской монархии. Не привел он и к независимости от Китая монгольских земель к востоку от Халхи. Невозможность адекватного снабжения в Барге повстанческих отрядов, или их мирного возвращения на родину, или перехода на китайскую службу вела к масштабным грабежам населения, которым подвергалась не только Барга, но также часть Внешней и Внутренней Монголии. Отдельные набеги «харачины» совершали также на Хэйлунцзянскую (Цицикарскую) пров. Маньчжурии. Нехватка ресурсов и отсутствие существенной внешней поддержки привели к их изгнанию из Барги сравнительно небольшими российскими и баргинскими силами.

Уход монгольских повстанцев в Маньчжурию и расформирование их отрядов

Переговоры о переходе монгольских повстанцев на китайскую службу начались еще до того, как они захватили Хайлар. Из Барги некоторые из них ездили в Солуньшань (Цицикарская пров.) для фуражировки и переговоров с провинциальными властями. Российские дипломаты вели на эту тему интенсивные переговоры и с властями этой провинции, и с повстанцами, и с японцами. Летом 1917 г. в этом направлении был достигнут определенный прогресс.

Начальник штаба цицикарского губернатора Ли сообщил Граве, что 13 июля 1917 г. заключил соглашение о переходе на службу в Цицикарскую пров. Доржа с отрядом в 1400 чел., которые покинут Баргу через 2 нед.; с Шадарбалом переговоры продолжались. Согласно другому сообщению, Дорж согласился поступить на службу в китайские войска со своими 1180 чел. с оружием и лошадьми¹.

Стала меняться и позиция японцев. Министр иностранных дел Японии заявил российскому послу в Токио Крупенскому, что к японскому консулу в Цицикаре явился делегат находящихся при монгольских повстанцах японцев и заявил, что все они, 13 чел., готовы покинуть Баргу, как только определится судьба повстанцев².

5 августа 1917 г. Граве встречался с Сэки и Садаки и во время продолжительного разговора, где он указывал на вред, наносимый ими русско-японским отношениям, они сообщили, что решили покинуть Баргу. Сэки собирался ждать прибытия с юга «застрявшего там доктора», а остальные японцы собирались покинуть Хайлар в течение недели³. Во исполнение достигнутых договоренностей 11 и 12 августа 1917 г. из Хайлара уехали 11 японцев, бывших при отрядах на Цаган-норе, осталось только двое. Для наблюдения за отъездом 11 августа в Хайлар

¹ Телеграмма Граве в миссию в Пекине от 14 июля 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 156; ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 66, 71; разведка № 30 российского консульства в Цицикаре от 17 июля 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 81.

² Телеграмма Крупенского из Токио Кудашеву в Пекин от 2 августа 1918 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 165.

³ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 52–119.

прибыл японский консул. Отъезд японцев благоприятно отразился на настроении баргинцев¹.

При отъезде из Хайлара японские офицеры откровенно объявляли свои настоящие имена и официальное положение. Они не хотели подчиняться требованию своего МИД и ждали подтверждения непосредственно из военного министерства. «Проводить японцев на вокзал собрались харачины во главе со своим предводителем Сэбчжингэ. Проводы носили радушный характер, из чего можно заключить, что за время своего пребывания среди харачин японцы сумели заслужить их симпатии»². К 20 августа в Барге остался лишь один больной японец. «Таким образом, вопрос о японских агитаторах в Барге можно считать ликвидированным»³.

«Под давлением российского вице-консульства в Хайларе двое из харачинских предводителей, Дорчжи и Шадарбал, изъявили готовность поступить на службу в китайские войска». В связи с этим, ожидался приезд в Хайлар двух китайских офицеров (из Цицикара и Мукдена), которые должны были выработать условия перехода на китайскую службу. «Харачинов» предлагалось поместить в Солуньшане. Китайцы придавали этому важность на случай осложнений с Россией и Халхой. Были и сведения, что часть «харачинов» предполагает двинуться в узэмчинские хошуны, чтобы отомстить их жителям за уничтожение отряда, который проник туда весной 1917 г. для грабежей, но был окружен и уничтожен узэмчинами⁴.

В Хайлар для переговоров с были командированы начальник монгольского бюро в Цицикаре харачин Го Вэньтин и полковник генерального штаба Чжэнь. На переговоры повстанцев с ними положительно повлияли благоприятные результаты переговоров Граве с японцами⁵.

Переговоры шли с самого приезда Граве в Хайлар и касались условий приема монгольских повстанцев на китайскую службу. Их вели Дорж с указанными двумя посланниками, а чиновник мукденского генерал-губернатора Чжан Цзолиня вел переговоры с Шадарбалом. Другие командиры «харачинов» от переговоров отказались. Граве непосредственного участия в совещаниях не принимал, но китайские делегаты держали его в курсе дел. Он проводил идею, что харачинский вопрос — чисто китайский, так как «харачины» — китайские подданные, поэтому китайским властям их надо удалить из Барги, где русско-китайским соглашением установлен особый режим. Секретные агенты российского вице-консульства в Хайларе и консульства в Цицикаре добились того, что для участия в переговорах был командирован в Хайлар помощник начальника монгольского бюро в Цицикаре Фухай, имевший секретные связи с консульством. Благодаря донесениям этих агентов Граве удалось отклонить попытку китайцев поселить

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в 4-е отделение от 12 августа 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 170.

² РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 136–138.

³ Донесение Усатого из Хайлара от 20 августа 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 175.

⁴ РЗО от 5 сентября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 45, л. 136–138.

⁵ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 52–119.

«харачинов» в Барге и настоять, чтобы им были отведены свободные земли в Солуньшане Цицикарской пров. Выяснилось также, что замедление переговоров было связано с тем, что китайские делегаты хотели слишком высоких комиссионных от лидеров «харачинов» за их устройство на китайской службе. Граве сумел убедить их умерить свои аппетиты. Труднее для него было воздействовать на «харачинов». Последние не хотели быть откровенными с ним. Граве убеждал их, что они находятся на службе не у Су, а у японцев, которым этот князь продался, что у князя денег нет, а деньги от его имени посылают японцы; они начинают предавать «харачинов», а российское правительство стремится уладить конфликт мирным путем. Кроме того, Граве через прикомандированного к нему К.Г. Батурина и Фухая связался с «мелкими начальниками» повстанцев и объяснял им то же самое, указывая и на выгоду для них от перехода на китайскую службу. В результате 6 августа Дорж подписал соглашение с делегатами цицикарского губернатора. На основании этого Дорж и его 1400 чел. поступали в войска провинции, семьи их должны были поселиться в Солуньшане, причем 5 лет ничего не должны были платить за землю; Дорж получал титул гуна, главные его помощники — офицерские чины, его люди зачислялись на обычное жалованье китайских солдат. Одновременно выяснилось, что часть людей Шадарбала ушла из Барги в Солуньшань, а сам он принципиально согласился перейти на службу в Мукденскую пров. После заключения соглашения монгольских повстанцев с китайцами Граве уехал из Барги в Пекин¹.

В предыдущем разделе уже упоминался полковник Чжан Куйу, принявший активное участие в распрях в Цицикаре в августе 1917 г. С этого времени начался его быстрый карьерный рост в связи с харачинским и баргинским вопросами. Сведений о Чжане Куйу мало, потому стоит их привести.

В 1911 г. Чжан Куйу был главарем шайки из 2000 хунхузов в Мукденской пров., в 1912 г. перешел оттуда в восточную часть Хэйлунцзянской пров. с 800 хунхузами, занял г. Хайлунфу, в июне был принят со всеми хунхузами в войска Хэйлунцзянской пров. с назначением командиром кавалерии и пожалованием чина майора. В мае 1917 г., с бегством из Цицикара командира 1-го кавполка У Шицзе, перешедшего на сторону Ин Шуня, Чжан Куйу был назначен командиром этого полка, ему было поручено сформировать 4 новых кавдивизиона. Он их сформировал в основном из своих бывших хунхузов, и в его распоряжении стало 8 кавдивизионов. Он захватил власть в Цицикаре и взял «под почетную охрану» губернатора Сюя Ланьчжоу. После этого Чжан Куйу был назначен начальником обороны города². После этого он принял активное участие в контактах с монгольскими повстанцами (см. ниже).

В феврале 1918 г., «в связи с беспорядками, произошедшими на КВЖД из-за борьбы разных русских партий», туда были введены китайские войска. Одним из начальников был Чжан Куйу — уже командир 2-й кавбригады. Он был назначен вторым помощником главнокомандующего временной охраной в полосе отчуж-

¹ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 7, л. 52–119.

² Разведка консульства в Цицикаре от 18 августа 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 86.

дения КВЖД¹. Видимо, примерно тогда он наладил контакт с атаманом Г.М. Семёновым и бароном Р.Ф. Унгерном. По словам барона, Чжан Куйу был монархистом². В 1919 г. барон Р.Ф. Унгерн (тоже монархист), выехавший в командировку в Маньчжурию и Китай, женился на маньчжурской принцессе Цзи. По донесению российского генконсула в Харбине, Унгерн утверждал, что его жена — дочь бывшего дворцового коменданта³. По донесениям японской разведки, Цзи происходила из рода Чжан⁴. Сообщали, что отец Цзи — генерал Чжан Куйу, к тому времени хайларский чжэнь-шоу ши («губернатор»⁵, точнее — комиссар военно-полицейской службы, командир гарнизона). Чжан Куйу не был отцом Цзи, но, очевидно, был ее родственником. Унгерновец А.С. Макеев считал Чжана Куйу «названным братом» Унгерна; в ряде мемуаров говорится, что брак был политическим именно потому, что Унгерн хотел иметь базу в Хайларе. Чжан Куйу был одним из немногих китайских администраторов, поддерживавших барона. По словам Макеева, Чжан заплакал, узнав о трагической участи Унгерна⁶.

Когда 1 сентября 1919 г. Семёнов со ст. Цицикар выехал в Мукден на переговоры к Чжан Цзолиню, вместе с ним были Чжан Куйу и генерал Гэн, в то время — командующий войсками в полосе отчуждения⁷. Последнему из Пекина было указано, что он должен дать военный отпор Семенову в случае его вторжения в Восточную Монголию.

В марте 1920 г. китайские власти для усиления границы выслали на ст. Маньчжурия бригаду генерала «Джана», чтобы воспрепятствовать пропуску белых войск на КВЖД⁸. Тем не менее, Чжан Куйу поддерживал белых. Он стал командующим китайскими войсками на западном участке КВЖД, затем — командиром гарнизона Хайлара. Атаман Семёнов не раз встречался с ним. Например, Чжан Куйу вместе с представителем цицикарского генерал-губернатора приезжал из Хайлара в г. Маньчжурия в начале июля 1920 г.⁹ По словам Семёнова, у него якобы был разработан план совместных действий с Чжаном Куйу, китайскими монархистами и Унгерном для создания базы во Внешней Монголии, чтобы далее восстановить цинскую монархию, но затем вышло так, что Семёнов был вынужден двинуться в Приморье, и план этот не был реализован. После отмены Китаем автономии Барги в 1920 г. Чжан Куйу возглавил ее (подробнее см. ниже). Недалеко в некоторых публикациях его статус в 1921 г. обозначался как «губернатор». Впоследствии Чжан Куйу был убит Чжан Цзолинем¹⁰.

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1555, л. 52.

² Письмо Унгерна к Цэнд-гуну от 27 апреля 1921 г., РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 84–85об.

³ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1579, л. 21.

⁴ JASAR, дневник за май 1921 г., л. 0187.

⁵ Россия, 07.08.1921.

⁶ Макеев, [1934], с. 128, 132.

⁷ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1579, л. 13–19.

⁸ РГВА, ф. 1346, оп. 2, д. 616, л. 30. Тем не менее 25 марта Семенов наградил Чжана Куйу орденом Св. Владимира 3-й степени «за храбрость и решительность при подавлении большевистского восстания»: РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 23, л. 172.

⁹ Свет, 8.07.1920.

¹⁰ Семёнов [1938] 2002, с. 246–251.

Несколько иначе о планах по Внешней Монголии сказано в допросе арестованного Семёнова 23 октября 1945 г.: чтобы добиться отделения Монголии от Китая, «еще в 1920 г. в Хайларе я заключил соглашение с китайским генералом Сюй, обязавшимся способствовать установлению в Китае монархии, а в качестве компенсации получил заверение, что будущий китайский император предоставит Монголии независимость и разрешит расселить на ее территории белоэмигрантов. Это соглашение было сорвано бароном Унгерном, который с отрядом белогвардейцев напал в Улан-Баторе на части генерала Сюй»¹. Эти показания вряд ли верны. Генерал Сюй Шучжэн не боролся за монархию и в 1919 г. ликвидировал автономию Внешней Монголии, сделав ее обычной частью Китайской республики — не для того, чтобы давать ей независимость. Унгерн, выбив части Сюя из Внешней Монголии, восстановил ее независимость. Отсюда он отправлял письма Чжану Куйу. В письмах своим соратникам в Хайларе и Маньчжурии он просил связываться с Чжаном на предмет снабжения Азиатской дивизии оружием, припасами и т.д.² Однако наладить снабжение дивизии из Барги и Маньчжурии не удалось.

Вернемся в 1917 г. В августе 1917 г. один из командиров повстанцев Фушэнгэ с 450 монголами по согласованию с Граве прибыл в Хамар (Солуньшаньский округ Цицикарской пров.). «Фушэнгэ с 450 монголами прибыл по соглашению с Граве в Хамар и 20 дней не получает согласия Бао о принятии его в войска. На первый доклад о Фушэнгэ Бао ответил: “Теперь нет денег, ибо много сформировано новых войск”, он просил Мукден принять монгол на службу. Вчера Бао на запрос о скорейшем решении этого вопроса ответил, что теперь в провинции не все благополучно и нужно ждать. Подобное замалчивание и откладывание дела с Фушэнгэ может повредить общему делу о харачинах. Вчера Бумбучжаб [Бумбажав. — С.К.] прислал письмо Чжанкуну [Чжан Куйу. — С.К.], прося ходатайства о принятии его на службу, но Чжан ответа не дал, ибо Бао не выполняет условий даже о Фушэнгэ. Вызов Фушэнгэ в Цицикар приостановлен ввиду раздоров среди лиц партии Сюя [Сюй Ланчжоу. — С.К.]. Сюй, по-видимому, едет в Мукден, а Чжанкун получит бригаду»³. Фушэнгэ со своими 450⁴ монголами отбыл в пров. Хэйлунцзян (Цицикар) в местность Хамар в 60 верстах от ямыня начальника уезда Солуньшань. Положение Фушэнгэ было критическим, так как губернатор Бао затягивал с согласием на его принятие на службу в войска провинции, отговариваясь то неимением средств, то волнениями в провинции. Данных об уходе каких-то других монгольских повстанцев из Барги тогда не было⁵.

В этой ситуации Афанасьев переговорил с цицикарским губернатором о решении харачинского вопроса. Тот обещал послать делегата к Фушэнгэ для при-

¹ Марковчин, 2003, с. 150.

² Барон Унгерн в документах..., 2004.

³ Телеграмма Афанасьева из Цицикара в Пекин от 22 августа 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3065, л. 15; д. 3107, л. 176.

⁴ По более ранним данным, их было 500 (Разведка консульства в Цицикаре от 15 августа 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 87).

⁵ Разведка № 43 консульства в Цицикаре от 18 августа 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 85.

ема на службу. Относительно Шадарбала и других он сказал, что вести с ними переговоры можно только с предварительной посылкой войск¹. Переговоры опять затягивались — причем на фоне обострения ситуации в Барге в результате действий других отрядов «харачинов», которых тоже не брали в китайские войска (см. в предыдущем разделе).

Между тем, «шайка» монголов сожгла управление уездного начальника Солуньшаня, его самого и его помощника взяла в плен, требуя от губернатора выкуп в 10 тыс. долл. При нападении было убито 5 и ранено 7 чел. из китайской горной полиции, со стороны монголов — соответственно, 10 и 15. «Шайка» остановилась в Солуньшане в соседних зданиях с управлением уездного начальника и в зданиях лесопромышленной концессии, принадлежавшей монголу Баирову (Фушаю). Произведшая нападение группа была из отряда Шадарбала, стоявшего на Цаган-норе. 22 августа из Цицикара выступили 2 дивизиона кавалерии Чжана Куйу, а 2 ина кавалерии мукденских войск из Таонаньфу уже подошли к окрестностям Хамара (в 40 ли от него). Цицикарские власти выслали курьера к этим мукденским войскам сообщить, что в окрестностях Хамара монгольский отряд Фушэнгэ в 300 чел. уже перешел на службу в войска Хэйлунцзянской пров., а «шайка» монголов, ограбившая Солуньшань, находится в 60 верстах далее к северу от Хамара. Губернатор Бао приказал уплатить 10 тыс. долл. «шайке» монголов, взявшей в плен начальника Солуньшаня².

По-видимому, эта «шайка» из 800 «харачинов» напала на солуньшаньский административный пункт 26 августа (н.ст.) 1917 г. В середине сентября нападавшие монголы появились в хошуне Джалайт-вана Внутренней Монголии. Лагерь монголов находился всего в 10 верстах от Цзинсинчжэня, или в 90 верстах западнее Цицикара. По просьбе Джалайт-вана командир 1-го конного полка Чжан Куйу с двумя эскадронами в середине сентября направился к ним для переговоров. Монголы требовали назначить одного из их командиров командиром полка, трех — командирами инов, сформировать из них отдельный конный полк. Дуцзюнь командировал в ставку Джалайт-вана штаб-офицера Чжэн Сюшэня и чиновника Го Ятина для совместных с Чжаном Куйу переговоров. Монголы потребовали, чтобы Фу (возможно, Фушэнгэ) был назначен командиром ина, из людей отряда сформировать шесть эскадронов конницы, остальным гарантировать проезд на родину. Дуцзюнь приказал приготовить помещения для них в казармах 1-го конного полка за городом. Монголы, не желавшие вступать в цицикарские войска, ушли на главную стоянку на р. Халх-гол³.

Фушэнгэ в течение 30 дней не получал никакого ответа от губернатора Бао о поступлении в войска этой провинции (как было условлено в Хайларе с китайскими представителями) и узнал, что его хотят назначить в Мукденскую пров.

¹ Телеграмма Афанасьева из Цицикара в миссию в Пекине от 23 августа 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 177.

² Разведка консульства в Цицикаре от 23 августа 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 90–91.

³ РЗО от 10 октября 1917 г., РГВИА, ф. 4888, оп. 2, д. 25, л. 15–15об.

Во главе 450 чел. Фушэнгэ выступил из Хамара на Цицикар, производя по дороге грабежи китайского населения, и заявил губернатору, что если через 5 дней ему не пришлют делегатов на переговоры, он соединится с монголами, занявшими Солуньшань, и двинется на Цицикар. 27 августа Бао отправил делегатов с ином кавалерии к Фушэнгэ. По требованию Фушэнгэ, делегатами выехали полковник Чжан Куйу и Фухай (Баиров). Чжан Куйу, узнав о согласии Сюя Ланьчжоу на должность в Мукденскую пров., прислал к нему нарочного и передал, что со своими восемью инами он отказывается следовать за Сюем и требует себе должность начальника кавалерийской бригады в Цицикаре. Там войска Чжана Куйу продолжали занимать административные здания, управление губернатора, почту, телеграф, патронный завод, артиллерийские и патронные склады¹.

9/22 сентября 1917 г. Фушэнгэ с 400 всадниками прибыл в Цицикар. Для принятия Фушэнгэ и с его людьми из Цицикара выехали как делегаты полковник Чжан Куйу с Фухаем и полковник Чжэн с Го Вэньтянем. Чжан Куйу и Фухай встретились с Фушэнгэ раньше, и «последний заявил им, что он идет арестовывать губернатора Бао, который не держит своих обещаний, а когда прибыли полковник Чжэн и Го, то Фушэнгэ хотел их арестовать и держать заложниками, и только заступничество Фухая спасло указанных делегатов от ареста, а также категорическое заявление, что Фушэнгэ не будет отправлен в Мукденскую провинцию, а оставлен в г. Цицикаре. Фушэнгэ согласился подчиниться только в том случае, если из его людей будет сформирован один ин, и таковой должен находиться в составе войск полковника Чжан Куйу». Из людей Фушэнгэ в Цицикаре сформировали 1 кавалерийский ин в 5 эскадронов, вошедший в состав войск полковника Чжана Куйу².

Афанасьев указывал цицикарскому губернатору Бао, что медлительность в приеме «харачинов» на службу толкает Доржа и других на грабежи. Бао отвечал, что первоначально губернатор Би Гуйфан предлагал принять на службу всех монгольских повстанцев независимо от возраста и наличия у них лошадей и оружия. Но этот план, которым руководствовался Сюй Ланьчжоу, когда был и.о. губернатора, не одобрило центральное правительство Китая. Сам он согласился принять на службу Фушэнгэ в войска Хэйлунцзянской пров., но на новых условиях: из людей Фушэнгэ формируется ин, причем принимаются только те, кто имеет лошадей и оружие и вообще удовлетворяют условиям приема в войска луцзюнь. Если центральное правительство разрешит ему принимать остальных на тех же условиях, он приступит к этому и пошлет делегата в Хайлар для принятия Доржа. Видимо, он настаивал перед центральным правительством на бесцельности приема монгольских повстанцев на службу и на необходимости посылки карательной экспедиции. Очевидно, вследствие его настояний и 40-дневного бездействия в деле приема в войска Доржа и Фушэнгэ центральное правительство согласилось на карательную экспедицию, особенно после вторжения «харачинов» в Хэйлунц-

¹ Разведка российского консульства в Цицикаре от 31 августа 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 53.

² Разведка консульства в Цицикаре 12 сентября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 93.

зьянскую пров. и движения Фушэнгэ на Цицикар, хотя эти события были связаны с нежеланием Бао взять на службу уже согласившихся монгольских повстанцев. Прием Фушэнгэ на службу был вынужденным и против желания Бао¹.

Ввиду неисполнения местными китайскими властями, в частности губернатором Бао, соглашения о принятии повстанцев на китайскую службу, последние до ухода в Цицикарскую пров. занимались грабежами в Барге². Как сказано выше, Дорж использовал грабежи как инструмент давления на цицикарские власти, чтобы ускорить процесс перехода на китайскую службу и уход из Барги. Из-за планов Доржа перейти на китайскую службу усилились раздоры среди монгольских повстанцев³.

Важные события происходили и в округе Солуньшань Цицикарской пров., куда после изгнания из Хайлара бежали отряды под командой Шадарбала, Доржа, Бумбажава и Сэбджингэ⁴. Дорж и Бумбажав прислали просьбу губернатору Бао о поступлении со своими отрядами на службу в войска Хэйлунцзянской пров. Однако 1 октября из Цицикара выступило три ина кавалерии под командой Чжана Куйу против повстанцев, вторгшихся в Солуньшань. Чжан Куйу получил от Бао полномочия на принятие части их на службу в хэйлунцзянские войска⁵.

Однако военная кампания не состоялась, а переход повстанцев в провинциальные войска опять задержался: в Цицикаре возникла новая проблема — туда внезапно явились войска монархиста Ин Шуня. Бао срочно вызвал Чжана Куйу с тремя инами обратно в Цицикар. Они повернули обратно. Группа в 800 «харачинов» осталась в Солуньшане. Войска Чжана Куйу остановились на полпути от Цицикара. Чжан отказывался вернуться туда и стоял с войсками в г. Цзинсинчжэнь. Полагали даже, что он действует заодно с Ин Шунем. В результате переговоров Бао утвердил в должностях семь командиров, в частности, командующим войсками восточной части провинции (чжэнь-шоу ши) и начальником 4-й самостоятельной кавбригады — генерала Ин Шуня, командиром вновь сформированного кавполка — Чжана Куйу. Последний затем заявил губернатору, Ин Шуню и Баиньэ (Ба Инъэ), что если они не уйдут из города и не уведут свои войска, он удалит их силой оружия, и стал сосредоточивать свои войска у Цицикара⁶.

Войска Чжана Куйу стали прибывать в город. В ночь с 22 на 23 октября 1917 г. со стороны управления губернатора была слышна стрельба. Чжан Куйу формально принял войска Доржа в войска Хэйлунцзянской пров. с прикомандировани-

¹ Телеграмма Афанасьева из Цицикара в Пекин и Хайлар от 11 сентября 1917 г. АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 109–110.

² Разведка консульства в Цицикаре, 12 сентября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 93.

³ Донесение Усатого от 30 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 23–28 (плохо читаемый рукописный текст).

⁴ Разведка консульства в Цицикаре от 2 ноября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 125.

⁵ Разведка консульства в Цицикаре от 3 октября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 96; телеграмма Усатого в Пекин от 2 октября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 142; ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 214.

⁶ Разведки консульства в Цицикаре от 4, 5, 9, 20 и 21 октября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 97, 98, 101, 105, 106.

ем их к своему отряду. Чжан Куйу дал три дня на выезд генералов Ин Шуня, Ба Инъэ (Баинъэ) и полковника У Шицзе с войсками из Цицикара. У Чжана Куйу было 8 инов кавалерии при 6 горных орудиях и 6 пулеметах; за ним числились отряды Доржа и Фушэнгэ в 1200 чел. В Цицикаре Чжана поддерживали 1 кавалерийский и 2 пехотных ина мукденских войск. Губернатор Бао встал на его сторону. 24 октября Бао вызвал фудутуна Цзисяня и попросил помочь Чжану Куйу покончить с Ин Шунем и Баинъэ. 28 октября Бао отстранил от должности Ин Шуня. Войска последнего стали уходить из Цицикара, но самого Ин Шуня Бао задержал в городе. В тот же день в Цицикар прибыл Дорж, вызванный из Солуньшаня с 800 монголами полковником Чжаном Куйу¹.

Ожидалось прибытие в Цицикар также Шадарбала и Бумбажава. В городе состоялось совещание по размещению монгольских повстанцев по частям войск и хошунам Внутренней Монголии, подчиненным Хэйлунцзянской пров. Начальники повстанцев требовали себе должности не менее начальников бригад с оставлением им четырех орудий и полным оставлением под их началом повстанческих командиров — как с оружием, так и безоружных. Чжан Куйу предлагал им должности командиров инов, хотел принять только тех, у кого есть оружие, остальных поселить в Солуньшане. Кроме того, начальники «харачинов» требовали расквартировать их в Солуньшане и создать там особый хошун. Бао был против принятия повстанцев на службу и поселения их в Хэйлунцзянской пров.²

Южная часть провинции из-за присутствия «харачинов» оставалась под угрозой насилия. Они расположились по окрестным деревням от ставки Джалайт-вана почти до г. Цицикар (до д. Мелесы в 20 верстах западнее Цицикара). Авангард отряда Доржа находился близ Цицикара в д. Мелесы, сам Дорж — в Цицикаре как уполномоченный от всех монгольских повстанцев и их начальников на переговорах с губернатором. Отряд Бумбажава с двумя орудиями стоял в г. Цзинсинчэне, отряд Шадарбала с двумя орудиями и семью повстанцев — в ставке Джалайт-вана. 5 ноября губернатор сказал Доржу, что не может принять и поселить монгольских повстанцев в провинции, а если будут грабежи — откроет против них военные действия. Движение повстанцев на юг было невозможно из-за стоявшего там заслона из девяти инов мукденских войск³.

Дорж арестовал Сэбджингэ, его доставили в Цицикар. Там он был казнен⁴. Якобы по приказанию Доржа Сэбджингэ был расстрелян за то, что он, будучи в Хайларе, противодействовал стараниям представителей России по улаживанию харачинского вопроса мирным путем. Вместе с Сэбджингэ был убит его служащий Джамба-тунлин, люди которого убили русского милиционера⁵. Всё это было очевидной отговоркой: Дорж не сотрудничал с российскими властями и уже дав-

¹ Разведки консульства в Цицикаре от 23, 24, 25 и 30 октября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 107, 111, 113, 115–116.

² Разведка консульства в Цицикаре от 2 ноября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 125.

³ Разведка консульства в Цицикаре от 6 ноября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 131.

⁴ Мещерский, 1920, с. 11–12.

⁵ Разведка консульства в Цицикаре от 6 ноября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 131.

но конфликтовал с Сэбджингэ, который был против перехода монгольских повстанцев на китайскую службу. Сэбджингэ был японофилом, Дорж — китаефилом. Видимо, здесь и коренились причины. А теперь у Доржа нашелся удобный повод, чтобы показать свою лояльность цицикарским властям.

Триста монголов Сэбджингэ после того, как его арестовал Дорж, ушли из Солуньшаня в хошуны Дархан-ван и Джаруд, остальные — около 2000 без семей — изъявили желание остаться в Хэйлунцзяне в качестве солдат или поселенцев¹.

В соответствии с решением центрального правительства, губернаторам Мукденской и Хэйлунцзянской провинций было предписано начать общее наступление 9 ноября 1917 г. против отрядов монгольских повстанцев, вторгшихся в Хэйлунцзянскую пров. под давлением русских и баргинских войск. На тот момент повстанцы стояли в следующих пунктах: 1) семьи и небольшие отряды — близ Солуньшаня, 2) отряд Шадарбала в 1000 чел. с 2 орудиями — в ставке князя Джалайта, 3) отряд Бумбажава в 400 чел. с 2 орудиями занимал г. Цзинсинчжэнь и окрестные селения, 4) отряд Доржа — в 60 верстах южнее Хайлара за р. Нонни и 100 чел. в д. Мелесы в 20 верстах от Цицикара — всего не более 800 чел. без орудий. Мукденским войскам (8 инов пехоты и кавалерии при 18 орудиях и 4 пулеметах из Тайлайсянь, Тацзычэна и Солуньшаня) было приказано наступать на Шадарбала и Доржа, стараясь отрезать путь отступления в Баргу через Солуньшань. Двум цицикарским отрядам в 10 кавалерийских инов при 6 горных орудиях и 4 пулеметах было приказано наступать из Цицикара на отряды Доржа и Бумбажава с севера и северо-востока, препятствуя им прорваться на север к линии КВЖД и тесня их к югу на мукденские войска. Отрядом против Доржа командовал Чжан Куйу, в его распоряжении было 7 инов кавалерии при 2 орудиях и 2 пулеметах. Против Бумбажава был направлен отряд подполковника Юя — 3 ина кавалерии при 4 горных орудиях и 2 пулеметах².

Выступление войск цицикарского гарнизона против отрядов Доржа и Бумбажава началось с утра 9 ноября (детали неизвестны). Одновременно на станцию «Тахарчжан» напало более 40 «монгольских хунхузов», которые убили 3 полицейских, разграбили станцию, забрали более 50 лошадей и разного имущества на 200 тыс. дяо, 7 ружей и более 1000 патронов³.

Стараниями Чжана Куйу и Фухая Дорж с 675 чел. сдал оружие с условием приема на службу 120 чел. и поселения остальных. Остановить военные действия против Шадарбала Бао отказался, но обещал, если тот сложит оружие, поселить в Солуньшане или зачислить на службу, как людей Доржа. Чжан Куйу старался повлиять на Бао о более льготных условиях для Доржа⁴.

¹ Разведка консульства в Цицикаре от 2 ноября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 125.

² Разведка консульства в Цицикаре от 8 ноября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 135–137.

³ Разведка консульства в Цицикаре от 9 ноября 1917 г. РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 139.

⁴ Телеграмма Афанасьева из Цицикара от 12 ноября 1917 г. АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3124, л. 475.

Сдать оружие при условии принятия 120 людей в войска и поселения остальных Дорж со своими 675 людьми согласился еще до начала военных действий. Бао был недоволен действиями Чжана Куйу. Дорж выдал оружие 8 ноября Фухаю и Чжану Куйу в деревнях Хоупинфан и Цяньпинфан в 15 и 20 верстах западнее Цицикара — всего 350 ружей, причем маузеры и браунинги остались при владельцах, чем был весьма недоволен Бао. Дорж и его люди, сдав оружие, были временно размещены по окрестным даурским деревням западнее Цицикара. Продовольствие его отряду доставлялось из Цицикара за счет казны, заведовать этим поручили Фухаю. Во всех отрядах монголов — и у Доржа и у поступившего на службу Фушэнгэ — было много ручных гранат, данных им японцами. Дорж подарил Чжану Куйу до 100 ручных гранат, которые привез в Цицикар¹.

Ввиду медлительности мукденских войск, губернатор направил Чжана Куйу против остальных повстанцев. 10 ноября отряд Бумбажава был выбит войсками Чжана из г. Цзинсинчжэня. Теперь в Цзинсинчжэне находился штаб Чжана Куйу. Войска последнего преследовали отряд Бумбажава на 100 верст. Бумбажав отступил на юг к ставке Джалайт-вана. Там он встал вместе с отрядом Шадарбала. В отряде Бумбажава было три японца, один из них с раной в ногу, полученной в сражении в Ситуне близ Хайлара. Войска Чжана Куйу вернулись в Цицикар. При захвате Цзинсинчжэня китайцы взяли в плен 16 монголов с оружием из отряда Бумбажава и доставили их в Цицикар. 15 ноября они были казнены².

Отряды Доржа (который так полностью и не разоружился) и Бумбажава ушли в южную часть округа Солуньшань. По донесению начальника отряда мукденских войск, в Хэйлунцзяне остались «мелкие шайки харачинов», а главные их силы под командой Доржа и Бумбажава отступили в северо-восточную часть Халхи, воспользовавшись отсутствием там китайских войск, вызванных в пров. Гирин. Войска Чжана Куйу вернулись в Цицикар, оставив гарнизоны в городах Тайайсянь, Тацзычэн и Цзянсичжэн. Бао вновь не соглашался на поселение отряда Доржа в Хэйлунцзяне, обещал их продержать до весны, снабжая от казны продовольствием³. По другим данным, отряды Шадарбала и Бумбажава под давлением китайских войск отступили в Узэмчин и Халху. Из людей Доржа 240 чел. приняли в китайские войска. Из них был составлен кавалерийский ин под командой Доржа. Он был зачислен в войска суньфанцзидуй Чжана Куйу. 4 декабря этому ину провел смотр сам губернатор Бао. Около 400 чел. отряда Доржа, не зачисленные в китайские войска, местные власти отправили на родину, выдав каждому 30 долл. на дорогу (240 руб.) на первые нужды по прибытии на место. Теперь объявлялось, что харачинский вопрос в Хэйлунцзянской пров. можно считать ликвидированным⁴.

¹ РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 140.

² Разведки консульства в Цицикаре от ноября (не датировано), 17 и 22 ноября 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 140–142.

³ Разведка консульства в Цицикаре от 4 декабря 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 143.

⁴ Разведка консульства в Цицикаре от 5 декабря 1917 г., РГВИА, ф. 1558, оп. 4, д. 37, л. 144.

В декабре 1917 г. хайларский фудутун получил официальное сообщение от вице-председателя Джоудаского сейма Внутренней Монголии, что несколько повстанческих начальников, в том числе Мантата, Фыншэнгэ, Дачин, Чичимба со своими людьми числом более тысячи прибыли в Джоудаский сейм и сдали оружие представителям дутуна провинции Жэхэ. Часть из них должна была поступить на службу в китайские войска, остальные могли свободно вернуться на родину¹.

Таким образом, после провала реставрации маньчжурской династии возможности дальнейшей борьбы монгольских повстанцев за независимость Монголии против Китая были исчерпаны: внешние силы их движение уже не поддерживали, а своих ресурсов у них не хватало. Наиболее прагматичным вариантом был переход на китайскую службу, за который ратовала Россия. Такое решение усиливало раскол среди них. Большая часть их постепенно согласилась перейти в маньчжурские провинциальные войска или вернуться к мирной жизни. Однако провинциальные власти, занятые внутренними конфликтами, затягивали решение вопроса. Это не мешало им оказывать военное давление на «харачинов», дабы сделать их более сговорчивыми. Лишь к концу 1917 – началу 1918 гг. крупные отряды монгольских повстанцев, возглавлявшиеся бывшими подчиненными Бавужава, в основном перешли в маньчжурские провинциальные войска, а часть вернулась к мирной жизни.

¹ Донесение Усатого из Хайлара в Пекин, Ургу и Цицикар от 4 января 1918 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 160.

Глава 4

Баргуты и внутренние монголы в войсках атамана Г.М. Семёнова и барона Р.Ф. Унгерна

Переход баргутов и бывших монгольских повстанцев на службу к Г.М. Семёнову и Р.Ф. Унгерну

Монархические надежды в Пекине на короткое время вновь появились в 1918 г., когда президентом стал Сюй Шичан, который подчеркивал свою преданность Пуи и маньчжурской династии. Но они были тщетными. Идеи возрождения монархии в последующие годы были связаны с борьбой милитаристов, которые тоже пытались использовать Пуи¹. Однако данных о каких-либо связях с этим бывших монгольских повстанцев найти не удалось. Вместе с тем, и они, и баргуты стали втягиваться в разрастающийся внутрироссийский конфликт, связанный с двумя революциями 1917 г. и Гражданской войной.

Еще летом 1917 г. — до изгнания монгольских повстанцев из Хайлара — Усатому поступила телеграмма: «Комиссар Всероссийского Центрального комитета по формированию добровольческих дружин есаул Семёнов хотел бы завербовать в свои отряды харачинцев. Благоволите телеграфировать, может ли он рассчитывать на успех, и сообщите Ваш взгляд. В утвердительном случае Семёнов прибудет в Хайлар для выяснения условий»². Целью Семёнова было создание национальных отрядов в Забайкалье для борьбы с красными.

Как писал сам Г.М. Семёнов, по прибытии в Забайкалье в 1917 г. он сразу решил, примирив враждующие племена (то есть «харачинов» и баргинцев), предложить «харачинам» вступить в его части, предложение было принято обеими враждующими сторонами. На созванной по инициативе Семёнова конференции договорились о том, что баргинцы дадут свободный пропуск через Баргу «харачинам», вытесненным китайцами из Внутренней Монголии. Кроме того, баргинцы во главе с дауром Гуйфу и его сыном Фушаном приступили к созданию собственного отряда. Китайские власти требовали роспуска этих отрядов³. Намного позже, после ареста большевиками, Семёнов показывал на допросе: на съезде в Чите в 1917 г.⁴ баргинские князья просили его примирить их с «харачинами», он уговорил

¹ Подробнее см.: Чудодеев, 2013, с. 328–374.

² Телеграмма чиновника по дипломатической части в Иркутске Усатому от 1 августа 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 397, л. 43; ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 2.

³ Семёнов [1938] 2002, с. 131–133.

⁴ Август 1917 г., когда в Хайларе еще находились захватившие его отряды «харачинов».

Фушэнгэ прекратить боевые действия против них и перейти в его части. Формирование монголо-бурятского полка шло поначалу медленно: к началу января 1918 г. в полк прибыло не более 20 монголов (харачинов и баргутов) и пять бурят¹.

Если это так, то Фушэнгэ, переходя из Барги на службу в цидикарские провинциальные войска со своими людьми, считал это делом временным, собираясь уйти к Семёнову. В этом бывшие солдаты Бавужава могли видеть новый шанс для борьбы за независимость Монголии от Китая. Но главной целью Семёнова была борьба с красными. С другой стороны, после изгнания монгольских повстанцев из Хайлара, российские дипломаты оказывали давление на баргинские власти с тем, чтобы они повышали эффективность набираемых ими войск на случай повторных вторжений «харачинов». Однако вскоре Семёнов и Унгерн стали использовать эти войска для борьбы с красными. Так баргинцы и «харачины», имея разные цели, оказались по одну сторону фронта российской Гражданской войны.

После Октябрьской революции 1917 г. Семёнов и его сторонники постепенно устанавливали контроль над участком железной дороги в Забайкалье и Барге. В декабре 1917 г. Семёнов, Унгерн и еще несколько казаков разоружили деморализовавшийся российский гарнизон ст. Маньчжурия — дружинников численностью 1500 чел.² В то же время, есть сведения, что в занятии Семёновым ст. Маньчжурия участвовали находившиеся там китайские войска³. Захваченные там казармы и имущество были использованы для формирования Особого Маньчжурского отряда (ОМО) атамана Семёнова. Отряд начал свое существование 9 января 1918 г.⁴

В Хайларе в это время находились части железнодорожной бригады и конные части Пограничной стражи. Велась революционная пропаганда, большинство офицеров были распропагандированы большевиками. Комендантом Хайлара Семенов решил назначить барона Унгерна. В январе 1918 г. барон, имея русскую сотню и 250 конных баргутов, в течение не более двух часов разоружил хайларский гарнизон численностью в 800 штыков. Разоруженные были отправлены в Россию. Белые заняли Хайлар⁵. Позже приказом № 45 по по Отдельной Инородческой конной дивизии от 3 марта 1919 года «генерал-майор Унгерн-Штернберг (Роман) по постановлению Георгиевской Думы на основании Ст. 8 и 33 Статута награждается орденом Св. Великомученика Георгия 4-й ст. Особого Маньчжурского Отряда за то, что, командуя взводом в январе 1918 года разоружил Хайларский гарнизон в составе Баталиона. Справка: Приказ Отдельной Восточно-Сибирской Арм. № 61 § 3. <...> Подлинный подписал Начальник Дивизии Подполковник Усачевский»⁶.

С самого начала при комплектовании ОМО предполагалось включать туда «кавказских инородцев и некоторые монгольские племена, как-то буряты и

¹ Марковчин, 2003, с. 149, 178.

² Семёнов, [1938] 2002, с. 115–122.

³ Забайкальская новь, 29.12.1917.

⁴ Деятельность..., 1919, с. 12.

⁵ Семенов [1938] 2002, с. 136–138.

⁶ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 48.

баргуты»¹. Набираемые баргуты должны были контролировать участок между станциями Маньчжурия и Хайлар.

Усатый признавал, что Семёнов со своим отрядом навел порядок. «Действительно, надо отдать ему справедливость, он навел порядок и на ст. Маньчжурия, где дня не проходило без убийств и разбоев, теперь тихо, в поездах порядок». Вскоре он набрал в Хайларе ок. 150 баргутов и стал обучать их. Платил сравнительно большое содержание — 60 руб. в месяц жалованье, 60 руб. — на еду и оружие. Из офицеров Семёнова ок. 15 чел. находились в Хайларе. Семёнов предлагал свои услуги в качестве инструктора для баргутского войска².

Как видно из предыдущих глав этой книги, в Хайларе высшую российскую власть олицетворял вице-консул Усатый. Но в Гражданскую войну ситуация менялась. Теперь с ним не особенно считались те, у кого была военная сила. Это касалось, прежде всего, российских дел, но также и международных.

В конце января или начале февраля 1918 г. Унгерн, несмотря на возражения Усатого, со 130 баргутскими солдатами отправился по КВЖД в сторону Цицикара. Среди них был баргинский дзанги Даманда. Незадолго до этого он вместе с Унгерном принял участие в разоружении частей железнодорожного батальона и Пограничной стражи в Хайларе. Теперь они решили двинуться «по станциям, до Хингана включительно»³. Позже, в 1931 г., Даманда держал контакт с известным революционером Мэрсэ и японцами в надежде восстановить автономию Барги (см. ниже).

Целью рейда Унгерна в 1918 г. было, по одним данным, разоружение разложившихся революцией российских войск на линии, по другой — занятие ст. Бухэду по указанию Семёнова. Отряд Унгерна задержали китайцы, но затем освободили — после вмешательства то ли российских властей в Харбине⁴, то ли Семёнова⁵. После этого власти Барги заявили, что они больше не хотят предоставлять своих солдат Семёнову. Скандал удалось замять, договорившись с Семёновым и баргинцами, что их солдаты впредь не будут выводиться из Барги, и будут только охранять дорогу от ст. Маньчжурия до Хингана. Чтобы дальнейшая вербовка баргутов проходила без эксцессов, было решено возложить ее на войскового старшину И.Х. Шароглазова, которому поручалось также установить контакты с забайкальским казачеством на предмет борьбы с красными⁶. В июле 1918 г. посланный Семёновым Ц.-Е. Цыдыпов договорился с руководством Барги о том, что оно проведет мобилизацию, а Семёнов предоставит оружие и боеприпасы⁷.

¹ АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 4.

² Послание Усатого Граве от 16 января 1918 г., АВПРИ, ф. „Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 19–23, (рукопись).

³ Донесение ИНО ОГПУ № 14170/П от 4 июля, 1 июля 1925 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 3, д. 237, л. 9–10.

⁴ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1555, л. 55–56об.

⁵ Семёнов [1938] 2002, с. 138–139.

⁶ АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1555, л. 73–73об. О Шароглазове подробнее см. ниже.

⁷ Марковчин, 2003, с. 149.

Однако Унгерну стало трудно вербовать баргутских солдат. В этом он винил власти Барги, где снова доминировали дауры. Он писал Семёнову 27 июня 1918 г.: «Дауры меня изводят. Они обещали наконец дать 100 кон[ных] баргут, но говорят, что, так как китайцы тебе не подчиняются, то и они будут самостоятельно воевать на Даурии. Главное столкнуть их отсюда, а там пускай Шароглазов с ними торгуется. Здесь не смогу их обезоружить: не дают обратно винтовок, а так их меньше станет и, если я у оставшихся возьму силой обратно винтовки, то в Мань[чжурии] со 100 баргут всегда справиться можно. Прохвосты»¹.

В 1918 г. Унгерн перебазировался из Хайлара на ст. Даурия. Но в Хайларе остался гарнизон, командные посты в котором занимали его соратники. Происходили обыски, аресты и реквизиции. Некоторые унгерновцы допускали злоупотребления: бесконтрольно расходовали деньги, продавали реквизированные товары по заниженной цене и т.д.² В Хайларе Унгерн ввел в систему порки — в том числе офицеров. Этим занимались подхорунжий Бурдуковский, прапорщики Еремеев и Шадрин³. Унгерн не позволил комиссии КВЖД провести ревизию хайларского общественного управления. Бывало и вмешательство в дела вице-консульства. Так, Усатый с грустью писал: «Вчера явился в вице-консульство местный комендант полковник Нарышкин и заявил, что он имеет предписание генерала Унгерн-Штернберга реквизировать для срочных военных нужд хранящиеся в вице-консульстве телеги, подлежащие продаже с аукционного торга для удовлетворения гражданских истцов по уголовному делу. Несмотря на мои протесты и, наконец, просьбу задержать исполнение распоряжения хотя бы до получения мною телеграфного разъяснения Миссии [в Пекине. — С.К.] по этому вопросу, полковник Нарышкин реквизицию произвел»⁴.

В 1918–1919 гг. начальником Хайларского гарнизона и представителем Семёнова в Харбине был полковник П.П. Тумбаир-Малиновский, связанный также с Унгерном⁵. «Теперь отправляется в Мукден и Тяньцзин. В 1913–1916 гг. Малиновский в Урге заведовал полицией, там получил звание гуна, что позволило прибавить к своей фамилии “князь Тумбаир”. После революции, говорят, был дворцовым комиссаром в Москве. С прошлого года появился в Хайларе в отряде Семёнова как знаток Монголии. Видимо, его дипломатические способности оцениваются очень высоко. В Хайларе он пытался вести с баргинскими властями переговоры о предоставлении ему и двум полякам разных концессий, но интрига была разъяснена монголам. Из более-менее верных источников передают, что Малиновскому поручено выяснить положение Чжан Цзолиня в Мукдене, его от-

¹ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 1, л. 2–2об.

² Елагин, 1934, с. 131–146.

³ Протокол допроса генерал-майора И.Ф. Шильникова — в кн.: Катанаев, 2005, с. 314–315.

⁴ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 16 ноября 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1552, л. 306.

⁵ Письма Унгерна к Тумбаир-Малиновскому см.: Кузьмин, Унгерн-Штернберг, 2016, с. 160–169; Kuzmin, Ungern-Sternberg, 2016, p. 309–326.

ношение к Пекину и Гирину, настроение и силы монархического движения и отношение к нему в Пекине и на юге, вопрос об иностранном займе»¹.

В 1918 г. Семёнов и Унгерн разработали и реализовали план формирования отряда из внутренних монголов. Для этого они послали в Цицикар есаула М.А. Шадрина — бывшего переводчика штаба Заамурского ВО, свободно говорившего по-монгольски. В Цицикаре со своими людьми в конвое губернатора служил бывший командир монгольских повстанцев Найданжав-гун (Найдан-гун), перешедший на китайскую службу после гибели Бавужава. Найдан находился в составе личного конвоя губернатора, который не хотел выпускать его из-под контроля². Поэтому он в то время не смог перейти к белым.

В апреле 1918 г. «два монгольских ина харачинов, стоявших в Цицикаре, были обезоружены китайцами и распущены, якобы за попытку к бунту. Командиры инов, один из них, известный мне и Граве Фушэнгэ, обратились ко мне с просьбой об устройстве на русскую службу их и их людей, всех их 400 человек с лошадьми <...> до тысячи человек, получивших военную подготовку в китайских войсках»³. Еще в 1917 г. они вели переговоры об этом с Семёновым (см. выше). В своих письмах Семёнову Унгерн кратко сообщал о планах прибытия «хорчинов» на переговоры, возможностях оставления ими Цицикара и сложностях движения «сухопутом» к Семёнову⁴. Фушэнгэ со своими людьми находились в г. «Лисисян» (Линьсисянь) у железнодорожной станции Чжалантунь в хошуне Джалайт. Навербовав еще людей и увеличив отряд до 500 чел., получив через Семёнова разрешение от монгольского управления Барги, летом 1918 г. Фушэнгэ перешел через Баргу в Даурию, занятую белыми⁵.

Вскоре было «получено донесение, что Шадарбал и Бумбажав со своими харачинами бежали из Мукдена и направились к месту прежней своей стоянки на р. Халхе»⁶. По подсчетам Т. Наками, весной 1918 г. в войске Семёнова 600 чел. составляли люди монгольского происхождения⁷. Прибывшие к Семёнову монголы были хорошо вооружены: у них было вывезенное в 1915–1917 гг. из Монголии оружие отряда Бавужава, даже своя артиллерия. Они с трудом пробрались в Даурию из Внутренней Монголии, контролируемой китайцами⁸. Выходит, в войсках Цицикарской и Мукденской провинций принятые туда «харачины» служили со

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в Пекин от 5 июля 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1552, л. 221–221об. В документе несколько неточностей. В действительности Малиновский в Урге заведовал артиллерией; получил от Богдо-хана титул Тумбаир-гун; участвовал в Первой мировой войне.

² Базаров, 2002, с. 18–23.

³ Телеграмма Афанасьева из Цицикара в миссию в Пекине от 5 апреля 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1565, л. 336.

⁴ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 1, л. 1–2об.

⁵ Базаров, 2002, с. 19.

⁶ Донесение Усатого от 4/17 мая 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1565, л. 292; ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 145.

⁷ Наками, 2000, с. 124.

⁸ Ринчино, 1998, с. 233–234.

своим оружием, или же оно было где-то спрятано перед их поступлением в эти войска. Теперь «харачины» ушли к белым, захватив его с собой.

Семёнов набирал монгольских солдат с помощью Чинраб-Джамцо, ламы хорчинского дацана Ганжур (Джамц-лама), в основном, среди бывших воинов Баву-жава. После прибытия Фушэнгэ численность монголов в войсках увеличивалась: если в июне 1918 г. монгольские части насчитывали 800 чел., то в марте 1919 г. — 1000 чел.¹

Внутренние монголы Фушэнгэ в составе белых войск участвовали в боях с красными на линии Забайкальской железной дороги. Участвовали они и в арестах лиц, подозреваемых в связях с красными партизанами. Один такой эпизод (в с. Шахтама) описан в партизанских мемуарах². Многие внутренние монголы удостоились Георгиевских крестов и медалей за храбрость в боях с красными. Вот несколько примеров. Монгольский офицер Гантумур был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за то, что 14 июня 1918 г. выбил с высоты пехоту противника; командир 1-й сотни Гомбо и всадник 1-й сотни Тумун-Ульди — орденами Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою в районе разъезда № 843 Забайкальской железной дороги; всадник 2-й сотни Лиюн — орденом Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою 18 июля 1918 г. у ст. Мациевская; всадник 1-й сотни Намжил и всадник 1-й сотни Моху — орденами Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою 28 июля 1918 г. под ст. Абагайтуй; всадники 1-й сотни Шинхай и Эрдын-Чокто — орденами Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою 1 июля 1918 г. за ст. Мациевскую; всадник 1-й сотни Юн-Руб — Георгиевской медалью за успешную рекогносцировку у оз. Солонха; всадник 2-й сотни Тайпын — Георгиевской медалью за храбрость в бою 14 июля 1918 г. у разъезда № 84 Забайкальской железной дороги³.

Внутренние монголы участвовали в реквизициях. Летом 1918 г. Унгерн реквизировал 8 или 18 тыс. овец из приаргунских станиц, поддерживавших красных партизан. Их предполагали передать казакам, пострадавшим от большевистских реквизиций. Но оказалось, что часть этих овец принадлежит казакам Семёнова. Часть позже вернули владельцам, остальное оказалось уже продано или ушло на пропитание ОМО и продаже. По мнению Л.А. Юзефовича, скот угнали «харачины»⁴. В феврале 1919 г. «харачины» участвовали в рейде из Даурии на Агинское, где, как сообщали буряты, русские поддерживают большевиков⁵. По другим данным, в феврале 1919 г. семеновцы, среди которых было 60 «харачинов», разграбили с. Александровский Завод, часть жителей перебили, женщин изнасиловали⁶. Сведения о разъездах харачинов в тот период, которые пороли и обирали местных жителей, поступали и из района Нерчинского завода⁷.

¹ Наками, 2000, с. 126.

² Козлов, 1957, с. 54.

³ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 35.

⁴ Юзефович, 2010, с. 123–124, 2015, с. 82; сам документ: Елагин, 1934, с. 136–137).

⁵ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 6, л. 29.

⁶ Шанхайская жизнь, № 491 (131), 14.06.1921.

⁷ Катанаев, 2005, с. 319.

В некоторых случаях семеновцы использовали внутренних монголов для сведения счетов и наживы. Например, «сотник 1-го Забайкальского казачьего полка Чипизубов, явившись 11 сентября с.г. в свой родной поселок Соктуевский со взводом харчен, произвел дикую и жестокую расправу над жителями без разбора, кто прав, кто виноват, не считаясь ни с полом, ни с возрастом. За пять дней пребывания отряда в поселке было избито более 30 чел.» Чипизубов лично принимал участие в избиениях. 12 сентября он арестовал 15 чел. и отправил их в Даурию. Из них 7 чел. юридическим отделом были оправданы и отпущены, но 8 чел. не вернулись, причем на запрос родственников был получен ответ юридического отдела, что из этих 8 на учете отдела есть только 1. В чем была причина этого инцидента? Перед прибытием Чипизубова в Соктуй приходили красные, от них бежало 4 семьи, в том числе семья Чипизубова. Тот «предъявил убытков» на 10 541 р., сам участвовал в поселке в определении их у других, на собрании диктовал приговор о покрытии убытков. Уходя, он взял с собой имущество в покрытие убытков¹.

Некоторые монголы проявляли еще большее своеобразие, самовольно уходили из войск Семёнова. В сентябре 1918 г. в Барге появилось несколько хунхузских шаяк, состоявших главным образом из китайцев и монголов, сбежавших из отряда Семёнова. Они были хорошо вооружены, занимались в основном грабежом скота, от чего страдало местное население и русские. Единственный торговый тракт Хайлар – Старый Цурухайтуй, по которому исстари шли все сношения Барги и Забайкалья, сделался почти непроезжим из-за грабежей и убийств. Усатый предлагал установить на нем военные посты по 40 чел. на каждом, причем купцы и казаки готовы были платить на это небольшой налог².

Соседство с «харачинами» беспокоило баргинцев, тем более что в Хулунбуире уже действовали шайки хунхузов, монголов, солонов и др.³ Усатый сообщал: «В отряде Семенова находится более тысячи харачин из тех, которые в 1917 г. под руководством японцев занимали часть Барги. Эти харачинские полки расположены в Даурии и Шарасуне, на границе с Баргой, что служит предметом особого беспокойства баргинцев. Они высказывают опасение, что харачины, если не все, то часть, могут уйти от Семенова и натворить бед в Барге. Недавний случай еще более утвердил баргинцев в возможности ухода харачин. В начале февраля, по словам японских офицеров, около 300 харачин, по словам наших же офицеров из семеновского отряда — всего 80 чел., недовольные расчетом при выдаче жалованья, с двумя орудиями, вооруженные, оставили Шарасун и двинулись по направлению к ст. Мациевской. По японским сведениям, навстречу харачинам был выслан небольшой отряд японцев, который уговорил их вернуться обратно, по нашим же сведениям, харачины сами одумались и возвратились с дороги, выдав

¹ Протокол общего присутствия войскового правления Забайкальского казачьего войска от 24 ноября 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1552, л. 188–190.

² Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 17/30 сентября 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 399, л. 19–19об.

³ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 78–78об.

зачинщиков. Как бы то ни было, но случай этот действительно был, и отрицать возможности ухода харачин нельзя. В семеновском отряде, по понятным причинам, стараются замять этот случай и не предавать его гласности. Начальник Хайларского гарнизона из семеновского отряда заверяет, что за харачинами установлено усиленное наблюдение»¹.

Таким образом, многие монгольские повстанцы, которых с трудом удалось устроить в китайские войска, не оставили своих прежних идей. В содействии Семёнову и Унгерну они увидели новый шанс достичь независимости от Китая и, кроме того, шанс на добычу. Потому они ушли к ним из войск Цицикарской и Мукденской провинций. Участвуя в боях в Забайкалье, они не отказывались от прежних наклонностей — тем более что в Гражданскую войну в России реквизициями и грабежами населения занимались все стороны конфликта. В случае разочарования бывшие повстанцы могли самовольно бросить службу.

Попытка организации баргинских войск российскими инструкторами

Организация собственных вооруженных сил была весьма актуальной для автономной Барги — так же, как она была актуальна для автономной Внешней Монголии, где с санкции Николая II в январе 1912 г. в Худжир-Булане на окраине Нийслэл-хурэ была организована военная школа с русскими инструкторами. В том же 1912 г. из Хайлара по распоряжению Богдо-гэгэна было отправлено 34 молодых солдата для обучения военному делу в Нийслэл-хурэ. Однако на регулярной основе готовить кадры для баргинской армии во Внешней Монголии не удалось.

В сентябре 1917 г., вскоре после изгнания из Барги монгольских повстанцев, появилась идея приглашения туда российского военного инструктора. В МИД России был направлен соответствующий запрос. Нератов сообщил, что у него нет возражений против приглашения русского офицера для организации в Барге милиции². «Подходящим лицом для организации милиции в Барге является войсковой старшина Владимир Павлович Славинский, находящийся в распоряжении наказного атамана Забайкальского войска. До последнего времени он состоял помощником командира 2-го Нерчинского казачьего полка. Окончил Восточный институт в 1908 г., местный уроженец, знаком с монгольским и китайским языками. Выразил мне принципиальное согласие принять это поручение»³. На следующий год свои услуги предложил Г.М. Семёнов. Однако нашелся другой кандидат, подержанный МИД.

¹ Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 22 февраля 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1552, л. 143–143об.

² Телеграмма Кудашева из Пекина Усатому в Хайлар от 27 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 19–21об.

³ Телеграмма дипломатического чиновника при иркутском краевом комиссаре Эльтекова от 23 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 258.

Военное министерство в принципе согласилось командировать в Баргу офицера. МИД собирался настаивать, чтобы им был И.Х. Шароглазов. Это стало одним из условий поддержки Россией возвращения Шэнфу на пост фудутуна Барги. В ответ Шэнфу пообещал «преобразовать милицию» и для этого пригласить российского офицера. Усатый предложил вопрос о последнем оформить особым письменным соглашением с Шэнфу, установить содержание от Барги в 400 р. в месяц с сохранением офицерского жалованья и немедленно пригласить Шароглазова¹.

И.Х. Шароглазов в 1913 г. был начальником конвоя российской миссии в Пекине². Участвовал в Первой мировой войне, был легко отравлен газом под Луцком, в 1916 г. эвакуирован в тыл. Вернувшись в Забайкалье, поступил в белые войска Восточного фронта³.

В Хайлар Шароглазов прибыл 29 января/11 февраля 1918 г. Кудашев телеграфировал в тот же день Усатому, что Шароглазов должен помогать Семёнову в Барге и установить с ним «согласованный образ действий». Кудашев писал: «Необходимо одновременно умерить пыл барона Унгерна, кот[орый] требовал содействия баргутского пр-[авительст]ва для [получения в] Аз[иатском] банке 600 тыс. лан серебра комиссии по закупкам лошадей. Для таких предприятий нельзя обращаться за офиц[иальным] содействием консульства и местн[ого] пр-[авительст]ва». В тот же день Шароглазов выехал в Пекин⁴.

Его поездка была связана с получением инструкций от Кудашева. «Китайцам здесь объяснено, что Ш. прикомандировывается к консульству лишь номинально, в действительности же его задача — руководство из безопасного пункта агитацией для восстановления порядка в Забайкалье»⁵. Кудашев возложил на Шароглазова «особое поручение, касающееся внутренних дел Забайкалья» и тайное «выполнение тех обязанностей, которые ныне возложены на барона Унгерн-Штернберга в Барге»⁶. Имелся в виду инструктаж баргинских войск.

Лишь 15 марта 1918 г. фудутун Хулунбуира подписал контракт с Шароглазовым. По контракту, с этого дня Шароглазов приглашается инструктором хулунбуирских войск сроком на 3 года; обязуется обучать баргинских солдат пешему и конному строю; количество определяет баргинский фудутун; посылать солдат в другие места по своему усмотрению Шароглазов не может; если понадобятся младшие инструкторы, они приглашаются по указанию Шароглазова, но числом не более одного на каждые 150 чел.; Шароглазову уплачивается из Управления

¹ Телеграммы Нератова в Кудашеву от 9 октября 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 109, Кудашева Усатому от 17 октября 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 112, Усатого Кудашеву от 20 октября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 35; оп. 573, д. 2, л. 151; ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 113.

² АВПРИ, ф. МИД канцелярия, оп. 470, д. 78, л. 327; ф. МП, оп. 761, д. 1555, л. 91.

³ Офицеры...

⁴ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 118–120.

⁵ Телеграмма Кудашева Усатому от 14 февраля 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 121.

⁶ Телеграмма Кудашева Усатому от 16 февраля 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1555, л. 73–73об.

Хулунбуира жалованье и квартирные деньги в 450 р. в месяц; жалованье удерживается из арендной платы за Джалайнорские копи; кроме того, при подписании соглашения хулунбуирский фудутун уплачивает Шароглазову 2000 р. на обзаведение; жалованье младшим инструкторам — 150 р. в месяц¹. 7 апреля 1918 г. Унгерн писал Семёнову, что, по слухам, Шароглазов обещает от 100–120 руб. каждому нанимаемому пешему монголу².

Усатый удержал годовое содержание Шароглазова из 47 тыс. лан платежей от КВЖД баргинцам за Джалайнорские угольные копи за 1917 г. Баргинцы протестовали, говоря, что это несправедливо: он не живет в Хайларе. Усатый отвечал, что Шароглазов в их распоряжении и всегда может приехать. Кудашев наложил резолюцию: «Несправедливо брать деньги за время, когда Ш. не находился в Хайларе»³.

Итак, Шароглазов не исполнял функции инструктора, а баргинцы в присутствии китайцев не решались созывать своих солдат для обучения. 28 марта Кудашев известил Усатого, что «раз войсковой старшина Шароглазов не исполняет ныне обязанности военного инструктора в Барге, Миссия не признает удобным удержание из платежей за Джалайнорские копи его жалования». При этом не исключалось появление у него преемника на должности инструктора баргутов. 1 мая Семёнов предложил Шароглазову должность начальника штаба Забайкальского казачьего войска, номинально оставаясь инструктором, с чем согласился Кудашев⁴.

Выплата жалования из платежей за Джалайнорские копи наткнулась на препятствия в связи с разгоравшейся Гражданской войной в Сибири и постепенным установлением китайского контроля над Баргой: цикикарские власти заявили, что платежи должны идти им, а не баргинскому фудутуну (подробнее см. ниже).

Лишь 17 июня 1919 г. баргинцы согласились «воспользоваться услугами нашего инструктора для обучения своих войск. Пока будет обучено 200 человек. Телеграфирую Шароглазову, чтобы он прибыл к месту служения с двумя унтер-офицерами, знающими монгольский язык. Жалованье увеличено инструктору до 1000 руб. и унтер-офицерам до 450 руб. в месяц». Усатый просил ходатайствовать об освобождении его от службы в Чите⁵ — то есть от должности начальника штаба.

Однако Кудашев был против. По его мнению, появление русского инструктора в Хайларе в это время могло быть истолковано китайцами как поддержка панмонгольского движения и повлечь репрессивные меры против Барги — надо посоветовать баргинцам отложить приглашение, пока не минует острый период. В этот период Шароглазов должен был работать в Русско-Азиатском банке в Хайларе. Однако «вообще очень осторожные баргинцы» уже не опасались китайских протес-

¹ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 90–91.

² РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 1, л. 1–1об.

³ Телеграмма Усатого из Хайлара Кудашеву от 17 марта 1919 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 143.

⁴ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 130, 131.

⁵ Телеграмма Усатого Кудашеву от 17 июня 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 132–133.

стов и настаивали на том, чтобы прибывший Шароглазов немедленно приступил к работе. Учитывая, что сведения о назначении инструктора появились в агентурных телеграммах, Кудашев предложил, чтобы Шароглазов поступил на работу в банк, а баргинских солдат обучал в свободное время. Усатый не согласился: как служащий банка, Шароглазов не будет пользоваться авторитетом у баргутов. Он просил оставить назначение инструкторов так, как это соответствует договору. Кудашев ответил, что не может удерживать Шароглазова, но даже при его согласии «считал бы несвоевременным назначать русского инструктора». Кудашев оставался при своем мнении и позже писал, что баргутам надо советовать искать другого инструктора под предлогом отказа Шароглазова, чтобы затянуть время¹.

Однако через неделю Усатый, «указав баргутам на желательность, в связи с походом харачино-бурят на Ургу, избегать каких-либо намеков на прикосновенность их к монголо-бурятскому движению, убедил их повременить с обучением. В Харбине Пименов заявил Ш., что он будет назначен в Куанчэньцзы или Дайрен, но не в Хайлар. Ш. хотел бы остаться в Хайларе»².

Для этого Шароглазов 16 июля написал письмо Граве, что желает покончить с военной службой и просит помочь ему устроиться в Русско-Азиатский банк в Хайлар: перед отъездом из Читы Шароглазов получил телеграмму Усатого, чтобы он поторопился прибыть в Хайлар, так как баргуты собрали 200 солдат и хотят, чтобы он приступил к работе инструктора, а из-за низкого курса рубля прибавили ему жалованье. Поэтому Шароглазов приехал в Хайлар с семьей и имуществом. Из Харбина Шароглазову сообщили, чтобы он не приступал к работе в банке, так как идет переписка о посылке его в Куанчэньцзы или Дайрен. Шароглазов не знал, что делать, и просил ускорить решение вопроса (вопрос с выходом в отставку уже был решен)³. Русско-Азиатский банк сообщил, что вопрос о назначении Шароглазова в него решен и тот на днях приступает к работе в его отделении⁴.

Усатый подтвердил, что «войсковой старшина Шароглазов поступил на службу в Русско-Азиатский банк и не может поэтому нести обязанности инструктора. Ввиду сего имею честь покорнейше просить Миссию выяснить вопрос о его заместителе на случай нового обращения баргутов о представлении в их распоряжение русских инструкторов. [Рукописная резолюция Кудашева:] Придется просить Ш. рекомендовать надежное лицо, а пока по возм[ожности] отклонять попытки баргутов»⁵. 19 августа Кудашев телеграфировал Усатому: Миссия продолжает придерживаться взгляда, что приглашение русского офицера-инструктора баргутами сейчас по политическим соображениям опасно, так как будет истолковано как причастность российского правительства к панмонгольскому

¹ Телеграфная переписка Кудашева и Усатого 20 июня – 2 июля 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 135, 137–139 об.

² Телеграмма Усатого Кудашеву от 9 июля 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 149.

³ Письмо Шароглазова из Хайлара Владимиру Владимировичу [Граве] от 16 июля 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 151–154.

⁴ Телеграмма из Русско-Азиатского банка, Шанхай, Владимиру Владимировичу [Граве] от 2 августа 1919 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 150а–150б.

⁵ Телеграмма Усатого Кудашеву от 6 августа 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 155.

движению; надо советовать баргутам искать другого инструктора под предлогом отказа Шароглазова, чтобы затянуть время¹.

Таким образом, Кудашев настоял на своем. Российская дипломатия смогла затянуть время, считая несвоевременным организацию работы российских инструкторов по обучению баргинских солдат. Шароглазов не набрал инструкторов и не смог наладить эту работу. Причиной стало нежелание российской белой дипломатии раздражать Китай во время панмонгольского движения, активное участие в котором приняли бывшие воины Бавужава.

Панмонгольское движение

Спасаясь от Гражданской войны в России, буряты перекочевывали из Забайкалья за границу. В 1918 г. среди них появились идеи об объединении с другими монгольскими народностями. «После отступления Семёнова от р. Онона буряты, кочевавшие по эту сторону реки, опасаясь большевиков, откочевали частью в Северную Монголию, частью в Баргу. Прибывшая в Хайлар бурятская депутация обратилась в вице-консульство с просьбой ходатайствовать перед местными властями о разрешении бурятам временно кочевать в пределах Барги. Просьба их удовлетворена и бурятам разрешено кочевать к западу от оз. Далай-нор. В Баргу пока перекочевало ок. 3000 бурят, но будет, вероятно, значительно больше, так как перекочевка еще продолжается. Они организовали свое временное самоуправление, которое будет следить за порядком и в случае необходимости входить в сношения с местными властями. Среди бурят определенно наблюдается недовольство Семёновым, обманувшим их ожидания. Многие желают навсегда переселиться в Монголию». Японцы делали попытки использовать такое настроение бурят и через агентов пропагандировали идею создания самостоятельной Монголии, куда должны войти и буряты. Для этого они предлагали поднять восстание против китайцев во Внешней Монголии, обещая поддержку. Одновременно ок. 20 японских топографов под видом торговцев вели топографическую съемку у озер Буир-нур и Далай-нор².

Японцы рекомендовали бурятам, добывавшимся национально-культурно-территориальной автономии, объединиться с Внешней Монголией, чтобы создать более сильную государственную единицу. Они говорили, что буряты как более культурная нация займут в ней первенствующее положение. Бурятские руководители видели своей целью возвращение бурятам всех земель, занятых российским правительством для переселенческих целей. Японцы обещали восстановить их права на утраченные земли и выселить с них всех русских переселенцев. Бурятских сторонников автономии усиленно поддерживали капитан Куроки и другие японцы, состоявшие при отряде атамана Семёнова³.

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 141–141об.

² Послание Усатого Кудашеву от 4 июня 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 162–162об.

³ Послание Усатого Кудашеву от 30 августа/12 сентября 1918 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 163–164.

Эти идеи были вновь для большинства бурят. Но они были не вновь для внутренних монголов, боровшихся за свое государство, независимое от Китая. Теперь они увидели новый шанс сделать это при помощи японцев и белых.

За успехи в вербовке бывших монгольских повстанцев М.А. Шадрин получил от Семёнова чин подполковника и продолжил работу. Он решил привлечь к движению более важное лицо, чем Фушэнгэ, и опять обратился к Найдан-гуну. Последний отправил его к одному из высших лам Внутренней Монголии — Нэйсэгэну Мэндэбаяру из хошуна Джалайт. Тот согласился¹.

Таковы были организационные аспекты панмонгольского движения в 1919–1920 гг. Хотя термин «панмонголизм» появился лишь в конце XIX в., это понятие соответствует появившейся гораздо раньше идеологии Чингис-хана, объединившего все монгольские племена. После распада Великой Монгольской империи панмонголизм не исчез. Монгольские народности, объединенные общностью происхождения и этнокультурным ареалом, всегда стремились к единству и реинтеграции, но вопрос о главенстве всегда был главным препятствием к этому.

В ноябре 1918 г. в Верхнеудинске прошел съезд бурят-монголов Забайкальской обл. и Иркутской губ. Основной темой было объединение монгольских народностей. На съезде присутствовал даур Мэрсэ, представлявший хулунбуирскую студенческую ассоциацию. Он «заявил о возможности создания единой Монголии в составе Бурятии, Барги, Внешней и Внутренней Монголии на основании принципа самоопределения, обозначенного в 14 пунктах Вильсона. К этому скептически отнесся Э.-Д. Ринчино, выдвинувший идею создания “Федеративной республики Монголия на демократических принципах” (без одобрения со стороны международного сообщества)». В итоге делегаты утвердили целью создание единого монгольского государства на демократических принципах².

Панмонгольские лозунги нашли выражение в манифесте от 18 февраля 1919 г., опубликованном бурят-монгольским деятелем Ц. Жамцарано. Декларировалось создание объединенного Бурят-Монгольского государства. Однако слухи о предстоящем панмонгольском съезде в Чите проникли в Ургу еще в начале февраля³. Поддержку панмонгольскому движению оказал атаман Семёнов, проявили интерес японцы. В занятой войсками Семёнова Чите велась агитация.

25 февраля – 7 марта 1919 г. в Чите состоялся съезд панмонголистов при участии 6 делегатов от бурят, 5 — от внутренних монголов и 4 — от баргинцев. Также присутствовали Семёнов, его помощник А.В. Волгин, переводчик М.А. Шадрин, от японцев — капитан Судзуэ,⁴ который был там «лишь молчаливым свидетелем»⁵. Мнение о том, что представителей Тибета на съезде не

¹ Базаров, 2002, с. 19–20.

² Ринчино, 1998, с. 229; Цыбенков, 2017г, с. 34. Студенческая ассоциация Хулунбуира была основана Мэрсэ в 1917 г. (Zhao, 2010, p. 2).

³ Телеграмма Орлова из Урги министру иностранных дел, ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 41–42.

⁴ «Судзуки» — Hoover, микрофильм, box 15; folder 9, p. 2.

⁵ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 72; С-кий, 1922, с. 595.

было¹, опроверг его участник — Э.-Д. Ринчино: от Тибета присутствовал лама Минас².

Руководителем прибывших внутренних монголов был Нэйсэ-гэгэн Мэндэ-баяр, которого пригласил М.А. Шадрин. Нэйсэ-гэгэну был поручен созыв съезда. Он рассылал приглашения князьям Барги, Внутренней и Внешней Монголии. Для приглашения Палта-вана и Найман-вана в Пекин был командирован Цыдыпов. Оба князя не приехали, но написали Нэйсэ-гэгэну в частных письмах, что признают новое государство, если его признает Парижская мирная конференция. Князь дербетов и Дзоригт-ван из хошуна Дархан-вана Джеримского сейма письмами поручили гэгэну представлять их³.

Другими руководителями на съезде были командиры «харачинов» Нэрэмпилгун и Фушэнгэ. Съезд провозгласил создание независимого объединенного монгольского государства. Обсуждались вопросы восстановления независимости и интеграции территорий, населенных монголами и тибетцами, вовлечение в движение Внешней Монголии, организация обороны, международные отношения, размежевание с немонгольскими народами путем взаимозачета земель и т.д.⁴

Было постановлено, что до образования постоянного правительства нового государства будет действовать временное из четырех министерств: внутренних дел, иностранных дел, финансов и военного. Местом пребывания временного правительства был выбран Хайлар. Но он был занят китайскими войсками, и панмонгольское правительство остановилось на ст. Даурия. Съезд разослал в ряд держав и на Парижскую мирную конференцию телеграммы с просьбой о поддержке⁵.

В протоколе и декларации съезда справедливо констатировано, что во времена Чингис-хана монголы составляли единое целое, но затем были разделены между Россией и Маньчжурией, а теперь настал удобный момент для создания нового государства из всех монгольских племен; Монголия не имеет ничего общего с Китаем; китайские сановники, не вступая в соглашение ни с монголами, ни с тибетцами, произвольно заявили о согласии пяти национальностей и образовали их республику; китайцы решают государственные вопросы большинством голосов в парламенте при подавляющем большинстве китайских представителей, и несколько представителей от монголов не в состоянии противодействовать им, всё делается по воле одних китайцев. «Монголия первоначально была отдельным государством, что впоследствии она, завязавшая родственные связи с Маньчжурией, хотя и присоединилась к последней в качестве гостыи, однако религию и власть сохранила за собою прежние; ныне по отношению к Китайской Республике она не находит ничего общего ни в обычаях, ни в интересах».

¹ Напр., С-кий, 1922, с. 596.

² Ринчино, 1998, с. 232.

³ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 66–67.

⁴ С-кий, 1922, с. 593–603.

⁵ Протокол съезда: АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 13–16; перевод декларации панмонгольского временного правительства, подготовленной к Парижской мирной конференции: АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 26–27 (рус. текст), л. 28 (монг. текст). Проект этой декларации составили Нэйсэ-гэгэн и Нэрэмпилгун (ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 116).

Главой общемонгольского временного правительства стал Нэйсэ-гэгэн. Он же стал управляющим военным отделом, помощником по военной части — Нэрэмпил-гун, главным советником по всем вопросам — Э.-Д. Ринчино, заведующим финансовым отделом — Б.В. Вампилун, заведующим иностранным отделом — Ц. Жамцарано. Последнего выбрали заочно; его функции стал выполнять Ц.-Е. Цыдыпов¹. По другим данным, военным министром избрали Найман-вана, а до его согласия — Фушэнгэ, товарищем военного министра — баргута Багабодди, министром иностранных дел — Ц. Жамцарано, его товарищем — внутреннего монгола Нэрэмпила, министром внутренних дел — баргута Цэнд-гуна (Чэндэ). Его товарищ должен был быть выбран из Халхи, последняя должна была избрать и министра финансов. В будущее войско Внутренняя Монголия должна была выставить 20 тыс. чел., Барга — 1 тыс., буряты — 3 тыс.²

На съезде Семёнов пообещал выделить панмонголистам 1 млн. руб., предполагалось, что Япония будет снабжать их оружием³. Временное правительство собиралось формировать войска из бурят, внутренних монголов и баргутов. Войска для охраны Бурят-Монголии сосредоточивались в районе ст. Даурия, Внутренней Монголии — у горы Сойолчжи, Барги — в пределах ее территории⁴.

На съезде произошел раскол: баргинский даур Линшэн (Фушан) и внутренний монгол Фушэнгэ поставили вопрос о восстановлении маньчжурской династии, «каковая должна даровать всяческие права Монголии», а национал-демократ Ринчино, поддержанный другими бурятами, заявил, что Монголия должна стать федеративно-демократической республикой⁵.

Фушэнгэ и Нэрэмпил-гун стали видными деятелями панмонгольского движения. Один японский офицер утверждал даже, что Фушэнгэ претендовал на то, чтобы стать «вторым Бавужавом», и боролся за «реализацию мечты Бавужава»⁶. По словам Фушэнгэ, «наша действительная цель — помочь белым русским против Красной армии. Через сотрудничество с белыми мы могли бы получить оружие и экономическую помощь, чтобы вести наше движение за независимость Внутренней Монголии, а затем объединиться с Внешней Монголией и основать независимую Великую Монголию»⁷.

Есть сведения, что в войске панмонголистов все старались иметь дело только с Нэрэмпил-гуном — человеком весьма образованным, которого в гуны произвел Джебцундамба-хутухта. Было мнение, что Фушэнгэ войско возглавить не сможет. Это поручили Нэйсэ-гэгэну. Начались обиды, просьбы об отставке. Унгерн и Нэйсэ-гэгэн уговаривали Фушэнгэ, поднесли опиума, зная его пристрастие. Он остался на службе. Когда был отдан приказ Семёнова о переброске частей пан-

¹ Базаров, 2002, с. 35.

² С-кий, 1922, с. 594.

³ Гирченко, 1940, с. 51.

⁴ С-кий, 1922, с. 594; Хаштаев, 1962, с. 597.

⁵ Ринчино, 1998, с. 231.

⁶ In: Nakami, 2018, p. 366–367.

⁷ Bulag, Humphrey, 1996, p. 9.

монголистов в Верхнеудинск, Фушэнгэ запротестовал, сказал, что не был предупрежден, согласие на это не давал. Позже, после подавления мятежа Фушэнгэ, Нэйсэ-гэгэн в утешение говорил монголам, что они не будут принимать участия в русской междоусобице, а пойдут на Ургу¹.

Нэрэмпил-гуну в то время было 33 года. Он происходил из Джеримского сейма (как и Нэйсэ-гэгэн), отлично владел китайским языком, участвовал в борьбе с китайцами в 1911–1912 гг., в 1914–1915 гг. участвовал в Кяхтинских переговорах. В 1916 г. оставил службу в Нийслэл-хурэ, в августе 1916 г. прибыл в Хайлар, хотел вернуться на родину, но не решился. Когда «харачины» заняли Хайлар в 1917 г., Нэрэмпил поступил к ним на службу. Он был человек развитой, со склонностями авантюриста, но осторожный и нерешительный².

Группа сторонников реставрации маньчжурской династии во главе с Фушэнгэ была связана с «Джамца-ламой, ярым сторонником маньчжуров». Через этого ламу сторонники Фушэнгэ поддерживали контакты с «маньчжурской партией» и Унгерном³. «Джамца-лама» — это тот самый Джамц, через которого Семёнов вербовал внутренних монголов (см. выше). Джамц-лама из хошуна Джалайт (того же, откуда происходил Нэйсэ-гэгэн), присутствовал на предварительных заседаниях панмонголистов в Даурии, но затем покинул съезд, поскольку был сторонником реставрации маньчжурской династии, а это не нашло поддержки⁴. Приехав из Даурии в Цицикар, в начале марта 1919 г. он был арестован китайцами. 10 апреля китайские военные власти в Старом Хайларе задержали трех «харачинов» из отряда Семёнова, которые были в распоряжении Джамц-ламы. Было объявлено, что задержаны хунхузы. Командование отряда Семёнова принимало меры к освобождению этих «харачинов», но безуспешно. Задержанных отправили в Цицикар⁵.

Однако арест Джамц-ламы не положил конец вербовке «харачинов» в войско панмонголистов. По сведениям из Даурии, во Внутренней Монголии шла деятельная подготовка: в разных местах сосредоточилось 300–500 чел., которым было приказано ждать распоряжений Нэйсэ-гэгэна. Снабжение и обучение отрядов проводили японцы. В начале апреля на родине Нэйсэ-гэгэна и Джамц-ламы — в районе Джалайта — произошло столкновение монгольского отряда с мукденскими войсками. Монгольский отряд (ок. 300 чел.) оставил Джалайт и направился к Хайлару. Командир расположенного там китайского 113-го пехотного полка получил из Цицикара предписание задержать монгольский отряд. Но так как полк этот выдвинуться из Хайлара не мог, его командир стал ждать, когда монголы придут туда. Из Даурии в сторону отряда был выслан проводник, который должен был провести его через Баргу в Цэцэнханский аймак Халхи⁶ — минуя Хайлар.

¹ Базаров, 2002, с. 29–42.

² Телеграмма из Хайлара в миссию в Пекине от 29 марта 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 21–22.

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 5, л. 10; ф. 532, оп. 4, д. 337, л. 7; Ринчино, 1998, с. 236.

⁴ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 67.

⁵ Телеграмма Усатого Кудашеву от 13 октября 1919 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 38.

⁶ Послание Усатого Кудашеву от 17 апреля 1919 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 45–45об.

В этот период на ст. Даурия Унгерн формировал Туземный конный корпус. Туда прибывали представители разных национальностей, пополнявшие национальные отряды. В мае 1919 г. корпус был переименован в Азиатский. Унгерн планировал использовать монголов (харачинов и торгутов) и маньчжуров против китайских войск в случае конфликтов с ними. Баргуты и другие монголы проявляли своеобразие, могли не выполнить приказ Унгерна о разоружении, если были многочисленны. В этом случае барон старался расформировать их отряд¹. В Даурии действовало училище монгольских юнкеров, где преподавали русские офицеры. Поддерживалась тесная связь с Хайларом. На 7 марта 1919 г. в училище было 57 чел., из них 12 монголов 2-го Даурского конного полка, 4 монгола конвоя Фушэнгэ и 19 монголов 3-го Хамарского полка. За знание монгольского языка солдатам и офицерам шли доплаты к жалованью. Унгерн ввел обязательное изучение монгольского языка, уклонение от уроков считал за уклонение от службы, лично контролировал знание языка. В монгольские праздники занятия в дивизии не проводились². Сам Унгерн ходил в монгольском халате (дээл) с погонами.

В Даурии стали формироваться войска панмонголистов. Монархисту Унгерну вряд ли могло понравиться выделение из его войска Сводной монголо-бурятской дивизии и передача ее панмонголистам. В размещившемся на ст. Даурия панмонгольском правительстве были бурятские национал-демократы Ринчино и Вампилун. Они пропагандировали «свободу, равенство и братство», среди комсостава велись беседы революционного свойства. «Буряты... устроили в Даурии совдеповщину», — говорил Унгерн³.

Таким образом, с самого начала в панмонгольском движении возникли разногласия — прежде всего, между внутренними монголами, настроенными на реставрацию маньчжурской династии, и бурятами, которые следовали за своими демократическими лидерами.

Ситуацию усугубляло международное непризнание панмонголистов. Белое Омское правительство было против них из-за претензий на территории России, населенные бурятами. Омское правительство и российская миссия в Пекине считали опасными нарушения Кяхтинского соглашения 1915 г.⁴ Кудашев в своей записке управляющему МИД Омского правительства И.И. Сукину указывал, что эта «интрига <...> может быть выставлена предлогом для дальнейшего усиления, в нарушение договорных постановлений, китайского влияния в монгольских землях; таковое может прежде всего выразиться в направлении значительных китайских отрядов, в частности, к Урге и в Баргу <...> К этим основаниям прибавляется и никогда не ослабевавшее у Китая вожелание возвратить обращен-

¹ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 1, л. 2–2об.

² РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 11–13об., 22–23об., 31, 53.

³ Базаров и др., 1998, с. 232–237.

⁴ АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 2, л. 61; ф. МП, оп. 761, д. 1579, л. 13–19, 538.

ные Россией в буферные государства Халху и Баргу под свое непосредственное управление»¹. Эти прогнозы оказались верными.

Панмонголисты пытались легитимировать себя через Парижскую мирную конференцию. Уже 2 марта 1919 г. начальник канцелярии верховного уполномоченного Сибирского правительства во Владивостоке телеграфировал, что Семёнов просит французов пропустить на Парижскую конференцию монгольскую делегацию от создаваемого «монголо-бурято-тибетского» государства². По окончании панмонгольского съезда Куроки заявил командированным к нему Цыдыпову и Линшэну, что «он очень доволен работой съезда и немедленно отправится в Токио для доклада. При этом обещал полное содействие Японии»³. Однако, по словам российского посла в Токио, «японский военный министр самым категорическим образом высказался передо мною в том смысле, что движение в пользу учреждения Монгольско-Бурятского государства не является делом серьезным и не будет иметь никаких результатов»⁴.

На панмонгольском съезде присутствовал японский представитель майор Судзуэ. Позже выяснилось, что расчеты на японскую поддержку основывались только на обещаниях Судзуэ, который вскоре был отозван⁵. Японцы лишь пообещали Нэйсэгэгэну оказывать негласную поддержку оружием и деньгами⁶. Советник японского посла в Пекине заявил делегации «даурского правительства» панмонголистов, что из их затеи объединения ничего не выйдет, это не входит в политику японского правительства, оно их не поддержит, а японское военное командование, поддерживая их, действует в военных целях, «совершенно самостоятельно и безответственно»⁷.

24 апреля в Токио через Иокогаму прибыла направлявшаяся на Парижскую мирную конференцию делегация от панмонгольского правительства в составе «русского, именующего себя Павлом Рашковичем» и двух монголов: «Тусалакчи Гунсу и Дэбатыкея Чи» и «Бато-Дори». Рашкович посетил французского и американского послов, собирался посетить английского. Послы считали маловероятным, что смогут выдать просимые визы. Японский министр иностранных дел отнесся к приезду делегации как к несерьезному делу⁸. Помимо них, как представитель общемонгольского государства, в Париж был отправлен полковник Бентковский с одним монголом⁹, которые туда так и не прибыли. Японское правительство было против посылки делегации панмонголистов на Парижскую кон-

¹ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 93–97.

² АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 252.

³ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 72.

⁴ Телеграмма Крупенского на имя министра иностранных дел Омского правительства от 12 марта 1919 г., ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 63.

⁵ Коростовец, 2004, с. 418.

⁶ Hoover, микрофильм, box 15, folder 9, p.4–3об.

⁷ Курас, 2017, с. 53.

⁸ Телеграмма Крупенского из Токио в МИД Омского правительства от 24 апреля 1919 г., ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 141; франц. текст письма делегации к франц. послу и президенту Парижской конференции: ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 145–150.

⁹ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 172.

ференцию. В связи с этим, капитан Куроки был заменен майором Х. Куросавой¹. В мае 1919 г. японское правительство приняло решение о направлении военной и финансовой помощи Семёнову только через Омское правительство².

Есть сведения, что Семёнов пытался привлечь к панмонгольскому проекту внимание США через главу разведки американских экспедиционных сил подполковника Д. Барроуза, которому были вручены две телеграммы: президенту В. Вильсону и Парижской конференции. Впрочем, Барроуз телеграммы не отправил. Хотя Вильсон все-таки был проинформирован о съезде панмонголистов, поддержки он не оказал³. Хотя в тексте декларации этого съезда упоминается вильсоновская концепция, провозгласившая национальное самоопределение важнейшим принципом нового мироустройства, Франция, США и Англия не поддерживали панмонголистов. Исследователи отмечают двойственный характер вильсоновской концепции, содержавшей множество оговорок⁴. Этот отказ в поддержке — хорошая иллюстрация двойных стандартов в применении данной концепции.

Не только Россия, Китай, Япония и державы Запада отказали в признании панмонголистам. Вернувшийся из Пекина Линшэн привез неутешительные для них вести от живших там монгольских князей. Найман-ван и Дзоригту-ван по-прежнему сочувствовали созданию общемонгольского государства, но ждали, «когда эта мысль будет осуществлена, чтобы выступить активно». Палта-ван рассуждал так же. Харачин-ван Гунсээноров, Бо-ван Амарлингуй и Наянту-ван из Сайннойонханского аймака Халхи, неплохо устроившиеся в Пекине, относились к движению безразлично. Китайское правительство обсуждало вопрос о военной экспедиции в Монголию. В Пекине были хорошо осведомлены о съезде в Чите, но мало знали о положении в Даурии⁵.

Отношение баргинцев к панмонгольскому движению было неоднозначным. Согласно запискам Д. Синоды, содержащим подробные сведения о монголах в семеновских войсках, согласие Фушана с решениями съезда можно было расценить как их одобрение руководителями Барги — Шэнфу и Цэндом⁶. «Баргинские представители на съезде возбуждали вопрос, не будет ли присоединение Барги к новому государству противоречить соглашению о Барге 1915 г., не усмотрят ли китайцы в этом нарушения соглашения и не пришлют ли в Баргу свои войска, о чем уже имеются сведения». Семёнов ответил, что это не противоречит Соглашению, и что против ввода китайских войск в Баргу он примет меры. Он заявил, что мысль об образовании монгольского правительства одобрена российским Временным правительством. Баргинские власти говорили, что выбора у них нет⁷.

¹ Копия донесения Усатого из Хайлара в Пекин от 2 мая 1919 г., ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 160.

² Батбаяр, 2002, с. 31.

³ Саблин, 2014, с. 146, 147.

⁴ Романов, 2008, с. 30–38.

⁵ Телеграмма Усатого Кудашеву от 8 мая 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 55–55об.

⁶ Наками, 2000, с. 126.

⁷ Письмо Кудашеву о панмонгольском съезде от 11 марта 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 8об.

Официально власти Барги не стали присоединяться к панмонголистам. Чтобы успокоить баргинцев, опасавшихся ввода китайских войск, Семенов обещал получить поддержку союзников против этого ввода. Тем не менее, Цэнд-гун отказался приехать в Даурию, чтобы не провоцировать китайцев¹. В Хайларе Шэнфу заверил Усатого, что он против вхождения Барги в панмонгольское государство, постановления в Чите для него — полная неожиданность. Но он указал, что китайцы безнаказанно нарушают соглашение 1915 г., введя войска, захватив северную часть Барги и пытаясь захватить еще больше. Так как Россия не может защитить автономию Барги, то Барга волей-неволей должна была присоединиться к панмонгольскому движению, но создание монгольского государства без Внешней Монголии невозможно. Барга могла бы отказаться от участия в этом движении, если Китай даст гарантии того, что не будет нарушено соглашение 1915 г., то есть выведет войска, уберет китайские караулы на границе, прекратит разработку золота на севере Барги, установит порядок сношения центрального правительства с фудутуном, а не через цикарские власти, которые постоянно вмешиваются в дела Барги².

Барга была в затруднительном положении: в случае присоединения к панмонголистам ей грозило нашествие китайских войск, в случае неприсоединения — нашествие «харачинов» из Даурии. По мнению Кудашева, баргинцам следовало поддерживать статус кво, стараться не пускать в Баргу «харачинов» Фушэн-гэ³. Семёнов надеялся склонить Баргу на сторону панмонголистов. Состоявшийся 12–19 мая 1919 г. обычный съезд баргинских старшин постановил увеличить количество войск до 800 чел., из них 250 оставить для обучения, а остальных распределить вдоль границы по аргунским караулам, частью же отправить на юг Барги. Семёнов пообещал 500 винтовок. Из опасения китайцев вопрос об отношении к панмонгольскому государству не обсуждался. Но на частных совещаниях выяснилось, что большинство сочувствует идее его создания и готово помочь движению. В июне 1919 г., вскоре после съезда, баргинские власти получили от отряда Семёнова 230 японских винтовок и 23 000 патронов⁴.

Вооружение баргинцев встревожило российскую дипломатию в Китае. Кудашев послал запрос Усатому, на основании какого обязательства оказывается помощь Барге лошадьми и т.д., требовал предупредить баргутов, что, если «вопреки моим советам, лично переданным Линшэну, Барга предпримет активную политику, то мне невозможно будет отстаивать ее автономию», тогда Китай займет своими войсками ее территорию⁵.

¹ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 8–9, 18–19.

² Телеграмма Усатого Кудашеву от 19 марта 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 19–20.

³ Телеграмма Кудашева Усатому от 25 апреля 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 48–48об.

⁴ Телеграммы Усатого Кудашеву от 12 и 21 мая 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 60–60об., 65.

⁵ Телеграмма Кудашева Усатому от 7 июля 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 17.

Итак, с Баргой панмонголисты частично смогли договориться. Но Внешняя Монголия отказалась участвовать в их движении и не прислала депутатов на чингинский съезд. Она хотела не портить отношения с Россией и Китаем, сохранить автономию и монархический строй. Послали только гонца с письмом, в котором выражалось сочувствие затеянному делу и обещание присоединиться к общемонгольскому государству, если оно будет утверждено Версальской конференцией¹. В связи с этим, Семёнов через доверенных бурят стал пытаться склонить Богдо-гэгэна на свою сторону. Об этой деятельности узнал китайский резидент в Нийслэл-хурэ — Чэнь И. 11 марта 1919 г. он сообщил, что в Нийслэл-хурэ на русских телегах тайно прибыли люди, которые привезли подарки для Богдо. Этих людей допросили, оказалось, что они связаны с людьми Семёнова, которые хотят наладить контакты. Чэнь И собирался выяснять замыслы Семёнова².

Чтобы привлечь Внешнюю Монголию, Семёнов и временное общемонгольское правительство, по инициативе бурят, начали переговоры с ее руководством, стали угрожать военным вторжением. В мае в Чите состоялась конференция панмонголистов об отношениях с Внешней Монголией. Решили послать делегацию в Нийслэл-хурэ. С 25 мая по 26 июня 1919 г. в Нийслэл-хурэ был командирован полковник П.П. Левицкий — и.д. генерала для поручений при атамане Семёнове³. Вместе с ним столицу посетила делегация панмонгольского правительства во главе с Ц.-Е. Цыдыповым. Делегаты предложили сделать Богдо-гэгэна правителем объединенного монгольского государства. Впоследствии Цыдыпов на допросах говорил чекистам, что по заданиям Семёнова в Нийслэл-хурэ он ездил неоднократно и вел переговоры о слиянии ургинского и панмонгольского правительств в одно целое⁴.

Договориться с правительством Внешней Монголии не удалось. Как писал Ринчино, решающую роль в этом сыграл баргинский даур Фушан (Линшэн), который «выболтал» представителю Внешней Монголии Джонон-вану «революционно-демократические задачи Временного правительства» и намерения левых панмонголистов уничтожить феодально-теократический строй⁵. 23 июня 1919 г. монгольское правительство издало документ под названием «О непризнании общемонгольского государства, созданного в 1919 г. по инициативе хайларского правительства во главе с русским белым Семёновым»⁶.

Стало ухудшаться отношение жителей Цэцэнханского аймака к бурятам и баргутам, прикочевавшим туда. Феодалы опасались, что в случае успеха панмонгольского движения их власть будет подорвана бурятами. Это настроение подогревали китайцы, подчеркивавшие симпатии бурят к республиканскому строю. В середине лета бурятам предложили выселиться из аймака. Часть вернулась в

¹ Ринчино, 1998, с. 164.

² Письмо Чэнь И на кит. яз. и его монг. перев., МУУТА, х. А4, д. 1, х.н. 730.

³ РГВА ф. 39532, оп. 1, д. 3, л. 14.

⁴ Дойков, 2008, с. 313–314.

⁵ Ринчино, 1998, с. 235. Из других источников о таких намерениях неизвестно.

⁶ Batsaikhan et al., 2018, p. 121.

Забайкалье, часть ушла к Урге. Одновременно ухудшилось отношение и к баргутам, которые не скрывали отрицательного отношения к князьям и даже писали об этом в прессе. Окончательно подорвали симпатии внешних монголов к панмонголизму намеки бурят и баргутов, что они заставят их силой присоединиться к панмонгольскому движению. Для охраны границ Внешней Монголии от вторжения бурят и баргутов в Цэцэнханский аймак был выслан отряд в 600 чел. Там была объявлена мобилизация¹.

Панмонголисты требовали помощи и от Барги. «Возвратившийся из Урги Линшэн сообщает, что через три недели Фушанга [Фушэнгэ. — С.К.] с 3000 харачинов и бурят двинется на Ургу. Барга обязана доставить лошадей и телеги, но людей не посылать». Примерно тогда Чэнь И послал телеграмму китайскому руководству об «опасности положения Внешней Монголии» от семеновцев, в связи с чем потребовал ввести туда войска². Это требование стало отправной точкой процесса, который привел к ликвидации китайцами автономии Внешней Монголии и Барги.

В такой обстановке в Нийслэл-хурэ собрался съезд лам и нойонов, который заключил, что преждевременно присоединяться к бурятам, баргутам и «чахарам» (то есть панмонголистам) для создания Великого Монгольского государства, а для отражения опасности с их стороны при надобности будет проведена мобилизация в аймаках Халхи³. Панмонголисты получили из Нийслэл-хурэ отрицательный ответ.

«Монгольское Управление иностранных дел в ноте своей от 26-го августа с/г на имя нашего дипломатического агента сообщает, что оно обращалось неоднократно с просьбой к почтенному дипломатическому агенту и к китайскому сановнику в Урге о принятии мер к разоружению и отправлению по железной дороге на родину харацинцев, баргинцев и китайцев, набранных русским офицером Семеновым в количестве до 2 тыс. чел., т.к. таковые вооруженные, под предлогом объединения всех монгольских народов в одно государство, могут перейти границу и принести много боли Монгольскому Правительству». Китайский сановник, снесясь со своим правительством, ответил, что китайское правительство одобряет намерение автономного монгольского правительства не допустить вторжения на восточной границе «хулунбуирских и бурятских банд», окажет содействие вооруженной силой, «просит Монгольское Правительство держаться по этому вопросу прежних взглядов и не допускать разбойников на свою территорию»⁴.

Атаман Семёнов готовил поход на Нийслэл-хурэ. Есть сведения (вряд ли достоверные), что для этого он предоставил Нэйсэ-гэгэну 5 млн. руб. Приказом по Дальневосточным войскам № 14 от 6 июля 1919 г. полковник Левицкий был назначен начальником сводной Монголо-бурятской дивизии, выделенной из частей

¹ Разведка штаба охранной стражи КВЖД от 21 ноября 1919 г., ГАРФ, ф. 10073, оп. 3, д. 47, л. 1–3.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 38, 72–73.

³ Майский, 1921, с. 265.

⁴ РГВА, ф. 39515, оп. 1, д. 134, л. 7–7об.

Азиатской конной дивизии¹. Согласно приказу № 138 от 20 июля 1919 г. по Азиатской дивизии, под его командой был сформирован Особый отряд в составе артиллерийского дивизиона, двух бурятских конных полков, Даурского и Хамарского конных полков².

4 августа 1919 г. отряд из 2 бурятских и 2 монгольских полков под командой П.П. Левицкого выступил из Даурии в Монголию³. Этот поход мог быть инсценировкой, призванной оказать давление на Богдо-гэгэна⁴. 7 сентября этот отряд потерпел поражение от монгольских войск в районе Сан-бэйсэ в Цэцэнханском аймаке⁵. 13 сентября была объявлена телеграмма, что атаман против экспедиции, отряд Левицкого расформируется, экспедиция отменяется, частям войти в состав Азиатской дивизии, от Левицкого принять всю отчетность и суммы⁶.

Примерно в это же время Семёнов готовил переговоры с Чжан Цзолинем о совместной борьбе с красными и возможности восстановления монархии в Китае. Как вспоминал приближенный к нему Л.В. Вериге, этот план предложил Семёнову Унгерн⁷.

В таких условиях разногласия между монголами в Забайкалье и их российским командованием нарастали. Уже весной 1919 г. панмонгольскому правительству приходилось сдерживать «харачинов», которые жаловались на скуку и однообразие жизни в Даурии, усиленно обсуждали вопрос о занятии Хайлара и поселения там⁸. Они вспоминали, как захватили Хайлар два года назад.

А.А. Орлов телеграфировал из Урги управляющему МИД 1 августа 1919 г.: «Монгольское правительство получило сообщение со ст. Даурия, будто бы распоряжение[м] из Омска о разоружении и высылке харачин в Хэйлунцзянскую провинцию предполагается место изменить [по] просьбам баргутов и направить харачин в Хайлар. Министр иностранных дел настоятельно просит меня ходатайствовать перед министерством об удалении их за баргут. С аналогичной просьбой обращается к китайскому сановнику, но не уверен в исполнении последним его просьбы»⁹.

По-видимому, Омское правительство, стремясь к ликвидации панмонгольского движения, решило выслать «харачинов» из России в Хэйлунцзян. Однако сами они предпочли Хайлар. Омск якобы согласился с этим «по просьбе баргутов», что сомнительно. Министр иностранных дел Внешней Монголии обратился к МИД Омского правительства и китайскому сановнику в Нийслэл-хурэ, чтобы «харачины» были удалены «за баргут», то есть в Маньчжурию — несомненно, опасаясь их рейдов из Барги на восток Внешней Монголии, как это уже было в 1917 г.

¹ РГВА ф. 39532, оп. 1, д. 3, л. 17.

² РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 167–167об.

³ АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 1579, л. 471.

⁴ Коростовец, 2004, с. 419.

⁵ Белов, 2003, с. 24.

⁶ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 221.

⁷ Марковчин, 2003, с. 190.

⁸ Послание Усатого в миссию в Пекине от 4 мая 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 53–53об.; ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 22–23.

⁹ ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 479, л. 57.

4 сентября 1919 г. расквартированные в Даурии внутренние монголы взбунтовались. Белые объясняли этот бунт по-разному: подкуп пекинскими дипломатами¹; инсценировка семеновской контрразведкой, чтобы обезглавить харачинов; невыплата жалованья²; желание разоружить бурятские войска и казнить русских офицеров, хотевших ввести строгую дисциплину³. Примечательно объяснение некоторых очевидцев. Японцы пытались через «маньчжурскую партию» (сторонников реставрации цинской династии) произвести «внутренний разрыв» в панмонгольском правительстве и войсках, чтобы ликвидировать все движение. Заговор возглавил Фушэнгэ. Целью заговорщиков было истребление членов правительства из бурят, обезоружение бурятской бригады, милиции, захват остальных членов правительства и уход в Маньчжурию к Чжан Цзолиню⁴. Заговорщики решили обезоружить бурятскую бригаду народной милиции, захватить Нэйсэгэгэна, расстрелять бурятских лидеров, захватить оружие и затем уйти в Маньчжурию. В своей анкете Ринчино писал, что это он «добился ликвидации в правительстве сторонников образования Маньчжуго в лице Фушанги и его партии, ликвидации отряда семеновского генерала Левицкого на Гусином озере в конце 1919 г.»⁵ Правда, документов, подтверждающих эту деятельность Ринчино как провокатора, до сих пор не найдено.

Более обоснованными представляются другие объяснения. Фушэнгэ был недоволен главенством бурят и приказом Семёнова о переброске летом 1919 г. монголо-бурятских частей в Верхнеудинск вместо борьбы с китайцами. Помнили монголы и то, что в апреле 1919 г. Семёнов в п. Даурия произвел смотр Бурятской бригаде и выразил благодарность за отличную учебу. Относительно монголов в приказе по корпусу полковник Е.Д. Жуковский указал, что они совсем не работают, и большую часть неуспеха отнес на счет монгольских офицеров: неопытны, мало понимают в военном деле⁶. Наконец, к августу усилилось недоверие монголов к Семёнову: они пытались отправить собственную делегацию в Японию, но атаман воспрепятствовал этому⁷.

При подавлении бунта было убито более 200 «харачинов». С российской стороны погибло 6 офицеров, 6 солдат, 2 стрелочника, ранено 2 офицера и 3 солдата⁸. С оружием 150 «харачинов» бежали в Монголию. Возможно, с ними и был бой у Сан-бэйсэ 7 сентября, где халхасцы разбили «отряд Даурского

¹ Сообщалось, что в Даурию прибыла миссия из Пекина в составе китайцев и внутренних монголов и подкупила Фушэнгэ с целью перебить русских офицеров, разоружить бурятские полки, а разведка это своевременно раскрыла (ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 30–31). Несовершенно ясно, зачем это могло понадобиться китайцам.

² Юзефович, 2011, с. 177.

³ Коростовец, 2004, с. 419.

⁴ АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, п. 118, д. 44, л. 14; РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 337, л. 7.

⁵ Ринчино, 1998, с. 236–237, 1994, с. 196.

⁶ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 96, 102.

⁷ С-кий, 1922, с. 593–603.

⁸ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1579, л. 504; ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 478, л. 30–31.

правительства»¹. Панмонгольское правительство во главе с Нэйсэ-гэгэном и остатки его войск перебазировались в Верхнеудинск. Это было менее чем за месяц до возвращения Унгерна из командировки в Маньчжурию и Китай. Возможно, в его присутствии бунта не произошло бы.

В монгольских частях Азиатской конной дивизии началось брожение, участились случаи дезертирства. Это стало главным основанием расформирования в первой половине сентября 1919 г. Особого экспедиционного отряда Левицкого, созданного летом 1919 г. для похода на Внешнюю Монголию. Оставшиеся после этого части 11 октября были сведены в две бригады: Отдельную Азиатскую конную бригаду и Отдельную Монголо-Бурятскую конную бригаду. В Монголо-Бурятскую бригаду вошли Даурский конный полк, в который переводились все монголы из Хамарского полка, Бурятский конный полк и конно-артиллерийский дивизион. В ноябре 1919 г. Монголо-Бурятская бригада стала называться Отдельной Монголо-Бурятской имени Зорикто Батора конной бригадой. Даурский конный полк был переименован в Монгольский конный полк имени Чингис-хана, конно-артиллерийский дивизион получил имя «Чидорга Багатора Цог Чжибхолант» (монг. Шудрага Баатар Цог Жавхлант). Монголо-Бурятскую бригаду возглавил Левицкий. «В Монгольском полку существовала система двойного командования, то есть монголы имели собственных офицеров и десятников, но фактическое командование осуществлялось русскими офицерами»².

30 октября 1919 г. П.П. Левицкий получил чин генерал-майора³. В конце ноября для борьбы с партизанами из частей временного общемонгольского правительства был сформирован Особый Урянхайский отряд в составе кавалерийского дивизиона, пулеметного и конно-артиллерийского взводов: 500 человек, 2 орудия и 2 пулемета⁴. Левицкий был исключен из Азиатской дивизии приказом № 218 от 13 ноября 1919 г. в связи с отбытием к новому месту службы⁵.

В новый отряд вошла Отдельная Монголо-Бурятская конная имени Зорикто Батора бригада. Отряд возглавил начальник бригады Левицкий, который также был назначен начальником Верхнеудинского гарнизона. Из Верхнеудинска на Ново-Селенгинск для подавления партизан двинулись 2 роты 30-го Нерчинского полка и отряд Отдельной Монголо-Бурятской Зорикто Батора бригады в 400 штыков и сотню сабель при 2 орудиях. Это были части, прежде всего, Монгольского конного имени Чингис-хана полка. 2 января 1920 г. отряд вел бои с партизанскими отрядами, 4 января части отряда в составе 400 штыков и 500 сабель двинулись по тракту на Мухино – Новоселенгинск и далее на Троицкосавск. 6 января панмонголисты заняли Мухино, но были отброшены от Новоселенгинска. 8 января бригада, усиленная отрядом есаула Измайлова, в составе 200 штыков (русских) и 600 сабель (монголов) под командованием Левицкого вновь выступила на

¹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 3а, п. 24а, д. 2, л. 103 — в кн.: Белов, 2003, с. 24.

² Касаточкин, 2014б, с. 66–68.

³ Приказ помощника командующего войсками Приморского военного округа: РГВА.

⁴ Савченко, 2000, с. 39–69.

⁵ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 2, л. 260.

Троицкосавск. Левицкий взял направление через села Мухино, Ключи, Бабкино и Янгажинский дацан в обход партизанских позиций. 9 января было занято Вахмистрово, 10 — Янгажинские Ключи. 12 января Монгольский конный полк, пройдя вдоль западного берега Селенги, захватил с. Ганзурино. Следующей ночью село попытались отбить около 900 партизан, но были отброшены. В бригаду поступали сведения о разгроме белых под Новой Зардомой, захвате китайцами Троицкосавска и Кяхты, занятии чехословаками Верхнеудинска и разоружении семеновцев, а затем о возврате им оружия. Вероятно, в это время возник конфликт Левицкого с Нэйсэ-гэгэном о дальнейшем движении. Левицкий хотел возвратиться в Верхнеудинск, монголы — идти дальше в Халху. Об объеме грабежей сел, которые занимали панмонголисты, говорит тот факт, что в походе их обоз увеличился до 4000 подвод¹.

На льду Гусиного озера монголы, ехавшие впереди, стали понемногу отставать и окружать русских офицеров, двигавшихся в основном в санях и неспособных защищаться. По данному сигналу они стали рубить шашками ехавших в санях, а тех, кто бежал, расстреливали. Оставили только нескольких офицеров из батареи². По рассказам, Левицкий был схвачен, подвергнут пыткам, убит, выпотрошен и набит соломой³. По другим данным, Левицкий и его ближайшие соратники были заморожены во льду озера⁴. Всего погибло 128 человек, очень немногие спаслись⁵. Это произошло 17 января в местности Ашарун Шегуй, не доходя до Загустая⁶. Унгерновец Н.Н. Князев писал, что внутренние монголы мстили за Фушэнгэ.

Очевидно, в инциденте на Гусином оз. смешались разные мотивы: месть, желание бороться за освобождение Внутренней Монголии от китайцев, а не за интересы бурят, не участвовать в чужой гражданской войне, просто желание пограбить...

Далее панмонголисты, бросив автомобиль и две трехдюймовые пушки, из которых вынули замки, двинулись к границе⁷. Остановившись в районе Кяхты, руководители панмонголистов вступили в переговоры с китайцами. Приближался Новый год по лунному календарю (монг. Цагаан сар). Китайцы в кяхтинском Маймачене не имели достаточно сил для борьбы с панмонголистами. Китайский командующий предложил последним разместиться в фанзах Маймачена. Около 250 чел. (по другим данным, 300) согласились и пришли туда. Тогда для командного состава устроили обед, а для нижних чинов — баню⁸. Во время пиршества оба помещения

¹ Касаточкин, 2016, с. 185; подробные сведения о походе Левицкого на Троицкосавск есть в ряде источников (Аносов, 1940, с. 72–81; Чебунин, Ивайловский, 1940, с. 122–126; Кузнецов, 1947, с. 43; Серебренников, 2003, с. 95–96; Кузьмин, 2011, с. 137–139).

² Гирченко, 1940, с. 74; Базаров, 2002, с. 40.

³ Hoover, микрофильм, box no.: 15, folder no. 9, p. 28.

⁴ Шишкин, 1957, с. 106.

⁵ Хаптаев, 1962, с. 726.

⁶ Адгоков, 1923, с. 1–24.

⁷ Хаптаев, 1962, с. 726.

⁸ Ургинский, 1921, с. 170–190; Магсаржав, [1927] 1994, с. 173–174.

окружили китайцы и арестовали всех монголов. Затем они расстреляли 12 чинов командного состава. Перед казнью Нэйсэ-гэгэн и Нэрэмпил-гун держались мужественно и заявили, что борьба с их смертью не кончится¹. Китайцы отправили 50 японцев под монгольским конвоем в г. Калган, а схваченных внутренних монголов — в Нийслэл-хурэ.

Другая часть панмонгольского отряда — ок. 100 чел. не поверила китайцам и не пошла в Маймачен². Перейдя границу юго-восточнее, она задержалась в Халхе для грабежа. «Харачины» разграбили три мелких прииска «Монголора», одну русскую заимку, подвергнув пыткам нескольких русских. Преследуемые китайцами, они перешли в Цэцэнханский аймак, куда китайцы послали отряд³. В марте 1920 г. сообщалось о нападении «харачинов» на торговую фирму В. Мордоховича и Д.М. Чупрова в Бревен-хийде⁴. Шайка из 92 чел. (по другим сведениям — 150) ограбила и сожгла палатки, убила двух русских, неизвестно, сколько китайцев, и далее направилась из Халхи в Хайлар. По другим сведениям, трех русских вздернули на дыбу, жгли каленым железом, а в Цэцэнханском аймаке разграбили монгольский монастырь и несколько лавок китайцев и русских⁵. По-видимому, внутренние монголы собирались идти не в Хайлар, занятый китайскими войсками, а на одно из мест своих старых стоянок — возможно, на р. Халх-гол.

История панмонгольского движения показывает, что его поддержка извне была недостаточной для победы. Очевидно, главные надежды панмонголисты возлагали на Японию. Хотя японские военные круги были заинтересованы в смуте в районах соприкосновения с Россией, чтобы оправдать бессрочное сохранение там своих войск, правительство Японии официально держалось в стороне от панмонгольского движения⁶. Те японские военные, которые на первых порах поддерживали панмонголистов, не нашли серьезной поддержки в правительстве Японии. На официальном уровне эта страна не поддержала движение и, более того, воспрепятствовала его международной легитимации. Не поддержали его и другие государства. Причины краха движения были не только в отсутствии иностранной поддержки, но и в эффективном противодействии ему России и Китая. Что касается монгольских этносов, то их элиты имели разные цели и не хотели жертвовать ими ради предполагаемого общемонгольского государства, тем более что внутри его временного руководства нарастали противоречия.

Главные цели участия монголов в панмонгольском движении были те же, что и раньше: освобождение от власти Китая. Барга рассматривалась как часть объединенного монгольского государства. Такое решение баргинского вопроса было

¹ Ринчино, 1998, с. 246.

² Ургинский, 1921, с. 183–185.

³ Телеграмма Орлова из Урги от 26 февраля 1920 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 334, л. 218.

⁴ АВПРИ, ф. Консульство в Урге, оп. 732, д. 26, л. 480–491.

⁵ Телеграмма Орлова от 17 марта 1920 г., АВПРИ, ф. Консульство в Урге, оп. 732, д. 26, л. 480–491; Ургинский, 1921, с. 170–190.

⁶ АВПРИ, ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, оп. 894, д. 2, л. 63.

аналогично тому, как он решился бы в случае сохранения статуса Барги как части государства монгольского Богдо-хана.

Как и раньше, не найдя поддержки властей России, внутренние монголы стали надеяться на японцев, которые, в свою очередь, стремились использовать их в собственных целях. Вместе с тем, нет доказательств того, что панмонгольское движение было инспирировано японцами. Выводы о том, что объединенное монгольское государство в 1919 г. было японским проектом¹, не подтверждаются фактами, хотя японцы и позже пытались использовать панмонгольский проект для своих собственных целей.

С крахом панмонгольского движения идеи объединения всех монголов не исчезли. В 1920-х гг. их пытались использовать красные с целью экспорта революции. Наиболее открыто с ними выступал Э.-Д. Ринчино, пытаясь доказать, что его «панмонголизм» не имеет ничего общего с тем, который осуждается коммунистами². В 1930–1940-х гг. в СССР обвинения в панмонголизме (в основном ложные) служили одним из оснований сталинских репрессий (преимущественно в Сибири и в МНР). Только в 1937–1938 гг. в Бурятии по сфабрикованному делу «панмонгольской, террористической, повстанческой, контрреволюционной организации», которая якобы собиралась отторгнуть от СССР Бурят-Монголию для создания великого монгольского государства под протекторатом Японии, было осуждено 2026 чел. (из них 1303 — ламы). Обвиняли в панмонголизме и руководителей МНР, которые были расстреляны в СССР³. С тех пор панмонголизм считается основанием для осуждения.

Внутренние монголы в войсках Р.Ф. Унгерна во Внешней Монголии⁴

В начале осени 1920 г. под давлением красных Азиатская конная дивизия барона Р.Ф. Унгерна из Забайкалья вошла во Внешнюю Монголию. Вместе с ним из Даурии вышло 80 «чахаров»⁵ (внутренних монголов). Получается, что не все «чахары» ушли из Забайкалья в составе войска панмонголистов: некоторые оставались в частях Унгерна.

Барон был монархистом, он ставил целью объединение всех народов «монгольского корня» в одно Срединное (Среднеазиатское) государство от Амура до Каспийского моря, под главенством маньчжурского хана⁶. Фактически, он стремился к восстановлению империи Чингис-хана. Иногда он употреблял термин «Китай» как синоним Цин, понимая под этим империю маньчжуров, а не государство ки-

¹ Например, Рубанов, 2014, с. 149–155.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, папка 113, пор. № 30, л. 175–224.

³ Подробнее см.: Базаров, Шагдуров, 1993, с. 34; Ариунболд, 2012.

⁴ В этом разделе действия Р.Ф. Унгерна во Внешней Монголии описываются не все, а только те из них, в которых участвовал отряд внутренних монголов — «харачинов» или «чахаров».

⁵ Князев, [1942] 2004, с. 48–49.

⁶ ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392. л. 35–46; РГВА, ф. 16, оп. 3, д. 222, л. 123–124об.

тайцев. Внутри этой империи Унгерн собирался создать крепкий федеративный союз Тибета, монгольских и тюркских стран, признававших зависимость от маньчжурской династии. Позже он решил подключить к нему Маньчжурию, где было много монархистов, и Шаньдун. Там в Циндао в 1920–1921 гг. жил князь Гун, один из руководителей Цзуншэда (позже претендент на императорский престол Маньчжурии)¹, а территория была под японским контролем. Унгерн писал: «Если бы и являлись опасения, что восстановленные императоры будут держать сторону Китая, как это было иногда в древнее время, то этому всегда есть противовес — союз Тибета, Синьцзяна, Халхи, Внутренней Монголии, Барги, Маньчжурии, Шаньдуна»².

Такой подход соответствовал монархическим взглядам внутренних монголов. В то время соответствовал он и интересам Внешней Монголии, которая с 1919 г. находилась под китайской оккупацией. Борьба Унгерна против оккупантов встретила широкую поддержку во Внешней Монголии.

Там находились члены панмонгольского отряда Нэйсэ-гэгэна и Нэрэмпил-гуна, арестованные китайцами в кяхтинском Маймачене (см. выше). Оттуда их отправили в Нийслэл-хурэ. Там их заставили выполнять общественные работы типа благоустройства города, уборки мусора и т.п. Часть из них поставили на охрану хлебных полей на р. Хара³, часть — отправили в Улясутай и Урянхай. Ф.А. Оссендовский наблюдал, как в день прибытия в Улясутай «чахары» разграбили китайскую лавку за городом. Они воровали, затевали потасовки, предавались пьяным оргиям. Ван Сяоцун, комиссар Улясутая, поспешил выдворить их в Кобдо и далее в Урянхай. Оссендовский описывает такую сцену (достоверность которой неизвестна): «Один чахар, не в силах справиться с искушением, спрыгнул с лошади и бросился в ближайший китайский магазин. Оглянувшись, хунхуз [начальник чахаров. — С.К.] увидел у дверей магазинчика оставленную лошадь и сразу понял, что происходит. Он тут же прищипил лошадь и поскакал на место преступления. Грозным голосом хунхуз приказал солдату выйти, а затем изо всех сил огрел его прямо по лицу плетью. Щека тут же обагрилась кровью. Но чахар безропотно снес наказание и уже через минуту занял свое место в строю»⁴. По сообщению Оссендовского, по дороге их перебил «Тушэгун-лама» (Дамбижанцан). Это неверно: Дамбижанцан перебил отряд китайцев, а не «чахаров».

Тех «чахаров», которые оставались в Нийслэл-хурэ, незадолго до прихода Унгерна освободили и раздали оружие для обороны города. 26–28 октября 1920 г. и 2–5 ноября 1920 г. барон безуспешно пытался взять Нийслэл-хурэ. В последний день эти монгольские солдаты, бывшие в китайских войсках («чахары»), присоединились к Унгерну⁵.

От Нийслэл-хурэ Унгерн ушел на восток и стал готовиться к новому штурму. В середине ноября к барону пришли 170 внутренних монголов Найданжав-гуна

¹ Rhoads, 2000, p. 271–272.

² АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 45–46об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 104–107.

³ Ургинский, 1921, с. 183–185; Магсаржав, [1927] 1994, с. 173–182.

⁴ Оссендовский, 1925 [2005], с. 125–127.

⁵ Магсаржав, [1927] 1994, с. 173–216.

(Найдан-гун). Есть сведения, что он был знаком с бароном еще по Даурии. Согласно мемуарам белых — Н.Н. Князева и М.Г. Торновского, Найдан-гун и пришедшие с ним были пленные панмонголисты, которых из Нийслэл-хурэ китайцы отправили охранять хлебные поля на р. Хара-гол и которые теперь остались не у дел: спасаясь от белых, китайские крестьяне бежали на север в Маймачен. Вместе с внутренними монголами, которые пришли вместе с Унгерном, и с присоединившимися к нему в последнем бою, пришедшие образовали три «харачино-чахарские» сотни¹.

Как сказано выше, в 1918 г. Найдан-гун не смог покинуть конвой цицикарского губернатора и присоединиться к Семёнову. В материалах о панмонгольском движении нет упоминаний о его участии, в том числе в последнем походе через Гусиное оз. к Кяхте. Если бы он участвовал, то должен был бы занимать командную должность и был бы упомянут. Остается предположить, что среди внутренних монголов, охранявших поля на р. Хара, он появился позже, а с Унгерном контактировал не в Даурии, а в Маньчжурии.

Среди новых подчиненных барона были те, кто уцелел после резни, устроенной панмонголистами на Гусином оз. Они помирились с пришедшими. Впоследствии «чахарский отряд» Унгерн использовал как дисбат для русских офицеров. Говорили, что там им жилось даже лучше, чем в своих полках: «чахары» использовали их для хозяйственных работ, не притесняли, а поскольку этот отряд не обременял себя трудами и хорошо обеспечивал себя продовольствием, то и эти офицеры жили там неплохо².

Унгерн высоко ценил внутренних монголов. После того как его взяли в плен красные, на допросах в Иркутске 1 и 2 сентября 1921 г. он говорил, что успех своих действий против китайцев видел в присоединении к нему чахаров и других народностей Восточной Монголии и в малой боеспособности китайских войск³.

Вскоре после поступления в дивизию внутренних монголов Найдан-гуна случился инцидент: из дивизии дезертировала офицерская сотня из 39 чел. во главе с поручиком Царегородцевым. Унгерн отправил в погоню сотню «чахаров» с приказом убить беглецов или доставить в штаб. Проскакав 200–250 верст, беглецы разделились на две группы, чтобы запутать следы. Одну из этих групп (18 чел.) настигли «чахары». Отстреливаясь, беглецы продержались три дня, затем почти все были перебиты. Трех доставили в лагерь дивизии, где после жестоких пыток они были повешены⁴.

С декабря 1920 г. стоянка Азиатской дивизии располагалась на р. Керулен. Отряд внутренних монголов стоял примерно в трех верстах ниже по течению от стоянки дивизии и Унгерна со штабом⁵. К барону присоединился баргутский командир Лувсан. Шла мобилизация внешних монголов.

¹ Князев, [1942] 2004, с. 48–49, 73; Торновский, [1942] 2004, с. 206.

² Князев, [1942] 2004, с. 92–93.

³ ГАРФ, ф. 9427, оп. 1, д. 392, л. 47–60.

⁴ Голубев. 1926. Воспоминания, Hoover, DK254/U7G662, p. 99–103.

⁵ Голубев. 1926. Воспоминания, Hoover, DK254/U7G662, p. 112.

Склонность к набегам бывших «харачинов» Унгерн удачно использовал. Чтобы поправить материальное положение дивизии, он в декабре послал на тракт Нийслэл-хурэ – Калган отряд из русских и внутренних монголов с приказом задерживать китайские караваны и отправлять их в войско. Им удалось захватить большой китайский караван, шедший с продовольствием для столичного гарнизона. Снабжение белых улучшилось.

В середине декабря 1920 г. Унгерн с монгольским полком и двумя русскими сотнями захватил п. Мандал (сейчас Бат-Сумбэр). Находившиеся там китайские солдаты и русское население бежали в Нийслэл-хурэ. Мандал и прилегающие китайские заимки барон отдал на разграбление, запасы зерна и китайские постройки были сожжены¹.

В составе дивизии к тому времени было 1460 чел., в том числе Чахарский дивизион Найдан-гуна — 180 чел. Силы китайцев в Нийслэл-хурэ составляли ок. 7000 чел. Согласно плану штурма Нийслэл-хурэ, Чахарский дивизион оставался в тылу для охраны и для наблюдения за дорогами Урга–Хайлар и Урга–Калган².

1–4 февраля 1921 г. войска Унгерн вновь штурмовали Нийслэл-хурэ, на сей раз успешно. 2 февраля, во время боев за город, отряд из 10 тибетцев во главе с Саджа-ламой, 70 монголов во главе с баргутом Лувсаном³ и несколько бурят, очевидно, во главе с Ц.Ж. Тубановым, освободил из-под китайского домашнего ареста Богдо-гэгэна VIII и увез его в монастырь Манджушри-хийд недалеко от столицы. Эта операция усилила деморализацию китайских властей в Урге⁴. В ночь с 3 на 4 февраля они бросили город и отбыли на север в кяхтинский Маймачен. В их числе был глава чиновников китайского ямыня — харачин Самбу, который усердно служил китайцам в Нийслэл-хурэ.

В последний день штурма — 4 февраля — в боях у здания общества «Монголор» недалеко от российского консульства китайцы перешли в контратаку, поддержанную артиллерийским огнем. Подразделение во главе с самим Унгерном вынуждено было отойти. Тогда Монгольский и Чахарский дивизионы обошли по сопкам левый фланг китайцев, а сотня есаула Хоботова продвинулась по долине реки Толы, в обход их правого фланга. Китайцам пришлось отступить⁵. Этот эпизод имел важное значение в боях за столицу Внешней Монголии.

Первое время после захвата города в нем шли грабежи — в основном лавок, брошенных китайскими купцами. На следующее утро — 5 февраля Б.П. Резухин с 1-м татарским полком и «чахарами» выступил на преследование китайских солдат, ушедших из Урги⁶.

¹ Прибайкалье, № 56, 6.02.1921.

² Торновский, [1942] 2004, с. 210.

³ Лувсан и далее участвовал в освобождении Унгерном Внешней Монголии от китайской оккупации.

⁴ Подробнее см.: Кузьмин, 2011, с. 339–341.

⁵ Князев, [1942], с. 58.

⁶ Послание есаула Хоботова Хас-Батору, 1921 г., РГВА, ф. 185, оп. 7, д. 4, л. 150; Торновский, [1942] 2004, с. 212–213.

22 февраля 1921 г. Богдо-гэгэн VIII в время церемонии его повторного возведения на трон Богдо-хана издал указ о награждении Унгерна и его подчиненных согласно их заслугам. Унгерн получил титул дархан-хошой чин-ван и степень хана. «Восстановивший порядок и мобилизовавший военнообязанных подданных в солдаты, выявивший отличные силы усердия, самолично героически сражавшийся, в данном месте раньше и сейчас уничтожавший врага, старательный батор, гун Найданжав — [награждается] потомственным титулом чин-ван, личным правом на оранжевую курму, желтыми поводьями, трехочковым павлиньим пером, чином Развивающий Величие джанжин. Батор-гун Джамц — степенью бэйлэ, титулом бэйсэ, личным правом на двухочковое павлинье перо»¹. По-видимому, это был последний указ Богдо-хана, которым даровались награды внутренним монголам за заслуги в борьбе за независимость Монголии.

Взяв Нийслэл-хурэ и планируя освобождение всей Внешней Монголии от оккупации, Унгерн продолжил мобилизацию монголов в свои войска. Не обошел он вниманием и Внутреннюю Монголию. В письме Ар-Хорчин-вану, изложив свои планы восстановления маньчжурской монархии и создания союза Тибета, Синьцзяна, Халхи, Внутренней Монголии, Барги, Маньчжурии и Шаньдуна, он просил его войти в контакт с Егузэр-хутухтой, Найман-ваном, Шэн Юнем и лидерами мусульман, кратко изложил ему план подготовки восстания². Выбор этого адресата был неслучаен. Ар-Хорчин-ван Гарди-Басар в свое время просил у русских оружие для освобождения от власти Китая. Позже его хошун служил базой отрядов Бавужава, мобилизовавшего оттуда людей. Писал барон и Найман-вану, связанному с Чжан Цзолинем.

Вскоре после взятия Нийслэл-хурэ Унгерн решил захватить Джанжин-Чойр (Чойрын) на юге Внешней Монголии, где располагалась китайская военная база. Он взял с собой 8 сотен, включая внутренних монголов, Монгольский дивизион, 2 орудия и 8 пулеметов. У него было в общей сложности ок. 900 чел., притом, что китайский гарнизон Чойрына составлял 2500 чел.³ Ночью 11 марта Унгерн подошел к Чойрыну. После боев он захватил базу 13 марта. Барон сразу выслал «чахаров» в погоню за отступающими. Они перебили сотни китайцев к тому времени, как подошли казаки⁴. Затем Унгерн отправил «чахаров» в Нийслэл-хурэ.

Но, очевидно, не всех. Есть сведения, что в марте Найдан-ван был со своим отрядом разоружен белыми за грабежи халхасцев, а затем отправлен Унгерном на юг — по Калганскому пути, чтобы мобилизовать южных халхасцев и внутренних монголов для отражения предполагавшегося наступления китайцев со стороны Калгана. В апреле Найданжав находился на границе Внешней и Внутренней Монголии. Это согласуется с письмами Унгерна Найдан-вану от 10 и 27 апреля

¹ МУУТА, ф. АЗ, д. 1, х.н. 257, х. 64–67.

² АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, папка 104, д. 47, л. 1-2а; РГВА, ф. 39457, оп. 1, д. 9, л. 45–48 — в кн: Барон Унгерн в документах..., 2004, с. 126–128. В оригиналах — Ару-харчен-ван, Ару-харчин-ван.

³ Торновский, [1942] 2004, с. 215–216.

⁴ Haslund, 1934, p. 65.

1921 г.¹ Судя по этим письмам, барон сообщил ему о разгроме китайцев, уходивших от кяхтинского Маймачена, но о походе на Чойрын не сообщал. Следовательно, в походе на Чойрын Найдан-ван мог участвовать, и на юго-восток Халхи (к монастырю Егузэр-хутухты) прибыл до 31 марта. К этому времени начались бои при Улан-хаде, где унгерновцы разбили группировку китайцев, уходивших от кяхтинского Маймачена. Следовательно, в боях при Улан-хаде Найдан-ван не участвовал.

В местности Улан-хад в центральной Монголии 31 марта – 2 апреля 1921 г. произошли последние крупные бои между китайскими войсками и войсками Унгерна². В начале боев успех склонялся на сторону китайцев, но после того, как к унгерновцам подошли подкрепления, китайцы были разбиты и бежали. В числе подкреплений был Чахарский дивизион (по-видимому, под командой Джамцгуна). Внутренние монголы и мобилизованные внешние монголы преследовали китайских солдат, уходивших в направлении Калгана³. Русские, служившие в Чахарском дивизионе, позже рассказывали, что лишь немногим китайцам удалось отойти дальше трех переходов от перевала на хр. Увэр-Унджул⁴ на р. Тола (примерно один переход от Улан-хада).

Очевидно, именно о Чахарском дивизионе писал Э.П. Нудатов⁵, что в апреле 1921 г. дивизион «чахаров» преследовал бежавших на запад китайцев, занялся грабежом мирного монгольского населения, за что соратник Унгерна — генерал Б.П. Резухин приказал им прибыть в Ван-хурэ, где часть «чахаров» была разоружена и расстреляна, а остальным приказали вернуться в Ургу в распоряжение Унгерна. Барон писал Найден-гуну (Найдан-вану) 27 апреля, что он отстранил от командования Джамцгуна: «Не он командует солдатами, а солдаты им. Мне надоели вечные жалобы на грабеж, изнасилование женщин и пр. Разоружил их. Керуленским и участвовавшим в боях под Ургой оставил оружие»⁶.

Сам Найдан-ван в это время находился на юго-востоке Халхи — у монастыря Егузэр-хутухты, где набирал солдат для восстановления власти маньчжурского императора. Унгерн посылал ему оружие, призывал присоединить к Халхе два узэмчинских хошуна и «стараться всеми правдами перетянуть на свою сторону Внутреннюю Монголию»⁷. Тем не менее, судя по мемуарам белых, Найдан-ван продолжал числиться командиром Чахарского дивизиона, хотя этот дивизион и не был отправлен вместе с ним на юго-восток Халхи. Следовательно, командование

¹ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 26–26об.; 29; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 27–28, 56.

² Подробнее см.: Кузьмин и др., 2011–2012, с. 182–217, 2015, с. 103–114.

³ БХТА, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1–9.

⁴ Князев, [1942], с. 84.

⁵ Эта рукопись без автора цитируется в моей книге (Кузьмин, 2011) как «Аноним». Недавно К.Ю. Бурмистрову (Институт философии РАН) удалось установить, что этот аноним — ротмистр Э.П. Нудатов, который был адъютантом Б.П. Резухина. Данную рукопись он написал, находясь под арестом у красных. Описывая деятельность Унгерна в сугубо негативном ключе, он смог на время купить себе жизнь. Но в 1937 г. вновь был арестован и расстрелян. Ниже эта рукопись цитируется как «Нудатов».

⁶ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 29, подлинник; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 56.

⁷ АВПРФ, ф. 0111, оп. 2, п. 104, д. 47, л. 27–28об.; РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 18–19.

дивизионом принял другой человек. Вначале это был Джамц-гун (тогда уже бэй-лэ). Затем его отстранили. Кто стал командовать после этого, неясно. Вероятно, внутренний монгол Баяр-гун. Он участвовал с Хатан-Батором Максаржавом и Васильевым в изгнании «харачинов» из Барги, после оккупации Внешней Монголии китайцами примкнул к одному из подпольных кружков в Нийслэл-хурэ, давших начало Монгольской народной партии (МНП). Зимой 1921 г. Баяр-гун принял стору Унгерна и участвовал в изгнании китайских оккупантов¹.

Освобождение Внешней Монголии хотели использовать маньчжурские монархисты. Как и раньше, процесс попытались возглавить Семёнов, Шэн Юнь и цинь-ван Су. Еще в апреле 1919 г. появились сообщения, что Семёнов вошел в связь с организаторами китайского монархического движения в Маньчжурии с помощью японцев. Семёнов рассказывал Чендэ (Цэнд-гуну), что Чжан Цзолинь будто бы посылает к нему своего человека для переговоров по этому вопросу². Теперь, согласно сообщению «Бюллетеня Российского Информбюро по Дальнему Востоку», «из достоверных источников известно, что лидеры китайских монархистов вошли в сношение с Семёновым. 11 сего мая принц Син-юн [Шэн Юнь. — С.К.] отправился из Цинтао [Циндао. — С.К.] в Порт-Артур по секретному приглашению принца Су-чин [цинь-вана Су. — С.К.] — лидера маньчжурских монархистов. Принц Син-юн поехал вместе со своим сыном, получившим высшее образование в Японии. Рано утром 12 мая принцы Син-юн и Су-чин посетили Семёнова и имели довольно продолжительную беседу. Результаты беседы пока неизвестны, но по слухам обсуждались следующие вопросы: 1) возможно большее развитие своих сил и влияния в Монголии. 2) Предложение Семёнову скорее начать активные действия. 3) Отправка принца Син-юн во Внешнюю Монголию (Урга) для более тесного сношения с Унгерном и Живым Буддой [Богдо-гэгэном VIII. — С.К.]. Сообщают, что Семёнов согласился на все эти пункты. С.В., 17 мая»³. Как и раньше, усилия маньчжурских монархистов были безрезультатны.

Весной 1921 г. войско Унгерна в составе двух бригад двинулось в поход на советскую Сибирь, надеясь на начало там антисоветского восстания. В составе бригады, которой командовал Унгерн (2100 бойцов) находился Чахарский дивизион — 2 сотни, 180 бойцов⁴. Бригада действовала в направлении Троицкосавск — Селенгинск — Верхнеудинск. Она выступила на север во второй половине мая. Первым из нее был отправлен отряд Ц.Ж. Тубанова в три сотни, одна из которых была «чахарской». Этот отряд направился на станицу Мензенскую. Он был разбит войсками ДВР.

Унгерн со своей бригадой двинулся по тракту Нийслэл-хурэ — кяхтинский Маймачен. Первым выступил Чахарский дивизион в составе двух сотен⁵. В нем

¹ АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 52187, л. 6.

² Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 14 апреля 1919 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 39.

³ АВПРФ, ф. РМ, оп. 2, папка 103, д. 29, л. 40.

⁴ Торновский, [1942] 2004, с. 249–250.

⁵ Князев, [1942] 2004, с. 109–110.

преобладали «чахары», но были также буряты, татары и китайцы¹. В нарушение приказа Унгерна по собственной инициативе, дабы получить добычу и славу, дивизион атаковал Маймачен раньше времени и был разбит. Есть различающиеся описания этих боев, которые сыграли важную роль в последующем поражении Унгерна под Троицкосавском. Поэтому они заслуживают специального рассмотрения.

Эти описания следуют двум основным схемам. Согласно одной из них², отряд под командой Баяр-гуна (Баир-гун) в 500 чел. или около того ночью с 5 на 6 июня 1921 г. быстрым ударом сбил заставу красных у Ивцэга (Ибицик), состоявшую из солдат Д. Сухэ-Батора и советских инструкторов-калмыков. Они захватили 4 пулемета и солдат-монголов³. Сдалось 100 чел., несколько из комсостава бежали на север. На следующий день (6 июня), вдохновленные успехом, «чахары» поскакали дальше и, сбив заставу красных монголов на горе Ламын-ула и не обращая внимания на другую заставу, в 12 час. дня появились на опушке леса. «Чахары» пошли в атаку на кяхтинский Маймачен. Они были встречены сильным пулеметным и орудийным огнем красных монголов, которым на помощь пришла часть из Сретенской кавбригады Дальневосточной республики (ДВР). «Чахары» пришли в замешательство, красные монголы во главе с Д. Сухэ-Батором пошли в контратаку. «Чахары» обратились в бегство и понесли потери (до трети людского состава). Части 2-й Сретенской кавбригады и отряд Сухэ-Батора с советскими калмыками преследовали отступавших, захватили подводу с оружием и штаб отряда. Бой происходил на горе Ламын-ула⁴ на северном берегу «реки» Гялан-нур⁵. Там Баяр-гун был тяжело ранен. Коновод, пытавшийся спасти своего командира, погиб. Баяр-гуна вместе с семьей другими пленными отвезли в Кяхту. Там он вскоре умер от ран в больнице. Об этих боях есть свидетельства очевидцев со стороны красных инструкторов-калмыков и красных монгольских солдат⁶. Все они указывают, что отрядом командовал Баяр-гун; никто не указывает Найдан-вана. Есть и другие сведения: в больнице Баяр-гун умер через три дня, а до этого на допросе красным монголом Билэгсайханом рассказал, что ожидается наступление на Маймачен Унгерна и Бишрэлт-гуна Сундуя⁷.

Другую схему событий оставили белоэмигранты и арестованный красными Э.П. Нудатов. Они лично в боях у Ивцэга и Маймачена не участвовали и, очевидно, руководствовались чужими рассказами⁸. В целом она соответствует предыдущей, но есть и отличия. В качестве командира отряда они указывают не Баяра, а

¹ Генкин, 1928, с. 86.

² Каллиников, 1929, с. 97–98; Цибилов, 1947, с. 115–116; Ширендыб, 1960, с. 499–500; Кислов, 1964, с. 40; Хишигт, 2011, с. 223–224.

³ Каллиников, 1929, с. 97; Бимбаев, 1970, с. 50.

⁴ Каллиников, 1929, с. 98.

⁵ Чойбалсан, 1952, с. 63. В действительности, Гялан-нур — это озеро.

⁶ Навааннамжил, 1956, с. 250; Монгол ардын журамт., 1961, с. 37–38, 53–54, 166; С интернациональной миссией., 1970, с. 48–52, 72–73, 95–97, 109–110 и др.

⁷ Өвгөн Жамбалын яриа, 1959, с. 80.

⁸ Голубев, 1926, л. 250; Макеев [1934] 2004, с. 62; Князев [1942], с. 110; Торновский, [1942] 2004, с. 259; Нудатов.

Найден-гуна (Найдан-вана). Лишь в записках Голубева и Сокольниковского указан Баяр-гун¹. Князев указывал, что Найдан-ван был ранен², Торновский — что был убит «в том числе один гун, помощник Найден-гуна»³. Заставу на Ивцэге «чахары» сняли 3 июня, и в тот же или на следующий день атаковали Маймачен или Кяхту⁴. Н.Н. Князев даже указывал, что «чахары» ворвались в Маймачен, разграбили его и перебили не успевших уйти в Троицкосавск китайцев. М.Г. Торновский указывал, что вслед за Маймаченом они решили ограбить и Кяхту, и отбиты были уже от нее. Э.П. Нудатов писал, что Найден-гун «залетел с отрядом в город» (какой — не указано), а А.С. Макеев⁵ — что Найдан «был отброшен с троицкосавских сопок».

Очевидно, верна первая схема (основанная на свидетельствах очевидцев), а вторая содержит ошибки. Найдан-ван, очевидно, в то время находился на юго-востоке Халхи (см. выше), а Чахарским дивизионом командовал Баяр-гун. Незадолго до этого, в мае 1921 г., Унгерн писал Джалханцза-хутухте, что, по сообщению Егузэр-хутухты, «все представители сеймов [Внутренней Монголии. — С.К.], князья и большие ламы с ним и Найдан-ваном обменялись хадаками»⁶. Если бы Найдан-ван вернулся с юго-востока Халхи, он сам бы рассказал об этом Унгерну, и барон не стал бы пересказывать слова Егузэра. Далее, из второй схемы следует, что красные выбили «чахаров» из кяхтинского Маймачена артиллерией. Однако выходить оттуда на открытое место и отступать по нему под артиллерийским огнем «чахарам» было бы неразумно. Наконец, остается неясным, причем тогда гора Ламын-ула и оз. Гялан-нур, расположенные за несколько километров от Маймачена.

Итак, сбив заставы красных на Ивцэге и на горе Ламын-ула у северного берега Гялан-нура, Чахарский дивизион под командой Баяр-гуна был остановлен, а затем контратакован войсками красных монголов и ДВР и обратился в бегство, потеряв убитыми и пленными часть «чахар», включая Баяр-гуна (который, видимо, числился помощником Найдан-вана). Севернее Ламын-улы дивизион вряд ли продвинулся, так что «чахары» не могли сжечь и разграбить Маймачен. В действительности его незадолго до этого сожгли китайцы, оставлявшие слободу под напором красных монголов и частей армии ДВР⁷.

«Чахаров» преследовала часть Сретенской кавбригады, но по пути на Ивцэг она встретила унгерновский дивизион под командой есаула Галданова и, не приняв боя, ушла обратно⁸. «Чахары» встали лагерем на Ивцэге.

¹ Голубев. 1926. Воспоминания, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, DK254/U7G662, p. 250; Серебrenников, 2003, с. 116.

² Князев, [1942] 2004, с. 110.

³ Торновский, [1942] 2004, с. 296.

⁴ Надо отметить, что в прошлом и для русской слободы Кяхты, и для соседнего Маймачена («кахтинского») часто использовали одно название — Кяхта. Рядом с русской Кяхтой находилась г. Троицкосавск.

⁵ А.С. Макеев, [1934] 2004, с. 62.

⁶ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 20–22.

⁷ Подробнее см.: Кузьмин, 2011, с. 191–192.

⁸ Торновский, [1942] 2004, с. 259.

Ночью Унгерн приехал в лагерь «чахаров», многие из которых были ранены. По М.Г. Торновскому, Унгерн заплатил чахарам жалованье за месяц вперед и отправил в Ургу, освободив Найдан-вана от обязанности служить ему¹. Это было не совсем так: Чахарский дивизион остановился на р. Ёро², чтобы препятствовать наступлению красных с севера на Нийслэл-хурэ. Сообщение о том, что «чахары» подожгли с. Енхор на территории ДВР³, очевидно, относится к Монгольскому дивизиону бригады Б.П. Резухина. В июне 1921 г. Чахарский дивизион, Тибетский дивизион Нечаева и монгольский отряд Немчинова безуспешно пытались остановить наступление превосходящих сил красных на Нийслэл-хурэ. Под их напором «чахары» отошли к югу на следующий рубеж обороны — на р. Хуйтэн-гол, затем — на р. Хара-гол. 2 июля «чахары» и другие защитники Нийслэл-хурэ были разбиты красными. «Отряд, оставленный Унгерном на ургинском тракте, в большинстве состоял из чахар (до 300 чел.), находившихся раньше под командой Баир-гуна до его пленения под Алтан-Булаком. Вместе с ними были 100 цириков из красномонгольских войск, перешедшие на сторону их в Ибицике. Эти отряды при наступлении наших войск не стали оказывать сопротивление и ушли в юго-восточном направлении для присоединения к цирикам Найданжава, находившимся на юго-восточной окраине Монголии. Но вскоре бывшие красномонголы откололись от чахар и ушли в Ургу»⁴. Как видим, сопротивление они оказали.

«Чахары», уходившие на восток, по дороге столкнулись с группой белых, уходившей туда же. Во главе нее был поручик Жданов из комендантской команды подполковника Л.В. Сипайло в Урге. «Чахары» потребовали оружие, ссылаясь на приказ из Урги. Не получив его, они обстреляли группу, были отбиты, но захватили табун лошадей и подводы. Они сопровождали группу 6–7 дней, обстреливая ее и сбив с линии колодцев. Белые все больше страдали от жажды. Тогда Жданов с несколькими людьми бросил свою группу и, грабя юрты монголов, ушел в Баргу⁵.

Китайские власти сделали попытку бороться с Унгерном руками его монгольских солдат. 13 июня 1921 г. в Хайларе состоялось совещание монгольских феодалов и китайских властей о ликвидации «авантюры» Унгерна. Китайцы выставили ряд условий, из которых получили огласку следующие: отзывание монгольских войск из рядов Унгерна, его разоружение силами монголов, выдача барона китайским властям. Хотя князья согласились на отзывание монгольских солдат, вопрос о разоружении и выдаче остался открытым⁶.

В обеих бригадах Азиатской дивизии возник заговор, который привел к аресту Унгерна красными 20 августа 1921 г. Обе взбунтовавшиеся бригады с небольшими потерями ушли в Баргу, по соглашению с Чжаном Куйу разоружились и отбы-

¹ Торновский, [1942] 2004, с. 260.

² Голубев, 1926. Воспоминания, Hoover, DK254/U7G662, p. 112, p. 265–267.

³ Красное Прибайкалье, № 69 (78), 15.07.1921.

⁴ Цибилов, 1947, с. 124.

⁵ Голубев. 1926. Воспоминания, Hoover Institution on War, Revolution and Peace, DK254/U7G662, p. 291–301.

⁶ Новости жизни, № 131, 18.06.1921, с.2; Шанхайская жизнь, № 499 (139), 24.06.1921.

ли в Маньчжурию в предоставленных им железнодорожных вагонах. Служившие у барона японцы были отправлены из Хайлара в японское консульство в Цицикаре.

К власти во Внешней Монголии пришла МНП. Новая власть объявила Найданжав-вана предателем государства и отправила против него войска. По-видимому, Найданжав был вторым по времени (после Унгерна) борцом за освобождение Монголии, «удостоившимся» клеветнических обвинений со стороны МНП. Найдан-ван находился тогда в хурэ Цэцэн-хана на востоке Халхи. Узнав об отправке против него войск, он перешел на юг к монастырю Егузэр-хутухты. Войска МНП направились туда. Найданжав отступил. Красные нагнали его у монастыря Алтан-Очир. Произошел бой, в котором красные захватили более 10 повозок, из них 5 — с оружием. Были захвачены также китайские товары, пушка, знамя и печать. 29 августа 1921 г. были тяжелые бои, красные потерпели поражение. Затем, получив лошадей и оружие, они пошли на преследование. Полки М. Дугаржава¹ и Г. Бумцэнда семь раз атаковали отряд Найдан-вана. После боев у горы Шивэлж в районе Халхин-гола Найдан-ван с 30 солдатами ушел за границу².

Позже он поступил на службу к цицикарскому губернатору. По данным на 1925 г., «Найден-ван — сподвижник барона Унгерна, глава харачин (монгольское разбойничье племя, проживающее в районе Цицикара, к югу от него); наиболее интересными являются хошуны (княжества) Чжарот-вана и Делет-хошун и друг. <...> Найден-ван среди них считается героем и полководцем, ему было бы очень легко сформировать монгол в боевые единицы, которые можно было бы использовать для любой цели. В данное время Найден-ван состоит советником у цицикарского губернатора У. В 1923 г. весной через Вольфовича Леонида с ним велись переговоры относительно ухода его с поста советника и работы по формированию боевых частей. В то время, по его собственным словам, у него было оружие в количестве около тысячи винтовок и нескольких пулеметов, все оружие было скрыто в Солон-уле [Солуньшань. — С.К.], там же находилось 300 чел. вооруженных монгол. Найден-ван в принципе был согласен, но для этого нужны были деньги для прокормления отряда. Найден-ван — националист-монгол»³.

Таким образом, остатки войск панмонголистов присоединились во Внешней Монголии к барону Унгерну и внесли вклад в освобождение этой страны от китайских оккупантов. По-видимому, как и раньше, они руководствовались разными мотивами: борьбой за восстановление маньчжурской династии при автономии Монголии, за независимость Монголии, стремлением к грабежам. Казавшийся решенным харачинский вопрос вновь актуализировался.

¹ Не путать с М. Дугаржав-мэрэном.

² Кислов, 1964, с. 91; Хишигт, 2011, с. 236–238.

³ Донесение из Хайлара в ИНО ОГПУ от апреля 1925 г., ЦАФСБ, ф. 65, д. 141, т. 2, л. 11–12.

Глава 5

Упразднение автономии Барги

Борьба за власть в Барге после изгнания монгольских повстанцев

В течение нескольких месяцев после изгнания наиболее крупных отрядов «харачинов» из Барги в ее управлении произошли важные изменения, на которых надо остановиться. Прежде всего, возник вопрос о смене баргинской власти. В Нийслэл-хурэ приехал один из ухэрид — Чибсэнгэ, который заявил, что назначен в Нийслэл-хурэ представителем от Барги, объявившей свою самостоятельность. Монгольское правительство, следуя Кяхтинскому соглашению, ответило, что не считает Баргу самостоятельным государством. Чибсэнгэ уехал обратно¹.

Один из наиболее вероятных претендентов на пост главы Барги — Чэхэджа — «скомпрометировал» себя во время последнего выступления «харачинов»: попытка задержания в российском поселке даура, вызвавшая убийство российского милиционера, была сделана «харачинами» по просьбе Чэхэджи, который после неудачи уехал из Хайлара. Ввиду этого, было организовано временное управление Хулунбуира из двух находившихся в Хайларе ухэрид — старо-баргутского Баданги и солонского Гуйфу (даура). Старо-баргутские и солонские представители стояли за восстановление Шэнфу. Но мнение ново-баргутов (2/3 населения Барги), откочевавших в Халху, было неизвестно. Усатый рекомендовал отложить вопрос о назначении фудутуна до их возвращения².

Когда Шэнфу вернулся в Хайлар, должность фудутуна он не принял³. Кудашев выступал перед МИД России за невозвращение Шэнфу и за признание фудутуном нынешнего фактического главы Барги — Аня (Чэхэджи). В ответ Нератов сообщил, что 1) предоставляет посланнику решить вопрос о правителе Хулунбуира сообразно с местными условиями; 2) не считает возможным официально указать вице-консула в Хайларе как советника по управлению Баргой, но он должен держать связь с властями Барги, помогать им, «направляя их к упорядочению управления и финансов округа»; 3) нет возражений против приглашения русского офицера для организации в Барге милиции⁴.

Ново-баргуты во Внешней Монголии легко могли подпасть под влияние последней, стараться провести кандидата, удобного ургинскому правительству, сторонника ее объединения с Баргой. Телеграмма Орлова о том, что Цэнд-гун едет в Хайлар выставить кандидатуру Манлай-вана Дамдинсурэна, давала основание

¹ Телеграмма Орлова из Урги от 18 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3073, л. 93.

² Телеграмма Усатого Кудашеву от 23 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 34.

³ Телеграмма Усатого Кудашеву от 22 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 33.

⁴ На эту должность позже был определен И.Х. Шароглазов (подробнее см. выше).

полагать, что это предположение верно. Правительство России считало нежелательным вмешательство ургинцев в баргинские дела, рекомендовалось противодействовать этому. При выборе кандидата в правители рекомендовалось следовать соглашению по Барге от 1915 г.¹

Обсуждая кандидатуры на пост фудутуна, Усатый отмечал, что дауры и солоны высказываются за восстановление Шэнфу, но он слишком подвержен китайскому влиянию. Кроме того, Шэнфу непопулярен в Барге. На предстоящих выборах наиболее подходящей кандидатурой был бы Чэхэджа, но он уехал из Хайлара и возвращаться не намерен. Ухэрид Маханнамы (Махачжан?) и Чибсэнгэ в Хайларе пока не было. Ухэрида Бангунжав скомпрометирован сношениями с «харачинами». Кудашев отвечал Усатому, что не следует ничего предпринимать ни за, ни против восстановления Шэнфу, пока не прояснится отношение к нему новобаргутов².

Затем, учитывая развитие ситуации с назначением фудутуна, Нератов телеграфировал: «Мы можем не опротестовывать назначение Шэнфу, получив от него обещание отказаться от той политики и образа действий, которые привели к последнему возмущению в Барге. Для поддержания порядка во вверенной ему области он должен формально обещать преобразовать милицию и для этой цели пригласить русского офицера. Ему следует напомнить, что харачины и японцы удалены только благодаря нам и что без нашей поддержки ему и впредь управлять Баргой будет не по силам. О результатах объяснений Ваших с Шэнфу благоволите телеграфировать и сообщите заключение по существу»³. Усатый обсудил эти вопросы с Шэнфу. Последний пообещал предоставить управление Хулунбуира баргутам, преобразовать милицию и для этого пригласить российского офицера⁴.

Другим претендентом на пост фудутуна был Манлай-Батор-ван Дамдинсурэн. Незадолго до изгнания из Хайлара повстанцев он «организовал в хошуне Сан-бэйсэ отряд из беженцев, который может принять участие в изгнании разбойников». Для согласования действий в Сан-бэйсэ и Хайлар выехал вице-министр иностранных дел Внешней Монголии Цэнд-гун. Перед отъездом Цэнд-гун сказал, что для баргинцев Манлай-ван — наиболее приемлемая кандидатура в фудутуны⁵.

9 сентября 1917 г. они оба прибыли в Хайлар. Дамдинсурэн был уроженец Барги, перешедший на службу Богдо-гэгэну в 1912 г., прославившийся при освобождении г. Кобдо в Западной Монголии и награжденный Джебцзундамба-ху-

¹ Телеграмма Кудашева Усатому от 27 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 19–21об.

² Донесение Усатого Кудашеву от 30 сентября 1917 г., копии в Ургу, Цицикар и Хорвату, АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 23–28; телеграмма посланника в Пекине от 18 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 760, л. 248; ответ Кудашева Усатому от 11 октября 1917 г. на его донесение от 30 сентября, АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 29.

³ Телеграмма Кудашева Усатому от 17 октября 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 112.

⁴ Донесение Усатого Кудашеву от 20 октября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 35; ф. КХ, оп. 573, д. 2, л. 151.

⁵ Телеграммы Орлова из Урги в Хайлар и Пекин от 21, 25 и 31 сентября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3073, л. 95, д. 3107, л. 196, 207.

тухтой. Он пользовался значительным влиянием среди ново-баргутов, особенно теперь. По словам Цэнд-гуна, ургинское правительство хочет использовать Дамдинсурэна для возвращения откочевавших ново-баргутов, набрать отряд, изгнать «харачинов» и вступить в переговоры с Китаем о присоединении Барги к Внешней Монголии. Однако план этот не удался, так как отряд был готов только к октябрю, когда «харачины» были уже изгнаны из Хайлара. Но 6 октября Дамдинсурэн привел на ст. Маньчжурия отряд из 600 ново-баргутов. Прибыв в Хайлар, он предложил Шэнфу и другим присоединиться к Халхе, а управление Баргой перенести в Лубиньфу около ст. Маньчжурия. Это не встретило сочувствия баргинских начальников. В разговоре с Усатым Дамдинсурэн не говорил о присоединении к Халхе, а спросил, не потеряет ли он лицо, если выставит свою кандидатуру на должность фудутуна. Усатый ответил, что это противоречило бы соглашению по Барге. Манлай-Батор несколько раз возвращался к этому вопросу, но, встретив отказ Усатого, последовал его совету не вмешиваться в это дело и обещал 16 октября распустить набранных им новобранцев. Были сведения, что Дамдинсурэн принимал меры, чтобы убедить ново-баргутов не возвращаться в Баргу, где снова будет засилье дауров, а оставаться в Халхе¹. Вскоре он выполнил свое обещание о роспуске новобранцев. Имевшиеся патроны он роздал солдатам в Лубиньфу для охраны границ. Теперь у него не осталось войск — он просил Усатого передать это фудутуну Барги².

Итак, российская дипломатия, продолжая линию на автономный статус Барги и Внешней Монголии по отдельности, снова воспрепятствовала их сближению.

В октябре 1917 г. была назначена новая баргинская администрация: Правое отделение — Чибсэнгэ, Баданга, Екчинга; Левое отделение — Дэгчжэмбу, Нэсүхэнгэ, Бадарху. Каждый из них должен был дежурить в Хайларе по месяцу. Олётским ухэридой вместо Бангунжава был назначен Намжилжав, солонским ухэридой — Екчинга вместо Гуйфу; ухэридами Доронь и Ба — Добдонбалжир и Намжилжав³. Шэнфу получил от военного министерства Китая через цичикарского губернатора телеграмму о восстановлении в должности фудутуна. В связи с этим, другие дауры стали оказывать давление на население «в смысле оставления у власти дауров»⁴.

Состоялся съезд баргинских старшин, который провел выборы согласно пожеланиям российской дипломатии. «Несмотря на ургинское влияние на ново-баргутов, которых старались отговорить от участия в съезде, они прислали своих представителей в числе около 20 чел.; не прибыли только представителя двух хошунов, откочевавших слишком далеко вглубь Монголии. Съезд постановил оставить фудутуном Шэнфу, оставить также начальника западного отделения Хулунбуира — Чэншаня... Начальником восточного отделения, ведающего наиболее

¹ Донесение Усатого Кудашеву от 17 октября 1917 г. АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 31–32об.

² Телеграмма Манлай-Батора Дамдинсурэна из Маньчжурии в вице-консульство в Хайларе от 19 октября 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 8, л. 169.

³ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 40.

⁴ Телеграммы Усатого Кудашеву от 16 и 17 октября 1917 г., АВПРИ, ф. КС, оп. 491, д. 3107, л. 218, 219.

важными делами — финансовыми и судебными — избран ново-баргут Багабади, и начальником отделения по хранению печати — старо-баргут Сулфанга. На должность начальника восточного отделения выставлял свою кандидатуру товарищ министра иностранных дел в Урге Чэндэ [Цэнд-гун. — С.К.], находящийся сейчас в Хайларе для наблюдения за дальнейшей деятельностью харачинов. Кандидатуру его поддерживали часть ново-баргутов и несколько его родственников из Старой Барги. Ввиду того, что с этим назначением возможно было опасаться с одной стороны усиления ургинского влияния, с другой — усиления даурской партии, так как Чэндэ — даур, вице-консульство запротестовало против этого назначения, указав съезду, что это противоречило бы соглашению 1915 г., потому что Чэндэ, хотя и местный уроженец, но не занимает здесь никакой должности, и что кроме того отсутствие представителей Новой Барги в составе чинов управления Хулунбуира может вызвать справедливые нарекания части ново-баргутов. Таким образом, управление Хулунбуира сформировано согласно нашим желаниям»¹.

Итак, после изгнания «харачинов» власть в Барге вновь сменилась. Основное влияние на выборы оказала Россия, тогда как Внешняя Монголия, стремившаяся реинтегрировать Баргу, не смогла провести своих кандидатов — Манлай-Батора Дамдинсурэна и Цэнд-гуна, чему противодействовала Россия. Опыт доминирования дауров в баргинской власти был учтен: теперь на высоких постах были и баргуты, хотя высший пост фудутуна опять занял даур Шэнфу, в свое время смещенный «харачинами». Вопрос о независимости Барги, присоединении ее к Внешней Монголии или к монархическому движению в Маньчжурии больше не стоял.

Последние годы особого статуса Барги

Февральская революция 1917 г. и продолжавшаяся Первая мировая война ослабили позиции России в Барге. Но еще больше эти позиции ослабила Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война. Именно к концу 1917 г. относится расквартирование китайских войск в Хайларе.

12 ноября 1917 г. харбинская организация РСДРП(б) издала воззвание к населению о поддержке II Всероссийского съезда Советов. Получив указание НКВД отстранить от управления КВЖД генерала Д.Л. Хорвата, Харбинский совет опубликовал 12 декабря воззвание к населению, в котором объявил себя единственным представителем власти в полосе отчуждения. Хорват пришел к выводу, что собственных сил для подавления революционных выступлений у него не хватит, и призвал на помощь китайские войска. 24 декабря китайские власти предъявили Совету ультиматум о высылке из Харбина революционно настроенных 618-й и 559-й дружин Охранной стражи и роспуске Совета. 28 декабря обе дружины были высланы на ст. Маньчжурия. Попытка установления советской власти на КВЖД была пресечена².

¹ Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 20 ноября 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 24–24об.

² Аблова, 1998, с. 82.

Дружинников, выселяемых в Россию, сопровождали китайские войска. По возвращении со ст. Маньчжурия они решили остановиться в Хайларе и потребовали от монголов помещения в Старом городе. Усатый, продолжая следовать соглашению о Барге 1915 г., просил миссию в Пекине принять меры к недопущению их высадки¹.

Тем не менее, эти войска остановились в Старом Хайларе. Но 29 декабря они ушли оттуда в казармы, предоставленные им российскими военными властями. Это подняло престиж России в глазах баргутов. Для ограничения сферы деятельности китайского отряда в полосе отчуждения баргинские власти по просьбе вице-консульства предоставили в распоряжение российских военных властей 70 монгольских солдат, которые стали нести караульную службу по гарнизону. Тяжелое финансовое положение Барги не позволяло ей содержать нужное количество войск. Усатый советовал выдать деньги за аренду Джалайнорских копей, что способствовало бы скорейшему удалению китайских отрядов из полосы отчуждения в Барге². Ниже будет показано, что такой возможности не появилось.

Мукденские власти стали убеждать цицикарского губернатора Бао Гуйцина воспользоваться вводом китайских войск в полосу отчуждения КВЖД, занять Баргу и учредить там должность чжэнь-шоу ши (комиссара военно-полицейской службы, комиссара по обороне). На эту должность советовали назначить полковника Чжана Куйю. Бао не дал прямого согласия, но командировал в Хайлар для переговоров с баргинскими властями начальника монгольского бюро управления губернатора — харачина Гао Вэньтяня, «который на днях вернулся из Хайлара и сообщил, что монгольские власти согласились на ввод китайских войск в Баргу и обязались дать помещения для таковых в старом городе. Указанное сообщение подтвердил прибывший вчера из Хайлара от монгольских властей их уполномоченный 2-й помощник фудутуна Жуйань. <...> Образование из самостоятельной Барги вновь округа, входящего в состав Хэйлунцзянской провинции с китайской администрацией и войсками, вряд ли будет полезно для нас в будущем во всех отношениях»³.

Командир прибывшего ина китайских войск при каждом удобном случае заводил разговор с баргинским фудутуном о том, что они люди одного государства, хотел расквартироваться в монгольском городе, перейдя туда из российского поселка. 6 января из Цицикара с новогодними подарками от губернатора фудутуну и другим чиновникам приезжал Гао Вэньтянь. При его поддержке командиру ина удалось уговорить баргинцев на предоставление помещений хотя бы для штаба ина. Баргинцы предоставили для этого храм, но не в старом городе, а рядом с российским поселком. Храм не был приспособлен для жилья и некоторое время не был занят, ин располагался в российском поселке в казармах бывшей дружи-

¹ Донесение Усатого Кудашеву от 18 декабря 1917 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 399, л. 5.

² Донесение Усатого Кудашеву от 29 декабря 1917 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 81–81об.; ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 27–27об.

³ Донесение Афанасьева из Цицикара Кудашеву от 12 января 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 399, л. 9–9об.

ны. Затем китайцы доставили из Цицикара в Хайлар 4 пулемета и 50 чел. пулеметной команды и расположили в храме рядом с поселком — храм они просили для штаба, теперь заняли самовольно. Усатый отмечал, что китайцы собираются нарушить соглашение 1915 г.¹

Итак, китайские войска были введены «вследствие беспорядков, произошедших на КВЖД из-за борьбы русских партий». Главнокомандующим временной охраной в полосе отчуждения КВЖД был назначен начальник штаба командующего войсками Чжан Хуансянь, его первым помощником — командир 4-й смешанной бригады Чжан Минцзю, вторым помощником — командир 2-й кавалерийской бригады Чжан Куйу².

Вечером 19 января 1918 г. в Хайлар из Маньчжурии прибыл новый отряд китайских солдат в 250 чел., из которых 155 прошли прямо в Старый Хайлар без всякого предупреждения баргинских властей и расположились в частных домах. Баргинцы обратились к Усатому. Воспользовавшись официальным визитом к нему Чжана Куйу, Усатый указал на неудобство расквартирования солдат в разных местах для наблюдения за ними и на то, что китайские отряды допущены сюда только для охраны полосы отчуждения и железнодорожных сооружений. Он предложил Чжану сосредоточить свой отряд в полосе отчуждения, обещая содействие в предоставлении на следующий день казармы, освобождающейся с уходом оттуда 547-й Симбирской дружины. Чжан Куйу согласился и заявил, что имеет приказание цицикарского командующего войсками только для охраны полосы отчуждения, и что расквартировать часть отряда в Старом Хайларе он был вынужден вследствие недостатка помещений. По донесению консула Афанасьева из Цицикара, баргинцы согласились на ввод в Баргу китайских войск, обязавшись предоставить им помещения в Старом городе. Однако Усатый доносил в миссию в Пекине, что баргинцы не давали согласия на ввод китайских войск в Баргу и на учреждение поста чжэнь-шоу ши³. Но это уже вряд ли могло изменить положение.

Одновременно с вводом войск был опубликован декрет президента Китайской республики от 17/30 января 1918 г., в котором говорилось: «Министр-председатель Ван Шичжэн представил поступивший от хэйлунцзянского дучжюня Бао Гуйцина и хулунбуирского фудутуна Шэнфу доклад следующего содержания: “Вследствие того, что со времени набега мятежников на гор. Хайлар как знаменное, так и китайское население находится в бедственном положении, ходатайствуем об ассигновании денежных средств на оказание ему помощи”. Ознакомление с содержанием означенного доклада вызывает чувство глубокого со-

¹ Донесения Усатого Кудашеву от 16 и 17 января 1918 г. АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 399, л. 10–10об.; ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 82–83.

² Копия сообщения комиссара по дипломатическим делам Хэйлунцзянской пров. на имя российского консула в Цицикаре от 19 января/6 февраля 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1555, л. 52.

³ Донесения Усатого Кудашеву от 19 и 20 января 1918 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 84–84об., 241, ф. МП, оп. 761, д. 399, л. 14; д. 1565, л. 505, оп. 761, д. 399, л. 14.

страдания. Поэтому на министерство финансов возлагается обязанность выдать 10 тыс. долларов в распоряжение названного фудутуна, которому надлежит, в соответствии с истинным положением вещей, раздать таковые действительно нуждающимся, дабы тем пойти навстречу высоким намерениям правительства, озабоченного оказанием защиты и помощи монгольскому населению»¹.

Очевидно, издание этого указа было результатом поездки в Пекин в декабре 1917 г. баргинцев Сулфанги и Юншоу, выехавших из Хайлара 4 декабря. «Цель поездки — получение пособия в вознаграждение за разгром харачинами, если это невозможно — заключение займа»².

Развивая свой успех в Барге, цидикарский губернатор потребовал «от баргутов установить границу на севере, проведя ее от караула Чжуртэй, против русского поселка Чалбучи, то есть отобрать более половины границы и установить там китайские караулы. Баргуты просят нашего содействия». Недовольство баргутов понятно: китайский контроль вел не только к дальнейшему уничтожению автономии, но и составлял для баргинской власти экономическую угрозу — бюджет Барги основывался главным образом на доходах от предприятий, арендуемых русскими, и на сборах за пользование сенокосами, пастбищами и пр. Доходы эти власти Барги получали в рублях (хотя к тому времени курс рубля упал до 7%)³.

Выполняя распоряжение губернатора Бао, весной китайцы приступили к занятию правого берега р. Аргунь от устья до российского п. Аргунский, напротив которого поставили свой караул (1 чиновник и 4 солдата). Предполагалось в скором времени заменить баргинские караулы китайскими в Цзилалинь и Чжуртэй напротив российских поселков Олочинский и Чабучинский. Усатый отмечал: «Таким образом, вся северная часть Барги с настоящего времени будет находиться в распоряжении китайцев вопреки соглашению 1915 г. В связи с этим, китайцы делают попытку не признавать договоров, заключенных русскими гражданами с властями Барги и угрожают силой прекратить работы Верхне-Амурской золото-промышленной компании»⁴.

В этом случае весь северный хошун Хувут-Цаган мог попасть под китайский контроль. Этот контроль мог распространиться и на золотой прииск Келари, рядом с которым располагался Олочинский караул.

В мае 1918 г. китайские власти окончательно решили учредить «должность по охране Хулунбуира» (то есть чжэнь-шоу ши). На нее назначили Чжан Хуансяня, начальника управления военного генерал-губернатора, который в то время был главнокомандующим войсками в полосе отчуждения КВЖД в Хэйлунцзянской пров. Баргинцы еще до появления приказа были обеспокоены этими слухами. Их старшины собрались на съезд, который решил не признавать такого чиновника, а

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 399, л. 12.

² Телеграмма Усатого Кудашеву от 5 января 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1565, л. 543.

³ Телеграммы Усатого Кудашеву от 12 января и 9 марта 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 399, л. 7–7об., д. 1565, л. 401.

⁴ Телеграмма Усатого Кудашеву от 27 марта 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 395, л. 86–86об.

в случае назначения — протестовать. Усатый верно отмечал, что «протест этот в условиях наличия в Барге 4000 китайских войск ни к чему не приведет»¹. Получив его донесение о назначении этого чиновника, российская миссия в Пекине направила протест Китаю².

Однако тенденция распространения китайского контроля на Баргу сохранялась. В октябре 1918 г. в баргинской власти произошли изменения, выгодные Китаю. Помощник фудутуна — ново-баргут Чэхэджа ушел в отставку, на его место был назначен Чэн Шань, который до того, по назначению центрального правительства Китая, был начальником отделения управления фудутуна. Шэнфу сделал представление о назначении на место Чэн Шаня даура Цэнд-гуна (вице-министра иностранных дел Внешней Монголии). Это назначение не встретило возражений в Пекине, но ургинское правительство не отпускало Цэнда. Несколько более мелких должностей были замещены даурами. Таким образом, надеясь на китайскую силу, дауры не стали считаться с ранее данным обещанием о предоставлении управленческих должностей баргутам. На предостережение Усатого Шэнфу ответил, что баргуты сами уклоняются от совместной работы, а назначаемые на ответственные должности не могут справиться с делами. По мнению Усатого, отчасти это было верно: баргуты — кочевники, они не могли постоянно оставаться в Хайларе, среди них было сравнительно мало грамотных и опытных в канцелярской работе. Но эта деятельность дауров встречала резкое недовольство баргутского населения. Старо-баргуты даже решили выделиться в особое крыло. К тому времени они входили в солонское «крыло» (гала), из 12 «рот» которого 5 было старо-баргутских и 7 — солонских, причем в солонских «ротах» все должности занимали дауры и при решении дел, касающихся крыла, дауры всегда имели перевес, хотя в 5 баргутских хошунах населения было в 8 раз больше, чем в солонских. По этому поводу состоялся баргутский съезд в 60 верстах от Хайлара, созванный без участия дауров. Решили пока оставить дауров в покое и официально возбудить вопрос об образовании самостоятельного баргутского крыла. Усатый настаивал перед даурами на удовлетворении пожеланий старо-баргутов³.

В это же время баргинские власти командировали в Пекин чиновника Линшэна для решения вопроса о представительстве Хулунбуира в парламенте. Противником такого представительства был цичикарский губернатор, настаивавший, что Хулунбуир входит в состав Хэйлунцзянской пров. и отдельного представительства иметь не должен. Пекинские же власти в принципе были согласны на допущение представителя Хулунбуира в парламент, но решение вопроса затягивали. Линшэну также поручили хлопотать об организации отдельного «крыла» старо-баргутов и выяснить, нельзя ли принять меры к возвращению бежавших в Халху ново-баргутов⁴.

¹ Донесение Усатого Кудашеву от 19 мая 1918 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 399, л. 16.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 399, л. 17.

³ Донесение Усатого Кудашеву от 5/18 октября 1918 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 76–76об.

⁴ Телеграмма Усатого Кудашеву от 6/19 октября 1918 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 70–80.

Китай успешно использовал разногласия в руководстве Барги и его апелляции к китайскому правительству. «Министр внутренних дел Цянь Нынсюнь вошел к президенту Республики с ходатайством о выделении из солонского Левого крыла двух хошунов старых баргутов и образовании из них особого ухэридства. Ходатайство это было представлено вследствие коллективной петиции об этом властей и населения этих двух хошунов, указавших на то, что в свое время, при образовании солонского Левого крыла, в него были включены два хошуна старых баргутов на том основании, что состав населения этих двух хошунов был сравнительно малочисленным; ныне же, вследствие значительного прироста населения, они возбуждают ходатайство о выделении двух хошунов старых баргутов (именно: белого с каймой знамени и синего без каймы знамени) и образовании из них нового ухэридства, с особым ухэридой во главе, при двух помощниках, с подразделением каждого хошуна на шесть сомонов (цзо-лин — эскадронов), в коих организация должностного состава должна быть установлена такая же, какая ныне принята у солонов; что же касается должности помощника ухэриды в солонском Левом крыле, который прежде заведовал двумя хошунами старых баргутов, то таковая, за ненадобностью, должна подлежать ныне упразднению. В ответ на доклад министра внутренних дел, поддержавшего ходатайство старых баргутов, последовала 3/16 декабря 1918 г. резолюция президента (за № 2165), кою ходатайство это было признано подлежащим удовлетворению»¹.

Затем в Пекине удовлетворили ходатайство, с которым туда ездил Линшэн (см. выше). Статья 5 китайского Закона об организации парламента была изменена: теперь там было сказано, что в парламенте Монголия имеет не 19, а 20 членов — с добавлением фразы «один член от Хулунбуира»². Вскоре в Барге было «получено телеграфное извещение правительства, что Хулунбуиру предоставлено иметь в парламенте своего представителя, которого предлагают скорее избрать и прислать в Пекин»³.

Так, используя межнациональную рознь между даурами и баргутами в Хулунбуире и следуя желаниям части его руководства, центральное правительство Китая устанавливало там свою власть, в том числе в нарушение соглашения с Россией от 1915 г.

Не отставали и провинциальные власти Хэйлунцзяна: Русско-китайское соглашение по Барге от 1915 г. мешало их власти над ней больше, чем центральному правительству. В январе 1919 г. цичикарский губернатор заявил, что настоящий момент — наиболее подходящий для того, чтобы аннулировать соглашение 1915 г. Он сделал представление в Пекин, что, ввиду беспорядков на границе с Россией, надо восстановить прежний порядок управления Баргой, положив в основу план, выработанный около 10 лет назад хулунбуирским даогаем (впослед-

¹ Чжэн-фу гун-бао, 4/17.12.1918, с. 2–3, и 7/20.12.1918, с. 9–10, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 399, л. 34.

² The Peking Leader, 23.04.1919, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 9.

³ Телеграмма Усатого из Хайлара Кудашеву от 28 апреля 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 10.

ствии цицикарским губернатором) Сун Сяоляном, известным своей непримиримостью к русским. Согласно этому плану, предлагалось возродить Хулунбуирское даотайство, окружное управление (Лубиньфу) и «приставства» Хулунь и Шивэй. Чтобы эта мера не вызвала противодействия населения, предлагалось для начала предоставить власть даотая нынешнему фудутуну Шэнфу, а местных баргинских чиновников, по возможности, назначить на другие должности, придав им в качестве помощников и советников чиновников китайских. Предлагалось также восстановить китайские караулы по границе с Россией по Аргуни¹.

19 марта 1919 г. «в Хайлар прибыло два китайских пехотных ина 29 дивизии, всего около 800 человек». Они расположились в казармах в полосе отчуждения, частью в вагонах. Китайцы просили власти Барги о помощи для войск, но им было отказано. Ожидалось прибытие еще 400 чел. пехоты и кавалерии хэйлунцзянских войск. В мае в Хайларе было уже 3 ина пехоты, 1 рота артиллерии с 4 орудиями и пулеметная команда с 4 пулеметами, ожидалось прибытие 2 эскадронов конницы. В сентябре командир 5-й бригады китайских войск потребовал от баргутов перевозочных средств для отправки 2 инов на охрану границы с Россией в 2 пунктах. Шэнфу опасался китайских захватов, телеграфировал в Цицикар просьбу об отмене распоряжения и готовности послать туда свои войска, просил поддержки вице-консульства в Хайларе. Кудашев предписал Усатому удовлетворить просьбу Шэнфу².

«Усилившиеся за последнее время китайские претензии на Баргу и нескрываемое стремление цицикарских провинциальных властей уничтожить баргинскую автономию заставили баргинцев более внимательно отнестись к японскому проекту и ускорили процессы объединения монголов» во время «монголо-бурятских съездов при участии японцев» в Даурии³. Вместе с тем, белые старались ладить с китайскими командирами. Например, в августе 1919 г. семеновцы поднесли старому знакомому атамана — Чжану Куйу — ряд подарков, включая вооружение, в частности, артиллерийские орудия⁴.

Маньчжурские власти старались взять Баргу под военный и экономический контроль, используя революционную смуту в России. Представление об этом дает отчет Усатого о деятельности вице-консульства в Хайларе за период 1 ноября 1917 г. — 1 октября 1918 г. В нем сказано следующее.

Получив известие о большевистском перевороте и отказе служащих МИД от сотрудничества с правительством Ленина, вице-консульство прекратило всякие сношения с министерством и стало руководствоваться исключительно указаниями российской миссии в Пекине. В начале декабря 1917 г., по получении телеграммы большевистского министерства о сдаче дел вице-консульства пред-

¹ Донесение Усатого Кудашеву от 29 января 1919 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 92–92об.

² Телеграммы Усатого Кудашеву от 19 марта, 4 и 21 мая, 29 сентября 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 18, 54, 63–64, д. 400, л. 25, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 109.

³ Письмо Кудашева от 9 марта 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 1–1об.

⁴ Телеграмма управляющего вице-консульством в Хайларе Гагенстрома в Пекин от 22 августа 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1552, л. 463.

ставителю харбинского Совета рабочих и солдатских депутатов, канцелярия вице-консульства была временно переведена из русского поселка в г. Хайлар под защиту баргинских властей, где пробыла 2 нед. до выступления в Забайкалье есаула Г.М. Семёнова. Отношения с местными властями оставались по-прежнему дружественными.

С выводом оттуда российских войск и прибытием китайских увеличились разбои и грабежи, большей частью безнаказанные, так как местные власти не имели достаточных сил для их предотвращения. Китайские военные власти не только не преследовали своих солдат за преступления против русских, но даже покрывали их. В августе 1918 г. на границе с Забайкальем грабители угнали всех лошадей казаков двух пограничных поселков (до 600 голов). Чтобы отчасти защитить русских от разбоев, местные власти учредили четыре небольших военных поста, для чего был введен с российских граждан небольшой налог в 3 руб. с груженой телеги по тракту Хайлар – Старый Цурухайтуй.

«Ввод китайских войск в Баргу, почти совершенное прекращение торговой связи Барги с Россией, водворение японской торговли, расширение деятельности китайских купцов и вытеснение русских, увеличение разбоев и грабежей — всё это явилось прямым результатом большевистского переворота в России, печальные последствия которого едва ли могут быть в скором времени устранены.<...> Большевистский переворот в России причинил неисчислимый и едва ли поправимый вред русскому делу в Барге... Наше полное бессилие, в связи с заключением сепаратного мира и разложением армии, было учтено надлежащим образом, результатом чего явилось игнорирование не только частных прав русских подданных... но и специальных межгосударственных соглашений»¹.

После установления советской власти в Забайкалье в 1918 г., в период деятельности там Семёнова (1918–1920 гг.), затем — после восстановления там советской власти часть забайкальского населения, в основном зажиточного, искала спасения в Барге. В частности, к 1930-м гг. в Шинэхэн переселилось много агинских бурят, позже получивших название шинэхэнские буряты². В целом, в Баргу перекочевало со скотом более 3000 бурят и казаков. Вице-консульство в Хайларе вошло в соглашение с местными властями, которые предоставили в их распоряжение все свободные кочевья в Барге. С водворением китайской военной силы стал расширять свою деятельность китайский капитал. Если раньше в Барге не было ни одной китайской концессии, то теперь китайцы забрали в свои руки все соляное дело, вели переговоры об угольной концессии, расширяли деятельность по скупке шерсти и другого сырья. Вопреки соглашению 1915 г., в Хулунбуир были введены китайские войска, вдоль границы с Россией поставлены китайские караулы, в некоторых местах допущена китайская колонизация. Большевистский переворот и гражданская война в Забайкалье почти прекратили торговлю между Баргой и Россией³.

¹ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 49–53.

² Оюунтунгалаг, 2016, с. 12, 39.

³ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 49–53.

Важной составляющей финансов Барги были платежи КВЖД за аренду Джалайнорских угольных копей, необходимых России для снабжения углем КВЖД. После революций 1917 г. начались сложности с выплатами. Китайцы стали требовать выплат за копи властям Хэйлунцзянской пров. Дошло до того, что в 1918 г. провинциальные маньчжурские власти начали блокировать прибытие китайских временных рабочих на копи. У КВЖД возникла проблема: летняя добыча угля обеспечивала ее Западную линию топливом на зимнее время. Лишь в результате переговоров российской стороны с руководством Цицикарской пров. удалось договориться о расчетах с ней независимо от Гиринской пров. и об уплате в рассрочку накопившегося ко времени заключения договора о Барге попутного сбора. Управляющий КВЖД просил Кудашева не настаивать пока на уплате этих сборов баргинцам. Тяжелое финансовое положение вынуждало баргинские власти к сдаче соляного дела в Барге китайскому банку, предоставлению китайцам концессий и т.п.¹

Однако вопрос с уплатой баргинцам все-таки удалось урегулировать. Прибывший в Пекин Линшэн от имени Шэнфу передал Кудашеву благодарность за содействие в уплате баргинскому правительству денег за аренду Джалайнорских копей². Баргинские власти получили от железной дороги за Джалайнорские копи ок. 2 млн. руб. и решили использовать эти деньги на учреждение своего банка. Был разработан его устав³.

Еще до открытия банка, в связи с большим недостатком на местном рынке кредиток мелкого достоинства (что затрудняло торговлю), баргинские власти «специально для местных нужд» решили выпустить на 100 тыс. руб. хулунбуирских кредиток в 1, 3, 5 и 10 руб. Их выпустили под обеспечение российских кредиток 250 и 1000-рублевого достоинства, размен которых на баргинские кредитки должен был производиться полным рублем. Кредитки размером 14 x 7,5 см печатались на рисовой бумаге, с синим оттиском на китайском и монгольском языках, с 3 красными квадратными печатями⁴.

По распоряжению из Цицикара в российских поселках на ст. Маньчжурия и Хайлар китайские власти вознамерились ввести особый сбор в 1% с товаров, продаваемых китайскими магазинами. Усатый собирался заявить протест, поскольку это противоречило ст. 5 Соглашения о Барге⁵. По мнению Афанасьева, это было бесполезно, так как китайские власти скажут, что таких намерений у них не было, потому данный вопрос следовало отложить до начала ввода в действие этих мер⁶. Затем китайские власти получили предписание командующего войсками Хэйлунцзянской пров. провести перепись всего населения, в том числе рус-

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 1565, л. 543, оп. 761, д. 395, л. 32–39об., 44–47.

² Телеграмма Кудашева Усатому от 25 апреля 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 336, л. 48–48об.

³ Телеграмма Усатого Кудашеву от 8 августа 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 18–22.

⁴ Донесения Усатого Кудашеву от 23 мая 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 11, 12.

⁵ Телеграмма Усатого Кудашеву от 29 декабря 1918/11 января 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 2.

⁶ Сообщение Афанасьева Кудашеву от 20 января 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 4.

ского, а также квартир и помещений в Хайларе и в российском поселке. «Переписчики, вооруженные, самовольно без ведома русских властей заходят в дома русских, требуют необходимые им сведения и осматривают квартиры. Мною заявлен протест»¹.

Итак, цицикарские власти, стремясь взять Баргу под свой контроль, делали всё, чтобы ослаблять в ней влияние России. Поводом для наращивания китайских войск, введения китайского административного и экономического контроля были беспорядки на КВЖД, вызванные российскими революционерами, а также деятельность панмонголистов в Забайкалье. В свою очередь, эти китайские меры склоняли баргинцев к сотрудничеству с панмонголистами, поддерживавшими их японцами и белыми. Следовательно, двойственная позиция баргинских властей в отношении панмонголистов, описанная выше, была связана не только с угрозой нового вторжения «харачинов», но и со стремлением избежать китайского контроля над Баргой.

Важным следствием революционного упадка России стала оккупация Китаем Внешней Монголии. В октябре 1919 г. генерал Сюй Шучжэн ввел войска в Нийслэл-хурэ и начал процесс ликвидации автономии Внешней Монголии². Это стало образцом для китайских властей, планировавших ликвидировать автономию Барги.

Как сказано выше, с 1918 г. по границе Барги с Россией баргинские караулы начали заменять на китайские. В ноябре 1919 г. на границу с Россией по р. Аргунь почти во все лавочки и поселки по монгольской стороне реки были введены китайские войска численностью ок. 2 батальонов. Все недоразумения между русскими и китайцами теперь стали решаться не через монгольские (баргутские) власти, а через китайского полковника — командира 1-го полка пограничной стражи. «Монгольские чиновники низведены на нет, а сами монголы загнаны»³.

27 ноября 1919 г. Кудашев сообщил Усатому об отмене автономии Внешней Монголии и приложил газетную статью об этом. Он указал, что аннулирование договоров произошло вследствие поданной Сюй Шучжэну монгольским правительством петиции, вызванной его угрозами. «Петиция, однако, не была, несмотря на примененное насилие, утверждена самим Хутухтой [Богдо-гэгэном VIII. — С.К.], который продолжает до сих пор относиться отрицательно к отмене автономии Внешней Монголии. При настоящей нашей слабости надо ожидать, что следующим шагом китайского правительства будет также отмена нашего соглашения с Китаем о Барге. <...> В Ваших объяснениях с баргутами по этому поводу было бы весьма желательно подчеркнуть факт насилия китайцев над монголами, уклонение Хутухты от дачи своего согласия на отмену автономии, наличие моего протеста и в особенности ту часть оно, где упоминается о нашем праве, как только признанное всероссийское правительство будет восстановле-

¹ Телеграмма Усатого Кудашеву от 10 февраля 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 6.

² Подробнее см.: Кузьмин, 2016, с. 134–145.

³ Рапорт в.и.д. управляющего Нерчинско-Заводским уездом поручика Сущева управляющему Забайкальской областью от 17 ноября 1919 г. АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 194–195.

но, выяснить свое отношение к настоящему вопросу. Такого же образа действий мы будем придерживаться, если китайцы решатся на аннулирование баргинского соглашения»¹.

Однако надежды Кудашева не сбылись. 16 декабря 1919 г. министр иностранных дел Омского правительства С.Д. Сазонов сообщал: «15 декабря мною подан пяти союзным правительствам через наших представителей протест против самовольных действий Китая в Монголии, нарушающих Русско-китайское соглашение»². Державы не стали поддерживать этот законный протест: для них отношения с Китаем оставались приоритетом перед международным правом.

Баргинское правительство тоже получило сведения о решении правительства Внешней Монголии отказаться от автономии. В связи с этим, баргинские чиновники разделились на две группы. Одна настаивала на установлении более тесной связи с китайцами — в случае надобности, путем отказа от автономных прав. Они указывали, что добровольным отказом они смогут выговорить себе больше прав, чем если китайцы сами аннулируют соглашение. Другая часть, более многочисленная, настаивала на сохранении статус-кво. На секретном совещании чинов фудутунства было решено не предпринимать шагов, которые могли бы скомпрометировать соглашение 1915 г., но на всякий случай установить более тесную связь с китайскими властями, послать в Мукден к Чжан Цзолиню чиновника с подарками и поручением разъяснить, что Барга ведет себя лояльно, оказывая всякое содействие находящимся в ней китайским войскам. С этим поручением выехал Цэнд-гун, «деятельность которого принимает всё более китаефильский характер»³.

Есть сведения, что генерал-губернатор Трех восточных провинций Чжан Цзолинь собирался отправить бывшего ургинского амбана Саньдо к Шэнфу для приведения его в покорность, поскольку он не подчинился китайскому правительству, в отличие от остальных монгольских князей⁴. Такое поведение Шэнфу отражало его политику балансирования между силами, которые определяли положение Барги. Но его дни были сочтены.

«Вчера командир 57 бригады Гэ-ин заявил фудутуну Шэнфу, что вопрос об уничтожении особого положения Барги, по его сведениям, решен, и рекомендовал ему самому, по примеру Урги, возбудить ходатайство об этом. Сегодня Шэнфу внезапно умер. Баргинские власти избрали заместителем ухэриду Гуйфу, отца Ли Цишэна, и обращаются к президенту с просьбой об утверждении его»⁵. Согласно рапорту начальника китайских войск на ст. Маньчжурия полковника Гэн Юйтяня, по словам осведомителя, Шэнфу предполагал собрать совещание хулунбуирских знаменитых старшин 15 и 16 декабря для обсуждения вопроса об отречении от автономии и подчинении Китаю, но накануне открытия совещания — 14 декабря —

¹ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 184–185.

² ГАРФ, ф. Р-200, оп. 1, д. 444, л. 1.

³ Донесение Усатого Кудашеву от 1 декабря 1919 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 67–67об.

⁴ АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 249–250.

⁵ Телеграмма Усатого Кудашеву от 14 декабря 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 37.

неожиданно скончался от болезни. Ввиду этого его заместителем стал Гуйфу, у которого и состоялось указанное совещание. Совещанием решено автономию Барги упразднить и подчиниться китайцам¹. Это наводит на мысль, что смерть Шэнфу была неслучайной, тем более что вскоре выяснилось следующее.

Было объявлено, что в совете министров Китая обсуждалась телеграмма Шэнфу о покорности Китаю, после чего там решили командировать в Хайлар чрезвычайного комиссара для ознакомления с ситуацией на месте. Однако Гуйфу сказал Усатому, что Шэнфу такой телеграммы не посылал. Для решения вопроса о подчинении Китаю и решили собрать экстренный съезд старейшин, но китайский полковник «Гон» [возможно, Гэн Юйтянь. — С.К.] настаивал, чтобы вместо съезда баргуты послали депутацию в Цицикар «с просьбой об уничтожении особого положения Барги», угрожая в противном случае репрессиями. Баргинцы все-таки собрали съезд. На нем все были настроены против китайцев. Указанный полковник побуждал их подписать петицию об отмене особого положения Барги и введении китайской администрации². Как и раньше, баргинцы спросили совета у Усатого. По его совету они решили иметь дело с Пекином, а не с провинциальными маньчжурскими властями³.

Ответ Пекина был следующим: «Ваша телеграмма от 21-го получена. Совещание хошунов о том, чтобы по примеру Внешней Монголии поступить под управление центра, показывает ваше глубокое понимание великой идеи и уважение к государственности, что весьма похвально. Действуйте надлежащим образом по соглашению с инспектором Чжаном и цицикарским командующим и пришлите официальную телеграмму для того, чтобы мы могли объявить. Посланный представитель Линшэн будет принят по его прибытии в Пекин»⁴.

По приезде в Пекин посланцы спросили Кудашева, как поступить баргинскому правительству. Он ответил, что положение в Барге определено соглашением 1915 г., поэтому оно может быть изменено лишь изменением этого соглашения, но в данный момент никакие изменения юридически невозможны. «Даже если сами баргуты того бы пожелали, и тогда я не мог бы дать свое официальное согласие на перемену постановлений соглашения 1915 г.» Баргинцы ответили в том роде, что, если вы хотите от нас заявлений о желании сохранить статус-кво, то мы их сделать не можем. Кудашев на это сказал, что они должны отстаивать свой статус-кво, а если китайцы примут непримиримую позицию, то им лучше уступить, но, во всяком случае, требовать сокращения китайских войск. Необходимо сохранить порядок и избежать кровопролития. Баргинцы спросили, нельзя ли рассчитывать на страны Антанты, чтобы они заступились за них перед Китаем.

¹ Проект Колоколова из Мукдена Кудашеву от 20 декабря 1919 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 46.

² Донесения Усатого в Пекин от 16, 17 и 21 декабря 1919 г. в миссию в Пекине, АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 254, 255, 257, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 41, 42.

³ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 48, 52–52об.

⁴ Копия перевода телеграммы совета министров Китая от 24 декабря 1919 г. на имя замещающего хулунбуирского фудутуна Гуйфу с передачей Чэндэ и прочим, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 400, л. 53об.

Кудашев их разочаровал, сославшись на прецедент с Внешней Монголией, когда державы не поддержали его протест по этому поводу¹.

Как видим, даже в условиях революционной смуты в России и продолжающихся нарушений Китаем своих международных обязательств российский посланник в Пекине продолжал отстаивать примат международного права. Вместе с тем, учитывая китайский курс на одностороннюю отмену соглашения по Барге 1915 г., он рекомендовал баргинцам пойти на уступки из гуманных соображений.

Итог был предсказуемым. Возвращаясь из Пекина, баргинские представители «в Цицикаре подписали телеграфное обращение к правительству об уничтожении особого положения Барги, выговорив себе право установить новый порядок непосредственными переговорами в Пекине. Чэндэ [Цэнд-гун. — С.К.] и Линшэн выедут сегодня не в Цицикар, а в Пекин с остановкой в Мукдене, где будут вести предварительные переговоры с Чжан Цзолинем»².

«Согласно сообщению моего секретного источника, на этих днях к Чжан Цзолиню прибыли из Хайлара посланцы хулунбуирского цзун-гуаня Гуйфу — Линшэн и Чэндэ. Эти двое делегатов объявили ему, как военному инспектору Трех Восточных провинций, что всеми отдельными родами (знаменами) Хулунбуира принято решение безусловно подчиниться Китаю и с полным отречением от своего собственного самоуправления, причем предоставить Китаю ввести в их земле такой порядок управления, какой правительство Китая считает соответствующим по своему собственному усмотрению и изволению. Речь их, как замечает Чжан в своем докладе в Пекин, была высоко искренней и почтительной, после чего он ответил им в подобающих же выражениях, выразив свою радость и удовольствие столь счастливому окончанию этого политического недоразумения. На днях эти хулунбуирские посланцы имеют отправиться в Пекин, где имеют сделать таковое же формальное заявление китайскому центральному правительству»³.

В петиции баргинцев, в частности, говорилось: «Хулунбуирский округ всегда был неотъемлемой частью китайской территории под юрисдикцией провинции Хэйлунцзян. Однажды ход событий в Урге заставил объявить независимость, а затем позже был создан особый район. Однако к настоящему времени правительство этого района не смогло достичь своих целей... Поэтому мы ходатайствуем об одобрении отмены нашего статуса как особого района и о восстановлении управлением этим районом по усмотрению центрального правительства. Русско-китайское соглашение от 6 ноября 1915 г., подписанное с целью создания особого района, должно быть также объявлено аннулированным и недействительным, и мы, монголы, добровольно отказываемся от своих прав»⁴.

¹ Письмо Кудашева из Пекина Усатому от 9 января 1920 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 401, л. 1–2об. (рукопись).

² Телеграмма Усатого в миссию в Пекине от 14 января 1920 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 401, л. 4.

³ Телеграмма Колоколова из Мукдена в миссию в Пекине от 22 января 1920 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 401, л. 5–5об.

⁴ Chang Chung-tsu, p. 8–9 — in: Liu, 1946, p. 209–210.

Данная петиция была выдержана в том же стиле, что аналогичная «добровольная» петиция властей Внешней Монголии об отмене автономии в 1919 г. Обе петиции появились под военным давлением, в нарушение международных соглашений 1915 г. Эти нарушения допустила Китайская республика, пользуясь слабостью России.

28 января 1920 г. был опубликован декрет президента Китая об упразднении особого статуса Барги. Это стало прямым следствием упразднения автономии Внешней Монголии и было проведено по сходному сценарию¹.

На следующий день Омское правительство заявило китайскому правительству: «Соглашения между государствами не могут быть расторгнуты единоличным распоряжением одной стороны. Это может случиться только при состоянии войны, какового, однако, не существует между Россией и Китаем... Россия поэтому сохраняет право выяснить свое отношение к этому вопросу, как только будет признана всероссийская правительственная власть». Была послана нота в МИД Китая, ее копии — в посольства ряда стран в Пекине. Посольства уведомили об их получении².

Российские демарши полностью соответствовали международному праву. Однако реальных результатов они не принесли. Через полтора месяца МИД Китая прислал в миссию в Пекине записку, где было сказано, что китайское правительство в отношении Хулунбуира придерживается «совершенно такой же точки зрения, как и относительно Внешней Монголии. Эта точка зрения была сообщена почтенной миссии 10 декабря мин. года, в коей было заявлено, что изменения и восстановление законоположений Внешней Монголии происходили всецело вследствие возникновения новых условий, причем в соображение принималась воля всего населения Внешней Монголии, и что к данному вопросу неприменимы указываемые почтенной миссией прецеденты уничтожения международных договоров». С Хулунбуиром — то же: это произошло по желанию местного населения, при маньчжурской династии он входил в состав одного из даотайств пров. Хэйлунцзян, «так что его положение более не может быть сравнено с положением Внешней Монголии». В этом причина несогласия китайского правительства с российской миссией³.

Данное объяснение несостоятельно. «Новые условия» не отменяли заключенных Россией и Китаем соглашений. Напротив, другие «новые условия» — распад маньчжурской империи Цин и возникновение Китайской республики — национального государства ханьцев — отменяли все обязательства Монголии и Барги в

¹ АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 401, л. 6-7, д. 1548, л. 301–302.

² Сообщение управляющего российским МИД от посланника в Пекине китайскому правительству от 29 января 1920 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 401, л. 8–8об. (рукопись, франц. перев. ноты Кудашева в МИД Китая от 29 января 1920 г. с протестом против одностороннего аннулирования особого положения Хулунбуира Китаем: там же, л. 9–11, машинопись, в осн. перев. рус. рукописн. текста; ответы из посольств в Китае Италии, Кубы, Мексики, Бельгии, Испании на получение ноты Кудашева от 29 января 1920 г., франц. яз.: там же, л. 13–17).

³ Памятная записка Вайцзябу от 11 марта 1920 г. миссии в Пекине, АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 401, л. 23–23об.

отношении Пекина. «Волей всего населения» Внешней Монголии Китай объявил позицию горстки коллаборационистов, подписавших продиктованные оккупантами условия. Эта позиция противоречила воле народа Внешней Монголии и его главы — Богдо-хана. С Хулунбуиром ситуация была такой же.

Декретами президента Китая от 5 февраля 1920 г. был проведен ряд назначений и награждений китайских и баргинских начальников. Исполнявший обязанности хулунбуирского фудутуна даур Гуйфу был назначен фудутуном и возведен в княжеское достоинство 4-й степени (бэйцзы), начальник Левого отдела Цэнд (Чэн-дэ) — в княжеское достоинство 5-й степени (чжэн-го гун); начальнику Правого отдела Багабади (Ба-га-ба-ди), ухэриде солонского Левого крыла Жун-ан'ю и ухэриде солонского Правого крыла Линшэну были пожалованы звания князей 6-й степени (фу-го гун). Четверо последних были выбраны представителями от Хулунбуира для представления петиции об упразднении особого положения этого округа. Командир 2-й кавалерийской бригады Хэйлунцзянской пров. Чжан Куйу (Чжан Куй-ву) был назначен комиссаром по обороне (чжэнь-шоу ши) Хулунбуира, дипломатический чиновник Хэйлунцзянской пров. Чжун Юй — «главнозаведующим делами реорганизационного характера»¹.

Занято, что китайский президент Сюй Шичан, упразднивший автономии Внешней Монголии и Барги, продолжил начатый Юань Шикаем фарс с раздачей ханьских феодальных титулов монголам, хотя президент республики, в отличие от монарха, феодальных титулов давать не может. Здесь, как и тогда, имитация титулатуры сословного общества использовалась для покупки лояльности нужных людей.

10 февраля баргинскими властями была получена телеграмма из военного министерства об утверждении в должности фудутуна избранного старшины Гуйфу с пожалованием титула бэйцзы. Извещение было передано через цицикарского губернатора — видимо, с целью «оттенить новый порядок сношений». Но Гуйфу послал благодарственные телеграммы непосредственно в совет министров, МВД и военное министерство Китая минуя Цицикар, «имея в виду, что новый порядок еще ничем не оформлен». Хэйлунцзянский дуцзюнь Сунь Лечэн настаивал, чтобы власть фудутуна была ограничена только внутренними делами баргутов по управлению хошунами, а сношения с иностранцами, суд и военное управление должны были быть переданы или даотаю, или уполномоченному по охране границы².

Надежды баргинских посланцев на успешность переговоров в Пекине не оправдались: там категорически отказались обсуждать вопрос о преобразованиях в Барге, отослав их в Цицикар. Новое управление округом намечалось такое: во внутренних делах баргинцев все остается по-прежнему, сохраняются все их должности, начиная с фудутуна, которые ведают всеми делами хошунного на-

¹ Декреты президента Китайской республики от 5 февраля 1920 г., АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 401, л. 18–19.

² Донесение Усатого Кудашеву от 11 февраля 1920 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 199–199об.; ф. МП, оп. 761, д. 401, л. 20.

селения, включая суд, кроме сборов пошлин, которые передаются китайскому управлению. Баргинцы могут иметь в Хайларе 200 своих солдат. Содержание баргинского управления и солдат оплачивает китайское правительство. Китайцы в Хулунбуире изымаются из ведения баргинских властей и подчиняются китайской власти трех уездных начальников: в Хайларе, Лубиньфу и Цзилалине. Для высшего управления Хулунбуиром учреждается должность уполномоченного по охране, на которую назначен Чжан Куйю. При нем — чиновник для дипломатических сношений. Он же будет ведать всеми русскими концессиями. На эту должность назначен Чжун Юй, бывший секретарь комиссара по иностранным делам в Цицикаре. «Отношение местного населения ко всему этому, конечно, враждебное и уже теперь начинают говорить о новой борьбе с китайцами, когда Россия придет в порядок и займет подобающее ей место». На всякий случай всё оружие и патроны были спрятаны в разных хошунах¹.

Примерно через полгода после этого — 23 сентября 1920 г. был издан декрет президента Китая о прекращении признания российского посланника в Пекине Кудашева и подведомственных ему консулов в качестве официальных российских представителей в Китае. Н.А. Кудашев был назначен Высочайшим приказом от 9 марта 1916 г. На принятие решения о том, чтобы прекратить его признавать, китайское правительство толкали иностранные советники. Кудашев ответил на это нотой, перечислив в ней все нарушения пекинским правительством международных договоров. 1 января 1921 г. российская миссия в Пекине во главе с Кудашевым была закрыта².

Таким образом, незаконная отмена автономии Внешней Монголии и Барги и их оккупация Китаем были логическим следствием Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Другим следствием стало закрытие российских дипломатических учреждений в Китае. В результате утратил актуальность вопрос об особом статусе Барги, определенном соглашением 1915 г. Это понимало баргинское руководство, с 1912 г. проводившее политику маневрирования между Россией, Китаем, монгольскими повстанцами и белыми, затем стремившееся подчиняться не провинциальным властям, а центральному правительству Китая, старавшееся избежать назначения в Баргу китайской администрации. Теперь оно попало в полную зависимость от местных китайских властей и сохранило компетенцию заниматься лишь второстепенными вопросами, касавшимися баргутов, дауров и солонов. Финансовые потоки были изъяты из его рук.

Но главное в том, что оно теряло возможность предотвратить китаизацию своей страны. Бывшие подданные Российской Империи больше не могли обращаться к вице-консулу Усатому и баргинским властям, защищавшим их интересы. Российское влияние и российский капитал в Барге вытеснялись китайскими. Казалось бы, баргинский вопрос решен. Однако дальнейшее развитие событий показало, что это не так.

¹ Донесение Усатого Кудашеву от 1 марта 1920 г., АВПРИ, ф. КХ, оп. 573, д. 3, л. 187–188; ф. МП, оп. 761, д. 401, л. 21–22об.

² АВПРИ, ф. МП, оп. 761, д. 243, л. 228, 246–249; Русский голос, 30.09.1920.

Глава 6

Харачинский и баргинский вопросы после 1920 г.

Внутреннее положение Барги в составе Китайской республики

Бурные годы, связанные с провозглашением независимости Барги, затем ее подчинением богдоханской Монголии, особым статусом, вторжением «харачинов», российской Гражданской войной, отменой особого статуса Китаем в 1920 г. привели к серьезным изменениям демографии и экономики края.

Теперь Барга (кит. Хулуьндао, или Хайманьдао; Хулунбуирский округ провинции Хэйлунцзян) состояла из трех уездов: Хулуьсянь-Хайларского, Лубиньсянь, Шивэйсянь и Циганьсянь. Китайскую администрацию Барги возглавлял начальник округа (даоинь), которого в просторечии называли дубанем¹. Местом его пребывания был Хайлар. На ст. Маньчжурия было отделение Хулунбуирского дипломатического бюро. Дубаню подчинялись начальники уездов, а он сам подчинялся по административной части губернатору Хэйлунцзянской пров., а как комиссар по иностранным делам был агентом МИД Китая. Управление даоиня выдавало визы на выезд из Хэйлунцзяна и Хулунбуира в другие страны, охранные листы коммерсантам для въезда во Внешнюю Монголию, паспорта лицам из полосы отчуждения. Даоиня назначали цицикарские власти и по факту он им подчинялся больше, чем МИДу. Во внутренние дела Барги даоинь не вмешивался.

Кроме китайской, в Хулунбуире была монгольская (баргинская) администрация. Все местное население края делилось на шесть «родов», во главе каждого из которых стоял ухэрида. «Род» делится на сомоны во главе с дзангинами и на хошуны. Хошунов было 18. Всеми ими ведал фудутун (как и раньше, баргинец), назначаемый центральным правительством в Пекине. В просторечии фудутуна называли амбанем. Его управление находилось в Старом Хайларе. Деловая переписка велась на маньчжурском языке, изредка — на монгольском и китайском. Управление делилось на Барун-ямынь (Правый) и Дзун-ямынь (Левый). Правый ведал административными и судебными делами, полицией и тюрьмой, Левый — финансами, налогами, хозяйственной частью. Во главе каждого стоял чжэн-тан (начальник канцелярии), обычно из баргинцев. В 1927 г. начальником Правого ямыня был баргут Багабади-гун, Левого — даур Цэнд-гун (ему было тогда ок. 50 лет). Фудутуном был даур Гуйфу-бэйсэ (ему шел седьмой десяток лет). Ямынь

¹ Баранов, 1926, с. 24. Над даоинем и фудутуном Барги находился губернатор Хэйлунцзянской (Цицикарской) пров. — У Цзюньшэн, тот самый, который когда-то воевал с Бавужавом.

содержался на налог со скота — албу. Для решения вопросов, в основном экономических, ежегодно в мае в Хайларе проходил общебаргинский съезд¹.

Влияние лам на управление в Барге уменьшалось. В ней не было высших перевоплощающихся лам (гэгэнов и хутухт), но они иногда приезжали из Пекина для благословения народа. При поездках по Барге за ними ехали российские татары и евреи-мясники, которые скупали пожертвованный скот. В Хайларе был Хулунбуирский монгольский банк, который выдавал ссуды баргинцам под шерсть и скот. Был также Монгольский кооператив, председателем которого был Ц.-Е. Цыдыпов². Были и отделения четырех иностранных банков, которые проводили операции в местных китайских долларах. Из китайских правительственных учреждений там были управление уездного начальника, почтовое и телеграфное управление, отделение управления по делам городского и поселкового хозяйства, временный комитет поселкового самоуправления, уездное полицейское управление, пошлинное бюро, 2-е отделение окружного суда Особого района Восточных провинций (ОРВП) с нотариальной конторой и регистрационным отделением, камера прокурора, арестный дом, 1-й участок 5-го отделения главного полицейского управления ОРВП, подотделение 3-го отделения железнодорожной полиции, 4-е отделение Главного земельного управления ОРВП, соляное бюро. Местный уездный начальник нес те же обязанности, что и другие уездные начальники в Китае³.

Согласно сводке по Барге за 1926 г., земледелие там началось 4–5 лет назад с наплывом эмигрантов из Забайкалья, хотя население занималось земледелием и раньше. Главнейшие причины к земледелию для эмигрантов и китайцев — отдаленность от производящих районов и дороговизна привозимого хлеба. Аренда земли гражданами СССР на китайской стороне в то время была единичной и коллективной. Последняя особенно развивалась в 1925–1926 гг. Земледелие вдали от железной дороги было более сложным из-за дальности расстояний и отсутствия прокатных пунктов инвентаря. В Приаргунье русско-китайское земледельческое население объединяло Земледельческое общество, главной целью которого было изыскание средств для приобретения сельскохозяйственных машин, орудий и инвентаря.

¹ По сведениям на 1923 г., такие съезды проводились дважды в год: один — в 4-ю луну, другой — осенью. На весенний съезд собирается много людей, на осенний (малый) — лишь до 100 «более ответственных чиновников» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 51). Проводились такие съезды и позже. Сохранились маньчжурский текст (с записью кириллицей) и русский перевод выступлений чиновников на съезде в 1929 г. (МТМ, ф. 5, д. 1, х.н. 42). Описан порядок организации таких съездов (Леонтьев, 1934, с. 86–91).

² Ц.-Е. Цыдыпов принимал активное участие в Баргинском восстании 1928 г. (УФСБ по Омской области, ф. 65, д. 140, т. 4, л. 213). После провала восстания и разочарования баргинцев в поддержке со стороны СССР Цыдыпов, который заведовал отделением Монценкопа в Хайларе, в апреле 1929 г. был арестован и доставлен в Улан-Батор через Баян-Тумэн (Сан-бэйсэ) (ИНО ОГПУ, 18 апреля 1929 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 288).

³ Выписка от 14 апреля 1927 г. об административном устройстве Хулунбуирского округа Северной Маньчжурии, АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 27–35.

Население Барги, как и раньше, состояло из оседлых, кочевых и охотничьих племен. Оседлые — русские и китайцы, кочевые — монголы (в том числе буряты) и тунгусы, охотники — орочены и якуты. Оседлые поселения располагались в пристанционной полосе (Хинган — Маньчжурия), долинах рек Аргунь, Ган, Дербул, Хаул, Хайлар, Мэргэл, Чинхэ. Остальная степная часть была населена кочевыми монгольскими народностями. В таежной части жили орочены и якуты. На 30 верст к северу от ст. Якэши обосновались полукочевые русские хозяйства (имели два стойбища — летнее и зимнее). Численность населения была 70 831 чел.: монголы — 27 662 чел., забайкальские буряты и тунгусы (эвенки, включая солонов) — 3110, китайцы — 16 987, русские — 22 658, орочены — 895, якуты — 250, прочие — 269¹.

По другим сведениям, в середине 1920-х гг. в Барге жили 65 тыс. чел.² По другим данным за тот же период, численность населения была 74,3 тыс. чел.: буряты — 20,5 тыс., чипчины и олёты — по 0,3 тыс., солонь — 4 тыс., орочены — 0,2 тыс., дауры — 1 тыс., китайцы — 30 тыс., русские — 18 тыс.³ По монгольским архивным данным, в 1923 г. население Хулунбуира составляло 83 500 чел.: бурят и баргутов — 20 тыс., чипчинов — 10 тыс., олёт — 0,3 тыс., солонов — 4 тыс., орочен — 0,2 тыс., дауров — 1 тыс., китайцев — 30 тыс., русских — 18 тыс.⁴ Советский консул в Хайларе Юлин приводил несколько другие данные: общая численность (возможно, баргинцев и китайцев) — до 35 тыс., «пришлых оседлых китайцев» — более 20 тыс., русских — до 25 тыс. Консульством в Хайларе обслуживалось до 5 тыс. чел. В Хайларе было до 20 тыс. жителей, из них ок. 7 тыс. русских и не более 2 тыс. граждан СССР⁵.

Вероятно, приведенные различия в цифрах связаны с разными методами и временем подсчетов, а также с миграциями населения.

Дауры жили у Хайлара в двух своих деревнях: Малая и Большая Лопушка, был также даурский поселок в районе ст. Чжаромтэ. Забайкальские буряты и тунгусы (эвенки) появились в Барге в 1919–1920 гг. в разгар Гражданской войны в России⁶. Следующая волна эмиграции — уже с востока Халхи — относится к 1921 г., когда вторгшийся туда из Забайкалья красный отряд М.М. Якимова занялся массовым грабежом бурят (вывезены были сотни подвод имущества, угнано множество скота)⁷. Массовый переход бурят в Баргу побудил хайларский ямынь выделить им для кочевков определенную территорию в вымирающем Олётском хошуне с неиспользуемыми пастбищами. Выбрав из своей среды ухэриду, гольду и 4 зенчиков,

¹ Материалы Экономического бюро КВЖД о Барге на 28 июля 1926 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, папка 117, д. 35, л. 2–107.

² РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 337, л. 2–8.

³ РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 335, л. 10.

⁴ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 93–95.

⁵ Отчет Юлина о деятельности консульства СССР в Хайларе за 1926 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 78–92.

⁶ С этих пор в Барге образовался центр белой бурятской эмиграции, возник филиал консервативного Цонгольского дацана — Шинэхэнский дацан (Герасимова, 1964, с. 121).

⁷ Свет, 22.04.1922.

забайкальцы образовали свой хошун, но считали свое пребывание там временным. По вере почти все они были православными, носили русские имена, в юртах имели иконы, но шаманы у них были в почете. В пристанционной полосе жили 40 тыс. чел. Большую часть китайцев там представляли торгово-промышленный класс и полиция. Барга-монголы осели только в районе Хайлара как служилый класс при монгольском ямыне, ремесленники и мелкие торговцы. В войну в Баргу мигрировало много русских. К северу от КВЖД было ок. 60 русских поселков (ок. 1050 дворов, ок. 7 тыс. чел.). В Трехречье русские эмигранты составляли 9/10 населения, китайские полицейские — 1/10. Якуты были в основном выходцами из Якутской области России¹. К 1926 г. в Хайларе уже имелось значительное советское купечество. Некоторые из этих купцов поддерживали связи вплоть до Америки и Лондона. Они искали увязки своих предприятий с хозяйством СССР².

Характер внутреннего руководства Баргой оставался прежним. Фудутун Гуйфу управлял, строго придерживаясь старых маньчжурских уставов, обычаев и т.д. Некоторые феодалы имели «половинные права автономии». У них было ок. 700 солдат-баргутов. Как и раньше, барга-буряты, барга-чипчины и солоны были недовольны даурами, занимавшими все высшие должности³.

Все мужское население Барги от 18 до 40 лет было военнообязанным. С 65 сомонов можно было мобилизовать 3575 чел. Но ежегодно в строю было гораздо меньше. Например, летом 1923 г. мобилизованных было 700 чел., зимой 500 распустили, осталось 200. Обмундирования и строевой подготовки не было, дисциплина была плохая, снабжение — от населения баранами. На руках баргинцев было ок. 500 ружей разных систем, оставшихся от прошлого восстания. Китайцы оружие не выдавали. Назначение баргинских войск было в охране границы с РСФСР и Внешней Монголией, защита от хунхузов со стороны Китая. У перевалов через Хинган и в верховьях Халхин-гола располагалось шесть караульных отрядов по 15–30 чел. В Хайларе был отряд в 200 чел., на ст. Маньчжурия — 60, на Аршане — 50⁴.

20 мая 1925 г. в Хайларе прошел баргутский съезд. В отличие от предыдущих, на нем были избраны по 1–2 чел. от каждого хошуна. Им было дано право решать все дела и потом представлять решение на рассмотрение начальников хошунов. Всего выбрали 24 чел. Было решено обучать барга-монголов военному строю (сперва 600 чел., потом еще 600)⁵. В проведении съезда появилась тенденция к демократизации.

Есть сведения и о съезде 21–31 мая 1927 г. в Хайларе. В нем участвовали 866 делегатов от 15 хошунов. Делегаты были назначены распоряжением ямыня, право

¹ Материалы Экономического бюро КВЖД о Барге на 28 июля 1926 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, папка 117, д. 35, л. 2–107.

² Политсводка консула в г. Маньчжурия Гейцмана за январь 1926 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 12–32.

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 20, л., л. 72–74; ЦАФСБ, ф. 65, д. 141, т. 2, л. 11–12.

⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 52–53.

⁵ ИНО ОГПУ, 21 июля 1925 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 3, д. 237, л. 22–23.

решающего голоса имели только высшие хошунные начальники (ухэриды, гольды — всего 16 чел.) и местные начальники «монгольского ямыня». Во время заседаний «низшая масса» не присутствовала и была во дворе ямыня. Обсуждались вопросы о сырье, о подарке Чжан Цзолиню, об открытии училищ, о замене умерших чиновников, о предохранении молодежи от «революционной заразы» (в том числе путем препятствий сношениям с Халхой), об организации племенного скотоводства, о монгольском банке. Было и одно секретное заседание (всего 5 чел.): обсуждалось, в том числе, приобретение обмундирования китайского образца (1000 комплектов) для организации собственной небольшой армии «для нынешнего смутного времени». В отличие от былых времен, съезд прошел при указаниях и непосредственном руководстве китайских властей¹.

Целью последних была интеграция Барги в Китай. Свою задачу дубань Хайлара в 1925 г. выразил так: «Безразлично, за кем последовать, лишь бы объединить весь Китай, лишь бы сохранить нацию, иначе мы не устоим против стремления великих держав разделить Китай»². В Барге быстро росло китайское военное, административное и экономическое влияние. Волна китайских переселенцев направлялась по Аргуни, к северу от Старого Цурухайтуя, к Трехречью. Китайская администрация во главе с даоинем обладала высшей властью³. К сентябрю 1923 г. в Барге было 4500 китайских солдат, 8 орудий, 18 пулеметов. В Хайларе находились штаб пехотной бригады (комбриг Чжан Минцзю), полк пехоты — 1500 чел., 6 пулеметов; полк кавалерии — 650 сабель, 6 пулеметов. В разных местах стояли баргинские части (командующий Анчуан, штаб в Хайларе) численностью 700 чел.: Хайлар — отряд в 200 чел., ст. Маньчжурия — 60 чел., Аршан (верховья р. Халх-гол) — 50 чел., Дашимак — 30 чел., мелкие отряды в караульных пунктах — 360 чел.⁴

Дисциплина в китайских войсках хромала. Например, 13 мая 1924 г. взбунтовался китайский гарнизон в Келари. Стрельба продолжалась 6 час. Были слухи, что взбунтовавшийся гарнизон разграбил лавки купцов, и 25 чел. во главе с офицером ушли в сопки. Для ликвидации бунта 16 мая из Бухэду вышла рота солдат. Наиболее вероятной причиной бунта считали невыплату жалованья⁵. На следующий год в г. Маньчжурия произошел занятный случай. «Солдаты маньчжурского гарнизона, свыше 500 чел., разбежались в разные стороны ввиду наступления сезона ловли тарбаганов. По этому последнему обстоятельству циркулирует масса слухов в городе, т.к. такого разгильдяйства даже в Маньчжурии не наблюдалось

¹ Разведсводки Монгольской Народно-революционной армии за 1926–1927 гг., разведсводка на 14 июля 1927 г., РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 842, л. 446–449.

² Политсводка Гейцмана за 19 февраля – 25 марта 1925 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 9, д. 46, п. 120, л. 33–46.

³ АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 27–35; Донесение Балдаева от 1925 г., ЦАФСБ, ф. 65, д. 140, т. 1, л. 51.

⁴ Бюлл. полпредства РСФСР в Урге от 1 сентября 1923 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 4, папка 106, д. 11, л. 172–173.

⁵ Донесение Мартынова из г. Маньчжурия особоуполномоченному НКВД СССР в Харбине Ракитину от 18 мая 1924 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 2, д. 25, л. 63.

до сих пор. Однако высшие чины гарнизона смотрят на это очень легко. Солдаты, являясь вольнонаемными войсками, уходят якобы на свободные заработки. Тем не менее, китвласти издали строгий приказ, запрещающий ловлю тарбаганов и самовольное отлучение солдат из казарм»¹.

После отмены особого статуса Барги в ней пошла китайская колонизация. В 1922 г. китайские колонисты заселили ряд поселков на Аргуни. В 1924 г. они уже собрали большой урожай, Хайлар был буквально завален пшеницей. Предполагалось, что этот урожай усилит китайскую колонизацию Аргуни. Китайцы собирались строить новую мельницу в Хайларе и привлекали для этого некоторых баргинских феодалов, чтобы крепче привязать к себе баргутов, «быстрее уничтожить воспоминание о баргутской автономии и убить тенденции к отмежеванию Барги от Китая, появившиеся у некоторых баргутских князей под влиянием успехов Монголии»². В 1928 г. проектами колонизации Барги занялся Мукден, создав там специальное бюро³.

Одной из важнейших задач китайских властей было ослабление российского, а затем советского влияния в Барге. Городок Маньчжурия оставался русским, советским, поэтому китайцы смотрели на него с опасением. Они старались китаизировать этот городок, в котором видели второй центр после Харбина на линии КВЖД. Доходило до того, что русским независимо от политической ориентации предлагалось перебраться оттуда глубже в Китай⁴.

Ослабевало и экономическое влияние россиян в Барге. Важную роль в их доходах играло рыболовство на оз. Далай-нор, которое давало ежегодно 600–700 тыс. пудов рыбы. Когда-то рыбалки там были всецело в руках русских. Японцы и китайцы стали выживать оттуда советских купцов и русских без гражданства. В 1927 г. там было 12 рыбалок, которыми владели 12 чел.: 5 — советские граждане, 7 — японцы и китайцы. Советские граждане выловили больше рыбы, чем остальные, это вызвало зависть. Обсуждался вопрос об изъятии рыбалок у советских граждан. К началу 1929 г. 33 из 60 рыбалок принадлежали китайцам. В результате хищнического рыболовства и обмеления озера рыбы в нем становилось меньше год от года⁵.

Отношения РСФСР/СССР с Китаем и Баргой в начале 1920-х гг. не были налажены, хотя представители баргинской власти по-прежнему хорошо относились к россиянам. В основном, они контактировали с теми из них, кто жил или вел дела в Барге. Постепенно налаживались отношения с советскими представителями на КВЖД. Что касается китайцев, то они лучше относились к эмигрантам, чем

¹ Донесение Гейцмана от 24 августа 1925 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 9, д. 46, п. 120, л. 186.

² Политсводка уполномоченного НКВД в г. Маньчжурия А. Мартынова за 23 февраля – 2 марта 1924 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 2, д. 25, л. 31–33.

³ Послание Козловского Охтину от 28 ноября 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, д. 5, папка 124, л. 47.

⁴ Политсводки Гейцмана из г. Маньчжурия за август и сентябрь 1926 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 124–166.

⁵ Донесение Гейцмана от 28 марта 1927 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 11, п. 145, д. 106, л. 37; Гун-бао, 13.02.1929.

к советским гражданам. «Отношения китайцев ко всему советскому далеко не на высоте и далеко не удовлетворяют меня. Во всем сквозит большое неуважение к нам. О большой нашей политике они здесь ничего не знают. Дружбе между Китаем и Союзом не придают никакого значения»¹.

Граница Барги с Россией была официально закрыта. В результате сильно развилась контрабанда. Чаще всего ездили в Хайлар: условия проезда туда были особенно удобны. Кучки вооруженных казаков из приграничных советских селений переезжали границу, чтобы пьянствовать в китайских бакалейках, расположенных вдоль нее на сопредельной территории. Советские пограничники не могли воспрепятствовать этому из-за малочисленности (1 красноармеец на 25 верст)². В ряде случаев контрабанду в Барге конфисковывали. Было много случаев конокрадства и в Барге, и в Забайкалье — в основном, в приграничной полосе. Занимались этим русские и китайцы. С советской территории лошадей и верблюдов угоняли на китайскую³.

Отношения Барги с Внешней Монголией/МНР в этот период определялись текущей политической обстановкой. В целом, контроль границы со стороны МНР усиливался. Из ямыня в Хайларе народному правительству Монголии приходили послания о том, что надо рассматривать все монгольские народы как единую нацию, связать их всех дружбой, освободить от оккупантов, найти свободу и т.п. В письмах указывалось, что монгольское правительство не даст баргинским араатам кочевать через границу, а им надо разрешить такие перекочевки. Монгольские власти отвечали, что тоже хотят этого, но, исходя из внутреннего положения в Китайской республике и внешнеполитической обстановки, ставят задачу охраны границы и недопущения таких ее переходов. Находившиеся во Внешней Монголии баргуты из Великого шаби Богдо-гэгэна VIII стали уходить в Баргу. Это вызывало беспокойство народной власти⁴.

Но основной вклад в нестабильность границы Барги и Внешней Монголии вносили белогвардейские отряды, действовавшие в Барге.

Белые в Барге

Отмена особого статуса Барги Китаем в 1920 г. не решила баргинский вопрос. КВЖД и части Барги, прилегающие к российской и монгольской границам, фактически, были вовлечены в Гражданскую войну в России, а затем — и во Внешней Монголии. Затем там концентрировались белые эмигранты.

В 1920 г. города Маньчжурия и Хайлар были переполнены беженцами из Забайкалья — как гражданскими, так и военными. Так, лишь в августе 1920 г. беженцы

¹ Политсводка консула Гейцмана за 19 февраля – 25 марта 1925 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 9, д. 46, п. 120, л. 33–46.

² Политсводка А. Мартынова за 15 января – 1 февраля 1924 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 2, д. 25, л. 6а–13.

³ АВПРФ, ф. РК, оп. 12, папка 16, д. 26; оп. 11, папка 13, д. 20.

⁴ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 89–90.

из Читы жили в основном в вагонах (занимали до 300 вагонов на ст. Маньчжурия), эвакуировались вглубь Маньчжурии¹. Уже в 1921 г. в г. Маньчжурия работали 1115 торгово-промышленных предприятий. Вместе с тем, наплыв туда более 20 тыс. беженцев, многие из которых потеряли всё, вызвал резкий рост преступности².

В Хайларе тоже было много беженцев и активно шла деловая жизнь. Там совершались крупные сделки по снабжению белых в Забайкалье продуктами, создавались предприятия для их снабжения³. Борьба белых и красных затрагивала и иностранцев. Например, попытка японцев вывезти по КВЖД из Хайлара в Маньчжурию группы арестованных большевиков 11 и 12 апреля 1920 г. привела к перестрелке японцев с чехословацкими и китайскими войсками. С обеих сторон были убитые и раненые. 13 апреля инцидент был улажен, чехословаки предоставили для перевозки бронепоезд⁴.

После того как красные вытеснили из Забайкалья белых, последние занялись переформированием своих сил, отступивших в Маньчжурию и Баргу. Последняя стала одним из очагов белого партизанского движения. В январе 1921 г. начальник китайских охранных войск КВЖД издал приказ, что против налетов на дорогу будут приняты меры, а все отряды белых, появляющиеся на дороге или в полосе отчуждения, будут разоружаться и предаваться военно-полевому суду⁵.

В начале 1921 г. в районе п. Маньчжурия генерал Мациевский и полковник Хребтов из оставшихся 560 татар Уфимской стрелковой дивизии сформировали 2-й Маньчжурский стрелковый полк. Он был включен в состав формировавшейся в Цицикаре 2-й Маньчжурской дивизии наряду с Цицикарским стрелковым полком. Здесь же располагалась 1-я Забайкальская пехотная дивизия. Были сведения, что, помимо этого, в Хайларе существовала целая артбаза, которая снабжала также белых в Монголии. Хотя сведения об артбазе не подтвердились (Унгерн не получал снаряды и орудия из Барги), эти данные свидетельствуют о концентрации там сил белых. Кроме того, в Хайларе с конца 1920 г. размещался особоуполномоченный атамана Семёнова — генерал-майор С.А. Бирюков. Позже, в январе 1922 г. там разместился штаб генерал-майора Ф.К. Мыльников (бывший командир 1-го Забайкальского казачьего артиллерийского дивизиона ОМО), которого Семёнов назначил командующим Забайкальским фронтом⁶.

После освобождения Внешней Монголии от китайской оккупации бароном Р.Ф. Унгерном в 1921 г. в Барге, по китайским сведениям, шайки монголов стали грабить население, начались стычки войск хулунбуирского гарнизона с ними⁷. Агентство Дальта объявило, что после взятия Урги бароном в Хайларе стали распространяться погромные прокламации, панические настроения, что грядут

¹ Новости жизни, 8.08.1920.

² Мелихов, 2003, с. 203–204.

³ Новости жизни, 19.09.1920.

⁴ Восточная окраина, 21.04.1920, 22.04.1920.

⁵ Боец и пахарь, 11.01.1921.

⁶ Смирнов, 2019, с. 257, 260.

⁷ Дальневосточная трибуна, 26.04.1921.

массовые аресты всех русских, кого заподозрят в поставке оружия и снаряжения монгольским повстанцам; часть русского населения опасалась, что китайцы не смогут остановить движение унгерновцев на Хайлар, и в панике бежала¹. Но очевидцы сообщали, что это неверно: таким образом трактовался наплыв беженцев из Забайкалья, которые далее направлялись в Харбин².

Однако положение белых в Барге стало двусмысленным. С одной стороны, там действовали их организации и агенты, которые поддерживали контакты с «губернатором» Чжаном Куйу и некоторыми другими китайскими военными, которые сочувствовали барону. С другой стороны, китайцы по указаниям правительства время от времени преследовали унгерновцев и семеновцев. Весной 1921 г. пекинские власти приказали арестовывать белых офицеров в Хайларе³. Были сведения, что там ведется вербовка беженцев в войско Унгерна⁴. Летом 1921 г., когда войска Унгерна вели бои с красными в Забайкалье и Монголии, положение белых в Хайларе ухудшилось. Китайские власти, недовольные большим скоплением в Хайларе семеновцев, решили выслать их в Приморье. Некоторые офицеры за недовольство были арестованы и отправлены в Цицикар, некоторые там расстреляны. Комитеты Бунда — социалистической еврейской партии — энергично занялись доносами китайским властям в Хайларе, что также вело к арестам белых офицеров. В частности, этим занимались евреи, служившие Унгерну — М. Жуч и Л. Вольфович, прибывшие в Хайлар⁵. Чжан Куйу, по видимому, не мог или не хотел пресекать эти действия.

Унгерн пытался наладить снабжение своей дивизии в Халхе через Баргу. На станциях КВЖД формировались склады, поддерживалась связь с Хайларом и Харбином⁶. В Хайларе была офицерская организация во главе с генералом Бирюковым, пытавшаяся организовать снабжение унгерновцев продовольствием⁷. В Маньчжурии в 1921 г. действовали вербовочные пункты Унгерна во главе с есаулом Кубанцевым⁸. В Хайларе и на концессиях, прилегающих к КВЖД, комплектовались отряды⁹. Очевидно, снабжению мешала эпидемия чумы, из-за которой выставлялись кордоны. Эпидемия появилась в августе 1920 г. на правом берегу р. Аргунь и к зиме 1920–1921 гг. распространилась до п. Маньчжурия, на запад от Хайлара, проникла в ДВР. Вначале она возникла в Харбине в бубонной форме, затем распространилась на запад в легочной форме, причем смертность составляла 100%¹⁰. Однако во

¹ Свет, 21.04.1921; Прибайкалье, 24.04.1921.

² Свет, 23.04.1921.

³ Вперед, 16.03.1921.

⁴ Свет, 12.05.1921; Дальневосточная трибуна, 21.05.1921.

⁵ Красное Прибайкалье, 24.06.1921; Свет, 29.06.1921, 16.08.1921; Набат, 20.08.1921.

⁶ Шанхайская жизнь, 18.05.1921.

⁷ Правда, 2.02.1921; Известия, 6.02.1921.

⁸ РГВА, ф. 185, оп. 3, д. 537, л. 46; АВПРФ, ф. 04, оп. 29, п. 192, д. 234, л. 13.

⁹ Дальневосточная трибуна, 21.05.1921.

¹⁰ На Джалайнорских копиях только 20 января 1921 г. заболело легочной чумой 50 чел., 21 января — 43. На убывь эпидемия в Джалайноре пошла в феврале (Прибайкалье, 1.02.1921, 5.02.1921, 23.02.1921).

Внешнюю Монголию она не проникла — возможно, благодаря изоляции Унгерна со стороны китайских властей.

Во время боев Азиатской дивизии с войсками красных китайский штаб на ст. Маньчжурия в июле 1921 г. решил усилить охрану КВЖД и произвести усиление китайского гарнизона, чтобы воспрепятствовать проникновению войск Унгерна из Внешней Монголии¹. Это неудивительно: по донесениям секретных агентов китайскому правительству, Унгерн ранее собирался захватить станции Маньчжурия, Хайлар, Цицикар и Харбин². Эти сведения не подтверждаются документами. А после поражения от красных в 1921 г. войска Унгерна ушли в Баргу и оттуда по КВЖД направились на российский Дальний Восток. Содействие в этом оказал Чжан Куйу. Белые в Барге продолжали свою деятельность.

В 1921–1922 гг. в область Трехречье на севере Барги, где было много поселений русских, не принимавших советскую власть, вторгались красные партизаны из Забайкалья. Несколько поселений было разгромлено. 28 апреля 1922 г. в г. Маньчжурия приехал цицикарский военный губернатор У Цзюньшэн — формально для инспекции китайских охранных войск, но, видимо, для проверки слухов о предполагаемом занятии Маньчжурии и Хайлара войсками ДВР. Местные правые организации русских предлагали ему услуги по отражению наступления красных, указывали, что у них имеется 1500 чел., которые смогут дать отпор, получив от китайцев оружие³. 29 июня в Маньчжурию из Хайлара приехал «начальник Хулунбуирского округа Чен-тин-хын». По его словам, генералу У он доложил о предложении переговоров цицикарского губернатора с представителями Забайкальской и Амурской областей. Генерал ответил, что этому сейчас мешает его отъезд в Мукден, но можно провести переговоры позже. «Чен-тин-хын» обещал принять предупредительные меры против вступления белых отрядов в ДВР и заверил, что в его округе выступления белых невозможны⁴.

Тем не менее, определенная угроза для ДВР существовала. В Барге (Маньчжурия, Джалайнор и Хайлар) была белогвардейская организация во главе с генералом И.Ф. Шильниковым. Ее целью было наступление на ДВР. В нее вербовали казаков и солдат бывших семеновской, унгерновской и каппелевской армий. В организации имелаась контрразведка во главе с бывшим статским советником И.И. Куликовым. Его помощниками были поручики И.Н. Эпов и Фролов. Проводилась скупка лошадей, седел и оружия. В г. Маньчжурия было завербовано до 500 чел. пехоты и 200 кавалерии. Почти все они были расквартированы по частным квартирам. Гарнизон Джалайнора состоял из 200 чел. кавалерии и 300 пехоты, в Хайларе — столько же. Начальником гарнизона в Джалайноре был

¹ Амурская правда, 12.07.1921.

² Дальневосточная трибуна, 20.05.1921.

³ Телеграмма Похвалинского Янсону от 1 мая 1922 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 9, п. 1, л. 37–38.

⁴ Телеграмма Похвалинского министру иностранных дел ДВР от 4 июля 1922 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 9, п. 1, л. 48–50.

полковник Малков. У китайцев были довольно детальные сведения об этой организации — кто где живет, у кого хранится оружие и т.д.¹

11 августа 1922 г. Похвалинский встречался с представителем китайского комиссара по иностранным делам на ст. Маньчжурия «Ци-Джао-юй», с которым говорил о выдаче подлинников документов по делу генерала Шильникова. Комиссар отказался дать оригиналы документов, поскольку Шильников арестован и находится под судом. Но затем дал возможность снять копии. Из них выяснилось, что деньги для организации отпускали Шильников и японская военная миссия. Красные узнали также о личном составе 1-го, 2-го и 3-го районов белоповстанческих организаций (фамилии командиров, станции где находятся, численность отрядов — 7–180 чел.), их общей численности (1878 чел.), местонахождении ячеек, расходовании денег повстанцами².

В июле 1922 г. отмечались локальные бои между войсками ДВР и белыми партизанами³. В боях против белоповстанческих отрядов по 150–200 чел. участвовали советские калмыки, прикомандированные к Монгольской народно-революционной армии (МНРА)⁴. Осенью у границ были стычки армий ДВР и Монголии с пришедшими из района Хайлара отрядами Шильникова. Они заняли некоторые села Забайкалья⁵. Японские СМИ сообщали о том, что в Корее концентрируются белые (до 7 тыс. чел.), которые с помощью Японии придут в Монголию⁶.

В октябре 1922 г. руководство Забайкальского фронта приняло решение выступить всеми имевшимися силами в Забайкалье. На советской территории это выступление должны были поддержать белые партизаны Гордеева и есаула Токмакова, стоявшие у границы. «На момент готовившегося выступления Забайкальский фронт включал в себя две войсковые группы: Хайларскую и Маньчжурскую. Штаб Хайларской группы размещался в районе Хайлара, возглавлял группу генерал Мациевский. Группа была сформирована из двух бригад, составленных отдельными отрядами: 1-я бригада (Аргуньская группировка) под командованием полковника Зимина численностью в 50 штыков и 755 сабель; 2-я бригада (Хайларская группировка) под командованием генерал-майора П.А. Федосеева численностью в 540 штыков и 90 сабель. Маньчжурская группа с центром на ст. Маньчжурия находилась под командованием генерал-майора А.Г. Сабеева и была представлена 3-й бригадой (комбриг — генерал-майор М.Е. Золотухин) численностью в 430 штыков и 770 сабель». В целом, личный состав подразделений Забайкальского фронта не превышал 3000 чел., ощущалась острая нехватка оружия и денег. Весь старший командный состав Хайларской и Маньчжурской групп составляли семеновцы, не испытывавшие большого желания работать под руковод-

¹ Телеграмма Похвалинского комиссару по дипломатическим делам Хулунбуирского округа от 19 июля 1922 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 9, п. 1, л. 51–52.

² АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 9, п. 1, л. 53–64.

³ Слово, 22.07.1922.

⁴ Бимбаев, 1970, с. 40–64.

⁵ Например, Соловьев А. Захар Гордеев...; Соловьев, 2011.

⁶ Бюлл. МОНТА, № 39, 23.11.1922; № 53, 7.01.1923, № 41, 30.11.1922.

ством Шильникова¹. По агентурным данным и сведениям войсковой разведки на ноябрь 1922 г., вся пограничная полоса ДВР до ст. Мангутская была занята отрядами белогвардейцев².

В планы организации во главе с Шильниковым входило также свержение народного правительства Внешней Монголии. Одним из организаторов был унгерновец полковник Очиров. Будучи арестован, он на допросе 25 мая 1923 г. показал: «В ноябре месяце 1922 г. я получил задание от организации Шильникова поехать в район реки Онон для организации восстания против советской власти. Токмаков и Гордеев с отрядами около 200 человек находились в районе озера Кукунор, и из Маньчжурии должен был выступить в ноябре месяце полковник Кобылкин с отрядом около 100 человек. Все эти три отряда находились вместе за озером Кукунор и ожидали средств от Дитерихса, чтобы затем направиться в район реки Онон для полного сбора организации. С Онона эти отряды одной группой должны были отправиться, левее ж.д. из района Маньчжурии одновременно должны были выступить генерал Шильников с отрядом более полка — 100 чел. Полк[овник] Токмаков в беседе со мной говорил, что в Монголию должен был выступить из Хайлара генерал Мыльников с Забайкальской дивизией и занять Ургу, с ним же генерал Мациевский и есаул Тапхаев. Для организации восстания в Чите был назначен есаул Трухин. Формирование всех белогвардейских частей и мобилизованных посланными организаторами имеющихся частей для отрядов в районе Онон должно быть закончено не позднее декабря 1922 г. Организатором белоповстанческого движения во втором отделе Забайкальской области был назначен штабом организации хорунжий Топорков, а в Монголию — прапорщик Бадмаев». Во Внешнюю Монголию белые проникали также из Забайкалья³.

В инструкции белоповстанческой организации Шильникова об отношении к местному населению (подписал начальник штаба полковник Трухин) говорилось, что главная цель организации — «составить кадры будущих строевых частей для борьбы с большевиками, когда начнется общее восстание». Действия должны быть такими, чтобы местное население смотрело на белоповстанцев, как на защитников. Мародерство и грабеж должны пресекаться самыми решительными мерами вплоть до расстрела. Всем белоповстанцам запрещалось применять к населению порки и прочие насилия и обиды, запрещалось проявлять чувство мести, брать от населения что-либо бесплатно⁴.

Базу Шильникова составляли созданные его людьми селения по р. Ган примерно в 200 верстах от Хайлара. Китайцы, обеспокоенные его действиями, предложили ему добровольно разоружиться. Шильников и его сподвижники прибыли

¹ Смирнов, 2019, с. 262–264.

² Доклад полпреду в Урге Любарскому от главкома Максаржава, начальника главного штаба МНРА Попова-Раменского, председателя военного совета Ринчино от 2 ноября 1922 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 4, папка 105а, д. 1, л. 114–115.

³ Меморандум особого пограничного отделения № 1 Прибайкальского губотдела ГПУ от 1 сентября 1923 г., ЦАФСБ, ф. 65, д. 17, л. 108.

⁴ ЦАФСБ, ф. 65, д. 17, л. 178.

для переговоров, были окружены и арестованы китайцами. Затем Шильников содержался в тюрьме в Хайларе. Его отряд состоял из трех групп. Одной из них (200 чел. под командой Размахнина) удалось скрыться¹.

«Намеченное выступление Забайкальского фронта так и не состоялось. Советская сторона нанесла превентивный удар, координируя свои действия с китайскими властями. Китайцы провели ряд арестов, взяв под стражу генерала Шильникова (находился в тюрьме до начала 1925 г.), полковника Трухина, сотника Пальшина и др. Генерал Золотухин, его жена и брат были убиты советскими агентами на ст. Маньчжурия». Генерал Вагин выехал в Харбин, откуда, под угрозой ареста, вместе с семьей перебрался в Японию, затем — в США. Аресты проводились также в Хайларе и близлежащих поселках².

Хотя общее наступление и было сорвано действиями советских и китайских властей, белоповстанческие отряды не прекратили существование. К сентябрю 1923 г. из 6000 «бандитов» Дальнего Востока в районе г. Маньчжурия находились отряды полковника Размахнина — 600 чел. у р. Ган, штабс-капитана Ковалева — 16 чел. в районе Хайлара, есаула Болото-Бессонова — 35 чел. у Нерчинска, есаула Воробьева — 40 чел. в 150 верстах севернее ст. Маньчжурия, прапорщика Вершинина — 10 чел. в Барге у границы Внешней Монголии и т.д.³

Во второй половине августа 1923 г. на восточной границе Внешней Монголии «значительно усилился бандитизм, перешедший в открытые военные действия». Группа в 7 чел. напала на пост Кукунор, ранила одного солдата и скрылась. На следующий день три «бандита» были арестованы и доставлены в Ургу. Из допроса выяснилось, что в этом районе действует отряд в 60–80 чел. под командой Гордеева, расположенный у Далай-нора, часть — у Джалайнора. Они вооружены винтовками. 300 «бандитов» напали на баргинский пограничный пост, убили 3 баргутов, 1 ранили и, забрав оружие, скрылись на территории Внешней Монголии. Затем они напали на пост Кукунор, но части МНРА при перестрелке нескольких убили, двоих ранили. Оставшиеся бежали в район Акши в Забайкалье⁴.

Осенью 1923 г. в районе Далай-нора находилось 5000 чел. пехоты, кавалерии, артиллерии китайских войск под командованием генерала Тин Мена (он же — начальник гарнизона). Войска были плохо обучены, не дисциплинированы. В последнее время они не снабжались продовольствием, поэтому оружием вымогали его у населения. Полковник Тирбах и Афанасьев из Хайлара выехали в южном направлении (в Монголию) для агитации и организации отряда баргутов с помощью «баргутского князя (имя неизвестно)»⁵.

¹ Бюлл. МОНТА, 7.01.1923.

² Смирнов, 2019, с. 262–264. Позже китайские власти сняли с Шильникова, Трухина и Пальшина обвинение в «политическом бунте против Китая». Шильников был освобожден по амнистии (Заря, 27.07.1923, 22.01.1925).

³ Меморандум ИНО ОГПУ от 1 сентября 1923 г., ЦАФСБ, ф. 65, д. 17, л. 287.

⁴ Сводка ИНО ОГПУ к 15 сентября 1923 г., ЦАФСБ, ф. 65, д. 17, л. 250 — в кн.: Монголия в документах..., 2019, с. 49.

⁵ Сводка КРО ПП ОГПУ по Сибири, сентябрь–ноябрь 1923 г., ЦАФСБ, ф. 65, д. 17, л. 322.

На ст. Маньчжурия подготовительную работу против красных вели Мыльников и Беломестнов, приезжал унгерновец Погодаев. Они скупали оружие, лошадей, вербовали людей для отправки в Шитоухэцзы, для работы на концессиях, обещали с наступлением весны выступить на Амур (где было «кулацкое восстание») или на Приморье. Вербовались только холостяки, офицерам обещали 45 долл. в месяц, солдатам — 25 долл., перевозка по КВЖД — бесплатно. Центр управления вербовкой и покупкой лошадей находился в Харбине. Распространялись прокламации. Конная милиция в Маньчжурии состояла только из белогвардейцев. В Хайларе работу белых возглавляли братья Почекунины, вербовка и покупка лошадей велись Мациевским и Шемелиным почти открыто, при содействии китайцев. С помощью земельного отдела КВЖД из Хайлара на вербованные там белые и лошади направлялись в Шитоухэцзы, где находилась главная база белых. Китайцы занимали выжидательную позицию, настороженно относились ко всему советскому. После разгрома отряда Шадрина другие отряды белых вдоль советской границы особой активности не проявляли. Наиболее крупным теперь был отряд Размахнина (150 чел.). Он находился в 150 верстах от советской границы в верховьях р. Дербул, жил на положении мирных жителей в беженских поселках. Все белые ждали весны, надеясь, что в разных частях Забайкалья будут восстания¹.

14 апреля 1924 г. состоялось совещание белых, на котором присутствовали Гордеев, полковники Размахнин, Деревцев, Гладышев и неизвестный офицер из Харбина. На совещании Гордеев призвал к объединению, предлагая все споры отложить до свержения большевиков. Самой солидной оказалась организация Размахнина на р. Дербул. Совещание насчитало 500 членов организации, которых можно было перебросить в Забайкалье. Разрабатывался план вторжения туда, часть отрядов была переброшена к границе. Сам Гордеев собирался двинуться во Внешнюю Монголию. По мнению белых, положение в Забайкалье было благоприятным для вторжения: некоторые селения испытывали недостаток в семенах для посева, из-за чего было недовольство властью, которое разжигалось прокламациями белых, отправляемыми через контрабандистов. Красные гарнизоны были сильно ослаблены вследствие демобилизации. Однако в г. Маньчжурия работа белых велась малоактивно².

Весной 1924 г. на юге Барги, появилась «банда» в 400 чел. из китайцев и «харацин» с участием русских и японцев. Был сильно разграблен один из узэмчинских хошунов³ — как в 1917 г. Неизвестно, была ли связана эта «банда» с планами вторжения в Забайкалье.

По сведениям красных, по состоянию на 1924 г. для японцев в Барге главным оперативным центром была не Маньчжурия, а Хайлар, где условия экономиче-

¹ Политсводки уполномоченного НКВД в Маньчжурии Мартынова за 15 января — 1 февраля, 23 февраля — 2 марта 1924 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 2, д. 25, л. 6а–13.

² Политсводки Мартынова из г. Маньчжурия за 3–25 апреля, 25 апреля — 15 мая, 15 ноября — 15 декабря 1924 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 2, д. 25, л. 47–53, 111–115.

³ АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 2, д. 25, л. 73–79.

ской и политической разведки в Монголии были гораздо лучше. Вдобавок Хайлар был постоянным «осиным гнездом белогвардейщины». По мнению уполномоченного НКВД в Маньчжурии А. Мартынова, это говорило в пользу открытия советского консульства в Хайларе наряду с уже существовавшим в Маньчжурии¹. Гейцман писал Чичерину 7 июля 1925 г.: «Считаю необходимым указать еще раз, что открытие консульства в Хайларе является срочным делом и отлагать его не следует»². На следующий год консульство там было открыто.

Летом 1924 г. несколько отрядов белых партизан вели боевые действия в Забайкалье, куда проникли из Барги. В 20-х числах мая китайцы послали на р. Ган полицейский отряд в 40 чел. для ликвидации отряда З.И. Гордеева. Однако узнав, что его отряд насчитывает 100 чел., китайцы испугались и вернулись в Хайлар. 30 мая отряд Гордеева (ок. 300 чел.) в районе Ново-Цурухайтуя перешел Аргунь и направился к Сретенску. Через три дня в Забайкалье ушли с р. Ган полковник Деревцев и генерал Мыльников, которые связи с Гордеевым не имели. Гордеев у Сретенска был окружен красными частями, отряд Деревцева был разбит, сам Деревцев убит, Мыльников от отряда бежал³.

В том же 1924 г. благодаря эффективной деятельности советских спецслужб и усилиям китайских властей в г. Маньчжурия были ликвидированы крупные белоповстанческие формирования⁴. Но более мелкие формирования действовали и позже. Так, 25 сентября 1925 г. «банда» Топоркова в 40 чел., вышедшая из г. Маньчжурия в Монголию, уничтожила по пути монгольский пост Якчи-Яман, забрав 8 винтовок и 400 патронов. Затем «банда» разделилась на две группы по 20 чел. Первая ушла к «Хиригиванскому хребту», двинулась на п. Джидинский⁵. Несколько раньше, в середине апреля 1925 г., белые сформировали другой партизанский отряд, чтобы перейти границу и вызвать движение в Забайкалье. Однако после исчезновения З.И. Гордеева отряд расформировался⁶.

Куда исчез З.И. Гордеев? Согласно донесению Гейцмана завконсчастью чрезвычайного представительства СССР в Китае Розенбергу (1926 г.) со сведениями об аресте и допросе Гордеева, 12 апреля резидент, работавший в советском консульстве в г. Маньчжурия, сумел арестовать Гордеева через посредство китайской полиции и вывести его через Джалайнор. Китайская полиция была «подкуплена нами». Гордеева вывезли через Абагайтуй в СССР и передали советским властям на ст. Мациевская, препроводили в Даурию для передачи суду в Чите. «Всё дело обошлось в 500 мексиканских долларов и действовали ребята на редкость чисто. На допросе в Даурии Гордеев почти ничего не отрицал, гордо назвал себя монархи-

¹ Политсводки Мартынова из г. Маньчжурия за 3–25 апреля, 25 апреля – 15 мая, 15 ноября – 15 декабря 1924 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 2, д. 25, л. 47–53, 111–115.

² Донесение Гейцмана Чичерину от 7 июля 1925 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 9, д. 46, п. 120, л. 165.

³ Политсводка Мартынова за 15 мая – 13 июня 1924 г. Карахану, особоуполномоченному НКВД в Харбине Ракитину, АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 2, д. 25, л. 67–69.

⁴ Смирнов, 2019, с. 262–264.

⁵ Выдержка из оперативно-разведывательного отчета по СибВО от 7 декабря 1925 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 9, д. 46, п. 120, л. 304.

⁶ Политсводка Гейцмана за 25 марта – 1 мая 1925 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 9, д. 46, п. 120, л. 58–75.

стом, каковым он и умрет. Показания его с нашими сведениями разошлись только в одном: отряд его состоит не из 150 чел., как мы считаем, но всего только из 15. Гордеев производит весьма благородное впечатление, человек значительной воли и ума. Держится с большим достоинством, отвечает смело на все вопросы и готов умереть за свои убеждения. Арест его произвел огромное впечатление на всех белых. <...> Лично я и консульство в этом деле совершенно не участвовали, и едва ли сможет кто-либо обвинить или даже заподозрить консульство в этом. Морально же я, разумеется, оказал ребятам всякое содействие вплоть до того, что из сумм консульства одолжил им 500 руб. и у одного буржуа достал для них автомобиль для операции»¹.

Итак, советские спецслужбы при содействии совконсульства провели спецоперацию по похищению и вывозу З.И. Гордеева из Барги, используя коррумпированность китайской полиции. Этот случай похищения и вывоза был не единственным (см. ниже).

Победа Чжан Цзолиня в войне с пробольшевистски настроенным генералом Фэн Юйсяном в 1926 г. пробудила у белых новые надежды. Используя предполагавшееся наступление Чжан Цзолиня на МНР, белые мечтали отрезать Забайкалье и оказаться в Верхнеудинске. Генералу Шильникову удалось организовать более-менее серьезную информационную связь, завербовать несколько десятков человек, получать регулярные сводки из г. Маньчжурия для Мукдена².

После открытия консульства в Хайларе к борьбе с белыми активно подключился консул Юлин, затем — его преемник Аникин. Полиция в Хайларе возглавлялась белыми, местные китайские власти в лице прокурора, судьи и т.д. зачастую «находятся положительно в плену у белых руководителей полиции... Все старания Консульства наладить нормальные взаимоотношения с властями сводятся в конце концов к борьбе с белыми, на что со стороны Консульства неоднократно указывалось даоиню, но безрезультатно. < > Полицейский режим в Хайларском округе превосходит в отношении бесчинств, грубости, самоуправства большинство районов Маньчжурии. Наличие в рядах полиции самых ярых черносотенцев — русских эмигрантов, связанных со всевозможными белыми организациями и являющихся их агентами в борьбе против Соввласти и к тому же состоящих на службе в полиции у китайцев, дает им большие возможности в смысле борьбы с “красной опасностью”. <...> Бороться с этим положением путем влияния на китайцев невозможно, т.к. последние всецело в руках русских. Многие из русских полицейских прекрасно владеют китайским языком, в то время как у нас даже у Консульства отсутствует переводчик, и мы невольно тоже попадаем в зависимость так называемых драгоманов, конечно, больше связанных с белыми, чем с нами. <...> Наши письма к даоиню не достигают желательных результатов (ответов на них мы вообще не получаем)»³. Однако со-

¹ АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 4, д. 51, л. 28–31.

² Политсводка Гейцмана за апрель 1926 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 72–89.

³ Отчеты Аникина о деятельности консульства в Хайларе за январь и март 1928 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 12, папка 15, д. 19, л. 2–4, 8–10.

ветские консулы не прекращали просьбы к китайским властям более энергично давить на белых¹.

Юлин достал копии переписки организации И.Ф. Шильникова. В ней содержались важные сведения, которые стали использовать красные. Например, Шильников писал, что в округе в 1920 г. осели беженцы из Забайкалья, которые в основном рассеялись отдельными хуторами по рекам Ган, Дербул, Хаул, Аргунь, Мерул (ок. 5000 чел.), много осталось на станциях КВЖД от Маньчжурии до Хингана (ок. 3000 чел.). Большинство — казаки и буряты, остальные — крестьяне. Шильников привел сведения об их хозяйствах, особенно в Трехречье. В районе станций Чжаромтэ и Якэши монгольские и местные китайские власти запретили им сеять хлеб: монголы мотивировали это тем, что по примеру русских придут китайцы и распадут много земли, лишив их пастбищ. Налоги на скот, пашни и сенокосение были очень высокие. Работа большевиков была направлена на взятие под контроль эмигрантов. Трехреченские эмигранты были яркими противниками большевиков. Писал Шильников и о деятельности концессии Воронцова, давал предложения китайским властям по политике в отношении беженцев и по развитию их хозяйств².

Теперь красные знали, что главные центры (группы) организации Шильникова находятся на концессии Воронцова на ст. Якэши, Джалайнорских копиях, самый интересный для них район — Трехречье, заселенный беженцами из Забайкалья. В Джалайнорских копиях работало несколько сот бывших белых солдат, влияние советского консульства там было невелико. С открытием консульства в Хайларе там стала проводиться большая работа резидентурой ГПУ. Юлин советовал проводить работу также по рядовым представителям белых армий, которая еще не проводилась. Он советовал «сделать нажим» на гражданина СССР Воронцова, чтобы тот брал на работу или граждан СССР, или китайцев. Юлин рекомендовал также разлагать группы белых, просить Гуйфу всячески препятствовать негражданам СССР (главным образом, жителям Трехречья) косить сено и выпасать скот в монгольских степях³.

В 1929 г. произошел советско-китайский конфликт на КВЖД (подробнее см. ниже). Незадолго до его окончания, осенью 1929 г., ГПУ провело карательную акцию против мирного русского населения Трехречья, которое не приняло советскую власть и поддерживало белых партизан⁴. После конфликта 1929 г. советское

¹ Например, донесение консула в Хайларе зав. 2-м Восточным отделом Козловскому от 21 марта 1930 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 14, п. 160, д. 7, л. 1–1об.

² Копия записки И. Шильникова об улучшении и развитии сельского хозяйства русских эмигрантов в Хулунбуирском округе для доклада инженера Б.В. Остроумова главноначальствующему Особого района Трех восточных провинций генералу Чжан Хуансяну, 1926 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 12–15.

³ Политсводка Гейцмана из г. Маньчжурия за февраль 1926 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 33–53; Донесение Юлина из Хайлара полпреду в Китае Карахану от 20 мая 1926 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 9–11.

⁴ Подробнее о Трехречье см.: Кормазов, 1929; об инциденте в Трехречье см.: Балмасов, 2013; Кротова, 2014. Некоторые участники карательной акции красных попали под суд — напр., пе-

влияние в Барге ослабло, хотя конфликт был урегулирован благодаря победе советских войск над китайскими.

После этого в Хайларе почти все белогвардейские активисты вернулись на свои места. Главным у них стал Пинегин (унгерновец Пинигин?), «умный и корректный человек». Иногда Хайлар посещал Н. Гордеев, под командой которого был Отряд борьбы с 3-м Интернационалом. Основных белых отрядов в Барге было два: Пешкова (в Трехречье, особой активности не проявлял) и Зыкова (до 80–100 сабель, действовал у границ Халхи, затем, по слухам, распался на мелкие группы вдоль КВЖД). Зыковцы ограбили и убили 22 китайца под Хайларом. Китайцы были бессильны в борьбе с «бандами». Белые партизаны заставляли русских жителей в селениях вставать в свои ряды¹.

Затем в Барге осталось три главных белых «банды» — Пешкова, Зыкова и Алла-Верды. От последнего все белые открещивались, заявляя, что его не признают и не знают. Эти «банды» убивали китайцев, грабили русских рабочих и давали расписки в том, что убытки могут покрыть в Хайларском и Маньчжурском консульствах. Сбитые с толку китайцы считали, что эти консульства повинны и имеют свои «банды». Видимо, самым крупным был отряд Пешкова — ок. 200 чел. при 2–3 пулеметах; основное вооружение — берданки — были сменены на японские винтовки; обмундирование было хорошее. Белые всё получали в Хайларе через японского доктора «Лио»².

Отряд Зыкова состоял из бурят, пришедших из МНР, и русских. В нем было 250–300 сабель при 3 пулеметах Максима. В 1930 г. Зыков двинулся из Барги в Джоудаский сейм Внутренней Монголии, имея рекомендательное письмо от князя сейма к его заместителю об оказании помощи в деле формирования частей. Были сведения, что дал письмо и Панчен-лама. Китайцы были непригодны к борьбе с партизанами: группу в 10–15 чел. пытались брать целым полком. В Хайларе находился японский разведчик, офицер генштаба Семида, который служил в отделении магазина Мацууры. Полковник Мацуура, организатор планов набегов на Халху, приезжал в Хайлар³.

В тот период фудутун Хулунбуирского округа — старик Гуйфу «почти никуда не показывался». Из двух отделов (крыльев) его ямыня Правое (административно-судебная часть) возглавлял китаефил Чи-угурда (Чибсэнгэ), помощник которого Нан-угурда держал связь с белыми. Левое крыло (финансово-хозяйственная часть) возглавлял Цэнд-гун, который не был враждебен к СССР, «хотя есть сведения, что он отчасти и японофильствует». Помощник Цэнды — Фу-угурда (Фушан,

---

решедший к красным бывший унгерновец М. Жуч (АВПРФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 15, д. 35, п. 165).

¹ Доклад Хайларского консульства от 30 июня 1930 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 14, п. 160, д. 7, л. 11–24.

² Доклад советского консула в Хайларе Орлова Козловскому от 18 августа 1930 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 14, п. 160, д. 7, л. 39–42. Подробнее об И.А. Пешкове см.: Смирнов, 2017, с. 17–27.

³ Донесение Орлова из Хайлара от 26 сентября 1931 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 14, п. 160, д. 7, л. 57–66.

Линшэн), старший сын Гуйфу, пользовался большим влиянием¹. Его ориентация была неопределенна, к СССР он был не враждебен. Начальник баргинских войск (ок. 500 сабель) Данжин был недалекий, простой старик. Управляющий монгольским банком Дэ-гун был японофил. Младший сын фудутуна японофил Пу-лин должности не имел. Ба-угурда — начальник четырех западных (солонских) хошунов Гул-Шар, Гул-Улан, Хувут-Улан, Хувут-Хух — к СССР был не враждебен, в свои хошуны, прилегающие к СССР и Халхе, «белобандитов» не допускал. Убедившись, что помощи от СССР не дождутся, баргинцы охладели к СССР, чему способствовала и политика Японии.

Баргинцы не препятствовали деятельности белых, «монгольский ямынь» даже помогал продуктами отряду Зыкова. Без помощи баргутов белые отряды не могли бы долго существовать. В конце ноября 1930 г. белые отряды Пешкова, Зыкова и Алла-Верды находились в Хайларском консульском округе. Отряд Пешкова имел «шильниковскую ориентацию», состоял из нескольких десятков человек, располагался в хуторах Трехречья. В связи с материальными затруднениями, Пешков договорился с китайским генералом Чэном о разоружении с условием приема людей на китайскую службу, уплаты денег за лошадей и оружие, свободы места жительства, выдачи бесплатных паспортов. Пешкова пригласили в Хайлар или Цицикар инструктором кавалерии. До середины января 1931 г. он жил в Хайларе под фамилией Петров. Зыковский отряд был наиболее крупным и активным, «семеновской ориентации». В конце октября он совершил набег на Халхингольский погранпост МНР западнее Аршана и захватил несколько десятков винтовок, 2 пулемета Максима, обмундирование солдат. Зыков уехал в Мукден. Отряд численностью в 70 всадников, частично одетых в форму монгольских солдат, под командой его заместителя Большакова, в ноябре двинулся из Узэмчина в Трехречье, в декабре перешел в Шинэхэн и Тынэхэ. Китайский гарнизон Тынэхэ сдал им свое оружие, но отряд его возвратил, чтобы не портить отношений с китайцами. По итогам переговоров в декабре 1930 г. Зыков предписал отряду разоружиться. Начальник штаба генерала Су, хорошо говоривший по-русски, произнес речь в присутствии зыковцев и Пешкова, где сказал, что не считает партизан разбойничьей шайкой, а «считает их идейными политическими борцами с общим врагом всего Земного шара — коммунистами». «Банда» Алла-Верды в 12–15 чел. совершала набеги на КВЖД. Она почетно разоружилась вслед за пешковцами и зыковцами. «Китайские войска с партизанами боев не вели, что связано с их поддержкой японцами»².

Были и другие белые отряды, которые поддерживали японцы. На территории японской концессии Чжамянь (в 50–60 км от ст. Иректэ) укрывались отряды Эпова — 12 чел., Стрелкова — 12 чел., Панченкова-Иванова — 15 русских и 4 буря-

¹ Сын амбана (фудутуна) Гуйфу — Фушан был одной из наиболее ярких личностей Хулунбуира. Это был очень хитрый, умный, честолюбивый человек (Донесение из Хайлара в ИНО ОГПУ от апреля 1925 г., ЦАФСБ, ф. 65, д. 141, т. 2, л. 11–12).

² Доклад консула Смирнова из Маньчжурии Козловскому: политинформация с 15.10.1930 по 15.01.1931, АВПРФ, ф. РК, оп. 15, п. 165, д. 27, л. 90–113.

та, Гордеева — 30 чел. (из которых 12 китайцев). Все они находились под общим управлением бывшего офицера Н. Гордеева, неоднократно создававшего отряды. У Гордеева были новые японские карабины, у каждого члена его отряда — по 2–3 пояса-патронташа с патронами. Очевидно, гордеевцы поддерживали связь с японцами¹.

После включения Барги в государство Маньчжурия (кит. Маньчжоу-го), созданное с помощью Японии, положение белых там не претерпевало существенных изменений. После изгнания японцев из Барги в 1945 г. белые организации там прекратили существование.

Китайские планы захвата Внешней Монголии

Центральное правительство Китая не оставляло надежд захватить Внешнюю Монголию. Возглавить поход было поручено сначала генералу У Пэйфу, затем — Чжан Цзолиню, который был назначен высоким комиссаром по делам Монголии². Но он не торопился, тем более что против Р.Ф. Унгерна там уже воевали красные войска. Средства и подкрепления из разных частей Китая он принял и даже отправил дивизию к Чжану Куйу в Хайлар: циркулировали слухи о готовящемся захвате города бароном³. На пост командующего экспедиционными войсками Чжан Цзолинь рекомендовал генерала-монархиста Чжан Сюня⁴, который в 1917 г. пытался восстановить маньчжурскую династию (см. выше). Чжан Сюнь выразил готовность, но пекинское правительство отказало ему в доверии⁵ — видимо, вследствие его монархических взглядов.

С другой стороны, были сведения о переговорах японцев с пекинским правительством о компромиссе: Внешняя Монголия подчинится Китаю на основе автономии, а Китай разрешит унгерновцам расположиться на КВЖД по линии Маньчжурия – Хайлар⁶. Эти идеи тоже не реализовались.

Планы захвата Внешней Монголии войсками маньчжурских провинций сохранялись и во время борьбы Унгерна с красными в Монголии, причем направлениями главного удара были Хайлар и Далай-нор⁷. Действительно, в июле 1921 г. часть войск Чжан Цзолиня была переброшена в район полосы отчуждения КВЖД между Харбином и ст. Маньчжурия. На последней сосредоточилось до 10 тыс. солдат при 14 орудиях и 12 пулеметах. Однако участие в раздорах китайских милитаристов заставили Чжана отозвать эти войска⁸.

¹ Доклад консула Смирнова из г. Маньчжурия от 7 октября 1931 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 15, п. 165, д. 27, л. 1–18.

² Новости жизни, 4.06.1921, с. 2.

³ Прибайкалье, 12.04.1921, с. 1.

⁴ РГВА, ф. 39454, оп. 1, д. 9, л. 99.

⁵ Новый путь, 8.06.1921.

⁶ Заря (Харбин), 30.03.1921.

⁷ Свет, 05.07.1921.

⁸ РГАСПИ, ф. 372, оп. 1, д. 1181, л. 38; д. 1182, л. 5–6.

Граница с Внешней Монголией охранялась плохо: части МНРА, несшие охрану, не знали даже, какие документы требуются для пересечения границы. Это способствовало проникновению лиц, подозреваемых в связях с семеновцами, по документам, выданным российскими коммерческими организациями в Маньчжурии¹.

Отряды белых концентрировались в Барге у восточной границы Внешней Монголии. Красные считали это угрозой нападения на Внешнюю Монголию со стороны Мангута и Далай-нора для передачи ее Чжан Цзолиню, требовали оружие, полную мобилизацию в Цэцэнханском аймаке для подкрепления восточных охранных отрядов, которые были уже подкреплены полком регулярной кавалерии. Эта мобилизация должна была дать 1000 сабель. Всего на востоке должно было быть ок. 2500 солдат².

Слабую охрану границы Барги с Внешней Монголией использовали японцы в разведовательных целях. В 1925 г. японская экспедиция получила рекомендацию от Чжан Цзолиня и документы от китайских властей на проезд через Баргу в Монголию. Баргинцы получили отношение даоиня и, по их словам, вынуждены были снабдить экспедицию документами для проезда через Баргу. Такое письмо без печати дал ей Цэнд-гун. В районе монастыря Егузэр-хутухты членов экспедиции арестовали. Японское консульство в г. Маньчжурия занялось освобождением экспедиции, попросило Монценкоп доставить ей теплую одежду и 500 долл. серебром. Отделение Монценкопа в Хайларе взялось доставить все это арестованным. Японское консульство, крайне недовольное арестом, распространяло слух, что цели экспедиции были только научные³.

Победа Чжан Цзолиня и его союзников над «народными армиями» Фэн Юйсяна в 1925–1926 гг. вновь вызвала слухи о походе Чжана на МНР. Японский консул в г. Маньчжурия поддерживал среди белых слух, что Чжан Цзолинь будет продолжать наступление на Калган и оттуда — на Внешнюю Монголию, в течение лета доберется до Урги и Кяхты⁴. О серьезности угрозы нападения Чжан Цзолиня на МНР говорит тот факт, что 26 августа 1926 г. политбюро ЦК ВКП(б) постановило: «а) Признать необходимым, в случае надобности оказать помощь ЦК НРП Монголии вооружением из запасов, находящихся в Урге; б) предложить ЦК НРП приступить к организации обороны восточной и юго-восточной пограничной полосы; в) поручить Китайской комиссии разработать вопрос об организации партизанского движения на территории Внутренней Монголии и северной части Манчжурии, а также создания специальных групп на территории Внешней Монголии для диверсионных действий на случай наступления Чжан Цзолиня на Внешнюю Монголию»⁵.

¹ Например, донесение Похвалинского из консульства СССР в г. Маньчжурия от 20 марта 1922 г., АВПРФ, ф., оп. 1, д. 9, п. 1, л. 29–29об.

² Доклад полпреду в Урге Любарскому от главкома Максаржава, начальника главного штаба МНРА Попова-Раменского, председателя военного совета Э.-Д. Ринчино от 2 ноября 1922 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 4, папка 105а, д. 1, л. 114–115.

³ Политсводка Гейцмана за октябрь 1925 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 9, д. 46, п. 120, л. 359–371.

⁴ Политсводка Гейцмана за апрель 1926 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 72–89.

⁵ Протокол политбюро ЦК ВКП(б) № 49 от 26 августа 1926 г., РГАСПИ, ф. 558, оп. 1, д. 5771.

Однако китайские войска не вторглись в МНР, а большевики не стали организовывать партизанское движение во Внутренней Монголии. Выгоды от вооруженного захвата Внешней Монголии/МНР для центрального правительства Китая не могли перевесить возможный ущерб от вооруженного конфликта с СССР, на стороне которого, вероятно, выступило бы население Внутренней Монголии и Барги. Чжан Цзолинь предпочитал использовать свои ресурсы для борьбы с враждебными ему китайскими милитаристами, а не для захвата Внешней Монголии/МНР.

Революционизирование национального движения в Барге

Стремление к независимости или автономии продолжало существовать в Барге. Вместе с тем, с 1920 г. там долго не было вооруженных выступлений против Китая. Баргинцы имели свои милиционные войска, пытались наладить контакты с советскими представителями для восстановления независимости, взять в руки финансовые потоки. Например, фудутун Гуйфу в Хайларе в 1925 г. выпустил объявление, что впредь монголы обязаны продавать кожи исключительно в управление фудутуна, но ни в коем случае русским или китайцам¹.

В конце 1923 г. племянник Цэнд-гуна — Фуминтай («Субинтан») (1898–1938) привез в Ургу проект соглашения Барги с Внешней Монголией, где правила МНП. Его основные положения: «1) Взаимная выдача преступного элемента политического уголовного. 2) Экономическое сближение. 3) Баргутцы не чинят препятствий переселению бурят на монголтерриторию. 4) Монголпра[вительство] дает согласие на переход баргутцев на монголтерриторию случае голода и других бедствий. 5) Взаимно разрешен переход границы административными лицами. 6) Взаимное оказание содействия в случае войны. Для окончательных переговоров с баргутцами и подписания соглашения на границу с Баргой выезжает Главком Данзан вместе с Субинтаном»².

Соглашение было заключено с некоторыми изменениями. Судя по публикации³, подписанию предшествовала переписка с монгольским МВД. Затем было заключено два соглашения, подписанных от Монголии Данзаном, от Барги — Эрхэмбатом и Сулфангой (Солбинга). Эти изменения следующие.

Первое соглашение, содержащее шесть пунктов, по содержанию в целом соответствует тексту проекта, приведенного в приложении к данной книге⁴. Пункт 1 заключенного соглашения согласуется с п. 7 проекта, п. 2 — с п. 9, п. 4 — с п. 8 (+при этом баргинское правительство аннулирует этот пункт в случае беспорядков среди баргутов-кочевников), п. 5 — с п. 6. Пункт 3 соглашения фиксирует, что

¹ Сунцзян жибао от 27.06.1925, послание врид. Зав. Отделом Дальнего Востока Похвалинского генконсулу СССР в Маньчжурии Гейцману от 2 сентября 1925 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 9, д. 46, п. 120, л. 210.

² ЦАФСБ, ф. 2, оп. 1, д. 347, л. 58 — в кн.: Монголия в документах..., 2019, с. 53; по другим сведениям, там было несколько другое содержание: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 135–137.

³ БХТА, х. 1, д. 1, х.н. 163, тал 12–15, 4–6 — в кн.: Мягмарсамбуу, 2018а, с. 312–315.

⁴ Этот текст см.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 20, л. 135–137.

правительство Барги не будет препятствовать перекочевкам российских бурят в Монголию, если они пожелают стать ее подданными. Несколько пунктов проекта не вошли в окончательный текст.

Второе соглашение — это секретное временное соглашение о дружбе между двумя странами из шести пунктов, несколько перекрывающееся с предыдущим.

1) Стороны выражают взаимную дружбу в деле освобождения оккупированных монгольских народов, их объединение будет рассматриваться по ситуации. 2) Стороны взаимно признают право беспрепятственного передвижения людей с разными целями. 3) В случае нанесения вреда баргинцам (кражи, ограбление и т.д.), если баргинское правительство не сможет это предотвратить самостоятельно, монгольское правительство принимает на себя обязательство оказать ему помощь, если это не противоречит интересам иностранных государств. 4) Соответствует п. 4 предыдущего соглашения. 5) Предателей монгольского правительства и всего народа баргинское правительство после допроса обязуется передавать Монголии, в том числе — нарушителей границ (частично согласуется с пп. 4–6 проекта). 6) При освобождении барга-монголов от китайской власти иобретении независимости этот вопрос обсуждается с монгольским народным правительством, которое им поможет. 7) Соответствует п. 6 предыдущего соглашения.

Таким образом, кроме практических вопросов (трансграничные кочевки, взаимная поддержка в борьбе против внутренних врагов и т.п.), соглашение содержало декларации о поддержке Монголией борьбы Барги за автономию или независимость, но в двусмысленных выражениях, позволявших действовать по обстановке. Это отражало положительное отношение МНП к движению монголов за независимость и объединение.

Власти Барги стремились наладить и отношения с СССР. 11 октября 1924 г. к консулу СССР в г. Маньчжурия из Хайлара приехал Цэнд-гун с поздравлением от фудутуна Барги по случаю поднятия флага над советским консульством. Его посылке сюда предшествовало совещание баргинских феодалов — посылать или нет специального делегата от Барги: главным образом, феодалы опасались репрессий от китайцев. Решили послать Цэнда с переводчиком Цыдыповым. Цэнд сказал, что баргинский народ, как и весь мир, знает о сочувствии СССР «всем униженным и поработленным нациям. У баргут в глазах пример монгольского народа, который с помощью СССР добился полной независимости и теперь строит самостоятельно свою жизнь, укрепляясь с каждым днем. И поэтому баргуты с большой надеждой смотрят на СССР, будучи уверенными, что их стремление к свободе найдет симпатии со стороны Советского Союза». Далее Цэнд выразил сожаление, что КВЖД превращается в чисто коммерческое предприятие и охрана дороги будет лежать на китайцах, а советские войска введены не будут. «Это обстоятельство баргутским народом встречается с большим сожалением, так как отсрочит на неопределенное время освобождение Баргутии от китайского ига». Консул ответил, что СССР весьма сочувственно относится ко всем угнетаемым нациям, в том числе к баргутам, но сейчас нельзя говорить о такой же помощи им, какую оказывало царское правительство, «ибо баргуты еще ничего не сдела-

ли для своего освобождения. Взоры баргут должны быть обращены на родственный им монгольский народ, который сейчас строит свою государственную жизнь, втягивая постепенно в свою государственность народы и племена, родственные монголам. Развитие монгольской государственности несет знамя свободы всем монгольским племенам, и, обращая свое внимание на СССР, баргуты свою работу по освобождению своего народа от ига китайцев должны вести в тесном контакте с ургинским правительством».

На это Цэнд ответил, что уже год, как баргутские князья завязали тесные отношения с Ургой и «поклонились друг другу в тесной дружбе и вечном союзе», но делу мешает подозрительность китайцев, поэтому баргуты «возлагают свои надежды на СССР, который один может освободить баргут, как он освободил монгол». Консул, по его собственным словам, в ответ постарался отделаться общими фразами. Цэнд спросил, могут ли китайцы перебросить в Баргу войска, как сделали в Монголии в 1920 г. Консул ответил, что это им будет очень трудно. Второй вопрос касался оружия. Консул сказал, что ответить не может, и посоветовал обсудить это с ургинским правительством. Цэнд спросил, будут ли введены советские войска на КВЖД, если У Пэйфу разобьет Чжан Цзолиня и войска последнего превратятся в хунхузов. Консул ответил, что «для этого слишком мало оснований». Цэнд просил довести этот разговор до сведения советского полпреда в Китае Л.М. Карахана «и подтвердить ему еще раз, что баргутский народ с нетерпением ждет освобождения и в этом отношении рассчитывает на помощь СССР». Какое впечатление этот разговор произвел на Цэнда, консул узнал от Цыдыпова, «который вот уже около года сообщает мне разные сведения о баргутских делах»¹.

В 1925 г., по пути из Пекина в Москву, Карахан в Маньчжурии и Хайларе по совету Гейцмана встретился в властями Барги и обсудил ситуацию. Стороны пришли «к известным решениям, к обоюдному удовлетворению»². Возможно, речь шла о войне «народных армий» Фэн Юйсая с враждебным СССР Чжан Цзолинем. Этот разговор еще больше подогрел надежды баргинцев. Последние, фактически, желали от СССР занятия той же позиции в баргинском вопросе, какую занимала дореволюционная Россия. Однако, в связи с белоэмигрантским и японским влияниями в зоне КВЖД и Барге, советская сторона не была заинтересована отстаивать баргинские интересы. Но, как и в 1912 г., некоторые российские представители, похоже, проявили инициативу.

Ведь Барга «всегда готова делать возможное для своей независимости и отделения в той или иной форме от Китая». В связи с этим, резидент ГПУ Янсон, вернувшись из Хайлара, Гейцману «сообщил, что он имеет директивы организовать восстание в Барге. Отдельные моменты этого восстания являются довольно решительными, рискованными и опасными. Первый шаг в этом деле сводится к тому, что монгольские князья должны составить петицию на Ваше [Гейцмана. — С.К.] имя с просьбой о помощи на предмет освобождения Барги от Китая. Далее идут

¹ Донесение консула в Маньчжурии советнику чрезполпреда СССР в Китае от 11 октября 1924 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 2, д. 25, л. 95–99.

² АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 4, д. 51, л. 10–18.

приемы еще более решительного характера: как например обработка общественного мнения и организация военных сил Барги». Резидент просил Гейцмана не сообщать об этом в Пекин, мотивируя тем, что там и так все известно от его же начальства. Гейцман высказал свое мнение резиденту и «завконсчастью чрезвычайства СССР в Китае» Розенбергу: это преждевременный шаг, он может причинить вред всему делу; восстание укрепит позиции Мукдена (то есть Чжан Цзолия). Гейцман указал резиденту, что баргинское движение «должно непременно исходить из Урги и возглавляться в Урге», дополнять «общее дело против Мукдена». Резидент согласился, но сказал, что, имея задание, не может не выполнить его¹.

3 июня 1925 г. баргуты заставили хайларского даоиня пригласить Гейцмана на их народный праздник. С этого времени в течение лета и осени Гейцман поддерживал регулярные контакты с баргинскими властями. В течение августа и сентября он дважды ездил в Баргу, о чем составил подробную докладную записку².

13 июля фудутун Барги прислал из Хайлара в г. Маньчжурия к Гейцману с визитом гуна Рунана. Еще раньше приехал заведующий отделением Монценкопа в Хайларе Цыдыпов, «который принадлежит к Монгольской народной партии». Цыдыпов сказал: «Баргуты не мыслят свою независимость без покровительства Союза. Такая традиция осталась в психике народа еще от старого времени, когда они пользовались благосклонностью старой власти». Он заявил, что ближайшем будущем Барга присоединится к Халхе. Рунан указывал, что китайцы усиливаются в Барге, массово заселяют земли баргутов, насаждают китайскую администрацию, увеличивают армию. «Недалек тот день, когда Барга станет совершенно китайской землей. Естественно, что мы этим недовольны, мы, конечно, этого допустить не можем и ждем от Вас совета и помощи» — ведь даоинь в Хайларе проводит китайскую политику, «даже в мелочах отнимает у нас самостоятельность». По просьбе Рунана, Гейцман обещал передать весь разговор в Москву и Пекин³.

Видя усиление контактов баргинцев с СССР, японцы тоже занялись баргинским вопросом. Баргинцы не препятствовали, но всё время осматривались на представителей советской власти⁴.

При этом полного единства позиций по Барге у консула СССР в г. Маньчжурия и резидента ГПУ не было. В итоге разногласия Гейцмана и Янсона вызвали конфликт, результатом которого стало послание Гейцмана начальнику ИНО ГПУ Трилиссеру от 14 января 1926 г., в котором он излагал свои задачи в Барге и критику действий резидента⁵. После этого контакты Гейцмана с баргинцами стали менее интенсивными.

¹ Донесение Гейцмана из г. Маньчжурия Карахану в Пекин, от 10 июня 1925 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 4, д. 51, л. 34–38.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, папка 117, д. 35, л. 108–109; ф. КМ, оп. 1, папка 3, д. 37, л. 150–168.

³ Записка о баргинском вопросе Гейцмана Карахану от 14 июля 1925 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 4, д. 51, л. 43–46.

⁴ Политсводка Гейцмана за июль 1925 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 3, д. 37, л. 93–107.

⁵ АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 4, д. 51, л. 10–18.

Все эти события происходили на фоне конфликта между Чжилийской и Фэньтяньской (Мукденской) группами милитаристов, известного как вторая Чжили-фэньтяньская война. Баргинские революционеры попытались использовать ее, чтобы с помощью МНР отделить Баргу от Китая. Однако ЦК МНРП воспротивился этому¹, очевидно, по указаниям советских представителей.

В октябре 1925 г. генерал Го Сунлин из Фэньтяньской группы (которого когда-то разбил Унгерн во Внешней Монголии) переметнулся на сторону наладившего контакты с СССР Фэн Юйсяна и осадил Мукден. Это создало угрозу антисоветски настроенному правителю Трех восточных провинций Чжан Цзолиню.

Из г. Маньчжурия на Мукденский фронт ушло всё войско — до 3000 нижних чинов и ок. 150 комсостава. По дороге не менее 50% разбежалось. Примерно 3000 прибыло в Маньчжурию из Хайлара. Одни говорили, что войска из Маньчжурии такие плохие, что их послали на фронт, а из Хайлара прибыли более дисциплинированные. Другие утверждали обратное. Хайларский гарнизон имел довольно глубокие связи с местными баргинцами. Поэтому его разделили на две части, одну из которых во главе с генералом Чжаном (приятелем баргинских князей) оставили в Хайларе. Туда приехал даоинь, большой друг фудутуна. Китайцы заигрывали с баргинцами², надеясь сохранить влияние в Барге в случае падения Мукдена. «В крае среди разных элементов, как общественных, например, городское самоуправление, так и политических, заговорили о возможности объявления независимости Хулунбуирского округа»³.

Пошли слухи, что Цицикар отдал распоряжение снять с линии все войска, стянуть в Харбин, чтобы бросить на Мукденский фронт, а охрану дороги передать баргинцам. Все войска из городов Маньчжурия и Хайлар ушли. Эти города стала охранять главным образом милиция и пара сотен солдат. С 1 декабря китайские власти собирались объявить г. Маньчжурия на военном положении. Гейцман встречался в Хайларе с фудутуном, когда провожал Карахана. Фудутун страшно боялся Чжан Цзолиня и знал, что Фэн Юйсян далеко; если Чжан заподозрит баргинцев в измене, то не станет церемониться. Однако фудутун согласился с доводами Цэнд-гуна и решил, что можно заключить секретный договор с Фэн Юйсяном. Гейцман сказал ему, что «мы сможем подобное предприятие обставить нужной конспирацией». Он полагал, что баргинцы смогут заключить договор в Пекине, а не в Хайларе. Фудутун собирался установить постоянную связь с советским полпредством в Пекине. «Кажется, что они [фудутун и его приближенные. — С.К.] не захотят лишиться своей спокойной жизни под крылышком китвластей»⁴.

Декабрь 1925 г. прошел в Барге «под настроением возможности падения Мукдена». Говорили, что Чжан Цзолинь отправил своих жен на японскую концессию. В Барге положение было следующим. Ее власти почти ничего не предприняли

¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 24, л. 101–103.

² Политсводка Гейцмана за октябрь 1925 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 3, д. 37, л. 169–181.

³ Донесение Гейцмана Карахану от 1 января 1926 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 4, д. 51, л. 1–9.

⁴ Политсводка Гейцмана за ноябрь 1925 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, папка 3, д. 37, л. 202–168.

для обеспечения безопасности края. Начальник гарнизона г. Маньчжурия генерал Чжан Минчжу (Чжан Минцзю) отправил все свои военные силы на фронт и занялся баргинской дипломатией. В крае объявили военное положение без наличия военных сил. В течение почти всего лета даоинь был в Цицикаре у генерала У Цзюньшэна, а в декабре «сидел, сложа руки». Замкомиссара Ци выразился в том смысле, что без солдат спокойнее.

Обстановка была следующей. Вокруг маленьких центров края в сопках были шайки хунхузов. Активной силой были японцы с консульством в г. Маньчжурия. Они распространили слух, что Го Сунлин — агент большевиков, с падением Мукдена Китай станет советской страной. Вторая активная сила — белые генерала Шильникова. Он писал своим агентам, что в связи с мукденским кризисом «красные войска, наверное, отрежут Маньчжурию до Хингана, но потом японцы неминуемо выгонят красных из Маньчжурии и тогда настанет момент, когда за японцами можно будет перенести фронт из Маньчжурии в Забайкалье, где им удастся поднять восстание». Агенты Шильникова в Маньчжурии не имели успеха. Их деятельность пошла на убыль еще до падения Го Сунлина. Из г. Маньчжурия на фронт выехало ок. 20 чел. Говорили, что в случае падения Мукдена Хулунбуирский округ стал бы более-менее самостоятельной государственной единицей. По мнению Гейцмана, «Такая единица при некоторой готовности и умении с нашей стороны не могла бы не ориентироваться на СССР, и мы могли бы смотреть на Маньчжурию, как на вполне дружественный район»¹.

Когда войска Фэн Юйсяна подошли к КВЖД, даоинь произнес речь, где отрекался от политики Мукдена, просил передать в СССР, что они — друзья советской власти. В г. Маньчжурия прибыл генерал Лян с гарнизоном в 1200 чел. На бронепоездах туда прибыло 3000 солдат. В связи с их дезертирством дорога на МНР стала крайне опасной, ежедневно приходили сведения об ограблении обозов и убийствах людей. Белые уезжали в отряды Нечаева в войсках Чжан Цзолина².

Итак, в связи с осадой Мукдена Го Сунлином (с 22 ноября) и его переходом на сторону Фэн Юйсяна, в декабре 1925 г. баргуты думали о том, чтобы захватить Хайлар и объявить независимость — причем с помощью части китайцев. Однако 24 декабря Го Сунлин был убит, осада Мукдена снята, «народные армии» оттеснены на северо-запад. В январе 1926 г. Фэн Юйсян потерпел новое поражение — от альянса Чжилийской и Фэнтяньской групп милитаристов. Он потерял контроль над Пекином. Важную роль в разгроме Фэн Юйсяна сыграл У Цзюньшэн. В октябре 1926 г. он был назначен пограничным командующим и начальником службы безопасности трех восточных провинций, затем произведен в генералы армии³. Погиб он в войне с Гоминьданом 4 июня 1928 г.

¹ Донесение Гейцмана наркому иностранных дел 3 января 1926 г., Политсводка за декабрь 1925 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 1–11.

² Политсводка Гейцмана за февраль 1926 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 33–53.

³ В газете «Русское слово» за 1926 г. печатались репортажи о торжественных церемониях встречи и отъезда У Цзюньшэна из разных пунктов Маньчжурии, куда он приезжал из Цицикара и Мукдена.

После поражения «народных армий» мукденская власть стабилизировалась. Теперь китайцы в г. Маньчжурия стали увереннее стоять на позициях антисоветизма. Китайцы разогнали городские самоуправления там и в Харбине¹. Но левые организации остались. Например, список большевиков и их сторонников в Хайларе в 1926 г. насчитывал 25 чел.² Большевики действовали совместно с другими левыми: эсерами, меньшевиками, примкнувшими беспартийными, причем требования этих левых иногда были направлены против господства коммунистов. Например, 9 октября 1926 г. на конспиративном митинге они приняли резолюцию с требованием легализовать все социалистические партии в России, отменить коммунистическую опеку профсоюзов, разрешить выезд в Россию всех эмигрантов независимо от политических взглядов и т.д.³

Работа большевиков в Барге осуществлялась по линиям НКВД и ГПУ, но не только. Так же, как в ряде других стран, там вел революционную работу Коминтерн. Активную роль в этом играли Мэрсэ (Го Даофу, Го Даопу)⁴, ориентировавшийся на МНРП, и ряд других молодых баргинцев. Видя пример Внешней Монголии, они выступали за самостоятельность Барги, надеясь на большевиков. Большинство этих молодых людей не разделяло двусмысленную политическую позицию и медлительность фудутуна и других баргинских руководителей. По образцу МНРП под руководством ВКП(б) в Барге было создано Восточное бюро, ставшее одной из групп, которые дали начало Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ).

«Зарождение мысли об организации Партии нужно отнести еще к 1918 г. С этого момента Цырендондоб, Мэрсэ и Буянгэрэл каждый по отдельности вели пропаганду подпольным путем о необходимости организации Партии. И только в 1923 г. эта пропаганда увенчалась образованием в Барге Восточного бюро под руководством Мэрсэ и Буянгэрэла и ячейки в Хорчинском хошуне, организованной Цырендондобом. Помимо этих ячеек и вне связи с ними к тому времени образовались другие группы на почве антифеодального движения: в хошуне Бо-вана (Джеримского сейма) образовалась группа Сайнбаяра, поставившего своей целью борьбу с феодалами, и Ихэджуском сейме с той же целью образовались под руководством Жамцарана “народные круги” — дугуйланы. Все эти группы к январю 1924 г. объединились, и на нелегальном съезде в Пекине постановили образовать НРПВМ и избрали временный ЦК в составе: Цырендондоб, Мэрсэ, Буянгэрэл, Алтан, Мандалту, Энхэбат, Еджинтоу, Ванданнима и Сайнбаяр. До лета 1925 г. временный ЦК провел большую работу». Он издавал листовки, брошюры, посылал пропагандистов во все сеймы. Летом 1925 г. Цэрэндондов (Цырендондоб), Буянгэрэл (Фуминтай, Аула Самдин) и Алтан прибыли в Улан-Батор, сделали подробный доклад ЦК МНРП и поставили вопрос об объединении сил обеих пар-

¹ Политсводка Гейцмана за апрель 1926 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 72–89.

² Русское слово, 13.02.1926.

³ Русское слово, 14.11.1926.

⁴ Сохранилась его характеристика ГПУ (ЦАФСБ, ф. 2, д. 52, л. 156–157).

тий. ЦК оказал помощь в 50 тыс. мекс. долл. Партия продолжила свое развитие¹. В июне 1925 г. Мэрсэ и Линшэн («Либань») ездили в Пекин, по дороге остановившись в Харбине для встречи с советским руководством КВЖД².

Но еще до этого — в октябре 1924 г. — баргинские революционеры направили письмо советскому полпреду в МНР А.Н. Васильеву, а Мэрсэ сделал доклад в ЦК МНРП по баргинскому вопросу. Они собирались организовать восстание в Барге и Внутренней Монголии с целью объединить монголов и подготовить «великую революцию народов в Восточной Азии». В резолюции ЦК МНРП по этому докладу говорилось, что надо признать желание масс Барги освободиться от чужой власти, выражалось сочувствие МНРП и правительства, но предлагалось считать несвоевременными открытые выступления или демократизацию народных масс во Внутренней Монголии или Барге: следует углублять нелегальную работу через президиум ЦК НРПВМ. В том же году Буянгэрэл попытался заручиться помощью руководителей МНР для прекращения китайской колонизации Хулунбуира³. 15 января 1925 г. «Баргинская молодежная партия» (созданная Мэрсэ и Фуминтаем) была переименована в Нарревпартию Восточного края⁴.

Для Хулунбуира это означало следующее. «В Барге власть принадлежит одному племени тунгусо-маньчжурского происхождения, точнее, кучке даурских чиновников. Они грезят о Маньчжурской империи. Свою власть они осуществляют с опорой на китайцев. Их режим сгнил и основан на продаже должностей. Отношение к ним широких масс населения, особенно бурят-монгольского, отрицательное. Даурская молодежь в оппозиции старому чиновничеству. Молодежь (до 40 чел.) вошла в нашу Партию и группируется вокруг нелегального Восточного бюро, которое должно вести работу среди баргинских масс, в примыкающих трех сеймах Внутренней Монголии, среди дауров Цицикарского района, поставлять нам информацию о положении у Чжан Цзолиня. Задачи в Барге: оторвать окончательно даурскую молодежь от старого чиновничества, надо послать туда для организации постоянной связи уполномоченного от ЦК Партии, командировать товарища для партработы среди бурят-монгол, добиться назначения наших военных инструкторов в баргинские части, привлекать молодежь в военные учебные заведения»⁵.

Таким образом, для революционизирования Барги бурятский национал-демократ Э.-Д. Ринчино предлагал раскол между даурами и баргутами перевести в классовый раскол между даурами — в первую очередь между их «передовой» молодежью и «отсталыми» чиновниками.

¹ Записка об основании НРПВМ и ее работе (подписал специальный уполномоченный ЦК НРПВМ Буянгэрэл), Москва, 10 марта 1926 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, п. 118, д. 44, л. 17–23. Буянгэрэл был племянником Цэнд-гуна.

² Новости жизни, 19.06.1925.

³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, д. 24, л. 101, 102–103, 266–267; Лузянин, 2002, с. 151.

⁴ Лузянин, 2003, с. 128.

⁵ Доклад Э.-Д. Ринчино ЦК МНРП 26 мая 1925 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, папка 113, пор. № 30, л. 198.

Первое заседание I съезда НРПВМ состоялось в Калгане 12 октября 1925 г. Образцом для создания этой партии была МНРП, с которой ее члены поддерживали тесные контакты. Одним из основателей НРПВМ был даур Мэрсэ из Барги, к которому примыкали другие баргинские революционеры. Целью партии была независимость Барги и Внутренней Монголии от Китая, укрепление контактов с революционной Внешней Монголией.

Однако советская сторона, революционизируя Баргу и Внутреннюю Монголию, в тот период была заинтересована в экспорте революции в Китай, а не в становлении монгольской независимости. В связи с этим, нарком иностранных дел Г.В. Чичерин писал уполномоченному 2-го отделения Восточного отдела ОГПУ Х.С. Петросьяну: «Уважаемый товарищ, из монгольских и китайских шифровок Вы можете видеть, что тов. Рыскулов утверждал, что будто бы требование автономии Барги согласовано с тов. Караханом, а что тов. Карахан это категорически отрицает. В ответ на мои упреки, посланные монголпра [монгольское правительство. — С.К.] через посланника, получил ответ, о котором Сампилон сообщил мне устно: упреки-де посланы не по адресу, ибо эти решения принимались ЦК партии, где участвует представитель Коминтерна. Это как будто указывает на то, что виновным является тов. Рыскулов. Необходимо это выяснить, ибо такая работа, противоречащая директивам, недопустима. С коммунистическим приветом / Чичерин/»¹. Позже, в 1926 г. замнаркома иностранных дел Карахан указывал, что Мэрсэ никогда не вызывал подозрений, знал про «тайный договор, заключенный Данзаном с Баргой», но китайцам не сказал².

Из донесений Гейцмана НКВД хорошо знал о ситуации в Барге и о настроениях ее населения. Курс большевиков оставался неизменным: использовать эти настроения для коммунизации, а не автономии или независимости Барги. Большевики не считали необходимыми немедленное свержение власти фудутуна и захват власти НРПВМ. В 1926 г. Карахан указывал, что баргинцы слишком слабы для восстания против Чжан Цзолиня, они должны начать с налаживания партрабработы, отправки своих юношей на учебу в Ургу и Верхнеудинск, создания нелегальной военной организации; Барга, МНР и СССР не должны впутываться в военные авантюры; на помощь Коминтерна Барге рассчитывать не приходится — есть более неотложные дела; пусть Урга помогает Барге в смысле агитации и организации³.

Однако из СССР агитационная литература в Баргу завозилась. Например, 13 октября 1926 г. в Хайларе железнодорожная полиция арестовала 3 чел., которые завезли агитационную литературу (газеты «Гудок», «Правда» и др.). Более того: пропаганда стала главным направлением деятельности хайларских большевиков и революционно настроенных баргинцев. Для этого они привлекали солидные местные фирмы (которым платили), советские торговые учреждения. Местные

¹ Телеграмма Чичерина Петросьяну от 12 мая 1925 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, папка 111, д. 20, л. 215.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, д. 46, папка 118, л. 18–20.

³ АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, д. 46, папка 118, л. 18–20.

фирмы за плату наладили доставку в Улан-Батор предметов снабжения для про-советского генерала Фэн Юйсяна, а оттуда — агитационной литературы, которая распространялась и в хошуны Барги¹.

Открытие советского консульства в Хайларе вызвало у баргинских властей новые надежды. На его торжественном открытии с подъемом флага СССР выступили с речами консул в г. Маньчжурия Гейцман, заместитель даоиня Ци, фудутун Гуйфу, «профсоюзники, женотдел, пионеры». Затем провели торжественное собрание в честь 1 мая «с революционной постановкой в желсобе»². На открытии «амбань не без горечи заявил, что если бы консула СССР имели бы такое же значение теперь, как в старое время — они очень радовались бы открытию консульства в Хайларе. Бывший царский консул был всесильным человеком, а наши теперешние консульства также ничего не могут сделать, как и сами баргуты»³.

Это довольно точная оценка. Но причиной этих отличий были не сами консулы, а отличия во влиятельности и приоритетах дореволюционной России от таковых СССР в 1920-е гг.

4 мая у советского консула в Хайларе Юлина был с визитом Цэнд-гун. «Во время разговора Цэндэ подчеркнул, что царский консул делал всё для Монг[олии]-Барги, будем ждать от Вас того же (намек на автономную Баргу 1912 г.), и попутно заявил, что он кое о чем говорил с т. Караханом и будет на эту тему говорить и со мной в недалеком будущем». Беседа на эту тему состоялась 7 мая 1926 г. Цэнд-гун говорил о том, что монгольское правительство из Урги распорядилось не передавать винтовки и патроны баргинским властям. Он не знал, чем это вызвано, и просил узнать у Карахана.

«Заявив, что ему об этом беспокоиться не следует, что оружие мы всегда выдать сумеем, если понадобится, я попутно спросил, сколько людей он мыслит поставить под ружье. Цэндэ ответил, что с малолетними и стариками до 3000 чел., а только молодых от 20 до 40 — не более 2000 чел. Просил его указать, как он мыслит организацию частей, их подготовку, комсостав, штаб (центр), управление и т.д. и т.п. Цэндэ заявил, что к этому он еще не готов, но мыслит так: китайское правительство им разрешило иметь для самоохранны и охраны границ 500 вооруженных баргутов, и под видом обучения военному делу этой группы сменить ее 3 или 4 раза и таким образом все подготовить в знании обращения с оружием. План организации и управления, связи и т.п. будет разработан через неделю на имеющем быть совещании ответственных представителей власти на местах. Совещание это состоится перед хурулданом, имеющем быть через 3 недели. Я настаивал на том, чтобы план этот был разработан одним Цэндэ и показан мне, и только после просмотра и согласования, если он найдет нужным, предложить совещанию на утверждение. Цэндэ согласился, но что сделает — посмотрим. Не имея опре-

¹ Русское слово, 29.06.1926, 8.07.1926, 19.10.1926, 14.12.1926.

² Желсоб — Железнодорожное собрание. Закрыто в первых числах мая 1928 г. (АВПРФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 12, папка 15, д. 19, л. 19).

³ АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 4–8; ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 72–89.

деленных указаний от Вас, я стараюсь затянуть вопрос, об этом сообщил Вам по телеграфу и жду ответа, а также вообще подробных инструкций»¹.

Это совещание — очередной съезд баргинцев — открылось 1 июня 1926 г. Революционерам до известной степени удалось подчинить съезд своему влиянию. Съезд раскололся, выделилась группа «младомонголов». Во главе нее встали видные люди, «всецело подчиненные советскому влиянию»: Ман Жинтан, Цэнд-гун и др. В их руках была правительственная пресса, некоторые из них были связаны с Фэн Юйсяном, их дети обучались в советских школах. Появилась прокламация на монгольском языке, в которой ставилась задача объединить всех монголов, а затем освободить их родину. Для этого предлагалось опираться на СССР и помогать Фэн Юйсяну. Ставилась задача создать из Барги тыловую базу для наступления на Чжан Цолиня, сформировать из баргинцев части, способные нанести удар в тыл Трех Восточных провинций. Эмигрантская пресса отмечала, что «база для дальнейшей подрывной работы в Барге заложена», ее основа — «младомонгольская группа», что большевики, поджигая Монголию, собираются поджечь Маньчжурию в пользу Фэн Юйсяна и во вред Чжан Цолиню².

Итак, «младомонголы» (члены НРПВМ и примкнувшая к ним даурская молодежь) провозгласили панмонгольские задачи, при этом надеясь на помощь СССР и Коминтерна. Однако реальная власть в Барге оставалась в руках их оппонентов — консерваторов. Они приняли меры против революционеров. Летом 1926 г. власти, до того занимавшие лишь позицию наблюдателя, приняли решительные меры, удалив членов НРП из кооперативов и других учреждений, распорядились арестовать их лидеров — Мэрсэ и других. Парторганизация в Барге перешла на нелегальное положение³.

Советская поддержка «младомонголов» повлияла на отношение чиновников Барги к СССР. В мае 1926 г. начальник полицейского управления генерал Ли расклеил по г. Маньчжурия объявления о запрещении пионерам носить красные галстуки. Белые перенесли свою штаб-квартиру на ст. Чжалайнор, где организовали отряд под руководством полковника Томашека. Он был тесно связан с Ли⁴. В июле 1926 г. было несколько случаев избиения граждан СССР. Фушан не пришел с визитом к Юлину. Прекратилось курсирование автомобилей на монгольский курорт Халхин-Халун-Аршан в 300 верстах от Хайлара. Это связывали с успехами Чжан Цолиня, его переговорами с хутухтой⁵ в Пекине. Ожидался приезд этого хутухты в Харбин и Мукден. К тому времени в Мукден собирался

¹ Телеграмма Юлина из Хайлара полпреду в Китае Карахану от 10 мая 1926 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 4–8.

² Русское слово, 8.07.1926, 9.07.1926; АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 35.

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 4, л. 20.

⁴ Политсводка Гейцмана из г. Маньчжурия за май 1926 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 90–106.

⁵ По-видимому, с Джанджа-хутухтой — главой северных буддистов Китая, который поддерживал китайское центральное правительство. О курорте Халун-Аршан см.: Мичурин, 1938, с. 15–18.

и Фушан. Кроме того, баргуты собрали и отправили 200 лошадей для кавалерии У Цзюньшэна (сторонника Чжан Цзолиня) на Долоннорском фронте¹.

Однако идея самостоятельности Барги объединяла баргинцев при всех их противоречиях. Продолжались слухи об их непреклонном решении отделиться от Китая и нанести Чжан Цзолиню удар с тыла². У руководства СССР были другие планы. Политбюро ЦК ВКП(б) решило «запросить Дальбюро о мерах по усилению в Маньчжурии партизанского движения против Чжан Цзолиня в Южной Маньчжурии и в пограничной полосе»³. Большевики были бы рады свержению Чжан Цзолиня, но не ценой поддержки национально-освободительного движения баргинцев.

Таким образом, создание НРПВМ и начало ее деятельности сопровождалось усилением позиций баргинских революционеров, действовавших в координации с МНРП, советскими представителями и Коминтерном. Работа большевиков в Барге в 1920-х гг. велась по трем линиям: НКВД, Коминтерна и ГПУ, причем между ними встречались разногласия, которые баргинцы трактовали как поддержку их национально-освободительного движения. Они были склонны выдавать желаемое за действительное, что привело к масштабному восстанию в Барге.

Баргинское восстание 1928 г. и его последствия

НРПВМ и МНП/МНРП тесно взаимодействовали. Их курировали ВКП(б) и Коминтерн. В ноябре 1924 г. в Улан-Батор приехали лидеры баргинских «младомонголов» — Мэрсэ и Сулфунга (Сулфанга). Молодежь эта была не прочь восстать, была уверена, что за ней пойдет «аратская масса». Приехали они за санкцией своих действий от ЦК МНРП, настаивали на необходимости начать активные действия с весны будущего года⁴.

Затем у баргинцев вновь возникли надежды на самостоятельность в 1925 г.: на сей раз они рассчитывали достичь ее благодаря победе «народных армий» Фэн Юйсяна над Чжан Цзолинем. Но Фэн потерпел поражение. Баргинские члены НРПВМ продолжали поддерживать контакт с представителями СССР, Коминтерна и МНРП в надежде на поддержку. В двусмысленных и голословных заверениях они видели одобрение своих планов. В 1928 г. это привело к восстанию в Барге в сочетании с другими предпосылками: желанием баргинцев избавиться от китайской власти, совпадением интересов Барги и СССР в противостоянии Мукдену и баргинской феодальной власти, примером МНРП в строительстве государства.

¹ Отчет Юлина о деятельности консульства СССР в Хайларе за июль 1926 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 10, д. 85, п. 130, л. 30–34.

² Политсводка Гейцмана из г. Маньчжурия за июнь 1926 г., АВПРФ, ф. КМ, оп. 1, д. 52, п. 4, л. 107–123.

³ Протокол политбюро ЦК ВКП(б) № 50 от 2 сентября 1926 г., РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 584, л. 1.

⁴ Письмо поверенного в делах СССР в МНР Юдина зав. отделом Востока НКВД СССР Мельникову от 3 ноября 1924 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 6, п. 109, д. 7, л. 178–180.

Согласно докладу Мэрсэ от 20 апреля 1928 г., силы Чжан Цзолиня в Барге незначительны, солдаты ненадежны, из-за систематической невыплаты жалованья дезертируют и становятся хунхузами. Вооруженные силы монгольских властей незначительны: в Хайларе — 200 вооруженных людей, на юге Барги — 250, на севере и востоке — по 200, на западе — 150. По словам Мэрсэ, все эти отряды имели нелегальную связь с ячейками народной партии, в них имелись партиейки. В целом же в Барге было 11 партичек, 500 членов партии, из которых 50 — на партработе. Партия вела агитацию среди скотоводов, крестьян и мелких чиновников «под лозунгами автономии Барги, свержения существующей власти и установления новой выборной народной власти. Партийная работа ведется сугубо нелегально»¹. Ко времени восстания 1928 г. парторганизация в Барге якобы насчитывала 20 ячеек и ок. 400 членов². Эти данные, полученные от баргинских партийцев, представляются завышенными. По-видимому, революционеры старались таким способом обосновать свою влияние в Барге.

В резолюции по монгольскому вопросу, утвержденной политбюро ЦК ВКП(б) 28 января 1928 г., было решено для борьбы с панмонголизмом «выдвигать идею национальной независимости и перспективу объединения монгол в будущем на основе революционной власти, всемерно предостерегая от рискованной агитации за объединение в настоящее время»³. Хотя это была резолюция по «Внешней Монголии», данный пункт касался монголов и за ее пределами.

Однако основные контакты с баргинскими революционерами шли по линии Коминтерна. В феврале 1928 г. на заседании ЦК НРПВМ с докладом выступил представитель Исполкома Коминтерна (ИККИ) при ЦК НРПВМ И.П. Степанов (1890–1959, он же С.М. Минев, С.М. Иванов, Л. Ванини, Лебедев, Морено, Шаварош). Это был функционер ИККИ, не имевший опыта работы в Монголии. Судя по заполненной им анкете от 26.01.1927, он родился в Болгарии, был русской национальности, имел крестьянское происхождение, женат, имел высшее медицинское образование, владел французским, немецким, болгарским, слабо — несколькими другими языками, был профессиональным революционером, пропагандистом и журналистом, в ВКП(б) — с 1916 г., в Болгарской СДРП — с 1907 г., на партработе — с ноября 1917 г.; гражданин СССР⁴.

Содержание доклада Степанова примечательно: надо выработать новое направление работы партии; теперь эта работа должна проводиться не согласованно с «народными армиями» и Гоминьданом⁵, «повернувшим в сторону контрреволюции», а самостоятельно в нелегальных условиях; центр тяжести по согласо-

¹ Доклад о военно-политическом и и партийном положении Внутренней Монголии, РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 12, л. 20, 25–27.

² О партийном, политическом и экономическом положении Внутренней Монголии, АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 243–253.

³ Политбюро..., 2004, с. 497–498.

⁴ РГАСПИ, ф. 532, оп. 12, д. 4752. После описываемых здесь событий работал вне Монголии (в 1934 г. — в Австралии: РГАСПИ, ф. 495, оп. 186, д. 43; биографию см.: Пантелеев М. Агенты...; Политбюро..., 2004, с. 867–868).

⁵ То есть с войсками Фэн Юйсина, к тому времени вступившего в Гоминьдан.

ванию вопросов должен перейти теперь к ЦК МНРП; «тактика вооруженной борьбы должна заключаться в партизанской борьбе с внутренними феодалами и длительной подпольной работе по подготовке вооруженного выступления против китайских и японских империалистов и милитаристов»; панмонголизму надо противопоставить революционное объединение монгольских племен в результате национальной антиимпериалистической и антифеодальной революции; лозунг революционного объединения монгольских племен несомненно теоретически правилен; «следовательно, Коминтерн не против панмонголизма в понимании революционного объединения монгольских племен. Но объединение монгольских племен — дело далекого будущего»; ближайшая задача — «борьба за независимость Внутренней Монголии от китайского милитаризма»¹.

В резолюции, принятой президиумом ЦК НРПВМ по докладу Степанова в феврале 1928 г., говорилось: «Партия признает японский и китайский панмонголизм империалистическим и контрреволюционным», ее задача — противопоставить ему «революционное объединение монгольских племен на основе независимости от китайского империализма» и создать народную революционную республику Внутренняя Монголия. «Так как китайские милитаристы, не исключая и народных армий, нам враждебны, то вопросы подготовки вооруженного восстания и партизанской деятельности приобретают особо важное значение»².

Советский полпред в МНР Охтин (Юров) дал негативную оценку выступлению Степанова. Он писал, что с прибытием в Улан-Батор Степанову была полностью передана работа, которая велась до его приезда, он работник, лишенный политических перспектив, способен вести «ячейковую работу по шпаргалкам Агитпропа», так и подошел к работе. Но Мэрсэ и другие хвалили его как тихого и умевшего ладить работника. «Т. Степанов, стремясь поставить работу ЦК партии Внутрен[ней] Монголии в духе резолюции, подработанной в Комиссии ИККИ, решил оформить ее как постановление ЦК. При этом ввиду того, что Фуминтай, Мэрсэ, Дамба-Доржи и, отчасти, Хорло ставили вопрос о панмонголизме, т. Степанов решил авторитетно дополнить резолюцию отсебятиной о “революционном объединении монгольских племен” и о вооруженном партизанском движении. <...> Создание партии посредством вооруженного партизанского движения во Внутрен[ней] Монголии является давнишней мечтой Мэрсэ и Фуминтая. Нашей задачей было всегда их сбивать с этой позиции. Т. Степанов же, не спрашивая совета ни у кого из местных работников, за исключением т. Рейтера... сорвал эту работу»³.

1 марта 1928 г. в Москву на конгресс Профинтерна отправилась делегация монгольских профсоюзов, в которую входили Мэрсэ, его жена (с совещательным голосом) и Санжмятав. Занятно, что перед отъездом Мэрсэ жаловался зав. отде-

¹ Хроника полпредства СССР в МНР с 1 по 29 февраля 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 15, л. 52–53.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 292–293; РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 111–112.

³ Доклад Охтина «К работе НРПВМ» от 4 июля 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 268–271.

лом информации полпредства СССР в МНР, что ему не дали дипломатической визы и охранного свидетельства о недосмотре его багажа на границе, «при этом Мэрсэ говорил: если у Дамбадоржи жена китайка, то вы ему доверяете и даете охранную грамоту, а мне, Мэрсэ, у которого жена русская, этого сделать не можете». В удостоверении от полпредства у него указано «гражданин Внутренней Монголии». Мэрсэ, выступая на указанном конгрессе, ничего не говорил о предстоящем восстании¹. Решение о нем было принято позже — по-видимому, в начале лета 1928 г.

Удобным поводом для провозглашения автономии Барги или ее отделения от Китая было сочтено убийство японцами Чжан Цзолиня 4 июня 1928 г. Монгольские революционеры Ван Бинчжан и У Вэньсянь, или Намриндорж (члены Компартии Китая) позвонили Мэрсэ, чтобы он вернулся в Монголию. Он приехал в Улан-Батор². Туда же прибыл из Москвы уполномоченный Коминтерна Степанов.

В начале лета Мэрсэ и его соратник Буянгэрэл попытались установить связь с молодыми прогрессивными чиновниками в Хайларе. Они хотели тайно пригласить их на собрание, чтобы рассказать о революционных изменениях в СССР и МНР, а затем с их помощью готовить революцию на местах в Барге. Об этом пришло донесение в управление фудутуна Барги, и революционерам пришлось отказаться от своей затеи³. Мэрсэ и его сторонники в Улан-Баторе встретились с агентом Коминтерна А.Я. Климовым⁴ и приняли программу о начале новой стадии подготовки революции во Внутренней Монголии. Она включала классовую мобилизацию, организацию местного самоуправления, сил самообороны и созыв всеобщего хурала⁵.

Важным фактором стала красная пропаганда. «Нельзя сказать, чтобы августовское восстание было совершенно неожиданно, ибо ему предшествовал целый поток красной пропагандистской литературы на монгольском языке. В этой литературе разъяснялось, каким образом Внешняя Монголия завоевала себе автономию от Китая под покровительством и руководством СССР, и побуждала последовать этому примеру и баргинцев. За месяц перед началом восстания на ст. Маньчжурия китайской полицией было обнаружено большое количество печатной литературы. Сведения об этой литературе полиция получила от живущих здесь советских граждан, и когда об этом узнал советский консул, то он угрожал за эти сведения своим соотечественникам жестокими последствиями. За несколько недель до восстания автору показывали коммерческий отчет, написанный за несколько недель до восстания, в котором определенно и пророчески говорилось

¹ Хроника полпредства СССР в МНР с 1 по 31 марта 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, д. 15, папка 125, л. 112; речь Мэрсэ на 18-м заседании 4-го конгресса Профинтерна 30 марта 1928 г., РГАСПИ, ф. 574, оп. 1, д. 76, л. 18–19.

² Atwood, 2002, p. 831.

³ Мягмарсамбуу, 2017б, с. 86–87.

⁴ Его кандидатская диссертация использована в моей работе.

⁵ Atwood, 2002, p. 831–832; Liu, 2006, p. 71. Предполагается, что в этом плане сходились интересы НРПВМ и Коминтерна (Atwood, 2002, p. 832).

о восстании как о результате действий красной пропаганды, проникшей в сознание монгольской молодежи»¹.

Из Улан-Батора через Сан-бэйсэ (совр. Чойбалсан) на восток МНР проследовали две группы баргинских работников, среди которых были члены ЦК «Баргутской народной партии»² Мэрсэ, Фуминтай (Буянгэрэл) и др. Они прибыли в район ст. Цогтсумбэр (в совр. сомоне Халх монгольского аймака Дорнод). Штаб занимал 3–4 юрты. В них баргинские революционеры проводили совещания с 1927 г. На уртонах востока МНР было много баргутов, дауров, харачинов, чахаров³.

Прибыв в Цогтсумбэр, революционеры стали обсуждать подготовку к восстанию. Провизию им поставляли кооперативы у ст. Хунту «Табун Ташигтай» (Таван Ташигт). Из МНР и Барги прибыло 40 чел, в основном монголы — новобаргуты, а также дауры и солоны. С группой Фуминтая и Мэрсэ прибыл Степанов. По приезде этой группы в район оз. Буир-нур там был созван чрезвычайный съезд «баргинской партии», на котором стоял вопрос о вооруженном восстании против Китая и, частично, против князей⁴. Съезд проходил с 13 по 16 июля.

На съезде несколько раз выступил уполномоченный Коминтерна Степанов. Его выступления⁵ могли трактоваться как обещание поддержки восстанию в Барге. На второй день участники вырабатывали резолюцию для утверждения на следующий день. Степанов был выбран в комиссию по ее выработке. Затем сделал военный доклад Нимажап (Нямжав). Он сообщил, в какой местности Барги сколько находится солдат, численность кавалеристов оценил в 670, предложил организовать армию в 4000 чел., «нанести удар внутренним и внешним реакционерам», сразу же взяться за дело. Он заявил, что нужны оружие и инструкторы. «Я уверен, что действительные наши друзья — эти две республики [МНР и СССР. — С.К.], а равно Коминтерн и МНП помогут на этот раз нашему революционному делу, а местные товарищи нашей партии не пожалеют для дела революции самих себя и свое имущество»⁶.

В секретном постановлении съезда содержались следующие решения: провести мобилизацию войск, всего вооружить 1000 чел.; революционная армия выступает 3 группами по 3 направлениям: 1-я группа на Хайлар, занимает его вооруженной силой и создает народную власть; 2-я группа занимает тоннель Хинганского хр. для отпора силам противника со стороны Цицикара и чтобы

¹ Среди баргинских монгол (автор неизвестен), 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 198–210.

² Это было «Баргинское бюро Народно-революционной партии Восточного края». В 1925 г. Народная партия Восточного края слилась с НРПВМ под эгидой Коминтерна. Данные 1920-х гг. показывают, что Мэрсэ и его соратники использовали несколько названий для своей организации, в разной форме обозначающих «Народную партию Барги» (см. Atwood, 2002, p. 834–835).

³ Мягмарсамбуу, 2017б, с. 86–87.

⁴ Atwood, 2002, p. 833–834; АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 221–229.

⁵ АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 197–247; РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 143–144.

⁶ АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 197–247.

отрезать ему путь сообщения; 3-я наступает на г. Маньчжурия, чтобы перерезать путь между ней и Хайларом. По занятии Хайлара комитет партии образует Управление по руководству государственными делами, а военный совет приступает к формированию Хулунбуирской народной армии всей Барги для охраны от внешних и внутренних врагов. «Подлежит к приему в ближайшее время от Коминтерна 1000 винтовок и 500 000¹ патронов, должны быть приняты за рекой Халхин-гол на территории Барги в местности Герчилун — 600 шт. винтовок и 300 000 патронов и остальные 400 винтовок и 200 000 патронов должны быть приняты на территории Барги в местности Хашиято. На 4-й день армия должна быть вооружена и отправиться по своим направлениям, а утром на 6-й день части армии должны одновременно атаковать Хайлар, Маньчжурию и Хинганский проход. 8. Обратиться к халхасцам с просьбой о оказании помощи пушками, пулеметами, холодным оружием и винтовками в количестве по усмотрению». В резолюции съезда из 13 пунктов, в частности, говорилось: «1. Исходя из доклада Общего /центрального/ Комитета и современной /политической/ обстановки необходимо немедленно же приступить к вооружению членов партии, организации воинских сил и основную революционную работу вести под непосредственной военной силой. 2. Учитывая первостепенную важность в революционной работе вооружения для войск и материальных /денежных/ ресурсов, обратиться за помощью в Коминтерн и ЦК НРП Монголии, командировав для этой цели в качестве полномочных представителей от лица настоящего чрезвычайного съезда председателя Общего /центрального/ комитета Нимджапа [Нямжава. — С.К.] и члена Эрхимбата»². В комиссии, выделенной съездом, состояли Степанов, Фуминтай, Нямжав и два худонца (представителя сельской местности)³.

«На съезде тов. Степанов говорил речь, в которой отметил, что прежде, чем начать выступление, нужно договориться об этом с ЦК МНП и Коминтерном, но как впоследствии выяснилось, благодаря сознательно неправильному переводу речи Фуминтаем в протоколе съезда зафиксировано обещание т. Степанова от имени Коминтерна дать баргутам в случае восстания 1000 винтовок и 500 000 патронов. После съезда тов. Степанова и приезда в район Буир-нура Мэрсэ с несколькими баргутами ЦК Баргутской партии решил направить в Улан-Батор делегацию для санкционирования вопроса об открытом вооруженном выступлении. Но еще до съезда китайским властям в Хайларе стал известен протокол съезда и по Хайлару и Маньчжурии разнеслись слухи о готовящемся выступлении баргутов. 4 августа китайская охрана КВЖД в районе Барги получила усиленный наряд оружия и патронов и был распушен слух, что на Халун-Аршане убит баргутами офицер японского Генерального штаба... Фактически был убит (или арестован — точно не выяснено) заготовщик леса для японской железной доро-

¹ В других документах упоминается 50 тыс.

² Протокол чрезвычайного съезда Хулунбуирского отделения НРПВМ, АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 197–247; см. также: РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 118–128 и др.

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 118–120. Степанов был кооптирован (ИНО ОГПУ от 5 сентября 1928 г., беседа с Фуминтаем 20 августа 1928 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 2, д. 378, л. 74–75).

ги — харчин, приехавший с Солунь-улы. 8 и 9 августа, не дожидаясь ответа из Улан-Батора, ЦК Баргинской партии поднял восстание». При этом среди повстанцев были не только баргуты, но также буряты и харачины¹.

Следует отметить, что, судя по переводу протокола съезда, в речах Степанова не было слов о передаче баргинцам винтовок и патронов, а сам протокол не был готов до съезда. Так что он не мог стать известен китайским властям еще до съезда. Об оружии, по-видимому, были устные договоренности. Улзий, назначенный главнокомандующим повстанцев, позже рассказывал: «Когда поднялся вопрос о вооруженном выступлении против китайцев с целью завоевания политической и экономической свободы для баргутов, то уполномоченный Коминтерна обещал помочь — 1000 шт. винтовок и 50 000 патронов». Срок выступления намечен не был².

Позже, на совещании делегации ИККИ по вопросам Внутренней Монголии 17 ноября 1928 г., его председатель Б. Шмераль говорил, что ему неясна роль Степанова в организации восстания: по словам Фуминтая, на восстание было дано прямое указание Степанова, в доказательство приводились резолюция и инструкция, но неясно, видел ли эту инструкцию сам Степанов. По словам секретаря ЦК НРПВМ Хорло, Степанов высказался в разговоре с ним против восстания. Шмераль побеседовал с Хорло. Согласно последнему, Степанов приехал в феврале 1928 г., а в июне Энхбаяр (глава отряда внутренних монголов, примкнувший в 1926 г. к НРПВМ) ездил в Ургу к Степанову для обсуждения положения в сейме Уланцаб. Во время совещания из Барги приехали два делегата, которые предложили в резолюцию внести положение о вооруженном восстании: Чжан Цзолинь убит, мукденские солдаты остались без главы. Другие члены ЦК выступили против этого: размеры и население Барги невелики, смерть Чжан Цзолиня для нее не имеет значения. Степанов тоже был против восстания. В итоге приняли резолюцию, где о восстании не говорилось. И тут выяснилось, что из Барги едут еще 3–4 делегата. В итоге Степанов и Фуминтай в июле поехали на границу Барги. Там состоялась та самая «партконференция Барги». Оттуда Степанов вернулся в Ургу. Там его ждала телеграмма, чтобы он немедленно выехал в Москву. Мэрсэ без совета Степанова уехал в Баргу и поднял восстание. Он выехал из Урги в Баргу с 10 винтовками и маузером. Он их мог получить только от ЦК МНРП. Когда Хорло встретился в Москве со Степановым, тот сказал ему, что решение о восстании считает правильным³.

Затем, 26 ноября 1928 г., на совещании делегации ИККИ с представителями Внутренней Монголии делегат от НРПВМ Буянбатор говорил: «Об организации

¹ Донесение из Сан-бэйсэ от 3 сентября 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 221–229.

² Рассказ Улзия («Ульдзы»), 19 ноября 1928 г. в Улан-Баторе, АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 40–42. Однако неясно, сам ли Улзий слышал это, или он оставался в хошуне Гул-Хух в Барге и слышал об этом от других. По другим данным, Степанов обещал также «70000 денег» — неясно, каких (АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 272–298).

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 24–39.

Баргинского восстания особого постановления ЦК не было, хотя на этой пограничной конференции, где участвовал Степанов, и были разговоры о восстании, но ЦК не было известно, нужно ли начинать вооруженное восстание теперь же немедленно. Баргинское восстание было поднято без разрешения ЦК, но именем его. Мэрсэ хотел представлять собой весь ЦК и, скрывая от ЦК, он поднял восстание с дикарским чувством, что он будет руководителем большого движения, которое из этой победы разовьется. Но что мы видим — этот самый Мэрсэ предан японцам и китайцам, сейчас в Мукдене». Шмераль отметил: «Я запросил Москву и мне ответили, что Мэрсэ намекал на возможность поднять восстание, но ему было категорически запрещено это»¹.

Все эти противоречивые объяснения свидетельствуют о поддержке идеи восстания Степановым. Можно обсуждать лишь вопрос о двусмысленности его обещаний. Впрочем, то же относится и к пропагандистским декларациям Коминтерна о поддержке национально-освободительного движения монголов, которым коминтерновские идеи изначально были чужды. Такая позиция Коминтерна не удивительна: в его доктрине мировой революции монголы были лишь инструментом экспорта революции в Китай. А монголы, которые не собирались участвовать в китайской революции, трактовали декларации Коминтерна как поддержку своего национально-освободительного движения.

Чрезвычайный съезд баргинского отделения НРПВМ завершился 16 июля, а на следующий день начался VI конгресс Коминтерна (17 июля – 1 сентября 1928 г.). Для участия в нем и уехал Степанов, бросив своих подопечных на произвол судьбы. С ним уехало несколько баргинских революционеров. Уже когда началось восстание, Климов и другие представители Коминтерна в Улан-Баторе осудили действия Степанова в Монголии как нарушение политики Коминтерна².

От вернувшегося из МНР в СССР Степанова потребовали объяснений. В результате из НКВД сообщали Охтину: «Объяснения, которые дал здесь т. Степанов, не могут рассеять версии о степени его участия в конференции, которая передавалась Вам монголами, и определенно неудовлетворительны. Он говорит о комиссионной разработке плана выступления “на всякий случай”, тем самым лишь подтверждая самый факт обсуждения конференцией проекта восстания (сообщаем это только для Вашего сведения). Несомненно, имела здесь место и японская провокация». Ситуация с Баргой — показатель того, как опасны лозунги объединения монгольских племен и «партизанщины», которыми оперирует ЦК НРПВМ и «ургинские деятели типа Жамцарано». «Если монголы будут продолжать делать попытки приписывать действия т. Степанова Коминтерну, Вам надо со всей решительностью возражать против такого неосновательного отождествления». Наиболее разумно в данных условиях подтвердить прошлогоднее решение политсекретариата ИККИ, который исходил из того, что движение во Внутренней Монголии — часть китайского революционного движения (с лозунгом автономии

¹ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 78.

² Liu, 2006, p. 71–72.

Внутренней Монголии), НРПВМ организационно независима от Урги и обязательно должна иметь организационно-политический контакт с китайской компартией¹.

Это послание примечательно в нескольких аспектах. В нем сделана попытка снять ответственность с Коминтерна за действия его официального представителя Степанова. Фактором восстания бездоказательно объявлена какая-то японская провокация. Столь же бездоказательны обвинения в лозунгах объединения монгольских племен: именно из-за отсутствия таких лозунгов у повстанцев Япония не стала их поддерживать (см. ниже). К восстанию приплели Жамцарано, не имевшего к нему отношения. И, наконец, политсекретариат ИККИ стал навязывать членам НРПВМ независимость от МНРП и контакты с чуждой монголам Коммунистической партией Китая (КПК), хотя недавно представители НКИД рекомендовали НРПВМ контактировать с МНРП.

Итак, большевистский «центр» предпочел откеститься от своего представителя и приписать свой провал ему и своим противникам — панмонголистам и «японским провокаторам», не имевшим отношения к восстанию.

Советская дипломатия задалась вопросом и о деятельности консула Юлина в Хайларе в 1926–1927 гг. В материалах консульства не сохранились ни документы о политической деятельности Юлина, ни указания на директивы «центра» о ней. Однако новый состав консульства, приступивший к работе в начале 1928 г., получил сведения, что Юлин не ограничивался сбором сведений о политике и экономике Барги, «но принимал живое и активное участие в работе подпольной монгольской организации, причем его деятельность простиралась до разработки плана вооруженного восстания в Хайларе. Дело дошло до того, что на одном из заседаний местной советской партийной организации были распределены даже обязанности по выполнению этого плана между ее членами и намечены военные организаторы. Делалось это даже без соблюдения необходимой конспирации, и естественно, что те или иные сведения просачивались и доходили до слуха широкой публики и, конечно, китайских властей. Когда же приступил к работе консула тов. Аникин, который не только не был склонен продолжать дело Юлина, а вообще не интересовался Баргой, ограничивая свою деятельность Хайларом, то все же, несмотря на это, у всех осталось убеждение, что консульство связано с движением молодых баргутов, удачно конспирируя эту связь. Если же к этому учесть значение поездки Аникина в Самбейс [Сан-бэйсэ. — С.К.] за неделю до восстания, в то время как там был Мэрсэ, то нужно сказать, что у китайцев были серьезные основания подозревать нас в связях с повстанцами. И потому, когда разыгрались события, консульство было поставлено перед тем фактом, что не только китайские власти и население, но и люди, очень близко стоящие к консульству, как, например, руководители местной партийной организации, были уверены в том, что мы поддерживаем восстание». В действительности, консульство в Хай-

¹ Послание зав. Вост. отделом НКИД Козловского Охтину от 28 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 74–76.

ларе за время пребывания там Аникина не имело представления о характере движения, его задачах, лозунгах, возможностях и т.д.¹

Из этого донесения следует, что консул в Хайларе Аникин не виноват, а косвенную поддержку восстанию мог оказывать его предшественник, не оставивший об этом документов. Однако о роли резидентов ГПУ и Коминтерна не говорится.

Таковы были предпосылки восстания и роль различных сторон в его подготовке. Реконструировать само восстание по документам можно следующим образом.

Центром подготовки восстания был баргинский хошун Гул-Хух, граничивший с хошуном Халхин-гол МНР². Когда Мэрсэ и его соратники находились на востоке МНР, к ним примкнули представители разных хошунов Барги: Бумбэ (Жамсранжав), даур Айсан, бурят Ловх, солон Гундбу, олёт Сэнгэ. Разрабатывая план восстания, они решили создать его плацдарм в баргинском хошуне Гул-Хух. Затем в лесистой местности Тавгын-Уха в этом хошуне тайно собрались Бумбэ, Айсан, Ловх (прибывшие из МНР), а также Улзийбатор, Мижигсэнгэ, Дамдинжав, Гурсэд, Джаргал, Аюрзана, Гундбу, чиновники восточного хошуна Новой Барги Чойжин-Минжур, Дансранжав, Мэнд-гун, Сэргэлэн-гун, Гэлэг-Намжил, Мижигсэнгэ. На совещании они выработали план восстания³.

Прежде всего, баргинские революционеры решили предъявить властям Барги требования о восстановлении ее автономии⁴. Когда эти власти от шинэханских бурят (а те — от халхингольских бурят) узнали о съезде революционеров на востоке МНР, они хотели арестовать партийцев в Хайларе. В случае благоприятных обстоятельств баргинские феодалы решили взять движение в свои руки. Некоторые партийцы бежали в Гул-Хух и Халун-Аршан. Во время съезда специальных повстанческих отрядов еще не было. Но в составе хошунных (официальных) отрядов было много сторонников НРПВМ. Видимо, они составили кадровую основу повстанцев в Барге. Когда началось восстание, оружие они достали в хошунных управлениях, отняли его у китайцев и русских (видимо, купцов и частных граждан). Они предполагали наступать от Керулена на ст. Маньчжурия (Нямжав), из хошуна Гул-Хух на Хайлар (Фуминтай), из хошуна Гул-Хух в сторону Хинганского тоннеля (Мэрсэ). Чтобы удовлетворить требования партийцев, фудутун послал в Улан-Батор своих представителей и одновременно вступил в переговоры с властями Хэйлунцзянской пров., называя организаторов восстания «красными большевиками». Было решено подавить восстание вооруженной силой⁵.

Слухи о съезде монголов в приграничном с Халхой районе, затем — о делегации Халхи в ямынь Барги с предложением отделиться от Китая и объединиться с Халхой появились в Хайларе в последних числах июля. В Хайларе стало нара-

¹ Донесение Д.Б. в Москве от 17 августа 1928 г. о связи августовских событий 1928 г. в Барге с советским консульством в Хайларе, АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 12, д. 13, л. 48–50.

² РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 12, л. 105а.

³ Мягмарсамбуу, 2017б, с. 86–87, 2018а, с. 135; Цыбенков, 2017б, с. 131.

⁴ Мягмарсамбуу, 2017б, с. 88.

⁵ ИНО ОГПУ от 5 сентября 1928 г., беседа с Фуминтаем 20 августа 1928 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 2, д. 378, л. 74–75; РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 94–104.

тать беспокойство. Выяснилось, что к повстанцам примкнули все хошуны Барги, кроме двух, которые были в ведении Эрхим-ухэриды¹.

В конце июля баргинские революционеры отправили Фуминтая в Хайлар (где он не был с 1925 г.). Они послали также ультиматум властям Барги от имени правительства МНР с требованием, чтобы фудутун Барги Гуйфу отрекся от власти в пользу того, кого назначат из МНР. Гуйфу стал совещаться со своими чиновниками. Мнения разделились: Гуфу и часть чиновников хотели отвергнуть ультиматум, тогда как один из помощников фудунута — Цэнд-гун хотел принять предложения своего племянника Фуминтая. По итогам дискуссии собрание направило в Тамсаг-Булак (МНР) делегацию для обсуждения будущего Барги. В инструкциях говорилось о ее желании объединиться с МНР. Однако переговоры не состоялись. По дороге делегацию встретили повстанцы и задержали, причем в Хайларе от нее не было вестей до 8 августа².

По другим данным, в конце июля «представитель Союза профсоюзов Монголии» Мэрсэ с передового пограничного поста МНР на границе с Баргой — Тамсаг-Булака — проехал в г. Хайлар, там китайские власти попытались его задержать, но он сумел оттуда благополучно уехать в сторону МНР. В связи с пребыванием Мэрсэ в Хайларе и в г. Маньчжурия, стали распространяться слухи, что среди баргутов под руководством Улан-Батора идет подготовка к восстанию против маньчжурских властей³. Подготовка, действительно, шла. По рассказам монгольского очевидца, в хошуне Гул-Хух собирали лошадей, провизию, ружья у населения, имущество бежавших чиновников конфисковали⁴.

Главком МНР Чойбалсан и военный министр Дэндэв командировали в Гул-Хух происходившего из северных баргут-бурятских хошунов Улзия («Ульдзы») с поручением следить за ходом разворачивающихся событий и в случае надобности помочь повстанцам активным участием⁵.

Восстание в Барге началось в августе 1928 г.⁶ По сведениям ИККИ на 17 августа 1928 г., оно было направлено против баргинских властей и Китая; руководил им Мэрсэ, разбегавшийся по югу Барги, который к этому времени был уже охвачен восстанием⁷.

4 августа появились сведения, что в Хайларе генерал Чжан Минцзю взял на себя охрану города, начальник полиции ведет регистрацию белых на предмет их вооружения.

¹ Донесение из Сан-бэйсэ от 3 сентября 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 221–229; Послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68.

² Atwood, 2002, p. 844–845, 848.

³ Информация вице-консула в Баин-Тумэн-хан-ула Н. Иванова о событиях в Барге в отдел Дальнего Востока НКВД от 25 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 69–73.

⁴ Atwood, 2002, p. 849.

⁵ Рассказ Улзия («Ульдзы»), 19 ноября 1928 г. в Улан-Баторе, АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 40–42.

⁶ АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 189–197.

⁷ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 12, л. 105а.

5 августа в Хайлар вернулся даоинь, прибыл начальник гарнизона г. Маньчжурия генерал Лян. Ночью было введено патрулирование солдатами и полицией, но официально военное положение не объявлялось.

6 августа Буянгэрэл сообщил 15-му конному погранотряду МНР в Тамсаг-Булак, сколько людей в каких местах Барги готовы к восстанию, какие на это поступили пожертвования, где и сколько китайских солдат находится на КВЖД и т.д.¹ В тот же день в Хайларе стали распространяться слухи о нападении «монгольских хунхузов» на курорт Халун-Аршан². Эти слухи имели под собой основания. По свидетельству шофера Б.В. Рассветина, ездившего 7–9 августа из Хайлара в Халун-Аршан, по дороге его остановила вооруженная группа. Шофер показал пропуск, выданный хайларским ямынем. Остановившие сказали, что пропуск недействителен, повезли в штаб. Там бурят на хорошем русском языке объяснил, что произошел переворот, образовалась народная власть, сообщение с Хайларом прервано, автомобиль переходит к штабу. Приказали ехать в Хандгай (или Хандагай, в нескольких верстах от Халхин-гола — то есть от границы с МНР). Он повез оружие и патроны³.

Новые и новые слухи укрепляли мнение о поддержке восстания красными из-за границы. 7 августа в Хайларе прошел слух, что в 40 верстах находится 100 «халхинских» (из МНР) машин с войсками, отдельной группой идет «халхинская» кавалерия. Как раз в тот день флаг советского консульства в Хайларе был приспущен: за день до этого заместитель даоиня сообщил советскому консулу, что завтра будут похороны Чжан Цзолия.

8 августа к советскому консульству в Хайларе прибыл даоинь Чжао и его заместитель Хэ. Даоинь жаловался на обилие пограничных инцидентов по Аргуни, на обиды китайцам со стороны советских пограничников. Он сказал, что недавно на границе с Халхой был съезд молодых баргутов, которые решили изменить способ правления в Хулунбуире, но тревожиться не надо: прибывает полк солдат из Цицикара. 9 августа в советское консульство в Хайларе пришел коммерсант Шаолин и подтвердил прибытие из г. Маньчжурия в Хайлар начальника японской военной миссии Кавамамото с предостережением ямыню, что при возникновении беспорядков Япония введет войска в Баргу. Он сообщил, что движением руководят Мэрсэ и Фуминтай, из Цицикара прибыл полк солдат, приезжие из Хандагая сообщают, что туда прибыл отряд «халхинцев» (то есть из МНР) в 20 чел. и расположился с баргинскими солдатами⁴.

¹ Послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68; Мягмарсамбуу, 2017б, с. 88, 2018а, с. 140–141.

² Послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68.

³ Сообщение Рассветина от 27 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 14–17.

⁴ Послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68. Очевидно, на основе этих слухов китайские военные считали, что у повстанцев есть «смешанный, так сказать, интернациональный отряд» (Заря, 20.08.1928). Атаман Семенов выражался точнее: монголы были распропагандированы красными (Заря, 29.10.1928).

В ночь с 8 на 9¹ августа Мэрсэ в сопровождении 7 чел. прибыл в местность Хандгай, где уже находился монгольский охранный отряд. К нему присоединились еще 10 всадников. Здесь сформировали монгольский охранный полк Хулунбуирской народной армии. Послали известия в хошуны. Указанный монгольский охранный отряд под командой Готова, в 100 чел., перешел на сторону повстанцев².

Между тем, Бумбэ и другие, которые открыто агитировали в одном из сомонов хошуна Гул-Хух, собрали ок. 200 чел. и создали «1-й конный полк Хулунбуирской народной армии». Улзий был назначен главнокомандующим, Фуминтай — начальником штаба этой армии. Мэрсэ возглавил предполагаемый орган партийного контроля — «Военный совет Хулунбуирского восстания молодежи». Но фактически повстанцы не смогли создать единые вооруженные силы. Реально отрядами командовали Мэрсэ и Фуминтай³.

Б.В. Рассветин с пассажирами с курорта Аршан прибыл в район Хандгая. Штаб Мэрсэ находился в нескольких верстах от Хандгая, туда заезжали курортники за пропусками⁴. Главным руководителем восставших был Мэрсэ. В Хандгае находился их штаб, начальником которого состоял Хорло (Эрхимбато), его помощником — один из сыновей Цэнд-гуна, начальником гарнизона — племянник Цэнда. Некоторые выборные посты у повстанцев занимали русские белые. Главными требованиями восставших были автономия Барги, отъезд из нее китайских властей и вывод китайских войск⁵.

9 августа Мэрсэ произнес перед курортниками с Халун-Аршана речь такого содержания: «Я, Мэрсэ, пришел со своими товарищами-халхинцами, чтобы объявить вам, что мы пришли освобождать угнетенных наших братьев-баргутов. Мы, халхинцы, давно уже объявили народную власть и влились в Союз Сов. Соц. Республик и Коминтерн. Теперь в согласии с последними мы пришли помочь баргутам освободиться от своих угнетателей и присоединиться к нам, объявив народную власть. До сих пор, пока был жив Чжан Цзолинь, это сделать было очень трудно, теперь, когда Чжан Цзолинь умер, сделать это легко. Сейчас наши войска идут на Хайлар и Хинган и через 5 дней территория Барги от Хингана до Маньчжурии будет в наших руках. Вы все, проживающие здесь, лечитесь спокойно, через 5 дней сообщение с Хайларом восстановится и вы сможете уехать, куда хотите. Да здравствует народная власть, да здравствует СССР, да здравствует Коминтерн!» Со времени появления Мэрсэ в районе Халун-Аршана и провозглашения власти Советов между лечившимися там советскими гражданами и эмигрантами установилась глухая вражда, причем и те и другие верили, что Мэрсэ

¹ По другим данным, это произошло примерно 6 августа (Atwood, 2002, p. 849), по третьим — 7.

² РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 94–104; Atwood, 2002, p. 849.

³ Atwood, 2002, p. 850.

⁴ Сообщение Рассветина от 27 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 14–17; послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68.

⁵ Доклад о восстании в Барге (автор неизвестен) от 4 сентября 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 189–197.

действует от имени Коминтерна и СССР¹. И это притом, что на службу к восставшим поступили некоторые белые.

В Хандгае Рассветин узнал от Мэрсэ, что на Аршане китайские солдаты бежали, и образовалась народная власть. По пути в Даяндэн-сумэ выяснилось, что там тоже народная власть. Шофер и его пассажиры-курортники хотели встретиться с ухэридой. Но оказалось, что он сбежал. Сборный пункт повстанцев был назначен на Шаральжин-голе. В Ганжур-сумэ прошло собрание. Там решили, что гэгэн этого монастыря поедет в Улан-Батор. Шофер видел, как по дороге останавливали и забирали в штаб китайские машины. У штаба стояло 5 машин. 15 августа Мэрсэ должен был сделать налет на ст. Хинган (у Хинганского тоннеля) и отрезать Хайлар с запада и востока. Пришли сведения об обстреле дозора повстанцев китайцами верстах в 20 от Даяндэн-сумэ.

Мэрсэ рассказывал Рассветину: «Нас группа несколько человек, заняли Хандгай с 8 на 9 августа. У нас было 2 бомбы, 2 маузера и 4 ружья. По заранее разработанному плану мы надеялись заставить гольду перейти на нашу сторону, и в будущем развивать повстанческое движение. Но гольды в юрте не оказалось, он был в Хайларе. Тогда мы созвали собрание и спросили народ, желает ли народ воевать и добиваться автономии Барги. Часть народа согласилась тотчас же, и мы образовали отряд около сотни человек, разослали во все концы гонцов и призывали присоединиться к нам. Все идет к успеху, настроение у народа превосходное, и только вопрос оружия ставит нас в тупик. Но мы надеемся на Ургу, куда уже посланы наши представители, которые ходатайствуют о снабжении нас оружием. Но мы и сами надеемся увеличить наше оружие в боях с китайцами. Мы народ кочевой, и китайцам будет очень трудно воевать с нами. Тем более что и на юге Китая их дела не так завидны. А у нашего народа энергии очень много».

Рассветин и его спутники на следующий день приехали на оз. Буир-нур и узнали, что при перестрелке с китайцами захвачено оружие, китайцы бежали к Хайин-голу, Ганжур-сумэ взят повстанцами. В ту же ночь Мэрсэ и еще 8 чел. пошли в Ганжур-сумэ. Из Хайлара были высланы силы, значительно превосходившие повстанческие. Мэрсэ с отрядом отступил к Хандгаю. На другой день штаб в Буире расформировался².

10 или 11 августа повстанцы Мэрсэ и Фуминтая заняли монастыри Ганжур-сумэ и Домбо-сумэ. Они организовали там штаб отрядов хошуна Гул-Цаган и поручили руководство Мэнд-гуну. Повстанцы конфисковали печать сомона, у феодалов конфисковали скот для пропитания, несколько семейств кочевников выгнали к Аршан-голу (в сторону границы с МНР)³.

Вероятно, о событиях этих дней по линии Государственной внутренней охраны (ГВО) МНР в Сан-бэйсэ 16 августа поступили частично преувеличенные све-

¹ Донесение Аникина Карахану от 30 ноября 1928 г. АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 182–187

² Сообщение шофера Рассветина от 27 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 14–17.

³ Мягмарсамбуу, 20176, с. 91.

дения: в приграничных районах Барги вспыхнуло восстание за отделение Барги от Китая и присоединение к Внешней Монголии, восстанием охвачена вся приграничная полоса Барги, участвует все местное население вплоть до мелких чиновников и баргутских солдат. Семьи повстанцев и скот подтянулись к границе Внешней Монголии. В случае неудачи выступления они просили пограничные власти МНР пропустить их. Повстанцы были вооружены очень слабо — охотничьими ружьями, старыми берданами, редко — японскими винтовками, но без запаса патронов и огнеприпасов¹.

10 августа управления фудутуна и даоиня послали некоего «Хан-Ю-Шоу» с письмом, где предложили Мэрсэ покинуть Хулунбуир, иначе угрожали подавить восстание военной силой. В ответ Мэрсэ стал готовиться к вооруженной демонстрации². 10 августа даоинь вызвал Гуйфу, Цэнда, Фушана, полковника Лю и других. Вокруг Хайлара были выставлены пикеты. Племянник Цэнда (Фуминтай) сообщил, что действительно приезжали делегаты из Халхи по вопросам объединения, ямынь ответил согласием в случае, если движение будет поддержано извне³. Очевидно, эти делегаты (если они были) не выражали официальное мнение властей МНР.

11 августа баргинские солдаты из нескольких хошунов Новой Барги во главе с Ядамсурэном (Идамсурэн), Буянбатором, Сэргэлэн-гуном, Дагсурэнжавом, Намжилдондовом, Мишигом, Инсурэном, Шагдаром и Нямжавом выдвинулись для защиты КВЖД между Хайларом и ст. Маньчжурия⁴. В тот же день Аникина посетил Гуйфу. Он сообщил, что возвратился из поездки в Хандгай, но побоялся туда прибыть, т.к. там Мэрсэ. Военные власти Хайлара искали пулеметчиков из русских. Паника перекинулась на белых. На китайские войска они не надеялись, вели переговоры о получении оружия. Руководителем проектируемого отряда стал полковник Бычков. 12 августа около полудня на 13 машинах выступил из Хайлара в степь китайский отряд до 250 штыков с 3 пулеметами, 1 машиной с врачами. В городе паника усиливалась, в поезда не могли попасть все желающие уехать. Белые на улицах открыто объявляли, что скоро «будут вешать большевиков и жидов». Советский консул поехал к даоиню. Тот заявил, что движение организовали молодые баргинцы во главе с Мэрсэ, их немного, они в двух пунктах: Хандгае и местности Белый Хошун у Ганжура, в степь для демонстрации послан отряд. Даоинь при этом вывел к консульству свою жену и детей, чтобы показать, что он их не эвакуирует. Даоиня посетила делегация белых. Они предложили услуги по охране города. Даоинь сказал, что тогда придется вооружать и большевиков, иначе консул заявит протест. В городе распространился слух, что в 150 верстах от Хайлара появились 1500 всадников-солон⁵.

¹ Информация вице-консула в Баин-Тумэн-хан-ула Н. Иванова о событиях в Барге в отдел Дальнего Востока НКВД от 25 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 69–73.

² РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 94–104; Мягмарсамбуу, 2017б, с. 91.

³ Послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68.

⁴ Мягмарсамбуу, 2017б, с. 91.

⁵ Послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68.

Очевидно, даоинь вел с Аникиным переговоры о возможности перевозки китайских войск в Хайлар по КВЖД. Консульство давало туманные ответы. Часть советских служащих КВЖД была готова саботировать требования китайского командования о перевозке войск. Такое положение сохранялось до разъяснения консулу советской позиции о характере движения и содействии китайским властям. Ему надлежало разъяснить последним эту позицию. Но он до того встретился с представителями восставших, якобы чтобы уведомить их об отношении советских властей к их движению. Эта встреча с Хулинтаем была неосторожным шагом и ничего не дала¹.

Мэрсэ, узнав 12 августа о посылке войск управлением фудутуна, приказал открыть военные действия одним конным отрядом 16-го утром².

13 августа утром из Хайлара в степь был выслан отряд кавалерии (40 монголов от ямыня, остальные — китайцы), позже — отряд пехоты на небольших подводах³. Комендант станции потребовал от советского консульства специалистов по ремонту пулеметов. Люди запасались мукой. В тот же день в г. Маньчжурия китайские военные власти взяли на регистрацию все частные машины и больше половины их отправили в тот же день «в Монголию». Машины от плохой эксплуатации ломались, их возвращали владельцам, а взамен брали другие машины. Кроме того, на верблюдах отправляли багаж китайской кавалерии. Видимо, базой китайских войск был намечен «Керуленский мост около Адун-Чулуна». Кроме того, из Хайлара китайские войска были направлены к Ганжур-сумэ, расположились от него в 30 верстах у оз. Давасу-нор. Там не было столкновений с повстанцами, кроме единичных перестрелок. Одновременно по железной дороге стали прибывать войска и группироваться в Хайларе и Маньчжурии (говорили, что ок. 15 тыс. чел.). В г. Маньчжурия прибыли 6 аэропланов (из них 3 гидроплана). Они расположились в военном городке Лубиньфу⁴.

14 августа в Хайлар прибыл генерал-губернатор Хэйлунцзянской пров. Ван Фулин. 15 августа он посетил советское консульство, затем выехал на ст. Маньчжурия. Он хотел решить дело мирно. Мэрсэ послал письмо с запросом о его условиях. Цэнд-гун находится под домашним арестом и подпиской о невыезде из Хайлара (очевидно, потому что его племянник Фуминтай был одним из лидеров повстанцев). Поскольку ямынь распорядился, чтобы баргуты между Хайларом и районом действий восставших перекочевали на север вдоль Аргуни, шло их мас-

¹ Донесение Д.Б. в Москве от 17 августа 1928 г. о связи августовских событий 1928 г. в Барге с советским консульством в Хайларе, АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 48–50.

² РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 94–104.

³ По другим данным, при ямыне фудутуна был создан отряд в 100 шэнэхэнских бурят и 100 мобилизованных баргутов. Баргутский отряд разбежался, и 20–30 чел. из него попали в Буирнурское отделение ГВО МНР. Там же находился Ши-угурда. Баргуты стали переходить границу, желая стать гражданами МНР. Вопросом перехода границы занялась комиссия МНР: нач. ВПО ГВО Бурин, представитель минюста Дэлгэрсан, представитель штаба МНРА Дарьжав и др. Выезд из МНР в Маньчжурию временно прекратили (АВПРФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 221–229).

⁴ АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 4–13.

совое движение¹. Очевидно, баргинские власти хотели предотвратить их вытеснение повстанцами в МНР.

К 15 августа восставшие из хошуна Гул-Хух заняли часть территорий хошунов Хувут-Хух и Гул-Шар. 16 августа они двинулись на север, согласно своему плану наступления. Западная группа двинулась вдоль границы в сторону ст. Маньчжурия, заняв территорию до оз. Далай-нор. На следующий день она атаковала КВЖД между ст. Маньчжурия и Хайларом. Центральная группа не подошла к Хайлару достаточно близко для атаки. Вместо этого она прошла по центральным и западным частям Левого крыла Новой Барги, захватывая храмы и заставляя людей перемещаться к монгольской границе².

Восточная группа повстанцев³ вышла 16 августа ночью из Хандгая и атаковала китайцев в районе ст. Унур (Угунор). Баргутов было 40–50 всадников, вооруженных только винтовками. Китайский гарнизон составлял 24 штыка. Монголы предложили ему сдаться. Началась перестрелка, со ст. Мяньюхэ китайцы вызвали бронепоезд. В нем было ок. 200 пехотинцев⁴. Баргуты впервые атаковали Унур в 3 часа утра 16 августа. Вызванный с Унура бронепоезд ранее прошел эту станцию и двигался на Хайлар, а теперь вернулся с Мяньюхэ. Его обстреляли баргуты. Ответным огнем было убито два из них, были ранены⁵.

Согласно телеграмме начальника 4-го участка службы пути Жданова, ок. 7.30 час. группа примерно из 60 монголов на 329 километре завалила путь кучами «снеговых щитов и кольев». Затем они напали на путевую казарму 323 км (перегон Мяньюхэ – Унур) и заставили артельного старосту и артель рабочих снять с пути и сбросить под откос несколько звеньев рельсов. Затем они увели часть рабочих с путевыми инструментами и направились в сторону ст. Мяньюхэ. Квартиры служащих в полуказарме на 328 км были разграблены, служащие и их семьи разбежались и частью уехали на ст. Бухэду. Кроме того, были разобраны и сброшены под откос рельсы между 328 и 327 км⁶.

От ст. Унур повстанцы двинулись на запад и повредили путь. Была также повреждена телеграфная линия и прекратилась связь, но к вечеру была восстановлена⁷.

Начался ремонт пути. Днем советского консула посетила делегация советских граждан Хайлара и Маньчжурии с просьбой о содействии по отправке с курорта

¹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68.

² Atwood, 2002, p. 866–867.

³ Общая численность — 100 чел. во главе с Мэрсэ, Фуминтаем и Гончигжавом: Atwood, 2002, p. 867.

⁴ АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 189–197.

⁵ Поезд атаковал баргинский отряд под командой Идамсурэна, которым были убиты китайские рабочие. Несмотря на пулеметный огонь с поезда, баргуты выстрелами испортили паровоз, из прикрытия открыли огонь по вагонам, заставили китайцев отступить. Только по прибытии другого состава китайцы отогнали их (Донесение из Сан-бэйсэ от 3 сентября 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 221–229). Есть сведения, что повстанцы захватили ст. Унур, и китайские солдаты отбили ее только к вечеру (Zhou, 2010).

⁶ Заря, 18.08.1928, 19.08.1928.

⁷ АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 189–197.

Аршан их семей. Они просили получить для этого от китайских властей 1–2 машины. Днем Аникина посетил Хэ Жумин и сообщил от имени даоиня о событиях на ст. Унур, где было 200 монголов. Он сказал, что Мэрсэ обещал давать продовольствие курорту. Вечером консулу передали слова одного члена НРПВМ, что начать восстание было решено на ее последнем съезде, там был представитель Коминтерна, который обещал от Коминтерна помощь. В 11 час. вечера позвонили от даоиня, что у ст. Хакэ (30 верст от города) появились монголы. Говорили, что там была стрельба на японской лесной концессии.

16 августа генерал Ван Фулин прибыл в г. Маньчжурия. В первые дни пребывания его там комендант ст. Чжалайнор предлагал русским беженцам оружие, предлагал встать в ряды китайских войск. Беженцы уклонились¹. В тот же день 16 августа Ван Фулин уехал обратно в Цицикар. Перед его поездом ехал бронепоезд. Во время его пребывания в Маньчжурии говорили, что он приказал вступить в переговоры с повстанцами и пойти на просимые ими уступки. Китайские посланцы несколько раз ездили к ним на автомобилях и совещались. Но это было, пока Ван был в Маньчжурии. После его отъезда китайцы перестали говорить об уступках и стали говорить о подчинении всей Барги или приведении ее в положение до восстания, с возложением убытков на баргутов².

Все эти события получили широкую огласку. С 15 августа страницы японской и субсидируемой японцами китайской прессы наполнились сенсациями о событиях в Барге: что монголы находятся под прямым руководством советских военачальников, что повстанцы носят красные повязки, что на организацию восстания Борискин и заместитель директора КВЖД М.М. Лашевич свезли монголам 200 тыс. или 2 млн. руб. золотом, что Лашевич хотел бежать из Харбина во Владивосток, но китайцы его своевременно арестовали и т.д.³ Были и более реалистичные сообщения: цель движения — «слияние Барги с Халхой»⁴.

Повстанцы продолжали надеяться на оружие и боеприпасы от Коминтерна. Еще 8–9 августа в Улан-Батор прибыла делегация баргинских революционеров, посланная Мэрсэ за помощью. 11 августа состоялось совещание с ними части членов ЦК МНРП (А. Амар, Х. Чойбалсан, Г. Гэлэгсэнгэ, Ц. Жамцарано) и Климова. Амар выразил удивление, что Мэрсэ, Фуминтай и Степанов решили вопрос о восстании, не согласовав его с руководством МНР. Климов сказал, что момент не благоприятствует восстанию, оно сыграет на руку Японии, охарактеризовал деятельность Степанова в Барге как его личную ошибочную инициативу⁵. Однако «местные панмонголисты во главе с Жамцарано» поддержали восстание, была также установлена связь прибывших с «местными японофилами». Член ЦК НРПВМ, «японофил» Гобол Эрхэмбат связывался с Фуминтаем — одним из ру-

¹ Отчет шофера Швецова от 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 4–13.

² Отчет Швецова от 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 4–13.

³ Обзор японской прессы, материал советника полпредства СССР в Японии Майского за август 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 56–59.

⁴ Заря, 17.08.1928.

⁵ Лузянин, 2003, с. 162–163; Мягмарсамбуу, 2018а, с. 138.

ководителей восстания¹. Решение членов ЦК МНРП и Климова в отношении восстания было отрицательным.

15 августа 1928 г. Буянгэрэл и Эрхэмбат направили в Улан-Батор меморандум такого содержания. Уполномоченный Коминтерна обещал съезду баргинской партии помощь: 50 000 патронов, 1000 винтовок для поднятия революционного движения. «Всё подготовлено, и выступление, и вопрос этот нами уже решен». В Улан-Батор приехали представители Барги за советами и помощью, но уполномоченного Коминтерна там не было. Полпред СССР категорически возражал против выступления, а Коминтерн молчал и не давал ответа. Буянгэрэл и Эрхэмбат информировали, что «ныне прекратить революционное движение в Барге трудно, поэтому просьба узнать обо всем в Коминтерне и срочно сообщить». Материал направили полпредству МНР в Москве. На следующий день один из лидеров МНРП Г. Гэлэгсэнгэ направил туда же сообщение: «Поступили сведения, что население Барги перекочевывает на нашу территорию. Отряды баргинских хошунов идут к Хинганскому перевалу с целью захватить туннели и оттеснить китайские войска. Представители Барги в тяжелом положении и просят поддержать оружием. В случае, если не будет оказано содействие, Барга не сумеет освободиться. Срочно телеграфируйте ваше мнение»².

Однако поддержки они не получили. Узнав о восстании, советский полпред в МНР Охтин и ЦК МНРП выступили против него. Вскоре пришла телеграмма из Москвы о недопустимости восстания³. 16 августа 1928 г. политбюро ЦК ВКП(б) решило: «а) поручить Молотову и Карахану составить краткую телеграмму ТАСС для печати о хайларском восстании; б) поручить ГПУ срочно расследовать действия Степанова и, в случае надобности, немедленно арестовать его; в) дать директиву нашим органам, близким к этим районам, оказать властям содействие в принятии мер к наиболее безболезненному свертыванию восстания»⁴. Повстанцы об этих решениях узнали не сразу и продолжали боевые действия.

17 августа в 8.30 час. утра на перегоне Цаган – Чжалайнор на пикете № 1 55-го км восставшие перерезали обе телеграфные линии (спилили пять телеграфных столбов и разрезали провода). На пикете № 4 того же километра они сняли болты и расшили путь, выворотили и согнули рельсы. Там же они сняли с работ артель Матвеева и увели в степь. Из нее были расстреляны рабочие Ли Дэ, Си Ю и Хань Цай, остальные бежали⁵. Китайцы были убиты за отказ разбирать путь. На том же перегоне Цаган – Чжалайнор монголы обстреляли эшелон, в котором проезжало 500 чел. китайской пехоты из г. Маньчжурия в Хайлар, а также

¹ ИНО ОГПУ, 21 августа 1928 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 51.

² ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 46, 47.

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 53–58.

⁴ Протокол политбюро № 38 от 16 августа 1928 г. п. 11, РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 700, л. 3. Роль Степанова в организации восстания не помешала его карьере (см. выше). Но Эрхэмбата и ряд других монгольских революционеров арестовали, чтобы скрыть роль Коминтерна в организации восстания (Лузянин, 2003, с. 164).

⁵ Телеграмма начальника 1-го участка пути Моргунова со ст. Маньчжурия от 17 августа 1928 г., Заря, 19.08.1928.

следующий за ним спецпоезд Ван Фулина. Потерь во время перестрелки с обеих сторон не было. При нападении на разв. Аргунь повстанцы расстреляли двух китайских полицейских. К вечеру сообщение было восстановлено: после перестрелки восставшие ушли в сопки и больше не показывались. Кроме того, у них произошло столкновение с китайскими войсками в районе Далай-нора. В целом, во время столкновений у КВЖД 16 и 17 августа повстанцы потеряли 1 убитым; китайцы — 3 убитыми и 11 солдат ранеными, были убиты 2 полицейских и 3 рабочих. По словам повстанцев, потери были другие: у ст. Унур убито 20 китайских солдат, потери повстанцев — 1 взятый в плен; у ст. Цаган убито 2 китайских офицера и несколько солдат¹.

Китайцы вели переговоры с Мэрсэ и Фуминтаем как руководителями движения. По словам Хулинтая, повстанцы вступили в переговоры с китайцами потому, что Мэрсэ рассчитывал на международные осложнения в связи с восстанием, но это не оправдалось. Переговоры затягивались. Основное соглашение должно было быть заключено в Мукдене. У консульства в Хайларе сведений о переговорах не было, но у японцев (резидентура Терады) была хорошая связь с монгольским ямынем, которой не было у советского консульства².

Китайская сторона для усиления своей позиции на переговорах оказывала давление на повстанцев. Позже Улзий вспоминал, что в то время как отряд Мэрсэ разрушал КВЖД, другой член ЦК «Хулунбуирской партии» — Нямжав вел какие-то переговоры с китайцами. Мэрсэ приготовил китайцам подарок в виде трех пачек примерно по 1000 долл., одну передал Нямжаву³.

17 августа даоинь прислал в консульство в Хайларе своих сыновей⁴: у города появился отряд монголов, лояльных ямыню, но их приняли за повстанцев. Выяснилось, что опасности нет. Сыновья уехали домой. Сообщение Хайлар–Харбин и Хайлар–Маньчжурия было временно прервано: население говорило, что повстанцы разобрали путь, между Чжалайнором и Цаганом были незначительные повреждения. Не работал телеграф из Хайлара в Харбин и Маньчжурию. Китайцы стали рыть окопы вокруг города. К вечеру связь вдоль всей линии была восстановлена. С юга прибыли китайские войска (говорили, что из армии Чжан Цзунчана). Вначале китайцы запретили сообщение между Хайларом и МНР, затем разрешили, но товары разрешили вывозить в незначительном количестве.⁵

¹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 189–197; РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 94–104.

² Донесение Д.Б. в Москве от 17 августа 1928 г. о связи августовских событий 1928 г. в Барге с советским консульством в Хайларе, АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 48–50.

³ Рассказ Улзия («Ульдзы») 19 ноября 1928 г. в Улан-Баторе, АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 40–42.

⁴ Этот случай в одном советском донесении трактовался как доказательство доверия даоиня и одновременно того, что китайцы были уверены в связях консульства с повстанцами (Донесение Д.Б. в Москве от 17 августа 1928 г. о связи августовских событий 1928 г. в Барге с советским консульством в Хайларе, АВПРФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 48–50).

⁵ Послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68; Отчет шофера Швецова от 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 4–13.

Очевидно, об этих днях в информации ГВО МНР от 22 августа сообщалось, что к баргутам примкнули солоны и орочены; под ружье могут встать до 3000–4000 чел., но вооруженных японскими винтовками без достаточного количества патронов — ок. 1000 чел., остальные вооружены пиками, топорами или не вооружены; они участвуют в движении лишь как вожатые лошадей. Говорили, что Ши-угурда¹ добровольно присоединился к повстанцам, Ие-угурда якобы вызвал из Хайлара китайских солдат для охраны своей ставки и остался верным властям; повстанцы хотят в первую очередь разгромить этого князя как изменника. Восставшие имели столкновение у ст. Цаган. Сообщалось, что их группа (из солон и орочен) под командой Мэрсэ стремится по горам Хингана проникнуть к линии КВЖД между Хайларом и Цицикаром, чтобы взорвать тоннель и отрезать путь переброски войск противника через Хинган. Из Хайлара на автомобилях выступили китайские войска. Монголы говорили, что у повстанцев настроение очень решительное, что Мэрсэ заверил их в поддержке оружием из МНР².

18 августа Мэрсэ получил письмо даоиня Чжао с предложением заключить 14-дневное перемирие. Он отозвал два своих отряда в Хандгай. Мэрсэ передал желание монгольского населения восстановить автономию³. В тот же день со станций Чжалайнор и Хорхонте служащие телеграфировали о странных происшествиях: под паровозом одного поезда произошло подряд два слабых взрыва (на перегонах Чжалайнор – Цаган и Хорхонте – Цаган), повлекшие две кратковременные остановки. Вызвали бронепоезд, который сопровождал состав до конечной станции⁴. Причины происшествия остались неизвестными.

18 августа рытье окопов у Хайлара продолжилось. Из Харбина прошел первый пассажирский поезд. 19 августа утром из Цицикара прошел эшелон кавалерии (290 сабель), часть направлялась в сторону Цагана. Аникин посетил даоиня. Даоинь обещал передать Фан Фулину, что восстание не в интересах СССР, заверил, что не вооружает белых, предложил охрану для консульства, но Аникин отказался⁵.

По свидетельству очевидца, «китайские войска подобно саранче опустошают на своем пути все. Забирают ломовых, легковых извозчиков для вывоза своего скарба и арбузов из вагонов, берут бесплатно сено со дворов населения, отпускают своих лошадей в сады и скверы. Не освобождены от этого и частные квартиры. <...> В Хайларе Старом городе к китайцам поставили войска на постой с обязательством кормить их... В Монголии [Барге. — С.К.] в районе Керулена баргуты ежедневно режут своих баранов для содержания китайских солдат. И это содержание китайских солдат дорого станет баргутам. По имеющимся пока све-

¹ Ухэрида Правого крыла Новой Барги — Чибсэнгэ (Мягмарсамбуу, 2018а, с. 151).

² Информация вице-консула в Баин-Тумэн-хан-ула Иванова о событиях в Барге, направленная в отдел Дальнего Востока НКВД от 25 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 69–73.

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 94–104.

⁴ Заря, 20.08.1928.

⁵ Послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68.

дениям, китайцы никаких пока репрессий не принимают против баргут, возвращающихся с халхинской границы»¹.

С начала восстания среди китайцев ходили слухи, что будет большая война — поход на Халху или столкновение с СССР. Считалось, что Мэрсэ, как известный «работник Халхи», не мог без ее участия встать во главе восстания, а последняя не могла встать на этот путь без согласия СССР. На той же позиции стояли правые газеты. Но советское консульство в Хайларе никаких препятствий китайцам не чинило. МНР отказалась принимать беженцев, баргуты стали массово откочевывать от границы с ней. Из Улан-Батора пришла нота о непричастности МНР.²

Эта нота была издана 20 августа 1928 г. В ней правительство МНР категорически заявило, что не имеет никакого отношения к событиям в Барге. ЦК МНРП принял постановление по баргинскому вопросу. Протокол резолютивной части содержал четыре основных пункта: беженцев из Барги принять и дать им убежище; выяснить, кто фактически руководит движением и кто принимает в нем участие; принять меры к тщательному наблюдению за восточной границей, в случае интервенции немедленно сообщить; «идейно поддерживать движение и участвующих в нем революционных товарищей». Была создана чрезвычайная комиссия по восточной границе из 3 чел. под председательством Дарьжава («Деризапа»)³.

20 августа Аникину в Хайларе нанес визит Танака — японский консул в г. Маньчжурия. Он сообщил, что от китайских властей к Мэрсэ выехала делегация. 21 августа Аникина посетили фудутун и На-ухэрида. Гуйфу просил его снестись с Улан-Батором, чтобы правительство МНР закрыло границу от перекочевков туда баргутов, возвратило делегатов от ямыня, выехавших на ямыньской машине к Мэрсэ с пятью солдатами, «которая почему-то попала» на территорию Халхи. Фудутун подтвердил, что к Мэрсэ поехала делегация (Шаолин и Нямжав-гун) и что повстанцев не более 200. Консул заверил фудутуна, что СССР и МНР не поддерживают Мэрсэ⁴. Власти отправили машину в Аршан за курортниками. 22 августа Танака призвал своих резидентов и советников запастись мукой. Он встретился с белыми⁵.

В тот же день, 22 августа, в Хандгай («Хандалай») к Мэрсэ прибыли для переговоров Нямжав и Шаолин (по мнению ГПУ, «фактически, подосланные японцами»). При встрече с Мэрсэ они говорили о якобы заинтересованности японцев в этом восстании. Повстанцы в качестве предварительных условий для перегово-

¹ Отчет Швецова от 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 4–13.

² Отчет Швецова от 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 4–13.

³ Телеграмма советскому консулу в Хайларе из НКВД, АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 102, АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 74.

⁴ По другим сведениям, Аникин обещал телеграфировать просьбу Гуйфу в Ургу, но через несколько дней ответил, что сначала должен снестись с Москвой, и передал туда его просьбу (Донесение Д.Б. в Москве от 17 августа 1928 г. о связи августовских событий 1928 г. в Барге с советским консульством в Хайларе, АВПРФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 48–50).

⁵ Послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68.

ров потребовали восстановить автономию и отозвать китайских солдат¹. Переговоры успеха не имели.

23 августа повстанцы Мэрсэ подошли к монастырю Джанжин-сумэ². 23 августа в местности Хунхули в 200 верстах юго-восточнее Хайлара появился китайский отряд кавалерии в 500 сабель. Вернулись Шаолин и Нямжав-гун. Результаты поездки были неизвестны. 24 августа Мэрсэ просил передать Аникину, что если КВЖД не прекратит перевозить китайские войска в Хайлар, то он взорвет ее в нескольких местах, а консул будет отвечать. 25 августа в консульство СССР в Хайларе приходил за советом представитель фудутуна³.

25 августа Нямжав и Шаолин приехали на переговоры о мире в монастырь Джанжин-сумэ. Вместе с ними был представитель Чжан Сюэяня с советником. Им были переданы требования о восстановлении автономии Барги⁴.

Ведя переговоры, китайцы продолжали наращивать военную силу в Барге. У них до самой капитуляции Мэрсэ сохранялось опасение, что за ним стоит МНР. Только этим можно объяснить переброску из Мукдена большого количества войск (по оценке Аникина, не менее 10 тыс. штыков), хотя власти знали о немногочисленности повстанцев, а правительство МНР дважды заявляло о непричастности к восстанию⁵.

После 20 августа китайцы начали концентрировать свои войска в районе Хингана, и уже к 25 августа там было ок. 1500 чел. Переброска войск с Хингана на запад началась с 27 августа, когда в Хайлар прибыл первый эшелон китайских войск. В последующие дни стали прибывать более крупные части. Некоторые оставались в Хайларе, другие следовали дальше, некоторые возвращались обратно на ст. Бухэду. К началу сентября в Хайлар прибыла 3-я мукденская бригада (12-й и 7-й пехотные полки с 4 орудиями, причем 7-й полк почти весь ушел назад). Прибыло ок. 350 кавалеристов, 150 проследовало в Чжалайнор. Прибыл 1-й полк 3-й запасной бригады. В городе встали солдаты 1-го и 12-го пехотных полков, штаб 3-й бригады. В начале сентября в Хайлар прибыла артиллерия (28 мелкокалиберных орудий). Всеми войсками в Хайларе командовал генерал Лян. Одновременно с прибытием новых частей производилась отправка войск на поездах. Очевидно, китайцы стремились создать впечатление о многочисленности своих войск: они официально заявляли, что там уже ок. 5–6 тыс. солдат, но в действительности было менее 2 тыс. штыков⁶.

Отряд Мэрсэ в районе Хингана имел боестолкновение с китайским регулярным отрядом в 200 чел. В результате трехчасовой перестрелки китайцы потеря-

¹ О работе японской разведки в Барге, подготовлено ИНО полпредства ОГПУ по ДВК, г. Хабаровск, от 25 мая 1933 г., ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 37–96; Мягмарсамбуу, 2017б, с. 93–94.

² Мягмарсамбуу, 2017б, с. 93–94.

³ Послание Аникина Карахану от 26 августа 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 63–68.

⁴ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 94–104.

⁵ Донесение Аникина Карахану от 30 ноября 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 182–187.

⁶ АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 189–197.

ли 30 солдат убитыми, баргуты — одного. Возможно, об этом сообщалось, что 1 сентября один из повстанческих отрядов в 100 чел. изгнал китайские войска из хошуна Гул-Цаган. Через два дня прибыли новые китайские войска, но были изгнаны повстанцами. Восставшие стали оттуда отступать к МНР. Пресса охотно муссировала слухи о восстании. Сообщалось даже, что в нем участвуют 10 тыс. чел. Английские, японские, китайские, американские, польские газеты в течение августа – сентября 1928 г. сообщали об обострении ситуации в Китае и восстании в Барге¹.

К началу сентября отряды повстанцев всё еще находились на юге Барги. Их разъезды встречались примерно в 100 верстах южнее Хайлара. Были сведения, что Мэрсэ ездил в Сан-бэйсэ (МНР) за инструкциями и вернулся в Хандгай в начале сентября. Китайцы усилили гарнизоны на станциях КВЖД до 100 и более штыков на каждой. Укреплялось мнение, что инцидент будет разрешен мирно. Китайцы в Хайларе не притесняли баргинских феодалов, родственники которых участвовали в восстании².

Поскольку идея атак на КВЖД оказалась неэффективной, повстанцы из окр. оз. Буир-нур под командой Фуминтая сосредоточились на оттеснении баргутов к западу от р. Аршан и в район монастыря Асарын-сумэ к северу от оз. Буир-нур у границы Барги с МНР. Они рассчитывали, что оттесненные к границе люди хошунов Гул-Цаган и Хувут-Шар защитят народ, уже «освобожденный от реакционеров», и организуют стычки, которые смогут вовлечь в конфликт правительство МНР³.

Бунябазар из ЦК НРПВМ отправил телеграмму «через Восточный отдел Коминтерна уполномоченным Внутренней Монголии, командированным на конгресс Коминтерна Харло и Боянбатору» (Хорло и Баянбатор). Там было сказано: «Ввиду слабой подготовки и недостатка снаряжения, вооруженное выступление Мэрсэ на непродолжительное время подавлено, хотя еще продолжается. Когда вы вернетесь? Находящиеся здесь наши товарищи говорят, что главная и наиважнейшая наша работа должна быть в худоне. Но встречаются затруднения в связи с наступлением осенних холодов. Прошу в срочном порядке по телеграфу разрешить вопрос, как поступить с отправкой этих товарищей и найдутся ли средства (янчан)»⁴. ЦК НРПВМ писал и советскому полпреду в Улан-Баторе, что со дня выезда на конгресс Коминтерна Степанова, Баянбатора и Хорло прошло ок. 2 мес., но ЦК не получил от них ни одного известия; из разных мест Внутренней Монголии вернулись 8 чел.; кончились деньги на пропитание, отпущенные «ЦК Внешней Монголии» (3000 тугриков); нужен кредит в 2000 тугриков⁵.

¹ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 53–60; АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 77–98, 103, 104, 113–166.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 189–197.

³ Atwood, 2002, p. 872; Мягмарсамбуу, 2018а, с. 155.

⁴ Донесение из Сан-бэйсэ от 3 сентября 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 221–229; АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 70.

⁵ Отношение ЦК НРПВМ Охтину от 3 сентября 1928 г. (пер. с монг.), АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 20–21.

Итак, связи НРПВМ с руководством МНР выражались в финансовой поддержке со стороны последнего. Однако эта поддержка была недостаточной, а оружие так и не поступило. 3 сентября переговоры между председателем ЦК НРПВМ и китайцами были прерваны. Представитель Чжан Сюэляна (наследника Чжан Цзо-линя) — генерал Цзин — выехал в Мукден с докладом¹. Ямынь фудутуна Барги создал отряд в 300 чел. из баргутов, солонов, бурят и южных монголов. 6–7 сентября этот отряд стал теснить повстанцев в районе границы с МНР².

6 сентября Мэрсэ, Бумбэ, Фуминтай и другие партийцы прибыли в Домбо-сумэ и устроили там совещание. Было решено перевести в МНР всех, кто принимал участие в повстанческом движении. Мэрсэ был против, но подчинился воле большинства. Население двух хошунов перешло в МНР и сдало оружие, а Мэрсэ со своим отрядом в 200 чел. остался и сказал, что ведет переговоры с японцами³. 7 сентября повстанцы вновь попытались наступать. Мэрсэ опять выступил в район Хинганских гор⁴.

Баргинское отделение НРПВМ в то время было немногочисленным. Аникин отмечал, что «идея восстания родилась на территории Халхи и оттуда явились главари движения». В «организации баргинской молодежи» состоит не более 40–50 чел., разбросанных поодиночке по хошунам, по всем данным, едва ли наберется более 200 приверженцев восстания. «Из этого ясно и то, что баргинское движение не носит массового характера, а является искусственно устроенной вспышкой и обречено на быстрое умирание. Что восстание не поддерживается монгольским населением, видно и из того, как в несколько дней все население 200-верстной полосы от Хайлара до р. Халхин-гол перекочевало на север за Аргунь, проложив пустыню между Хайларом и районом распространения повстанцев». Однако ликвидация повстанцев для китайцев была затруднена из-за их большой мобильности. «Установить прямую связь японцев с повстанцами пока не получилось». По мнению Аникина, Мэрсэ знал, что не получит помощь от Урги и Москвы, реальных результатов не добьется, но поднял восстание — значит, он понимал, что Япония ухватится за это и хотел что-либо выторговать от Китая или Японии. Мэрсэ распускал слухи, что за ним стоят большевики и халхасцы⁵.

Это заключение не представляется верным. Мэрсэ не мог не понимать, что, распуская такие слухи, он вряд ли сможет рассчитывать на помощь Японии. Очевидно, надежды на эту помощь возникли уже во время восстания — когда Мэрсэ и его соратники убедились, что советскую помощь не получат. Это видно из японского документа от 13 сентября, обнаруженного позже в архиве «Хулунбуирского временного правительства». Он представляет собой отрицательный от-

¹ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 99.

² Atwood, 2002, p. 898.

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 53–58.

⁴ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 99.

⁵ Донесение советского консула в Хайларе Аникина Карахану в Москву от 26 августа 1928 г. АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 60–62. Видимо, надо читать «на север к Аргуни»: за этой рекой уже был СССР.

вет на запрос о помощи «народного собрания Барги», выбранного повстанцами. Два варианта перевода этого документа имеют существенные отличия¹. Но из них видно, что японцы могли бы рассмотреть вопрос о помощи восстанию лишь в случае, если бы оно было направлено на объединение всей Монголии, а повстанцы не апеллировали к СССР. Они обратились к Японии, лишь потеряв надежду на помощь от СССР и МНР.

Когда отряд Мэрсэ из Хандгая дошел до монастыря Джанжин-сумэ («Чжан-Цзян-мяо»), туда прибыли посланные для переговоров в Ургу Фуминтай и Эрхэмбат. Они подтвердили, что МНР не поможет восставшим. Приехав затем в Хайлар, Фуминтай и Эрхэмбат проинформировали об этом ямынь. Оттуда это стало известно Шаолину, а от него — японскому командованию. Штаб Квантунской армии командировал в Хайлар командира дивизии майора Т. Тераду. Он заявил о симпатиях Японии баргинским революционерам. На словах посланцы заверяли Мэрсэ в готовности Японии поддержать восстание. В ответ Мэрсэ письменно сообщил Тераде, что их цель — реставрация автономии Барги, что они обязуются поощрять развитие в ней японской промышленности и коммерции, защищать жизнь и интересы японских резидентов, будут посредниками в восстановлении деловых отношений МНР и Японии, хотят получить от последней оружие (чтобы его доставили на границу Барги), хотят, чтобы Япония воздействовала на мукденские власти и задержала операции мукденских войск в Барге, приняла меры, чтобы Чжан Сюэлян признал автономию Барги. Получив власть в Барге, Мэрсэ обязывался при помощи Японии вести освободительное движение во Внутренней Монголии. При согласии Японии стороны могли бы выслать своих представителей для заключения договора. Однако эти переговоры так и не были доведены до конца².

Есть сведения, что японцы укоряли Мэрсэ, что он неверно разрушал КВЖД: полотно дороги вместо того, чтобы выдернуть костыли (что не увидит машинист) и вызвать крушение поезда. Улзий говорил, что видел, как Мэрсэ и Эрхэмбат отправляли письмо японцам с печатью монгольского ЦК профсоюзов, что Мэрсэ просил помощи японцев оружием и воздействием на китайцев (Чжан Сюэляна), обещая за это помочь Японии «в агрессивных стремлениях к Монголии» и проведению стратегической железной дороги к Халхин-Халун-Аршану. Он писал и о том, что поможет Японии в ее планах по Внешней Монголии. Автором письма был Эрхэмбат, имевший японское образование, написано оно было по-японски³. Улзий говорил это на допросе в МНР. Он показал также, что связь с японцами поддерживалась через японского резидента в Хайларе, руководство исходило от японского консула в Мукдене, связником от Мэрсэ был Мажап. Сохранился также проект договора баргинцев с японцами. В нем содержатся просьбы добиться

¹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 1–3, 68–69; ЦАФСБ, ф. 65, д. 140, т. 4, л. 213.

² О работе японской разведки в Барге, подготовлено ИНО полпредства ОГПУ по ДВК, г. Хабаровск, от 25 мая 1933 г., ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 37–96.

³ Рассказ Улзия («Ульдзы») 19 ноября 1928 г. в Улан-Баторе, АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 40–42.

полной автономии Барги путем давления на Чжан Сюэляна, задержать посылку его войск в Баргу, прислать японского представителя, оказать помощь войсками и оружием, обещание повстанцев охранять имущество японцев в Барге, оказывать им в будущем помощь, посредничать в установлении связей Японии с МНР¹.

Сохранилась «Справка об участии японцев в Баргинском восстании», подготовленная по линии ОГПУ, по-видимому, вскоре после восстания. Основные аргументы — беседа 14 августа с Фуминтаем майора Терады, прикомандированного к штабу Квантунской армии (за два дня до начала восстания); заметка в харбинской газете «Ници-Ници» о восстании еще до его начала; тот факт, что китайская пресса с самого начала приписала восстание Японии; наличие у повстанцев японского оружия; что Эрхэмбат, прибыв в Улан-Батор, говорил, что японцы относятся к восстанию благожелательно².

Эта аргументация представляется тенденциозной. О Тераде и слухах о восстании в Барге еще до его начала сказано выше. Неудивительно, что эти слухи попали в прессу. Мнение китайской прессы — не доказательство. Японское оружие было у многих — в том числе у китайских и советских солдат. Слова Эрхэмбата логично объяснить тем, что он хотел таким путем склонить МНР к поддержке восстания. Но даже с учетом этого и силовых методов воздействия в ОГПУ, нет оснований отрицать попытку повстанцев установить связь с японцами — но не в начале восстания, а когда повстанцы решили, что японская помощь — их последняя надежда. Так что не японцы спровоцировали восстание. Спровоцировал его официальный представитель Коминтерна — Степанов.

Как же отреагировал на восстание Коминтерн? 12 сентября 1928 г. ИККИ поручил своей делегации, ехавшей в МНР, провести совещание с ЦК МНРП и НРПВМ. «На этом совещании осудить баргинское выступление, как авантюру, вызванную в значительной мере усилиями японского империализма и правых элементов Народно-революционной партии Внешней Монголии. Разоблачить руководителей путча, действовавших вопреки прямым указаниям Коминтерна, данным в Москве представителю ЦК МНРП — Мэрсэ. Разъяснить, что основой для определения тактической линии партии должны быть решения IX пленума ИККИ и VI конгресса КИ по китайскому вопросу, ставящие центральной задачей момента организацию масс, но не непосредственно их боевые выступления»³. Таким образом, открестившись от своего официального представителя, ИККИ решил переложить свою ответственность на «японский империализм» и Мэрсэ. Позже было проведено расширенное заседание НРПВМ с участием местных парторганизаций и делегации ИККИ с осуждением восстания⁴.

Итак, надежды повстанцев на помощь Коминтерна, а затем японцев не оправдались. Восстание затухало.

¹ УФСБ России по Омской обл., ф. 65, д. 140, т. 4, л. 213 — в кн.: Монголия в документах..., 2019, с. 218.

² ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 6–8 — в кн.: Монголия в документах..., 2019, с. 179.

³ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 12, л. 111.

⁴ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 16, л. 23–25.

Вслед за атакой 6–7 сентября, отряд баргинского ямыня в 300 чел. под командой Фулина и Чулуна 8 сентября вывинулся на задержание баргутов, уходивших в сторону Буир-нура. Поскольку главные силы под командой Фуминтая еще не подошли, повстанцы и часть уходивших рассеялись, а некоторые добрались до границы. Но там уже были выставлены пограничные посты МНР, которые не давали им проникнуть туда¹.

9 сентября смешанный китайско-монгольский отряд в 300 всадников под командой Цэвэн-Чарши перешел границу с МНР и обстрелял ее пограничный пост в местности Баландэрс («Баландарсу»). Этот отряд, появившийся на северной стороне Буир-нура Халхагольского хошуна, проводил «жестокие репрессии» против кочевавших там баргутов, убил несколько человек, замучил Сэргэлэн-гуна («князя Сергуленгуна»). Китайцы говорили, что будут преследовать баргутов на монгольской территории².

Согласно монгольским архивным данным, дело было так. Отряд баргинского ямыня появился на этой пограничной станции и атаковал беженцев из Гул-Цагана и Хувут-Шара. Пограничники МНР открыли ответный огонь, чтобы помешать баргинскому отряду перейти границу и арестовать тех беженцев, которые уже успели перейти в МНР. Сопровождавшие беженцев повстанцы дали залп из своих берданок и смешались с толпой. Пограничники вытеснили проникших в МНР беженцев назад в Баргу, где их взял в плен отряд ямыня. Находившиеся среди них командиры повстанцев были выявлены и казнены³.

По другим данным, 13 сентября китайская конница вторглась в МНР, обстреляла пограничный пост в местности «Унигататор». 17 сентября китайский отряд в 100 всадников вторгся в МНР и напал на пограничный пост в местности Цогтсумбэр («Чектосумбур»). Нападение повторилось 18 сентября и было отбито погранохраной⁴.

Причина была в следующем. Китайцы утверждали, что в Баргу перешли люди, которые произвели беспорядки, смущая народ. Поскольку они граждане МНР, «отзовите их, иначе наши войска перейдут границу на вашу территорию». 12 сентября китайский отряд в 300 чел. подошел к пограничному пункту Хар-Торол (возможно «Унигататор»), предъявив ультиматум о выдаче беженцев, угрожая военными действиями. 13 сентября китайский отряд численностью в 200 чел. на 7 автомобилях с пулеметами пересек границу и открыл огонь по монгольской погранохране. Навстречу им 14 сентября из Сан-бэйсэ выступил 5-й пограничный дивизион. Китайцы ушли обратно, захватив несколько беженцев⁵.

¹ Atwood, 2002, p. 902–903.

² Донесение от 9 сентября 1928 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 10, д. 531, л. 85–86.

³ Atwood, 2002, p. 903–905.

⁴ Телеграмма Аникина даоиню Хулунбуирского округа и дипломатическому комиссару от 3 октября 1928 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 12, папка 15, д. 19, л. 40, 45. Есть сведения, что китайские войска 4 раза вторгались в МНР (Zhou, 2010).

⁵ ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 99.

В ответ на телеграмму Аникина об этих событиях, даоинь Хулунбуира сообщил, что имели место передвижения китайских войск в границах, подведомственных Хулунбуиру, а путь им указывали монгольские солдаты¹. По-видимому, это были совместные баргинско-китайские рейды для захвата повстанцев, пытавшихся скрыться в МНР и увести туда побольше баргутов.

Между тем, продолжались и переговоры с руководителями восстания. По данным на 18 сентября, из Хайлара в Хандгай («Хандре») к Мэрсэ трижды выезжала китайская мирная делегация. Но договоренности всё не было. К этому времени с начала восстания в Баргу прибыло до 7000 чел. китайских войск — главным образом, части нового дубаня пров. Хэйлунцзян генерала Ван Фулина, снятые из района Мукдена. Дальнейшая переброска войск в Баргу не предвидилась. Большинство войск стояло в Хайларе и Маньчжурии. В Ганжуре и у южной части Далай-нора было до 1000 кавалеристов. В Маньчжурии было 6 китайских аэропланов, прибывших 15 сентября. Летчиками были 2 японца, 1 русский, остальные — китайцы².

Повстанцы оперировали не во всей Барге. Они имели некоторое влияние только в хошунах Гул-Хух, Гул-Цаган и Гул-Шар («Гуль-Чера»). Китайские власти через монгольский ямынь вооружили отряд всадников-бурят из эмигрантского бурятского хошуна, которые 14 сентября чуть не захватили Мэрсэ в его ставке в Хандгае³.

В конце сентября переговоры даоиня с Мэрсэ, наконец, завершились. 25 сентября даоинь при посещении Аникина заявил, что Мэрсэ сдаётся, за ним послана машина. По его словам, китайские власти обещали кое-какие уступки Барге, согласились на формирование при ямыне совета, избираемого от населения. 26 сентября Мэрсэ прибыл в Хайлар. 28 сентября вместе с даоинем Чжао и генералом Ляном он выехал в Мукден к Чжан Сюэляну. Мэрсэ не возвращался, и к концу октября повстанческие отряды распались⁴. По окончании восстания в Барге китайские кавалерийские части были выведены из нее⁵.

Прибыв в Мукден, Мэрсэ стал налаживать контакты с Чжан Сюэляном. Теперь он обвинял в бедах Монголии уже СССР и Японию⁶. Чжан Сюэляну Мэрсэ написал следующее. Восстание в Хулунбуире произошло на почве политического и экономического угнетения. Мэрсэ и другие «товарищи-араты Хулунбуира» не согласны с властями управления мэрэн-дзангина, вынуждены были уехать за

¹ Ответ Аникину из управления хулунбуирского даоиня от 31 октября 1928 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 12, папка 15, д. 19, л. 42.

² Выписка из письма неизвестного лица от 18 сентября 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 18.

³ Возможно, это были буряты из баргинского хошуна Шинэхэн. После начала восстания белый офицер У. Гармаев сформировал по заданию властей отряд из шинэхэнских бурят и не только не допустил неконтролируемого развития ситуации в этом и соседних хошунах, но и принял активное участие в подавлении восстания (Базаров, 2001, с. 12).

⁴ Донесение Аникина Карахану от 30 ноября 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 182–187.

⁵ Отчет Аникина за июль – сентябрь 1928 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 12, папка 15, д. 19, л. 23–27.

⁶ АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 162.

границу, на 5 лет порвали связь с Хулунбуиром. Перед началом восстания аратские массы Хулунбуира решили восстановить свою самостоятельность и послали представителей к Мэрсэ. Постановили сделать свободу для аратских масс «и счастливое развитие народов пяти племен, составляющих Китайскую республику». Мэрсэ и другие вернулись в Хулунбуир для разработки дальнейших мероприятий. Чтобы привлечь внимание к Хулунбуиру, они решили сделать военную демонстрацию, для этого испортили телеграф и железную дорогу. «По мнению Мэрсэ и других партийных товарищей, в Монголии не могут существовать ни красная, ни белая партия, ибо из общей обстановки ясно, что в Монголии не существует подразделения на классы пролетарский и капиталистический». Центральное правительство поддерживало старый маньчжурский порядок управления Монголией — «лестью и коварством и, поддерживая произвол монгольских князей, дало им возможность усилить притеснения аратов». Мэрсэ просил не рассматривать его и его товарищей и аратов как бандитов и бунтовщиков, благодарил за присылку ему советника Цзина «для внесения успокоения и согласия и выявления Ваших добрых намерений по отношению к аратам монгольских хошунов. За это мы, Мэрсэ и партийные товарищи, от имени аратских масс Хулунбуира приносим Вам глубокую благодарность». Приложена «Декларация аратских масс Хулунбуирского округа по поводу работы по восстановлению автономии» от 31 сентября 1928 г.¹

Итак, побежденный Мэрсэ примкнул к победителю — Чжан Сюэляну, и решил менять власть в Барге уже с его помощью. В отличие от более ранних заявлений, теперь он объявил восстание лишь демонстрацией, чтобы привлечь внимание китайских властей (хотя попытки контактов с японцами плохо согласуются с этим).

1–10 октября в Мукдене состоялся съезд монгольских аристократов. Там была принята такая программа. Лидер НРПВМ Мэрсэ и лидер автономистов Гуйфу обязуются «успокоить» восстание населения Хулунбуира. Баргинцы должны бороться с пропагандой из Внешней Монголии. Внутренняя Монголия и Мукден придерживаются единой тактики в отношении гоминьдановского флага. Внутренняя Монголия получает самоуправление, но не самостоятельность. В главном штабе в Мукдене учреждается отдел по монгольским делам². Отдел по монгольским делам (Мэн-ци-чу) Чжан Сюэлян учреждал из опасений новых восстаний монголов. Его председателем назначался начальник мукденского провинциального парламента Линь Сяньчжоу³. На торжественном открытии этого отдела Чжан Сюэлян признал ошибкой то, что не было установлено «правильных и систематических отношений с монгольским населением», поэтому функция отдела — «поддержание дружеских отношений и объединение творческих сил»⁴.

¹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 25–39.

² ИНО ОГПУ, 20 октября 1928 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 138.

³ Послание Козловского Охтину от 31 октября 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, д. 5, папка 124, л. 32–33.

⁴ Заря, 11.10.1928.

Мэрсэ написал одному из членов ЦК НРПВМ, что встречался в Мукдене с Чжан Сюэляном и договорился об учреждении в Хайларе совета по монгольским делам, председателем которого якобы назначен сам Мэрсэ, что он получил также назначение советником при мукденском правительстве, и через несколько дней поедет в Хайлар¹.

Трансформация взглядов Мэрсэ привела к его исключению из партии. 28 октября 1928 г. в Улан-Баторе состоялось совещание всех членов «организации Хулунбуирской народно-революционной партии». Обсуждался вопрос «об измене Мэрсэ, перешедшего на сторону интервентов». Собрание постановило поручить соответствующим органам решить вопрос об исключении Мэрсэ из партии, сместить с должности в ЦК, далее вести с ним борьбу, как с врагом партии, конфисковать его хашан (подворье) в пользу хулунбуирского парткома. В постановлении особой комиссии «членов Хулунбуирской НРП» в Улан-Баторе по делу Мэрсэ сказано, в частности, что «при заключении мирного договора с Китаем многие товарищи по инициативе Мэрсэ принимали необходимые меры к оттяжке заключения данного договора под видом обмана с тем, чтобы, пользуясь этим временем, укрепить свои силы. <...> Настойчиво стремясь к выполнению договора, Мэрсэ внес дезорганизацию и расстроил революционные силы... Несмотря на неоднократные предложения в письменном виде и с особыми напорными, Мэрсэ не соглашался с необходимостью прекращения повстанческого движения и возвращения его, Мэрсэ, для вторичного обсуждения этого вопроса. Мэрсэ держал курс на дальнейшие сношения с Китаем путем вторичного приглашения китайских представителей, каковые обязательства свидетельствуют о предположении Мэрсэ изменить партии. За последнее время Мэрсэ применял угрозы к повстанцам: в случае, если кто будет чинить препятствия в деле заключения мирного договора с Китаем, то будут приняты меры к привлечению виновных к законной судебной ответственности. Сам же Мэрсэ изменил и перешел непосредственно на сторону интервентов», он назначен советником Чжан Сюэляна. Подписали члены комиссии Идамсурэн, Эрхэмбат (Эрхимбато) и Тэмуртогто².

В конце октября 1928 г. в Хайларе при ямыне фудутуна прошло совещание представителей всех хошунов. Совещание отказалось выполнить требование о переводе ямыня из Хайлара в Мукден, но намечался компромисс: Мукден назначает в Баргу своего комиссара, с которым фудутун будет согласовывать все вопросы. По вопросу о налогах тоже намечался компромисс, но планы по созданию баргутских охранных частей были несбыточны. Совещание закончилось 6 ноября, а 7 ноября сын фудутуна Фушан выехал в Цицикар³.

По-видимому, компромисс был найден: к концу декабря изменений в положении Барги не произошло. Мэрсэ после полуторамесячного пребывания в Мукдене в середине ноября поехал в Цицикар, где вел переговоры с Ван Фулином, а в на-

¹ ИНО ОГПУ, 20 ноября 1928 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 173.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 22–24.

³ Донесение Аникина Карахану от 30 ноября 1928 г. АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 182–187.

чале декабря приехал в Хайлар. Судя по его интервью, он надеялся с помощью Чжан Сюэляна и Ван Фулина добиться значительного облегчения положения населения Барги, надеялся на скорый созыв баргинского парламента, открытие монгольской школы в Мукдене, мечтал об объединении всей Монголии. Он часто совещался с даоинем. Пока же он получил из Мукдена 30 тыс. долл. на покрытие его долгов по восстанию и личные расходы. С советским консульством он не пытался завязать отношений¹. Вместе с тем, ему хотелось реабилитировать себя в глазах красных.

6 декабря 1928 г. ОГПУ получило сообщение, что из Барги ожидается посылка делегации от Мэрсэ. На следующий день ГВО МНР перехватила переписку заведующего отделением Монценкопа в Сан-бэйсэ — Ц.-Е. Цыдыпова с Джадамбой и Чойбалсаном об установлении торговых отношений Барги с МНР. При этом Цыдыпова в Хайлар для переговоров приглашал не Мэрсэ, а баргинские феодалы. В переписке сообщалось и о планах посылки в Улан-Батор специальной делегации во главе с одним из лидеров восстания — Нямжавом².

14 декабря 1928 г. в Улан-Батор прибыла делегация от баргинских князей в числе 4 чел.: Нямжав — член НРПВМ, Джимбэ — писарь при хулунбуирском ямыне фудутуна, 2 неизвестных³. По другим данным, в делегации было 6 чел. Она именовалась китайско-монгольской, была официально уполномочена на заключение договоров, привезла письма на имя монгольского правительства и отдельных министров от штаба Чжан Сюэляна, баргинских князей и Мэрсэ⁴. Следовательно, теперь Мэрсэ уже не свергал этих князей и не боролся с Китаем, а представлял вместе с ними власть Барги.

В донесении Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ отмечалось, что Нямжав всегда пристает к сильной стороне. До установления МНР он был гуном в хошуне Баян-Тумэн-хан-ула (центр — Сан-бэйсэ), во время монгольской революции (1911 г.) бежал в Пекин, после развития движения во Внутренней Монголии вернулся в Ургу как партиец. В 1926 г. он вернулся в Баргу для работы в партии Мэрсэ. Общался с Ши-угурдой, якобы, чтобы уговорить баргинское правительство действовать против китайцев, но ничего не сделал. По словам баргинских эмигрантов, Нямжав во время восстания был на стороне чиновников, дважды приезжал в штаб как уполномоченный с китайской стороны, уговорил Мэрсэ уехать в Китай. Теперь делегация с ним во главе прибыла для налаживания отношений Барги с МНР. Фуминтай в Улан-Баторе сказал, что они ждали освобождения арестованного Эрхэмбата⁵, но в связи с приездом делегации во главе с «плутом Ни-

¹ Донесение Аникина Карахану от 22 декабря 1928 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 302–304.

² УФСБ по Омской обл., ф. 65, д. 9920, л. 182 — в кн.: Монголия в документах..., 2019, с. 179.

³ АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 51–54.

⁴ УФСБ России по Омской области, ф. 65, д. 9920, л. 182 — в кн.: Монголия в документах..., 2019, с. 179.

⁵ Эрхэмбат был арестован 24 ноября 1928 г. (РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14). Фуминтай (Аула Самдин, Буянгэрэл) был арестован и вывезен в СССР, где расстрелян 11 марта 1938 г. (Арестова, 1992, с. 69).

мажапом» на скорое освобождение рассчитывать не стоит. По его словам, Нямжав увлек за собой Мэрсэ¹.

Это верное наблюдение, если учесть, что, согласно заявлению Нямжава в управление сановника Хулунбуирского округа от 27 декабря 1928 г., он решил не возвращаться в Баргу, в 15-м году вступил в НРПВМ, решил на пользу Монгольского государства взять гражданство Внешней Монголии (МНР)². На совещании у советского полпреда в Улан-Баторе было решено посоветовать П. Гэндэну изолировать прибывших баргинцев, а затем немедленно выдворить обратно как японских агентов³.

Делегатов допросили. Их показания были почти идентичны: прибыли по уполномочению баргинского амбань-ямыня для переговоров о возвращении эмигрантов-баргутов и о пастбищах на монгольской территории, которые по старой традиции предоставлялись баргутам на льготных условиях. Те же цели были прописаны в привезенном ими послании баргинского амбань-ямыня⁴. Содержание этого письма главноуправляющего Хулунбуирским округом в МИД МНР следующее. В связи с восстанием, в Баргу прибыло много китайских солдат. В результате несколько сот аратов хошуна Шулун-Хух Барги были насильно выселены на территорию хошуна Халхин-гол МНР. Около 200 семейств ново-баргутов («младобаргутов») хошуна Шулун-Шар во главе с сомонным дзангином Шагдуром выселены из Барги в хошун Баян-Тумэн-ула. Они насильно увели в Халху начальника Правого крыла ново-баргутов Чибсэнгэ, у богатых баргутов, не желавших переселяться, отняли тысячи голов скота, золото, имущество, у двух чиновников отобрали печати. Их всех насильно переселили Мэрсэ и его товарищи. Военные власти МНР не препятствовали этому. Сейчас те, кто переселен насильно, желают вернуться. Надо их устроить⁵.

Правда, сторонники Мэрсэ сразу после этого переселения заявляли, что 4 ново-баргинских («младобаргинских») хошуна Правого крыла, 2 — Левого и 1 солонский хошун «перешли на сторону народных сил» и перекочевали на территорию Внешней Монголии⁶. По словам Фушана, во время восстания в Халху ушла половина населения хошунов Гул-Хух и Гул-Шар («Гуль-Чера»). Он просил снесться с правительством МНР, чтобы оно выдворило со своей территории беженцев⁷. На совещании с представителями Коминтерна в ноябре 1928 г. в Улан-Баторе сообщалось, что баргинские беженцы на своем собрании приняли решение против восстания и Мэрсэ. На этой почве возникали конфликты. Беженцы, кото-

¹ ИНО ОГПУ, 28 января 1929 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 202–203.

² ЦАФСБ, ф. 65, д. 140, т. 4, л. 133. 15-й год — 15-й год Китайской республики, т.е. 1926 г.

³ УФСБ России по Омской области, ф. 65, д. 9920, л. 182 — в кн.: Монголия в документах..., 2019, с. 179.

⁴ АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 55, 66–67.

⁵ ИНО ОГПУ, 28 января 1929 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 204–206об. Хошуны Шулун-Хух, Шулун-Шар — то же, что Гул-Хух, Гул-Шар.

⁶ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 94–104.

⁷ Донесение Аникина Карахану от 30 ноября 1928 г. АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 182–187.

рые хотели вернуться, избивали тех, кто хотел остаться. ГВО арестовало главарей беспорядков. Беженцы уже знали, что из Барги выехали делегаты на переговоры об их возвращении¹.

ГВО выслало баргинскую делегацию из МНР согласно постановлению ЦК МНРП от 17 декабря 1928 г. Делегация выехала 19 декабря. По поводу этого управление фудутуна Барги направило протест в МИД МНР, датированный 17-м днем 1-го месяца 18-го года Китайской республики².

Содержание протеста было следующим. Выходцы из Хулунбуира Мэрсэ, Фуминтай и другие, вступившие в «халхаскую партию» (МНРП), вернувшись летом в Баргу, собрали небольшой отряд и сделали попытку захвата края, разрушив железную дорогу. В Хулунбуир было послано несколько тысяч китайских солдат. Из-за этих событий несколько сот семейств хошуна Шулун-Хух перешли в Халху в районе Халхин-гола и несколько сот семейств хошуна Шулун-Шар — в хошун Баян-Тумэн Халхи. После успокоения страны китайские войска были выведены. Баргинское управление для возвращения ушедших в Халху командировало в Улан-Батор помощника начальника управления Сенге и сомонного дзангина Хэлэнгунджи с официальным отношением для МИДа. Вернувшись, они доложили: их задержало ГВО, арестовало. На протест им ответили, что они прибыли в Монголию без разрешения. Через три дня их отпустили. Это вызывает изумление, учитывая долгие дружественные отношения Барги и Халхи. В 11-м месяце 13-го года Монгольского государства (то есть в конце 1923 г.) уполномоченные Барги и Халхи заключили секретное официальное соглашение об укреплении дружественных связей. Ставились вопросы, остается ли в силе это соглашение, и будут ли дружеские отношения Барги и Халхи соблюдаться в дальнейшем, в частности, будут ли приниматься в дальнейшем баргинские представители. Секретариат ЦК МНРП дал МИД директиву ответить указанием, что МНР — независимое суверенное государство и может задерживать и высылать со своей территории всех прибывших незаконным образом. Высылка представителей Мэрсэ имела целью защиту интересов не только МНР, но и «всех монгольских племен, поскольку Мэрсэ тесно связан с японцами, ведущими агрессивную политику в Барге и Внутренней Монголии. Что касается соглашения, то со стороны МНР нарушений его нет»³.

Вопрос с беженцами удалось в целом решить, вернув их Баргу, за исключением тех, кто не захотел возвращаться и остался в МНР⁴.

Исключенный из НРПВМ Мэрсэ написал обращение к партии в свое оправдание. «Благодаря вашему руководству я не отступил от революционного пути», но, будучи обманут хитроумными уловками извне, не смог наладить дисциплину,

¹ РГАСПИ, ф. 514, оп. 2, д. 14, л. 81–84.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 10, д. 22, папка 131, л. 35. Документ датирован январем 1929 г.

³ Хроника советского полпредства в МНР за март 1929 г., составил Охтин, АВПРФ, ф. РМ, оп. 10, д. 22, папка 131, 289–290, 310–312; оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 93–95. Хошуны Шулун-Хух, Шулун-Шар — то же, что Гул-Хух, Гул-Шар.

⁴ Подробнее см.: Atwood, 2002, p. 913–920.

направить революционное движение аратов на революционный путь. Мэрсэ признал ошибки в Баргинском восстании. Основные их причины — что руководители не сумели установить тесных связей с «широкими массами аратов», поставить на должную высоту руководство партией, наладить партаппарат. Это надо исправлять. Точка зрения, что главный комитет по руководству НРП должен находиться в Улан-Баторе, может быть правильной, но нельзя согласиться с тем, что сейчас нельзя вести революционную работу. Местные работники сумели организовать союз по развитию просвещения монголов, совет народных представителей Хулунбуира. Пользуясь моментом «поднятия синего флага Гоминьдана», организованная баргинская молодежь — более 100 чел. — вышла на улицу Хайлара и продемонстрировала «свою мощь». Если члены ЦК не разделяют эту точку зрения, Мэрсэ просил освободить его от работы. «И я до конца своей жизни займусь исключительно ученой работой (собственно делом просвещения)»¹.

Написал он со своими соратниками и в ЦК МНРП — обращение «От членов Баргинской аратской партии». Заявив, что завершить революцию не удалось, они просили «впредь руководить по-прежнему революционным движением нашей Барги. Возвратить всех членов партии и граждан Барги, находящихся в Монголии, для укрепления революционных сил. Отпустить денег в сумме 10 000 тугриков на расходы по строительству партии и союза. Снять обложение таможенным сбором скота баргинских граждан, отправляемого на пастбища в Монголию». Если эти пункты будут выполнены, то будет обеспечена охрана восточной границы МНР, будет содействие революционному движению Внутренней Монголии².

В начале 1929 г. предполагался приезд делегации Мэрсэ из Барги. По предложению А. Амара их решили не арестовывать на границе, а пропустить в МНР и доставить в ГВО в Баян-Тумэне. 16 февраля делегаты приехали и были доставлены в ГВО, которое просмотрело их корреспонденцию. Допрос делегации вел начальник ГВО. Согласно приказу ГВО, «По прибытии (доставке) Мэрсэ с его возможными попутчиками — пассажирами в Ваше отделение немедленно же, в уединенной обстановке, произвести тщательную проверку его документов и выяснить цель приезда. <...> В случае, если он имеет дипломатические документы, засвидетельствованные Нанкинским правительством или управлением 3-х Восточных провинций по уполномочению первого, то немедленно же, не задерживая в Баян-Тумэне, направить его в У.Б.Х. [Улан-Батор-хото. — С.К.], дав в качестве сопровождающего одного из сотрудников Вашего отделения, который должен быть проинструктирован в смысле вежливого обращения (не навлекать подозрения) и доставки его в ГВО». Если дипломатических документов нет — провести обыск и арестовать его, вопрос об аресте его спутников решать в зависимости от выявленных данных. После ареста Мэрсэ и его «сомнительных спутников», немедленно направить их (можно на той же машине под надежной охраной) в ГВО, предоставив одновременно с охраной при особом рапорте все конфискованные

¹ Обращение Мэрсэ к ЦК НРПВМ от 7 января 1929 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10, д. 6, папка 129, л. 336–339.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 10, д. 6, папка 129, л. 331–333.

при аресте вещи... Вся операция должна быть выполнена со всей тщательностью и должной конспирацией с тем, чтобы факт ареста или проезда Мэрсэ не принял широкую огласку¹.

Мне неизвестно, чем кончилась эта история, но позже Мэрсэ был в Маньчжурии и Барге.

В 1929 г. НРПВМ переживала кризис. 29 апреля 1929 г. состоялся съезд Хулунбуирской организации НРПВМ. Был переизбран партком, решено улучшить партработу. Обсудили положение Китая. В ЦК избрали пять членов: председатель — Нямжав, секретарь — Гэрэлту, члены — Буянбатор, Хасбатор, Амиалбату, кандидаты — Наралту и Эрдэмгэрэл. Указывалось, что араты не интересуются политикой, бедняки слабо втянуты в партработу. Надо поднять активность членов партии, укрепить дисциплину, выдать партбилеты, соблюдать экономию средств. Многие члены партии должны выехать в худон. Член партии Баянсан сообщил, что южнее Хингана есть отряд бандитов более 70 чел., помощник его главы — родственник Баянсана Ороchon. Этот отряд особого вреда другим не причиняет, хотя иногда выезжает в свои края для добычи средств. Так уже длится два года. На баргутов не нападает. Есть еще шайка в 200 чел., их иногда нанимают японцы рабочими на строительство железной дороги на Маньчжурию². Как это использовать в революционной работе, осталось неясным.

Во Внутренней Монголии и в Барге наблюдались тенденции нового движения «оппортунистического характера». Это было результатом стабилизации «китайской контрреволюции» и влияния Гоминьдана. Движение возникло в результате Баргинского восстания, его возглавлял Мэрсэ. Шло его идеологическое оформление, «несомненно, не без влияния кое-каких вождей Гоминьдана, а точно также и наших ошибок». Мэрсэ в одном из писем отмечал: «Летом прошлого года мы восстали вместе с аратами, не щадя свою жизнь и свои хозяйства, завершить революцию не удалось, но тем не менее баргинское революционное движение нашло правильный путь дальнейшего своего развития». По его мнению, есть возможность борьбы конституционным путем. Он делал вывод, что надо вернуться на родину и вести работу по культурному воспитанию³.

На чем же основывалась эта «борьба конституционным путем»? В 1930 г. Мэрсэ написал статью, где, в частности, показал, как видит будущее Монголии.

«Необходимые условия нации⁴ в новое время — передовая цивилизация, научное знание, тренированная армия, работа и свободный морской порт для коммерции. У Монголии нет ничего из этого. Ее цивилизация слаба; ее население уменьшается. Ей продолжают препятствовать естественные ограничения пустынной

¹ МНР, ГВО, отд. СОО, приказ начальника ГВО начальнику Баян-Тумэнского отдела ГВО Лувсандисимба от 21 января 1929 г., ИНО ОГПУ от 3 апреля 1929 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 259–259об.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 10а, папка 268, д. 1, л. 75–78.

³ Послание поверенного в делах СССР в МНР Климова Козловскому от 25 марта 1929 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 10, д. 6, папка 129, л. 279–283.

⁴ В ориг. nation — нация, или государство.

территории. Ограниченная международными влияниями, она никогда не сможет сделать то, что ее народ когда-то сделал во времена династии Юань. Это верно для Внутренней Монголии. Это не менее верно для Внешней Монголии, которая сейчас славится как независимая республика. Рано или поздно она или будет аннексирована Советской Россией, или вернется в лоно Китая.

1. Союз с китайцами — в интересах Монголии. Если верно, что монголы не могут быть независимыми, возникает вопрос: с кем им объединяться, чтобы получить наибольшую пользу? История учит, что если отсталая раса объединяется с передовой расой, то она не только ассимилируется, но в итоге угасает. Опасность меньше, когда это союз между двумя расами, которые не далеки друг от друга. Из этого ясно, что союз с русскими или японцами менее благоприятен, чем с китайцами. Китайцы, подобно монголам — не только одна из угнетенных наций, но они следуют либеральной политике в отношении более слабых наций. В истории, культуре и экономической жизни гораздо больше общего между этими двумя нациями, чем между монголами и кем-либо другим.

2. Китай нуждается в монголах. Такой союз не только полезен для монголов, он также желателен с точки зрения китайской национальности. В истории последних 5000 лет китайцы всегда получали новый импульс кровью с севера. Каждое вторжение, с одной стороны, означало экспансию китайской цивилизации, а с другой — омоложение китайской расы. Если Китай действительно хочет достигнуть своего положения равенства в семье наций, он нуждается в монголах не меньше, чем они в нем. Физическая сила Монголии и интеллектуальная сила Китая будут дополнять друг друга. Слияние двух рас даст место экспансии, когда между ними будет совершенная гармония¹.

Итак, «будучи вначале преувеличенно-восторженного представления о культурной роли китайцев»², Мэрсэ был у них на подозрении и в итоге был отстранен от работы в Пекине; затем он безуспешно пытался получить поддержку от СССР, затем — от Японии, затем вновь пришел к поддержке Китая, а затем он вновь стал искать помощи от Японии (см. ниже). Приведенный отрывок показывает, что он слабо знал историю. Из его наивных выкладок верно лишь понимание причин китаизации Внутренней Монголии. Но он оправдывал ассимиляторскую политику Китая.

Однако результат был незначителен. Вследствие соглашения Мэрсэ с Чжан Сюэляном мукденское правительство отпустило незначительную сумму для монгольской школы в Хайларе, был создан «совет народных представителей» из консервативной части ямыня фудутуна. В феврале 1931 г. по приглашению Чжан Сюэляна в Мукдене состоялось совещание монгольских князей. На нем обсуждали упорядочение финансов Внутренней Монголии, развитие грамотности, торговли и промышленности среди монголов, расширение и благоустройство путей сообщения. В связи с недавним советско-китайским инцидентом на КВЖД (1929 г. — см. ниже), Чжан просил уделить особое внимание охране границы и противодей-

¹ Guo Daofu, 1930, p. 761–762.

² АВПРФ, ф. РМ, оп. 5, д. 11, папка 108, л. 211–213.

ствию красному влиянию со стороны МНР. Однако никаких новшеств введено не было. Мэрсэ на время отошел от политической деятельности, став директором созданной в Мукдене монгольской школы. 28 сентября 1931 г. Мэрсэ с учениками мукденской монгольской школы и Хулинтай приехали в Баргу из Мукдена. Хулинтай — видный монгольский чиновник, симпатии которого примерно до 1926 г. были на стороне СССР, а затем он резко изменил отношение и перешел на сторону японцев, став их креатурой в ямыне. Вся группа разъехалась по хошунам для агитработы за независимость Барги¹. Выходит, Мэрсэ вновь поменял свою ориентацию.

«Мэрсэ говорит, что приехал для переворота в ямыне, изгнания старых чиновников и захвата власти в свои руки. Он говорит, что старики творят беззаконие, а молодежь почти вся безработная. Переворот хочет провести с помощью молодежи. Для этого хочет собрать несколько десятков молодых людей, вооружить их, напав на монгольские охранные войска, лишить ямынь реальной силы, а затем арестовать всех чиновников. По словам Мэрсэ, в Мукдене он говорил о Барге с Семёновым, тот сочувствовал ему и сказал, что Мэрсэ может рассчитывать на помощь 300–400 казаков в Трехречье, верных атаману. Семёнов дал ему письма к полковнику Уржину Гармаеву, бывшему угурде Бурятского хошуна Силаневу, бывшему семеновскому офицеру. По мнению Мэрсэ, китайские власти не будут вмешиваться в их внутренние дела, иначе Барге поможет Япония. Хулинтай говорил, что в Мукдене встречался с Гондиржабом и Дандиржабом [Ганжуржав и Данжуржав. — С.К.] — харачинами. Они рассчитывают получить в случае восстания во Внутренней Монголии помощь от Японии оружием, аэропланами, автомобилями и прочим. Соседи получили копию письма брата атамана Семёнова — Семёнова О., живущего в Мукдене. Это письмо адресовано нескольким русским эмигрантам: Федору Мамонтовичу Зябликову и Василию Александровичу Пушкарёву. О. Семёнов предлагает им поступить на службу к Мэрсэ в качестве инструкторов, отмечая, что у брата с Мэрсэ есть договоренность. Китайцы установили наблюдение за Мэрсэ. Старший сын фудутуна Барги — Фу-угурда (Фушан) сказал, что у всех монголов есть желание национальной автономии, но Барге ее осуществить труднее, чем Внутренней Монголии, так как Барга граничит с СССР, а Внутренняя Монголия — с Японией»².

В Хайлар приехал японец Хоттори, который сказал, что командирован Квантунским генштабом. Он сказал, что вследствие занятия Японией Южной Маньчжурии настал удобный момент для национальной автономии Барги, Япония всегда будет готова прийти на помощь братьям-азиатам. Беседа Фу-угурды с Хоттори завершилась тем, что Фу пожелал японцам занять Хайлар и Маньчжурию, и тогда Барга образовала бы свое автономное национальное правительство. Неизвестно, имел ли Хоттори полномочия для переговоров. Но в Хайларе он

¹ О работе японской разведки в Барге, подготовлено ИНО полпредства ОГПУ по ДВК, г. Хабаровск, от 25 мая 1933 г., ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 37–96; АВПРФ, ф. РК, оп. 15, п. 165, д. 27, л. 1–18; Восток, 19.02.1931.

² АВПРФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 15, п. 165, д. 27, л. 1–18.

встречался с хайларскими японскими разведчиками Квантунского штаба. Кроме группы Мэрсэ в Барге была группа молодежи, ориентирующаяся на СССР. Эта группа решила помешать группе Мэрсэ и спровоцировать ввод советских войск. Для этого они решили сделать ряд взрывов полотна КВЖД. Узнав об этом, было предложено предотвратить такое выступление. В Хайларе китайские генералы Су Бинвэнь и Чэн (командир бригады в г. Маньчжурия) убеждали Фу-угурду принять решительные меры для недопущения выступления молодежи, обещали устроить молодежь на хорошие места. В это же время в Барге был Панчен-лама, который собирался уехать в Пекин. Его пребывание в Хулунбуире обошлось баргутам примерно в 500 тыс. серебряных долларов¹.

Панчен-лама давно собирался в Баргу. В интервью газете «Заря» в 1928 г. он сказал, что, в отличие от Халхи, в Барге «сторонники нового учения» (красные) не популярны среди населения, их сторонников там «ничтожная кучка», 10 самых больших княжеств Барги прислали ему заверения в верности буддизму². Панчен-ламу поддерживала консервативная часть чиновников Барги, феодалы. Популярность Панчен-ламы в Барге возросла. Он ратовал за сближение Барги с Китаем. Этим были недовольны «младобаргинцы», которые «повели открытую войну против Панчен-ламы». Для его охраны были присланы китайские отряды³.

Примерно в конце сентября 1931 г. (вскоре после Мукденского инцидента, с которого началось наступление Японии на китайские позиции и захват ею Маньчжурии) Мэрсэ призвал своих последователей воспользоваться декларируемой Японией симпатией к автономии Внутренней Монголии и организовать в восточной Монголии вооруженные силы. Получив оружие от японской армии, эти силы, под названием Монгольской автономной армии, должны были двинуться на запад Внутренней Монголии и начать антияпонское автономное движение. Есть сведения, что после провала этого плана Мэрсэ в 1932 г. ездил в Улан-Батор⁴.

В результате работы Мэрсэ, Хулинтая и Хоттори 10 ноября 1931 г. в Мукден выехала делегация во главе с Цэрсэнгэ, в которую входили Ба-ухэрида, Даманда и др. — 6 чел. Штаб Квантунской армии дал ей задание ускорить восстание для организации автономии Барги под протекторатом Японии. Но во время переговоров этой делегации в Мукдене 19 ноября в Хайларе состоялся очередной баргинский съезд, на котором присутствовали почти все начальники хошунов. Они решили оставить старый порядок управления. Затем Мэрсэ исчез, Гордеева убили. Это помешало «японской организации» восстановиться. Тогда они стали действовать через структуры хошуна и ямыня. Для этого в Хайлар были переброшены Сайто, Инокучи, Морисима. Первоначальная ставка японцев на монгольских феодалов не дала эффекта из-за их консерватизма. После исчезновения Мэрсэ его группа перестала существовать. Ее участники примкнули к другим группам. Наиболее революционная из них — группа Хасбатара (получил военное образова-

¹ АВПРФ, ф. Референтура по Китаю, оп. 15, п. 165, д. 27, л. 1–18.

² Заря, 8.09.1928.

³ Восток, 30.08.1931.

⁴ Liu, 2006, p. 75.

ние в Улан-Баторе, ориентировался на МНР). Эта группа «осознает агрессивную политику Японии в Барге». Но ее работа не носила массовый характер. Японцы переключились на монгольскую молодежь. Наиболее яркими ее представителями были Цэрсэнгэ (сын Нан-ухэриды, получил образование в Японии, много времени проводил в Мукдене и Чанчуне, что не приносило пользы его авторитету). Другая группа — во главе с Хулинтаем, который работал старшим драгоманом ямыня фудутуна. Значительная часть молодежи, которая шла за Мэрсэ, хотела демократизировать ямынь, ставила задачу независимости Барги. Но в итоге они подпали под японское влияние¹.

Итак, сразу после заверений о необходимости интеграции Монголии в Китай, Мэрсэ попытался наладить контакты с белогвардейцами и японцами — и опять безуспешно, а затем исчез.

«Считается, что Мэрсэ бесследно исчез после посещения Консульства СССР в Маньчжурии в декабре 1931 г. Однако его дело хранится в ЦА УФСБ РФ под № р-34587. Оно содержит материалы допросов Мэрсэ от 24 мая 1932 г. и 20 ноября 1933 г., обращение Мэрсэ “Товарищу начальнику” от 19 сентября 1932 г., показания Мэрсэ от 18 января 1933 г., приговор. Ознакомление с работой монгольских коллег показывает, что из Консульства СССР в Маньчжурии Мэрсэ был препровожден в Хабаровск². Есть сведения, что его арест агентами ОГПУ в советском консульстве был связан с обвинениями в преступлениях во время Баргинского восстания 1928 г.³

Мне известны другие материалы — со справками, биографией, показаниями Мэрсэ на допросах, обвинительным заключением по его делу, его характеристикой⁴. Из справки ИНО ОГПУ о работе японской разведки в Барге от 25 мая 1933 г. следует, что после 19 ноября 1931 г. Мэрсэ «исчез»⁵ (куда — неизвестно). С учетом указания Лю об Улан-Баторе и самого раннего известного допроса Мэрсэ в СССР в мае 1932 г. можно предположить, что он был похищен и доставлен в СССР, но не в декабре 1931 г., а в начале 1932 г.

Сохранились допросы Мэрсэ чекистами. Последних интересовала в основном его связь с Японией. В его показаниях есть и некоторые другие сведения, например, о встрече с Дилова-хутухтой, ушедшим в Китай из МНР⁶, о том, что Панчен-лама, находившийся в Китае, был приглашен баргинским ямынем в Хайлар, чтобы ему могли поклониться баргуты; в Барге он прожил почти 2 мес. Мэрсэ рассказывал о планах Панчен-ламы, о его деятельности во Внутренней Монголии в 1929–1931 гг.⁷

¹ О работе японской разведки в Барге, подготовлено ИНО полпредства ОГПУ по ДВК, г. Хабаровск, от 25 мая 1933 г., ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 37–96.

² Цыбенков, Содномцэрэн, 2018, с. 54.

³ Atwood, 2002, p. 1031.

⁴ ЦАФСБ, ф. 2, д. 2224, т. 1, д. 52, л. 156–157.

⁵ ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 50–69.

⁶ ЦАФСБ, ф. 2, д. 2224, т. 1, л. 9.

⁷ ЦАФСБ, ф. 2, д. 2224, т. 1, л. 81–84, 253–254.

На одном допросе Мэрсэ рассказал, как Шаолин через него хотел установить связь с Внешней Монголией (МНР) и предложил организовать для этого комитет баргинской молодежи. В Нанкине в 1931 г. он изложил Мэрсэ вопросы о возвращении Внешней Монголии Китаю так: уничтожение договора с СССР; ликвидация института советских работников и инструкторов; добиться, чтобы СССР не снабжал Внешнюю Монголию оружием; не распространять там коммунистические идеи; не иметь дипломатических отношений; чтобы Внешняя Монголия не посылала в СССР на учебу молодежь; важные политические деятели получают должности в китайском правительстве; установить связь с монголами, тяготеющими к Китаю и Гоминьдану; использовать Панчен-ламу для захвата власти над монгольскими князьями; во Внутренней Монголии подготовить военные силы для захвата, а внутри Внешней Монголии — контрреволюционное восстание. Мэрсэ показывал, что он написал доклад в этом стиле и отправил с одобрения Шаолина Чжан Сюэляну. Он считал вполне вероятным, что Шаолин действовал по указаниям японцев: они «имели тенденцию» через Китай захватить Внешнюю Монголию, зная, что с китайцами им будет легче справиться, чем с СССР. Но Мэрсэ не смог установить связь с кем-либо во Внешней Монголии¹.

На допросах Мэрсэ «раскаялся», признал «свои ошибочные взгляды, приведшие к оказанию услуг японскому империализму» и дал показания против некоторых руководителей МНР. О восстании 1928 г. в Барге он сообщил, что поднял его без одобрения Гоминьдана, «осознавал», что не получит помощи от СССР и МНР, потому сложилась ситуация, когда оставалось только просить помощь у японцев. Восстание было подавлено и, «зная, что если вернется в Улан-Батор, то МНРП и Гоминьдан потребуют объяснений, он перешел на сторону Чжан Сюэляна <...> В итоге Мэрсэ был обвинен по пунктам 4 и 6 ст. 58 УК как японский шпион, предполагаемый организатор крупного вооруженного восстания. 27 августа 1934 г., Мэрсэ был приговорен к расстрелу. Расстрел позже был заменен 10 годами лишения свободы». Дальнейшая его судьба неизвестна. Предполагается, что он умер в заключении. 16 января 1989 г. он был реабилитирован².

Были репрессированы и остальные руководители Баргинского восстания. Гобол Эрхэмбат был расстрелян в МНР (видимо, в 1937 или 1938 г.), Улзий — в МНР в 1939 г., Фуминтай — в СССР в 1938 г.

В целом, причины восстания в Барге в 1928 г. были в том, что еще в 1920 г. пекинское правительство аннулировало соглашение 1915 г. по Барге; Чжан Цзолинь, послав в Хайлар войска и чиновников, приступил фактически к ликвидации автономии; китайские власти стали постепенно распространять свое влияние и прибирать к рукам все источники доходов Барги (налоги на разработку природных богатств, торговые предприятия, пошлины на экспортируемое сырье); север Барги (Трехречье) полосу КВЖД и все поселки в Барге китайские власти изыали из ведения монгольского ямыня, в ведении которого осталось управление внутренней жизнью кочевников. Сознание своего бессилия у части населения за-

¹ ЦАФСБ, ф. 2, д. 2224, т. 1, л. 237–240.

² Цыбенков, Содномцэрэн, 2018, с. 54–57.

ставило ждать помощь извне. Вопрос об освобождении Барги от опеки Китая все время стоял на повестке баргинского отделения НРПВМ. «Причину возникших летом событий я вижу исключительно в освободительных стремлениях передовых элементов». Мэрсэ стремился использовать затруднительное положение Мукдена после гибели Чжан Цзолиня, переоценил свои силы и не подготовился. Япония к восстанию не причастна. Не было заметно также, чтобы Япония пыталась разжечь или поддержать восстание. Она могла пытаться использовать восстание другим путем, но оно быстро выдохлось, потому что не было технически подготовлено, повстанцы не имели оружия и патронов, восстание не было поддержано «массой населения Барги, которая перекочевала в Халху», а часть — на север, не имело поддержки извне¹. Инициатором и руководителем восстания был Мэрсэ, действовавший под лозунгом «полной автономии Барги»².

С этими выводами советских работников можно согласиться. Но следует добавить, что важной предпосылкой восстания была деятельность в Монголии большевистских эмиссаров по линии НКВД, Коминтерна и ГПУ, занимавшихся революционной пропагандой в такой форме, которая соответствовала стремлению баргинцев к самостоятельности. Баргинские революционеры стремились получить для этого помощь от СССР и декларировали приверженность Коминтерну. Автономия, которой требовали восставшие, фактически, означала права Барги, прописанные в аннулированном китайцами Русско-китайском соглашении о Барге 1915 г. — но на сей раз при замене традиционной власти в Барге на революционную. Добиться этого они не смогли из-за недостатка сил и отсутствия поддержки от СССР и МНР. Барга осталась в подчинении провинции Хэйлунцзян, а не центрального правительства, ее экономика осталась в основном в руках китайцев, продолжилась китайская колонизация.

В результате Баргинского восстания сторонники автономии или независимости Хулунбуира убедились в том, что советское руководство не поможет их движению, считает их страну частью Китая, который хочет революционизировать через Коминтерн. Одним из результатов восстания стала просьба Москвы к КПК усилить работу последней во Внутренней Монголии и тесно координировать ее с Улан-Батором.³ Такой подход был чужд монголам.

Разочаровавшись в СССР после отказа в поддержке Баргинского восстания, спровоцированного Коминтерном, даур Мэрсэ и его сторонники сначала надеялись провести свои реформы через Чжан Сюэяна, но безуспешно. Тогда они решили для достижения автономии Барги использовать белых и японцев, влияние которых в Барге усиливалось. Подобная гибкость напоминает политическое маневрирование фудутуна Шэнфу и других руководителей Барги из даурского меньшинства, вызывавшее недовольство баргут-монголов. Организация Баргин-

¹ Донесение Аникина Карахану от 30 ноября 1928 г. АВПРФ, ф. РМ, оп. 9, папка 125, д. 13, л. 182–187.

² О работе японской разведки в Барге, подготовлено ИНО полпредства ОГПУ по ДВК, г. Хабаровск, от 25 мая 1933 г., ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 37–96.

³ Liu, 2006, p. 73.

ского восстания Мэрсэ и его последующие контакты с Чжан Сюэляном, белыми и японцами, очевидно, расценивались советской стороной как предательство. При этом Мэрсэ, по-видимому, имел немало информации о советской деятельности в Монголии и Барге, которую он мог передать японцам. Возможно, это и послужило причиной его похищения и ареста.

Барга и конфликт на КВЖД в 1929 г.

Китайские власти поддерживали отношения и с представителями СССР, и с белогвардейцами. Но в целом их отношения с большевиками оставались напряженными. В частности, им не нравилась красная пропаганда в разных формах, которой на КВЖД занимались представители советской власти: планы Коминтерна экспортировать революцию в Китай были известны. Кроме того, китайские власти стремились в своих интересах использовать ослабление России в результате двух революций и Гражданской войны.

В 1924 г. КВЖД признавалась совместным советско-китайским предприятием. С 1925 г. там усиливалась антисоветская деятельность. В 1926 г. в Хайларе и округе по линии КВЖД были объявлены нелегальными профсоюзы и закрыты. Участковый комитет транспортников был целиком арестован и долго сидел в тюрьме. Затем были закрыты культурно-просветительные организации. Был закрыт «Желсоб» (Железнодорожное собрание), где ставились спектакли и концерты, был кинопрокат. Поводом служила коммунистическая пропаганда. При этом выезд из полосы отчуждения в СССР не носил массового характера: обычно просили о выезде к родственникам ввиду трудного материального положения¹.

В начале 1929 г. усилилась антисоветская деятельность белоэмигрантов в Маньчжурии: распространялась агитация за свержение большевиков, организовывались белые отряды и т.д.²

В отечественной историографии есть мнение о совместном участии китайской армии и белоэмигрантских формирований в разжигании конфликта. Специальное исследование показало, что китайские власти почти не привлекали белоэмигрантские организации к сотрудничеству вплоть до последней стадии конфликта. Отдельные радикальные организации (Братство Русской Правды, Дальневосточный корпус русских добровольцев, Союз казаков на Дальнем Востоке и др.), стремясь использовать конфликт, попытались развернуть партизанское движение в приграничных районах, но потерпели поражение. Наибольшую активность белые партизаны проявляли на границе с советским Приморьем и в районе Трехречья³.

Япония выступала против Гоминьдана. Чжан Сюэлян, унаследовавший власть убитого Чжан Цзолина, не желая платить отцовские долги Японии, поддержал Гоминьдан. С декабря 1928 г. начались китайские попытки захвата КВЖД. Советские попытки переговоров были безуспешными. В 1929 г. начались аресты

¹ Отчет Аникина за июль–сентябрь 1928 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 12, папка 15, д. 19, л. 23–27.

² Аблова, 2004, с. 223–224.

³ Смирнов, 2018, с. 9–22.

и убийства советских граждан, захваты советских учреждений в Маньчжурии. В июле китайские войска стали выдвигаться к границам СССР. Китайская сторона считала, что СССР не перейдет от слов к делу.

Летом 1929 г. в Пекине состоялась встреча Чжан Сюэляна с Чан Кайши, где было принято решение о вооруженном захвате КВЖД. Играя на руку Чан Кайши, Чжан Сюэлян надеялся укрепить свои позиции в Маньчжурии и самолично распоряжаться прибылями с КВЖД. В советско-китайский конфликт оказались вовлечены обширные территории, в том числе Барга: направление на станции Хайлар и Маньчжурия было одним из главных в действиях китайских войск.

Конфликт начался 10 июля 1929 г. Карахан 13 июля 1929 г. направил ноту МИД Китая, где просил сообщить мукденскому правительству и национальному правительству Китайской республики в Нанкине следующее. 10 июля утром китайские власти произвели набег на КВЖД, захватили телеграф КВЖД по всей линии, прервав телеграфное сообщение с СССР, закрыли и опечатали представительство СССР, отделения Госторга, Текстильсиндиката, Нефтесиндиката и Совторгфлота. Затем дубань дороги (председатель правления КВЖД) Люй Чжунхуан предъявил управляющему КВЖД А.И. Емшанову требование передать управление дороги лицу, назначенному дубанем. Когда Емшанов отказался это сделать, его отстранили от исполнения обязанностей. Он и его помощник были заменены лицами, назначенными дубанем. По приказу дубаня начальники служб тяги, движения и др. были заменены — главным образом, белогвардейцами. По всей линии были закрыты профессиональные и кооперативные организации рабочих и служащих дороги, проведены обыски и аресты (арестовано более 200 граждан СССР). Около 60 граждан СССР были сразу высланы из Китая. Вдоль советской границы стали сосредоточиваться маньчжурские войска. Это было нарушением договоров между СССР и Китаем¹.

На запросы советской стороны китайское правительство отвечало, но, вместо отмены незаконных действий дубаня, нота китайского правительства санкционировала их и репрессии против советских граждан, ссылаясь на репрессии против китайских граждан в СССР. Вопрос о конференции для урегулирования конфликта был обойден. Китайские власти ссылались на пропаганду как причину своих действий. В декларации Чан Кайши по этому вопросу говорилось: «Мы хотим сначала взять в свои руки КВЖД, а потом приступить к обсуждению других вопросов»².

Таким образом, как и раньше (по вопросам о Внешней Монголии и Барге), китайская сторона под надуманными предлогами нарушала свои международные обязательства.

Был произведен обыск советского консульства в Харбине, приняты меры в отношении КВЖД. Они ставили целью «устранить могущие внезапно вспыхнуть нарушения покоя и порядка». По мнению китайцев, ответственность за нарушение

¹ АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 1, л. 63–68.

² Нота Карахана китайскому поверенному от 17 июля 1929 г., АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 1, л. 54–56.

ние соглашения лежала не на китайской стороне¹. В этом опять есть аналогия с нарушениями Китаем соглашений 1915 г. по Внешней Монголии и Барге. В любом случае, в силу международного права, распоряжение КВЖД оставалось за Россией, а не за Китаем. В очередной раз нарушив свои международные обязательства, Китай решил следовать политической целесообразности, считая, что Россия и дальше не сможет этому препятствовать. Но времена изменились.

17 июля СССР отозвал своих дипломатов из Китая и выслал китайских дипломатов, справедливо возложив ответственность на гоминьдановское (нанкинское) правительство. 20 июля последнее объявило о разрыве дипломатических отношений с СССР.

К августу китайские войска в Маньчжурии располагались так, как и раньше: по границе с СССР. Последняя линия доходила до Лубиньфу (2 версты от г. Маньчжурия). По железнодорожной линии Маньчжурия – Цаган – Чжалайнор по всем железнодорожным будкам и станциям были расположены посты по 20 больших палаток (очевидно, по полку). По этой же линии постоянно курсировал бронепоезд с двумя броневагонами. В Хайларе китайских войск было очень много. Настроение их было воинственное. Бодрый дух в них поддерживали белые, которых было много в китайских войсках. Там стояла артиллерия, у казарм было видно пять трехдюймовых орудий, располагалась кавалерия. Кони были очень плохие, по улицам валялись трупы коней, павших от бескормицы. На вооружении войск преобладали японские винтовки, но были и русские трехлинейные. Вывоз продуктов из Хайлара даже в г. Маньчжурия был запрещен. Шло массовое самоувольнение служащих КВЖД. Всех их и подозрительных русских арестовывали и отправляли в концлагерь. «Каждый прибывающий в Хайлар тщательно обыскивается, после чего его или отпускают, или отправляют в лагерь как подозрительного. Среди баргунт особенного движения нет, гарнизоны баргунт не увеличились, только лишь заметно частое явщение баргинских властей с японским и китайским штабом»².

В этой обстановке понятны подозрения к баргунтам, находившимся в МНР. По данным на 26 августа 1929 г., в Улан-Баторе их было 11 чел.³ Но данных о сколько-нибудь серьезном участии баргунтов в действиях китайских войск против СССР я не нашел. Таковым не приходится считать случаи вроде вторжения баргунтов 21 августа 1929 г. в МНР в районе Тамсаг-Булака, откуда они угнали лошадей погранэскадрона, при этом потеряв, по крайней мере, 2 чел. убитыми⁴.

В Барге происходили перестрелки между китайскими и советскими войсками. Так, 16 августа во время перестрелки РККА с китайскими частями у Чжалайнора китайцы потеряли ок. 100 чел. убитыми и ранеными⁵. 25 августа 1930 г. в 3 ли

¹ Перевод ноты МИД Китая, переданной поверенным в делах Китая Ся Вэйсуном Карахану, от 17 июля 1929 г., АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 1, л. 57–59.

² Донесение от августа 1929 г., ЦАФСБ, ф. 65, д. 140, т. 4, л. 68–69.

³ Список: ЦАФСБ, ф. 65, д. 140, т. 4, л. 83–84.

⁴ УФСБ России по Омской области, ф. 65, д. 140, т. 4, л. 204–210.

⁵ Положение после конфликта в Китае, ИНО ОГПУ, 19 августа 1929 г., ЦАФСБ, ф. 2, оп. 8, д. 378, л. 345.

(ок. 1714 м) к востоку от Хайлара проводились маневры всех родов китайских войск¹. Прибывшие из Китая советские граждане 23 августа 1929 г. рассказывали, что на ст. Маньчжурия без всякой причины избито и арестовано несколько десятков советских граждан². По сведениям советского консула в Дайрене, на 13 сентября 1929 г. в Харбине и по линии КВЖД было арестовано уже ок. 2000 советских граждан. Они находились в концлагере в Сумбэй, среди них развивались инфекционные заболевания. Обезглавленные трупы советских граждан обнаруживались почти ежедневно в районе Харбина и на линии КВЖД³.

19 августа 1929 г. китайские части открыли пулеметный и артиллерийский огонь по погранзаствам в районе разъезда 86 (15 км восточнее ст. Маньчжурия). Стрельба корректировалась китайским самолетом. До начала сентября шли провокации китайцев и вылазки белогвардейских отрядов против СССР по р. Амур. Нападения китайцев на СССР из Барги приняли особенно упорный и систематический характер с 28 августа. 7 сентября китайские войска, расположенные севернее Чжалайнора, обстреляли артогнем советское сторожевое охранение. Провокации шли и восточнее. Со 2 сентября китайские войска и белогвардейцы, расположенные в г. Тянтаяй (45 км от Хабаровска вверх по Уссури) ежедневно в течение многих часов обстреливали мирное население, рыбаков и советский пограничный катер. Были убитые и раненые. 8 сентября китайские части на ст. Пограничная открыли ураганный ружейный и пулеметный огонь при поддержке артиллерии, бронепоезда и бомбометов по советским частям в районе Рассыпная Падь. Ответные энергичные меры заставили их замолчать. 9 сентября китайские части в окопах в 6 км северо-западнее ст. Маньчжурия открыли пулеметный и артиллерийский огонь по советским погранчастям. Огонь прекращен контрмерами⁴.

Чжан Сюэлян сообщил центральному правительству Китая, что крупные советские части с артиллерией и танками вторглись 4 сентября 1929 г. на китайскую территорию в районе Чжалайнора и напали на китайские пограничные гарнизоны. 8 сентября советские силы обстреляли китайский гарнизон. Одновременно несколько аэропланов летали над китайской территорией и сбросили много бомб. Был разрушен один китайский бронепоезд. В тот же день советские войска вторглись на китайскую территорию в районе Маньчжурии⁵.

25 сентября 1929 г. НКВД заявил нанкинскому и мукденскому правительствам следующее. 10 сентября в районе с. Поярково в 100 км северо-восточнее Благовещенска был обстрелян ружейным огнем советский катер с китайского. 11 сентября в районе 86 разъезда китайские войска обстреляли охранение советских войск со стороны Чжалайнора артиллерийским, ружейным и пулеметным

¹ Нота Орлову в Хайларе от 16 августа 1930 г., АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 3, л. 60 (перев.), 61 (ориг.).

² АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 1, л. 29.

³ АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 1, л. 28.

⁴ Нота НКВД от 9 сентября 1929 г. о нападениях китайцев на СССР, АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 1, л. 30–31.

⁵ Вербальная нота китайского правительства германскому правительству от 11 сентября 1929 г., АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 1, л. 33.

огнем. Убито 2 красноармейца и 1 мирный житель. Ранено 3 красноармейца и 2 мирных жителя. Тогда же и там же в 8 км северо-западнее ст. Маньчжурия китайские солдаты обстреляли ружейным огнем дозор советской пограничной охраны. 11 сентября в районе ст. Гродеково китайские войска обстреляли ружейным и пулеметным огнем сторожевое охранение советских войск, убит 1 красноармеец. 11 сентября китайские власти перебросили на советскую территорию «банды» белогвардейцев около 300 чел. 12 сентября группа китайских солдат перешла границу в районе ст. Пограничная, но была отражена огнем. 12 сентября в районе ст. Маньчжурия китайские солдаты обстреляли ружейным огнем советские погранчасти. 12 сентября в районе д. Луббе (150 км северо-восточнее Нерчинского Завода) китайские солдаты обстреляли советские погранчасти. 13 сентября в 8 км северо-западнее с. Черняево китайские солдаты обстреляли ружейным огнем советских рыбаков. 14 сентября группа китайских солдат перешла на территорию СССР в 7 км северо-восточнее ст. Пограничная, отошла назад после перестрелки. 14 сентября китайские солдаты обстреляли из ружей и пулеметов части советской пограничной охраны в 4 км северо-восточнее ст. Пограничная, был длительный обстрел. Убит 1 мирный житель, ранены 2. 14 сентября китайские солдаты обстреляли из ружей и пулеметов советские погранчасти в 3 км юго-восточнее ст. Пограничная. 14 сентября китайские солдаты обстреляли погранзаставу советских войск в районе с. Спасское. 14 сентября китайские кавалеристы (ок. 50 чел.) открыли пулеметный и залповый огонь по с. Старо-Цурухатуевский в 80–90 км северо-восточнее Маньчжурии.

15 сентября 80 китайских солдат перешли на советскую территорию в районе д. Волынка в 22 км северо-западнее ст. Гродеково и обстреляли из ружей и пулеметов советские погранчасти. 15 сентября в районе с. Ольгино в 280 км северо-западнее Благовещенска обнаружена банда хунхузов (100 чел.), которая производит грабежи и насилия над мирным населением; в ее состав входят китайские регулярные войска. 16 сентября в 7 км западнее ст. Маньчжурия китайская рота пехоты и взвод конницы подошли к границе СССР и открыли сильный ружейный и пулеметный огонь по дозору советских войск, стремясь окружить и захватить их. Подошедшими советскими частями китайский отряд отеснен к границе. 18 сентября китайские солдаты обстреляли советский автотранспорт в районе 86 разъезда и п. Абагайтуевский, обстрел с китайской стороны. 18 сентября китайские солдаты обстреляли советскую погранохрану в 7 км юго-восточнее разъезда 86. 18 сентября китайские солдаты открыли ружейный и пулеметный огонь по советским погранчастям в районе ст. Пограничная. 20 сентября советские погранчасти в районе пади Бугутур в 10 км северо-восточнее разъезда 86 стреляли ружейным и пулеметным огнем. 20 сентября в районе Мучинского поста в 85 км южнее ст. Амазар китайцы со своего бер. Аргуни обстреляли советский погранпост. Ранен 1 красноармеец. 20 сентября китайские войска обстреляли советские. Китайский отряд перешел из района ст. Пограничная на территорию ССР, напал на погранзаставу. 20 сентября у с. Домосова в 235 км северо-восточнее Нерчинского завода в СССР прошла «банда» белогвардейцев, ранен 1 красноармеец. 21 сен-

тября в районе разъезда 86 китайцы обстреляли со своей стороны ружейным и пулеметным огнем советскую заставу. 23 сентября там же и то же. 23 сентября со стороны гор. Илига в 40 км юго-западнее Хабаровска китайские войска обстреляли из ружей и пулеметов советские пароходы и лодки на Амуре¹.

Как видим, китайская операция по захвату КВЖД прикрывалась провокациями и боевыми действиями в северной части Барги и в Приамурье. В зоне боевых действий оказались приграничные населенные пункты Забайкалья. Граница там очень протяженная и, с учетом большого расстояния между советскими пограничными заставами, при нападениях им было трудно получить помощь. Однако советская сторона хорошо подготовилась к отпору противнику: подтягивались подкрепления, шла передислокация войск, были проведены маневры у границы. 6 августа 1929 г. была образована Особая Дальневосточная армия. 12 октября – 3 ноября советские войска успешно провели Сунгарийскую наступательную операцию, разгромив войска противника и ненадолго заняв китайский г. Фуцзинь (Фугдин). На очереди была Маньчжуро-Джалайногорская операция — наступление на китайские укрепления у г. Маньчжурия и Джалайнора. Советским войскам предписали готовиться к наступлению на Хайлар.

С 17 по 20 ноября 1929 г. советские войска провели успешную операцию в районах Маньчжурии и Джалайнора. Выбив противника, они заняли оба эти пункта и Хайлар. Операция началась в ночь на 17 ноября. 5-я отдельная Кубанская кавбригада вышла из станицы Абагайтуевская и двинулась вдоль восточного берега р. Аргунь в тыл Джалайногорской группировке китайцев. С боем перевалив через железную дорогу, кавбригада атаковала тылы 17-й пехотной бригады противника, оборонявшей Джалайногорский узел. Пехотинцы не выдержали натиска и побежали. Им на выручку поспешила кавалерия. Сражавшиеся стороны понесли большие потери. Победили красные. 5-я бригада, обойдя Джалайнор, отрезала китайские войска от Хайлара. 36-я Сибирская стрелковая дивизия с фронта подступила к Джалайногорскому району. Начались ожесточенные бои. 18 ноября одновременным штурмом 36-й дивизии и подошедшими полками 35-й стрелковой дивизии Джалайнор был взят. Следующим этапом была ст. Маньчжурия, защищенная сильно укрепленными позициями. После сильных боев в дело вступила рота танков МС-1. 20 ноября Маньчжурия была взята. Были полностью разгромлены 15-я и 17-я китайские смешанные бригады, взято свыше 8 тыс. пленных, в том числе командующий Северо-Западным фронтом генерал Лян Чжуцзян со штабом и ок. 250 офицеров, почти вся артиллерия, 2 бронепоезда, много военного имущества, снаряжение и пр. Противник потерял убитыми ок. 1500 чел. Советские потери — 123 убитых и 605 раненых. В последующие дни войска Забайкальской группы ОДВА захватили станции Цаган и Хайлар².

Согласно японским и китайским сообщениям из г. Маньчжурия, перед захватом Хайлара советские летчики подвергли бомбардировке с воздуха «китайскую

¹ Заявление НКВД нанкинскому и мукденскому правительствам от 25 сентября 1929 г., АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 1, л. 21–23.

² Великанов, 2010, с. 127–129.

главную квартиру». Они разбомбили «несколько главных военных зданий и складов». Этот первый воздушный налет на Хайлар вызвал панику, в том числе среди китайских солдат. После налета эти солдаты начали грабежи, что еще больше увеличило панику. Панике и бегству населения способствовали рассказы беженцев из Манжули, Далайнора и Цагана о массовом истреблении жителей большевиками¹.

С конца ноября по начало декабря 1929 г. СССР и Китай вели переговоры. 22 декабря 1929 г. был подписан Хабаровский протокол об урегулировании конфликта. Арестованные советские граждане были освобождены, советские войска выведены из Барги и Маньчжурии, работа КВЖД восстановлена. В результате положение СССР укрепилось. Много белых из Маньчжурии вывезли в СССР и репрессировали. В персонале КВЖД была проведена чистка. Но конфликт, видимо, способствовал развитию белоповстанческого движения и хунхузничества вдоль КВЖД. Были и сведения о нападениях белых на советских граждан для грабежа в Хулунбуирском округе в 1930 г.²

Занявшие Хайлар советские войска, по-видимому, использовали для расчетов советские червонцы, вывоз которых за пределы СССР был запрещен. Советская таможня на ст. Маньчжурия еще до прихода советских войск пыталась конфисковывать червонцы у проезжавших станцию иностранцев, но это получалось не всегда: червонцы не давали, приходилось делать обыски³. После прихода войск по распоряжению начальника гарнизона Красной армии от 6 декабря 1929 г., Общественный комитет Хайлара открыл торговые предприятия города. Красноармейцы и командный состав делали покупки на червонные рубли. Комитет поставил в известность начальника гарнизона Барановича, что в мирное время хождение советской валюты здесь запрещено. По оставлении Красной армией Хайлара этот вопрос снова был поднят. Сообщали, что общий остаток советской валюты, учтенный Общественным комитетом после оставления Хайлара Красной армией до возобновления движения по железной дороге, составил 13 592 р.75 к. Был составлен список лиц, у которых зарегистрированы червонные рубли. Деньги эти следовало обменять на доллары под контролем консульства⁴.

После советско-китайского конфликта в правящих верхах Хэйлунцзянской пров. были ура-патриотические настроения, «самое ничтожное дело» рассматривалось как «покушение на государственный суверенитет Китая». Политика в отношении монголов в Барге не изменилась. Правительство принимало меры к заселению «свободных» земель пров. Хэйлунцзян крестьянами из провинций Чжили и Шаньдун, в особенности — земель, прилегающих к границам. Но колонизация шла медленно. Одна из главных причин — отсутствие в Хэйлунцзяне пе-

¹ Новое русское слово, 26.11.1929.

² АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 1, л. 1–2, 46, 58–59об., д. 2.

³ Русское слово, 21.11.1921.

⁴ Письмо товарища председателя бывшего Общественного комитета Хайлара А.Л. Фирсова и Х.Х. Сухова консулу СССР в Хайларе от 28 апреля 1930 г., АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 7, л. 79.

реселенческих учреждений и организаций. Значительный процент прибывавших в Северную Маньчжурию вынужден был идти в батраки к оседлому населению или арендовать землю у помещиков. Поэтому многие уходили на разные промыслы или в сопки к хунхузам. Провинциальное правительство возглавлял генерал Ван Фулин. Провинция делилась на уезды и колонизационные районы (то есть те, в которых шла подготовка по преобразованию в китайские уезды). Управление уездами напоминало структуру управления провинцией. Провинциальные власти издали приказ о борьбе с коммунизмом. На должность командующего войсками Хулунбуира вместо умершего генерала Лян Чжунцзя был назначен генерал-лейтенант Су Бинвэнь (ему тогда было 39 лет). Генерал Лян Чжунцзя руководил операциями китайских войск против СССР в районе ст. Маньчжурия, был захвачен советскими войсками в плен, затем на основании хабаровского соглашения вернулся в Китай. По поводу его неожиданной смерти сразу вслед за банкетом у хайларского генерала Чжао ходило много слухов. Говорили, что он был отравлен по тайному распоряжению Ван Фулина, с которым у него были плохие отношения: когда при боевых действиях у ст. Маньчжурия Ляну понадобилась помощь, Ван отказался послать подкрепления из свежих войск. Теперь генерал Су стал исполнять обязанности командира 15-й бригады северо-восточных войск и командующего войсками охранной стражи КВЖД района между станциями Харбин и Маньчжурия¹.

После конфликта на КВЖД Хайлар начал оживать. С восстановлением железнодорожного сообщения стали возвращаться жители. Первое время почти все китайские магазины были закрыты. На улице, где они находились, торговля велась под открытым небом. Монголы стали подгонять в город гурты скота². Советский консул вернулся в Хайлар лишь 13 марта 1930 г. По его сообщению, встреча была многолюдной, так как советская колония была «терроризирована китайскими властями, что выражалось в неоднократных избиениях, преследованиях и придириках» — в основном, тех, кто оказывал содействие Красной армии после занятия Хайлара. На 1 июня советских граждан было зарегистрировано 1437 чел., «но ожидается, что будет 1800–1900 чел.» Многие уехали во время конфликта, прежняя численность не могла быстро восстановиться. Около 60%, так или иначе, несли тяготы конфликта — были разорены грабежами или бежали, все бросив. Главный контингент пострадавших — железнодорожники, затем — коммерсанты. Китайские войска, отступая, разграбили и сожгли здания желсоба и школы. Парторганизация была слаба и беспомощна. В Хайларе почти все белые активисты вернулись на свои места³.

Помимо потерь в Хайларе, во время конфликта были разрушены Джалайнорские копи, где добывали уголь для КВЖД. Для восстановления требовались боль-

¹ Обзор политико-экономической жизни Хэйлунцзянской пров., Консульство СССР в Цицикаре, 31 мая 1930 г., АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 9, л. 1–29.

² Рубеж, 1930, № 9, с. 17.

³ Доклад Хайларского консульства от 30 июня 1930 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 14, п. 160, д. 7, л. 11–24.

шие капиталы, в особенности для шахт. Можно было ожидать, что копи заработают не раньше 1931 г.¹

Контакты фудутуна с советским консульством после конфликта продолжились. Так, летом 1930 г. он подарил консулу хорошую монгольскую лошадь, тот отдал ему золотыми часами с надписью².

Однако не от фудутуна и не от консула, а от китайских властей зависела ситуация в Хулунбуире. Эти власти продолжали нарушать свои международные обязательства — на сей раз перед СССР. Как заявлял советский консул в Хайларе Орлов, «четвертый пункт Хабаровского протокола, знаменующего ликвидацию советско-китайского конфликта, гласит: “Китайские власти немедленно разоружают русские белогвардейские отряды и высылают из пределов Трех Восточных провинций их организаторов и вдохновителей...” К своему глубокому прискорбию я должен констатировать, что этот пункт, от которого зависит упрочение и дальнейшее развитие советско-китайских дружественных отношений, выполняется таким образом и в таком темпе, что эффективное разрешение вопроса приходится, к сожалению, ставить под сомнение. Ровно полгода прошло со времени подписания Хабаровского протокола, однако до сих пор не прекращается деятельность белогвардейских отрядов и шаяк, дезорганизующих экономическую жизнь района, вызывающих застой в торговле и препятствующих мирной деятельности и труду как китайского, так и советского населения. Одновременно отрицательные результаты деятельности белых банд сказываются не только в области экономической, но и политической». По его словам, белые хотели сорвать налаживание добрососедских отношений между СССР и Китаем. Положение усугублялось тем, что руководители белых отрядов были связаны идейно и организационно с теми белыми, которые были на службе китайского правительства. Консулу стало известно, что в Хайлар прибыл известный руководитель белогвардейских отрядов Н. Гордеев. Он приезжал сюда не в первый раз. 22 июня 1930 г. он приезжал с целью организации и инструктирования белых отрядов, и вновь остановился у полицейского надзирателя Пинегина³ (Пинигина?).

По сведениям Орлова, Трехречье (где было много русских крестьян, настроенных антисоветски) широко использовалось белогвардейскими отрядами. В частности, беженцы Трехречья были связаны с отрядом Зыкова, который обосновался на р. Чол, куда вернулся с юга после неудачной попытки проникнуть к границе Халхи⁴.

Кроме белых отрядов, в Барге продолжали действовать вооруженные разбойничьи шайки. Дошло до того, что в июле 1931 г. в районе Далай-нора был об-

¹ АВПРФ, ф. РК, оп. 14, д. 4, п. 160, л. 117.

² Письмо консула СССР в Хайларе Орлова управляющему делами НКВД Аркадьеву от 29 октября 1930 г., АВПРФ, ф. 306 Консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 9, л. 114.

³ Нота консула СССР в Хайларе Орлова дипломатическому комиссару Хулунбуирского округа от 23 июня 1930 г., АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 2, л. 41–43.

⁴ Нота Орлова дипломатическому комиссару Хулунбуирского округа от 28 октября 1930 г., АВПРФ, ф. 306 консульство СССР в Хайларе, оп. 1, папка 1, д. 2, л. 93.

стрелян дежурный почтовый аэроплан Китая, летчик ранен, а незадолго до этого в том же районе другой аэроплан получил столь серьезные повреждения, что вынужден был «спуститься в район обстрела». В район Далай-нора был выслан отряд солдат¹.

Таким образом, между руководством СССР и руководством Трех восточных провинций Маньчжурии не было взаимопонимания. Правитель этих провинций Чжан Цзолинь, а после его убийства — его сын Чжан Сюэлян были настроены антисоветски. Но, как известно, они не были и «японскими наймитами». Центральное правительство Китая, при всех его разногласиях с региональными лидерами, никогда не отказывалось от своей экспансионистской политики в отношении всех территорий бывшей империи Цин — в том числе, никогда не входивших в Китай. Проявлением этой политики была и попытка захвата КВЖД в 1929 г. в нарушение его международных обязательств.

Своей победой в 1929 г. СССР показал, что нарушения Китаем его международных обязательств далее не могут продолжаться. Это стало ударом и по китайским планам захвата МНР.

Мэрсэ и другие баргинские революционеры переориентировались на Чжан Сюэляна с большевиков после провала Баргинского восстания 1928 г., не получив обещанную помощь Коминтерна. В результате, когда Чжан Сюэлян с санкции Чан Кайши решил захватить КВЖД, советская власть уже не могла рассчитывать на их помощь. Но баргинцы не участвовали в конфликте и на стороне Китая. Их лидеры всё больше надеялись на Японию.

Барга в государстве Маньчжурия

Несмотря на крах попыток реставрации Цинской династии, монархические настроения в Маньчжурии сохранялись. Пуи, переехав в Тяньцзинь в 1925 г., безуспешно пытался использовать китайских милитаристов. С момента его отречения до создания государства Маньчжурия (кит. Маньчжоу-го) монархисты Китая постоянно думали о реставрации. Позже, когда Япония заняла Пекин, они выдвинули идею династии «Поздняя Цин». Но Япония не поддержала их, и эта идея заглохла².

Активность японцев росла в Барге после отмены ее особого статуса Китаем в 1920 г. Они пытались проникнуть в финансовую отрасль, вели активную обработку баргутов, посещали фудутуна, «протаскивали» своих агентов на КВЖД. В 1930 г. в Хайларе открылась японская фирма³.

По сведениям ИНО ОГПУ от 31 мая 1931 г., во Внутренней Монголии японцы в своей политике продолжали пытаться использовать монгольских князей, монгольских и китайских монархистов, Панчен-ламу, правую часть НРПВМ — группу Баянтая (Бай Юньти). Феодалам они выдавали займы (за которые полу-

¹ Восток, 6.07.1931.

² Пу И, 1968, с. 108.

³ АВПРФ, ф. РК, оп. 14, п. 160, д. 7, л. 6.

чали большие участки земли), снабжали их оружием. Японцы поддерживали связи с феодалами через монгольских монархистов, Пуи, атамана Семенова. Монгольские монархисты составляли тогда две группы: связанную с Пуи и непосредственно с японцами. Первую возглавляли Дэ-ван (Дэмчигдонров) и У Футин (У-гун). Эта группа в июне 1930 г. обратилась через Пуи к японцам с просьбой об организации монгольской армии для восстановления монархии. Но японцы ответили, что дадут деньги и оружие, если будет какая-либо организация. Дэ-ван и У-гун выехали в хошуны и провели кое-какую работу, но председатель Монголо-тибетской комиссии Ян Сишань получил эту информацию, вызвал к себе князей и запретил продолжать такую работу. Другую группу возглавлял Добдон Ванчек (Бао Вэньюань) — «платный агент японцев, который уже много лет работает на них с Семёновым». Он сумел добиться влияния в северо-восточных хошунах. С ним были связаны Лин-гун (Линшэн) из Хулунбуира, Ян-ван из хошуна Дархан-вана, Чан Вэйцзы из хошуна Дербет, Су Цяньхань, Чжан Юань, Бао-лама и Юй Хайфэн. Лин-гун был связан с представителями Далай-ламы и Панчен-ламы в Пекине, с японцами, с русскими белогвардейцами. Он пытался в первой половине 1930 г. добиться объединения феодалов и организации монгольской армии для восстановления маньчжурской династии. Через Добдон Ванчека японцы руководили организацией и деятельностью отрядов «хунхузов» во Внутренней Монголии, которых снабжали оружием. В одном лишь хошуне Джалайт было несколько тысяч «хунхузов», в их числе — «шайка» в 200–300 чел. во главе с бывшим чиновником хошуна Бас Цианем. Кроме грабежей, Бас стремился к установлению автономии Внутренней Монголии. Руководил «шайкой» Добдон Ванчек, выехавший в хошун Ара-Горлос. Оружие они получали от японцев. В хошунах Бо-вана и Дархан-вана было до 15 тыс. «хунхузов-монголов», большинство было снабжено японским оружием. Наиболее крупный отряд был в хошуне Дархан-вана — во главе с Мэн Циншанем. Он снабжался японцами. Пуи поддерживал связь с японцами лично и через маньчжурского сановника Лю в Дайрене. Он поручил ламе из хошуна Аохан — Хара-Болану организовать монголо-китайское буддийское общество в Пекине с филиалами в других местах, которое должно объединить монархические элементы¹.

Эти данные, призванные показать японское вмешательство в Внутреннюю Монголию и Баргу, показывают также наличие там благоприятной почвы для такого вмешательства: неприятия монголами власти Китая, которой они предпочитали власть Японии, обещавшей им самостоятельность.

18 сентября 1931 г. около Мукдена был совершен подрыв железной дороги. Этот инцидент положил начало наступлению японской Квантунской армии на китайские позиции и последующему занятию ею Маньчжурии, Барги и части Внутренней Монголии. Уже 19 сентября японцы взяли Мукден, 18 ноября — Цицикар. Шло наращивание их сил. Видя, что японские войска быстро занимают Маньчжурию и продвигаются в направлении Барги и Внутренней Монголии,

¹ ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 1–5об.

китайские власти предпринимали оборонительные действия. В 1931 г. гарнизон Хайлара был подчинен непосредственно командующему охранными войсками Харбин-Маньчжурской линии генералу Су Бинвэню¹.

В сентябре 1931 г. при содействии японцев была создана Внутренне-монгольская самостоятельная армия. Кратко остановлюсь на ее истории. Японцы приступили к ее формированию, используя японофилов — монгольских феодалов и чиновников, опираясь на Бао Шаня из хошуна Бо-вана и Ханьсэ-вана из хошуна Дархан-вана. Японцы созвали несколько совещаний руководителей монгольских хошунов. В них участвовали, в том числе, сыновья Бавужава — Ганжуржав и Данжуржав. На совещании 18 сентября 1931 г. главкомом избрали Ганжуржава, как имевшего вес у японцев. Он стал именовать свои отряды Внутренне-монгольской самостоятельной армией. По отзывам красных, Ганжуржав — безынициативная и бездарная фигура, солдаты говорили о необходимости выбора другого командира.

Участники совещаний приняли предложение японцев о подчинении Внутренней Монголии Японии и выехали в Мукден для реализации этих решений. Основные моменты соглашений были следующие. Япония содействует самоопределению Внутренней Монголии; помогает оружием и инструкторами при формировании войск; Внутренняя Монголия приступит к мобилизации для Внутренне-монгольской самостоятельной армии; последняя должна занять ст. Тунляо, организовать временное монгольское правительство, созвать учредительное собрание Внутренней Монголии, объявить самостоятельность Внутренней Монголии; Внутренне-Монгольское самостоятельное государство непосредственно подчиняется инструкциям Японской империи. Бао Шань и Ганжуржав получили из мукденского арсенала от японцев 3 тыс. пехотных винтовок и 700 тыс. патронов, все это было доставлено в хошун Бо-вана.

10 февраля 1932 г. японцы приказали Внутренне-монгольской самостоятельной армии двинуться для занятия Жэхэ. Подчинился только 3-й корпус под командой Ганжуржава. Он занял станции Цяньцзядянь и Далин, но дальнейшее наступление кончилось неудачей. Монгольское население верило, что эта армия — за национально-освободительное движение, и потому поддерживало ее. 1 марта 1932 г. правительство государства Маньчжурия приказало ее расформировать. Намечалось 1-й и 2-й корпуса сократить до 500 чел. в каждом и оставить в качестве хошунной охраны при Бао Шань-и и Хань Сэ-ване, а 3-й корпус Ганжуржава сократить до 1500 чел, переименовав его в монгольские охранные войска Хинганской (Синаньской) пров.² Одновременно с этим японцы через постановление правительства Маньчжоу-го в апреле 1932 г. решили расформировать монгольскую армию. Но ее деятельность не пропала втуне: она внесла вклад во включение части Внутренней Монголии в государство Маньчжурия. По словам дочери Бавужава — Мэн Хойжун, эту армию переименовали в Хинганскую армию государства Маньчжурия.

¹ АВПРФ, ф. РК, оп. 15, п. 165, д. 27, л. 24.

² ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 97–125; РГАСПИ ф. 514, оп. 1, д. 1018, л. 11–14, 24–53.

Карьера сыновей Бавужава в этом государстве складывалась удачно. По воспоминаниям Гуржава, которому когда-то доверял Бавужав и который был главой его авангарда с красным знаменем, после образования государства Маньчжурия было сделано объявление о том, что сыновья Бавужава — Ганжуржав и Данжуржав — имеют заслуги. Ганжуржава сделали сылингуанем (старшим офицером) 9-го военного округа в Тунляо (территория Внутренней Монголии). Уже в третий месяц после вступления на престол Пуи (то есть в июле 1934 г.) Госсовет Маньчжурии постановил сделать на основе придела при храме Лун-ван-мяо (см. выше) в Линьси храм Бавужава, где следовало прославлять героизм этого преданного воина. Этому способствовал Ганжуржав, который на 8–9-м году правления Пуи (то есть в 1942–1943 гг.) командовал 9-м военным округом, в который входил Линьси. Когда перед этим храмом проходили японские или маньчжурские войска, они останавливались, чтобы засвидетельствовать уважение. По воспоминаниям дочери Бавужава, Данжуржав по возвращении из Японии в государство Маньчжурия был назначен главой советников 10-го округа¹.

На Маньчжурской конференции 1936 г., будучи офицером связи между делегациями Маньчжоу-го и МНР, Ганжуржав был заподозрен в утечке информации в МНР и изгнан из делегации Маньчжоу-го. Будучи человеком высокообразованным, он стремился к автономии Внутренней Монголии и был глубоко обеспокоен опасностью, которую японское вторжение представляло для суверенитета МНР. Однако, будучи высокопоставленным офицером и сыном Бавужава, считавшегося врагом МНР, он знал, что его ждет, если советско-монгольские войска выиграют войну. Столкнувшись с этой дилеммой, когда Хинганская дивизия получила приказ выступить к Халхин-голу, он попросил 10-дневный отпуск для ухода за больной женой, используя свои связи с верховным командованием Квантунской армии².

В 1945 г. во время занятия советскими войсками Маньчжурии Ганжуржав и Данжуржав не оказали им сопротивления. Они были арестованы и затем вернулись на родину³. В КНР их заключили в тюрьму Фушунь для военных преступников. Данжуржав был освобожден по амнистии в 1960 г. и вернулся в Хайлар. Он умер в 1968 г.⁴ Ганжуржава освободили в 1964 г. Он тоже вернулся в Хайлар. В 1972 г. у него обнаружили болезнь легких и гипертонию. В том же году он скончался⁵.

¹ Lu, 1979, с. 57–60, 73–75.

² Bulag, 2009, p. 11.

³ Ганжуржав и Данжуржав были арестованы советскими войсками в Маньчжурии. Затем через Харбин и Хайлар они вернулись в Ванемяо (Вангийин-сумэ) (CIA-RDP82-00457R002000280002-1). По-видимому, их пытались использовать. Так, 16 мая 1948 г. Бадмаравдан (бывший президент Хинганского бюро Маньчжоу-го), Ганжуржав и несколько советских чиновников посетили Ванемяо. 5 августа 1948 г. Ганжуржав (глава отдела военных дел Внутреннемонгольского автономного правительства) находился с военной инспекцией в Джеримском и Джоудаском сеймах (CIA-RDP82-00457R002100090007-6).

⁴ По другим данным, покончил самоубийством в 1967 г. (Birnbau, 2015, p. 89) — от издательств в период китайской Культурной революции.

⁵ Lu, 1979, с. 73–75.

Статус и характер управления монгольскими землями в государстве Маньчжурия были своеобразны. В ноябре 1931 г. Пуи, прибывший в Мукден, отказывался от предложений японского командования и монархистов, которые хотели его сделать императором. Выяснились планы создания федеративной маньчжуро-монгольской республики с центром в Мукдене во главе с Пуи. В конце ноября туда прибыли «представители крупных монгольских политических групп из Барги». Они сообщили, что «в Хайларе наблюдается усиленное движение в сторону создания нового правительства в Маньчжурии, в которую могла бы войти и Восточная, и Внутренняя Монголия». В Цицикар от хайларского управления прибыл представитель для согласования политических шагов хайларских властей с новым правительством в Цицикаре. По-видимому, этим представителем был князь Годенпу — отец Мэрсэ¹.

1 марта 1932 г. всеманьжурское совещание провозгласило создание независимого государства Маньчжурия (кит. Маньчжоу-го) с верховным правителем Пуи. В «Декларации о создании Маньчжоу-го» говорилось: «Маньжуро-Монголия в старое время составляла отдельное государство. При теперешней обстановке мы не можем не воссоздать его»². Правда, до конца февраля 1932 г. руководство Квантунской армии обсуждало разные названия для нового государства: Маньчжуро-монгольская республика, Маньжуро-монгольское свободное государство. Лишь на всеманьжурском съезде появилось название Маньчжоу-го. По мнению организаторов, устранение из названия слова «монгольское» должно указать устойчивые территориальные границы и усилить взаимосвязь нового государства с маньчжурами³. Так реализовалась идея государства «Маньчжурия–Монголия», возникшая за 20 лет до этого.

Сразу после провозглашения государства Маньчжурия в нем была образована Хинганская (Синаньская) пров., включавшая Баргу. Декретом от 9 марта 1932 г. в составе этой провинции было образовано три области (губернаторства, вице-губернаторства, округа, крыла, суб-провинции), с марта 1933 г. (после подчинения Жэхэ) добавлена четвертая.

Своеобразным установлением было создание Главного управления по монгольским делам Хинганской пров. Начальник (позже главноначальствующий) этого управления руководил и надзирал за деятельностью вице-губернаторов четырех ее областей. В этой провинции, в отличие от остальных, губернаторской должности не было. Вице-губернаторы наблюдали за деятельностью монгольских администраций и князей в сеймах и хошунах. В отличие от остальных провинций, управления вице-губернаторств Хингана делились лишь на два департамента — общих дел и гражданских дел, а вице-губернаторы подчинялись не премьеру (как губернаторы остальных провинций), а начальнику Главного управления по монгольским делам. На уровне хошунов, сеймов и других монгольских единиц управление сохранялось тем же, что в империи Цин, хотя в некоторых районах

¹ Гун-бао, 18.11.1931, 27.11.1931, 28.11.1931, 3.12.1931.

² Текст: Великая Маньчжурская Империя, 1942, с. 13–14.

³ Захарова, 1990, с. 34–35.

были отличия. Использование государством разных отраслей хозяйства было различным для территорий, управлявшихся монгольскими, маньчжурскими, китайскими и др. властями. Барга составила Северную область с центром в Хайларе. Внутри нее было образовано шесть районов (солонский, ново-баргутский, старо-баргутский, олётский, бурятский и ороченский). Эти районы делились на правое и левое «крылья», состоявшие из нескольких хошунов. Вместе с тем, сохранялось и старое монгольское деление на аймаки, хошуны и сомоны¹.

Позже области Хинганской пров. были преобразованы в отдельные провинции: Северную, Восточную, Южную и Западную, которые имели начальников, подчинявшихся, в свою очередь, министру по делам Монголии, в должность которого в 1934 г. была преобразована должность упомянутого выше главноначальствующего². Глав новых провинций в документах по прежнему обозначали как вице-губернаторов, иногда — как губернаторов.

Монголам были предоставлены некоторые экономические льготы. Давались формальные гарантии против дальнейшего заселения их земель китайскими переселенцами. Для монголов это было принципиально важно. Действительно, японцы в Маньчжурии стали проводить политику ограничения китайской иммиграции, особенно — китайских крестьян. Но при этом поощрялась иммиграция японская³. Целью было решение проблемы перенаселенности Японии. Для этого был выработан 20-летний план переселения в Маньчжурию 1 млн. японских семей⁴. Это вызывало разочарование баргинцев. Они опасались потерять свои земли и стать меньшинством.

Национальный состав Северной области Хинганской пров. на 1934 г. был следующим. Оседлое население: китайцы — 11 000 чел., граждане СССР — 9000, российские эмигранты — 8300, дауры — 2000, маньчжуры — 200, корейцы — 150, монголы с бурятами — 250, японцы — 250, прочие — 50. Всего 31 200 чел. Кочевников в целом было несколько меньше оседлых — 28 500 чел. Из них ново-баргуты составляли 17 100, старо-баргуты — 5200, солоны — 3200, забайкальские буряты и тунгусы (эвенки) — 2500, олёты — 500. Охотников-ороченов было не более 1100 чел. Объединение монгольских земель в Хинганской пров. касалось только тех хошунов, где хотя бы часть монгольских хозяйств были кочевыми. Такие монгольские хошуны, как Олёт-Маннай, Дербет, Северный и Южный Горлосы, где не менее 90% составляли китайские земледельцы, остались вне этого объединения⁵.

Председателем провинциального управления по монгольским делам стал председатель Джеримского сейма Чжит-Цирен (Ци-ван), но фактически им руководили японцы. Во главе Северо-Хинганской провинции встал сын хулунбуирского фудутуна Гуйфу — Линшэн (Фу-ухэрида, Фушан), главным советником

¹ Маньчжурия, 1934, с. 86, 317, 318, 337–344; Кормазов, 1934, с. 42.

² Дудин, 2016, с. 105; Дудин, Хусаинов, 2017, с. 230.

³ Захарова, 1990, с. 46, 77–80.

⁴ Показания помощника начальника штаба Квантунской армии генерал-майора Т. Муцумура, РГВА, ф. 451, оп. 20, д. 3, л. 19–20.

⁵ Кормазов, 1934, с. 31, 37–38.

(неофициально) стал Сайто, его помощником — Инокучи, которые фактически и руководили всей работой. В баргинских хошунах было решено организовать хошунные правительства во главе с уже имевшимися начальниками хошунов, которых должно избирать сроком на 3 года население, как и членов правительства (их кандидатуры должно намечать хинганское управление). Все вакантные должности в Управлении, провинции и хошунных правительствах могли замещать японцы, но не китайцы. Наиболее видными деятелями Барги в то время были следующие. Гуйфу — даур, ок. 70 лет, «первый богач», в 1912–1919 гг. был начальником монгольского отряда, с 1919 г. до провозглашения государства Маньчжурия был фудутуном в Хайларе. По убеждениям он был монархист, сторонник Пуи и Панчен-ламы. В марте 1931 г. был назначен советником по монгольским делам при правительстве Маньчжурии в Чаньчуне. Линшэн, он же Фушан — вице-губернатор Северного Хингана (Северной пров.), старший сын Гуйфу. Он владел китайским, монгольским и маньчжурским языками и письменностью, был монархистом, примыкал к сильной стороне. Фулин — младший сын Гуйфу, находился под влиянием Фушана. Багабади (Багабоди), он же Ба-угурда (53 года, баргут, начальник Восточного ново-баргинского хошуна, до 1930 г. — начальник Правого отдела ямыня фудутуна). На-угурда — даур, начальник солонского хошуна, помощник вице-губернатора. Ци-угурда — отец Ба-угурды, до 1930 г. состоял начальником Левого крыла ново-баргутов. Э-угурда, или Эрхим-Бато¹ — начальник Западного ново-баргутского хошуна, 55 лет, богат; после поражения восстания 1928 г. был в лагере китаефилов. К японцам не примкнул. Дага (Лаземин) — даур, 42 года, дружил с Хулинтаем. У. Гармаев — начальник Шинэхэнского хошуна, намечался японцами в начальники бурятской дивизии².

Как видим, в новом баргинском руководстве оказались не только дауры, но также баргуты и бурят У. Гармаев. Вступая во власть над Северной пров., Линшэн выразил благодарность императору Японии за то, что тот избавил Баргу от китайского господства³.

Итак, с выделением для монголов отдельной Хинганской пров., созданием для нее особых органов власти, сохранением основ старой (цинской) административно-территориальной системы после образования государства Маньчжурия было сделано главное, к чему стремились барга-монголы: отделение от Китая. Казалось, баргинский вопрос решен. Но они не получили всю полноту фактической власти, которой теперь обладали японцы. Кроме того, введение выборности должностных лиц от уровня хошуна и ниже наносило удар по наследственной власти феодалов. Языком официальных документов в Барге был не монгольский, а маньчжурский⁴.

¹ Баргут Галзуд Эрхэмбат. В 1919 г. участвовал в деятельности панмонголистов в Забайкалье (Atwood, 2002, p. 264). Не путать с революционером-дауром Гоболом Эрхэмбатом.

² О работе японской разведки в Барге, подготовлено ИНО полпредства ОГПУ по ДВК, г. Хабаровск, от 25 мая 1933 г., ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 37–96.

³ ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 93–95.

⁴ Lattimore, 1951, p. 135.

Теперь рассмотрим историю Барги в составе государства Маньчжурия. После того, как было создано это государство, Квантунская армия продолжала двигаться на запад. Она встречала сопротивление прокитайских партизан и части китайских войск. Об участии монголов в сопротивлении японцам мне неизвестно. В сентябре 1932 г. китайский генерал Су Бинвэнь, контролировавший западный участок КВЖД, стал захватывать поезда и обыскивать следовавших в них японцев, были случаи убийств последних. Вскоре в местности, которую контролировал Су Бинвэнь, китайские военные арестовали всех японских подданных. Японское правительство начало переговоры с советским о посредничестве в освобождении арестованных и эвакуации их на советскую территорию. После переговоров консула В.В. Смирнова с Су Бинвэнем в г. Маньчжурия японцы были доставлены на ст. Мациевская в СССР¹.

Вскоре после того как Су Бинвэнь выступил против Японии, над Хайларом появились японские самолеты. В сброшенных листовках ему предлагалось подчиниться государству Маньчжурия и разрешить эвакуацию японских резидентов. В случае невыполнения обещали меры государства Маньчжурия вплоть до воздушной бомбардировки Чжалантуня, Бухэду, Хайлара и г. Маньчжурия².

В процессе эвакуации японцев из Хайлара Су Бинвэнь 4 ноября 1932 г. заявил советским представителям, что сам будет эвакуироваться в СССР вместе с оставшимися японцами. К 27 ноября эвакуация японцев была в основном завершена. Эвакуировалось 210 японцев. Некоторое их количество осталось в Хайларе, а те, кто прибыл на Мациевскую, несколькими партиями были отправлены на родину. 28 ноября японские войска начали наступление на войска Су Бинвэня³.

Китайские власти, узнав о движении японских эшелонов в сторону станций Хайлар и Маньчжурия, стали готовиться к эвакуации. Хайлар стала патрулировать баргутская охрана, над зданием вокзала подняли флаг государства Маньчжурия⁴. К 3 декабря войска Су Бинвэня оставили Хайлар. 4 декабря силы Су Бинвэня вместе с мирными беженцами без разрешения пересекли границу СССР. В ночь с 5 на 6 декабря 1932 г. японские войска начали занимать оставленный Су Бинвэнем г. Маньчжурия. В течение нескольких дней в районе Хайлар – Маньчжурия была собрана мощная военная группировка японцев. Японские беженцы, еще остававшиеся на ст. Мациевская, вернулись в г. Маньчжурия⁵.

После эвакуации китайских войск в Барге началось расквартирование японской отдельной бригады в составе всех родов войск. К советским гражданам отношение японцев было «в целом выдержанное». На некоторых станциях КВЖД — Бухэду, Хайлар, Хинган — японцы самовольно под угрозой оружия

¹ Дацышен, 2013, с. 38–45.

² Телеграмма консула в г. Маньчжурия Смирнова Карахану от 27 октября 1932 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 16, д. 16, п. 169, л. 9.

³ Дацышен, 2013, с. 38–45.

⁴ Телеграмма Смирнова из Маньчжурии Карахану в НКВД от 4 декабря 1932 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 16, д. 16, п. 169, л. 132–133.

⁵ Дацышен, 2010, с. 25–26, 2013, с. 38–45.

расквартировывали солдат по квартирам железнодорожников. В Бухэду предполагалось строительство аэродрома, в Хайларе — радиостанции. Штаб комбрига генерала Т. Хаттори располагался в Хайларе¹. Вслед за этим в Хайлар прибыли белогвардейские отряды Фалилеева и Моторина, всего ок. 60 чел. Отряд Моторина японцами был разоружен и принят на временную службу по разгрузке и перевозке прибывающего в Хайлар в большом количестве военного груза. Отряд Фалилеева стал нести охрану строящейся японцами в 5 верстах от Хайлара авиабазы, рассчитанной на 30 летных машин. Прибыло шесть бомбовозов, один разведочный и один истребитель. Ямынь фудутуна Барги заявил, что он получил заверения японцев о передаче ему власти на территории Барги и охраны дороги на участке Хинган – Маньчжурия².

Однако не все баргинцы поддержали японцев и власти государства Маньчжурия. В октябре 1932 г. хайларские дауры поддержали генерала Су Бинвэня в его действиях против Японии. С тех пор дауры участвовали в военных действиях на стороне боровшихся с Японией китайских партизан. В труднодоступных горно-таежных районах были созданы партизанские базы. В сентябре 1939 г. был образован Хулунбуирский партизанский округ под руководством КПК и комитета области Бэй Ман (Северная Маньчжурия). В ряде районов компактного проживания дауров (Мориндава, Баян, Нэхэсянь) велась подрывная антияпонская деятельность. В ней участвовали многие дауры. Они служили проводниками партизан, занимались покупкой и доставкой провизии, лошадей, добывали сведения о дислокации и численности японских войск³. Так проявлялась известная и по более ранним событиям прокитайская позиция дауров.

Японцы стали относиться к даурам с подозрением. Кроме того, их интересовала баргинская «передовая молодежь», большинство которой происходило из зажиточных кругов. Т. Хаттори был недоволен засильем дауров в ямыне и консерватизмом стариков во власти. Из разных групп молодежи Барги стали отбирать надежные элементы, чтобы организовать «союз монгольской молодежи», основной задачей которой должна была стать проповедь идей государства Маньчжурия. Для монгольской молодежи в Хайларе организовали специальные курсы, где она обучалась военно-полицейскому делу. На этих курсах под руководством японских офицеров к маю 1933 г. было обучено 20 молодых монголов. Около 40 монголов направились на обучение в Мукден, 25 было предназначено для отправки на учебу в Японию. После занятия Барги необходимость в добровольных формированиях отпала, и японцы приступили к подготовке мобилизации до 2000 барга-монголов 20–30 лет. Для этого в Хайлар прибыл военный специалист Ока-

¹ Телеграмма Смирнова из консульства в Маньчжурии в НКВД Карахану от 8 декабря 1932 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 16, д. 16, п. 169, л. 139.

² Донесение из ОТПОРа 13 декабря 1932 г. Карахану, Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу и др. (текст написал консул Смирнов в г. Маньчжурия 13 декабря 1932 г.), АВПРФ, ф. РК, оп. 16, д. 16, п. 169, л. 146.

³ Цыбенков, Курас, 2016, с. 411–419.

да. Формирующиеся части предстояло укомплектовать японскими офицерами-инструкторами¹.

Военные приготовления японцев послужили основой для слухов о предстоящем захвате МНР. ОГПУ смогло достать список активной агентуры японской военной миссии в Маньчжурии (Хиросима, Сираиси, Иванага, Ковано, Иноуэ, Мацусита, Кумасава, Ивами), с краткими сведениями о каждом, сведения об агентах японской военной миссии на ст. Маньчжурия. В Хайларе активными японскими разведчиками были Идзэки, Мацуура, Каминага, Лио (кореец), Икеда, Хаттори, Окуба. Японской агентурой сочли баргинскую элиту, которая поддержала включение Барги в государство Маньчжурия: Хулинтая, Линшэна и др. — всего 17 монголов и русских².

Действия баргинских руководителей, доказывающие их агентурную деятельность, неизвестны. Но есть косвенные свидетельства возможности разведки против МНР со стороны Барги. Например, в 1934 г. бывший начальник комендатуры Азиатской конной дивизии Р.Ф. Унгерна — подполковник Л.В. Сипайло ездил для разведки и обследования границы Барги с МНР в район озер Далай-нор и Буир-нур. По итогам работы он представил доклады о политическом положении в Барге и дислокации советских войск в МНР³. Позже, в годы Второй мировой войны, число филиалов японской разведки в приграничных с МНР районах возрастало⁴. Памятуя старые связи с отрядом Бавужава, японцы иногда использовали в своих целях харачинов. Например, в 1933 г. отмечалось «нахождение известного разведчика Сайто с отрядом вооруженных харачин на самой границе с Халхой», куда перебрасывались «значительные воинские силы»⁵. В 1935 г. в хошуне Барун-Сунуд Шилингольского сейма Внутренней Монголии в формировании и обучении местных монгольских частей участвовали 40 японских и харачинских инструкторов. Грубое обращение инструкторов вызывало недовольство цириков, были драки с харачинскими инструкторами и даже открытое выступление с выкриками «внутренние монголы должны пойти против японцев и харачинов»⁶.

1 марта 1934 г. произошло изменение государственного статуса Маньчжурии: Пуи был интронизирован как император Великой Маньчжурской империи с девизом правления Кандэ. Японцы не были заинтересованы в восстановлении империи Цин. Так что интронизация Пуи означала не ее восстановление, а создание новой монархии на базе государства Маньчжурия.

¹ О работе японской разведки в Барге, подготовлено ИНО полпредства ОГПУ по ДВК, г. Хабаровск, от 25 мая 1933 г., ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 37–96.

² О работе японской разведки в Барге, подготовлено ИНО полпредства ОГПУ по ДВК, г. Хабаровск, от 25 мая 1933 г., ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 37–96.

³ Документы см.: Монголия в документах..., 2019, с. 365–368.

⁴ Подробнее см.: Курас, Цыбенков, 2016; Цыбенков, Курас, 2016.

⁵ Из справки ИНО ОГПУ о работе японской разведки в Барге, от 25 мая 1933 г., ЦАФСБ, ф. 3, оп. 3, д. 1343, л. 74.

⁶ Сводка о положении в р-нах Зун-Сунит и Барун-Сунит хошунов Шилингольского сейма на 15.04.1935, РГАСПИ, д. 492, оп. 152, д. 155, л. 79–83.

Перед этим Пуи был не единственным претендентом на трон. Помогая создавать государство Маньчжурия, японцы хотели, чтобы монархом в нем стал кто-нибудь из Цинской династии. Глава Цзуншэда — цинь-ван Су умер в 1922 г. Командование Квантунской армии учитывало, что кандидатов в правители несколько: другой лидер этой партии князь Гун (Пувэй); седьмой сын покойного Су — Цзинь Бидун; Пуи. Горячо поддерживавший движение за маньчжурскую независимость, Пувэй прибыл в Мукден. Но японцы объяснили ему, что у них другие планы, и отправили обратно в Дальний. Через шесть лет он умер. Руководство Квантунской армии исходило из того, что часть Внутренней Монголии включена в государство Маньчжурия, ее князья имели связи с Цинской династией, но сопротивлялись китайцам, поэтому интронизация Пуи позволила бы им рассчитывать на поддержку монголов. При этом японцы обеспечили ряд ограничений и новаций в названии государства (Маньчжурия, а не Цин и не Маньчжурия–Монголия), в гербе и флаге, столице, девизе правления императора, обряде почитания его предков и т.д.

Взяв Пекин в 1937 г., японцы не вернули туда Пуи. Хотя ему служило несколько известных монархистов, другие члены клана Айсинь Гёро не сотрудничали с японцами в Маньчжурии. В 1945 г., узнав о капитуляции Японии, Пуи издал указ о своем отречении. Как известно, позже он и некоторые другие члены императорской фамилии, сотрудничавшие с японцами (в том числе сын Шаньци и сын Пувэя), содержались в тюрьмах КНР. Незадолго до смерти Пуи освободили¹.

Новая интронизация Пуи была принята не всеми монархистами. Например, Ихэнгэ из Дзосотуского сейма, не принявший Китайскую республику, в свое время бывший членом Цзуншэда и примкнувший в Бавужаву, считал Пуи не более чем марионеткой. Он примкнул к князю Дэмчигдонрову (Дэ-вану), боровшемуся за самостоятельность Внутренней Монголии².

Японское командование придавало большое значение Барге в связи с ее стратегическим положением — как западному форпосту на границах с СССР и МНР. В 1935 г. там были размещены следующие военные силы японцев. Кавалерийская группа, штаб в Хайларе, командующий группой — генерал Касая, недавно прибыл и сменил генерал-майора Хасунуму. Группа состояла из 1-й и 4-й кавалерийских бригад. В каждой — ок. 2000 солдат и офицеров. К началу 1935 г. в Хайлар было переброшено 2 батальона 33-го пехотного полка из Цицикара. Монгольские войска в хинганских провинциях подверглись в начале 1935 г. реорганизации. Были организованы 1-я и 2-я монгольские конные армии.

1-я армия — командующий генерал-майор У. Гармаев, штаб в Хайларе. В состав ее входили кавбригады: 1-я (командир — генерал-майор Болобатор, штаб в Бухэду; 1-й кавполк — командир Пожукпын, 2 эскадрона в Бухэду, 1 в Буси; 2-й кавполк — командир Динюнфу, 3 эскадрона в Бухэду, 1 в Чжалантунь; в каждом полку 3 эскадрона, в эскадроне 3 взвода, во взводе 30 солдат, в бригаде 4 японских офицера-советника); 4-я (комбриг — У. Гармаев, штаб в Хайларе; 7-й

¹ Yamamuro, 2006, p. 97; Rhoads, 2000, p. 271–273.

² Jagchid, 1999, p. 151.

полк — командир полковник Бугукар, в Хайларе; 8-й полк, штаб в Маньчжурии, командир полковник Дамба, в каждом полку по 2 эскадрона, в эскадроне по 100–110 чел., в бригаде 35–40 японских офицеров. При 4-й кавбригаде в Хайларе — школа, которая готовила подростков для поступления в военную школу, там обучалось до 20 чел. 14–20 лет). 2-я армия — командующий князь Бадамулабутан (входят 2-я и 3-я кавбригады: 2-я бригада — штаб в Линьси, 2 полка, в полку 2 эскадрона по 103 солдата, есть пулеметный и бомбометный эскадроны; 3-я кавбригада — штаб в Цяньцзянь, комбриг князь Бадамулабутан, 2 полка; пехотные монгольские части — 2 батальона 230 и 258 чел.). В Чжэнцзятуне (Ляюань) — монгольская военная школа, готовила средний комсостав, обучение — 3 года, обучалось 85 чел. 25–30 лет¹.

Хотя большинство этих войск, судя по указанным пунктам, размещались в хинганских провинциях вне Барги, впервые в истории Хулунбуира из ее коренного населения стали формироваться крупные (по баргинским меркам) регулярные силы, началась подготовка профессиональных военных. Это было то, к чему тщательно стремились баргинцы все годы после объявления независимости. Но формирование национальных военных частей теперь проводилось в рамках Императорской армии государства Маньчжурия, а не собственных войск Барги.

По данным на 1936 г., части японской и маньчжурской армий в Барге располагались в Хайларе (1800 чел.), г. Маньчжурия (1200), западнее Хайлара (120), в районе Ганжура (100), в разных местностях (части 8-го полка — 1000 чел.), на р. Аршан, у Асарын-сумэ и Нур-обо (500 баргинских и японских солдат), западнее Аршан-гола (126 баргинских солдат), в Булан-Дэрсэ (200 японских и баргинских солдат), Будун-обо (200 даурских солдат), на Ар-Булаке (1 взвод баргинских гольдов), Халхин-Халун-Аршане (200 японских и маньчжурских солдат). Кавалерийские части располагались в основном вдоль границы с МНР².

Использовались и военные формирования белых. Они вели антисоветскую пропаганду³. Вместе с тем, отношение монголов к казакам и русским в целом в Барге было положительным. Например, один из русских путешественников в 1935 г. вспоминал: «Монголы, встречавшие нас весьма гостеприимно, ласково предлагали нам свое угощение и охотно разделяли с нами чаепитие в поле у костра»⁴.

В ноябре 1933 г. в Маньчжурии был восстановлен Союз казаков Восточной Азии (ранее Союз казаков на Дальнем Востоке). К декабрю 1938 г. Союз объединял 27 казачьих станиц, в том числе — станиц Западной линии КВЖД, включая Маньчжурскую и Хайларскую. Казаки несли охрану линии, их поселки были как бы цепью погранзастав. Сначала Союз размещался в Харбине, с декабря

¹ Справка о японских войсках в Хинганской (Синаньской) провинции на 15 ноября 1935 г., АВПРФ, ф. Референтура по МНР, оп. 16, д. 39, папка 154, л. 36–41.

² Мягмарсамбуу, 2018а, с. 217.

³ Например, осенью 1937 г. по в Чжалайноре, Хайларе и Трехречье демонстрировалась «Антикоммунистическая выставка» (Наш путь, 1.10.1937, 8.10.1937).

⁴ Нестор, 1935, с. 12.

1940 г. был перенесен в Хайлар. Во главе него был сподвижник Г.М. Семёнова — А.П. Бакшеев, получивший одновременно назначение на пост главы Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) в Хайларе, преобразованного в конце 1941 г. в Захинганское районное бюро. Это бюро распространяло свою компетенцию на район железной дороги от г. Маньчжурия до ст. Чжаланьтунь и в сторону от линии до Трехречья, с одной стороны, и Хунхульди — с другой. Все казачьи станицы в Западной Маньчжурии были подчинены начальнику Союза казаков, а казачьи поселения сведены в Трехреченскую, Сводно-Маньчжурскую станицы в г. Маньчжурия и Хайларский казачий отдел¹.

Основную часть казаков в Маньчжурии составляли забайкальцы, амурцы и уссурийцы. Согласно сведениям российских эмигрантов, «лишь с освобождением Маньчжурии от клана Чжанов и с созданием на территории “3-х восточных провинций” независимого Маньчжурского государства, превратившегося затем в империю, казаки вздохнули полной грудью: они получили, наконец, возможность зажить в соответствии со своим самобытным укладом, освященным вековой традицией. В настоящее время в Маньчжурской империи проживает не менее 20 тыс. эмигрантов-казаков»². В конце 1941 г. на этой основе был создан Захинганский отдельный корпус с развитой сетью полков и отрядов. Он подчинялся местному начальнику японской военной миссии подполковнику Таки. Однако использовать казаков в войне с СССР японцам не удалось. После вторжения РККА в Маньчжурию в августе 1945 г. они не участвовали в боях³.

В 1940-х гг. в начале лета в Хайларе ежегодно проводился конный праздник, на котором казаки показывали свое искусство джигитовки. Русские эмигранты и монголы в Хайларе были объединены в кружки соседской взаимопомощи. Помимо помощи в распределении продуктов первой необходимости, эти кружки занимались работой по межнациональному сближению, проводили заседания для ознакомления с современным положением⁴.

Японо-маньчжурские войска нападали на пограничные части МНР. В ответ на ноты протеста ее правительства маньчжурское правительство высылало свои ноты, где изображало их как попытки монголов напасть на маньчжурские заставы⁵.

В конце 1932 г. Линшэн встретился в Мукдене с разведчиком Гончигдо из МНР⁶. В 1935 г. в г. Маньчжурия прошло совещание представителей МНР и государства Маньчжурия по пограничным вопросам. Глава маньчжурской делегации Линшэн тайно контактировал с представителями МНР. Его целью было использовать силы МНР и СССР, чтобы вывести Внутреннюю Монголию из-под контроля

¹ Станицы проводили лагерные сборы (например, 8–25 июля 1937 г.: Наш путь, 11.08.1937).

² Казачество..., 1938, с. 13.

³ Яковкин, 2014; Энциклопедия Забайкалья...

⁴ Рубеж, 1942, № 4, с. 5; 1943, № 5, с. 23.

⁵ Донесение заведующего 2-м Восточным отделом НКВД СССР Козловского полпреду СССР в Японии Юреневу и полпреду СССР в Китае Д.В. Богомолу от 28 января 1936 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 17, папка 154, д. 4, л. 6–8.

⁶ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 233–234.

Японии¹. По другим данным, была даже организация, ставившая целью присоединение Барги к МНР². В нескольких пограничных столкновениях между войсками Японии и МНР последние победили. Это вселило в японцев подозрения, что Линшэн шлет разведанные в МНР. На встрече четырех губернаторов хинганских провинций в Мукдене в конце марта 1936 г. он резко критиковал японскую политику расселения японских крестьян-иммигрантов в Северном, Южном и Восточном Хингане — политику, которую он считал неотличимой от политики китайских милитаристов. Он также осудил вмешательство Квантунской армии в местную администрацию. Все это привело к его казни 24 апреля 1936 г.³

Арестовали 12 чел.⁴ Помимо Линшэна, была казнена группа его приближенных: его младший брат Фулин (начальник гарнизона войск Северного Хингана), муж его младшей сестры Чундэ (глава бюро Северной пров.) и Хулинтай (первый секретарь бюро этой провинции). Казнь Линшэна и его приближенных вызвала большое разочарование монголов Барги и Внутренней Монголии, в том числе тех, кто возлагал надежды на помощь японцев⁵.

В середине января 1936 г. монголы заметили перекочевку баргутов на территорию МНР в районе оз. Хара-нур (северный участок границы МНР и государства Маньчжурия). Такие перекочевки были и раньше, но эта поддерживалась маньчжурской погранохраной, которая состояла из баргутов. Вместе с перекочевавшим населением на территорию МНР перешла баргутская погранзаства в 7 чел. 15 января монголы целиком захватили ее, а перекочевавшим предложили вернуться. После этого последовал целый ряд провокаций в том районе: вторжения небольших маньчжурских отрядов, которые монголы отбивали. 18 января монголы предложили обменять 7 захваченных баргутов на 16 монгольских солдат, захваченных японцами после этого. Последовал обмен нотами протеста. Все случаи пограничных конфликтов в декабре и январе маньчжурии изображали как меры по очистке своей территории от проникших войск МНР, или как нападения монголов на маньчжурские заставы и «исследовательские партии», называя местом столкновения какой-либо пункт, находящийся на маньчжурской (баргинской) территории⁶.

По некоторым сведениям, в 1935 г. произошло до 106 столкновений, в первые три месяца 1936 г. — 22⁷. Японский Генштаб не отдавал конкретных распоряжений о пресечении этих столкновений, смотрел на них сквозь пальцы. В то же время, в Японии не считали, что эти столкновения приведут к немедленной войне с

¹ Jagchid, 1999, p. 147.

² Дылыков, 1953, с. 39.

³ Bulag, 2009, p. 9.

⁴ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 233–234.

⁵ Jagchid, 1999, p. 148.

⁶ Донесение Козловского Юреневу и Богомолу от 28 января 1936 г., АВПРФ, ф. РМ, оп. 17, папка 154, д. 4, л. 6–8.

⁷ Kwak, 1966, p. 41.

СССР. Часть руководителей Квантунской армии хотела использовать их как предлог к форсированию вооружений для предстоящей войны с СССР¹.

Приграничные конфликты, связанные с неурегулированностью восточной границы МНР, враждебное отношение японских и баргинских властей к коммунизму имело печальные последствия для живших в МНР баргутов. В период массовых репрессий 1937 г. Х. Чойбалсан сделал доклад «О политических уроках раскрытия шпионской и контрреволюционной организации и наши задачи в борьбе с внутренними и внешними врагами». В нем он, в частности, заявил, что японцы опираются в том числе на баргутов. «Их у нас меньше, всего ок. 1800 чел. Та часть баргут, которая не занимается скотоводством, а проживает в городах или пролезла в армию, вся является японской агентурой, переброшенной японцами в 26, 27, 28 гг. и позже. Мэрсэ, Фуминтай, Эрхимбато, Ульцзуй и др. — всё это крупнейшие японские агенты. Баргут Гомбочжаб поджег промкомбинат. Баргут Ульцзуй является посредником между японцами и Гендуном и Демидом. Баргут Норбо-Самбу и др. — диверсанты и вредители в военной авиации»².

Связь части членов НРПВМ с японцами не могла служить доказательством приведенных выше обвинений и того, что все баргуты в городах МНР подлежат «большим репрессиям», экспортированным в МНР большевиками. Но угроза японского нападения на МНР, действительно, нарастала.

К 1939 году Япония завершила оккупацию Центрального Китая и сразу приступила к строительству железной дороги от Калгана на Халун-Аршан в Барге с перспективой выхода на ст. Маньчжурия и Ганжур. В Хайларе японцы построили большой завод по производству мясных консервов (мощность — 3 тыс. т консервов в год)³. Это было важно для обеспечения провизией армии, а также обеспечило сбыт скота — основного источника средств к существованию баргутов.

Генштаб Квантунской армии уделял особое внимание строительству шоссе-сеиных дорог, особенно к границам на востоке Маньчжурии. Этот план не был осуществлен из-за нехватки материалов и рабочей силы. Но в важнейших приграничных пунктах строились укрепрайоны. Постоянные укрепрайоны были возведены, в частности, у Хайлара, Чжалантуня, в важнейших пунктах Хинганского хр., в Халун-Аршане. Аэродромы строились в основном на востоке Маньчжурии⁴. Часть дорог имела исключительно стратегическое значение, например, дорога Чанчунь — Байчэньцзы — Халун-Аршан. Хайларские крепостные сооружения были в числе наиболее прочных, имели подземные галереи⁵.

С весны по осень 1939 г. произошел масштабный вооруженный конфликт Японии с СССР и МНР в районе р. Халхин-гол. В нем участвовали войска госу-

¹ Показания начальника штаба командующего Квантунской армией генерал-лейтенанта Х. Хата, РГВА, ф. 451, оп. 20, д. 1, л. 10.

² Чойбалсан, 1937, с. 94. Верные монгольские написания имен: Эрхэмбат, Улзий, Гэндэн, Дэмид, Норовсамбу.

³ Захарова, 1990, с. 69.

⁴ Показания Хата, РГВА, ф. 451, оп. 20, д. 1, л. 3–4.

⁵ Показания помощника начальника штаба Квантунской армии генерал-майора Т. Муцумура, РГВА, ф. 451, оп. 20, д. 3, л. 13–14.

дарства Маньчжурия, в том числе — баргутские кавалеристы. Конфликту предшествовал ряд нападений японской и баргутской кавалерии на пограничные посты МНР зимой 1939 г. В этом конфликте японские и маньчжурские войска использовали инфраструктуру Барги, в основном построенную японцами (аэродромы северо-восточнее Буир-нура, основную авиабазу у Хайлара). Штаб участвовавшей в конфликте 6-й японской армии располагался в Хайларе.

Этот конфликт, потери сторон в котором измерялись десятками тысяч человек и сотнями единиц военной техники, подробно описан во многих известных работах, опубликовано много российских, японских и монгольских документов¹. Останавливаться на нем я не буду. Отмечу лишь, что долина Халхин-гола, как показано выше, еще с начала XX в. стала линией конфликтов. Судя по допросам японских солдат, плененных в боях при Халхин-голе, офицеры им рассказывали, что в Китае по всей стране идут беспорядки и грабежи японцев, потому в Китае японцы ведут войну. Другие японские офицеры им говорили, что войны с Японией в Китае нет, а есть только конфликт. О причинах войны на монгольско-маньчжурской границе японские пленные говорили, что это монголо-советские войска перешли границу, которой является р. Халхин-гол, и пытались захватить Маньчжурию².

В японских публикациях того времени в качестве причин данного конфликта указывались нарушения солдатами МНР границы с Маньчжурией, наличие спорной территории между двумя государствами, агрессивная политика СССР в отношении Маньчжурии³. «Точной границы между МНР и Маньчжоу Го фактически не существовало. Вместо нее была пограничная зона шириной от нескольких десятков до сотни километров без каких-либо опознавательных знаков. Исторически эта территория не была спорной, по ней столетиями кочевали восточные монголы, баргуты и другие местные племена, которые вообще не признавали границ между странами <...> В пограничном споре и маньчжурская, и монгольская стороны имели свои картографические версии — монгольская ссылалась на древние китайские карты, а маньчжурская — на более поздние цинские карты, однако полной ясности в этом вопросе ни в Москве, ни в Улан-Баторе, ни в Токио не было»⁴.

Это согласуется с классической работой В.А. Кормазова по Барге: «Необходимо отметить, что южная, юго-западная и юго-восточная границы — спорные. Барга считает, что граница идет по р. Халхе, Халха же считает своей 8-километровую зону, прилегающую к р. Халхе на баргинской территории»⁵.

У советской и японской сторон были разные взгляды относительно линии границы. Квантунская армия надеялась воспользоваться местными стычками и захватить данную территорию, а затем вынудить МНР признать новую границу.

¹ Например, Вооруженный конфликт..., 2014.

² РГВА, ф. 32113, оп. 1, д. 113, л. 153.

³ Жалсапова, 2009, с. 129.

⁴ Караева, 2005, с. 83–84.

⁵ Кормазов, 1928, с. 1.

Операцию предполагалось провести быстро¹. Другой причиной была попытка демонстрации МНР мощи Квантунской армии².

Разгром войсками СССР и МНР японских и маньчжурских войск в боях при Халхин-голе имел далеко идущие последствия. Были заложены основы для заключения Советско-японского пакта о нейтралитете 13 апреля 1941 г. Япония отказалась от нападения на СССР и МНР. Восточная граница между МНР и Баргой была, наконец, урегулирована. После завершения конфликта новый командующий Квантунской армией Ё. Умэдзу в тылу границы создал линию пограничной службы, за пределами которой запрещалось применение вооруженных отрядов, кроме как с санкции командующего. Инциденты на линии границы прекратились³.

Были и последствия внутри Барги. Во время боев при Халхин-голе шло дезертирство из баргутских войск. Определенный вклад в это вносила агитация со стороны МНР. Эту агитацию вели, в том числе, баргутские солдаты, перешедшие на сторону МНР и СССР⁴. Антияпонские настроения среди баргинских солдат подавлялись палочной дисциплиной японскими инструкторами. Под влиянием поражения и из-за сведений об ухудшении экономического положения в Барге, началось массовое дезертирство баргутов: за июль–август дезертировало более 1000 чел. Другим следствием стало партизанское антияпонское движение в западной Маньчжурии (ранее оно было лишь в восточной). Его организаторами были дезертиры из маньчжурских войск. Японцы направили туда карательные отряды⁵.

Смуты в отрядах восточных монголов во время боев при Халхин-голе привели к казни не менее 100 чел. Эти казни, вместе с казнью несколькими годами раньше Линшэна и его приближенных, шокировали монголов в Хулунбуире и на западе Внутренней Монголии⁶. Во время боев при Халхин-голе монгольские преподаватели Хинганской военной академии — полковник Асган и майор Бао Юйкунь — собрали своих студентов и заявили, что японцы недооценили русских, а монголы не должны сражаться с монголами⁷.

Итак, конфликт на Халхин-голе и его исход разочаровали баргутов. Они считали, что монголы не должны воевать с соотечественниками, а после поражения японо-маньчжурских войск убедились в военном превосходстве СССР и

¹ Показания Муцумура, РГВА, ф. 451, оп. 20, д. 3, л. 24.

² Показания Хата, РГВА, ф. 451, оп. 20, д. 1, л. 10.

³ Показания Хата, РГВА, ф. 451, оп. 20, д. 1, л. 10.

⁴ Примеры агитационных документов: Российско-монгольское..., 2011, с. 19–20; Вооруженный конфликт..., 2014, с. 367–368. Использование маньчжуро-японскими войсками белоэмигрантов из Маньчжурии было незначительным. Но среди них были потери (см., напр., противоречивые оценки эмигранта М.А. Натарева, погибшего в боях при Халхин-голе: Луч Азии, 1939, № 60/8; Смирнов, Буяков, 2019, с. 54–65).

⁵ Донесение нач. разведотряда 1-й армейской группы майора Горшкова, комиссара 1-й армейской группы батальонного комиссара Поташкова, нач. 2-го отдела РО капитана Куракова, РГВА, ф. 32113, оп. 1, д. 276, л. 2–9.

⁶ Atwood, 1992, p. 20.

⁷ Цогту, 2020, с. 123.

поддержке территориальной целостности МНР с его стороны. Важной задачей для японцев стало выяснение настроений баргинцев. По итогам исследования в 1941 г. был подготовлен большой документ с рекомендациями. Выяснилось, что после боев при Халхин-голе баргинцы разочаровались в Японии, как альтернатива, стали набирать силу панмонгольские настроения. Но теперь их предлагалось гасить и направлять мысли монголов к тому, что они составляют одну из пяти равноправных национальностей государства Маньчжурия¹.

Разочарованию баргинцев способствовала проводимая японцами политика и ухудшение экономического положения Барги. Поголовье скота сокращалось. Со скотоводческих хозяйств стали брать высокие налоги. Налог брали также с людей, собак, телег, сена на продажу. Недовольства вызывало также отсутствие товаров ширпотреба, медицинской и ветеринарной помощи. Японцы, боясь восстановления, отбирали оружие — даже охотничье. В 1937 г., после расстрела группы Линшэна, на три хозяйства давались один топор и одна пила под ответственность одного из хозяйств².

В июле 1940 г. в государстве Маньчжурия был проведен опрос мнений лам по реформированию Хулунбуира. Ответы указывали на то, что они ничего не хотят менять. Большинство лам согласилось с важностью обучения чтению на монгольском, но они подчеркивали, что тибетский наиболее значим для понимания буддийских текстов и учений. Опрос показал и поддержку использованию европейской медицины наряду с тибетской³.

В целом же, японская политика модернизации вела к снижению влияния буддийского духовенства. Но при этом в Барге развивалось образование для лам, некоторые из них ездили учиться в Японию. На основе ламских кружков Маньчжурии в июне 1940 г. в Северной (Северо-Хинганской) пров. была создана религиозная организация, на открытии которой в монастыре Ганжур-сумэ присутствовали руководители провинции во главе с Эрхэмбатом; председателем был назначен ширэтулама этого монастыря — Дагварэнцэн. С 1941 г. впервые в Барге стали создаваться ламские школы: в Хайларе, хошуне Хувут-Цаган и др. Эти школы были закрыты после занятия Барги советско-монгольскими войсками в 1945 г.⁴

Стремясь улучшить положение в Барге, японцы с 1939 г. стали проводить в Северном Хингане трехлетний план общего развития: создание и укрепление местной промышленности наряду с усилением воспитательной работы. В 1940 г. Хайлар получил статус города, стал быстро застраиваться. Его население достигло 30 тыс. чел. (в то время как население г. Маньчжурия после массовой эмиграции, связанной с предшествующим японо-китайским конфликтом, не превышало 7 тыс.)⁵.

¹ АВПРФ, ф. Референтура по МНР, оп. 28, д. 37, папка 200, л. 55–66.

² Доклад посланника СССР в МНР Иванова замнаркома иностранных дел Лозовскому от 22 октября 1945 г. о положении в Барге по данным советника Миссии СССР в МНР Чернонебова, АВПРФ, ф. Референтура по МНР, оп. 27а, д. 6, папка 196, л. 1–19.

³ Narangoa, 2003, p. 505–506.

⁴ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 201–207.

⁵ Великая Маньчжурская Империя, 1942, с. 101, 106.

Однако разочарование части баргинцев не исчезло. Оно проявлялось в подпольной деятельности. Часть молодежи стала читать запрещенную максистско-ленинскую литературу. В 1941 г. несколько старшеклассников открытой японцами для монголов Хинганской школы создали организацию, назвав ее Монгольская партия возрождения¹.

Многие дауры служили в армии, местных администрациях, полиции и других учреждениях Маньчжурии. В годы Второй мировой войны в Хайларе действовала подпольная антияпонская организация, состоявшая в основном из дауров (преимущественно членов НРПВМ). Со времени конфликта на Халхин-голе 1939 г., они отправляли данные военной разведке Красной армии. Руководил организацией в Хайларе даур Найралту (Го Вэнгуи). Его ближайшими сподвижниками была супружеская пара Хас-Батор (даур) и Цыпылма (уроженка Бурятии). Костяк подпольной организации Хайлара составили дауры п. Наньтунь. Группа собирала сведения об военных аэродромах, стратегических укрепленных пунктах, планах командования. Некоторые подпольщики знали японский язык, служили в местной администрации. Например, генерал Маньчжурской армии Го Вэнтун был связан с подпольной организацией, передавал важные сведения. В августе 1945 г. во время вступления Красной армии в Маньчжурию он поднял мятеж и сдался советским войскам. Агенты подпольной антияпонской организации были в разных частях Барги. Они передавали в СССР разведданные. Многие погибли. И баргуты, несмотря на в целом лояльное отношение к японцам, всё же были недовольны их правлением. На заключительном этапе войны баргуты приняли участие в операции против японской разведывательной группы². Было несколько мятежей в маньчжурских войсках, когда офицеры-дауры убивали находившихся там японцев³. По-видимому, дауры больше сопротивлялись японцам, чем баргуты.

Вероятно, с целью повышения лояльности баргинцев к маньчжурским властям Пуи 2 июня 1941 г. поехал в Северную (Северо-Хинганскую) пров. из столицы — Синьцзина (Чанчуня). По дороге ему устроили почетную встречу генерал У. Гармаев и губернатор Эрхэмбат. 4 июня Пуи прибыл в Хайлар. Там на торжественной встрече Эрхэмбат от имени своего народа приветствовал его старым титулом — Богдо⁴ и от имени баргинцев поблагодарил за то, что император обращает внимание на улучшение экономики провинции, развитие ее промышленности, желает счастья ее народу. 5 июня Пуи посетил административные и военные органы, культурные организации. В честь него организовали монгольский праздник Надом. 9 июня Пуи уехал обратно в Синьцзин. 14 июня иллюстрированный репортаж о встрече Пуи был напечатан в журнале «Хөх туг» («Синее знамя»), выходившем на монгольском языке в Синьцзине⁵.

¹ Цогту, 2020, с. 101–102.

² Цыбенков, Курас, 2016, с. 411–419.

³ Цыбенков, Курас, 2019, с. 380–388. Подробнее об антияпонской деятельности даурского подполья см.: Государственная и квазигосударственная..., 2016, с. 200–211.

⁴ Цинский император носил официальный титул Богдо-хан.

⁵ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 185–188.

Общее представление о Барге в составе государства Маньчжурия перед его крахом в 1945 г. дает справка генконсульства СССР в Харбине, подготовленная в 1946 г. По последней переписи на 1 января 1933 г., всего населения было 60 900 чел.: китайцы (11 000 чел.), маньчжуры (200), буряты (250), чипчины (5200), ново-баргуты (17 100), олёты (500), дауры (2000), солоны (3200), забайкальские буряты и тунгусы (2500), японцы (250), корейцы (150), русские (17 300), прочие (50). Страна оставалась скотоводческой. Ее главой был Эрхэмбат, но фактически всем распоряжался его заместитель-японец. Японцы рассматривали Баргу как плацдарм для нападения на СССР и МНР, поставщика мяса и лесоматериалов¹. Для консолидации управления в 1943 г. четыре хинганские провинции были объединены в Объединенную Хинганскую (Синаньскую) провинцию.

В государстве Маньчжурия по инициативе японцев проводилась политика модернизации: вводилось обязательное школьное образование, успешно развивались здравоохранение, связь, промышленность, пути сообщения и т.д.² В Барге с помощью японцев улучшалось здравоохранение, особенно после 1941 г. Открывались клиники европейской и тибетской медицины. Улучшалось и образование, открывались школы. Например, в восточном хошуне Новой Барги в 1933 г. была одна школа с 32 учениками, а в 1945 г. — уже пять школ с 386 учениками; начали учиться девочки. По данным журнала «Хөх туг», в 1941 г. в Барге всего было 3172 ученика, не охвачено учебой — 2893 ребенка. То есть большинство детей стало получать образование. В указанном журнале специальная полоса «Хүүхдийн хөх туг» («Детское синее знамя») была отведена вопросам образования и агитации за учебу³.

9 августа 1945 г., согласно Ялтинским соглашениям, РККА совместно с МНРА начала Маньчжурскую операцию (Советско-японскую войну) для разгрома Квантунской армии, занятия Маньчжурии и севера Кореи. Участвовавшие в ней советские войска имели значительное преимущество перед японскими в живой силе и вооружениях. Важным фактором был и боевой опыт, приобретенный в войне с гитлеровской Германией, а также внезапность нападения. Из двух главных ударов один был направлен из Забайкалья и МНР на Объединенную Хинганскую провинцию Маньчжурии. В операциях Забайкальского фронта участвовали части МНРА. В состав этого фронта входила советско-монгольская конно-механизированная группа под командованием генерала И.А. Плиева⁴.

С утра 9 августа войска Забайкальского фронта с боями овладели Маньчжуро-Чжайлайнорским укрепрайоном и заняли города Маньчжурия и Джалайнор. В районе Буир-нура они заняли города Джанжин-сумэ и Хошу-сумэ, не встретив особого сопротивления. 10–11 августа войска Забайкальского фронта заняли район Далай-нора, Хайлар и вышли к предгорьям Хингана южнее Хайлара.

¹ Барга (справка), подписал секретарь генконсульства СССР в Харбине Никитин 12 сентября 1946 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 40а, д. 15, папка 263, л. 111–132.

² Подробнее см.: Государственная и квазигосударственная..., 2016.

³ Мягмарсамбуу, 2018а, с. 185–207.

⁴ История Монголии..., 2007, с. 174.

12 августа, продолжая наступления вдоль железной дороги Хайлар – Харбин, они овладели ст. Якэши; подвижные войска на ряде участков форсировали Большой Хинган и вышли на его восточный склон. 13 августа они прорвали Халун-Аршанский укрепрайон и заняли Халун-Аршан, заняли города Солунь и Вангийн-сумэ (Ванемяо), а также ст. Мяньдухэ. 14–17 августа, развивая наступление к востоку от Большого Хингана, они заняли ряд пунктов в бывшей Цицикарской пров. Командующий Квантунской армией 16 августа приказал ей сдаться, но некоторые части продолжали сопротивление. После взятия Хайлара советскими войсками был окружен японский гарнизон в укрепрайоне, созданном около железнодорожной станции. Основой его была подземная крепость, построенная в сопках. Тяжелые бои за эту крепость продолжались 10 сут., прежде чем она была взята советскими войсками. Ее гарнизон сдался 18 августа (5000 японских солдат и офицеров)¹.

Итак, советско-монгольские войска захватили Баргу за период 9–18 августа. Как эти события повлияли на население Барги? Многие баргуты переходили на сторону наступающих. Например, в воззвании группы солдат баргутского кавполка «К населению и солдатам Маньчжурии» говорилось: «Крестьяне, рабочие и солдаты! Долго ли мы будем терпеть японское владычество? Не пора ли нам сбросить со своей спины кровососов-самураев? <...> Японские хозяева издеваются над китайцами и монголами и относятся к ним, как к собакам. <...> Японские хищники отняли у маньчжурских крестьян их лучшие земли, обложили их непосильными налогами, отобрали скот и за бесценок продают их последнее крестьянское имущество. <...> Солдаты Маньчжурии! Нас японцы гонят как скот на войну против своих же братьев. При наступлении на МНР за полком баргутов шла рота японцев с пулеметами и пушками. Каждого баргута, не желающего воевать с нашими братьями, японцы расстреливают на месте. Сотни маньчжур погибли от рук японских палачей. Рабочие, крестьяне и солдаты! В наших сердцах кипит ненависть против иноземных кровососов. Нет больше сил терпеть надругательства, мучения и пытки, пришло время расправиться с японскими извергами. Беритесь за оружие и бейте японцев, гоните их с нашей родной земли! Маньчжурия должна быть свободной, и она будет свободной страной! Все, как один, на борьбу с японскими интервентами! Смерть кровавым собакам самураям!»² Стиль воззвания выдает советское авторство.

В Барге советские и монгольские войска разрушили несколько буддийских храмов. В 1946 г. они были восстановлены. Пришедшее к власти автономное хинганское правительство взяло под защиту буддизм и лам³.

Сразу после изгнания из Барги японских войск туда под прикрытием политдела Забайкальского фронта был направлен советник миссии СССР в МНР

¹ Бои в Маньчжурии и Корее, 1945, с. 98–99; детали взятия крепости см.: Беломестнова, 2015, с. 104–111.

² Воззвание группы солдат баргутского кавалерийского полка, РГВА, ф. 32113, оп. 1, д. 113, л. 212–213.

³ CIA-RDP82-00457R000600100008-0.

П.И. Чернонебов, уполномоченный правительства МНР Лхамсурэн и группа оперативных работников МВД МНР. В г. Чойбалсан сформировали отряд партийного актива и ополченцев-монголов в 119 чел. 19 августа 1945 г. отряд пересек монголо-маньчжурскую границу и вечером прибыл в центр Правого крыла Новой Барги — населенный пункт Алтан-Эмель. Оттуда он посетил ряд других пунктов. К 22 октября по итогам поездки Чернонебов составил доклад, который хорошо иллюстрирует обстановку в Барге после изгнания оттуда японцев. Приведу содержание этого доклада.

До 1933 г. в районе Алтан-Эмеля не было населенного пункта. Весной 1932 г. появились японцы, которые обследовали этот район и приступили к строительству. Ко времени наступления Красной армии там находились управление правобережной Барги, японский пограничный полк, японский гарнизон, контрразведка и разведотделение. Алтан-Эмель возник не столько как административный пункт, сколько как «центр шпионажа и опорный пункт японцев в направлении МНР». Там жили японцы — начальник полиции Канэу, его заместитель по административной части Ёсимура (взяты в плен). В хошунном управлении в качестве начальников отделов и их заместителей работали восемь японцев. В здании хошунного управления под маркой ветлаборатории находилась спецлаборатория, подчиненная особому отделу (начальник — японец Хурэда, зав. сектором — монгол Дамдинжав). Всего в Алтан-Эмеле работало 20 японцев, там же были их семьи.

К приезду Чернонебова в Алтан-Эмеле уже не было никакой администрации. Японцы были взяты в плен без единого выстрела, так как война застала их врасплох. Они ничего не знали о начале войны и наступлении Красной армии. При вступлении в Алтан-Эмель Красной армии магазин там был разграблен местными китайцами и частично окрестными монголами. Все дома и склады обограны. С японской фермы в 31-й погранотряд был передан весь скот. Один старик рассказал, что все население Барги радо вступлению Красной армии: японцы отбирали в последний год много скота, запрещали свободную торговлю, перекочевки в другие сомоны и к границе, продуктами и промтоварами население не снабжали, за взятый скот рассчитывались гоби — маньчжурскими бумажными деньгами. Тот же арат сказал, что одна из проходивших частей РККА взяла у него 385 баранов, 30 коз, 11 быков, 1 коня и седло с полным прибором. Араты откочевали дальше от дороги, боясь, что проходящие части РККА будут у них отбирать скот.

20 августа в Алтан-Эмель прибыл заместитель Эрхэмбата — Санжмятав, 57 лет. Он рассказал о коварстве японцев, назвал девять баргутов, которые верно служили им (всех их арестовали). В выявлении «японских шпионов» из местного населения приняли участие араты и несколько чиновников. Санжмятав считал, что сейчас удобный момент для воссоединения Барги с МНР.

21 августа в Алтан-Эмеле собрали представителей сомонных и хошунных управлений для восстановления работы. Руководитель правобережной Барги Гонгоржав предложил присутствующим обсудить вопрос о судьбе Барги. «При обсуждении этого вопроса все присутствующие с большим подъемом приняли решение о воссоединении с народом, населяющим МНР. После собрания мы по-

интересовались вопросом, почему местное население не желает иметь китайскую администрацию и находится в системе Китайского государства? Многие по этому вопросу нам заявили следующее: “Нравы, обычаи, языки, письменность, образ жизни монгольских племен не соответствуют китайским и, кроме того, монгольской народ хочет свою судьбу держать в собственных руках, а не в чужеземных”. Все делегаты заявили, что “будут жить вместе со своими братьями — халха-монголами, более никого не признаем”. За воссоединение каждый поднимал по две руки и все кричали ура».

Делегаты с большой гордостью говорили о своих патриотах Дамдинсурэне и Цэнд-гуне — умершем губернаторе, который всё время учил монголов, что при удобной ситуации надо воссоединиться с МНР. Выступил дзанги Цэрэнпил, который подвергся репрессиям со стороны японцев за попытку восстановить связь с МНР. Он указал на единомышленников-аратов, которых японцы 3 мес. пытали каленым железом. Араты показали раны. Он разоблачил «активных японских шпионов»-баргутов, которых лично доставил из худона и передал в распоряжение прибывшим из МНР. Было несколько случаев, когда ламы ловили японцев и передавали командованию РККА. Уезжая, прибывшие оставили в Алтан-Эмеле опергруппу для арестов «японских шпионов» и учета имущества, оставленного японцами.

Хайлар и его окрестности представляли собой японский укрепрайон, который строили 14 лет. Использовались китайцы, которые после строительства расстреливались. За два дня до взятия Хайлара Красной армией японцы сожгли все хорошие постройки, в том числе военный городок. Население Хайлара состояло тогда в основном из китайцев, занимавшихся торговлей и ремеслами, на втором месте были русские белоэмигранты, 700–800 татар; монголов мало, проживали они в основном в монгольском городке Наньтунь в 18 км от Хайлара.

25 августа состоялось собрание делегатов Солуньской Барги, где вместо ушедшего с японцами старого начальника был единогласно выбран Балдан, участник так называемого заговора против японцев, которым руководил бывший губернатор Барги Линшэн («Лин-Шан»), впоследствии расстрелянный японцами. На собрании выбрали представителей в Великое народное собрание монголов Барги. В разные места ездила опергруппа из отряда, арестовывала «предателей». В Хайларе оставили опергруппу и отряд в 40 чел. во главе с инструктором разведуправления Савельевым.

27 августа остальные выехали к бывшему губернатору Барги — Эрхэмбату. Он был родным братом матери Манлай-вана Дамдинсурэна.

28 августа состоялся съезд народных представителей. «На съезде было принято обращение к правительству МНР, в котором они просили о воссоединении с народом МНР. На съезде было 138 депутатов. К собранию народных представителей присоединились ламы Намо-гуру-хийда, во главе с ламой-руководителем этого хийда». Съезд принял обращение к правительству МНР¹ с просьбой о вос-

¹ Русский перевод текста обращения к монгольским народам: Цолмон, 2016, с. 26–27.

соединении. Подписали 3716 чел. — представители Правого крыла Новой Барги, Левого крыла Новой Барги, Старой Барги и Солуньской Барги. Чернонебов отмечал, что за воссоединение с МНР были «все араты поголовно». Шло много разговоров о немедленном вводе войск МНР во все хошуны, где нет РККА.

Баргинских аратов беспокоил самовольный угон скота проходящими частями Красной армии. Были отдельные случаи бесчинств со стороны ее бойцов. Угону скота подверглись сомоны Правого крыла и Старой Барги. Араты в Правом крыле заявили, что в общей сложности, по данным регистрации, угнано 2225 лошадей, 2760 быков, 36670 овец, 2549 коз, отбирались золотые, серебряные предметы и украшения. Имелся список на каждого арата Правого крыла Барги, у кого были взяты ценности и скот. «В Старой Барге, по неизвестному распоряжению, араты отселены со всем скотом (в количестве 700 с лишним хозяйств) к границе Советского Союза»¹. Те же данные по монгольскому архиву приводит Г. Мягмарсамбуу, добавляя, что эти 700 семей были богатыми, и что переговоры с советской стороной по этим вопросам вел Н. Лхамсурэн, 13 августа 1945 г. назначенный уполномоченным в Хулунбуире от правительства МНР².

Кроме того, в конце сентября — середине октября 1945 г. более 2000 юрт из хошунов Хувут-Цаган, Хувут-Шар и Шулун-Цаган (Гул-Цаган) Новой Барги перекочевали на север от Буир-нура в местность Булан-Дэрс. Монгольским властям удалось вернуть более тысячи юрт. Остальные смогли уйти в Восточный аймак МНР. Позже там был создан сомон Хулунбуир в составе 1122 чел.³

1 ноября 1945 г. Чернонебов составил еще одну записку о Барге. По его словам, вернувшись из Улан-Батора, делегаты хулунбуирских монголов, которые приезжали к Чойбалсану по вопросу о воссоединении с МНР, 30 сентября 1945 г. созвали II съезд, где отчитались о поездке. Глава делегации, ездившей к Чойбалсану — Санжмятав в выступлении, в частности, сказал: «Находясь в МНР, из печати мы узнали, что между Советским Союзом и Китаем подписан договор, согласно которому мы — барга-монголы — остаемся в составе Китая — чего не желаем, но для этого требуются настойчивость и инициатива. <...> Халха-Монголия нас никогда не забудет и мы не должны забывать ее. Договор, заключенный между СССР и Китаем, в какой-то степени задерживает наше присоединение к МНР, но, несмотря на это, мы должны бороться за свою свободу и независимость».

Делегат съезда Бухэбатор внес предложение, что Хулунбуирская пров. должна быть самостоятельной. С этим участники съезда согласились. Затем Эрхэмбат заявил, что «Красная армия, руководимая великим Сталиным», совместно с союзниками разгромила Японию. «В результате этого все монголы, русские и китайцы, проживающие на территории Барги, освобождены от японского ига — за что мы должны благодарить главнокомандующего и героя товарища Сталина (бурные

¹ Доклад посланника СССР в МНР Иванова замнаркома иностранных дел Лозовскому от 22 октября 1945 г. о положении в Барге по данным советника Миссии СССР в МНР Чернонебова, АВПРФ, ф. Референтура по МНР, оп. 27а, д. 6, папка 196, л. 1–19.

² Мягмарсамбуу, 2018а, с. 254–255.

³ Гомбосурэн, 2006, с. 143–158.

аплодисменты)». Кроме того, Эрхэмбат сказал, что сейчас собравшиеся представители народа сами должны управлять делами своей провинции. «Образовывая правительство своей провинции, мы полностью уважаем формы правления, как Маньчжурского государства, так и Китая, т.е. никаких особых изменений в принципе не вносим». Затем он огласил текст административного устройства автономной провинции и структуру автономного правительства, которые были утверждены.

Чернонебов отмечал: из выступлений на съезде баргинцев, приезжавших к Чойбалсану, губернатора и делегатов II съезда видно, что хулунбуирские монголы твердо стоят на своих позициях — бороться за свою свободу и независимость, создав на данном этапе автономную Хулунбуирскую пров. в системе Китайской республики. При отказе предоставить им автономию, они были готовы с оружием в руках (которое они просили у представителей командования РККА) драться с войсками китайского правительства. В случае отказа им в этой помощи, хулунбуирские монголы все перекочат на территорию МНР. Вместе с ними также собирались откочевать буряты, проживающие в районе р. Шинэхэн, в количестве 400 хозяйств — 2000 чел.

Кроме того, население, как и в прошлом, испытывало большую нужду в промтоварах и основных продуктах (мука, крупа, чай), которые надеялось получить от командования Красной армии. Чернонебов указывал: требуют проверки данные, что проходящими частями РККА в период военных действий неорганизованно изъято у населения более 200 тыс. голов скота. Он считал целесообразным выдать за изъятый скот промтовары из трофейного фонда — 1–1,5 млн. м ситца, шелка и других тканей, и 400–500 т муки¹.

По данным ЦРУ, советские войска покинули Хайлар в конце января 1946 г., порекомендовав монголам из МНР помогать китайским коммунистам. 1 октября 1946 г. в Хайлар вошел отряд кавалеристов из МНР в 2000 чел. Местный монгольский отряд и отряд китайских коммунистов ушли из города. Через 2 сут. последние вернулись после того, как войска МНР ушли из города. Причины кратковременного пребывания там войск МНР неизвестны. По данным на 18 ноября 1946 г., в то время Хайлар занимала одна пехотная дивизия, два кавполка и один батальон бронемашин монгольских войск². По данным на 1947 г., монгольские войска (более половины которых составляла пехота и кавалерия) контролировали территорию от Чжалантуня до ст. Маньчжурия. Их штаб находился в Хайларе. Военные кооперировались со штабом китайских коммунистов в Харбине, но не подчинялись ему³. По данным на 23 марта 1947 г., одна из пяти групп войск МНР в бывшем государстве Маньчжурия занимала Баргу. Эти войска располагались в четырех пунктах, база была в Хайларе. Их было ок. 5000 чел. Ее задачей был контроль КВЖД между Цицикаром и Хайларом⁴.

¹ Докладная записка Чернонебова об обстановке в Барге от 1 ноября 1945 г., АВПРФ, ф. Референтура по МНР, оп. 27а, д. 6, папка 196, л. 21–26.

² CIA-RDP83-00415R000300030031-0; CIA-RDP82-00457R000100480008-4.

³ CIA-RDP82-00457R000800740003-3.

⁴ CIA-RDP82-00457R000400470009-0.

Советские и монгольские войска взяли в плен 225 371 солдат и офицеров Квантунской и Маньчжурской армий, в том числе монголов (включая баргутов) — 3862, из них 450 были пленены советскими войсками¹. В лагерях МНР пленные монголы содержались в плохих условиях, среди них было много больных. Эти пленные были освобождены в 1948–1949 гг. По их заявлениям, они стали гражданами МНР². Военнопленные баргинцы в МНР использовались на принудительных работах по образцу японских военнопленных в СССР.

Таким образом, после включения Барги в состав государства Маньчжурия баргинцы испытывали энтузиазм. Японцы стали проводить там ряд мероприятий, направленных на модернизацию, становление национальных войск и, что было еще важнее для баргинцев — на ограничение китайской колонизации. Вместе с тем, с самого начала шли интеграция Барги в государство Маньчжурия, усиление японского влияния, ослабление влияния буддизма и монгольского традиционализма. В Барге росло число японских поселенцев. Теперь панмонгольские настроения японцами не поддерживались и даже становились опасными при подозрениях в контактах с МНР. На закате государства Маньчжурия возникли серьезные перебои со снабжением населения, усиливался японский контроль. Все это способствовало росту настроений в пользу МНР и СССР.

В подпольном антияпонском движении, наряду с китайцами, участвовали в большей степени дауры, чем баргуты. Это согласуется с приведенными выше данными о том, что после 1911 г. представители даурского меньшинства были более склонны к компромиссам с Китаем, чем барга-монгольское большинство, более настроенное на самостоятельность от этой страны.

После изгнания японцев из Хулунбуира в 1945 г. баргинцы, как и внутренние монголы, в подающем большинстве стремились воссоединиться с МНР. Но этому воспрепятствовал И.В. Сталин, подписавший Ялтинские соглашения, согласно которым эти территории не могли быть реинтегрированы с МНР в единое государство и должны были отойти к Китаю. Баргинцы были вынуждены подчиниться этому. Хулунбуир снова был включен в Китай — на сей раз на пути трансформации в КНР.

Барга и харачины в Китайской республике и КНР

После капитуляции Японии гоминьдановское правительство взяло курс на восстановление прежнего административно-территориального деления севера Китайской республики. В сентябре 1945 г. в Чунцине объявлено о восстановлении провинции Хинган под юрисдикцией Гоминьдана со столицей в Хайларе, во главе с председателем правительства У Хуанчжаном³. В то же время, среди монгольского населения Хулунбуира началось движение за автономию или присоеди-

¹ Государственная и квазигосударственная..., 2016, с. 213, 233.

² Мягмарсамбуу, 2018а, с. 294–299.

³ Дудин, 2020б, т. 2, с. 295.

нение к МНР вместе с Внутренней Монголией. К концу Второй мировой войны было немногим более 100 членов НРПВМ в Хайларе и Старой Барге¹.

В августе 1945 г. в Гэгэн-сумэ в районе Вангийн-сумэ (Ванемяо) состоялся съезд НРПВМ, на котором избран новый состав ЦК — 13 чел. Секретарем ЦК избран Хафунга. В принятой съездом программе партии декларировались «борьба за монгольскую автономию с перспективой воссоединения с братским народом МНР, установление демократического строя во Внутренней Монголии». В рядах НРПВМ в то время было 3000 членов и 1000 кандидатов. Хафунге было 39 лет, он был выходец из аратской семьи, уроженец Хинганской пров., имел высшее образование — окончил университет в Чанчуне, ок. 2 лет учился в Токио. При японской власти работал секретарем губернатора Хинганской пров., был членом правительственной комиссии Маньчжурии по уточнению границы с МНР после событий на Халхин-голе, поддерживал связь с ЦК МНРП².

18 сентября 1945 г. в Хайларе была создана гражданская администрация Хулунбуира под руководством КПК во главе с бывшим главой Хинганской Северной пров. Эрхэмбатом. Однако уже 1 октября она была переведена в разряд местных органов власти, а территория Хулунбуира юридически включена в состав восстановленной Хинганской пров., но была полусамостоятельной³. 1 октября 1945 г. Эрхэмбат провозгласил новую автономную область Хулунбуир с администрацией, в значительной степени основанной на маньчжурском режиме Хинганской пров. Вскоре Эрхэмбат объявил об образовании нового автономного правительства Сталину и Чан Кайши. Однако 15 октября в письме Чойбалсану он заявил, что, в связи с низкой численностью населения и слабостью в военном отношении, Хулунбуир мог бы объединиться с МНР. Поскольку новое правительство находилось под влиянием СССР и МНР, оно прямо не отрицало суверенитет Китая над Внутренней Монголией⁴. При этом оно не поддерживало связей с китайскими коммунистами⁵.

В октябре 1945 г. вместе с монгольской делегацией в Улан-Батор ездил Хафунга и встречался с Чойбалсаном. Он был сторонник тесного сближения с МНР и СССР. Другой видный член ЦК — Тумурбагана — по происхождению арат, уроженец Хинганской пров., учился в КУТВ; Дугаржав — 31 год, арат, образование высшее, майор бывшей маньчжурской армии; Буянмандах — 63 года, происходил от бедных аратов, образование среднее, бывший губернатор Объединенной Хинганской пров. Сохранились и характеристики других членов ЦК⁶.

¹ Atwood, 1992, p. 23.

² Донесение замначальника 7 управления ГлавПУРККА Б. Сапожникова от 26 февраля 1946 г. замнаркома иностранных дел С.А. Лозовскому, АВПРФ, ф. Референтура по МНР, оп. 28, д. 37, папка 200, л. 12–15.

³ Дудин, 2020б, т. 2, с. 297.

⁴ Atwood, 1999, p. 154.

⁵ CIA-RDP82-00457R000700730008-0_0000.

⁶ Донесение Сапожникова Лозовскому от 26 февраля 1946 г., АВПРФ, ф. Референтура по МНР, оп. 28, д. 37, папка 200, л. 12–15. Подробнее об указанных монгольских деятелях см.: Цогту, 2020.

«На объединенном съезде народных представителей Маньчжурии в августе месяце [1945 г. — С.К.] членами Объединенного административного бюро Северо-восточных провинций были избраны два представителя монгольского населения: Хафунга и Тумурбагана. Объединенное административное бюро северо-восточных провинций, идя навстречу пожеланиям монгольского населения Хулунбуира (Барги), на заседании 29 октября приняло решение о восстановлении автономии Хулунбуира, утерянной им в 1931 г. с захватом Маньчжурии японскими империалистами.

За несколько дней до этого, то есть 20 октября, над городом Чжаланьтунь появился самолет и сбросил листовки, в которых гоминьдановцы призывали монголов объединиться с ними в борьбе против Объединенной демократической армии, обещая за это предоставить населению восточной части Внутренней Монголии автономию». В свою очередь, КПК, нряду с созданием органов демократической власти, вела работу по созданию массовых организаций. Одним из ее мероприятий была «Кампания по сведению счетов». Счета сводились с «предателями народа, с помещиками, владельцами быв[ших] распределительных пунктов, владельцами домов, разными административными лицами на предприятиях, которые ранее издевательски, недобросовестно относились к рабочим». Сведение счетов проводилось на массовых собраниях — присуждали штрафы и тюремное заключение. В деревне это было тесно связано с проведением земельной реформы. Политика КПК в деревне была направлена на уничтожение феодальных отношений¹.

Итак, КПК, к альянсу с которой призывали монголов большевики, занялась бессудными репрессиями против произвольно определяемых «эксплуататоров» сразу по приходе на территории, с которых РККА и МНРА изгнали японцев. Но претензии можно было предъявлять к побежденным японцам, а не к «победившим» китайцам.

По свидетельству очевидца, Хафунга в своей речи в августе 1945 г. сказал: «Вслед за Октябрьской революцией в Советском Союзе в 1925 году на северо-востоке Фэнтяни была создана НРПВМ во главе с Мэрсэ. Однако после 1931 года японская армия захватила северо-восток, сделав для нас открытую революционную деятельность невозможной. Наша партия продолжала нашу революцию путем подпольной деятельности в течение 14 лет. Сегодня наша родина освобождена с помощью СССР и МНР. С сегодняшнего дня НРПВМ возобновляет свою общественную деятельность на благо монгольской нации. В Хайларе и Маньчжурии деятельность наших членов уже началась»².

«Осенью 1945 г. был организован Внутримонгольский объединенный союз движения за автономию Монголии, во главе которого встали Манибадар³ и Ха-

¹ Политическое и экономическое положение Северной Маньчжурии за 1945 г. (подписал генконсул СССР в Харбине Г.И. Павлычев), АВПРФ, ф. РК, оп. 40а, д. 15, папка 263, л. 56–107.

² Цогту, 2020, с. 79.

³ Позже по желанию КПК председатель Хинганского автономного правительства Тумурбагана арестовал Манибадара в Хайларе. В 1947 г. Манибадар был казнен (подробнее о нем см.: Цогту, 2020, с. 109–111).

фунга. Центром движения стали города Хайлар, Ванемяо [Вангийн-сумэ. — С.К.] и Чжалантунь. В январе месяце [1946 г. — С.К.] к маршалу Чойбалсану была послана делегация представителей восточной части Внутренней Монголии. В том же месяце в 30 км от Ванемяо в монастыре Гэгэн-сумэ состоялся I съезд представителей восточной части Внутренней Монголии, который провозгласил автономию и избрал временное правительство из 9 чел. во главе с Буянмандахом»¹.

На съезд в Гэгэн-сумэ прибыли делегаты от 39 монгольских хошунов бывшей Хинганской пров. Маньчжурии, провинций Жэхэ и Цзиньчжоу, а также от 9 китайских уездов, где проживали монголы — то есть от всех монгольских районов Маньчжурии и Жэхэ. Всего на съезде было 552 чел. с решающим голосом и 700 с совещательным. Съезд принял декларацию об образовании демократического правительства Внутренней (Восточной) Монголии, конституцию Автономной демократической республики Внутренней (Восточной) Монголии в пределах Китайской республики, избрал делегацию для переговоров с центральным правительством Китая о создании автономной республики Монголии в пределах Китая, опубликовал программу нового правительства².

«С 26 по 30 мая 1946 г. проходил II внеочередной съезд представителей населения, который, ссылаясь на решения Политического консультативного совета, объявил автономию восточной части Внутренней Монголии в рамках Китайской республики, принял декларацию, избрал Временный совещательный комитет Синаньской провинции и создал демократическое правительство. Председателем совещательного комитета был избран Буянмандах, его заместителем — Кэличень³, Тумурбагана стал главой демократического правительства, а Чжанцзе — заместителем. <...> В декларации, принятой 27 мая, говорится о необходимости немедленного прекращения гражданской войны в Китае, о признании центральным китайским правительством местных автономных правительств, избранных населением на основе решений Политического консультативного совета, об осуществлении прав малых наций на самоуправление и о прекращении китаизации национальных меньшинств. Съезд призвал монгольский и китайский народ к борьбе за свое освобождение от гнета гоминьдановской реакции, за создание нового объединенного демократического Китая и к поддержке Внутримонгольского объединенного союза движения за автономию Монголии»⁴.

Второй съезд народных представителей Восточной Монголии (фактически, бывшей Хинганской пров. государства Маньчжурия) принял декларацию об автономии. Эта декларация была сильно разбавлена красной риторикой⁵. И, хотя делегаты не упоминали в ней КПК, им пришлось обличать гоминьдановцев и вы-

¹ Политическое и экономическое положение Северной Маньчжурии за 1945 г. (подписал генконсул СССР в Харбине Павлычев), АВПРФ, ф. РК, оп. 40а, д. 15, папка 263, л. 56–107.

² Донесение Сапожникова Лозовскому от 26 февраля 1946 г., АВПРФ, ф. Референтура по МНР, оп. 28, д. 37, папка 200, л. 12–15.

³ Кэ Лигэн, монг. имя — Гур (Хугэрэг) (Цогту, 2020, с. 20).

⁴ Политическое и экономическое положение Северной Маньчжурии за 1945 г. (подписал генконсул СССР в Харбине Павлычев), АВПРФ, ф. РК, оп. 40а, д. 15, папка 263, л. 56–107.

⁵ АВПРФ, ф. РК, оп. 40а, д. 15, папка 263, л. 109–110.

ражать надежду на новый демократический Китай, выражая лояльность сталинскому курсу на победу маоистов в гражданской войне с Гоминьданом.

Итак, занятие Маньчжурии советско-монгольскими войсками позволило прийти там к власти левым силам. Они претендовали на представительство Барги и Внутренней Монголии как единого целого (подобно тому, как это было в государстве Маньчжурия). Получив отказ в воссоединении с МНР, баргинцы и внутренние монголы попытались получить хотя бы автономию в рамках Китая. Теперь врагом внутренних монголов и баргинцев они объявили «гоминьдановскую реакцию» с акцентом на ее политику китаизации монголов.

Вся восточная часть Внутренней Монголии (бывшая Объединенная Хинганская пров. государства Маньчжурия) была разделена на новые провинции. Губернатором Хулунбуира был назначен бывший губернатор Эрхэмбат. Население автономной Хинганской пров. составляло ок. 2 млн. чел. Она делилась на 4 сейма, 19 хошунов, 2 уезда и 3 города. Сеймы: Хинганский (Синаньский), Джеримский, Хулунбуирский и Навэньмучжэньский («Навенмуинский»). Города: Хайлар, Ванемяо, Чжаланьтунь. Центр автономной Хинганской пров. — г. Хайлар. Барга составляла территорию Хулунбуирского сейма¹.

Монголы с запада Внутренней Монголии отправили к Чан Кайши делегацию во главе с Манибадаром («Манибадала») с запросом о признании автономии. Чан Кайши дал отрицательный ответ. Вскоре в Вангийн-сумэ прибыла делегация от западной части Внутренней Монголии с предложением объединить усилия в борьбе за автономию. После съезда в Гэгэн-сумэ представителей уже провозгласившей автономию восточной части Внутренней Монголии, один из лидеров НРПВМ — Буянмандах — решил создать монгольскую армию в 30 тыс. чел.² Эта монгольская армия в мае 1946 г. в боях в районе Таоань — Таонань — Байчэнцзы разбила войска Гоминьдана и вытеснила их из Восточной Монголии. Правительство Хинганской пров. работало в полном контакте с 8 НРА³. По линии КВЖД от ст. Маньчжурия до ст. Чжаланьтунь на всех станциях разместились совместные монголо-китайские комендатуры⁴.

Части Советской армии (ранее — РККА) ушли из Маньчжурии 3 мая 1946 г. Через несколько дней стало очевидно, что от Харбина до г. Маньчжурия власть без боя берет 8 НРА, в том числе в Хайларе, Чжалантуне, Бухэду, Якэши, Маньчжурии. Китайское население встречало ее радушно. 8 НРА на первом этапе еще до окончательного захвата власти у Гоминьдана работала самостоятельно,

¹ Барга (справка), подписал секретарь генконсульства СССР в Харбине Никитин 12 сентября 1946 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 40а, д. 15, папка 263, л. 111–132.

² Вероятно, речь идет о Восточно-монгольской народной армии, которую создавала НРПВМ. В ее составе была кавалерийская дивизия № 5, состоявшая в основном из монголов Хулунбуирского и Цицикарского районов. Командиром ее был Энэрэлт, начальником штаба — Го Сюэфэн (Цогту, 1920, с. 26).

³ Расшифровывается как «8-я Народно-революционная армия». Эта 8-я армия — одно из соединений созданной КПК Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

⁴ Барга (справка), подписал секретарь генконсульства СССР в Харбине Никитин 12 сентября 1946 г., АВПРФ, ф. РК, оп. 40а, д. 15, папка 263, л. 111–132.

не вмешиваясь в работу монгольского Хулунбуирского провинциального самоуправления и его ямыней. Но через некоторое время 8 НРА стала сотрудничать с монголами. В баргутской кавалерийской дивизии, формировавшейся в Хайларе, советниками стали представители 8 НРА. Одним из советников губернатора Хулунбуира тоже стал представитель 8 НРА. В Барге стали ходить деньги четырех видов: гоби, оккупационные, деньги 8 НРА и баргинские. Сразу после прибытия 8 НРА на станциях КВЖД была создана военная администрация дороги, которая взяла все управление ею в свои руки. Но Линь Бяо (командующий «Объединенной демократической армией») издал приказ, чтобы «эту ошибку исправить» и обеспечить совместное управление дорогой Китаем и СССР.

После прихода в Баргу 8 НРА вопрос об автономии местные монголы обсуждали неоднократно. Они выпустили декларацию об автономии в составе Китайской республики, причем это должно было быть самоуправление, подчиняющееся Хинганскому провинциальному управлению. Монголы создали свои отряды самообороны, чтобы ни одна из сторон гражданской войны (КПК и Гоминьдан) не вводила свои войска в их провинцию. На основе этого началась подготовка к выводу 8 НРА. При губернаторе продолжали работать уже четыре советника от 8 НРА, которым также предстояло руководить китайским населением, составлявшим в провинции большинство. Губернаторство декларировало экономическую и финансовую самостоятельность. Выпущенные им деньги уже около месяца обращались вместе с другими деньгами. Работа представителей 8 НРА в Хулунбуире, а также работа организаций КПК, должна была проводиться нелегально. Окончательный переход населения на сторону 8 НРА во многом тормозился наличием военной угрозы со стороны нескольких гоминьдановских дивизий на расстоянии 120 км от Харбина¹.

В июне 1946 г. Внутримонгольский объединенный союз движения за автономию Монголии перенес свою штаб-квартиру из Вангийн-сумэ (Ванемяо) в Хайлар. Там главными направлениями его деятельности стали укрепление собственной политической организации, реорганизация военного и политического персонала в правительстве, введение и использование в правительстве просоветских элементов, использование военных и политических инструкторов из МНР, наказание тех монгольских отрядов, которые сдались китайским националистам (Гоминьдану). В первой половине октября 1946 г. начались трения между Эрхэмбатом и Буянмандахом, который, по переезде из Вангийн-сумэ в Хайлар, стал там зампреда монгольской прокоммунистической администрации. Причиной трений были политические разногласия. Буянмандах верил в коммунизм и был за сотрудничество с китайскими коммунистами, Эрхэмбат считал, что жители Хайлара — люди состоятельные и не нуждаются в помощи коммунистов. Эти жители считали так же и поддерживали Эрхэмбата, стремясь не допустить контроля коммунистов над городом. В связи с этим, Буянмандах в октябре 1946 г. перенес свое

¹ Доклад консула Рунова в г. Маньчжурия от 1 октября 1946 г. о политических и экономических мероприятиях 8 НРА в данном консульском округе, АВПРФ, ф. РК, оп. 34, папка 252, д. 15, л. 116–125.

крыло автономного правительства в Чжалантунь и создал новое правительство¹. Тогда же Эрхэмбат получил от китайских коммунистов разрешение руководить Хулунбуиром независимо².

Так было удовлетворено ходатайство руководства Хулунбуира к правительству Хинганской пров., а затем вопрос обсуждался на 9-м пленуме административного комитета Северо-Восточного Китая в Харбине 29 октября 1946 г., который дал согласие на самоуправление Хулунбуира и на создание местного автономного правительства³.

Таким образом, автономным правительством Барги руководил Эрхэмбат, тогда как в Чжалантуне было создано «альтернативное» правительство на основе Внутримонгольского объединенного союза движения за автономию Монголии во главе с Буянмандахом.

В ноябре 1946 г. командующий 8 НРА Линь Бяо согласился на признание автономии Хулунбуирской провинции, но «местные власти Народной армии не выполняют эту декларацию и продолжают проводить свою политику». В январе 1947 г. в Харбине было вторично подтверждено право на автономию Хулунбуира, было обещано, что гарнизоны 8 НРА, дислоцированные в городах и крупных населенных пунктах провинции, будут отозваны, власти 8 НРА не будут вмешиваться во внутренние дела провинции. Но эти обещания остались только на словах. К весне 1947 г. в хулунбуирском провинциальном управлении наметился раскол и наличие двух партий. Были смещены с должностей начальник экономического отдела Эрхэмбаяр и секретарь ямыня. Инициаторами переформирования ямыня были Горбу-Сыга (бывший начальник полиции Чжалантуня), Хада, Тогтохо и сын У. Гармаева. Новая группа не выступала против Эрхэмбата, но старалась убрать из ямыня всех дауров, чтобы отстранить их от политической и экономической жизни Барги. Им вменяли в вину допущение русского капитала.

В противовес Баргинско-монгольскому кооперативу, при поддержке 8 НРА был создан Монголо-китайский кооператив. В результате первый не мог успешно действовать, авторитет СССР подрывался. Новая группировка, называя себя коммунистами, имея экономическую поддержку со стороны 8 НРА, имела шансы завоевать симпатии баргинцев. Городской голова Хайлара — руководитель политотдела 8 НРА — использовал новую группировку для обработки общественного мнения в пользу Китая. Баргинский кооператив не смог обеспечить баргинских монголов продуктами в основном из-за того, что не мог получить вагоны, которые находились в распоряжении 8 НРА, а последняя предоставила их Монголо-китайскому кооперативу.

26 февраля 1947 г. Эрхэмбат получил вызов в Харбин на совещание монгольских руководителей. Там находились Тумурбагана (руководитель Хинганской пров.), Уланху (руководитель Внутренней Монголии), его помощник «Баниман-

¹ CIA-RDP82-00457R000500150004-0.

² CIA-RDP82-00457R000800740003-3.

³ Дылыков, 1953, с. 69–71.

ду» (Буянмандах?), Хаванган и др. По мнению местных монголов, они собрались для объединения всех монголов в одну государственную организацию¹.

1 января 1948 г. решением правительства автономной Внутренней Монголии автономная область Хулунбуир была упразднена и включена во Внутреннюю Монголию в качестве ее аймака². В марте 1948 г. Эрхэмбат, успешно руководивший Баргой, ушел в отставку. По-видимому, он сделал вывод, что положение Барги после занятия ее войсками КПК стало безнадежным. Его пост занял Дугаржав. В свое время он учился в Японии, затем стал чиновником в государстве Маньчжурия, затем был представителем Эрхэмбата в МНР, затем — его секретарем³.

Итак, даже в условиях контроля КПК и гражданской войны между двумя китайскими партиями — КПК и Гоминьданом — баргинцы продолжали стремиться к автономии и к объединению с другими монголами, в данном случае — из Внутренней Монголии, в то время как между самими баргинскими лидерами шла борьба за власть. Действия 8 НРА в Барге показывают, что китайские коммунисты, которых вела к власти ВКП(б), уже тогда начали ограничивать советское влияние в Барге.

Важным фактором интеграции Барги в Китай стала безвозмездная передача ему КВЖД. СССР передал свои права на КВЖД Пекину в 1952 г. После этого в течение 2,5 лет Забайкальская железная дорога передала КНР ширококолейные пути на ст. Маньчжурия и прилагавшиеся к ним технику, здания, подвижной состав и проч. С 1 июля 1955 г. Китайская железнодорожная компания начала самостоятельно работать на этой станции, а более 300 советских железнодорожников, постоянно проживавших в общежитии при консульстве, вернулись в СССР. Постепенно покидали г. Маньчжурия и другие советские учреждения и предприятия. В декабре 1956 г. там закрылось консульство СССР. Советские грузоперевозочные компании, имевшие в 1950-х гг. до 60 советских служащих в Маньчжурii, прекратили работу в конце 1962 г.⁴

Административная подчиненность Барги в КНР подвергалась частым изменениям, как и административная подчиненность АРВМ. Проводили эти изменения не сами монголы, а пекинские власти с целью увеличения доли китайского населения на монгольских землях. Когда в октябре 1949 г. была создана КНР, бывшая Синаньская (Хинганская) пров. в качестве аймака стала частью автономного района Внутренняя Монголия. В дальнейшем происходила перетасовка территорий, где жили монголы, с целью ускорения их китаизации под маркой привлечения трудовых ресурсов. Одним из мест концентрации китайского населения в АРВМ был район Хайлара⁵. В 1954 г. был вновь создан аймак Хулунбуир. В 1969 г. боль-

¹ Донесение «К монгольскому вопросу» управляющего консульством в Маньчжурии Щеголева замминистру иностранных дел СССР Малику и звав. 1-м дальневосточным отделом МИД Гункину от 15 марта 1947 г., АВПРФ, ф. Референтура по МНР, оп. 29, д. 45, папка 205, л. 1–11.

² Мягмарсамбуу, 2018а, с. 167.

³ CIA-RDP82-00457R002800700003-5_0000.

⁴ Урбански, 2017, с. 111–112.

⁵ Балдано, 2018, с. 40–41.

шую его часть включили в пров. Хэйлунцзян, часть — в пров. Гири. В 1970 г. два хошуна (ороченский и даурский) выделили из аймака и передали в пров. Хэйлунцзян. В 1979 г. Хулунбуирский аймак вновь включили в состав АРВМ в границах 1969 г. (но оба переданных хошуна так и остались в Хэйлунцзяне). В 1980 г. восстановили Хинганский аймак, и Хулунбуир вернулся к границам 1953 г. В 2001 г. Хулунбуир был преобразован в городской округ. В 2013 г. район Джалайнор был передан в непосредственное ведение городского округа Хулунбуир (будучи выделен из городского округа Маньчжурия).

Социально-экономические условия Барги в составе АРВМ КНР следовали тем изменениям внутриполитического курса, который проводила на монгольских землях КПК. Строительство социализма там было уже подготовлено деятельностью НРПВМ. Но после установления власти китайских коммунистов НРПВМ была запрещена, будучи объявлена националистической и сепаратистской (стремившейся объединить Внутреннюю и Внешнюю Монголию).

В развитие придуманной ханьскими националистами концепции «пяти рас Китая» китайские коммунисты взяли на вооружение постулат, согласно которому Китай уже со Средневековья был многонациональным государством, в которое входили Монголия, Тибет и Восточный Туркестан. В то время как бывшие члены НРПВМ (подлинные и мнимые) преследовались как «сепаратисты», китайская пресса доказывала, что народности Внутренней Монголии, в том числе монголы, с древности связаны с остальным Китаем; в истории неоднократно образовывались единые государства, в которые входили как Монголия, так и территории «собственно Китая». Нашествия на Китай кочевников — не причина застоя китайского общества, а исторически оправданная инициатива по объединению страны. В частности, «Хулунбуир является лучшим скотоводческим районом Внутренней Монголии не только сейчас, но представлял собой лучшую степь с древних времен. Эта степь явилась ничем иным, как исторической колыбелью кочевых скотоводческих наций, проявивших себя в китайской истории, сяньби, кидани, чжурчжэни, монголы выросли в этой колыбели и все пережили здесь эпоху весны и молодости в своей истории... Чингис-хан до вступления в хулунбуирские степи все время ютился в узком районе между реками Онон и Аргунь. Но, когда он однажды покорил татар и занял эту степь, то уже менее чем через несколько лет он объединил различные монгольские племена»¹.

В рамках этой концепции, в 1957 г. в КНР постановили, что дауры, эвенки и орочены — это отдельные национальности, а баргуты и бурятские иммигранты были оставлены как часть монголов. Эти дефиниции остаются противоречивыми по сей день².

В том же 1957 г. в КНР началась «кампания против правых». Ярлык «правого» достался и губернатору Хулунбуирского сейма — монголу Ци Цзюньшаню, который отказался проводить в жизнь безграмотное указание Мао Цзэдуна о по-

¹ О статье Цзянь Боцзяня «По древним местам Внутренней Монголии», Жэньминь жибао, 13.12.1962, АВПРФ, ф. РК, оп. 56, п. 489, д. 71, л. 1–2.

² Atwood, 2005, p. 7.

всемерном уничтожении воробьев: ведь они поедают насекомых, вредных для пастбищ. В 1958 г. Мао Цзэдун повсеместно вводил коммуны. Как известно, это привело к голоду и гибели к 1962 г. миллионов граждан КНР. Истребление воробьев внесло в это свой вклад. Реагируя на нехватку продовольствия, министерство сельского хозяйства КНР в 1962 г. решило распахать степи Хулунбуира. Однако вскоре от этого пришлось отказаться из-за сопротивления главы АРВМ Уланху¹. 1 мая 1966 г. Уланху был смещен с поста. Это был прологом Культурной революции в КНР, которая официально началась с извещения ЦК КПК от 16 мая 1966 г.

В мае–июне 1966 г. на съезде Северо-китайского бюро был подвергнут критике первый секретарь парткома Хулунбуира Ци Цзюньшань. Сразу после этого там началась Культурная революция. В июле из провинций Хубэй и Шанси туда направилась рабочая команда для продвижения идей этой революции. Этих людей назначили на высшие посты в Хулунбуире, а прежние лидеры Ци Цзюньшань и Жаргал были смещены. В декабре 1967 г. был образован ревком в Хулунбуире. Его главой стал командующий войсками этого аймака Шан Минь. В 1967–1969 гг. в Хулун-Буире и Хэйлунцзяне набрало силу особое политическое движение «полного уничтожения» НРПВМ в Хулунбуире. Большинству преследуемых в приграничных к СССР районах предъявлялись обвинения как к советским шпионам, ревизионистам. 28 ноября 1970 г. на съезде, созванном ревкомом Хэйлунцзяна, Шан Минь и его сторонники подверглись критике (вслед за критикой одного из теоретиков Культурной революции Чэнь Бода). Их обвиняли в подрыве единства партии, спекуляции армией, разрушении целостности страны. Шан Минь был смещен со своего поста².

В целом, по китайским данным, Культурная революция в Хулунбуире подразделяется на три этапа. Этап с мая 1966 по март 1968 г. в основном связан с трансформацией политического курса Культурной революции, сменой местных лидеров и внедрением в сознание народа идей маоизма. В этот период начались гонения на богатых скотоводов, сопровождавшиеся конфискацией имущества, пытками и т.д. С 1966 г. религия находилась под запретом, сакральные объекты баргутов были в большинстве разрушены. Этап с марта 1968 по ноябрь 1972 г. выделяется прежде всего борьбой с оппозиционерами и несогласными с политикой Культурной революции. С ноября 1972 г. по октябрь 1976 г. КНР пыталась проводить политику установления коммунизма во всех сферах жизни³. Культурная революция кончилась вскоре после смерти ее автора — Мао Цзэдуна.

Внутренняя Монголия и Хулунбуир стали одним из наиболее пострадавших от Культурной революции регионов КНР: по мнению лидеров КПК, АРВМ представляла собой «антиревизионистский фронт», граничащий со «страной монгольских ревизионистов» (МНР) и с «советскими ревизионистами» (СССР). В АРВМ были созданы многочисленные банды красногвардейцев (кит. хунвэйбин) и бун-

¹ Цогту, 2020, с. 51.

² Очиров, 2020, с. 130.

³ Очиров, 2019, с. 67–68.

тарей (кит. цзаофань). Одной из них был «Центр связи красных бунтарей Хайларской области Хулунбуирского сейма АРВМ по великой революционной критике». Антимонгольский великоханьский шовинизм, являвшийся неотъемлемой чертой Культурной революции в АРВМ, проявлялся и в Хулунбуире: ведь баргинцы хотели воссоединиться с МНР. Репрессии здесь проводились по целому ряду дел, в том числе — уже давно не существовавшей НРПВМ, «национал-сепаратистской Партии объединения» и др. По документальным данным, в Хулунбуире было убито 2907 монголов¹. В целом же пострадало намного больше. В некоторых книгах, изданных в Хайларе в 2000-х гг., указывается, что барга-монголы пострадали больше остальных национальных меньшинств Хулунбуира, которые тоже подверглись репрессиям. В частности, арестованных бурят обвиняли в панмонголизме².

Если взять данные переписи 1933 г. (см. выше) и произвольно считать «монголами» вместе бурят, чипчинов, ново-баргутов, олётов, дауров, солонов и тунгусов (эвенков), то получится, что у них было убито ок. 9,5% населения. Эта оценка близка к таковой по АРВМ в целом: по разным данным, там было убито от 50 до 100 тыс. чел. (что явно больше, чем за предыдущий период японского правления). Одним из важных критериев был национальный признак. Это позволило сделать обоснованный вывод о том, что в АРВМ при Мао Цзэдуне проводилась политика геноцида монголов³.

Следует отметить, что русское население Барги также подверглось репрессиям в Культурную революцию. В русской национальной волости Шивэй пострадало более 200 русских, из них 174 были убиты или доведены до самоубийства, ок. 100 получили тяжелые ранения⁴.

Большинство авторов из КНР, которые писали на эту тему, рассматривают Культурную революцию в Хулунбуире как трагедию. Как и везде в АРВМ, национальным меньшинствам было запрещено говорить на их языках и носить традиционную одежду⁵. Монастыри и храмы в Барге были закрыты и в основном уничтожены, духовенство репрессировано, частично истреблено. Так, из 16 буддийских храмов Левого крыла Новой Барги сохранились лишь два: Ганжур-сумэ и Аршан-сумэ⁶. Однако и Ганжур-сумэ китайские красногвардейцы (кит. хунвэйбин) частично разрушили и забрали всю утварь, включая предметы из серебра и другие ценности. Они врвались в дома монголов и уничтожали религиозные предметы. По свидетельствам очевидцев, банды этих красногвардейцев состояли в основном из ханьцев, но включали монголов из Шилингольского и Джеримского сеймов. Они пытали и убивали не только лам, но и «богатых скотовладельцев». Создавались коммуны, где имущество аратов обобществлялось. Местные чиновники, бригадиры и большинство образованных монголов было арестовано.

¹ Yang Haying, 2017, p. xxxii; Цогту, 2020, с. 100.

² Очиров, 2019, с. 68.

³ Цогту, 2020, с. 15 и др.

⁴ Юй Чуньцзин, 2009 — цит. по: Гутин, 2011, с. 79.

⁵ Очиров, 2019, с. 66.

⁶ Миягашева, 2017а, с. 74.

Важным фактором было ложное обвинение в членстве в НРПВМ. Арестованных время от времени пытали, чтобы добиться «признаний». Некоторые умерли под пытками. Последние включали, например, насыпание в нос пороха и его поджигание. Главы трех хошунов были избиты до смерти как «члены НРПВМ»¹.

Итогом стало почти полное уничтожение традиционализма и религии в Барге. Вопрос о китайской колонизации Барги КПК решила в стиле цинской «новой политики»: ведь теперь уже не было силы, которая могла бы этому воспрепятствовать. Следствием стал быстрый рост численности ханьцев в Барге после ликвидации государства Маньчжурия. По данным переписи в 1933 г. (см. выше) доля ханьцев в Барге была ок. 18%, по данным на 2002 г. — ок. 82,49%². Население быстро растет. Лишь с 2004 по 2014 г. оно увеличилось в пять раз³. Современный Хайлар коренным образом отличается от старого. Это современный китайский город с «баргинскими национальными чертами». Одна из главных достопримечательностей — «Парк памяти Мировой антифашистской войны в районе Хайлара», посвящена изгнанию японских войск (почему-то называемых фашистскими) из Барги советскими, монгольскими и китайскими войсками (хотя последние в лице партизанских отрядов Северо-восточной антияпонской объединенной армии не имели большого значения в боях за Баргу).

Баргуты в настоящее время живут не только в городском округе Хулунбуир в составе АРВМ КНР. По данным на 2015 г., немного баргутов проживает в государстве Монголия — 2605 чел.⁴ Там есть сомон Хулунбуир на западе Восточного (Дорнод) аймака. Кроме того, в составе халхасцев есть роды, имеющие, по-видимому, баргинское происхождение: в Завханском и Кобдоском аймаках — дагуур барга, үхэр барга, хунтан барга, толитон барга, солоон барга, в Средне-Гобийском аймаке — солоон барга⁵. Это может указывать на миграции баргинцев (в том числе солонов и дауров) во Внешнюю Монголию, вероятно, в цинское время.

Что касается харачинов, то в период существования государства Маньчжурия земли харачинских хошунов были исключены из Хинганской (Синаньской) пров. этого государства в 1933–1945 гг. Придя к власти, китайские коммунисты создали новые харачинские хошунные правительства, находившиеся за пределами Внутренней Монголии. В 1955 г. Правый хошун харачинов был передан во Внутреннюю Монголию как хошун Харачин, а Средний хошун харачинов был упразднен. Левый хошун харачинов, оставленный в пров. Ляонин, в октябре 1957 г. был преобразован в автономный округ⁶.

В современной КНР харачины разбросаны по территориям АРВМ, провинций Ляонин и Хэбэй. Основная часть бывшего Дзосотуского сейма сейчас входит в китайскую пров. Ляонин. Современный хошун Харачин Внутренней Монго-

¹ Sneath, 1994, p. 423–425.

² Всё о Хулунбуире...

³ Захарова и др., 2015, с. 9; Маньдула, 2015, с. 129–130.

⁴ Хүн ам..., 2016, с. 36.

⁵ Цыбенков, 2012.

⁶ Atwood, 2004, p. 304.

лии — это бывший Правый хошун харачинов. Харачины повсеместно составляют меньшинство. В настоящее время язык почти всех их в КНР — китайский, монгольский изучается лишь как второй язык¹. Численность харачинов неизвестна. Не исключено, что она превышает 500 тыс. чел. Учитывая, что в АРВМ китайцев более 79% населения, в Ляонине — ок. 84%, в Хэбэе — ок. 96%, китаизацию монгольских земель там можно считать находящейся в заключительной фазе.

Есть харачины и за пределами КНР. В XVIII в. харачины и тумэды были поселены цинскими властями во Внешней Монголии на территориях современных Восточно-Гобийского, Средне-Гобийского, Южно-Гобийского и Увурхангайского аймаков². Граждан государства Монголия, идентифицирующих себя как харчинов, по данным переписи 2015 г., немного — 332 чел., но это более чем вдвое больше, чем было в 2010 г.³ Этноним «харчин» известен также среди хазарейцев Афганистана⁴, начало которым дали монголы в XIII в.

Итак, в результате победы СССР над Японией государство Маньчжурия было включено в Китай. Баргинцы, не сумев объединиться с МНР, обсуждали разные варианты автономии — сначала в рамках Китайской республики под властью Гоминдана, затем — «нового демократического Китая» и, наконец, КНР. С самого начала автономия Барги как таковой обсуждалась лишь в рамках «освобожденных» монгольских районов, а после полного «освобождения» континентального Китая от власти Гоминьдана маоистами — как часть АРВМ. Несмотря на формальную автономию, власть там принадлежит китайским коммунистам, а монгольские элиты были отстранены от правления уже в период Мао Цзэдуна (в основном, во время Культурной революции).

¹ Atwood, 2004, p. 303.

² Очир, 2016, с. 179–180.

³ Хүн ам..., 2016, с. 36.

⁴ http://self.gutenberg.org/articles/hazara_tribes

Заключение

Изученные материалы показывают, что баргинский и харачинский вопросы возникли как часть более широкой проблемы — проблемы самоопределения неханьских народов, находившихся в подданстве или зависимости от маньчжурской империи Цин в период ее коллапса. Проблема самоопределения народов является общей для разных империй в период распада и становления национальных государств на их месте.

Стремясь избежать распада своей империи, режим вдовствующей императрицы Цыси принял «новую политику» — политику китайской (ханьской) колонизации и ассимиляции «приграничных народов». Это было нарушением фундаментальных принципов их взаимодействия с маньчжурскими императорами — прежде всего, сохранения самобытности и изоляции от китайцев этих народов в традиционной цинской политике. Такой курс был продолжен Китайской республикой — фактически, национальным государством ханьцев, возникшим в результате коллапса империи Цин.

«Новая политика» вызвала национально-освободительное движение монголов. Это движение охватило все слои монгольского населения. Стремление избежать китаизации охватило все монгольские земли. В китайской историографии принята ошибочная точка зрения, что недовольны были только монгольские аристократы, которые теряли привилегии, имевшиеся у них при цинской власти¹. Эта точка зрения основана на идеологеме «единого многонационального Китая», якобы всегда включавшего в свой состав монголов.

Китайская республика, успешно используя внешнеполитическую конъюнктуру, сумела обеспечить международное признание своих претензий на все земли бывшей империи Цин — исключительный случай в строительстве национальных государств. Эти претензии связаны с историческим мифом, что империя Цин — это Китай. В действительности Китай был лишь ее частью².

Коллапс империи Цин и претензии республиканского Китая на всё ее «наследие» давали новые основания для требований независимости монголов, включая баргинцев и харачинов. Однако собственных сил у монголов не хватало.

Провозглашение независимости Барги удалось лишь при поддержке российских военных. Сравнительно-исторический анализ показывает, что они лучше понимали ситуацию в Монголии и интересы России, чем российский МИД. Поддержка баргинцев со стороны российских военных была легитимной: баргинцы, реализуя свое право на самоопределение в период распада империи Цин, могли принимать помощь со стороны любого государства. Но эта поддержка противоречила политике МИД России, сосредоточившегося на европейском направлении

¹ Напр., Лу, 1979, с. 24–30.

² Подробнее см.: Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17.

в ущерб азиатскому и проводившего курс на интеграцию России в Антанту и подготовку к войне с Германией, которая тоже вступила на путь подготовки к войне с Россией. История показала ошибочность курсов и России, и Германии — объективных геополитических союзников. Результатом Первой мировой войны стала гибель обеих этих империй на пользу победителям из Антанты — Великобритании и Франции (приложивших руку и к гибели российской монархии).

Противоречия в российском руководстве по вопросу о том, надо ли вооружать и направлять баргинских повстанцев, не могли отменить факта провозглашенной независимости. Барга на короткое время стала *de facto* независимым государством. Оно соответствовало главным критериям независимого государства, согласно Конвенции Монтевидео 1933 г.: постоянное население, определенная территория, правительство и способность непосредственно входить в отношения с другими государствами.

Затем Барга признала подданство великому хану (Богдо-хану) провозгласившей независимость Монголии — Богдо-гэгэну Джебцзундамба-хутухте VIII, проводившему политику интеграции монгольских народностей распадавшейся империи Цин в единое национальное государство. Эта политика встретила понимание баргинцев, и они присоединились к независимой Монголии. В этом они опирались на традиции своей страны и ее исторически сложившийся этнический состав. Барга стала на некоторое время частью государства Монголия. Вместе с тем, руководители Барги своеобразно понимали свое подданство: они принимали от Богдо-хана титулы, атрибуты власти и т.д., но при этом не исполняли те его указы, которые считали невыгодными для себя.

В период провозглашения независимости Барги МИД России был готов рекомендовать баргинцам контактировать с Ургой, но это было временным шагом. Объединение Барги с провозгласившей независимость Монголией (а затем — с автономной Внешней Монголией) не соответствовало политике России, не желавшей портить отношения с Китаем и связанной соглашениями о разграничении сфер влияния с Японией. Россия, поддержав автономию Внешней Монголии во главе с ее Богдо-ханом, отказала в поддержке проекта объединения всей Монголии. В результате баргинцы не смогли сохранить свое подданство Богдо-хану. Вместе с тем, экономическим интересам России в Барге противоречил ввод туда китайских войск и установление китайского контроля. Ранее свершившийся факт провозглашения независимости Барги, особые экономические и политические интересы России там позволили этому краю стать фактической автономией в Китайской республике. Это было обеспечено Русско-китайским соглашением по Барге 1915 г. Данное соглашение стало компромиссным решением баргинского вопроса в форме фиксации ее статус-кво при формальном подчинении центральному правительству Китая. Этот статус был сходен с таковым Внешней Монголии, зафиксированным Русско-китайско-монгольским соглашением, подписанным в Кяхте в том же году.

В Китае оба эти соглашения 1915 г. трактуются в рамках концепции «неравных» или «неравноправных» договоров, якобы навязанных ему мировыми держа-

вами в XIX – начале XX в.¹ Эта концепция противоречит исторической истине. «Равенство» в договорах остается предметом дискуссий в международном праве. Договаривающиеся стороны редко бывают «равными». Кроме того, с точки зрения рассматриваемой доктрины, отношения Пекина с властями Барги, Внешней и Внутренней Монголии являлись «неравными». Следует отказаться от концепции «неравных договоров Китая» с державами, в том числе с Россией, как от идеологизированного конструкта, созданного для выдвижения претензий Китая к другим странам.

Революционная смута и последующая Гражданская война в России привели к резкому ослаблению ее позиций на международной арене, в том числе в Монголии и Китае. Это сыграло ключевую роль в том, что в Баргу были введены китайские войска и администрация. Примечательно сходство силовых методов получения «добровольных ходатайств» Барги и Внешней Монголии² и «обоснований» их отказов от автономии, а также сходство обоих декретов китайского президента об утверждении этого.

Барон Р.Ф. Унгерн в 1921 г. освободил от китайской оккупации Внешнюю Монголию. В этом участвовали внутренние монголы — в основном, бывшие повстанцы-«харачины». Это возродило независимость Внешней Монголии, которая далее укреплялась благодаря содействию СССР.

В Барге же сохранилось то положение, которое возникло после отмены ее автономии Китаем 28 января 1920 г. Однако стремление к той или иной форме самостоятельности всегда сохранялось у монголов, включенных в границы Китая. Об этом свидетельствует ряд их последующих восстаний и движений за автономию или независимость, в том числе в Барге. Баргинцы требовали в основном те же условия самостоятельности, что и раньше: сохранение своей самобытности, удаление китайских войск и местной администрации, исключение колонизации и ассимиляции, подчинение только центральному правительству в Пекине (а не провинциальному). Они хотели сами контролировать значительную часть собственных природных ресурсов и финансовых потоков, иметь свои военные силы. Этот настрой сохранялся у баргинцев и далее.

Таким стремлениям противоречила политика китайского центрального правительства и маньчжурских милитаристов. Поэтому японское вторжение баргинцы в целом восприняли положительно. Они надеялись на реальную автономию в государстве Маньчжурия (кит. Маньчжоу-го). Но затем поняли, что ошиблись: на смену китайской колонизации пришла японская; баргинские войска рекрутировались не для Барги, а для Маньчжурии в целом; модернизация проводилась, в первую очередь, в интересах Маньчжурии и Японии; экономическое положение

¹ Например, в мае 1931 г. национальное собрание Китая в Нанкине приняло декларацию, в которой, в частности говорилось: «Китай связан неравными договорами с разными державами уже более чем 80 лет. <...> Китайское правительство в отношении существующих неравных договоров Китая с другими странами — не признает их» (Гун-бао, 16.05.1931).

² См.: Кузьмин, 2016, с. 139–140.

населения ухудшалось; началась государственная регламентация религии, в некоторых аспектах сходная с таковой в МНР.

После того, как советская и монгольская армии изгнали японцев из Барги, общим стремлением баргинцев стало воссоединение с МНР. Баргинцы не могли не знать о «больших репрессиях» в МНР и уничтожении там буддийской церкви красными в 1930-х гг. Каналов для этого было достаточно: связи НРПВМ с МНРП, не прекратившиеся кочевки через границу, вступление войск МНР в Баргу. Но баргинцы все-таки предпочли объединение с этнически и культурно близкой Монголией, а не с ханьским Китаем. Здесь важную роль сыграл их исторический опыт контактов с Китаем, всегда стремящимся ассимилировать «национальные меньшинства». Но баргинцев постигло разочарование: подписанные И.В. Сталиным Ялтинские соглашения предполагали не объединение Барги с МНР, а ее вхождение в Китай. На смену японской оккупации вернулась китайская. Она оказалась более разрушительной и тяжелой для баргинцев.

В течение всего рассматриваемого периода в Барге имели место разногласия между представителями даурского меньшинства (наиболее китаизированной части населения), в основном стоявшего у власти, и баргут-монголами. Эти разногласия были связаны с тем, что баргуты стремились к максимальному дистанцированию страны от Китая, а даурское руководство балансировало между Россией и Китаем в зависимости от ситуации. Провозглашение независимости Барги в 1912 г. было проведено, фактически, баргутами, они же в основном ратовали за объединение с Богдо-ханской Монголией. В 1917 г. прокитайская политика дауров стала одной из причин того, что отряд монгольских повстанцев («харачинов»), находившийся на границе Барги, захватил Хайлар и сменил власть дауров на власть баргутов. В государстве Маньчжурия дауры, по-видимому, были более склонны к борьбе с японцами и к поддержке Китая, чем баргуты, не желавшие ему подчиняться.

Сознание своего единства с другими монголами обусловило несколько волн миграции баргутов во Внешнюю Монголию: в 1916 г., когда правительство последней предоставило Манлай-Батору Дамдинсурэну правление хошуном на северо-востоке Цэцэнханского аймака (340 чел., 87 семей); в 1917 г., когда баргуты уходили в Халху от монгольских повстанцев-«харачинов» (1460 чел., 340 семей); в 1928 г., когда под давлением повстанцев Мэрсэ из Барги ушли более 200 семей и 191 семья осталась в Халхе (652 чел., которых через 4 года распределили по 10–20 семей по разным сомонам); в 1945 г., когда после присоединения к Китаю Маньчжурии на границу МНР пришло 1122 мигранта (точное число тех, кто переселился, неизвестно)¹.

Общий настрой баргутов в рассматриваемый период хорошо отражают наблюдения советского консула в г. Маньчжурия И.М. Гейцмана: «Стоит заговорить о китайцах и все они дышат одним порывом и желанием освободиться от чужеземного ига, с которым ни одной минуты не мирились <...> В душе баргуты считают

¹ Цолмон, 2016, с. 27.

китайцев своими злейшими врагами и с вождедением смотрят на русских, которые дали свободу и независимость Монголии и которые когда-то вырвут также их из-под власти Китая»¹.

Харачинский вопрос, как и баргинский, был проявлением национально-освободительного движения монголов. Корни этого вопроса — в Китайско-русско-монгольском Кяхтинском соглашении 1915 г., исключившим реинтеграцию Внешней Монголии с Внутренней Монголией и Баргой.

Влиятельный лидер наиболее сильного отряда внутренних монголов (которых обозначали как харачинов, хотя народность харачинов составляла лишь часть его) — Шударга-Батор Бавужав — отказался покидать Внешнюю Монголию в силу своего желания продолжать борьбу за независимость родины, своих клятв в этом Богдо-гэгэну VIII, неопределенности будущего соратников в случае сдачи оружия китайским властям. Правительство Внешней Монголии оказалось в трудном положении: с одной стороны, оно должно было выполнять требования об удалении отряда Бавужава согласно Кяхтинскому соглашению, с другой — имело обязательства перед Бавужавом и его людьми, которые верно служили Богдо-хану Монголии. Эти обязательства нельзя было нарушать, поскольку Бавужав был официально принят в подданство Богдо-хана, выполнил его приказ о наступлении на китайские войска во Внутренней Монголии, получал от него титулы, степени и звания, до Кяхтинского соглашения снабжался монгольскими властями. Бавужав не принял политику российского МИД, не признававшего единства Внешней и Внутренней Монголии.

После Кяхтинского соглашения правительство Внешней Монголии под давлением России вынуждено было требовать удаления со своей территории отряда Бавужава, сильно уменьшило его снабжение, не выплачивало причитающегося содержания. Бавужаву пришлось заниматься грабежами из-за острого недостатка снабжения его отряда². С тех пор за Бавужавом и отрядами «харачинов» закрепился эпитет «бандиты». Эта аттестация широко распространена среди европейских и китайских очевидцев и исследователей (напр., в начале XX в. — В.В. Граве, в начале XXI в. — Х.П. Этвуд). Насколько это верно?

Все познается в сравнении. Бавужав и «харачины» следовали обычной практике того времени разных странах Центральной и Восточной Азии (в том числе в Китае). То, что известно как грабеж людьми Бавужава продовольствия, фуража и необходимых вещей у китайцев и монголов — обычное дело в партизанских войсках в разных странах, когда партизаны живут за счет добровольного снабжения и(или) реквизиций у местного населения.

Нехватка ресурсов для содержания отрядов «харачинов» наложилась на «традицию» разбоев, широко распространившуюся во Внутренней Монголии в начале XX в. вследствие цинской «новой политики», а также на вербовку в повстанческие отряды маргинальных элементов разных национальностей. «Харачины»

¹ АВПРФ, ф. РМ, оп. 7, папка 117, д. 35, л. 108–129; ф. Консульство СССР в Маньчжурии, оп. 1, папка 3, д. 37, л. 150–168.

² Лонжид, 2011, с. 149.

занимались масштабным изъятием скота, в ряде случаев — другого имущества у населения (в основном, это имело место после гибели Бавужава).

Истоки этого следует искать в контексте традиций того времени. Так, разъезды цинских чиновников по монгольским землям были связаны с не менее масштабными изъятиями. Например, поездки улясутайского цзяньцзюня по Внешней Монголии сопровождались массовым (частично узаконенным) обиранием монголов в пользу него и его сопровождающих. Перед падением Цинской династии поборы и грабежи стали обычной практикой. После падения этой династии в независимой, а затем автономной Монголии солдат должно было кормить местное население. Это было обременительно, и в ряде случаев местные правители просили отозвать войска, присланные для защиты их края. В Китайской республике обычным делом были грабежи населения солдатами в случае неполучения ими жалованья. Действия китайских войск во Внутренней Монголии сопровождались массовыми грабежами и убийствами монгольского населения. В России в период Гражданской войны масштабными реквизициями имущества (фактически, грабежами) занимались и белые, и красные. ЧК считалась организацией не только карательной, но и мародерской¹. Намного масштабнее были государственные конфискации собственности «эксплуататоров» в СССР, КНР и МНР.

Итак, монгольские повстанцы («харачины») следовали обычаям своего времени. От грабителей они отличались не меньше, чем занимавшиеся тем же представители ряда властных (в том числе государственных) структур. Монгольские повстанцы имели идеологию и цели, направленные на строительство государства и освобождение своей родины от оккупации. Обозначать их как банды грабителей некорректно. Следует также отметить, что все боевые действия «харачинов» шли только на монгольских землях и были направлены против китайских войск, чиновников и колонистов. Ни при Бавужаве, ни после его гибели «харачины» не нападали на «собственно Китай». Их действия следует рассматривать как борьбу с колонизаторами Монголии, а не как грабеж Китая.

Политику правительства Богдо-гэгэна VIII в отношении Бавужава следует считать гибкой и в целом успешной: под давлением Китая и России это правительство неоднократно давало указания Бавужаву покинуть Внешнюю Монголию и в итоге сумело добиться его ухода в Баргу без применения силовых методов. Более того, некоторое время оно оказывало ему некоторую материальную помощь.

Последний шанс избежать китаизации Барги и Внутренней Монголии Бавужав видел в возрождении при помощи японцев маньчжурской монархии, при которой (за исключением части периода правления регентши Цыси) китайская колонизация Монголии была запрещена. Однако его монархические надежды потерпели крах.

Бавужав погиб в бою. Однако харачинский вопрос не был решен. Действия повстанческих отрядов продолжались, но претерпевали трансформацию. С надеждой на восстановление Цинской династии, с желанием отстранить от власти

¹ Тепляков, 2007, с. 68.

в Барге чиновников из даурского меньшинства, проводивших конъюнктурную и в ряде случаев прокитайскую политику было связано взятие монгольскими повстанцами Хайлара и установление их контроля над значительной частью Барги в 1917 г. С удалением монгольских повстанцев из Барги в 1917 г. харачинский вопрос вновь не был решен. Провал проектов реставрации Цинской династии в 1916 и 1917 гг. внес раскол в их среду, многие из повстанцев перешли на китайскую службу. Однако некоторые из них увидели новые возможности в переходе в войска атамана Г.М. Семёнова и барона Р.Ф. Унгерна, в особенности — в войска панмонголистов. Барга стала одним перевалочным пунктом в их формировании, одним из плацдармов белых в Гражданской войне в Забайкалье, а позже — бело-повстанческого движения.

Ослабление России вследствие обеих революций 1917 г. и Гражданской войны стало главной причиной того, что Китай в нарушение международного права отменил (по сходным схемам) соглашения 1915 г. с Россией, обеспечивавшие автономный статус Внешней Монголии и Барги. В обе страны были введены китайские войска. Для Внешней Монголии как предлог использовалась и мнимая угроза со стороны панмонголистов.

На панмонголизме, имевшем прямое отношение к баргинскому и харачинскому вопросам, надо кратко остановиться. Под этим термином неточно понимать лишь то, что известно как панмонгольское движение в XX в. Термин «панмонголизм» применим к нескольким существенно различающимся понятиям. Самое раннее из них — идея интеграции всех монгольских этносов в единое государство. Парадоксальным образом именно эта идея стала главной причиной дезинтеграции исторической Монголии — вследствие феодальной розни и частых войн ее правителей, боровшихся за первенство. Подчинение большинства монголов маньчжурской династии Айсинь Гьоро символизировало идею реинтеграции монголов под властью Богдо-хана (великого, или священного хана) — титул, поднесенный маньчжурским ханам (императорам) именно монголами. Через много лет, в период коллапса империи Цин, этот титул монголы поднесли (точнее, передали) Богдо-гэгэну Джебцундамба-хутухте VIII — опять же, в соответствии с монгольскими традициями. Это был своего рода «перенос империи». Новый Богдо-хан объявил о вхождении в свое государство всех монгольских земель империи Цин. Такая концепция панмонголизма не была реализована: в 1915 г. монголы были вынуждены согласиться с тем, что их государственность будет ограничена лишь Внешней Монголией. Правда, Богдо-гэгэн VIII говорил, что такое ограничение считает временным — пока не сложатся подходящие условия. В 1919 г. он справедливо счел, что эти условия еще не сложились, и не присоединился к панмонгольскому движению.

Панмонгольскими идеями руководствовались и монгольские повстанцы («харачины»). Сначала это была идея независимого Монгольского государства, провозглашенного в 1911 г., затем интеграция монгольских земель под властью маньчжурского императора. К этому была близка концепция барона Р.Ф. Унгерна, стремившегося, фактически, к восстановлению империи Чингис-хана. Первым

этапом его плана было восстановление власти монгольского Богдо-хана, следующим — восстановление высшей власти маньчжурского императора как наиболее реального претендента на великоханскую власть в восстанавливаемой империи.

Параллельно этому, на рубеже XIX–XX вв., развивались панмонгольские идеи в среде бурятской национальной интеллигенции. Здесь начальной основой был «культурный панмонголизм», рассматривавший бурят как компонент монгольского мира. В 1917–1918 гг. деятельность Бурнацкова – Бурнардумы способствовала проявлению бурятской этничности в рамках проекта автономии¹. После того как в Забайкалье установилась власть атамана Г.М. Семёнова и он стал продвигать панмонгольское движение как инструмент создания общемонгольского государства, бурятские национал-демократы присоединились к этому проекту, но с оговорками. Нет доказательств, что панмонгольское движение было инспирировано и поддерживалось Японией. Еще царская дипломатия отмечала двойственность политики Японии в Китае².

Барга, вынужденная балансировать между Китаем и российскими белыми, не присоединилась открыто к панмонгольскому движению. Но баргуты симпатизировали панмонголизму. Некоторые баргинские чиновники принимали участие в деятельности панмонголистов.

Участники панмонгольского движения не имели единой политической концепции, что стало одной из причин их поражения. Бурятские национал-демократы стремились объединить Бурятию с Внешней и Внутренней Монголией в демократическую республику, а внутренние монголы («харачины») — восстановить маньчжурскую монархию. При установлении власти большевиков один из участников панмонгольского движения от бурят — Э.-Д. Ринчино — стал разъяснять свой панмонголизм как «освобождение» всех монгольских народов от «империализма», феодалов и лам. Такой интеграционистский проект мог быть реализован лишь в рамках «всемирной республики Советов» (которую ставил целью Коминтерн в ранний период), но не в рамках национального государства монголов.

Таким образом, не приходится говорить о панмонголизме в XX в. как о едином идейном течении или политическом проекте. Это была совокупность разных понятий, общим стержнем которых было представление о национально-культурной общности всех монгольских этносов и стремление к их интеграции в той или иной форме.

Панмонгольское движение и участие отряда внутренних монголов («харачинов» или «чахаров») в боевых действиях Азиатской конной дивизии Р.Ф. Унгерна можно считать заключительной фазой харачинского вопроса. Задержавшись на некоторое время в Халхе, этот отряд ушел за ее пределы. С тех пор «харачины»

¹ Курас, 2017, с. 17–25.

² «С одной стороны, проводниками японского влияния являются официальные представители, с другой — параллельно с ними действует аппарат других представителей (финансовых, военных и др.), которые проводят политику, нередко прямо противоположную политике официальных представителей», причем и те, и другие действуют по директивам из Токио (цит. по: Ширендыб, 1960, с. 336–337).

уже не действовали как самостоятельная военная и политическая сила. После образования государства Маньчжурия японцы уже не поддерживали панмонгольские устремления, поскольку эти устремления противоречили концепции единства «пяти национальностей» государства Маньчжурия.

В Барге еще некоторое время продолжались попытки борьбы за автономию в составе Китая. Упразднение автономной области Хулунбуир 1 января 1948 г. и включение ее во Внутреннюю Монголию можно считать знаковым: Барга окончательно утратила собственную автономию. В итоге баргинский вопрос, как и харачинский, был решен в интересах Китая: ни Россия, ни Япония уже не влияли на ситуацию в Барге. Установление власти Мао Цзэдуна над Баргой и Внутренней Монголией можно считать дальнейшим развитием все той же «новой политики», которая не прекращалась и в гоминьдановское время. Эта власть, несмотря на провозглашение автономии Внутренней Монголии, форсировала китаизацию монголов, колонизацию их земель, проводила массовые репрессии и разрушение традиционной культуры. Таким было «окончательное решение» обоих рассматриваемых вопросов (аналоги которому известны в истории).

В целом, политика Российской империи и СССР в отношении Барги имела существенное сходство. Оно состояло в том, что Барга должна разделить участь Северной Маньчжурии. Однако в царское время это означало автономию под покровительством России, имевшей там экономические и политические интересы. В советское время происходил постепенный отказ от этих интересов в связи со стремлением распространить влияние коммунизма на весь Китай — сначала как на важный плацдарм Мировой революции (Коминтерн), затем как на важнейшего союзника СССР в противостоянии с США на Дальнем Востоке. Исторический опыт показал, что царская стратегия была более эффективна. Кроме того, она лучше соответствовала чаяниям баргинцев.

При всех различиях в политических установках баргинцев и «харачинов», сторонников независимости, автономии, реставрации маньчжурской монархии, сторонников консервативных «старых» властей Барги и членов НРПВМ прослеживается то общее, что объединяло их: стремление сохранить как можно большую самостоятельность своей страны от Китая.

Оглавление

Введение	5
Глава 1. Исторические изменения статуса Барги	16
Краткий очерк истории Барги. Предпосылки и возникновение баргинского вопроса	16
Провозглашение независимости Барги и ее вхождение в государство Монголия	27
Русско-китайское соглашение о Барге 1915 г. и его последствия	62
Глава 2. Деятельность Шударга-Батора Бавужава и возникновение харачинского вопроса	68
Харачины и их положение в XIX–XX вв.	68
Бавужав и его деятельность в начальный период борьбы за независимость и объединение Монголии	72
Бавужав против немецких диверсантов	81
Деятельность Бавужава от российско-китайско-монгольских переговоров в Кяхте (1914–1915 гг.) до попытки реставрации маньчжурской династии (1916 г.)	92
Монархическое движение в первые годы после Синьхайской революции ..	115
Попытка реставрации власти маньчжурской династии и гибель Бавужава ..	126
Глава 3. Харачинский вопрос и Барга	151
Положение монгольских повстанцев после гибели Бавужава	151
Взятие Хайлара монгольскими повстанцами	166
Барга под контролем монгольских повстанцев	173
Новая попытка восстановления власти маньчжурской династии	183
Изгнание монгольских повстанцев из Хайлара	193
Уход монгольских повстанцев в Маньчжурию и расформирование их отрядов	207
Глава 4. Баргуты и внутренние монголы в войсках атамана Г.М. Семёнова и барона Р.Ф. Унгерна	219
Переход баргутов и бывших монгольских повстанцев на службу к Г.М. Семёнову и Р.Ф. Унгерну	219
Попытка организации баргинских войск российскими инструкторами	226
Панмонгольское движение	230
Внутренние монголы в войсках Р.Ф. Унгерна во Внешней Монголии	246
Глава 5. Упразднение автономии Барги	257
Борьба за власть в Барге после изгнания монгольских повстанцев	257
Последние годы особого статуса Барги	260
Глава 6. Харачинский и баргинский вопросы после 1920 г.	276
Внутреннее положение Барги в составе Китайской республики	276

Белые в Барге	282
Китайские планы захвата Внешней Монголии	295
Революционизирование национального движения в Барге	297
Баргинское восстание 1928 г. и его последствия	308
Барга и конфликт на КВЖД в 1929 г.	350
Барга в государстве Маньчжурия	359
Барга и харачины в Китайской республике и КНР	384
Заключение	397